

А. В. ИВАНОВ

МЕТАЯЗЫК
ФОНЕТИКИ И МЕТРИКИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА»

А.В. Иванов

МЕТАЯЗЫК
ФОНЕТИКИ И МЕТРИКИ

Монография

Архангельск
Поморский университет
2004

**УДК 81.342
ББК 81.01+81.034
И 20**

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор Северодвинского филиала ПГУ имени М. В. Ломоносова **А.А. Камалов**;

доктор филологических наук, профессор Архангельского государственного технического университета **А.А. Худяков**;

кандидат филологических наук, доцент Северодвинского филиала Санкт-Петербургского государственного морского технического университета «Севмашвтуз» **Т.Г. Попова**

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Поморского университета*

Иванов А.В.

И 20 Метаязык фонетики и метрики: Монография. — Архангельск: Поморский государственный университет, 2004. — 342 с.

ISBN 5-88086-426-X

Монография посвящена исследованию метаязыка фонетики и метрики на терминологическом материале латинского, древнегреческого, русского, английского, немецкого и французского языков, вошедшем в шестиязычный «Словарь фонетико-метрической терминологии», подготовленный к печати автором настоящей работы. Необходимость комплексного анализа терминологии этих двух научных дисциплин обусловлена общностью их происхождения, общим характером их теоретической и прикладной направленности, единым инвентарём терминологических средств.

Исследование фонетико-метрической терминологии проводится в диахроническом, системном, структурно-семантическом и лексикографическом аспектах.

Книга рассчитана на интересующихся проблемами метаязыка, терминологической номинации и терминообразования в сфере лингвистики.

**УДК 81.342
ББК 81.01+81.034**

ISBN 5-88086-426-X

© Иванов А.В., 2004
© Поморский университет, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография посвящена исследованию метаязыкового пространства фонетики и метрики. Необходимость комплексного анализа метаязыка этих двух научных дисциплин обусловлена общностью их происхождения, общим характером их теоретической и прикладной направленности, единым инвентарём терминологических средств. Материалом исследования служат латинские, древнегреческие, русские, английские, немецкие и французские термины фонетики и метрики, вошедшие в шестиязычный «Словарь фонетико-метрической терминологии», подготовленный к печати автором настоящей работы.

Интерес к терминологии восходит ещё к временам античности. Древние говорили: «*Ignoratis terminis artis, ignoratur et ars*»¹, подчёркивая тем самым важность изучения терминологического аппарата науки, без знания которого невозможно усвоение её базовых положений. В наши дни исследование терминологии представляет интерес как с позиций осмыслиения процессов терминообразования, так и с практической точки зрения, ибо оно предполагает решение задач, «связанных с упорядочением терминосистем, стандартизацией терминов, с необходимостью переиздания существующих терминологических словарей, справочников, перечней и т.д.» [ПОТАПОВА, 2001: 289].

Метаязык лингвистики представляет собой сложный, многосоставный пласт языка, ориентированный на выполнение ряда прикладных задач, стоящих перед лингвистикой как наукой. Он включает, помимо единиц общенаучной лексики, номенклатурные знаки-номены, число которых необозримо велико и с трудом поддаётся систематизации, а также терминологию, представляющую собой стержень всякого функционально ориентированного формализованного языка, обслуживающего потребности соответствующей отрасли науки. Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что изучение ме-

¹ «Если терминология данного предмета неизвестна, неизвестен и сам этот предмет» (*лат.*).

таязыка научной отрасли начинается с анализа и систематизации терминологии и заканчивается её унификацией и стандартизацией. Практическим результатом такой работы являются одно- или многоязычные отраслевые словари специальных терминов, ориентированные на достижение различных целей: презентацию базового терминологического корпуса какого-либо отдела науки или же изложение основных положений этой науки через дефинирование понятий, номинируемых посредством терминологии.

Полемика среди лингвистов, связанная с проблемой унификации и стандартизации языка лингвистики, имеет давнюю историю и представлена целым спектром точек зрения на саму возможность унификации лингвотерминологии, зачастую совершенно полярных. На начальном этапе становления лингвистики как науки в части формирования её терминологического аппарата преобладал прескриптивный подход, в рамках которого, как тогда казалось, можно совместить применяемую терминологию с универсальным набором понятий по принципу «один к одному», тем более что элементарные понятия и их лексико-терминологические эквиваленты были разработаны ещё во времена античности. Позднее, когда бурный рост знаний о языке привёл к появлению множества новых понятий и терминов, вводимых приверженцами различных лингвистических направлений и школ, повсеместно укрепилось мнение о практической невозможности унификации терминологии языкоznания как в целом, так и в какой-либо его части. Преобладающей стала точка зрения дескриптивистов, полагавших наиболее рациональным способом решения терминологической проблемы фиксирование и описание уже имеющейся терминологической базы. В практическом плане такой подход предопределил появление целого ряда словарей лингвистических терминов, объектом описания в которых явились терминологические обозначения, во множестве встречающиеся в лингвистической литературе.

В настоящее время в развитии терминологии языкоznания достаточно чётко просматриваются две тенденции: 1) неуклонный рост числа новых терминов, связанный с появлением не существовавших ранее направлений в лингвистике, и 2) расширение количества и объёма понятий, выражаемых через посредство уже существующих терминов. Обе эти тенденции, будучи реализованы на практике, приводят к появлению большого количества терминов-дублетов (материалный результат неконтролируемого терминотворчества учёных-лингвистов), непоследовательности в употреблении уже существующей терминологии.

Выход из ситуации, сложившейся в сфере лингвистического терминообразования и терминопользования, видится, на наш взгляд, в поиске таких путей, следование которым позволило бы доказательно обосновать принципиальную возможность унификации и стандартизации терминологического массива, применяемого не только в русском, но – шире – и в европейском языкоznании.

Теоретическая актуальность данной работы определяется тем, что до сих пор ещё остаются недостаточно разработанными вопросы, связанные со сравнительно-сопоставительным изучением лингвистических терминосистем. В первую очередь это касается проблем терминологической номинации и терминообразования в сфере отечественной и зарубежной лингвистики. В более широком смысле можно говорить и о недостаточной изученности всей метаязыковой лингвистической сферы, исследование которой не может ограничи-

ваться только собственно терминологией языкоznания, но должно включать также вопросы глобального характера, как-то: установление лингвистического статуса метаязыка лингвистики, выявление его онтологических и иных особенностей, анализ взаимоотношений метаязыка и языка-объекта, определение дальнейших путей развития и перспектив метаязыка и т.д.²

Между тем, анализ существующей научной литературы по интересующему нас кругу вопросов свидетельствует об отсутствии среди лингвистов единого мнения о том, что, каким образом и с применением какой методической базы следует изучать и систематизировать в первую очередь. Такое положение дел на практике приводит к тому, что появляющиеся работы носят разрозненный, несистемный характер, ограничиваясь описанием отдельных групп терминов, отобранных по принципу равной предметной отнесённости, изучением единичных фактов, связанных с онтологией и функционированием терминологической лексики. Публикуемые исследования содержат большое количество типологических данных, не обобщённых и не проанализированных в полной мере.

На фоне ситуации, сложившейся в сфере сопоставительного изучения разноязычной лингвистической терминологии, всё более очевидной становится необходимость реализации комплексного подхода, заключающегося в параллельном многоаспектном анализе лингвотерминосистем. Подобный подход обусловлен в первую очередь потребностями информационного поиска, необходимостью создания общей многоязычной лингвотерминологической базы, выполняющей словарно-справочные функции и организованной по типу уже существующих терминологических банков данных (ТБД), которые содержат стандартизированную терминологию различных областей науки и техники³. С другой стороны, данный подход может быть с достаточной эффективностью применён при создании научно обоснованных методик, на базе которых должна производиться качественная подготовка специалистов в сфере лингвистики.

В русле обозначенного подхода было впервые предпринято всестороннее описание части лингвистической терминологии (фонетика и метрика) в диахроническом, системном, структурно-семантическом и лексикографическом аспектах с привлечением терминологического материала шести европейских языков: латинского, древнегреческого, русского, английского, немецкого и французского, что позволило детально изучить внутренние и внешние отношения в структурах разноязычных лингвистических терминосистем, глубже проникнуть в сущность специфики лингвотерминосистемы каждого конкретного языка, установить системные и структурно-семантические корреляции терминов сопоставляемых языков, внести определённый вклад в создание адекватного лингвотерминологического обеспечения для многоязычного банка данных, т.е. в известной степени удовлетворить насущные потребности лингвистики.

Наряду с многоаспектным анализом терминов фонетики и метрики

² Решение этих проблем напрямую связано с общей оценкой современного состояния лингвистики как науки, с потребностями формирования единой научной и методологической базы среди множества существующих лингвистических теорий и направлений, с необходимостью выявления «некоего глубинного сходства в понимании языка и закономерностей его организации» [КУБРЯКОВА, 1995: 146].

³ См. подробнее о ТБД в [БЕЛЯЕВА и др., 1996].

была завершена подготовка к изданию прикладного продукта – уже упоминавшегося выше «Словаря фонетико-метрической терминологии», в котором с применением средств лексикографии были практически реализованы результаты проведённого исследования.

Автор считает своим долгом выразить искреннюю признательность и благодарность рецензентам монографии – доктору филологических наук, профессору А.А. Камаловой (Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова), доктору филологических наук, профессору А.А. Худякову (Архангельский государственный технический университет), кандидату филологических наук, доценту Т.Г. Поповой (Филиал Санкт-Петербургского государственного морского технического университета в г. Северодвинске «Севмаштуз») за ценные советы и замечания, высказанные ими при ознакомлении с рукописью книги.

Автор будет также благодарен читателям за все конструктивные предложения и советы, касающиеся содержания книги (e-mail: holzmann@atnet.ru).

ГЛАВА I. Лингвистический статус метаязыка в современном языкоznании

1.1. Определение понятия и структуры метаязыка лингвистики. Принятые термины

Прежде чем говорить о лингвистическом статусе метаязыка, его месте и роли в системе функциональных типов естественного языка, необходимо сказать несколько слов о терминологии, принятой в этой отрасли научного знания. В отношении базовых понятий, обслуживающих собственно металингвистику и теорию метаязыка, не наблюдается полного терминологического единства. К примеру, существует целый синонимический терминологический ряд, номинирующий язык-объект, и представлен он такими терминологическими единицами, как *язык-объект, объектный язык, предметный язык, описываемый язык, конкретный язык, общий язык, естественный язык*⁴. Сопоставляемая этому ряду или противопоставляемая ему терминология, номинирующая метаязык как особую, специфически ориентированную разновидность языка, представлена терминами *метаязык, язык описания, формальный язык, формализованный язык, функциональный язык, искусственный язык, символический язык, кодовый язык, вспомогательный язык*.

Внутри второго синонимического ряда встречается термин *функциональный язык*, который, с одной стороны, номинирует в некоторых работах язык описания, а с другой – ставит его в один ряд с языками для специальных целей, которые «представляют собой средство общения в каждой из специальных сфер» и противопоставляются, с одной стороны, той разновидности языка, которая используется в неспециальных сферах общественных отношений, т.е. естественному языку, а с другой – искусственноому языку, т.е. метаязыку [ЛЕЙЧИК, 1986^b: 31-32].

Функциональный язык, если под ним понимается язык для специальных целей, представляет собой самостоятельную функциональную разновидность (тип) естественного языка [ДАНИЛЕНКО, 1976: 65, 71], обслуживающую в концептуальном плане специальные сферы общественных отношений, т.е. производственно-экономическую сферу (сферу материальных общественных отношений), сферу управления и менеджмента, сферу здравоохранения и медицины, сферу спорта, сферу науки. Основными номинативными классами в структуре языка для специальных целей признаются нарицательные имена (включающие термины и общенаучную лексику), номенклатурные единицы и собственные имена, «с помощью которых обозначаются различные предметы (соответственно классы предметов, части классов и отдельные предметы) и выражаются различные понятия (соответственно, всеобщие, частные и единичные понятия)» [ЛЕЙЧИК, 1982: 18].

С точки зрения структуры метаязык до известной степени схож с языком

⁴ Последний указываемый в этом ряду термин не случайно замыкает терминологический ряд, так как вызывает к себе неоднозначное отношение со стороны лингвистов. В.И. Абаев соотносит выражение «естественный язык» применительно к человеку с языком *биологическим*, т.е. со способностью индивида вообще издавать членораздельные звуки, отмечая, что «надо быть крайне неразборчивым в употреблении терминов, чтобы языки Гомера, Фирдоуси, Данте, Шекспира, Пушкина называть «естественными», т.е. явлением биологического уровня...» [АБАЕВ, 1976: 76]. Здесь и в дальнейшем мы пользуемся данным термином, не соотнося его с биологической способностью человека к говорению.

для специальных целей, причём сравнение в структурном плане влечёт за собой выявление различий в объёме выражаемых этими языками понятий: метаязык каждой конкретной научной сферы, не включая в свой состав профессионализмов, сленгизмов и прочей маркированной лексики, очевидно, будет находиться в подчинённом положении по отношению к языку науки в целом как к языку для специальных целей, т.е. относиться к нему так же, как часть относится к целому.

По месту своего приложения метаязык и язык для специальных целей также обнаруживают сходные черты, так как предназначены для применения в какой-либо ограниченной сфере человеческой деятельности, но их функциональная направленность и связанные с нею особенности функционирования этих языков различны: язык для специальных целей, сохраняя основные признаки, присущие естественному языку, выполняет среди прочего коммуникативную функцию, служа средством общения в узкопрофессиональной сфере (собственно, он и трактуется как функциональный тип общелитературного языка); основная же функция метаязыка состоит в интерпретации языковых образований или денотатов языка-объекта (фонем, морфем, слов, синтаксических единиц, текста) с помощью специальных средств (см. подробнее о функциональных особенностях метаязыка в § 1.3.). В свете сказанного выше, попытки придать метаязыку статус функционального языка едва ли можно признать корректными.

Причина, по которой лингвистика, как и любая другая научная дисциплина, на известном этапе своего развития начинает нуждаться в метаязыке, состоит в том, что в ходе своей эволюции накопленное ею научное знание, достигнув определённой стадии зрелости, ищет знаковую систему, язык своего выражения. А.С. Герд отмечает, что существуют и различаются между собой разные формы знакового представления научного знания: «1) сам код, язык для записи содержания знания в виде символов, слов, словосочетаний, предложений, знаков их связи и т.п.; 2) различные типы текстов, в которых находит своё оформление научное знание в том или ином языке; 3) логико-понятийная система знания; 4) терминосистема» [ГЕРД, 1993: 30].

В современном языкоznании метаязык, соответствующий в классификации А.С. Герда основной форме знакового представления научных знаний, трактуется как «язык «второго порядка», т.е. такой язык, на котором говорят о языке-объекте; язык, объектом которого является содержание и выражение другого языка» [Гвишиани, 1983: 64; 1990: 297; Руднев, 1997; Васильева, 1998: 560; Лагута, 2000; Матвеева, 2003: 151; Ахманова, 2004: 232, и др.]⁵.

⁵ Здесь необходимо сделать оговорку, что в последние годы применение термина *метаязык* привело к концептуальной полисемии, разрушившей его однозначность. В частности, этот термин широко применяется в современной семасиологической теории семантических примитивов, разработанной А. Вежбицкой, и трактуется как специальный язык семантического описания искусственного или естественного происхождения. Такое его понимание не имеет отношения к метаязыку как к объекту нашего исследования.

Собственно, и сам Р.О. Якобсон, предложивший термины *метаязык* и *метаязыковая функция*, придавал им несколько иной смысл, нежели тот, которым позднее их наделили лингвисты. По Р.О. Якобсону, метаязык связывается с формированием речевых навыков у ребенка и выражается в способности ребенка сопоставлять языковые факты и уметь говорить о самом языке [ЯКОБСОН, 1985: 316].

Помимо отмечаемой полисемии, термин *метаязык* иногда употребляется как синоним *метаречи*, т.е. метаязыкового или металингвистического дискурса, который в функциональном аспекте является организующим стержнем письменной научной ком-

В «Словаре американской лингвистической терминологии» Э. Хэмпа метаязык без особых на то оснований сводится к лингвистической терминосистеме (совокупность терминов, целью которых является «сделать исследовательскую технику наглядной, с тем, чтобы мы могли не только говорить о языке, но также говорить и о том, как мы говорим о языке») [ХЭМП, 1964: 110].

Однако понятия терминосистемы и метаязыка не являются тождественными [БАРАНОВ, 2001: 89; КУЛИКОВА, САЛМИНА, 2002: 16; АХМАНОВА, 2004: 5 и др.]. Метаязык языкоznания, для которого, выражаясь словами О.С. Ахмановой, характерно «лингвистическое употребление в широком смысле этого слова» [АХМАНОВА, 2004: 5], вбирает в себя терминологию, формирующую терминосистемы отделов лингвистики, внутри которых существует множество лингвистических направлений, а также иные слои лексики, не входящие в терминосистемы отделов лингвистики: номенклатурные знаки-номены как «организованные системы частных понятий» [ЛЕЙЧИК, 1986^a: 92], общенаучную лексику как «особый разряд языковых средств, реализующих функцию передачи «интеллектуальной» информации» [Гвишиани, 1983: 66]. Терминологическая система является, таким образом, основой построения метаязыка, что, собственно, и позволяет различать описываемый язык и язык описания.

Схематически номинативные классы в структуре метаязыка лингвистики и место терминосистемы в этой структуре можно представить следующим образом:

Эта схема может выглядеть несколько иначе, будучи всего лишь элементом более сложной таксономической схемы, если учесть, что метаязык языкоznания представляет собой, по сути, совокупность метаязыков различных лингвистик. Количество существующих сегодня лингвистических направлений, возникших и возникающих на волне центробежных тенденций в языкоznании, трудно подсчитать. В этот объёмный перечень входят интерлингвистика, лингвистика антропологическая, лингвистика генеративная, лингвистика когнитив-

муникации (ср.: [ГАК, 2001: 8]). Лингвистический статус и структурно-семантические особенности метаречи также не входят в круг обсуждаемых здесь вопросов.

ная, лингвистика компьютерная (вычислительная, машинная, инженерная), лингвистика контрастивная, лингвистика математическая, лингвистика текста, нейролингвистика, прагмалингвистика, психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика. В рамках каждой из них, как замечает И.П. Сусов, «различаются многие подходы, так что приходится, например, говорить о целом ряде лингвистик текста, прагмалингвистик, психолингвистик и т.п.» [Сусов, 1998]. Многообразие подходов и точек зрения неизбежно приводит к формированию собственного метаязыка внутри практически каждого направления в лингвистике. По словам О.С. Ахмановой, «метаязык лингвистики проявляет тенденцию распадаться на диалекты и даже идиолекты, причём некоторые из возникающих таким образом метадиалектов очень быстро приобретают незаслуженно большой престиж» [АХМАНОВА, 2004: 4; 1977: 41]. Как следствие этого, в лингвистической литературе появляются утверждения типа «центром развития лингвистической мысли во второй половине XX в. стали США» и т.п. Отдавая должное американским (и прочим) языковедам в деле развития науки о языке, нельзя не отметить, что параллельно не менее важные с точки зрения лингвистической теории и методологии исследования велись также в Европе и России (Советском Союзе). Изложенную выше точку зрения О.С. Ахмановой на существующие тенденции развития метаязыка языкоизнания разделяет В.А. Звегинцев, отмечая «бесспорную склонность лингвистов к объяснению друг с другом на научных идиолектах» с применением терминологии, значительная часть которой не является предметом общего согласия в лингвистической среде [ЗВЕГИНЦЕВ, 1964: 6]. Хотя речь здесь идёт об особенностях формирования метаязыка американской лингвистической традиции, это замечание, очевидно, носит общий характер⁶.

⁶ Примеры терминологии эмического ряда, относительно которых, как нам представляется, едва ли будет достигнуто «общее согласие»: *аббревема* (т.е. «аббревиатурный коррелят», «аббревиатурное производное»), *аббревемия* (т.е. «процесс образования от аббревиатурных единиц») [ЛИПАТОВ, 1995: 315]. Хотя терминология эмического ряда действительно широко распространена в современной лингвистике и доказала свою жизнеспособность и «удобность» благодаря тому, что является «прозрачной и не поддаётся коррелированию», к любому новообразуемому термину непременно должно применяться требование быть благозвучным (фоноэстетичным) и не вызывать ненужных ассоциаций с фонетическим обликом других слов, в том числе и нетерминов, на чём, собственно, настаивает и сам автор приводимых в качестве примера терминов.

На другой пример не слишком удачного терминотворчества, который едва ли получит «путевку в жизнь», указывают И.С.Куликова и Д.В. Салмина: термин *тароним*, которым предлагается заменить широко распространённый термин *пароним* ([Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы. М., 1997]). Предлагаемый термин, помимо собственно паронимов в их общепринятом понимании (т.е. как близких по звуковому составу, но разных по смыслу слов), обозначает также целый ряд лексических и фразеологических единиц, характеризующихся формальной, семантической или тематической смежностью, т.е., по сути, любых смешивающихся в речи, конкурирующих между собой, заменяющих друг друга слов, например, «аншлаг – заголовок», «дата – число» и т.п. [КУЛИКОВА, САЛМИНА, 2002: 117-118]. Причинами невключения предлагаемого термина в ряд общеупотребительных в этом случае является смешение термина *тароним* в формальном аспекте с другим уже существующим термином *пароним*, а также расплывчатость классифицирующего признака, на основании которого выделяется такой класс лексико-фразеологических единиц.

1.2. К проблеме онтологических признаков метаязыка лингвистики

Анализ лингвистической литературы по исследуемой проблеме позволяет выявить следующие характерные особенности метаязыка лингвистики как средства, предназначенного для описания естественного языка:

1) Системность метаязыка. Метаязык рассматривается как независимая структура, элементы которой также оказываются независимыми друг от друга, но связанными между собой. Элементы метаязыка характеризуются упорядоченностью и организованностью и представляют собой единое концептуальное целое. Собственно, метаязык и строится как система терминов, причём, «чем строже эта система, тем научнее дисциплина, которая пользуется этой системой» [Руднев, 1997, и др.]. Из этой особенности метаязыка вытекает требование единства системы понятий в языке описания.

2) Формализованность структуры метаязыка, понимаемого как конвенциональная, искусственная система знаков, с помощью которой интерпретируются феномены окружающей действительности [TARSKI, 1944; Звегинцев, 1962: 51-52; ОЯ, 1970: 98; Гвишиани, 1990: 297 и др.]. В.Н. Ярцева отмечает двоякий характер формализации языка: «с одной стороны, это – наложение на язык формальной и потому неизбежно упрощённой (недетализированной) схемы, с другой – оперирование абстракциями, возникающими из обобщения таких лингвистических понятий, как форма слова, форма словосочетания, форма предложения, с целью создания некоторого минимума простых (не сложных) символов (операторов) и процедур, с помощью которых даются однозначные описания языка на любом его уровне» [ЯРЦЕВА, 1977: 29-30].

Признак формализованности структуры определяем прежде всего у метаязыков естественных наук, прибегающих в основном к неверbalным средствам передачи научной информации, которые включают различные формальные системы обозначений. Этим объясняется «дистанция огромного размера» между объектом изучения естественных наук и средствами описания его свойств и признаков. Однако в этих науках применение кодовых языков представляется логически целесообразным и подчас является единственной формой представления научного знания. Это позволяет говорить о том, что формализованность метаязыка естественной науки является её необходимым имманентным признаком, без которого невозможно представить ни её базисных положений, ни результатов её практической деятельности.

Формализация метаязыка может иметь место и на уровне естественных языковых систем (например, метаязык лингвистической семантики). Конкретные языки до известного момента развивались без формализованных метаязыков, и лишь на определённой стадии потребовалось их подробное описание и регулирование. Так появились метаязыки языковых систем, находящие своё выражение прежде всего в таких своих ведущих формах, как грамматики дескриптивного типа, содержащие правила трансформаций слов, и словари [Соломоник, 1995: 174-175].

Формализация естественнонаучного типа применительно к метаязыку лингвистики, неотделимому от первичных реальных объектов языковой действительности как отправного пункта исследования, допустима лишь в случаях, когда налицо имеются очевидные преимущества такой презентации языка-объекта. [Гвишиани, 1983: 65, 71]. Такие преимущества могут быть выявлены и показаны, скажем, на примере применения метаметаязыков при создании лингвистических тезаурусов, в которых используются способы формализованной презентации лингвистической терминологии (см. «Тезаурус по теоретической

и прикладной лингвистике» [Никитина, 1978]).

3) Искусственность метаязыка. Она рассматривается как признак прежде всего знаковых языков [ГОЛОВАНОВА, 2003: 27], основывающихся на логико-математических моделях, и представляется категорией относительной, поскольку проявляется в стремлении метаязыка к непротиворечивости и внутреннему совершенству, что обычно свойственно всем информационным системам, в том числе и тем, которые построены на базе естественного языка.

4) Однозначность элементов структуры метаязыка, обусловливающая необходимость дать точное, приложимое к какому-либо одному конкретному языковому явлению определение или описание («значение»), устанавливаемое положением данного элемента в структуре [ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 51–52; см. тж. ОЯ, 1970: 110]. Причём «описание в целом, согласно требованию однозначности, также должно интерпретироваться одним и только одним способом» [НЕСТЕРОВ, 1999].

5) Ограниченная функциональная направленность метаязыка, так как метаязыки «ориентированы на выполнение определённых и ограниченных целей <...> и не способны выполнять тех разносторонних и чрезвычайно ответственных функций, какие осуществляют «конкретные» языки» [ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 52].

6) Эталонность метаязыка, выражаясь в идеальном (по возможности) характере «системы признаков и правил» (Г. Хельбиг), разработанной специально для целей того или иного вида анализа [ФЕФИЛОВ, 1998]. Данная особенность носит, правда, относительный характер, поскольку идеальность как признак не свойственна ни одной метаязыковой структуре, разработанной человеком на основе известных ему понятийных систем. Не случайно поэтому Л. Витгенштейн заметил, что говорить на идеальном языке – это всё равно, чтоходить по идеально гладкому льду [Витгенштейн, 1994, I: § 107].

7) Абстрактность как метаязыка в целом, так и элементов его структуры, в частности. Метазнакам лингвистики свойственна высокая степень абстрактности, как вообще терминологии, формирующей метаязык какой-либо науки. Абстрактность лингвистической терминологии основывается на идеализации единиц терминосистемы, так как денотативный слой значения у них практически пуст и не соотносится в человеческом сознании с конкретными образами [КОБОЗЕВА, 2000: 84–85]. С другой стороны, необходимо учитывать, что лингвисты оперируют реальными языковыми явлениями, имеющими, как принято говорить, предметно-материальную основу. Это обстоятельство представляется существенным для обоснования знаковых характеристик метаязыка лингвистики, ибо составляющая его терминология, не находящая материального подтверждения в языковой реальности, не может составить метаязыка лингвистической науки [Гвишиани, 1983: 71]. Оба утверждения, однако, принципиально не противоречат друг другу, так как речь идёт о различных уровнях абстракции и материальности: с одной стороны – языковое явление, ассоциируемое в сознании индивида с некоей формой (или формами) и функцией (или набором функций), и термин, номинирующий данное явление или понятие, но вызывающий в сознании индивида абстрактный образ лингвистического феномена, наделённого набором качеств, реализуемых в предметной сфере, с другой стороны – осозаемый материальный объект, ассоциируемый с определённой внешней формой и функцией, и его имя (название), вызывающее в человеческом сознании конкретный образ данного предмета.

8) Универсальность и достаточность метаязыка в рамках того лин-

гистического направления, где он находит своё основное применение. Это свойство метаязыка проявляется в максимальной степени его разработанности, «достаточной гибкости и разнообразии средств выражения» (Н.Б. Гвишиани), чтобы удовлетворять требованиям, предъявляемым к нему как к языку описания в соответствующем отделе языкоznания в данный промежуток времени. Другими словами, «метаязык должен быть настолько богат, чтобы всё, что утверждается в терминах объективного языка, могло быть сказано в метаязыке» [TARSKI, 1944; Налимов, 1979: 58; цит. по: ЕРЕМЕЕВ, 1999: 46–62].

Существует и другая точка зрения на проблему метаязыковой универсальности, согласно которой «в арсенале человеческого знания нет достаточных средств для адекватного описания языка» [Соломоник, 1995: 159]. По этой причине грамматические правила имеют такое большое количество исключений, и если бы имелась возможность сформулировать их все в письменном виде, то это сделало бы невозможным и бессмысленным само применение метаязыка как средства описания естественного языка. В основе этой точки зрения лежит агностический постулат о принципиальной невозможности полного познания человеком окружающей действительности, в том числе и языковой. Однако в пределах уже познанной нами языковой субстанции применение метаязыка возможно и необходимо. Принцип непознаваемости до конца сущности языка косвенно свидетельствует о неограниченных возможностях метаязыка как средства описания этой сущности в будущем по мере роста данных о языке как объекте познания. Описать в конкретных метаязыковых терминах мы можем только то в нашем языке, что уже вошло в круг наших понятий, т.е. то, о чём мы имеем ясно сформированное представление.

9) Открытость метаязыка. Метаязык по существу представляет собой открытую систему понятий, поскольку, как естественный язык не может быть сведён в силу своей непосредственной связи с элементами отражаемой реальности к «закрытой» системе элементов, так и язык его описания также не может быть представлен исключительно как замкнутый (или полностью формализованный) ряд единиц [Гвишиани, 1983: 65]. Можно лишь, на наш взгляд, говорить о двойственности природы метаязыка, сообразно с которой он, с одной стороны, является открытой системой (т.е. имеющей потенции к дальнейшему развитию), с другой – характеризуется формализованностью своей структуры как во многом искусственная знаковая система.

10) Детерминированность метаязыка, проявляющаяся в том, что любой языковой феномен, способный стать объектом научного анализа, должен быть каким-либо образом описан (в терминах метаязыка) [TARSKI, 1944; ЛЕБЕДЕВ, 1998]. Будучи описанными, явления языка-объекта получают онтологический статус и в этом отношении не могут и не должны быть сравнены с чем бы то ни было кроме самих себя. Отсутствие необходимости их описания приводит к неразличению языка как метаязыка определённого уровня и языка как коррелята некоторой внеязыковой сущности [ЛЕБЕДЕВ, 1998].

11) Вариативность (изменчивость) метаязыка, основывающаяся на том, что метаязык, являясь, по сути, неким набором правил, в соответствии с которыми происходит фиксация тех или иных явлений языка-объекта, подвергается со стороны пользователей постоянным попыткам оптимизировать сами правила [ЛЕБЕДЕВ, 1998]. Оптимизация метаязыка представляется неизбежным следствием постоянно меняющихся взглядов на естественный язык, что не может не отражаться на научном словоупотреблении. В связи с этим уместно процитировать О.С. Ахманову, которая отмечала в предисловии к «Словарю

лингвистических терминов»: «...если сопоставить работы одного и того же языковеда, писавшего на одну и ту же тему, скажем, в 30-е, 40-е, 50-е, 60-е гг. текущего столетия, то можно будет легко усмотреть большое различие в употреблявшемся им метаязыке» [АХМАНОВА, 2004: 5]. Такое положение дел, по справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, явно соответствует общей тенденции в развитии науки – постоянному пересмотру её исходных, ключевых понятий, «происходящему не только с целью уточнения понятия, но и для того, чтобы решить вопрос о его применимости и пригодности в новой парадигме знания» [КУБРЯКОВА, 1993: 18; см. тж. КИРИЛЛОВА, 1995: 221].

12) Преемственность (единообразие, конвенциональность) метаязыка как основа последовательных лингвистических действий при описании конкретного языкового явления с опорой на единую терминологию, используемую в предшествующих работах в рамках того или иного лингвистического направления, лингвистической школы и т.п. (ср.: [ФЕФИЛОВ, 1998]). В лингвистической литературе для характеристики метаязыка с точки зрения его единообразия иногда применяется термин инвариантность. Думается, что он не совсем адекватен сути обсуждаемого здесь метаязыкового признака, так как неизбежно приводит к экспликации такой квазиособенности метаязыка, как статичность, которая, на наш взгляд, вовсе не является его имманентным признаком. Статичность метаязыка может проявиться опосредованно только как результат фиксации формирующей его терминосистемы в некой словарной форме в известный момент времени, так как словарь, говоря словами Ю.Д. Апресяна, «это моментальный снимок вечно обновляющегося и находящегося в постоянном движении языка» [АПРЕСЯН, 1993: 8].

Из этой особенности метаязыка вытекает возможность выделения у него контактустанавливающей (фатической) функции, которую следует рассматривать, однако, как рефлексию аналогичной функции естественного языка. Как замечает Н.Б. Гвишиани, «продуктивность научного общения во многом зависит от того, насколько избранный метаязык понятен учёным, разрабатывающим данную область знания, насколько он может способствовать установлению контакта между ними» [Гвишиани, 1983: 64].

13) Социально-национальная ориентированность метаязыка. Данный признак метаязыка непосредственно связан с такой описанной выше особенностью метаязыка, как преемственность или конвенциональность и базируется на так называемой теории переключения кодов или кодового переключения (code-switching), согласно которой «индивиду может быть описан как обладающий некоторым множеством (репертуаром) кодов, каждый из которых соответствует множеству ролевых отношений в контексте множества сфер» [БЕЛЛ, 1980: 145]. Кодовое переключение реализуется через применение лингвистами различных метадиалектов как в рамках одной лингвистической школы или направления, так и через общение между собой представителей разных отечественных и международных лингвистических школ.

14) Психологичность метаязыка, основывающаяся на том, что метаязык неизбежно отражает индивидуальное мировоззрение учёного, т.е. систему его личных представлений о действительности, его методологическую позицию, «поскольку сам выбор тех или иных метаязыковых обозначений (терминов) отражает соответствующую методологию» [Гвишиани, 1983: 67]. Без изучения психологических факторов невозможно понять особенности номинации и продуктивность отдельных её видов [ЛЕЙЧИК, 1982: 130].

15) Фиксированность средствами графики. Терминология любого

метаязыка как языка особого типа должна быть закреплена в письменной форме. Первичная форма письменного выражения предполагает фиксированность метазнаков в научно-теоретических лингвистических работах, вторичная – в лексикографических источниках и учебниках.

Согласно принятой точке зрения, метаязык обслуживающий языковую систему, реализуется как в устной, так и в письменной форме [СОЛОМОНИК, 1995: 167]. Однако метаязыковое высказывание, реализованное в устной форме, едва ли может являться полноправным инструментарием метаязыка (не метаречи) и быть тем или иным образом нормированным, не будучи предварительно зафиксировано средствами письма (ср.: [ИВАНОВА, 2003: 237])⁷.

1.3. Функции языка-объекта и метаязыка

Проблеме изучения языковых функций посвящена обширная литература, отражающая различные подходы и точки зрения лингвистов по этому вопросу. В основе большинства функциональных классификаций лежит двоякое понимание языка: 1) как инструмента, выполняющего общественные функции (т.е. функция общения, взаимодействия членов социума и т.п.), и 2) как инструмента, применяемого для решения собственно языковых задач.

В подходе к языку как к инструменту общения никакого, даже видимого, единства у лингвистов не существует. С одной стороны, утверждается, что язык монофункционален (Г.В. Колшанский), т.е. выполняет только коммуникативную функцию (прочие функции являются разновидностями коммуникативной и выступают как однопорядковые), с другой – количество выделяемых функций языка и функций единиц языка доходит до двадцати пяти (см. в [СЛЮСАРЕВА, 1981]). Между этими полярными классификациями располагается большая часть предлагаемых языковедами и логиками функциональных классификаций, основанных на различных принципах, например: символическая, симптоматическая, сигнальная функции [КЛАУС, 1967: 72], когнитивная, оценочная, аффективная функции [БЕЛЛ, 1980: 114], коммуникативная, экспрессивная, эстетическая функции [МАРТИНЕ, 1965: 406], экспрессивная, апеллятивная, репрезентативная функции (на основе семиологического принципа) [БЮЛЕР, 1993: 34], номинативная, синтаксическая, прагматическая функции (на основе соответствия функций языка трём аспектам семиотики: номинации, предикации, локации) [СТЕПАНОВ, 1973], общественная, бытовая, художественная функции (на основе соответствия функций языка сферам человеческой деятельности) [ГАК, 1994], эмотивная, конативная, поэтическая, референтивная, фатическая функции (на основе соответствия функций языка компонентам акта речи) [ЯКОВСОН, 1975], коммуникативная, экспрессивная, конструктивная, аккумулятивная

⁷ В качестве примера здесь можно привести историю создания Ф. де Соссюром «Курса общей лингвистики», который не был им написан собственноручно, а воспроизведен на основе записанных лекций и воспоминаний слушателей. Как пишет А.А. Холодович, Ф. де Соссюр, излагая свои идеи в течение пяти лет, ни разу не сделал сколько-нибудь серьёзной попытки зафиксировать на бумаге текст читаемых им лекций и оставил лишь разрозненные «Заметки по общей лингвистике». «Эти заметки, даже терминологически, во многом далеки от того, что мы теперь, зная «Курс общей лингвистики», называем терминологией Соссюра» [ХОЛОДОВИЧ, 1977: 10]. Исследователям пришлось бы удовлетвориться лишь виртуальным и малополезным в практическом аспекте знанием о том, что в 1907-1911 гг. в истории имел место факт чтения де Соссюром лекций, если бы молодым лингвистам Ш. Балли и А. Сеше не пришла в голову идея опубликовать текст этих лекций на основании чужих документальных свидетельств.

функции [АВРОРИН, 1975] и т.д.

Комментируя разнообразие точек зрения лингвистов на обсуждаемую проблему, Р.Т. Белл справедливо замечает: «Отнюдь не кажется невероятным, что мы могли бы беспрестанно продолжать изобретение новых функций, но по-прежнему не имели бы в результате удовлетворительной системы просто потому, что многие высказывания являются многофункциональными даже в определённом контексте» [БЕЛЛ, 1980: 116]. Широкий спектр мнений по вопросу об основных функциях языка позволяет сделать вывод о том, что в трактовке самого понятия «языковые функции» и в отношении их классификации среди лингвистов нет единодушия, хотя основные признаки языка, такие, как его отражательная и познавательная способность, коммуникативность, социальная обусловленность, прагматичность, несомненно, отмечаются подавляющим большинством лингвистов.

При описании языковых функций, присущих языку как системе, также существуют разногласия. Р.О. Якобсон, предлагая свою модель языковых функций с учётом смещения фокуса с одного аспекта речевого события на другой, ассоциирует с одним из шести таких аспектов, а именно, кодом, метаязыковую функцию языка, реализуемую тогда, когда внимание говорящего сосредоточивается на самом коде [ЯКОБСОН, 1975]. Метаязыковая функция трактуется в современной лингвистике как «средство исследования и описания языка в терминах самого языка» [СЛЮСАРЕВА, 1990: 564; ЧАКОВСКАЯ, 1990: 8; ГАНЕЕВ, 2001: 38]. Однако признание существования такой функции у языка приведёт, по мнению Р.Т. Белла, к заключению, что вся дескриптивная лингвистика должна будет иметь в качестве первичной цели использования ею языка чисто метаязыковую функцию [БЕЛЛ, 1980: 116].

Критики якобсоновского подхода к онтологическим характеристикам языка справедливо отмечают, что «прежде чем говорить о функциях языка необходимо назвать компоненты, определяющие его сущность, его природу в целом, решительно отделив этот вопрос от вопроса о функции отдельных составных элементов языка и, тем более, от употребления языка в речи в конкретных целях» [ШТЕЛИНГ, 1996: 23], и только после этого правомерно ставить вопрос о собственно языковых функциях, отражающих характеристики языка с онтологической точки зрения. При этом самое понятие «метаязыковая функция» уже не будет относиться к ряду системных характеристик языка, т.е. восприниматься как его назначение или роль, так как речь здесь идёт не о функции как таковой, а о возможности пользоваться языком как средством описания самого себя. С такой трактовкой термина функцияозвучно мнение А.В. Бондарко, полагающего, что функцию какой-либо единицы языка следует рассматривать двояким образом: с одной стороны, как присущую данной языковой единице способность к выполнению определённого назначения в языковой системе и к соответствующему функционированию, а с другой – как результат функционирования данной единицы во взаимодействии со средой, т.е. назначение, реализованное в речи [БОНДАРКО, 1996: 43-44].

Таким образом, отношение лингвистов к существованию метаязыковой функции варьирует от безоговорочного её принятия (Н.А. Слюсарева и др.) до полного её отрицания (Р.Т. Белл, Д.А. Штелинг и др.).

Третья точка зрения состоит в признании за этой языковой функцией права на существование, но под другим названием. И.С. Куликова и Д.В. Салмина готовы отказаться от выражения *метаязыковая функция* в пользу его синонима-дублета *металингвистическая функция*, поскольку, по их мнению, широ-

кое употребление первого термина чревато терминологической путаницей, обусловленной прежде всего многозначностью самого термина *метаязык* (об этом см. сноска⁽⁵⁾ в § 1.1.) [КУЛИКОВА, САЛМИНА, 2002: 99].

Из способности естественного языка выступать в качестве средства описания самого себя вытекает языковая функция, трактуемая нами уже как функция языка «второго порядка», и состоящая в интерпретации языковых образований или денотатов языка-объекта (фонем, морфем, слов, синтаксических единиц, текста) с помощью специальных средств, к каковым относится терминосистема языкоznания, общенаучная лексика и специализированные устойчивые обороты речи – клише [МАТВЕЕВА, 2003: 151]. Все эти средства представляют собой *метазнаки*, т.е. знаки знаков, образующие в своей совокупности метаязык [ЛУКИН: 1999: 14].

Процедура интерпретации феноменов естественного языка средствами метаязыка строится на основе замены исходного знака другим знаком или набором знаков, т.е. посредством обнаружения для знака равнозначных преобразований, таких, к примеру, как использование другого знака / набора других знаков того же кода (т.е. поиска синонимов или выведения адекватных интерпретируемым знакам описаний – парадигм) или другого знака / набора других знаков другого семиотического кода (т.е. применения перевода) с целью добиться лингвистического тождества исходного понятия языка-объекта и его метаякового коррелята [КУБРЯКОВА, 1993: 24].

Описываемая процедура, заключающаяся в переводе выражений языка-объекта в выражения метаязыка, является, согласно Р.О. Якобсону, единственным исследовательским приёмом лингвистики [ЯКОБСОН, 1978] и основывается на следующих свойствах, присущих метаязыку вообще: (1) «с помощью его языковых средств можно выразить всё, что выразимо средствами объектного языка»; (2) «с его помощью можно обозначить все знаки, выражения и т.п. объектного языка, для всех них имеются имена»; (3) «на метаязыке можно говорить о свойствах выражения объектного языка и отношениях между ними»; (4) «на нём можно сформулировать определения, обозначения, правила образования и преобразования для выражений объектного языка» [ЛАГУТА, 2000].

1.4. Метаязык vs. естественный язык?

Отношения языка-объекта и метаязыка могут быть интерпретированы как на основе их противопоставления их друг другу (с учётом формализованного характера метаязыка и отсутствия очевидного единства материальной природы естественного языка и языка описания), так и объединения (с учётом тождества субстанции метаязыка и языка-объекта).

Оба подхода формируются на фоне двух противоположных тенденций, отмечаемых В.Н. Ярцевой: 1) специализация языка науки как в смысле его структурного отделения от общего языка (например, формы сочетания в науке естественного языка с искусственными символическими системами), так и в смысле дифференциации отдельных «подъязыков» науки; 2) широкое проникновение научных понятий и терминов в общий язык через научно-популярную литературу, публистику, общие работы энциклопедического характера, т.е. использование иных функциональных стилей как каналов, или проводников, специфических черт языка науки [ЯРЦЕВА, 1977: 35].

В основе первого подхода лежит осознание роли метаязыка как исключительного средства интерпретации и описания явлений языка-объекта, применяя которое, можно достичь более высокой степени объективации структуры

выражений естественного языка [КОБОЗЕВА, 2000: 266]. Описываемый подход свойствен обыкновенно логико-математическим отраслям знания.

Лексические элементы, составляющие знаковый инвентарь метаязыка, фактически лишены лексических значений, т.е. совокупности качеств, которые являются обязательными для лексического значения, свойственного единицам объектного языка. Все эти качества (характеристики) оказываются «избыточными» для метаязыков и «снимаются» при переводе слов «конкретного» языка на символы абстрактного метаязыка, в котором за ними сохраняется только чисто логическое или понятийное содержание [ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 52].

Однако, как замечает И.П. Сусов, «всякий образ или всякий символ уже есть слово. Слова выражают любые физические модели или математические символы. Наука создаёт символическое описание, т.е. речь, состоящую из слов и сочетаний слов» [СУСОВ, 1998]. О.Н. Трубачев вообще говорит о надуманности проблемы особого языка описания как такового, сводя её к проблеме синонимии и синонимизации и считая, что практическое применение метаязыка представляет собой «не что иное, как парад синонимов того же самого (описываемого) языка» [ТРУБАЧЕВ, 1988]. Отсюда возможен вывод о том, что попытки противопоставить метаязык и язык естественного общения носят во многом спекулятивный характер, так как речь, по сути, идёт об одном и том же языке, употребляемом либо для общих, либо для специальных (в известной обработке) целей. Как замечает О.М. Карпова, «любой национальный язык с точки зрения материальных носителей един. Большинство слов в языке для общих целей (*language for general purposes*) в то же время используется и в языке для специальных целей (*language for special purposes*), однако в специфических значениях, присущих той или иной предметной области» [КАРПОВА, 2002: 188; ср. тж. KARPOVA, AVERBOUKN, 2001]⁸. При противопоставлении же описываемого языка и языка описания «происходит отрыв научного исследования от реальной субстанции языка, материального опыта» [Гвишиани, 1983: 66].

Здесь мы вплотную подходим к анализу второго подхода, который зиждется на постулировании тождества субстанции метаязыка и языка-объекта. В основу этого подхода кладётся тот факт, что метаязыковые структуры (метазнаки) в массе своей образованы на базе естественного языка, выступающего в роли субстрата по отношению к метаязыку [ЛЕЙЧИК, 1986^b: 33], и направлены на языковую или речевую единицу или их совокупность [ОЯ, 1970: 98; МАТВЕЕВА, 2003: 151]. Отсюда проистекает возможность считать элементы метаязыка (метазнаки) также неотъемлемой частью языка-объекта (естественного языка), в котором метазнаки функционируют как активно употребляемые слова (напр., *слово, высказывание, смысл* и т.д.) [ЛУКИН: 1999: 14]. Внутри языка-объекта эти слова могут не иметь терминологических признаков, будучи употребляемы только в общем, «обыденном» значении. В последнем случае элемент знаковости в структуре их значения (обязательный для термина как единицы метаязыка) будет отсутствовать. В перспективе, однако, при всех ограничениях, накладываемых на термин как таковой, в этой роли может выступать всякое слово, какой бы степенью три-

⁸ Это высказывание сделано О.М. Карповой в русле сравнения общего языка и подъязыка для специальных целей, однако, по нашему мнению, оно будет вполне уместным и при сравнении общего языка с метаязыком, так как последний также «подчиняется совокупности дистрибуциональных условий, вписывающихся в общие дистрибуциональные условия, пригодные для языка (обычного), включающего рассматриваемый подъязык» [ИВАНОВА, 2003: 237].

виальности оно не обладало⁹ [Винокур, 1939: 5; ср. Лейчик, 1986^b: 34; Котелова, 1970: 124]. По этой причине, как отмечает А.И. Полторацкий, «одно и то же слово, вступая в функции термина в различные системы обозначения понятий, в системы разных наук, получает там своё содержание и свою терминологическую definicию, не исключающие в большинстве случаев какого-то «общего» значения этого слова и одновременно, достаточно разнящиеся между собой в соответствии со спецификой данной конкретной науки» [Полторацкий, 1977: 181].

Крайняя степень слияния этих двух разнонаправленных форм существования одного и того же языка, как считает В.З. Демьянков, возможно, будет достигнута в будущем, когда лингвистические термины начнут употребляться в обыденной речи. Пока же «лингвист занимается <...> вещами, знание которых в деталях не обязательно для всех в начале 21 в.» [ДЕМЬЯНКОВ, 2002: 154].

Здесь проблема слияния языка-объекта и метаязыка переходит уже в плоскость метафоризации и может быть воспринята с ещё большей степенью критичности большинством лингвистов, так как, «если в «общем» языке терминологическая метафора в худшем случае только смешна и непонятна, то в языке науки она способна вводить в заблуждение» [ПОЛТОРАЦКИЙ, 1977: 186]. Более того, выход терминов за пределы системы, в которой они употребляются, может привести, во-первых, к утрате ими точности вследствие употребления в более широком смысле, а во-вторых, к потере терминами своих семантических и формальных свойств, на основании которых они противопоставляются нетерминам [КОМАРОВА, 1991: 17]. Возвращение термина в сферу общеупотребительной лексики предполагает, таким образом, расширение его содержательного объёма и, как следствие, (полное или частичное) уничтожение специализации. Уничтожение специализации термина в свою очередь ставит под сомнение возможность какого бы то ни было упорядочения терминологии и её систематизации в рамках конкретной научной отрасли, так как невозможно систематизировать то, что не имеет чётко выраженного специализированного семантического статуса.

Интерпретация взаимоотношений метаязыка и языка-объекта на основе тождества их субстанции широко применяется в современном языкоznании, в котором метаязык является «консубстанциональным», т.е. совпадающим с языком-объектом [Гвишиани, 1983: 65]. Одним из доводов, обосновывающих данный подход, является то, что гуманитарные науки в отличие от логико-математических дисциплин с трудом поддаются формализации.

О.С. Ахманова считает совпадение в значительной своей части элементов языка-объекта и метаязыка одним из несовершенств, присущих метаязыку [АХМАНОВА, 2004: 4]. Однако подобное «несовершенство» является логическим следствием человеческой способности говорить на каком-то языке, которая в свою очередь подразумевает способность говорить об этом языке. Поэтому кажущееся несовершенство метаязыка представляется одновременно и его неоспоримым достоинством, поскольку позволяет пересматривать и заново описывать лексику, используемую языком-объектом. По мнению Р.О. Якобсона, оба уровня – уровень описываемого языка и языка-объекта – взаимодополняют друг друга, что впервые было отмечено ещё Н. Бором: «все хорошо описанные экспериментальные факты выражаются посредством обычного языка, «в кото-

⁹ На этом постулате, собственно, и основывается дескриптивный подход к терминологии, в рамках которого любое слово конкретного языка, попавшее в какую-либо терминосистему, будет считаться термином и будет описано как термин со всеми присущими ему семантическими и формальными признаками.

ром практическое употребление каждого слова находится в комплементарном отношении к попыткам дать ему точную дефиницию» [Niels Bohr. *On the Notions of Causality and Complementarity. "Dialection"*, I (1948), 317f.]» [ЯКОБСОН, 1978].

Взаимодополнение не исчерпывает всех связей, существующих между языком-объектом и метаязыком. Не менее важным процессом взаимодействия между ними является воздействие метаязыка на сам описываемый язык, выражющееся в давлении средств языкового описания на языковую систему¹⁰. Как пишет А. Соломоник, «на каком-то этапе своего развития языковые системы требуют всё большей формализации. Её они получают путём внедрения метаязыков. Подобно любым другим орудиям упорядочения систем, метаязыки при вмешательстве изменяют приводимый ими в порядок код. Требуются определённые усилия, чтобы согласовать принципы метаязыков с уже существующей системой, чтобы они соединились и дополнили друг друга. Процесс согласования и дополнения существует как на систему, так и на метаязык. Этот процесс практически бесконечен, и выступает в роли двигателя, обуславливающего постоянное совершенствование системы» [СОЛОМОНИК, 1995: 166].

Объединение метаязыка языкоznания и объектного языка на основе единства их материальной природы не означает, однако, их неразличения. Любое языковедческое исследование, по замечанию Н.Б. Гвишиани, представляет собой многоплановый процесс, первым и основным этапом которого является изучение какого-либо языка в сравнительно-историческом или системно-структурном аспекте, а завершающим этапом – создание и инвентаризация терминологических и номенклатурных единиц, необходимых для описания феноменов данного языка [Гвишиани, 1983: 66].

Некоторая несбалансированность описываемого подхода наблюдается в том, что отождествление объектного языка и метаязыка, выражющееся в общности их элементов, приводит к выводу о необходимости либо «наделять знаковостью» единицы языка-объекта наравне с единицами метаязыка, что входит в противоречие с постулатом о «неправомерности определения «конкретных» языков в целом как знаковых систем» [ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 52], либо « лишать знаковости» единицы метаязыка, превращая их тем самым в общеупотребительные слова, что противоречит определению метаязыка как системы условных кодов или знаковой системы, либо – как паллиатив – создавать внутри языка-объекта замкнутые системы (терминологическая лексика) с признаками знаковости. В последнем случае антиномия «язык-объект – метаязык» не устраниется, и тогда становится бессмысленным говорить об отождествлении языка описания и описываемого языка. Трудно ожидать, что в ближайшем будущем метаязык лингвистики со своим громоздким терминологическим аппаратом, который постоянно усложняется (процесс комплификации), становясь всё более абстрактным и малопонятным нелингвисту, достигнет степени «избыточности» языка-объекта, что позволит считать его незнаковой структурой. В этом случае метаязык утратит статус языка описания и должен будет в функциональном плане уподобиться «конкретному» языку.

¹⁰ Подобное давление испытывали, к примеру, системы новых европейских языков при попытке описать их метаязыковыми средствами латыни и древнегреческого языка. Такую попытку следует в целом рассматривать как довольно удачную (хотя и не безупречно удавшуюся) и в первую очередь потому, что древние европейские языки и их преемники – новые европейские языки – имеют общую логико-грамматическую основу.

1.5. Логический аспект метаязыка

В процессе познания действительности принято различать две относительно самостоятельные части – логическую и языковую модели действительности, так как при моделировании объективной действительности в сознании индивида переплетаются две картины этой действительности – концептуальная (логическая) и словесная (языковая). Логическая модель у каждого индивида первична, носит инвариантный характер и не зависит от языка, на котором индивид выражает свои мысли, языковая же подвергается постоянному варьированию [Пялль, 1977: 169]. Неудивительно, что вследствие этого лингвистические и металингвистические исследования теснейшим образом оказываются связаны с логикой и с её методами исследования объективной реальности.

Метаязык характеризуется «стремлением к максимально точному выражению объективного научного мышления, в результате чего слова-термины приближаются к логическим понятиям, а предложения – к суждениям» [ЯРЦЕВА, 1977: 33]. Поэтому не случайно, что проблема метаязыка как языка «второго порядка», призванного описывать явления и объекты, впервые была поставлена именно в математике и логике. В рамках этих научных направлений был предложен и сам термин *метаязык*, под которым понимается «формализованный язык, средствами которого исследуются свойства соответствующих предметных (или объектных) теорий, разграничиваются уровень самих описываемых объектов и n-й уровень их описания» [Гвишиани, 1990: 297].

Определение метаязыка с философской точки зрения гласит: «Язык, средствами которого описываются и исследуются свойства некоторого другого языка – т.н. предметного (объектного) языка, или языка-объекта» [ФЭС, 1983: 364]. В таком, классическом, понимании метаязык, по мнению И.М. Кобозевой, будет представлять собой средство описания значений языковых выражений (предложений и т.д.) [КОБОЗЕВА, 2000: 266]. В качестве средства описания явлений объектного языка, метаязык должен обладать своей развитой системой метазнаков, которые призваны замещать знаки языка «первого порядка».

Обсуждение проблем языковых знаков, как отмечают авторы «Общего языкоznания», «началось в истории науки не с собственно лингвистической, а с общесемиотической точки зрения, поэтому основные понятия теории знаков разрабатывались на основе формализованных языков разных наук и прежде всего метаязыка и предметного языка логики, математической логики и ряда других неинтерпретированных систем» [ОЯ, 1970: 98].

В науке было распространено мнение, что в идеале метазнаки должны приближаться к логическим понятиям, т.е. иметь такую смысловую структуру, которая бы была адекватна логическому понятию. Действительно, как отмечает В.Н. Ярцева, если признак, положенный в основу наименования предмета или явления, часто бывает различным для разных языков, то как раз в области терминологических единиц можно наблюдать однородность подхода к выбору базы наименования и сходство между языками в характере метафорических и метонимических сдвигов от слова естественного языка к метазнаку [ЯРЦЕВА, 1977: 32].

Основания методологического свойства для манифестации метазнаков разного уровня вытекают из существующей в рамках современной логики теории семантических порядков или ступеней, которая исходит из того, что в рамках объективной реальности существуют вещи, свойства, отношения, не являющиеся сами языковыми знаками и образующие так называемую нулевую (базовую) ступень. Знаки, посредством которых обозначаются объекты нулевой

ступени (нулевого порядка), являются элементами языка-объекта или, другими словами, языка первой ступени (первого порядка). *Метаязык*, или язык второй ступени (второго порядка), содержит все знаки, необходимые для обозначения знаков языка-объекта. Если же говорят о таком метаязыке, то это происходит в языке третьей ступени (третьего порядка) и т.д. Эта дифференциация языков проистекает из различия объектных теорий, метатеорий или теорий второго порядка и т.д., короче говоря, целой иерархии теорий. Для материалистического характера теории семантических ступеней решающим является то, что объекты нулевой ступени (нулевого порядка) рассматриваются как материальные образования. Они являются фундаментом для целой последовательности ступеней познания человеком явлений объективной реальности [KLAUS, 1973: 88-89].

Когда логика оперирует понятиями, суждениями, умозаключениями какой-либо конкретной науки (например, языкоznания), она прежде всего имеет дело с естественным языком и языком символов данной науки, на котором выражается содержание этой отрасли научного знания. Исходя из этого факта, А.Т. Кривоносов строит схему взаимодействия логики и какой-либо науки (п-логии): п-логия > метаязык п-логии > логический метаязык языка п-логии [КРИВОНОСОВ, 1993: 13]. Последняя часть схемы, т.е. логический метаязык языка п-логии (в нашем случае – языкоznания), включает в себя как элементы естественного языка (присутствуя в объекте изучения данной науки), так и элементы языка описания соответствующей науки (присутствуя в её метаязыке).

Особое место при анализе логического аспекта бытования метаязыка занимает исследование значения и функциональных возможностей метазнаков в процессе роста научного знания, связанного с изменением научных понятий, теорий, парадигм, т.е. концептуальных систем вообще.

Со времён критики неопозитивизма в логике принято считать, что открытые теоретические понятия, выражаемые метазнаками (терминами языка наблюдения и описания), не определяются полностью эмпирическими контекстами, в которых они (понятия) употребляются, а всегда выходят за рамки этих контекстов, что не позволяет говорить об их исчерпывающей определяемости в терминах языка наблюдения [ПЕТРОВ, 1979: 121]. На основании этого утверждения может быть сформулирован вопрос, имеющий значение для определения роли метаязыка как языка наблюдения и описания в науке вообще и в языкоznании в частности: в состоянии ли метаязык исчерпывающе выражать постоянно растущий эмпирический базис научных теорий?

Отвечая на этот вопрос, можно воспользоваться предлагаемой логиками классификацией открытых понятий, которые делятся на эмпирически открытые, дедуктивно открытые и концептуально открытые [ПЕТРОВ, 1979: 124]. Содержание эмпирически открытых понятий не определяется полностью языком наблюдения и описания и, следовательно, может уточняться по мере роста суммы научных знаний, что должно приводить к появлению новой терминологии, способной обозначить новое знание или охарактеризовать новую, открытую эмпирическим путём сторону понятия. Дедуктивно открытые понятия точно определяются через термины языка наблюдения и описания, однако увеличение глубины теории, в которую входят эти понятия, приводит к расширению языка наблюдения в рамках тех же теоретических понятий за счёт расширения терминологического инвентаря. Исследование концептуально открытых понятий также предполагает расширение терминосистемы за счёт введения в её состав терминов межсистемного характера, призванных определять теоретические понятия концептуального уровня. Исходя из изложенного выше, ответ на постав-

ленный вопрос будет положительным. Рост научного знания выявляет потенции метаязыка, его универсальность как средства описания научных фактов, несомненную способность к варьированию под влиянием постоянно меняющихся внешних факторов.

1.6. К проблеме унификации и стандартизации метаязыка лингвистики

Выход из круга описанных выше противоречий видится в симплификации метаязыка, что, на наш взгляд, вполне достижимо путём унификации уже имеющейся терминологии и формирования «нормативного терминологического перечня», выводящего за рамки применения в лингвистике термины-дублеты, «окказиональную» лингвистическую терминологию и т.п. Унификация терминологии возможна посредством перевода её на единую языковую основу, изобретать которую нет необходимости, ибо она уже присутствует как неотъемлемая часть большинства терминологических единиц мировой лингвистической науки и представляет собой сложившийся корпус терминоэлементов греческого и латинского происхождения¹¹. Следующим шагом в этом направлении может стать стандартизация лингвистической терминологии, т.е. «закрепление определённых лексических единиц нормативно-техническим документом», предписывающим обязательное их использование в лингвистике в течение определённого отрезка времени. Унификация и стандартизация лингвистической терминологии может базироваться исключительно на принципе конвенциональности.

Доказательной базой такого способа решения проблемы упрощения и унификации метаязыка является успешное существование в лингвистике значительного количества фиксируемой практически во всех отделах лингвистики элементарной терминологии, в отношении которой в лингвистической среде практикуется конвенциональный подход. Речь в данном случае идёт о той части терминологии, которая характеризуется наличием полного семантического соответствия в рамках различных семиотических кодов, т.е. интернациональной терминологии, как правило, греко-латинского происхождения. Применение подобной терминологии, как считается, не только обеспечивает прямую передачу информации при переводе с одного языка на другой, но и позволяет достичь максимального формального соответствия между аналогичными терминологическими единицами исходного языка и языка-реципиента [Гвишиани, 2000: 191-192]. В.В.Акуленко называет такие термины идеальными, подчёркивая, что они «сильны своей изолированностью от бытового словаря, отсутствием возможности дополнительных осмыслений» [АКУЛЕНКО, 1977: 81; ср.: ЛЕМОВ, 2003: 242].

Семантически и формально идентичные терминологические единицы *de facto* представляют собой интерлингвизмы или интернационализмы, которые взаимосвязаны с универсалиями, но в отличие от последних носят более частный характер. Они находят своё выражение прежде всего на лексико-грамматическом уровне и свидетельствуют, с одной стороны, о межъязыковом сходстве, с другой – о той роли, которую сыграли древние языки (в первую очередь латинский и древнегреческий) в деле становления ядерной лингвистиче-

¹¹ Для тех, кого понимаемый в традиционном смысле термин «унификация» в применении к лингвистической терминологии если не пугает, то во всяком случае настораживает, В.М. Лейчик предлагает вариант – «гармонизация терминологии на национальном и международном уровнях», номинирующий один из видов унификации терминов и терминосистем [ЛЕЙЧИК, 1996: 279].

ской терминологии современных европейских языков (см. об этом главу II)¹².

В условиях постоянно и быстро растущего многоязычия научной литературы всё более призрачными кажутся надежды ряда лингвистов на то, что латынь восстановит постепенно утрачиваемые ею с XVIII в. позиции языка международного научного дискурса. Однако в ряде областей науки позиции латинского языка всё ещё остаются незыблемыми. Более того, латинская и латинизированная греческая лексика служит основным источником пополнения непрерывно и прогрессивно возрастающей терминологии во всех сферах научной деятельности, в том числе и в лингвистике¹³ [БОРОВСКИЙ, 1991].

Возможные пути обогащения метаязыка лингвистики на основе латыни на современном этапе его развития могут быть сведены: 1) к использованию имеющегося огромного лексического материала поздней и средневековой латыни для обозначения новых понятий; 2) к созданию неологизмов на основе как собственно латинской, так и латинизированной греческой лексики; 3) к перифразической передаче словообразовательными средствами латинского языка новоязычных терминов; 4) к обогащению латинского терминологического соста-

¹² Эта роль подтверждается, например, результатами статистического анализа употребления традиционной грамматической терминологии, выполненного Ю.Н. Бабошко. Согласно полученным данным, практически во всех исследованных ею работах по грамматике немецкого языка (DUDEN, Л. Вайсгербер, Й. Эрбен, Г. Хельбиг, В. Юнг, Х. Бринкман) предпочтение отдаётся латинской терминологии, которая составляет в трудах Й. Эрбена, Г. Хельбига, В. Юнга и Х. Бринкмана в среднем 80% всего количества зафиксированных терминов, а в трудах Л. Вайсгербера и DUDEN – около 60%. Исключением являются работы Х. Глинца, в которых соотношение немецкой и латинской терминологии составляет, соответственно, 54% и 46%. Употребление отдельных грамматических терминов также показывает значительный сдвиг в сторону терминов на греко-латинской основе. Например, авторы грамматики DUDEN термин *Substantiv* используют 232 раза ($\approx 80\%$), а его немецкий эквивалент *Nennwort* – 56 раз ($\approx 20\%$) [БАБОШКО, 1974: 7].

Что касается Х. Глинца, то данные, полученные в ходе обследования его трудов, объясняются следующим: в немецком языкоznании 50-х гг. XX в. чётко прослеживается возникшая под влиянием работ Х. Глинца тенденция ввести в грамматику «говорящие» термины («sprechende Termini») путём замены «неуместной» латинской терминологии на термины немецкого происхождения (*Leitglied*, *Kernsatz*, *Reinform*, *Artangabe* и т.п.). Х. Глинц даже составил глоссарий – как приложение к позднейшим переизданиям своей основной работы «Die innere Form des Deutschen», – в котором находили объяснение введённые им термины. Однако они могли быть свободно возвращены в свои латинизированные формы посредством обратного перевода терминологических компонентов с немецкого языка, что вполне иллюстрировало несостоятельность претензий Х. Глинца на создание нового образа мышления в грамматике путём онемечивания латинской терминологии.

¹³ На потребность в языке-посреднике в научной сфере, каковым могли бы быть латынь и латинизированный греческий, указывают многие лингвисты. В частности, отмечается, что в этой роли хорош именно «мёртвый» язык, «так как его лексика не рождает в нас внетактических ассоциаций» [ДУНАЕВСКАЯ, 1998: 66].

Мысль, вполне приложимую к латинской и латинизированной греческой лексике как к источнику пополнения лингвотерминологического инвентаря, высказывает А.Ш. Давлетукаева, отмечая, что «одни языки оказываются более приспособленными для терминологического словообразования, другие – менее. Отсюда – более существенный вклад одних языков в формирование отдельных терминологий по сравнению с другими языками» [ДАВЛЕТУКАЕВА, 2001: 169]. По сути, приводимое утверждение может быть квалифицировано как ещё один аргумент в пользу языка-посредника.

ва лингвистическими заимствованиями из современных (европейских и неевропейских) языков с последующей латинизацией этих заимствований, если сама латынь не располагает необходимыми словообразовательными средствами, или перифрастическая передача новоязычных терминов оказывается слишком громоздкой и нетерминологичной; 5) к использованию латинизированных вариантов существующей терминологии новогреческого языка.

1.7. Перспективы развития метаязыка лингвистики

Выражаемая здесь точка зрения на проблему упорядочения метаязыка в терминологическом аспекте едва ли встретит единодушие в среде лингвистов, так как речь идёт, по существу, о реализации такого таксономического подхода, согласно которому взаимоотношения терминологических единиц должны строиться на идеальной основе. На первый взгляд, пребывание терминов в отношениях взаимооднозначного соответствия кажется невозможным¹⁴. Однако на основе интернационализации лингвистики, выработки общих подходов к анализу и синтезу изучаемых феноменов языка, постоянного качественного и количественного роста научных связей такой подход представляется вполне оправданным. В корне разногласий между лингвистами разных стран и научных школ лежат в первую очередь применяемые ими принципы и критерии оценки языковых фактов, т.е. научная методология. Ей противопоставляется онтологическое единство способов и форм человеческого мышления. Множественность языков мира отнюдь не противоречит этому единству, так как «сквозь их кажущееся бесконечным разнообразие проступает общая модель [разрядка наша – А.И.]» [ЯРЦЕВА, 1977: 30].

Разумеется, необходимо отдавать отчёт в том, что система понятий, которыми оперирует лингвистика как наука, отражает также и множественность научных мировоззрений и подходов, а сами лингвистические понятия не принадлежат конкретному материальному ряду. Внутри этой системы гораздо сложнее выстроить однозначно трактуемые взаимоотношения между элементами, чем, к примеру, в прикладных технических дисциплинах. В этих сферах деятельности «термины поддаются упорядочению и стандартизации, шире – унификации, сознательному регулированию, что позволяет им удовлетворительно выполнять функцию обозначения понятий и систем понятий в специальных областях знаний и деятельности» [ЛЕЙЧИК, 1986^a: 87].

В терминологии языкоznания во второй половине XX в. реализовывался дескриптивный подход, в рамках которого первоочередной и реально выполнимой задачей, как писала О.С. Ахманова, являлось «лексикографическое описание

¹⁴ Проблема единой и однозначно понимаемой лингвистической терминологии возникала не единожды в истории языкоznания. Так, например, А. Мейе, пытаясь разработать критерии построения всеобщей морфологии, пришёл к выводу, что в разных языках такие термины как *имперфект*, *будущее время* и др. номинируют неодинаковые явления из-за специфики противопоставлений в каждой отдельной языковой системе. Попутно он установил факт несовпадения логических категорий с языковыми, в частности, с грамматическими, так как универсальное определение будущего времени относится к мыслительной (т.е. логической или экстралингвистической) категории, которая не может считаться языковой, и поэтому лингвисту придётся столкнуться с необходимостью назвать одним термином разные грамматические формы конкретных языков. Следовательно, категории всеобщей морфологии, по мнению А. Мейе, не должны включать ничего такого, что характерно для их использования в разных языках [СЛЮСАРЕВА, 1983: 22].

ние того (пусть несовершенного, непоследовательного и разнокалиберного) языка, посредством которого языковеды общаются между собой и который они применяют в преподавании» [АХМАНОВА, 2004: 9]. В современных условиях, на наш взгляд, на первый план в сфере терминологического описания лингвистической науки выходит нормативный подход в сочетании с дескриптивным, и применение этих двух подходов в комбинаторике возможно и необходимо на основе общности существующих в последние десятилетия лингвистических теорий.

В рамках комплексного подхода к метаязыку лингвистики, так же, как и в технологической сфере, должны быть сформулированы конкретные требования (в категориях терминологии как науки) к термину, либо определены основные признаки последнего (в категориях лингвистики), что позволит в дальнейшем создать и внедрить в лингвистическую теорию и практику соответствующие отраслевые национальные и – шире – международные стандарты на термины и определения.

В пользу нормативного подхода говорит то обстоятельство, что объектом нормирования в принципе может быть только та лингвистическая теория или концепция, основные понятия которой теоретически обоснованы и терминологически номинированы. Терминосистема, обслуживающая понятийную систему такой теории, будучи закончена в структурном и количественном аспектах, находит своих сторонников и последователей по всему миру, что делает практически неизбежным осмысление её в терминах национального языка. На этом этапе терминология языка-эмитента может быть перенесена на лингвистическую почву языка-реципиента на базе взаимооднозначного соответствия. Этот процесс создаёт необходимые условия для интернационализации и последующей унификации и стандартизации терминологии.

В.В. Акуленко, предлагая не смешивать проблему интернационализации научной терминологии с проблемой полного преодоления языкового барьера в науке, тем не менее отмечает, что «интернационализация <...> готовит почву для окончательного решения проблемы многоязычия Земли в будущем, так как именно в этой сфере реально проверяются возможности синтезирования черт языков, принадлежащих к разным типам и различным культурно-историческим языковым районам» [АКУЛЕНКО, 1977: 82]¹⁵.

Развитие мировой лингвистической мысли носит стадиальный характер, так же стадиально меняется и статус метаязыка языкоznания.

Стадии развития	Основные направления развития лингвистической мысли	Лингвистические теории и статус метаязыка языкоznания
I стадия	Наблюдение за единичными феноменами национального языка.	Априорное знание о существовавшем некогда всеобщем праязыке. Накопление лингвистических фактов в процессе наблюдения.

¹⁵ В подтверждение этому будет уместным привести здесь мнение специалиста из области знания, которая, казалось бы, далека от лингвистики, а именно – эзотерической философии: «В настоящем временном цикле, когда все пути ведут к интеграции с последующим синтезом и вычленением опыта, язык как общечеловеческое явление будет продолжать модифицироваться, однако уже в направлении смешения форм, пока в результате не образуется вновь, но уже на новом уровне, общая для всего человечества знаковая система, полностью адекватная семантической системе информационных полей. Посему, составляя мыслеформу, не бойтесь вводить в неё иностранные слова и термины» [АНОПОВА, 1996: 132].

		ния за функционированием языка. Первичное описание языковых феноменов средствами языка-объекта.
II стадия	Анализ лингвистических феноменов. Сравнение и сопоставление лингвистических феноменов, присущих национальному языку.	Формирование лингвистической концепции и системы её базовых понятий в рамках дескриптивного подхода. Создание единичных терминов для выражения этих понятий путём терминологизации отдельных слов и выражений, относящихся к общеупотребительной и общенаучной лексике. Единичные заимствования иноязычной лексики и попытки применения их в качестве терминов. Продолжающееся накопление лингвистических фактов в процессе наблюдения за функционированием родного языка.
III стадия	Сравнение и сопоставление лингвистических феноменов в национальном и иностранных языках в рамках прикладных аспектов.	Возникновение единичных лингвистических концепций. Формирование базовой лингвистической терминосистемы с вычленением присущих ей основных признаков. Начало формирования метаязыка лингвистики. Начало широкой практики лингвистических заимствований. Накопление лингвистических фактов в процессе наблюдения за функционированием родственных языков.
IV стадия	Анализ лингвистических феноменов в национальном и иностранных языках в прикладном и теоретическом аспектах. Попытки синтеза языковых феноменов и отделение в рамках этих попыток частного от общего.	Формирование теоретической базы для создания множественных лингвистических концепций. Расцвет целого ряда лингвистических теорий. Плюрализм мнений в отношении терминов и в трактовке номинируемых ими понятий. Формирование инвентаря различных терминосистем, призванных обслуживать множественные лингвистические концепции. Совершенствование метаязыка лингвистики. Развитая синонимичность и полисемантичность терминологии языкоznания как результат применения её в разнонаправленных лингвистических концепциях. Господство дескриптивного метода применительно к метаязыку лингвистики.
V стадия	Анализ лингвистических феноменов в национальном и иностранных языках в прикладном и теоретическом аспектах. Расширяющийся поиск оптимальных лингвистических решений на основе синтеза исследуемых языковых фактов.	Создание теоретических предпосылок для понимания основных онтологических признаков языка и его функций. Начало формирования единого подхода к языку как одной из основных форм презентации мыслительной деятельности человека. Интенсивный поиск точек соприкосновения разнонаправленных лингвистических теорий. Попытки создать единую теорию, объясняющую происхождение и принципы функционирования мировых языков. Постепенный отход от дескриптивного метода в отношении метаязыка лингвистики. Соз-

		дание теоретической базы для формирования единого метаязыка лингвистики. Попытки стандартизации и нормирования лингвистической терминологии на основе её упрощения и унификации.
VI стадия	Синтез лингвистических феноменов в национальном и иностранных языках в прикладном и теоретическом аспектах.	Знание апостериорного характера о существовавшем некогда всеобщем прайзыке. Формирование единой концепции происхождения и развития языка. Единство лингвистов в понимании и трактовке сущности языка и его функций. Широкое применение в метаязыке лингвистики нормативного подхода на основе взаимооднозначного понимания лингвистической терминологии. Завершение формирования метаязыка лингвистики.

В настоящее время в лингвистике практически завершается создание теоретических предпосылок для понимания основных онтологических признаков языка и его функций, положено начало формированию единого подхода к языку как одной из основных форм презентации мыслительной деятельности человека. Ведётся интенсивный поиск точек соприкосновения разнонаправленных лингвистических теорий. «Общая тенденция в современную эпоху, – как отмечает В.М. Лейчик, – состоит в постоянном сближении разных языков в отражении реальности и закреплении результатов познания» [ЛЕЙЧИК, 1982: 135]. На этой стадии развития науки о языке появляется возможность по-иному взглянуть на закономерности развития метаязыка как прикладного языка лингвистики, выявить присущее ему внутреннее системное единство, попытаться нормировать метаязык сначала в рамках частных лингвистических теорий, а затем и на метеоретическом уровне на основе упрощения и унификации базовой лингвистической терминологии.

Внедрение нормативного подхода и разрешение возникающей при этом антиномии между нормативными и дескриптивными методами в метаязыке языкоznания едва ли будет возможно, по мнению В.М. Лейчика, в рамках самой лингвистики или логики, как в значительной мере сопряжённой с нею наукой, но лишь посредством терминоведения, применяющего в своих исследованиx термина методы логики, семиотики, науковедения, общей теории систем, информатики и пр. [ЛЕЙЧИК, 1986^a: 88]. Тем не менее предпосылкой успешного разрешения обозначенной антиномии силами терминоведения, точнее сказать, отправной точкой при решении этой терминоведческой проблемы, должны будут стать работы языковедов, ориентированные на выработку общелингвистической позиции в рамках той или иной теории языкоznания. При этом представляется важным чётко отграничивать в онтологическом и функциональном планах лингвистический аспект метаязыка от его экстраполингвистического аспекта, т.е. от всего того, что привнесено в метаязык языкоznания логикой, философией, семиотикой и другими смежными науками.

ГЛАВА II. Становление и развитие метаязыка европейского языкоznания (диахронический аспект)

2.1. Древнегреческий язык как основа метаязыка и источник понятийного аппарата европейской лингвистики

Интерес к древним языкам как источнику создания и пополнения метаязыка лингвистики новыми терминологическим единицами не случаен и вполне объясним, если принять во внимание бурное развитие в последние десятилетия различных отраслей науки о языке. Каждая отрасль лингвистики нуждается в своём наборе терминов, зачастую удачных, но в ряде случаев малоупотребительных в дальнейшем и носящих, если так можно выразиться, *окказиональный*, а точнее, индивидуально-авторский характер. Подобная терминология, как правило, представляет интерес только в плане её историко-лингвистического описания и не входит в словари лингвистических словарей, а если и входит, то сопровождается соответствующими ограничительными пометами типа *устар.* (устаревшее слово) или указанием на авторство в отношении каждого конкретного термина, а также на время появления термина.

Примеры¹⁶. 1) Устаревшие слова – в русском языке: *нога* как термин метрики (до реформы В.К. Тредиаковского–Ломоносова в значении *стопа*), *втычки* (слова, не несущие смысловой нагрузки или же излишние с точки зрения смысла и вставляемые в стихотворную строку только для соблюдения размера стиха); в английском языке: *tonic* (ударный слог); в немецком языке: *Muta* (в античной терминологии: глухой смычный согласный, который не может быть произнесён без помощи гласного); во французском языке: *sapphique* (сапфический).

2) Примеры индивидуально-авторской терминологии – *ударение этимологическое* (англ. *etymological accent*, нем. *etymologischer Akzent*, франц. *accent étymologique*) (термин К. Мейнхофа); *ударение грамматическое* (англ. *grammatical accent*, нем. *grammatischer Akzent*, франц. *accent grammatical*) (термин О. фон Эссена); *гаплогогия* (англ. *haplogy*, нем. *Haplologie*, франц. *haplogie*) (термин М.Блумфилда); *покрой слова* (англ. *cut of syllable* или *syllable cut*, нем. *Silbenschnitt*) (термин Э. Зиверса). К примерам авторской терминологии может быть отнесён также целый ряд терминов на *-ема* как возможную модификацию терминоэлемента *-ома*: *семема, семантема, синтагмема, нотема, текстема, фонема, графема, морфема, ноэма, сервема* и т.п.

Объектом нашего интереса наряду с авторской терминологией является традиционная лингвистическая терминология, употребляемая лингвистами разных стран. Как правило, терминология подобного рода представлена интерлингвизмами, имеющими в своём составе терминоэлементы древнегреческого или латинского происхождения (ср., к примеру, русск. *гаплогогия*), и в диахроническом плане может быть условно разделена на две группы: 1) терминология, созданная античными и средневековыми авторами (необязательно лингвистами), и 2) терминология нового времени, отражающая поступательное развитие науки о языке в XIX–XXI вв., когда лингвистика определила для себя объект своего исследования и разработала методы исследования, окончательно оформившись в отдельную область человеческого знания и установив своё место в системе смежных наук.

В отношении терминологических единиц первой группы обычно оно оказывается возможным установить авторство, так как все они входят в словари древних языков с указанием источника. Что же касается терминов второй

¹⁶ Источник примеров: [Иванов, 2005].

группы, то установление авторства в отношении большей части новой терминологии, как правило, сопряжено с кропотливыми исследованиями необозримого количества учебных и научно-теоретических работ. Обе выделенные группы терминов содержат, пользуясь терминологией Н.А. Слюсаревой, термины универсальные, которые могут быть применены к описанию явлений самых различных языков, термины уникальные, номинирующие специфические явления какого-либо конкретного языка, и термины авторские, используемые в пределах одной лингвистической теории [Слюсарева, 1983: 23].

Целью этого раздела является исследование хронологии появления лингвистической терминологии в древнегреческом и латинском языках, а также особенностей усвоения этой терминологии (в первую очередь той её части, которая может характеризоваться универсальностью) лексическими системами новых европейских языков, ибо созданный усилиями древнегреческих и латинских авторов «концептуальный строй и понятийный аппарат науки о языке оказался в целом пригодным для описания как различных языков, так и наиболее общих свойств языка как особого явления» [БОКАДОРОВА, 1990: 35].

Вопросы языка во времена античности привлекали пристальное внимание исследователей. В Древней Греции с древнейших времён проводились наблюдения лексикологически-этимологического и метрико-фонетического характера, а также имелись начала практической грамматики.

Исследование языка с научной точки зрения являлось частью философии, поэтому лингвистическая терминология, которую мы понимаем здесь в широком смысле, включая в её состав термины поэтики, ритмики и метрики, обязана своим возникновением прежде всего преподавателям риторики, логики и философии, создавшими развившим учение о природе и ритме речи, учение об эвфонии (Демокрит, Гиппий), теорию метафоры и речевого стиля (Аристотель, Феофраст), учение о фигурах или тропах (Горгий), об этимологии слов (Хрисипп), об аналогии (Аристарх, Дионисий Фракиец) и т.д. [ТРОЦКИЙ, 1996: 20-32; МЕЛИКОВА-ТОЛСТАЯ, 1996: 164-165]. В это время появляется грамматико-стилистическая терминология, ещё сливающаяся с терминологией логики и философии (таков, к примеру, терминологический аппарат, обслуживающий аристотелевскую классификацию частей речи, в которой, как отмечает И.М. Троцкий, «чёткой грани между «именем» и «субъектом», «глаголом» и «предикатом» <...> вообще нет» [ТРОЦКИЙ, 1996: 25]).

Софисты изучали функции букв, слогов, форм слова и т.д., стараясь с помощью логики вывести законы языка. Стоики, опираясь на положения Платона и Аристотеля, развили наряду с этимологией общий взгляд на язык (учение о падежах, глагольных формах, частях речи), создали систематическую картину и терминологию грамматики, которые через посредство римских языковедов дошли до новейшего времени [СА, 1989: 674]. Этим обстоятельством можно объяснить развитую полисемию греческих терминов, которые функционируют одновременно в разных значениях в различных сферах гуманитарного знания: логики, философии, риторики, метрики и грамматики. Например:

1) *διαίρεσις*. 1) лог. деление, членение, классификация (Платон, Аристотель); 2) раздел, категория (Аристотель); 3) грам. диэресис (*раздельное произношение двух смежных гласных*); 4) стих. диэресис (*совпадение окончания слова с окончанием строки*) [ДВОРЕНКИЙ, 1958].

2) *φωνή*, дор. *φωνά*: 1) звук (Платон); 2) φ. ἔναρθρος (Плутарх) членораздельные звуки; 2) голос (Гомер, Демосфен); 3) членораздельный звук, звук речи (Аристотель); 4) гласный звук (Платон, Аристотель, Лукиан); 5) слово, речь (Софокл); 6) язык, речь (Фу-

кидид, Еврипид); 7) говор, наречие (Демосфен); 8) (отдельное) слово (Плутарх); 9) выражение, изречение (Платон, Плутарх) [ДВОРЕНКИЙ, 1958].

На последнем примере (*φωνή*) можно проиллюстрировать развитие значения данного термина на основе общей семьи говорения (звукопроизводства), присущей всем зафиксированным в словаре значениям. Если во времена Гомера (VIII в. до н.э.) слово *φωνή* обозначало «продуцирование звуков посредством голосовых связок», то у Софокла, Еврипида и Фукидиса (VI–V вв. до н.э.) произошло расширение значения *φωνή*, которое стало обозначать некую сумму фонетических слагаемых, образующих в структурно-семантическом отношении законченное целое – «слово, язык, речь», выступающее как «средство общения между людьми и группами людей». Позднее, у Платона, Аристотеля и Лукиана, как можно предполагать, слово *φωνή* терминологизируется, становясь элементом фонетико-метрической терминосистемы («звук речи»). В рамках этой системы происходит конкретизация (сужение) значения данного термина, который начинает обозначать не всякий звук речи, а только «гласный звук». Параллельно с фонетическим значением термина *φωνή* у Плутарха (I–II вв. н.э.) сохраняются два других: 1) «(отдельное) слово», и 2) «выражение, изречение», позволяющие рассматривать данный термин в системе лексикологических и – шире – грамматических понятий¹⁷.

Окончательно основные понятия грамматики (как тогда называлась наука о языке в целом; термин *лингвистика* позднейшего происхождения) сформировались в крупнейшем центре эллинистической культуры и учёности Александрии, начиная от основоположника «аналогии» Аристарха (II в. до н.э.) [АЛПАТОВ, 1999: 13]. Развитие целого направления в классической филологии было во многом обусловлено созданием Александрийской библиотеки. Представителями Александрийской филологической школы была проведена значительная работа по систематизации фондов этой обширнейшей библиотеки мира и составлению комментариев к произведениям классических авторов [СА, 1989: 23]. Именно в это время происходит «эмансипация» грамматики как науки о языке от философии [ТРОЦКИЙ, 1996: 31]). Характерным в связи с этим выглядит высказывание ученика Аристарха – Дионисия Фракийца (конец II в. до н.э.), где он устанавливает части грамматики и формулирует задачу для каждой из этих частей: «...первая – чтение, умелое, соответственно просодии, вторая – объяснение согласно наличным поэтическим тропам, третья – общепонятная передача трудных слов и рассказов, четвёртая – нахождение этимологии, пятая – отбор аналогий, шестая – оценка произведений, что является самым прекрасным в этом искусстве» [АТ, 1996: 112]. Нетрудно выявить корреляцию между выделенными Дионисием Фракийцем «частями грамматики» и разделами современной лингвистики. Грамматический канон, начала которого заложили Аристарх и Дионисий Фракийский, основывается, как видим, на словарном составе языка и его применении в текстах, а грамматические правила сводятся к обобщениям свойств слов [РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, 1996: 176]. К практическим результатам работы

¹⁷ Приведённые выше примеры наглядно подтверждают результаты ряда лингвистических работ, рассматривающих становление терминологических систем: согласно этим результатам, одним из основных источников образования терминов является общеупотребительная лексика [ЛОТТЕ, 1961^b; ДАНИЛЕНКО, 1976]. Об этом, в частности, говорит Т.Н. Омельяненко, отмечая, что «у обиходных слов развиваются значения, которые можно отнести к терминам той или иной области науки...» [ОМЕЛЬЯНЕНКО, 1983: 88–89].

александрийских филологов можно отнести появление учебника Дионисия Фракийского и фундаментального труда о синтаксисе Аполлония Дискола.

По сравнению с терминами грамматики, метрики и фонетики основным понятиям эллинистической риторико-стилистической системы присуща большая степень неоформленности и отсутствие чётких признаков терминологичности. Эти особенности проявляются, в частности, в наличии необозримого количества синонимов, характеризующих то или иное явление в области риторики или стилистики, будь то термины оценки качества речи или собственно фигуры речи (тропы). «Усердие теоретиков эллинистической риторики быстро нагромоздило огромное количество этих фигур, которые было очень легко назвать, труднее определить и ещё труднее систематизировать» [ГАСПАРОВ, 1994: 23]. Исследователи насчитывают до семидесяти «фигур», причём, как отмечает М.Л. Гаспаров, «в их число попадают и «период», и «свободоречие», и «наглядность», и другие неожиданные понятия» [ГАСПАРОВ, 1994: там же].

Точно восстановить хронологию появления того или иного термина в корпусе древнегреческой языковедческой традиции возможно лишь в случае установления авторства для каждой конкретной терминологической единицы, формирующей античную лингвистическую терминосистему. С этой целью из двухтомного «Древнегреческо-русского словаря» И.Х. Дворецкого (1958), а также из других источников были выбраны лингво-литературоведческие термины и распределены согласно указаниям на авторство.

С целью проанализировать хронологические рамки процесса становления лингвистической терминологии в древнегреческом языке весь лингвотерминологический корпус был сгруппирован по хронологическому признаку следующим образом: 1) условно-лингвистическая (протолингвистическая) терминология VIII в. до н.э.; 2) лингвистическая терминология VI–V вв. до н.э.; 3) лингвистическая терминология IV–III вв. до н.э.; 4) лингвистическая терминология II–I вв. до н.э.; 5) лингвистическая терминология I–II вв. н.э.; 6) лингвистическая терминология III–X вв. н.э.

1. Количествоный состав древнегреческой лингвотерминологии

Автор ¹⁸	VIII в. до н.э.	VI–V вв. до н.э.	IV–III вв. до н.э.	II–I вв. до н.э.	I–II вв. н.э.	III–X вв. н.э.	Система александрийской грамматики			Риторика, стилистика
	Метрика	Фонетика	Графика	Грамматика						
Гомер	8									
Эсхил		13								
Пиндар		1								
Софокл		13								
Еврипид		12								
Геродот		11								
Фукидид		7								
Аристофан		12								

¹⁸ Здесь и далее сокращения в столбце: Диодор С. (Диодор Сицилийский), Диоген Лаэрт. (Диоген Лаэртский), НЗ (Новый Завет), ПА (Палатинская Антология).

ГЛАВА II. Становление и развитие метаязыка европейского языкознания

Исократ		12									
Ксенофонт		5									
Платон		91									
Эсхин			1								
Аристотель			154								
Демосфен			9								
Феокрит			3								
Полибий				8							
Цицерон					3						
Диодор С.					9						
Квинтилиан						10					
Плутарх						126					
Лукиан						25					
Секст Эмпирик						67					
Диоген Лаэрт.						35					
Н3							3				
ПА							4				
Александр. грамматики								23	106	14	251
Ритор.-стил. термины											146
ВСЕГО:	8	177	167	20	263	7					394
											146

Результаты статистических подсчётов количественного состава терминов и терминологических словосочетаний, полученные в результате сплошной выборки, показывают, что первый значительный пласт лингвистической терминологии возник в VI–V вв. до н.э. (Платон). Второй терминологический пласт образуют термины IV–III вв. до н.э. (Аристотель). Третий терминологический пласт (II в. до н.э. – II в. н.э.) обязан своим появлением Плутарху, представителям Стои (Секст Эмпирик, Диоген Лаэртский) и Александрийской филологической школы. В более позднюю эпоху – вплоть до XV в. н.э. – значительного обогащения лингвотерминологии не происходит. Последующее развитие специальной лексики языкознания приходится на средние века (данные в таблице не представлены).

2. Частеречный состав древнегреческой лингвотерминологии

Частеречная характеристика, как принято считать, представляет собой наиболее общую категориальную характеристику семантики языковой единицы [ПОЛИКАРПОВ, КУРЛОВ, 1994: 62]. В данном разделе работы частеречный анализ выполняется в отношении древнегреческих лингвистических терминов, выраженных прилагательными и существительными.

Период	Автор	Терминология, выраженная	
		существительными (S)	прилагательными (A)
I	Гомер	7 (87%)	1 (13%)
ВСЕГО (1 период):		7 (87%)	1 (13%)
II	Эсхил	10 (77%)	3 (23%)
	Пиндар	1 (100%)	0 (0%)
	Софокл	9 (70%)	4 (30%)
	Еврипид	10 (77%)	3 (23%)

	Геродот	9 (82%)	2 (18%)
	Фукидид	5 (42%)	7 (58%)
	Аристофан	7 (58%)	5 (42%)
	Исократ	10 (77%)	3 (23%)
	Ксенофонт	4 (80%)	1 (20%)
	Платон	74 (81%)	17 (19%)
	ВСЕГО (2 период):	139 (74%)	45 (26%)
III	Эсхин	1 (100%)	0 (0%)
	Аристотель	111 (72%)	43 (28%)
	Демосфен	9 (100%)	0 (0%)
	Феокрит	2 (67%)	1 (33%)
	ВСЕГО (3 период):	123 (85%)	44 (15%)
IV	Полибий	5 (62%)	3 (38%)
	Цицерон	3 (100%)	0 (0%)
	Диодор Сицил.	5 (56%)	4 (44%)
	ВСЕГО (4 период):	13 (73%)	7 (27%)
V	Квинтилиан	10 (100%)	0 (0%)
	Плутарх	87 (70%)	38 (30%)
	Лукиан	17 (68%)	8 (32%)
	Секст Эмпирик	57 (85%)	10 (15%)
	Диоген Лаэрт.	25 (71%)	10 (29%)
	ВСЕГО (5 период):	196 (79%)	66 (21%)
VI	НЗ	3 (100%)	0 (0%)
	ПА	3 (75%)	1 (25%)
	Прочая	6 (67%)	3 (33%)
	ВСЕГО (6 период):	12 (75%)	4 (25%)
	Александрийские грамматики	323 (66%)	164 (34%)
	Риторико-стилистическая терминология	123 (85%)	22 (15%)

Частеречный анализ показывает, что практически во все периоды становления лингвистической терминологии доля существительных составляла $\frac{3}{4}$ всего терминологического корпуса, доля прилагательных – $\frac{1}{4}$.

Эти показатели незначительно изменяются в сторону относительного снижения доли терминов-существительных и увеличения доли терминов-прилагательных в терминологической системе Александрийской грамматики, составляя, соответственно, $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$.

В эллинистической риторико-стилистической терминологической системе подавляющее большинство образуют термины-существительные (85%).

3. Структурно-типологический анализ древнегреческой лингвотерминологии

Для целей данного обследования необходимо предварительно условиться о том, что понимается здесь под словом «термин». Древнегреческая филологическая лексика представляет собой сложный объект как в плане описания, так и анализа, потому что «только формируется, находится в развитии, становлении, текучести... во многом сохраняет значения естественной лексики, только из которой она и создаётся» [Славягинская, 2000: 116]. По вполне понятным причинам,

связанным, во-первых, с отсутствием у античных филологов чётких представлений о том, что есть термин как лингвистическое понятие, и, во-вторых, с общепотребительностью (нетерминологизированностью) значительной части исследуемой лексики (особенно в доалександрийский период становления лингвистической прототерминологии), приходится с известной долей условности отнести к этому пласту все выбранные лексемы, так или иначе имеющие отношение к грамматике и риторике, за исключением: 1) крайне незначительного числа встретившихся в обследуемом материале наречных образований типа *βουστροφηδόν* (*бустрофедон*, букв. ‘подобно волам, проводящим одну борозду за другой’, т.е. по-переменно то слева направо, то справа налево, как написаны древнейшие греческие документы), *έκφορικάς* ‘в переносном значении’ и 2) встречающихся весьма редко терминологических образований со сложной структурой типа *τὰ ὑπὸ τὴν χρείαν ὀνόματα* ‘общепотребительные слова’, *κατὰ γραμματικὴν μερισμός* ‘грамматический разбор’, *ἐν διὰ δυοῖν* (*гендиадис*, букв. ‘одно через два’, т.е. разновидность пленозама, при котором одно понятие выражается через два однородных члена).

Выбранная прототерминологическая лексика включает все имена существительные с определяющими словами и без таковых, а также имена прилагательные. Структура терминологических сочетаний в рамках данного обследования описывается в терминах частей речи, поскольку в древнегреческом языке, как известно, определяющее прилагательное согласуется в роде и числе с определяемым существительным, а зависимость управляемого существительного от управляющего выражается с помощью падежных окончаний.

ПЕРИОД	Автор	Однословные термины			Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:	
		простые		сложные		
		непроизводные	производные	S + A (A + S)	S + S _{gen.} (S _{gen.} + S)	
I	Гомер	8 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
ВСЕГО:		8/100%	0/0%	0/0%	0/0%	0/0%
II	Эсхил	9 (69%)	2 (15%)	1 (8%)	0 (0%)	1 (8%)
	Пиндар	0 (0%)	1 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	Софокл	10 (77%)	3 (23%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	Еврипид	6 (50%)	3 (25%)	2 (16%)	1 (8%)	0 (0%)
	Геродот	7 (64%)	4 (36%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	Фукидид	4 (57%)	2 (29%)	1 (14%)	0 (0%)	0 (0%)
	Аристофан	7 (58%)	3 (25%)	2 (17%)	0 (0%)	0 (0%)
	Исократ	2 (17%)	5 (41%)	3 (25%)	2 (17%)	0 (0%)
	Ксенофонт	4 (80%)	1 (20%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	Платон	21 (23,5%)	54 (60%)	6 (6,5%)	5 (5,5%)	4 (4,5%)
ВСЕГО:		70/55%	78/31%	15/11%	8/2%	5/1%
III	Эсхин	0 (0%)	1 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	Аристотель	38 (25%)	92 (60%)	13 (8%)	8 (5%)	3 (2%)
	Демосфен	5 (56%)	2 (22%)	2 (22%)	0 (0%)	0 (0%)
	Феокрит	2 (66%)	1 (34%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
ВСЕГО:		45/49%	96/38%	15/10%	8/3%	3/1%
IV	Полибий	0 (0%)	6 (75%)	2 (25%)	0 (0%)	0 (0%)
	Цицерон	2 (66%)	1 (34%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	Диодор Сицил.	1 (11%)	7 (78%)	1 (11%)	0 (0%)	0 (0%)

ВСЕГО:		3/26%	14/62%	3/12%	0/0%	0/0%
V	Квинтилиан	0 (0%)	8 (80%)	2 (20%)	0 (0%)	0 (0%)
	Плутарх	22 (17%)	76 (60%)	17 (13%)	7 (7%)	4 (3%)
	Лукиан	3 (12%)	14 (56%)	7 (28%)	0 (0%)	1 (4%)
	Секст Эмпирик	11 (16%)	41 (62%)	4 (6%)	11 (16%)	0 (0%)
	Диоген Лаэрт.	6 (18%)	21 (60%)	4 (11%)	4 (11%)	0 (0%)
ВСЕГО:		42/13%	160/63%	34/16%	22/7%	5/1%
VI	НЗ	1 (34%)	2 (67%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	ПА	1 (25%)	1 (25%)	1 (25%)	0 (0%)	1 (25%)
	Прочая	0 (0%)	3 (25%)	6 (75%)	0 (0%)	0 (0%)
ВСЕГО:		2 (20%)	6 (40%)	7 (33%)	0 (%)	1 (8%)
ВСЕГО В ТАБЛИЦЕ:		170/27%	354/55%	74/10%	38/6%	14/2%
Система александровской грамматики		51 (13%)	248 (64%)	38 (10%)	50 (13%)	1 (0%)
Риторико-стилистическая терминология		24 (17%)	86 (63%)	15 (10%)	8 (6%)	6 (4%)

Выполненное структурно-типологическое обследование лингвистической терминологии показало, что с VIII по III в. до н.э. большую часть лингвотерминологического корпуса формировала терминология, представленная простыми непроизводными словами. Этот пласт терминологической лексики постепенно сокращался от 100% в гомеровском периоде до 49% в 3-м периоде. Доля лексики, представленной простой производной терминологией, в описываемый период времени постепенно возрастает от 0% до 38%. Доля сложных терминов, отсутствовавших в VIII–VII вв., в VI–III вв. составляла $\approx \frac{1}{10}$ от всей терминологии. Наряду со сложной с точки зрения словаобразования терминологией некоторую часть терминологической лексики (1-3%) сформировали словосочетания типа S+A и S+S_{gen}.

Качественное изменение терминологического состава совпало с началом деятельности александрийской филологической школы. В период с II в. до н.э. по II в. н.э. имеет место устойчивый рост простой производной терминологии (до 63%) в основном за счёт сокращения доли простых непроизводных терминов (с 49% до 13%) и незначительного увеличения числа сложных терминов (от 10% до 16%). К концу II в. н.э. в первую очередь до 7% увеличивается количество терминологических словосочетаний со структурой A+S.

В 6-м (византийском) периоде (III–XV вв. н.э.) доля простой производной терминологии существенно снижается (с 63% до 40%), а доля простых непроизводных терминов возрастает с 13% до 20%. Одновременно увеличивается в два раза доля сложной терминологии (с 16% до 33%). Данные по этому периоду следуют, однако, считать условными в силу нерепрезентативности зафиксированной терминологии.

Итоговые данные таблицы свидетельствуют о том, что большую часть всей грамматико-риторической терминологии составляют простые производные термины (55%). Доля сложной терминологии и терминологических словосочетаний типов A+S и S+S_{gen} образует около $\frac{1}{3}$ всего терминологического корпуса и превышает долю простой непроизводной терминологии, составляющей $\frac{1}{4}$.

Отдельное исследование качественного состава было предпринято в отношении составляющих метаязыка лингвистики в системе александрийской грамматики и в эллинистической риторической системе. Данные по этим разделам приведены в конце таблицы. По обоим разделам зафиксированы практиче-

ски идентичные результаты. Доля простой непроизводной терминологии колеблется от 13% до 17%, простая производная терминология составляет почти две трети от общего числа грамматико-риторических терминов, сложная – 10%, доля терминологических словосочетаний составляет от 10% до 13%.

В следующей таблице приведены данные по структурному составу Александрийской терминологической лексики, обслуживающей различные отделы лингвистики:

Отдел лингвистики	Однословные термины			Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:	
	простые		сложные	S + A (A + S)	S + S _{gen.} (S _{gen.} + S)
	непроиз- водные	произ- водные			
Метрика	6 (27%)	7 (32%)	7 (32%)	2 (9%)	0 (0%)
Фонетика	12 (12%)	61 (60%)	14 (13%)	15 (15%)	0 (0%)
Графика	6 (44%)	5 (35%)	0 (0%)	3 (21%)	0 (0%)
Грамматика	27 (12%)	150 (67%)	17 (8%)	30 (13%)	1 (0%)

В области фонетики и собственно грамматики (в современном понимании этого термина) доля простых производных терминов составляет $\frac{2}{3}$ от общего количества терминов, формирующих эти отделы лингвистики. В графике и метрике эта доля составляет $\frac{1}{3}$ всего терминологического корпуса. Простая непроизводная терминология широко представлена только в графике, где её доля составляет 44%. В фонетике и грамматике доля простых терминов составляет чуть более $\frac{1}{10}$, в метрике – около $\frac{1}{3}$.

Сложная терминология в абсолютном выражении наиболее распространена в фонетике и грамматике, но в процентном отношении её доля невелика: 14–17%. В терминологии графики сложные терминологические образования вообще отсутствуют, в метрике их доля составляет около $\frac{1}{3}$.

Количество терминологических словосочетаний наиболее широко представлено в грамматике, менее широко – в фонетике, где их доля составляет, соответственно, 13% и 15%. В терминологии графики и метрики словосочетания встречаются менее часто, о чём свидетельствуют абсолютные показатели (соответственно, 3 и 2 словосочетания).

Полученные в ходе структурно-типологического исследования результаты в целом свидетельствуют о постоянной и устойчивой тенденции к структурному усложнению лингвистической терминологии, пик которой приходится на период II в. до н.э. – II в. н.э.

4. Лексикографическая практика

Лингвистическая терминология как таковая во времена античности не являлась предметом терминографического описания. Не было создано ни одного терминологического словаря или лексикона, разумеется, в современной трактовке этого направления лексикографической практики, что объяснимо отсутствием у древних чёткого представления о сущности термина и терминологии и – как следствие – неразвитостью терминосистем и неоформленностью терминографии как отрасли науки о языке. Иное положение складывается в области лексикографического описания древнегреческого и латинского языков как совокупности общеязыковых лексических единиц безотносительно к сферам их функционирования, включая, естественно, существовавшие в то время термины метрики, фонетики и грамматики.

Основоположниками античной лексикографии явились софисты. Позднее значительное развитие она получила в трудах александрийских учёных III в. до н.э. Аристофана Византийского и Зенодота Эфесского. В описываемый временной промежуток появились словари, включающие лексику какого-либо одного автора или определённого литературного жанра. Зенодот явился создателем словаря гомеровских глосс, построенного по алфавитному принципу. Аристофан Византийский известен тем, что заложил научные основы развития лексикографии, стремясь максимально охватить все слова и выражения, относящиеся к избранной им сфере, скрупулезно выявляя значения и случаи изменения значений отдельных слов [Симашко, 2001: 80]. Однако основное внимание лексикографов в это время было всё же сосредоточено на расшифровке тёмных мест в рукописях (*ἀνακάθαρσις*) и толкованиях глосс (устаревших слов – *glossai* и слов, ограниченно понятных – *lexeis*) [Сусов, 1999: гл. 2]. С функциональной точки зрения, в глоссах реализовывалась метаязыковая функция языка, т.е. применялся способ описания языка (отдельных его лексем) средствами самого языка.

В I в. н.э. античная лексикография получила новый импульс в своём развитии благодаря Памфилу, создавшему лексикон, в котором были систематизированы лексикографические работы предшествующих веков.

Во II-V вв. н.э. лексикографами предпринимались попытки создания нормативных словарей, в частности, словаря аттического наречия древнегреческого литературного языка. Однако, как отмечает Т.В. Симашко, «все составители словарей этого периода в качестве материала привлекали только письменные источники, лексика же устной речи, в том числе и диалектная, не получала отражения в словарях» [Симашко, 2001: 80].

Конец этого периода был ознаменован появлением объёмного лексикона Гесихия Александрийского, чей лексикографический труд и поныне остаётся наиболее заметной вехой в истории древнегреческой лексикографии. По авторитетному свидетельству Ф. Любкера, словарь Гесихия, «хотя он весьмаискажён переписчиками и интерполяторами, представляет отличный памятник греческой лексикологии и чрезвычайно важен для понимания и для критики греческих поэтов, ораторов и историков» [ЛЮБКЕР, 2001, II: 127]. Продолжателями античных лексикографических традиций, связанных с нормированием лексики, явились в более позднее время (XIII в.) византийские лексикографы Мосхопулос и Фома Магистр. Именно в это время зафиксировано появление первых терминологических словарей [Сусов, 1999: гл. 4.1].

В IX в. значительный вклад в развитие лексикографии как науки внёс византийский учёный и политик Фотий, создавший лексикон, полный текст которого был найден в 1959 г. в одной из греческих монастырских библиотек. Лексикон включал материал словарей, созданных в первые века нашей эры отдельными античными авторами [СА, 1989: 312, 616].

2.2. Латинский язык как основа метаязыка и источник понятийного аппарата европейской лингвистики

Древнегреческая лингвистическая традиция, начало которой было положено упомянутыми выше авторами, была успешно продолжена представителями грамматических, философских и риторических школ Древнего Рима (Цицерон, Варрон, Харизий, Присциан, Сервий, Донат, Макробий, Аполлоний, Квинтилиан и др.), которые впитали в себя вместе с теоретическими основами логики, философии, риторики и грамматики также и терминологический аппарат, которым пользовались эти отрасли наук. Как отмечает И.П. Сусов, «значитель-

ное влияние на формирование римской грамматики оказали хорошее знакомство с греческой наукой, культурой, литературой, риторикой и философией, знание многими римлянами греческого языка, лекции и беседы теоретика пергамской школы Кратета Маллосского» [Сусов, 1999: гл. 2]. Пребывание последнего в Риме в 169 г. до н.э. положило начало языкоznанию у римлян, которые, внимательно изучив свой родной язык, используя и развивая достижения греческих грамматиков, создали ряд учебников, оказавших огромное влияние на средневековую и более позднюю филологию. Среди наиболее известных работ – фундаментальный труд Варрона (I в. до н.э.), исследования Доната (IV в. н.э.) и Присциана (ок. 500 г. н.э.).

Наличие в латинском языке значительного количества терминологических заимствований, а также лексических новообразований, в основу которых положены терминоэлементы древнегреческого происхождения, со всей убедительностью показывает принципиальную общность и преемственность развития лингвистики в Греции и Риме. Выявляющаяся в ходе историко-лингвистических исследований последних лет типологическая общность процессов развития науки на определённых этапах существования древнегреческого и римского общества, в частности, в гуманитарной сфере, даёт основания предполагать, что известный параллелизм их путей развития сопровождался выработкой общей терминологии лингвистического характера¹⁹.

В качестве примера здесь может быть упомянута «Rhetorica ad Herennium» – написанный в I в. до н.э. латинский риторический учебник неизвестного автора, который переносит основные принципы эллинистической риторико-стилистической системы на латинскую почву, заменяя греческую терминологию эквивалентными латинскими терминами. При этом собственно греческая терминология представлена в сравнительно ограниченном объёме.

Тем же путём следует Квинтилиан, предпринявший в своей «Institutio oratoria» попытку сообщить некоторую системность терминологическому аппарату эллинистической риторической системы, в особенности той его части, которая трактует о сочетании слов, построении фраз и об использовании фигур речи. Излагая основы античной риторической системы, он, как правило, даёт греческие термины и приводит параллельно им латинские эквиваленты (*paronomasia* – *anponinatio*, *antanaclasis* – *traductio*, *antapodisis* – *redditio contraria*, *antimetabole* – *commutatio*, *antithesis* – *contrapositum*, *contentio* и т.п. [АТ, 1996: 200–306]).

Количество синонимичной латинской терминологии к одному греческому заимствованию в работах латинских авторов может при этом превышать все мыслимые пределы.

Примеры. К термину *periodus* обнаруживается 12 латинских эквивалентов: 1) *ambitus verborum* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 65], 2) *circuitus verborum* [*orationis*] [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 183], 3) *circumductio* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 183], 4) *circumductum* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 183], 5) *circumitus verborum* [*orationis*] [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 183], 6) *circumscriptio* [*verborum*] [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 187], 7) *complexio verborum* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 218], 8) *comprehensio* [*verborum*] [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 220], 9) *conclusio* [*verborum*] [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 225], 10) *ductus* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 351], 11) *iunctio verborum* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976:

¹⁹ Общность древнегреческой и латинской терминологии на начальных этапах развития различных отраслей наук прослеживается не только в сфере лингвистики. Интересной в связи с этим представляется, к примеру, статья В.П. Яйленко, посвящённая исследованию общности коммуникативной и социальной терминологии архаической Греции и раннего Рима на примере терминов, отражающих иерархию гентильных структур греческого и раннеримского обществ. [ЯЙЛЕНКО, 1993: 88–99].

242], 12) *sensus* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 919].

К термину *prolepsis* обнаруживается 4 латинских эквивалента: 1) *occupatio* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 696], 2) *praenotio* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 798], 3) *praesumptio* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 803], 4) *praeoccupatio* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 799].

К термину *metalepsis* обнаруживается 4 латинских эквивалента: 1) *translativa* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 1026], 2) *transpositiva* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 1027], 3) *transumptio* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 1027; тж. АТ, 1996: 237], 4) *transumptiva* [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 1027].

С целью проанализировать хронологию и истоки возникновения латинской терминологии лингво-литературоведческого характера был обследован «Латинско-русский словарь» И.Х. Дворецкого и другие источники, из которых исследуемая терминология была выделена методом сплошной выборки и распределена согласно указаниям на авторство.

Далее весь латинский лингвотерминологический корпус был сгруппирован по хронологическому признаку следующим образом: 1) лингвистическая терминология (прототерминология) доклассической латыни (III–II вв. до н.э.); 2) лингвистическая терминология классической латыни (I в. до н.э. – I в. н.э.); 3) лингвистическая терминология постклассической латыни (II–III вв. н.э.); 4) позднелатинская лингвистическая терминология (IV–VI вв. н.э.); 5) средневековая (или среднелатинская) лингвистическая терминология (VII – XIII вв. н.э.); 6) современная латинская лингвистическая терминология²⁰.

1. Количественный состав латинской лингвотерминологии

Период I. Лингвистическая терминология доклассической латыни (III–II вв. до н.э.).

Автор	Количест- во терми- нов	III в. до н.э.		
		Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
Плавт	7 (100%)	2 (29%)	0 (0%)	5 (71%)
II в. до н.э.				
Теренций	3 (100%)	1 (33%)	2 (67%)	0 (0%)
Луциллий	5 (100%)	2 (40%)	1 (20%)	2 (40%)
ВСЕГО	8 (100%)	3 (37,5%)	3 (37,5%)	2 (25%)
ВСЕГО в I периоде	15 (100%)	Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
		5	33,3%	7
			3	20%
				46,7%

Терминологию языковедческого характера исследуемого периода можно назвать условно-лингвистической (протолингвистической) по причине того, что лингвистические термины периода доклассической латыни встречаются крайне

²⁰ Отнесение ряда терминов к тому или иному хронологическому периоду сопряжено с некоторыми трудностями, в частности, с тем обстоятельством, что разные источники связывают появление отдельных терминов с различными историческими периодами. Например, термин *alphabetum* И.Х. Дворецкий приписывает *auctoribus Ecclesiasticis*, т.е. церковной латыни [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 60], что позволяет датировать это слово II–III вв. н.э. (ср. тж. [DUDEN, 2000]); словарь английской этимологии относит данный термин к позднелатинскому периоду [HOAD, 1996: 12] (ср. тж. [ЧЕРНЫХ, 1993, I: 38]). Термин *uvula* Т.Ф. Хоуд считает позднелатинским [HOAD, 1996: 518], в словаре DUDEK он отнесен к среднелатинскому периоду [DUDEK, 2000]. Термин *dentalis* Т.Ф. Хоуд считает среднелатинским [HOAD, 1996: 119], в словаре DUDEK он отнесен к позднелатинскому периоду [DUDEK, 2000].

редко и имеют расплывчатый лингвистический статус, ибо регистрируются в произведениях нелингвистического характера ($\frac{2}{3}$ терминов (10 из 15) зафиксированы в работах, вышедших из-под пера комедиографов Плавта и Теренция).

При анализе терминологии применительно к конкретным сферам функционирования выявлено следующее: около половины терминов относится к сфере грамматики (46,7%), $\frac{1}{3}$ составляют термины фонетики (33,3%), $\frac{1}{5}$ от общего числа терминов – термины риторики и стилистики (20%). Подобный результат исследования метаязыка доклассической лингвистики может свидетельствовать о недостаточной сбалансированности и развитости отраслей лингвистической науки этого периода.

Период II. Лингвистическая терминология классической латыни (I в. до н.э. – I в. н.э.).

Автор ²¹	Количество терминов	I в. до н.э.		
		Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
Цицерон	306 (100%)	108 (35%)	114 (37%)	84 (28%)
Варрон	97 (100%)	16 (16%)	1 (1%)	80 (83%)
Риторика Г.	72 (100%)	7 (9,7%)	56 (77,8%)	9 (12,5%)
Непот	1 (100%)	1 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Лукреций	5 (100%)	2 (40%)	0 (0%)	3 (60%)
Катулл	4 (100%)	4 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Саллюстий	5 (100%)	1 (20%)	3 (60%)	1 (20%)
Вергилий	6 (100%)	2 (33%)	0 (0%)	4 (67%)
Гораций	43 (100%)	33 (76,7%)	3 (7%)	7 (16,3%)
Ливий	14 (100%)	6 (42,9%)	1 (7,1%)	7 (50%)
Сенека	39 (100%)	15 (38,5%)	11 (28,2%)	13 (33,3%)
Овидий	23 (100%)	18 (78,2%)	2 (8,7%)	3 (13,1%)
ВСЕГО	615 (100%)	213 (34,6%)	191 (31%)	211 (34,4%)
I в. н.э.				
Плиний Ст.	10 (100%)	5 (50%)	1 (10%)	4 (40%)
Квинтилиан	494 (100%)	180 (36,4%)	173 (35%)	141 (28,6%)
Стаций	5 (100%)	5 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Марциал	9 (100%)	9 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Сульпиция	3 (100%)	3 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Колумелла	11 (100%)	9 (81,8%)	0 (0%)	2 (18,2%)
Федр	2 (100%)	1 (50%)	0 (0%)	1 (50%)
Петроний	11 (100%)	5 (45,5%)	2 (18%)	4 (36,5%)
Витрувий	7 (100%)	5 (71,5%)	0 (0%)	2 (28,5%)
Тацит	11 (100%)	4 (36,4%)	3 (27,2%)	4 (36,4%)
Плиний Мл.	18 (100%)	11 (61%)	3 (16,7%)	4 (22,3%)
ВСЕГО	581 (100%)	237 (40,8%)	182 (31,3%)	162 (27,9%)
ВСЕГО во II периоде	1196 (100%)	Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
		450	37,6%	373
				31,2%

Лингвистические термины классической латыни формируют ядро тер-

²¹ Здесь и далее сокращения в столбце: Риторика Г. (Риторика к Гереннию), Плиний Ст. (Плиний Старший), Плиний Мл. (Плиний Младший), Auctores Eccl. (церковная латынь).

минологического корпуса метаязыка лингвистики. В период I в. до н.э. – I в. н.э. зафиксировано появление 1196 терминов фонетики, метрики, риторики и грамматики, что в 6 раз превышает количество терминов постклассического периода развития латинского языка и более чем в 2 раза количество терминов, появившихся в позднелатинский период. Основной вклад в развитие лингвотерминологии был сделан Квинтилианом (494 терминологические единицы в абсолютном выражении), Цицероном (306 терминов), Варроном (97 терминов) и автором «Rhetorica ad Herennium» (72 термина). Особенностью лингвистического вклада Квинтилиана и Цицерона, несомненно, можно признать сбалансированность подхода ко всем сторонам функционирования языка, что выражается в практически равных долях фонетико-метрических, риторико-стилистических и грамматических терминов.

Марк Теренций Варрон больше внимания уделяет грамматическому аспекту функционирования языка, о чём свидетельствует более чем 80-процентная доля грамматической терминологии в его работах ($\frac{3}{4}$ всего терминологического корпуса). В связи с этим достаточно упомянуть о созданном им труде «De lingua Latina», где эта терминология употребляется. Работы Варрона (их насчитывается свыше 600) оказали исключительное влияние на развитие всей последующей античной науки, которая «крайне редко выходила за пределы достигнутых Варроном результатов» [СА, 1989: 93].

«Риторика к Гереннию» изобилует риторико-стилистической терминологией, составляющей около $\frac{3}{4}$ всего зафиксированного терминосостава.

Анализ количественного состава лингвотерминов свидетельствует о том, что в классической латыни терминология всех отделов науки о языке получила практически одинаковое развитие. Фонетико-метрическая терминология лишь в незначительной степени (на 5-6%) превышает количество риторико-стилистических и грамматических терминов, представленных в равных долях – по 31,2%.

Период III. Лингвистическая терминология постклассической латыни (II–III вв. н.э.).

Автор	Количество терминов	II в. н.э.		
		Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
Светоний	22 (100%)	8 (36,5%)	1 (4,5%)	13 (59%)
Флор	2 (100%)	0 (0%)	2 (100%)	0 (0%)
Авл Геллий	106 (100%)	30 (28,3%)	14 (13,2%)	62 (58,5%)
Апулей	30 (100%)	20 (66,7%)	1 (3,8%)	9 (30%)
Фронто	4 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	4 (100%)
ВСЕГО	164 (100%)	58 (35,4%)	18 (11%)	88 (53,6%)
III в. н.э.				
Тертуллиан	7 (100%)	1 (14,3%)	1 (14,3%)	5 (71,4%)
Auctores Eccl.	25 (100%)	11 (44%)	3 (12%)	11 (44%)
ВСЕГО	32 (100%)	12 (37,5%)	4 (12,5%)	16 (50%)
ВСЕГО в III периоде	196 (100%)	Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
		70	35,7%	104
			22	53,1%
			11,2%	

В постклассической латыни доля фонетико-метрической терминологии сохраняется на прежнем уровне, сохраняя за собой немногим более трети от

всего терминосостава этого периода (35,7%), в то время как доля риторико-стилистических терминов резко снижается (с 31% до 11%), а доля грамматической терминологии составляет более половины терминологического корпуса (53%). Полученные данные свидетельствуют о завершении формирования терминологического инвентаря, обслуживающего риторику и стилистику как один из основных отделов античного языкоznания. Косвенным подтверждением этого факта служат созданные в предыдущие периоды развития латинского языка пособия по риторике и ораторскому искусству, в частности, уже упомянутая выше «Institutio oratoria» Квинтилиана [CA, 1989: 256], трактаты об ораторском искусстве Цицерона и т.д.

В то же время основное внимание античных языковедов сосредоточивается в исследуемый период на грамматическом аспекте функционирования языка.

Период IV. Позднелатинская лингвистическая терминология (IV–VI вв. н.э.).

Автор	Количество терминов	IV в. н.э.			
		Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика	
Авсоний	40 (100%)	35 (87,5%)	1 (2,5%)	4 (10%)	
Марцеллин	6 (100%)	5 (83%)	1 (17%)	0 (0%)	
Иероним	10 (100%)	4 (40%)	3 (30%)	3 (30%)	
Аврелий	21 (100%)	6 (28,6%)	4 (19%)	11 (52,4%)	
Макробий	23 (100%)	12 (52,2%)	2 (8,7%)	9 (39,1%)	
ВСЕГО	100 (100%)	62 (62%)	11 (11%)	27 (27%)	
V в. н.э.					
Сидоний	17 (100%)	14 (82,3%)	1 (5,9%)	2 (11,8%)	
Боэций	8 (100%)	3 (37,5%)	2 (25%)	3 (37,5%)	
ВСЕГО	25 (100%)	17 (68%)	3 (12%)	5 (20%)	
IV–VI вв. н.э.					
Без автор.	419 (100%)	132 (31,5%)	30 (7,2%)	257 (61,3%)	
ВСЕГО в IV периоде	544 (100%)	Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика	
		211	38,8%	44	8,1%

Основные тенденции предыдущего периода сохраняются в поздней латыни: незначительно возрастает количество фонетико-метрической терминологии (с 35,7% до 38,8%), несколько снижается доля риторико-стилистических терминов (с 11,2% до 8,1%). Количество грамматических терминов сохраняется на прежнем уровне (более 50%), что позволяет говорить о стабильном интересе античных лингвистов к грамматической стороне функционирования языка.

Период V. Лингвистическая терминология средневековой латыни (VII– XIII вв. н.э.).

Автор	Количество терминов	ОТДЕЛЫ ЛИНГВИСТИКИ		
		Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
Без авторства	91 (100%)	39 (42,8%)	9 (9,9%)	43 (47,3%)
ВСЕГО	91 (100%)	39 (42,8%)	9 (9,9%)	43 (47,3%)

В среднелатинский период основное внимание языковедов направлено на изучение грамматики и фонетики.

Подавляющее большинство терминов, относящихся к фонетико-метрическому разделу, формируют термины фонетики, в то время как термины метрики представлены всего лишь одним базовым терминологическим образованием – *metricus*. Доля фонетической терминологии составляет почти 43% всего терминосостава.

В сфере грамматической терминологии наблюдается незначительное снижение количества терминов по сравнению с позднелатинским периодом (на 5%).

Доля риторико-стилистических терминов остаётся неизменной и сопоставимой с долей этой терминологии в постклассический и позднелатинский периоды (ср., соответственно, 11,2% – 8,1% – 9,9%).

Период VI. Лингвистическая терминология современной латыни.

Автор	Количество терминов	ОТДЕЛЫ ЛИНГВИСТИКИ		
		Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
Без авторства	32(100%)	21 (65,6%)	1 (3,1%)	10 (31,3%)
ВСЕГО	32(100%)	21 (65,6%)	1 (3,1%)	10 (31,3%)

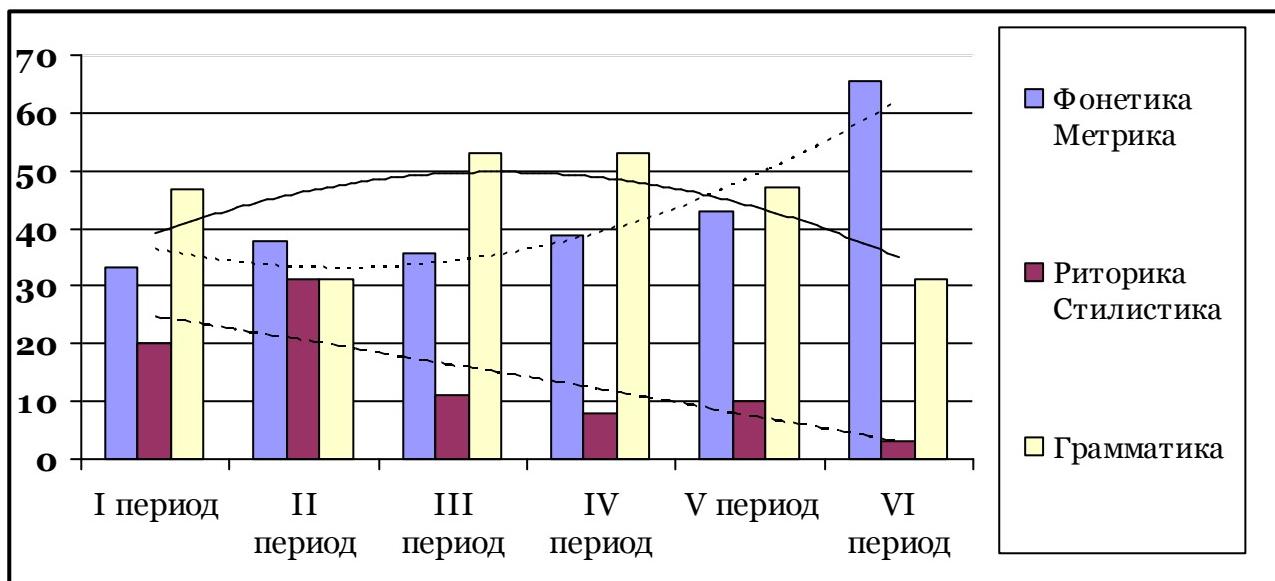
Лингвистическая терминология современной латыни представлена выборочно и только с целью проиллюстрировать продуктивные возможности «мертвой» латыни. Разумеется, делать выводы в отношении количественного состава лингвотерминов современной латыни на основе приведённых здесь примеров не представляется возможным. Можно лишь указать на тенденцию, усматриваемую по результатам указанных в таблице данных: латынь продолжает питать лингвотерминологический корпус, оставаясь источником новых терминологических образований в сфере фонетики и грамматики.

В приводимой ниже диаграмме отражена динамика развития терминологического аппарата различных отделов лингвистики.

Объём терминологии фонетики и метрики обнаруживает тенденцию к незначительному снижению в третьем (постклассическом) хронологическом периоде по сравнению с предыдущими периодами, затем отмечается устойчивый рост этой терминологии в последующие периоды. Увеличение числа терминов этих отделов лингвистики происходит в основном за счёт терминов фонетики, что свидетельствует о завершении в основных чертах формирования терминологического корпуса метрики к концу позднелатинского периода и продолжающемся поступательном развитии терминологии фонетики.

Пик развития терминологического аппарата риторики и стилистики приходится на второй (классический) хронологический период, в последующие же периоды зафиксирована стабильная тенденция к снижению доли этой терминологии в общем объёме лингвистических терминов, что свидетельствует о завершении формирования терминологического инструментария риторики и стилистики к концу позднелатинского периода.

Развитие терминологического аппарата грамматики, как показывает диаграмма, идёт более плавными темпами во все исследуемые хронологические периоды по сравнению с терминологией других отделов лингвистики, достигая своего максимума в постклассический и позднелатинский периоды. Отмеченное на диаграмме снижение доли грамматической терминологии в общем количестве лингвистических терминов в современной латыни следует признать условным ввиду нерепрезентативности этой терминологии в обследованных нами источниках.

В количественном отношении наиболее репрезентативной является терминология фонетики, метрики и грамматики. Доля терминов, обслуживающих эти отдельы лингвистики, во все исследуемые хронологические периоды развития латинского языка значительно превышает долю риторико-стилистической терминологии. Количество фонетико-метрических терминов последовательно возрастает с $\frac{1}{3}$ (33%) в доклассическом периоде до $\frac{2}{3}$ (65%) в средневековом и современных периодах. Количество грамматических терминов колеблется в пределах $\frac{1}{3}$ (33%) в классическом периоде до $\frac{1}{2}$ (50%) в постклассическом и позднелатинском периодах. Количество риторико-стилистической терминологии, достигая $\frac{1}{3}$ (30%) в классическом периоде, последовательно снижается до 8–10% в поздне- и среднелатинском периодах. Исчезающее малое её количество зафиксировано в современной латыни (3–4%).

2. Частеречный состав латинской лингвотерминологии

Соотношение лингвистических терминов, выраженных прилагательными и существительными, приводится в таблице:

ПЕРИОДЫ	Автор	Терминология, выраженная	
		существительными (S)	прилагательными (A)
I	Плавт	6 (85,7%)	1 (14,3%)
	Теренций	3 (100%)	0 (0%)
	Луциллий	5 (100%)	0 (0%)
ВСЕГО (1 период)		14 (93,3%)	1 (6,7%)
II	Цицерон	238 (82,4%)	51 (17,6%)
	Варрон	52 (66,7%)	26 (33,3 %)
	Риторика Г.	62 (82,6%)	13 (17,4%)
	Непот	1 (100%)	0 (0%)
	Лукреций	5 (100%)	0 (0%)
	Катулл	4 (80%)	1 (20%)

	Саллюстий	3 (60%)	2 (40%)
	Вергилий	7 (100%)	0 (0%)
	Гораций	29 (76,3%)	9 (23,7%)
	Ливий	13 (92,8%)	1 (7,2%)
	Сенека	35 (85,4%)	6 (14,6%)
	Овидий	17 (65,4%)	9 (34,6%)
	Плиний Ст.	8 (80%)	2 (20%)
	Квинтилиан	358 (83,8%)	69 (16,2%)
	Стаций	4 (57,1%)	3 (42,9%)
	Марциал	9 (90%)	1 (10%)
	Сульпиция	3 (100%)	0 (0%)
	Колумелла	8 (66,7%)	4 (33,3%)
	Федр	1 (50%)	1 (50%)
	Петроний	11 (91,7%)	1 (8,3%)
	Витрувий	5 (71,4%)	2 (28,6%)
	Тацит	8 (72,7%)	3 (27,3%)
	Плиний Мл.	15 (71,4%)	6 (28,6%)
	ВСЕГО (2 период)	896 (81%)	210 (19%)
III	Светоний	21 (95,5%)	1 (4,5%)
	Флор	2 (100%)	0 (0%)
	Авл Геллий	69 (72,6%)	26 (27,4%)
	Апулей	17 (60,7%)	11 (39,3%)
	Фронто	3 (75%)	1 (25%)
	Тертуллиан	4 (57,1%)	3 (42,9%)
	Auctores Eccl.	17 (68%)	8 (32%)
	ВСЕГО (3 период)	133 (72,7%)	50 (27,3%)
IV	Авсоний	30 (75%)	10 (25%)
	Марцеллин	5 (83,3%)	1 (16,7%)
	Иероним	9 (81,8%)	2 (18,2%)
	Аврелий	15 (71,4%)	6 (28,6%)
	Макробий	19 (79,2%)	5 (20,8%)
	Сидоний	8 (44,4%)	10 (55,6%)
	Боэций	5 (62,5%)	3 (37,5%)
	Без автор.	208 (53,6%)	180 (46,4%)
	ВСЕГО (4 период)	299 (57,9%)	217 (42,1%)
V	Без автор.	62 (67,4%)	30 (32,6%)
VI	Без автор.	17 (53,1%)	15 (46,9%)
	ВСЕГО (в табл.)	1421 (73,1%)	523 (26,9%)

На протяжении первых четырёх периодов развития латинского языка (до-классический, классический, постклассический, позднелатинский) прослеживается чёткая динамика в изменении соотношения терминов-существительных и терминов-прилагательных в сторону снижения относительного количества существительных. Ср.: 93,3% – 81% – 72,7% – 57,9%. Количество терминов-прилагательных в относительном выражении возрастает в соответствующей пропорции: 6,7% – 19% – 27,3% – 42,1%. К концу позднелатинского периода относительное количество существительных и прилагательных стремится к равновесию. Результаты исследо-

вания количественного соотношения существительных и прилагательных в сфере терминологии в целом подтверждают наше предположение о том, что первоначально формируется пласт терминов-наименований, от которых затем по мере необходимости образуются прилагательные и глаголы.

Процессы деривации затрагивают как исконную, так и заимствованную терминологию. Тенденция к обмену главным образом словами-наименованиями фиксируется в лингвистической литературе в приложении к современным языкам [Крысин, 1968: 59]. Анализ показывает, что сходные деривационные процессы в сфере частей речи имеют место в ходе исторического развития древних языков, и, следовательно, носят генерализованный характер.

С учётом среднелатинской и новолатинской терминологии количество терминов-существительных в целом составляет около $\frac{3}{4}$ всего терминологического корпуса, количество терминов-прилагательных, соответственно, $\frac{1}{4}$.

3. Структурно-типологический анализ латинской лингвотерминологии

Результаты структурно-типологического анализа сведены в таблицу:

ПЕРИОД	Автор	Однословные термины			Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:	
		простые		сложные	S + A (A + S)	S + S _{gen.} (S _{gen.} + S)
		непроизводные	производные			
I	Плавт	4 57,1%	3 42,9%	0 0%	0 0%	0 0%
	Теренций	0 0%	3 100%	0 0%	0 0%	0 0%
	Луциллий	0 0%	2 40%	3 60%	0 0%	0 0%
ВСЕГО (1 период):		4 26,7%	8 53,3%	3 20%	0 0%	0 0%
II	Цицерон	47 15,3%	141 46,1%	6 2%	46 15%	53 17,3%
	Варрон	13 13,4%	45 46,4%	4 4,1%	24 24,7%	11 11,3%
	Риторика Г.	2 2,8%	47 65,3%	3 4,2%	10 13,9%	6 8,3%
	Непот	0 0%	1 100%	0 0%	0 0%	0 0%
	Лукреций	1 20%	3 60%	0 0%	1 20%	0 0%
	Катулл	1 25%	1 25%	1 25%	1 25%	0 0%
	Саллюстий	2 40%	1 20%	0 0%	2 40%	0 0%
	Вергилий	1 14,3%	4 57,1%	0 0%	2 28,6%	0 0%
	Гораций	13 30,2%	11 25,6%	2 4,7%	15 34,9%	2 4,7%
	Ливий	3 21,4%	7 50%	0 0%	3 21,4%	1 7,1%
	Сенека	7 17,9%	19 48,7%	4 10,3%	5 12,8%	4 10,3%
	Овидий	5 21,7%	9 39,1%	0 0%	7 30,4%	1 4,3%
	Плиний Ст.	2 20%	5 50%	0 0%	2 20%	1 10%
	Квинтилиан	41 8,3%	286 58%	39 7,9%	68 13,7%	53 10,7%
	Стаций	0 0%	2 40%	0 0%	3 60%	0 0%
	Марциал	3 33,3%	2 22,2%	3 33,3%	1 11,1%	0 0%
	Сульпиция	0 0%	3 100%	0 0%	0 0%	0 0%
	Колумелла	1 9,1%	5 45,5%	1 9,1%	3 27,3%	1 9,1%
	Федр	0 0%	2 100%	0 0%	0 0%	0 0%
	Петроний	0 0%	6 54,5%	2 18,2%	1 9,1%	2 18,2%
	Витрувий	0 0%	5 71,4%	1 14,3%	0 0%	1 14,3%
	Тацит	3 27,3%	5 45,5%	0 0%	1 9,1%	2 18,2%

	Плиний Мл.	1 5,6%	10 56%	4 22,2%	3 16,7%	0 0%
ВСЕГО (2 период):	146 14%	520 48%	70 6,5%	198 18,5%	138 13%	
III	Светоний	4 18,2%	14 63,6%	2 9,1%	1 4,6%	1 4,6%
	Флор	0 0%	2 100%	0 0%	0 0%	0 0%
	Авл Геллий	10 9,4%	59 55,7%	4 3,8%	20 18,8%	9 8,5%
	Апулей	0 0%	22 73,3%	3 10%	3 10%	2 6,7%
	Фронтон	0 0%	3 75%	0 0%	1 25%	0 0%
	Тертуллиан	0 0%	6 85,7%	1 14,3%	0 0%	0 0%
	Auctores Eccl.	2 8%	17 68%	2 8%	2 8%	2 8%
ВСЕГО (3 период):	16 8,3%	123 64%	12 6,3%	27 14%	14 7,3%	
IV	Авсоний	11 27,5%	12 30%	9 22,5%	8 20%	0 0%
	Марцеллин	1 20%	1 20%	2 40%	1 20%	0 0%
	Иероним	2 20%	3 30%	2 20%	2 20%	1 10%
	Аврелий	4 19%	11 52,4%	2 9,5%	1 4,7%	3 14,3%
	Макробий	2 87%	12 52,2%	4 17,4%	3 13%	2 8,7%
	Сидоний	0 0%	8 47%	2 11,8%	6 35,3%	0 0%
	Боэций	1 12,5%	6 75%	1 12,5%	0 0%	0 0%
	Без автор.	18 4,3%	271 64,7%	55 13,1%	64 15,3%	6 1,4%
ВСЕГО (4 период):	39 7,3%	324 60%	77 14,3%	85 15,8%	12 2,2%	
V	Без автор.	8 8,8%	66 72,5%	10 10,1%	6 6,6%	1 1,1%
VI	Без автор.	2 6,3	25 78,1%	5 15,6%	0 0%	0 0%
ВСЕГО (в табл.):	215	1066	177	316	165	
		11,1%	55%	9,1%	16,3%	8,5%

Простая непроизводная терминология наиболее часто встречается в доклассическом периоде, составляя чуть более $\frac{1}{4}$ от общего числа лингвистических терминов, и её количество постепенно снижается в последующие периоды исторического развития латыни до 6-8%.

Простая производная терминология в доклассическом и классическом периодах составляет около половины всей терминологии (соответственно, 53,3% и 48%). В постклассическом и позднелатинском периодах её доля достигает почти $\frac{2}{3}$ от общего числа зафиксированных терминов (соответственно, 64% и 60%), доходя до $\frac{3}{4}$ в средне- и новолатинском периодах.

Доля сложных однословных терминов, составляя 20% от общего количества терминов в доклассический период, снижается до 6% в классический и постклассический периоды, а позднее вновь увеличивается до 10-15%.

Снижение числа сложной однословной лингвистической терминологии компенсируется в классический период увеличением доли терминологических словосочетаний типов S+A (A+S) и S+S_{gen.} (S_{gen.}+S) (31,5%), которые вообще отсутствовали в доклассический период развития латинского языка. В постклассическом и позднелатинском периодах их доля составила 18-21%, ещё более снизившись в средне- и новолатинском периодах (до 8%). Снижение доли терминологических словосочетаний в последних двух периодах не является бесспорным ввиду нерепрезентативности исследованного количества терминологических единиц.

Помимо терминологических словосочетаний, образуемых по стандартным моделям S+A (A+S) и S+S_{gen.} (S_{gen.}+S), были зафиксированы также словосочетания, образуемые по более сложным схемам.

1) Цицерон – 15 (4,3%): *celeritas dicendi verborum, explanata vocum impressio, moderatio numerorum ac pedum, mora in dicendo, oratio vincita numeris, absolutio [in oratore], circuitus verborum [orationis], circumitus verborum [orationis],*

conclusio verborum ad numerum, personarum ficta inductio, verba relata contrarie, verbum ad nomen adiunctum, migratio in alienum, proprium domicilium alicui verbo, verba idem declarantia.

2) Риторика ad Herennium – 4 (5,6%): *nominis pro nomine positio, prope aequatum, similiter cadens, similiter desinens.*

3) Сенека – 1 (4,3%): *versus Sapphicus hendecasyllabos.*

4) Квинтилиан – 10 (2%): *coniunctio litterarum inter se, circuitus verborum [orationis], densitas [figurarum in oratione], periculum [in enuntiatione], similiter cadens, similiter desinens, copulatio verborum inter se, nomina ad aliquid, separatio [nominum idem significantium], verbum ab usu remotus.*

5) Авл Геллий – 4 (3,8%): *figmenta verborum nova, inclinatus in casus, compositura partium orationis, interior vis vocabuli.*

6) Сидоний – 1 (5,9%): *versus (minor) asclepiadeus.*

7) Позднелатинский период (терминология без авторства) – 5 (1,2%): *Ionicus a maiore, Ionicus a minore, solutio [spondei in dactylum], constructio ad sensum, minus quam perfectum.*

Типы сложных словосочетаний приведены в нижеследующей таблице* в порядке, соответствующем частотности их употребления:

Тип словосочетания	Источники (авторы)							
	1	2	3	4	5	6	7	Всего
A _{comp.} +Con.+S	0	0	0	0	0	0	1	1
S+A+Adv. (S+Adv.+A)	2	0	0	0	0	0	0	2
S+A+A	0	0	1	1	0	1	0	3
S+A+S _{gen./abl.}	3	0	0	0	0	0	0	3
Adv.+A _{sub.} (Part _{sub.})	0	3	0	2	0	0	0	5
S+S _{gen./ger.} +S _{gen.}	2	0	0	1	1	0	1	5
S+S _{gen.} +A	1	0	0	1	3	0	0	5
S+S _{gen.} +Praep.+S/Pron.	3	1	0	3	0	0	1	8
S+Praep.+ S (S _{ger.})+[A]	4	0	0	3	1	0	2	10

*Сокращения, используемые в таблице: A (nomen adiectivum) – прилагательное, A_{comp.} (adjectivum in gradu comparativo) – прилагательное в сравнительной степени, A_{sub.} (adjectivum substantivatum) – субстантивированное прилагательное, Part_{sub.} (participium substantivatum) – субстантивированное причастие, Adv. (adverbium) – наречие, Con. (coniunctio) – союз, Praep. (praepositio) – предлог, Pron. (pronomen) – местоимение, S_{ger.} (gerundium) – герундий, S_{gen.} (nomen substantivum in casu genitivo) – существительное в родительном падеже, S_{abl.} (nomen substantivum in casu ablative) – существительное в ablative.

Словосочетания сложных типов встретились в единичных случаях и поэтому не учитывались в ходе статистического анализа. Наиболее часто фиксируемыми из них являются словосочетания типов S+S_{gen.}+Praep.+S/Pron. (напр., *coniunctio litterarum inter se*) и S+Praep.+S(S_{ger.})+[A] (напр., *mora in dicendo*).

Доля простой производной терминологии составляет в целом более половины всех выбранных терминов и терминосочетаний (55%). Доли простой не-производной и сложной терминологии составляют, соответственно, по 10% каждой, количество терминологических словосочетаний достигает 25% от общего числа терминов.

4. Заемствования в латинской лингвотерминологии

Доля греческих заимствований в латинской лингвотерминологии (общие данные).

ГЛАВА II. Становление и развитие метаязыка европейского языкознания

Периоды	Автор	Общее количество терминов		Общее количество греческих терминов	
		в абсолютном выражении	%	в абсолютном выражении	%
I	Плавт	7	100	3	42,8
	Теренций	3	100	2	66,7
	Луциллий	5	100	5	100
ВСЕГО (период)		15	100	10	66,7
II	Цицерон	306	100	43	14
	Варрон	97	100	13	13,4
	Риторика Г.	72	100	5	6,9
	Непот	1	100	1	100
	Лукреций	5	100	1	20
	Катулл	4	100	2	50
	Саллюстий	5	100	0	0
	Вергилий	6	100	3	50
	Гораций	43	100	16	37,2
	Ливий	14	100	0	0
	Сенека	39	100	17	43,6
	Овидий	23	100	5	21,7
	Плиний Ст.	10	100	2	20
	Квинтилиан	494	100	122	24,7
	Стаций	5	100	2	40
	Марциал	9	100	6	66,7
	Сульпиция	3	100	3	100
	Колумелла	11	100	2	18,2
	Федр	2	100	0	0
	Петроний	11	100	6	54,5
	Витрувий	7	100	5	71,4
	Тацит	11	100	1	9
	Плиний Мл.	18	100	4	22,2
ВСЕГО (период)		1196	100	259	21,7
III	Светоний	22	100	11	50
	Флор	2	100	1	50
	Авл Геллий	106	100	12	11,3
	Апулей	30	100	7	23,3
	Фронто	4	100	1	25
	Тертуллиан	7	100	0	0
	Auctores Eccl.	25	100	7	28
ВСЕГО (период)		196	100	39	19,9
IV	Авсоний	40	100	25	62,5
	Марцеллин	6	100	1	16,7
	Иероним	10	100	5	50
	Аврелий	21	100	5	23,8
	Макробий	23	100	11	47,8
	Сидоний	17	100	5	29,4
	Боэций	8	100	1	12,5
	Без автор.	419	100	138	32,9

ВСЕГО (период)	544	100	191	35,1
ВСЕГО (в табл.)	1951	100	501	25,7
V Без автор.	91	100	27	29,7
VI Без автор.	32	100	17	53,1
ВСЕГО (в табл.)	2074	100	545	26,3

В абсолютном выражении наибольшее количество заимствований обнаружилось в работах Квинтилиана (122), Цицерона (43), Авсония (25), Сенеки (17), Горация (16), Варрона (13), Авла Геллия (12).

Наибольшее количество заимствованной греческой терминологии ($\frac{2}{3}$ от общего числа терминов) зафиксировано в доклассический период. Эти данные, однако, следует признать относительными, так как общее число терминов этого периода составляет всего 15 единиц.

В классический и постклассический период греческая терминология составляет в среднем 20% от общего числа терминов (соответственно, 21,7% и 19,9%). Цицерон и Гораций заимствуют в основном термины метрики, Варрон – термины поэтики и грамматики, Авл Геллий – термины грамматики, Сенека – термины риторики и стилистики, Квинтилиан – термины всех отделов лингвистики.

В позднелатинском периоде доля греческих заимствований возрастает до 35,1%. Наибольшее количество заимствований с установленным авторством обнаружено в работах Авсония и Макробия (терминология метрики). В общем объёме лингвистической терминологии с неустановленным авторством доля греческих заимствований составляет почти одну третью (32,9%).

В среднелатинском периоде количество заимствований из древнегреческого языка несколько снижается, составляя 29,7% от общего числа терминов.

Лингвистические термины греческого происхождения в целом составляют 25% от общего числа зарегистрированных терминологических единиц (545 из 2074)²².

Доля греческих заимствований в латинской лингвотерминологии (по отделам лингвистики).

ПЕРИОДЫ	Автор	Общее количество греческих терминов	ОТДЕЛЫ ЛИНГВИСТИКИ		
			Фонетика метрика	Риторика стилистика	Грамматика
I	Плавт	3 (100%)	1 (33%)	0 (0%)	2 (67%)
	Теренций	2 (100%)	1 (50%)	1 (50%)	0 (0%)
	Луциллий	5 (100%)	2 (40%)	1 (20%)	2 (40%)
ВСЕГО (период)	10 (100%)	4 (40%)	2 (20%)	4 (40%)	
II	Цицерон	43 (100%)	31 (72,2%)	7 (16,2%)	5 (11,6%)

²² Для сравнения: Ю.А. Бельчиков отмечает, что в латинском языке в целом насчитывалось более 7000 слов греческого происхождения [БЕЛЬЧИКОВ, 1959: 21]. Простой арифметический подсчёт показывает следующее: словарь И.Х. Дворецкого – как самый полный из всех существующих латинско-русских словарей – включает до 50000 слов, следовательно, лексика греческого происхождения должна составлять в нём в среднем 14%. Сравнивая с этим показателем относительный показатель терминологических заимствований в сфере фонетики и метрики, можно сделать вывод, что специальная греческая лексика заимствовалась в латынь со значительно большей интенсивностью и в значительно больших объемах, нежели лексика общеязыковая.

ГЛАВА II. Становление и развитие метаязыка европейского языкоznания

Варрон	13 (100%)	6 (46,1%)	0 (0%)	7 (53,9%)
Риторика Г.	5 (100%)	1 (20%)	1 (20%)	3 (60%)
Непот	1 (100%)	1 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Лукреций	1 (100%)	1 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Катулл	2 (100%)	2 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Саллюстий	0 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Вергилий	3 (100%)	2 (67%)	0 (0%)	1 (33%)
Гораций	16 (100%)	15 (94%)	0 (0%)	1 (6%)
Ливий	0 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Сенека	17 (100%)	4 (23,5%)	9 (53%)	4 (23,5%)
Овидий	5 (100%)	5 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Плиний Ст.	2 (100%)	1 (50%)	0 (0%)	1 (50%)
Квинтилиан	122 (100%)	58 (47,5%)	51 (41,8%)	13 (10,7%)
Стаций	2 (100%)	2 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Марциал	6 (100%)	6 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Сульпиция	3 (100%)	3 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Колумелла	2 (100%)	2 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Федр	0 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Петроний	6 (100%)	4 (66,6%)	1 (16,6%)	1 (16,6%)
Витрувий	5 (100%)	4 (80%)	0 (0%)	1 (20%)
Тацит	1 (100%)	1 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
Плинний Мл.	4 (100%)	3 (75%)	1 (25%)	0 (0%)
ВСЕГО (период)	259 (100%)	152 (58,7%)	70 (27%)	37 (14,3%)
III	Светоний	11 (100%)	6 (54,5%)	0 (0%)
	Флор	1 (100%)	1 (100%)	0 (0%)
	Авл Геллий	12 (100%)	3 (25%)	1 (8,4%)
	Апулей	7 (100%)	5 (71,4%)	0 (0%)
	Фронто	1 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
	Тертуллиан	0 (100%)	0 (0%)	0 (0%)
	Auctores Eccl.	7 (100%)	4 (57,1%)	1 (14,3%)
ВСЕГО (период)	39 (100%)	19 (48,7%)	2 (5,1%)	18 (46,2%)
IV	Авсоний	25 (100%)	22 (88%)	0 (0%)
	Марцеллин	1 (100%)	1 (100%)	0 (0%)
	Иероним	5 (100%)	2 (40%)	2 (40%)
	Аврелий	5 (100%)	2 (40%)	1 (20%)
	Макробий	11 (100%)	7 (63,6%)	1 (9,1%)
	Сидоний	5 (100%)	5 (100%)	0 (0%)
	Боэций	1 (100%)	1 (100%)	0 (0%)
	Без автор.	138 (100%)	82 (59,5%)	22 (15,9%)
ВСЕГО (период)	191 (100%)	122 (63,9%)	26 (13,6%)	43 (22,5%)
ВСЕГО (в табл.)	501 (100%)	297 (59,3%)	100 (20%)	102 (20,7%)
V	Без автор.	27 (100%)	12 (44,4%)	7 (26%)
VI	Без автор.	17 (100%)	12 (70,6%)	2 (11,8%)
ВСЕГО (в табл.)	545 (100%)	321 (58,9%)	109 (20,1%)	113 (21%)

В доклассическом периоде наибольшее количество лингвистической терминологии, заимствованной из греческого языка в латинский, приходится на

термины фонетики, метрики и грамматики (80%).

В классический период заимствуется в основном терминология фонетики и метрики (58,7%) и риторики и стилистики (27%). Доля грамматической терминологии в этот период невелика и составляет чуть более 14%.

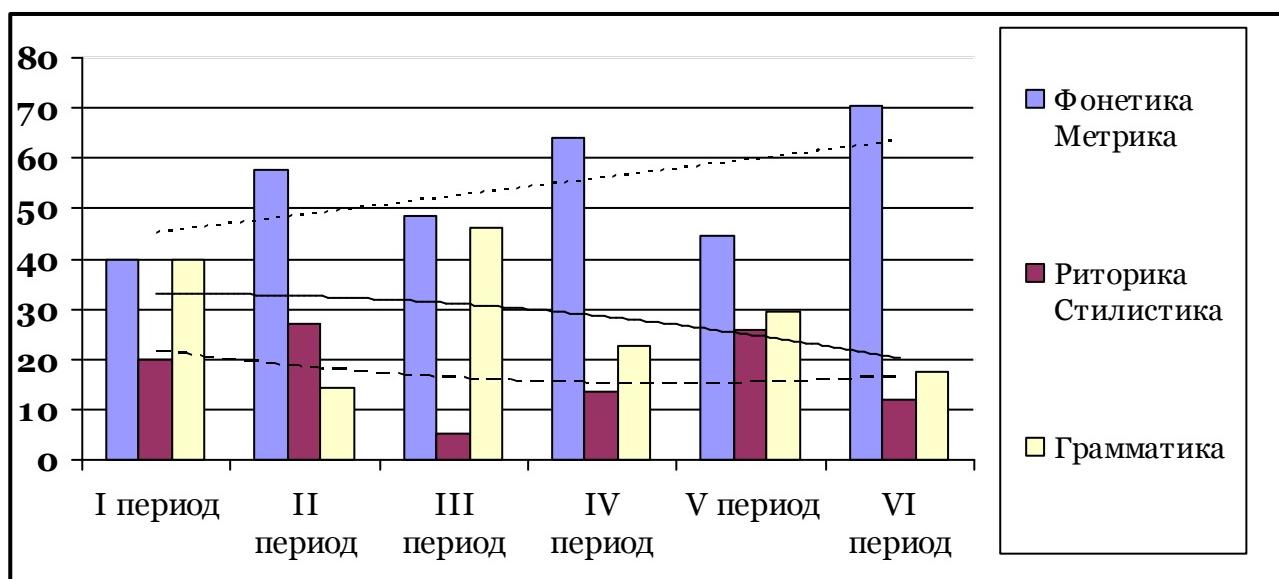
В постклассический период доля заимствованных терминов риторики и стилистики резко снижается, составляя 5,1%, в то время как количество фонетико-метрической и грамматической терминологии составляет, соответственно, 48,7 % и 46,2%.

В позднелатинском периоде заимствованная терминология фонетики и метрики составляет около двух третей (63,9%) всех заимствований, доля заимствованной грамматической терминологии составляет 22,5%. Количество терминов риторики и стилистики возрастает более чем в два раза по сравнению с постклассическим периодом (с 5,1% до 13,6%).

Наибольшее количество заимствований из греческого в латинский язык в целом зарегистрировано в области фонетики и метрики (60% всей заимствованной терминологии). Доля терминологических заимствований в латынь в сфере риторики и стилистики составляет в среднем 20%, грамматики – 20% всех терминологических заимствований.

Ниже приведена диаграмма, отображающая динамику греческих терминологических заимствований в латинский язык.

Анализ тенденций в сфере заимствований показывает стабильный рост доли фонетико-метрических заимствований во все периоды развития латинского языка (в диапазоне 40%–70% от общего числа заимствований). Доля риторико-стилистических заимствований варьирует в пределах 17%–22%, достигая максимума в классический период, но при этом оставаясь относительно стабильной во все периоды развития латыни. Количество заимствованных грамматических терминов греческого происхождения варьирует в пределах от 20% до 33%, достигая пика в постклассическом периоде и затем плавно снижаясь к среднелатинскому периоду.

5. Лексикографическая практика

Римская лексикография явилась достойной продолжательницей традиций, заложенных греческими лексикографами. Наиболее известными работами учёных-римлян были толковый словарь «О значении слов» («De verborum

significatione») М. Веррия Флакка (I в. до н.э. – I в. н.э.), в котором помимо толкований слов давались указания на стилистические особенности словаупотребления, а также морфологические, фонетические и этимологические справки в отношении ряда слов [ЧЕКАЛОВА, 1966: 192; ЛЮБКЕР, 2001, II: 15], грамматико-этимологический словарь Нония Марцелла (IV в. н.э.), словарь-справочник синтаксической сочетаемости Арусиана Мессия того же времени.

Резюмируя, следует отметить, что лексикография античности в первую очередь была ориентирована на нормализацию существовавшего в то время письменного языка, на грамматический анализ, получая стимул для своего дальнейшего развития благодаря достижениям античной риторики, поэзии, философии и филологии.

После падения Западной Римской империи в V в. под написком варварских племён и до XIII в. латинский язык оставался единственным литературным языком, выполняя одновременно функцию языка межнационального общения, т.е. был разговорным языком, реализующим свою коммуникативную функцию не только в пределах романоязычных стран, но практически во всей Европе. Широкое восприятие средневековой Европой античного языкового наследия реализовалось, говоря словами В.Б. Кацкина, в форме «монолингвистической ориентации на латынь как на эталон универсального языка», рефлексы которой и по сей день обнаруживают себя в виде лингвистического европоцентризма. «Традиционная система преподавания языков (в особенностях грамматики), сама лингвистическая терминология и приёмы школьного лингвистического анализа вплоть до нашего времени почти полностью калькируют латынь» [КАШКИН, 1999: 4-31].

Постепенно, начиная с эпохи Возрождения, установившей классическую норму латыни и тем самым ограничившей применение латинского языка в литературе, формируются национальные литературные традиции. В сфере науки и научного дискурса положение оказывается несколько иным: для науки, которая по природе своей интернациональна, «наличие, наряду с национальными языками, единого языка, служащего целям международного общения, является благотворным фактором. Вполне понятно, что здесь позиции латинского языка оказались более устойчивыми, и он сохранял своё значение и тогда, когда национальные языки Европы, заимствуя латинскую и латинизированно-греческую лексику, стали эффективными орудиями научного творчества» [БОРОВСКИЙ, 1991: 71-72].

Западноевропейская лингвистическая традиция как прямая наследница античного языкоznания в течение многих последующих веков имела в качестве источников первостепенной важности труды древнегреческих и римских языковедов, а в качестве материала для исследований ей служили древнегреческий и латинский языки. Процесс преобразования лингвистического мышления носил общеевропейский характер, как пишет В.М. Живов, «хотя в разных областях Европы он шёл по-разному, с разной скоростью, обрастаю спецификой национальных традиций и исходных условий и принося разные, порою очень несходные результаты» [ЖИВОВ, 1996: 52].

До написания греко-латинских грамматик с привлечением их понятийного аппарата языковые системы новых европейских языков существовали без ясно выраженных логико-грамматических категорий. Лишь после их появления был создан инструментарий, ставший как бы обязательным для внедрения тех же логико-грамматических отношений в новые европейские языки [СОЛОМОНИК, 1995: 163].

Многие введённые античными лингвистами термины обогащались по мере развития национальных языков и обслуживающих их лингвистических дисцип-

плин новыми значениями, получали новое толкование; понятия, выражаемые лингвистическими терминами, изменялись, сужались или расширялись, свидетельствуя о динамичном развитии и вариативных возможностях терминологического аппарата античного языкоznания.

2.3. Русский язык как реципиент греко-латинской лингвистической терминологии

«Стартовые условия», в которых находился русский язык как язык общенациональный, были в корне отличны от условий, в которых развивались западноевропейские языки. Лингвистическую основу последних формировала латынь, она же служила средством письменного и устного общения в отсутствие и на начальных этапах становления национальных языков (см. об этом §§ 2.4., 2.5., 2.6.). В России функции языка культуры выполнял церковнославянский, далёкий от повседневных лингвистических нужд, обслуживаемых так называемым «гибридным языковым регистром», практически лишённым признаков книжности. Особенностью российской языковой ситуации было то, что церковнославянский язык выступал в роли языка всей национальной культуры, в то время как латынь осознавалась на Западе как язык вненациональный, противоположный национальной культуре [УСПЕНСКИЙ, 2002: 66]. Ситуация с распределением функций между языковыми элементами, образующими диглоссию, сохраняла более или менее стабильный характер до тех пор, пока светская литература, говоря словами Г.О. Винокура, не стала претендовать на роль высшей литературы [Винокур, 1983: 258]. Только к середине XVIII в., когда «гибридный регистр» обрёл черты национального русского языка, а церковнославянский окончательно утратил свои позиции как язык общенациональной культуры, языковая ситуация в Российской империи в общих своих чертах стала напоминать классическую европейскую схему языковых оппозиций, в рамках которой латынь как мертвый язык противопоставлялась новым (живым) европейским языкам; рефлексом этой схемы в России стало противопоставление церковнославянского языка «российскому языку» (В.К. Тредиаковский). Однако до того времени, когда В.К. Тредиаковский смог позволить себе подобное противопоставление, русскому литературному языку ещё предстояло родиться.

В XV-XVI вв. формируется грамматический подход к книжному языку, с которым связаны имена Максима Грека (Михаила Триволиса) (ок. 1470-1556), по мнению которого образцом для славянского книжного языка должна была стать грамматическая система греческого языка, Лаврентия Зизания Тустановского (50/60 гг. XVI в. – после 1634 г.), Дмитрия Герасимова и др. В это время осуществляется перевод латинских грамматик, появляются грамматики книжного языка, во многом определяющие два века спустя пути развития русского языка как литературного языка нового типа. Существовавшая дихотомия «книжный язык (церковнославянский) – некнижный язык (гибридный регистр)» приводила к тому, что книжный язык не мог быть получен из книжного, а должен был осваиваться как самостоятельное и независимое целое, чем, собственно, и была обусловлена необходимость грамматических описаний [УСПЕНСКИЙ, 2002: 302]. «Потребность в грамматической регламентации обусловливает появление разнообразных грамматических руководств» [ЖИВОВ, 1996: 43], наиболее известными и значимыми среди которых были трактат «О осмех частех слова», орографический трактат Константина Костенецкого (Костенечского), грамматические работы Максима Грека.

Книга «О осмех частех слова», авторство, время и место создания которой

неизвестны, представляла собой перевод с греческой грамматики и содержала учение о восьми частях речи, причём вся терминология, как замечает Т.В. Симашко, приводилась на славянском языке: имя, речь (глагол), место имени, причастие, наречие, предлог, союз, различие (греческий член, или артикль) [СИМАШКО, 2001: 196]; помимо этого трактат включал грамматические признаки и характеристики отдельных частей речи (у имён – род, число, падеж, у глагола – времена, пять наклонений (повелительное, молитвенное, вопросительное, звательное, повествовательное), залог, два вида, три лица), проводилось различие между производными и непроизводными именами (в рамках видовой характеристики).

Труд Константина Костенецкого «О писменех» сообщает о новых знаках препинания, появившихся в период второго южнославянского влияния, в частности, о запятой (которая противопоставляется точке в качестве разделительного знака), о точке с запятой (которая означает знак вопроса), знаке переноса и кавычках, которые были введены южнославянскими книжниками по образцу греческой письменности [УСПЕНСКИЙ, 2002: 317]. Эти знаки входят в русскую орфографическую норму и не исчезают со временем, а меняют свою функциональную направленность.

Ср., к примеру, термин *вопросительный знак*, который встречается в печатных книгах начиная с XVI в. и закрепляется позднее для выражения вопроса в грамматиках В.Е. Адодурова (1731) и М.В. Ломоносова (1755) [ЭРЯ, 1998: 76], заменяя собой использовавшуюся ранее в этой функции *точку с запятой*. Позднее точка с запятой стала применяться в функции «усиленной запятой» и «слабой точки» (А.М. Пешковский) [ЭРЯ, 1998: 567].

Трудно переоценить вклад, который внёс Максим Грек в формирование русского лингвистического мышления в целом и в становление лингвистической терминологии в частности. Выделяя в своих грамматических работах согласно традиции четыре части (орфографии и фонетику, этимологию, синтаксис, просодию), он излагает учение о восьми частях речи, предпринимает на основании этой теории грамматический анализ слов, выделяет шесть падежей имени (именительный, винительный, родительный, дательный, звательный и сказательный), трактует о правильном употреблении букв, о надстрочных знаках, знаках препинания, о классификации гласных и согласных по их положению в слове и по физиологическим особенностям [СИМАШКО, 2001: 199].

Вышеописанный материал, как отмечает В.М. Живов, «осваивается русской книжностью, получает на русской почве своё продолжение и развитие и создаёт почву для контактов в этой сфере с западноевропейской (прежде всего немецкой) филологической традицией» [ЖИВОВ, 1996: 44; см. тж. УСПЕНСКИЙ, 2002: 302]. Примером такой преемственности между русской и западноевропейской лингвистической мыслью может служить «Донатус» Дмитрия Герасимова, завершённый в 1522 г. При переводе «Донатуса» Д. Герасимовым «заимствуется грамматическая терминология²³, строится система вывода (порождения) частей речи как неравноценных звеньев предложения, утверждается главенство глагола в предложении и т.п.» [СУСОВ, 1999: гл. 4.4.]. Грамматика Д. Герасимова, как пишет Б.А. Успенский, «была предназначена, по-видимому, для обучения латыни, однако при этом возникала необходимость кодификации церковнославянского языка» [УСПЕНСКИЙ, 2002: 302].

²³ Д. Герасимов, ознакомившись с латинской терминологией, переводит ряд терминов в соответствии с их значением, например, термин *plusquamperfectum* он переводит как «минувшее пресвершённое» [СИМАШКО, 2001: 200].

В 1591 г. во Львове выходит двуязычная греко-славянская «Грамматика добrogлаголиваго еллинословенскаго языка», иначе называемая «Адельфотис» (греч. «братство»), авторами которой были Арсений Элассонский и его ученик. Этот грамматический трактат интересен тем, что в нём «впервые представлены та терминология и те композиционно-стилистические особенности изложения, которые во многом определили облик ранних восточно-славянских грамматик» [МЕЧКОВСКАЯ, 1984: 42]. Пять лет спустя Лаврентий Зизаний издаёт в Вильно первую систематическую славянскую грамматику (1596), написанную под влиянием греко-латинских образцов подобного рода.

Все описываемые работы в большей или меньшей степени были подвержены значительному греко-римскому влиянию, так как при описании русского языка их авторы пользовались принятой в латыни и древнегреческом языке грамматической схемой. Они включали в свои труды заимствованные категории, сохраняя за ними латинские и греческие названия. Ярким примером этому может служить ситуация с описанием русских падежей, которые по количеству и по названиям в основном соответствовали латинским падежам за исключением ablative: в латыни его значения распределялись между инструменталисом, локативом и ablative, в то время как в русском языке все значения были собраны в отдельном падеже [СОЛОМОНИК, 1995: 163-164]. Постепенно, однако, был найден некий баланс между особенностями анализируемой языковой материи и понятийным инструментарием описания.

В первой половине XVII в. создание первых терминологических систем в сфере лингвистики и литературоведения связывается с именем М. Смотрицкого (ок. 1578 – 1633) и его грамматикой, первое издание которой было предпринято в 1619 г. В качестве образца для своей работы, по праву считающейся высшим достижением в области грамматической мысли того времени, М. Смотрицкий взял греческую грамматику Ласкариса. В рамках грамматического подхода, практикуемого в этом лингвистическом труде, сопоставлялись грамматические структуры церковнославянского и греческого языков, устанавливались различия и корреляции между славянскими и греческими конструкциями [ЖИВОВ, 1996: 132-133]. Вместе с этим вводилась и утверждалась грамматическая терминология, обслуживавшая не только собственно грамматику (в современном понимании этого слова), точнее сказать, морфологию (особенно в сфере номинации частей речи), но также и орографию, пунктуацию. При этом следует отметить, что М. Смотрицкий в своей работе стремился ориентировать вводимую терминологию, но, как пишет О.Л. Аристкина, «внутренняя форма термина, избранная грамматистом для большей «наглядности» часто не соответствовала той дефиниции, которую он давал термину, из-за чего возникали ложные ориентирующие терминологические единицы, путающие, затрудняющие познание, организацию профессионального мышления лингвистов того времени, а также их последователей и даже наших современников: ложные ориентирующие термины (окончание, превосходная, положительная степень и др.), появившиеся случайно в далёком прошлом, функционируют в науке о языке до сих пор» [АРИСКИНА, 2003: 191-192].

М. Смотрицкий, по мнению И.П. Сусова, «опирался в основном на латинскую традицию (но с оглядкой на греческую), используя метод бинарного разбиения, достаточно смело вводя новую терминологию и давая более строгие грамматические определения морфологических категорий» [СУСОВ, 1999: гл. 4.4.]. В свете этого можно отчасти согласиться с замечанием П.С. Кузнецова, считавшего, что из всех русских грамматических терминов только термин слово имеет исконно русское происхождение, «остальные – либо заимствования, либо

кальки» [АЛПАТОВ, 1999: 35]. Грамматика М. Смотрицкого оставалась одним из наиболее авторитетнейших трудов в области исследования языка вплоть до появления в 1755 г. «Российской грамматики» М.В. Ломоносова.

Во второй половине XVII в. выходит в свет первая русская грамматика на латинском языке, написанная английским исследователем Генрихом Вильгельмом Лудольфом (1666).

И.П. Сусов отмечает, что «первоначально русские лингвистические термины были очень расплывчаты²⁴. Лишь постепенно формируется своя терминологическая система. При этом используются словообразовательные ресурсы родного языка и строго отбираются возникшие при переводах разных текстов дублеты. Утверждается стремление к ясности терминов, к более строгим определениям. К началу XVIII в. складываются все условия для создания синтетического труда по русской грамматике и предпосылки для развития общелингвистических идей» [СУСОВ, 1999: гл. 4.4.]. Эта точка зрения на термин и его статус в разные периоды развития языка, как наиболее приёмлемая, находит поддержку у многих лингвистов (В.Н. Прохорова, Л.П. Русопова и др.), полагающих, что говорить о термине можно только со второй половины XVII – начала XVIII вв.²⁵

В XVIII в. параллельно с укрепляющейся государственностью России на фоне усиливающейся её «европеизации» складываются основные особенности русского языка как языка общенационального, обслуживающего практически все сферы жизни общества. Прежние письменные формы языка перестают удовлетворять общественным запросам и вытесняются на периферию языковой деятельности. В первой половине XVIII в., во многом благодаря реформаторской деятельности Петра I в сфере языковой политики (имеется в виду попытка создания государственного дискурса), начинается кодификация русского литературного языка, вбирающего в себя среди прочего лучшие традиции церковнославянского

²⁴ Расплывчатость, или размытость как проблемная особенность, свойственная формирующейся русской лингвистической терминологии, отмечается не только в период XVII–XVIII вв., но и позднее, в первой трети XIX в., и обусловлена она «разделением наук и искусств речи: в практических грамматиках, имеющих целью обучить «как говорить и писать чисто российским языком», <...> даются не строгие логические определения, как в научных описаниях языка, а объяснения» [МАКАРОВА, 2001: 431–432].

²⁵ Иная точка зрения основывается на исторической изменчивости содержания понятия «термин» в разные исторические эпохи (Е.Н. Толикина, Н.А. Щеглова и др.).

Ряд лингвистов (О.В. Борхвальдт и др.) вообще не видят оснований для разграничения терминов современного языка и терминов, возникших на более ранних стадиях развития языка, так как на всех этапах исторического развития языка термин должен обязательно удовлетворять ряду конкретных условий (являться средством обозначения понятия, принадлежать к определённой терминологии, вступать в системные отношения с другим термином, не зависеть от контекста, не иметь эмоциональной окрашенности, стремиться к моносемичности в пределах одной терминологии и т.д.). Если же о соблюдении этих требований в полном объёме в отношении конкретной терминологической единицы говорить не приходится, то и относить эту единицу к разряду терминов нет оснований [БОРХВАЛЬДТ, 2001: 162].

Отсутствие оснований для разграничения, с одной стороны, так называемых «условных терминов», «прототерминов» и терминов в их современном понимании – с другой, может усматриваться рядом лингвистов также в том, что термины как логико-лингвистическая категория существовали в языке всегда, ибо их бытование в языке «обусловлено возникновением самого феномена профессии как специализированного вида деятельности и связанного с ним профессионального мышления» [ГОЛОВАНОВА, 2003: 29] (ср.: [БЕРЕЗИН, ГОЛОВИН, 1979: 264]).

языка. Сфера функционирования последнего значительно сужается, освобождая место для языка нового типа. «Признаки литературных языков нового типа, – как отмечает В.М. Живов, – хорошо известны. Становясь, согласно определению Пражских тезисов, *«le monopole et la marque caractéristique de la classe dominante»*²⁶, литературные языки характеризуются полифункциональностью, общезначимостью, кодифицированностью и дифференциацией стилистических средств. Именно эти черты и приобретает русский литературный язык нового типа в продолжении XVIII – начала XIX века» [ЖИВОВ, 1996: 14].

XVIII век обогатил зарождающиеся терминологические системы языкоznания и литературоведения целым рядом терминов метрики, поэтики, риторики, стилистики. Значительная часть этого терминологического пласта была заимствована из греко-латинских источников. В описываемый период особую роль в популяризации этих терминов сыграли В.К. Тредиаковский (1703–1768), В.Е. Адодуров (1709–1780), М.В. Ломоносов (1711–1765), А.А. Барсов (1730–1791), Н.Г. Курганов (1725/1726–1796) и др., исследовавшие и применяющие европейский опыт языкового устройства на русской почве. Многие термины и терминологические словосочетания в то время и позднее были заимствованы в русский язык не напрямую из латыни и древнегреческого, а через языки посредники, среди которых «первые места занимают польский (XIV–XVII вв.) и немецкий (XVIII–XIX вв.), а затем французский (XVIII–XIX вв.) и итальянский (XVIII в.) языки» [ВОРОНКОВ, ПОНЯЕВА и др., 2002: 20, 43].

Одна из первых попыток нормирования русского литературного языка и создания терминологии в сфере грамматики приписывается В.Е. Адодурову, составившему грамматический очерк (1731), пособие по русской грамматике, характерной особенностью которых было «перенесение на русский язык принципов нормализации и грамматической кодификации, которые были приняты в европейской филологии» [ЖИВОВ, 1996: 159]. Схемы описания языкового материала и собственно грамматическая терминология были заимствованы В.Е. Адодуровым из таких пособий по латинскому и немецкому языкам, как *«Institutio grammatica»* Альвара, *«Lateinische Grammatica Marchica»* и *«Teutsche Grammatica»* М. Шванвица (1730 г., 1734 г.; первое и второе издания грамматики М. Шванвица были правлены самим В.Е. Адодуровым) и пр.

В области формирования литературоведческой терминологии большую роль сыграли работы по стихосложению В.К. Тредиаковского (к примеру, трактат «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), в котором излагаются теоретические основы русского стиха и предлагаются способы его усовершенствования). В его трактатах письменно зафиксированы многие термины метрики и поэтики, дошедшие до наших дней. Большую их часть представляют перенесённые на русскую почву терминологические реалии из античных источников (названия стихотворных размеров, литературно-поэтических жанров и т.д.). Дальнейшее своё развитие литературоведческая терминология получила в работах М.В. Ломоносова, в частности, в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739), «Риторике» (1744), «Кратком руководстве красноречию» (1748), обогатившихся терминами поэтической стилистики и риторики²⁷.

²⁶ «монополией и характерной особенностью правящего класса» (франц.).

²⁷ Необходимо, однако, отметить, что ещё в составе вышедшего в 1703 г. в Киеве «Изборника» содержится трактат по поэтике Георгия Херобоска «О тропах, или оборотах речи»; это позволяет предположить, что «поэтические тропы стали известны задолго до XVIII в.» [СИМАШКО, 2001: 185–186].

Имя М.В. Ломоносова принято, однако, связывать не только с прогрессом в области русского стихосложения, но и с успешным развитием учения о языке в целом («Российская грамматика»). В этом фундаментальном труде, написанном в 1755 г. и опубликованном два года спустя, М.В. Ломоносов «выделяет восемь частей речи, рассматривает вопросы фонетики и орфоэпии, защищает нормативный статус московского аканья, отстаивает морфологический принцип в орфографии, даёт описание словообразования, рассматривает словоизменение имён и глаголов, описывает служебные слова, обсуждает вопросы синтаксиса» [Сусов, 1999: гл. 5]. Ломоносовская традиция в сфере становления научной и нормативной грамматики позднее была продолжена Н.Г.Кургановым (1769) и А.А. Барсовым (1773).

Во всех сферах приложения своих научных интересов М.В. Ломоносов широко использует возможности латыни как языка международного научного дискурса. Свои работы он пишет, как правило, на латинском языке, переводя их на русский и закладывая тем самым основы русской филологической и естественнонаучной терминологии. Для М.В. Ломоносова, как отмечает Я.М. Боровский, «латинский язык был в полном смысле слова живым языком – двигателем творческой мысли, <...> заключающим в себе неисчерпаемый источник развития новых и новых выразительных возможностей» [Боровский, 1991].

Русский язык, как и другие европейские языки, не избежал влияния пуристических тенденций. Если в первой половине XVIII в. сторонники чистоты нового русского языка ратовали за изгнание церковнославянлизмов, то к середине века стремление очистить лексику русского языка от чужеродных элементов распространяется на заимствования. Терминологические заимствования как «умножение» языка ещё допускаются при отсутствии соответствующих аналогов в русском языке, позднее же их употребление в речи в принципе квалифицируется как «гнусное» (В.Н. Татищев) [Живов, 1996: 297-298]. Подобная постановка проблемы вызвала к жизни большое количество как нетерминологических, так и терминологических неологизмов, а также способствовала реанимации целого ряда славянлизмов, отвергавшихся ранее устроителями языка. В сфере науки, в первую очередь естественной, влияние церковнославянского языкового материала ощущается до сих пор. Значительное количество естественнонаучных терминов было образовано от церковнославянских корней и формальных элементов (например, в биологии: *млекопитающие* – *молоком питающие*), которые уже в то время использовались в научной сфере с целью «обесплотить отдельные слова, потушить их слишком яркое конкретно житейское значение» [Трубецкой, 1995].

Споры о чистоте русского языка, «легитимности» заимствований и попыток замен на этом фоне интернациональных терминов русскими и славяно-русскими имели место на протяжении всего XVIII в., но практического результата не имели, ибо «пуризм в отношении научного языка ещё менее оправдан, чем по отношению к языку общелiterатурному» [Кутина, 1970: 90].

Справедливости ради, однако, следует отметить, что носители пуристических взглядов не затушевывают, а стараются выявлять тесные связи русского языка с другими европейскими языками, в частности, с греческим языком, объясняя лексическое богатство русского языка греческим влиянием через посредство церковнославянского. Достаточно вспомнить о рассуждении В.К. Тредиаковского (1755) об унаследованном из латинского и древнегреческого языков метрическом богатстве русского языка в сравнении с «тесным» французским, в котором возможна одна форма текзаметра, в то время как русской поэзии доступны

разнообразные его формы. Ему вторит А.П. Сумароков, отмечающий, что «греческие слова введены в наш язык по необходимости, и делают ему украшение» (1787). Эта точка зрения, по утверждению В.М. Живова, становится «общим местом в рассуждениях о русском языке и его характерных свойствах» (А.А. Барсов (1775), М. Гумилевский (1786), М.Н. Муравьев (1793), Е. Болховитинов (1800) и др.) [ЖИВОВ, 1996: 321].

Первая треть XIX в. отмечена активным развитием терминологии языкоznания на фоне становления русского национального литературного языка, формирования средней литературной нормы. Основными терминологическими проблемами этого времени, решение которых относится к более позднему периоду, являются: 1) отсутствие чётких и однозначных дефиниций терминов (расплывчатость, о которой было сказано выше); 2) большое количество одновременно функционирующих синонимов как у одного автора, так и при сравнении терминосистем разных авторов (например, *речи витиеватые – замыслы витиеватые – замысловатые слова – острые мысли* (М.В. Ломоносов), *отверстые гласные* (А.А. Барсов) – *дебельные гласные – тупые гласные* (М.В. Ломоносов)); 3) омонимия в пределах терминосистемы одного автора (например, термин *просодия*, понимаемый А.А. Барсовым как а) словоударение, б) надстрочный знак или знак препинания); 4) рождение новых терминов (авторская терминология), не все из которых впоследствии были приняты русской лингвистической традицией (например, *главные корни, придаточные корни* (Н. Греч)) [МАКАРОВА, 2001: 431–432].

К концу XIX – началу XX вв. в основном завершается формирование традиционной терминологической системы, обслуживающей науку о языке. Дальнейшее развитие терминологических систем, а также интенсивный поиск новых подходов в исследовании языка в описываемый период тесно связываются в России с именами выдающихся языковедов А.А. Потебни (1835–1891), И.А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), Ф.Ф. Фортунатова (1848–1914), Н.В. Крущевского (1851–1887), Л.В. Щербы (1880–1944), Е.Д. Поливанова (1891–1938) и др. Именно от них идут многие термины, прижившиеся затем в русскоязычной лингвистической традиции.

Диахронический анализ терминологии российского языкоznания не может и не должен в принципе ограничиваться только XIX веком и предшествующим ему периодом. Последующее столетие ознаменовалось бурным развитием лингвистики и вызвало к жизни многочисленные новые её направления, связанные с различными сторонами функционирования языка и с разными подходами к их описанию и изучению. Каждое такое направление в лингвистике нuzzжалось в своём специфическом терминологическом аппарате, базирующемся на традиционной терминологии. Однако подробный анализ новейшей терминологии не является задачей, решаемой в рамках данной работы по причине традиционности и – как следствие – известной консервативности фонетико-метрической терминосистемы, являющейся предметом нашего исследования²⁸. Кроме того, анализ новейшей лингвистической терминологии не возможен, по нашему мнению, в отрыве от историографического анализа позднейших направлений в языкоznании.

²⁸ Для сравнения: Е.П. Иванова распространяет признаки консервативности и традиционности на всю лингвистическую терминологию в целом, отмечая, что «всякие инновации в области терминологии в той или иной степени усваиваются только по отношению к уже существующей традиции, и в этом смысле лингвистическая терминология отличается известным консерватизмом» [ИВАНОВА, 2003: 236].

С целью исследовать генезис и проанализировать динамику развития русской лингвистической терминологии были обследованы «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера в 4 т. (1996), «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных в 2 т. (1993), а также целый ряд справочных и учебных пособий, таких, как «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990), энциклопедия «Русский язык» (1998) и др., из которых с применением метода сплошной выборки были выделены термины лингвистического и литературоведческого характера и затем распределены в соответствии с хронологией их появления в словарном составе русского языка.

1. Количествоенный состав русской лингвотерминологии

Количествоенный состав полученных в результате сплошной выборки терминов и терминологических словосочетаний представлен в нижеследующей таблице с разбивкой по отделам лингвистики:

ПЕРИОД	Количество терминов	ОТДЕЛЫ ЛИНГВИСТИКИ		
		Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
XVI в.	20 (3,5%)	0	0	20
XVII в.	36 (6,2%)	2	1	33
XVIII в.	111 (19,2%)	53	4	54
XIX в.	262 (45,4%)	178	6	78
XX в.	148 (25,6%)	70	4	74
ВСЕГО	577	303 (52,5%)	15 (2,5%)	259 (45%)

Количествоенный анализ позволил выявить постоянный и стабильный рост числа лексем, формирующих терминологический аппарат языкоznания начиная с XVI в. Вплоть до начала XVIII в. формирование лингвистической терминологии шло достаточно медленными темпами. Первый хронологический период, отмеченный значительным количественным ростом лингвистической терминологии, приходится на XVIII в. (19,2% от общего количества зарегистрированных терминов).

Второй значительный по объёму терминологический пласт сформировался, согласно полученным данным, в XIX–XX вв. В лингвистическом обиходе появилось наибольшее количество терминов (71%). Учитывая практическую невозможность фиксации всего объёма терминологии, возникшей в мировом языкоznании XX века, а также интернациональный характер терминологии как результат никогда не прекращавшегося научного и культурного обмена между лингвистами разных стран, можно с уверенностью предполагать, что на фоне интенсивного развития уже существовавших к началу прошлого века отраслей лингвистики и рождения новых, хронологически более поздних отделов языкоznания, количество терминологических единиц этого периода должно намного превышать указанную в таблице долю новейшей терминологии (25,6%)²⁹.

²⁹ Это замечание в полной мере приложимо не только к современным русским лингвистическим терминам, но также и к современным терминам других европейских языков, исследуемых ниже на предмет формирования лингвотерминологического корпуса. По этой причине включение лингвистической терминологии, относимой по времени своего появления к XX в., носит, скорее, иллюстративный характер. В качестве второй причины здесь можно указать на тот факт, что новейшая лингвистическая терминология, на наш взгляд, вторична по отношению к терминологии предшествующих

Среди выбранной терминологии немногим более половины (52,5%) приходится на долю фонетики и метрики, чуть менее (45%) – на долю грамматики. Наименьшее количество терминов зарегистрировано в риторико-стилистическом отделе лингвистики (2,5%).

Максимальный количественный рост фонетико-метрической и грамматической терминологии зафиксирован в XVIII–XX вв.

2. Частеречный состав русской лингвотерминологии

Соотношение лингвистических терминов, выраженных различными частями речи, в частности, прилагательными и существительными, приводится в нижеследующей таблице:

ПЕРИОД	Терминология, выраженная	
	существительными (S)	прилагательными (A)
XVI в.	18 (85,7%)	3 (14,1%)
XVII в.	30 (79%)	8 (21%)
XVIII в.	96 (85,7%)	16 (14,1%)
XIX в.	160 (64,8%)	87 (35,2%)
XX в.	103 (67,3%)	50 (32,7%)
ВСЕГО	407 (71,3%)	164 (28,7%)

В период с XVI по XVIII вв. доля терминов-прилагательных колеблется в пределах 16% от общего количества терминов. Доля терминов-существительных составляет в этот период, соответственно, 84%, что также является усреднённым показателем.

В XIX–XX вв. указанное соотношение незначительно меняется в пользу увеличения количества терминов-прилагательных, доля которых составляет $\frac{1}{3}$ в указанный период (33%).

Во все исследованные периоды соотношение существительных и прилагательных составляет, соответственно, 3:1.

3. Структурно-типологический анализ русской лингвотерминологии

Результаты структурно-типологического анализа сведены в нижеследующую таблицу:

ПЕРИОД	Однословные термины			Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:	
	простые		сложные	S + A	S + S _{gen.}
	непроизводные	производные			
XVI в. (20)	13 (65%)	4 (20%)	0 (0%)	3 (15%)	0 (0%)
XVII в. (35)	11 (31,4%)	12 (34,4%)	2 (5,7%)	9 (25,7%)	1 (2,9%)
XVIII в. (110)	48 (43,6%)	47 (42,7%)	6 (5,5%)	2 (1,8%)	0 (0%)
XIX в. (262)	37 (14,1%)	108 (41,2%)	21 (8%)	68 (26%)	14 (5,3%)
XX в. (146)	12 (8,2%)	80 (54,8%)	19 (13%)	29 (19,9%)	3 (2%)
ВСЕГО (573)	121 (21,1%)	251 (43,8%)	48 (8,4%)	111 (19,4%)	18 (3,1%)

Доля однословной непроизводной терминологии в XVI в. составила почти $\frac{2}{3}$ от общего числа терминов (65%), неуклонно снижаясь во все периоды разви-

хронологических периодов, так как в её основе лежат термины более раннего исторического происхождения (элементарная, или базовая, терминология).

тия лингвистики в России. Исключение составляет XVIII век, в котором зафиксирован рост количества подобной терминологии (до 45%). В XX в. количество простых непроизводных терминов составляет чуть более 8%.

Доля однословной простой производной терминологии возросла с 20% в XVI в. до 40% в XVII–XIX вв. В XX в. её доля увеличилась до 55% от общего числа выбранной терминологии.

Доля сложной терминологии колеблется в пределах от 0% в XVI в. до 13% в XX в.

Доля терминологических словосочетаний растёт с 15% в XVI в. до 29% в XVII в. В последующий период (XVIII в.) зафиксировано резкое снижение их количества (до 2%). В XIX–XX вв. доля терминологических словосочетаний вновь возрастает до 20–30%.

Помимо терминологических словосочетаний, образуемых по стандартным схемам S+A (A+S) и S+S_{gen.}, были зафиксированы также словосочетания, образуемые по более сложным схемам.

1) Лингвистическая терминология XVIII в. – 1 (0,9%): *точка с запятой*.

2) Лингвистическая терминология XIX в. – 16 (5,8%): *активность органов речи, асимиляция по органу речи, асимиляция по способу произношения, органы слова человеческого, орудия слова человеческого, органы речи активные, органы речи пассивные, пассивность органов речи, части полости рта, члены полости рта, сближение органов речи, уложение органов речи, фокус образования звуков активный, фокус образования звуков второстепенный, фокус образования звуков главный, форма слова внутренняя*.

3) Лингвистическая терминология XX в. – 3 (2%): *уклад органов речи, стиль произношения полный, стиль произношения разговорный*.

Типы сложных словосочетаний приведены в нижеследующей таблице* в порядке, соответствующем частотности их употребления:

Тип словосочетания	ПЕРИОД			
	XVIII в.	XIX в.	XX в.	Всего
S + Praep.+ S + [S]	1	2	0	3
S + S _{gen.} + A	0	5	2	7
S + S _{gen.} + S _{gen.} + [A]	0	9	1	10

*Сокращения, используемые в таблице: A (nomen adiectivum) – прилагательное, Praep. (praepositio) – предлог, S_{gen.} – существительное в родительном падеже.

Словосочетания сложных типов встретились в единичных случаях и поэтому не учитывались в ходе статистического анализа. Наиболее часто фиксируемыми из них являются словосочетания типов S+S_{gen.}+A (напр., *органы речи пассивные*) и S+S_{gen.}+S_{gen.}+[A] (напр., *фокус образования звуков активный*).

Доля простой производной терминологии в целом составляет $\frac{1}{5}$ всех выбранных терминов и терминосочетаний (21%). Доля простой непроизводной терминологии составляет более 44%, а сложной – 8% от общего числа зафиксированных терминов. Количество терминологических словосочетаний составляет немногим более $\frac{1}{5}$ всех зафиксированных терминов и терминосочетаний (22,5%).

4. Заемствования в русской лингвотерминологии

Принято считать, что по издавна установившейся традиции, в научной терминологии превалируют слова с корнями, воспринятыми из греческого и латинского языков, формировавших основы европейской научной мысли.

Ниже приводятся общие данные по количеству заимствованной в русское

языкоzнание греко-латинской лингвистической терминологии.

ПЕРИОДЫ	Общее количество терминов		Термины греческого происхождения		Термины латинского происхождения	
	в абсолютном выражении	%	в абсолютном выражении	%	в абсолютном выражении	%
XVI в.	20	100%	1	5%	12	60%
XVII в.	36	100%	8	22,2%	3	8,3%
XVIII в.	111	100%	52	46,8%	36	32,4%
XIX в.	262	100%	45	17,2%	101	38,6%
XX в.	148	100%	47	31,8%	80	54,2%
ВСЕГО	577	100%	153	26,5%	232	40,2%

Анализ показывает, что в XVI в. лингвистическая терминология исконно русского происхождения уступала в количестве заимствованной греко-латинской терминологии (в соотношении 1:2), что позволяет сделать вывод о неразвитости в описываемый период собственной системы лингвистических терминов.

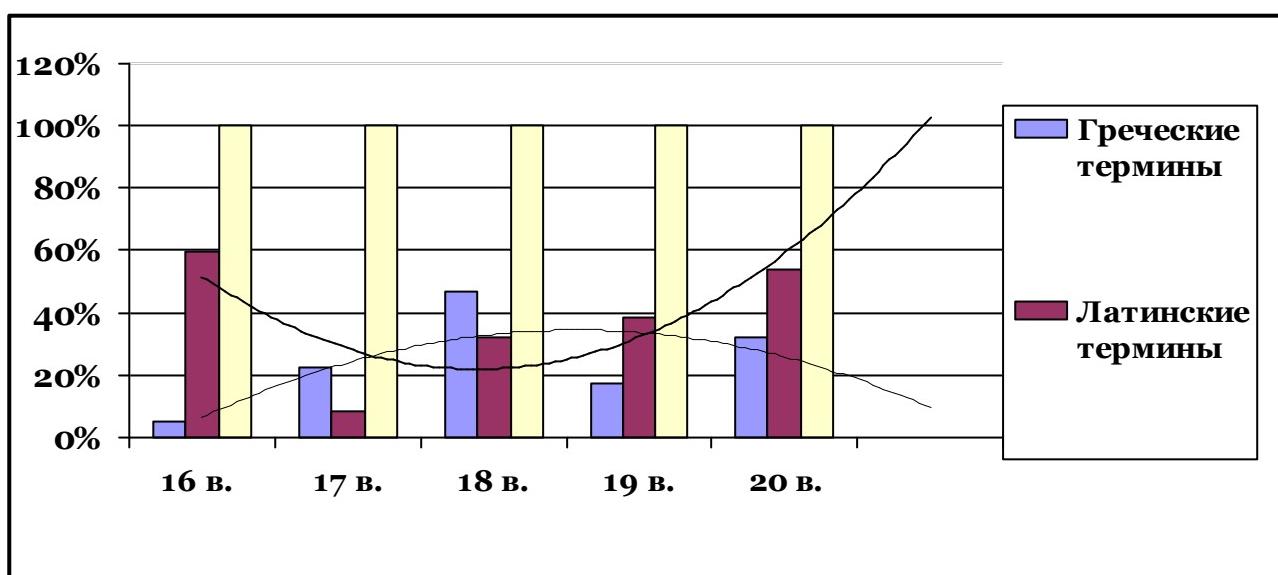
В XVII в. соотношение количества собственно русских и заимствованных терминов коренным образом меняется; последние составляют всего лишь около $\frac{1}{3}$ от общего числа зарегистрированных терминов (30,5%).

В XVIII в. количество терминов русского происхождения резко снижается до $\frac{1}{5}$ (21%), что, очевидно, связано с усилившимся влиянием западноевропейской лингвистики и становлением русского языкоzнания, остро нуждавшегося в терминологическом инструментарии.

В XIX в. доля терминологии греко-латинского происхождения составляла около 56%. Увеличение числа русской языковедческой терминологии в этот период обусловлено возникновением и поступательным развитием целого ряда направлений русской лингвистической школы, представители которой ввели в обиход значительное количество собственных терминов.

В XX в. терминология греко-латинского происхождения составляет, согласно полученным данным, 86% от общего числа терминов.

На диаграмме наглядно показана динамика процесса заимствований.

Полиномиальные линии на диаграмме свидетельствуют о различной роли языков – источников терминологии в формировании терминологического аппа-

рата русской лингвистики. Если в XVI в. основным источником пополнения лингвотерминологического состава была латынь, то к XVIII в. в этом процессе не менее важную роль начинает играть древнегреческий язык. Не в последнюю очередь это обстоятельство обусловлено тем, что именно в этот хронологический период складываются фонетико-метрическая и риторико-стилистическая терминологические системы (см. работы М.В. Ломоносова и др.), для которых характерна значительная доля древнегреческих заимствований. В более поздние периоды (включая XX в.) роль латинского языка в создании новой терминологии языкоznания вновь возрастает³⁰.

Проведённый анализ в целом выявил неравномерный характер протекания процесса заимствований в русской лингвистической терминологии. Этот процесс на протяжении пяти веков испытывал неоднократные спады и подъёмы, отражавшие состояние лингвистической мысли в России на каждом конкретном этапе её эволюции.

5. Лексикографическая практика

Практика создания словарей различных типов и направленности в России имеет давние традиции. Ещё в период XIII-XIV вв. формируются четыре направления народной лексикографии: 1) словари-ономастиконы с разъяснениями Библейских имён собственных и некоторой части нарицательных слов, употребляющихся в религиозной литературе (к ним традиционно относят «Речь жидовьского языка», «А се имена жидовьска руськы тълкована», «О именах глаголемых жидовьским языком» и др.), 2) словари символики (приточники, т.е. сборники слов с символическим значением, раскрывающие метафоры, иносказания, образы, содержащиеся в текстах Священного Писания, например, «Толк о неразумных словесех», «Се же приточне речеся»), 3) словари славяно-русские, 4) словари-разговорники («Речи тонкословия греческого», «Толкование языка половецкого», «Грецкий язык», «Се татарский язык» и др.). До этого времени встречались глоссарии, содержащие толкования непонятных мест, комментарии и словарики к отдельным частям текста при Толковых псалтырях, Толковых Евангелиях, Толковых апостолах, Изборниках и т.п. Пример глоссариев подобного типа: словарное приложение из 174 слов к новгородской Кормчей книге (своду законов) 1282 г.

Постепенно списки слов совершенствовались, увеличивался их объём, слова стали располагать в алфавитном порядке. На основе списков возникли так называемые Азбуковники или Алфавиты, представлявшие собой справочные книги, которые объясняли непонятные иноязычные слова. Нередко они имели большой объём и содержали списки синонимических слов и выражений своего времени, а также подробные сведения о предметах и явлениях, названных тем или иным словом [Хаустова, 2001: 70].

В XVI–XVII вв. благодаря собирательной работе глоссаторов начинают создаваться двуязычные, многоязычные а также переводные, терминологические и толковые словари. Одним из древнейших переводных словарей считается «Книга лексикон греко-славено-латинский» Е. Славинецкого (1664–1676 гг.) [Протченко, 1996: 33].

³⁰ В XX в. количество дериватов, вошедших в русский язык из иностранных языков, включая латынь, увеличилось чрезвычайно, составив за 50 лет XX в. немногим меньшее число, чем количество дериватов, вошедших в русский язык за весь XIX в. Причины этого многие исследователи словарного фонда русского языка усматривают в развитии как мировой, так и отечественной науки, в усилении взаимообщения учёных разных стран, в международном книгообмене и т.п. [Воронков, Поняева и др., 2002: 38].

Терминологические словари начали создаваться ещё в XVIII в. (если не учитывать первых словарных опытов рукописного типа – азбуковников, в которых просматриваются некоторые, хотя и весьма слабые, черты терминологичности³¹). Примеры таких словарей: «Реестр российским продуктам, натуральным и рукодельным, для скорого прииску сочинений по алфавиту» (М.В. Ломоносов, 1763), «Краткое изъяснение слов астрономических и прочих, находящихся в сих статьях. Статьи о времени и разных счислениях, из Енциклопедии» (1771), «Прибавление, служащее объяснением технических музыкальных терминов...» (1773), «Дикционер или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произращениях, то есть древах, травах, цветах, семенах огородных и полевых, коренях и о прочих былиях и минералах» (К.А. Кондратович, 1780) [ПРОТЧЕНКО, 1996: 38-39].

Значительный вклад в развитие толковой лексикографии в частности и словарного дела в целом внёс Максим Грек, создавший «Толкование именам по алфавиту», содержащее около 300 преимущественно иностранных слов. Многие из объяснений, данных Максимом Греком различным словам, в том числе терминам, будут использованы в более поздних словарях [СИМАШКО, 2001: 193].

Первый печатный толковый словарь Л. Зизания Тустановского появился в Вильно в 1596 г. и назывался «Лексис, сиречь речения вкратце собраны и из словенского языка на прости русский диалект истолкованы» (как приложение к упомянутой выше грамматике того же автора). Лексис содержал 1061 слово и был приложен к «Славяно-русскому букварю» того же автора. Традиция создания толковых словарей была успешно продолжена П. Берындой, выпустившим в 1627 г. «Лексикон славено-rossий и имён толкование» объёмом в 6982 толкуемых слова, Ф.П. Поликарповым-Орловым, создавшем в 1704 г. «Лексикон трезыгчный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище...» с толкованием русских слов на греческом и латинском языках и др. [ХАУСТОВА, 2001: 70].

Языковые изменения в Петровскую эпоху отражены в сохранившемся в рукописях Академии «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту», в «Немецко-латинско-русском лексиконе» Вейсмана (1731), в «Лексиконе российском и французском» (1762), в шестиязычном словаре «Полетика» (1763), в лексикографической работе Н. Нордстета «Российский с немецким и французским переводом словарь» (1780-1782) [ВОРОНКОВ, ПОНЯЕВА и др., 2002: 30].

Академическая лексикографическая традиция, уходящая корнями в народную лексикографию, представленную прежде всего «толковыми» глоссариями и азбуковниками, возникла лишь в XVIII в.

Появившиеся в послепетровскую эпоху словари делят обыкновенно на два типа: кодификационные, фиксирующие нормативные языковые факты, и тезаурусные, включающие в себя «вообще слова, составляющие принадлежность языка». К первому типу относятся явившиеся венцом лексикографической практики в период складывания русского литературного языка «Словарь Академии Российской» (1789-1794 гг.) (43257 слов, расположенных по алфавиту корней, по гнездам)³² и «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку

³¹ В азбуковниках XVI–XVII вв. перечислено 180 слов латинского происхождения, дошедших, частью, и до нашего времени, иногда с изменёнными значениями. В них, однако, не находят отражения многие лексемы латинского происхождения, относящиеся к X–XIV вв., к примеру, *титло* [ВОРОНКОВ, ПОНЯЕВА и др., 2002: 12-14].

³² Иностранные слова, вошедшие к концу XVIII в. во всеобщее употребление, в этом словаре практически отсутствовали (вследствие пуритических взглядов соста-

расположенном» (1806–1822) (51388 слов)³³, ко второму – «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук» (1847) [ПЛУЦЕР-САРНО, 2000: 209].

Терминологическая практика того времени обогатилась «Новым слово-толкователем» Н.М. Яновского, содержавшим, по выражению автора, «разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, которые не всякому известны», а также рядом последовавших за ним словарей аналогичного типа.

К числу словарей, оказавших наиболее заметное влияние на последующую лексикографическую практику, относится «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1863–1866 гг.), возникший в русле тезаурусной традиции [ПЛУЦЕР-САРНО, 2000: 209].

2.4. Английский язык как реципиент греко-латинской лингвистической терминологии

Британия приобщилась к культурно-языковым ценностям греко-романского мира благодаря принятию христианства и активной деятельности миссионеров, способствовавших распространению на её территории латинского языка, который был первым иностранным языком, оказавшим влияние на английский (в границах так называемого «второго слоя латинских заимствований» [ИВАНОВА, ЧАХОЯН и др., 1998: 18]). Проявившееся ещё до принятия христианства влияние латыни на словарный состав английского языка никогда не прекращалось на всех этапах становления и развития английского языка, ещё более усилившись в эпоху гуманизма [БРУННЕР, 1955: 108].

В конце древнеанглийского периода уже фиксируются первые попытки создать английскую грамматическую терминологию. Аббат Эльфрик (X в.) в своём переводе «Искусства грамматики» ввёл ряд грамматических терминов на английском языке путём калькирования (*translation-loans*) соответствующей латинской терминологии средствами английского языка с учётом структуры латинского термина: *dælnimend* (лат. *participium* – совр. англ. *participle*), *nemnizendlic* (лат. (*casus*) *nominativus* – совр. англ. *nominative*), *wrezendlic* (лат. (*casus*) *accusativus* – совр. англ. *accusative*). Т.А. Расторгуева рассматривает применённый Эльфриком способ создания терминологии как «попытку противостоять иноязычному влиянию» [РАСТОРГУЕВА, 2001: 68, 137–138]. Эльфрик, по выражению И.П. Сусова, «внимательно относился к толкованию и переводу (каль-

вителей словаря на иноязычную лексику). Заимствования, представленные в основном специальной и терминологической лексикой, составляют в словаре лишь 1/50 часть всего словарника (из них 342 – греческих, 107 – латинских, 92 – французских, 74 – немецких, 33 – татарских), что не отражало реального количества заимствованных слов в русском языке. Научно-техническая терминология представляла собой «названия, учёными, художниками, ремесленниками употребляемые, которые суть или прямо русские или вновь по российскому корню составлены и ясно вещи выражающие» (например, вместо *анатом* – *трупоразъятель*, вместо *аудитория* – *слушалище*, вместо *библиотека* – *книгохранилище* и т.п.). Для естественнонаучных понятий и терминов предлагались развёрнутые характеристики энциклопедического типа (примеры см.) [КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК, 2000: 21, 23–24].

³³ Этот словарь, как пишет Ю. Хаустова, не имел того теоретического и практического значения, какое имел «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг., ибо Ломоновская теория трёх стилей отходила в прошлое, а в русском литературном языке произошли серьёзные изменения, не нашедшие отражения в азбучном издании 1806–1822 гг. [ХАУСТОВА, 2001: 71].

кированию) латинских терминов. Он прибегал как к их совместному употреблению рядом с английскими, так и к употреблению только латинских терминов или только английских терминов» [Сусов, 1999: гл. 3.3].

Примеры слов-терминов древнеанглийского периода: лат. *versus* – др.-англ. *fers* – совр. англ. *verse*; др.-греч./лат. *grammatica* – англ. *grammere* > *grammar*; лат. *accentus* – англ. *accent*; др.-греч./лат. *metron/metrum* – англ. *metre/meter*; др.-греч./лат. *glossa* – англ. *gloss*; лат. *declinō* – др.-англ. *declynen* – совр. англ. *(to) decline* и т.д.

Словарь древнеанглийского языка Г. Кёблера содержит около 50 терминологических и номенклатурных обозначений лингво-литературоведческого характера: *tōgeicendlic* (адъективный); *accent* (ударение); *stæfrōf* (алфавит); *wīse* (выражение, способ выражения); *foresōþscipe* (произношение); *āsweðan*, *āsēgan*, *āsprecan* (произносить); *bōcstaef*, *staef* (буква); *stæfrāw* (буквенный ряд); *stæfplega* (игра слов); *declīnung* (склонение); *declīnian* (склонять); *ēndung*, *geēndung* (окончание); *ēnglisc gereord* (английский язык); *glāsing* (глосса); *staefcraeft* (грамматика); *mēter-fers* (гекзаметр); *forword* (йота); *elléohrt* (ламбдализм); *tīma* (мора); *getet*, *met*, *mēter* (размер, метр); *emléohrt* (мутацизм); *nāma* (имя существительное); *hīew* (фигура речи); *rūn* (руна); *bōc*, *gewrit*, *rūn*, *staef*, *writ* (письмо); *staefgefēg* (слог); *gereord*, *geþiede*, *līeden*, *reord*, *spæc*, *spræc*, *tunge*, *þeod* (язык); *grammatic-craeft* (грамматика); *cwide* (поговорка); *fers*, *mēter-geweorc* (стих); *cwide*, *þper*, *word* (слово); *word-craeft* (сила слова); *word-hord* (словарный состав) и др. [KÖBLER, 2006].

Языковеды, занимающиеся историей заимствований в английском языке, сталкиваются с проблемой формального и семантического совпадения проникших в лексику древне- и среднеанглийского периода латинских и латинизированных греческих терминов и терминов на старофранцузском языке, в котором эта терминология также имеет статус заимствований. Поэтому подчас невозможно точно утверждать, попал тот или иной термин в английский вокабуляр напрямую из латыни, или же из языка-посредника, каковым по отношению к английскому являлся старофранцузский. Этимологическая идентификация терминологии ещё более усложняется тем обстоятельством, что у непосредственно заимствованных из латыни терминов зачастую изменялась форма, «повидимому, по аналогии со знакомой французской» [БРУННЕР, 1955: 153]. Однако в эпоху Ренессанса, отмеченную потоком новых заимствований из латыни, имел место обратный процесс, при котором старофранцузские заимствования заменились «новыми» латинскими, подобно тому, как это было и во Франции [БРУННЕР, 1955: 169; см. тж. ИВАНОВА, Чахоян и др., 1998: 34].

Заимствования из старофранцузского языка и латыни привели к образованию ряда дублетов и синонимических пар в терминологической лексике английского языка. Их появление в среднеанглийском словарном составе обусловлено тем обстоятельством, что «английский язык в разные периоды своей истории заимствовал соответствующее латинское, а затем связанное с ним этимологически французское слово» [СМИРНИЦКИЙ, 1998^a: 35; см. тж. ВГФ, 1998: 212].

Примеры³⁴: *aphony* – *aphonia* (ср. совр. франц. *aphonie*), *dialepha* – *dialephe* (ср. совр. франц. *dialephe*), *synalepha* – *synalephe* (ср. совр. франц. *synalèphe*), *synaphea* – *synaphy* (ср. совр. франц. *synaphie*), *septenarius* – *septenary* (ср. совр. франц. *septénaire*), *spondaic* – *spondean* (ср. совр. франц. *spondaïque*), *palinode* – *palinody* (ср. совр. франц. *palinodie*).

Г. Пауль в работе «Prinzipien der Sprachgeschichte» приводит интересное рассуждение на предмет возникновения дублированной лексики: «Там, где два близкородственных языка оказывают одновременное влияние на третий язык, часто бывает так, что из этих языков в третий заимствуются оба совпадающих

³⁴ Источник примеров: [Иванов, 2005].

по значению и практически не отличающихся по звучанию корреспондирующих слова. Такие взаимоотношения [внутри лексического состава языка – А.И.] мы как раз и обнаруживаем в заимствованиях из латинского и французского языков» [PAUL, 1920: § 280]. Это замечание, на наш взгляд, полностью приложимо к приведённым выше примерам.

Зарождение собственно английской лингвистической терминологии следует, очевидно, отнести к первой половине XIV в., т.е. ко времени вытеснения французского языка из основных сфер общественной жизни, когда грамматику в школах стали преподавать на английском языке³⁵.

После 1400 г. в английской научной литературе – опосредованно через французские письменные источники – вновь засвидетельствовано широкое применение лингвистических латинских терминов. Такое положение дел серьёзно осложнило процесс формирования английской лингвистической терминологии, которая практически отсутствовала как пласт специализированной лексики вплоть до XVI в., когда английский язык почти полностью сложился как национальный язык. Тем не менее объективная причина широкого использования греко-латинских заимствований в исследуемой области всё ещё сохранялась: отсутствовала собственная терминология. Заимствованная греко-латинская лингвистическая терминология в это время подвергалась серьёзным изменениям, приспосабливаясь к языковым нормам национального языка [LARDINOIS, 1997]. Примером тому могут служить как фонетические, так и морфологические признаки отдельных слов-терминов: лат. *rhetóricus* – англ. *rhetoric*, лат. *apostróphe* – англ. *apostrophe*, лат. *antithésis* – англ. *antithesis*, ср.-лат. *philología* – англ. *philology* и т.д.

В XV в. латинский язык продолжал доминировать как основной предмет изучения в учебных заведениях Англии (язык-объект)³⁶. Английский язык признавался «грубым и бесперспективным» («rude and barren»), способным служить лишь инструментом при обучении латинскому [РАСТОРГУЕВА, 2001: 166]. Именно на этот время пришёлся расцвет классической филологии, базировавшийся на изучении древних языков. Многие греко-латинские заимствования, имевшие книжный характер, оказались, по словам Б.А. Ильиша, вполне жизнеспособными и вошли в обиход [Ильиш, 1968: 301]. Большая часть этих заимствований, как отмечает А.И. Смирницкий, «так и осталась на периферии словарного состава и по своим фонетическим и структурным особенностям выделяется в словарном составе английского языка особо: они составляют многочисленную группу многосложных слов, типичных преимущественно для языка литературного и научного, и характеризуются особой словообразовательной структурой» [СМИРНИЦКИЙ, 1998^b: 252].

В течение XVI в. латынь постепенно была вытеснена из всех сфер её функционирования. В области науки процесс вытеснения латыни протекал на фоне широкого применения заимствованных в более ранние периоды и уже англизированных латинских слов. В этом смысле следует признать справедливым парадоксальный, на первый взгляд, вывод: «латынь была побеждена путём заимствования терминов из латыни» [ИВАНОВА, ЧАХОЯН и др., 1998: 33].

³⁵ К. Бруннер в своей «Истории английского языка», со ссылкой на Ранульфа Хигдена, фиксирует факт преподавания грамматики в 1348 г. школьным учителем Дж. Корнуэллом на английском языке, а не на французском, как это было раньше [БРУННЕР, 1955: 135].

³⁶ Здесь уместно упомянуть о том, что преподавание латыни в средневековых европейских университетах основывалось на восприятии латинского языка как абстрактной теоретической дисциплины. В результате строится некий абстрактный канонический язык, в котором нет границы между языком-объектом и метаязыком, который не столько описывает язык-объект, сколько является его продолжением [AUROUX, 1994: 67].

По замечанию К. Бруннера, англизированные латинские заимствования предпочитали даже «новообразованиям из словарного материала родного языка» [БРУННЕР, 1955: 151-152], в особенности, если последние оказывались не слишком удачными. Примером малоудачного терминотворчества может служить книга по логике «*Arte of Reason, rightly termed Witcraft*» Ральфа Левера, вышедшая в 1573 г. В ней автор постарался заменить греко-латинскую терминологию английскими неологизмами собственного изобретения. К работе Р. Левера прилагался словарный перечень из 51 термина, например: *backset – predicate, backsette – praedicatum, foresette – subiectum, endsay – conclusion, inbeer – accidens, ifsaye – propositio conditionalis, naysay – negation, saywhat – definition, shewsay – declarative proposition, speechcrafte – rhetoric, yeasay – affirmation* и т.д. Как пишет В.Н. Ярцева, попытки Р. Левера создать терминологию логики и философии без латинских заимствований на основе исконных английских морфем оказались тщетными, а сам он остался в истории науки в положении чудака-одиночки [ЯРЦЕВА, 1969, 121-122].

В этот период и позднее, в XVII в., появляются грамматические справочники, а также фонетические руководства, призванные упорядочить и нормировать английское произношение. Постепенно в таких работах описываемые языки одновременно становятся языками, на которых они написаны [АЛПАТОВ, 1999: 45]. К наиболее значительным в этой сфере следует отнести следующие работы: «*Logonomia Anglica*» («Английское словозаконие») А. Гилла (1619), английская грамматика Б. Джонсона (1640), «*Grammatica Linguae Anglicanae*» («Грамматика английского языка») (1653) известного грамматиста и фонетиста Дж. Уоллиса, обнаружившего, по выражению Б.А. Ильиша, умение делать объективные наблюдения в области звукопроизношения и не находящегося во власти консервативных взглядов на язык [ИЛЬИШ, 1968: 290]. В этих сочинениях отчётливо проявилась тенденция к развитию терминологии на национальном языке.

С целью исследовать генезис и проанализировать динамику развития английской лингвистической терминологии был обследован оксфордский словарь «*The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*» [HOAD, 1996], а также ряд других источников, из которых методом сплошной выборки были выделены лингвистические и литературоведческие термины и распределены в соответствии с хронологией их появления в словарном составе английского языка.

1. Количественный состав английской лингвотерминологии

Количественный состав полученных в результате сплошной выборки терминов и терминологических словосочетаний представлен в нижеследующей таблице с разбивкой по отделам лингвистики:

ПЕРИОД	Количество терминов	ОТДЕЛЫ ЛИНГВИСТИКИ		
		Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
X-XII вв.	13 (100%)	6 (46,1%)	1 (7,7%)	6 (46,1%)
XIII в.	8 (100%)	5 (62,5%)	0 (0%)	3 (37,5%)
XIV в.	51 (100%)	25 (49%)	3 (5,9%)	23 (45,1%)
XV в.	39 (100%)	14 (35,9%)	2 (5,1%)	23 (59%)
XVI в.	151 (100%)	67 (44,4%)	23 (15,2%)	61 (40,4%)
XVII в.	97 (100%)	44 (45,4%)	10 (10,3%)	43 (44,3%)
XVIII в.	42 (100%)	24 (57,1%)	4 (9,5%)	14 (33,3%)
XIX в.	97 (100%)	56 (57,7%)	8 (8,3%)	33 (34%)

XX в.	48 (100%)	19 (39,6%)	0 (0%)	29 (60,4%)
ВСЕГО	546 (100%)	260 (47,6%)	51 (9,3%)	235 (43%)

Исследование терминологического корпуса по отделам лингвистики показывает стабильно сохраняющуюся долю фонетических и метрических терминов в ходе всего процесса развития английской лингвистической терминологии (40-42%). Некоторое увеличение числа терминов этого отдела лингвистики в XIII в. (62,5%) и в XVIII в. (57,1%) происходит за счёт терминологии метрики и стихосложения. Зафиксированное увеличение количества терминов этой группы в XIX в. (57,7%) обязано прежде всего развитию фонетики.

Количество риторико-стилистических терминов в X-XV вв. относительно невелико и составляет в среднем около 5% от общего числа зарегистрированных терминов. В XVI в. доля терминологии риторики и стилистики достигает пика своего развития, составляя более 15% от общего количества терминов. В хронологический период с XVII по XIX вв. число этих терминов сравнительно невелико и составляет всего около 9%. В XX в. не зафиксировано ни одной риторико-стилистической терминологической единицы.

Проведённое исследование выявило также стабильный характер развития терминологического аппарата грамматики. Некоторое увеличение доли грамматической терминологии отмечается в XV и XX вв. (до 60% от общего числа терминов), снижение – в XVIII в. (до 33% от общего числа терминов).

Доля фонетико-метрической терминологии в период с X по XX вв. в целом составила около половины всего терминологического корпуса (47,6%), грамматической терминологии – 43%, риторико-стилистической – 9,3%.

2. Частеречный состав английской лингвотерминологии

Соотношение лингвистических терминов, выраженных различными частями речи, в частности, прилагательными и существительными, приводится в нижеследующей таблице:

ПЕРИОД	Терминология, выраженная	
	существительными (S)	прилагательными (A)
X-XII вв.	13 (100%)	0 (0%)
XIII в.	8 (100%)	0 (0%)
XIV в.	41 (80,4%)	10 (19,6%)
XV в.	34 (87,2%)	5 (12,8%)
XVI в.	124 (82,1%)	27 (17,9%)
XVII в.	67 (69,1%)	30 (30,9%)
XVIII в.	30 (71,4%)	12 (28,6%)
XIX в.	74 (76,3%)	23 (23,7%)
XX в.	43 (89,6%)	5 (10,4%)
ВСЕГО	434 (79,5%)	112 (20,5%)

В период X-XIII вв. весь английский терминологический корпус представлен только терминами-существительными. С XIV по XVI вв. доля терминов-существительных снижается до 83%, доля терминов-прилагательных в этот период составляет, соответственно, около 17%. В XVII-XIX вв. количество терминов-прилагательных увеличивается до 30%, доля терминов-существительных составляет, соответственно, 70%. В XX в. доля существительных в лингвистической терминологии достигает 90%. Рост терминов-существительных в XX в. связан, очевидно, с развитием целого ряда не существовавших ранее отраслей лингвистики и разработкой новых понятий, требовавших собственной терминологии.

Во все исследованные периоды соотношение существительных и прилагательных составляет, соответственно, 4:1.

3. Структурно-типологический анализ английской лингвотерминологии

Результаты структурно-типологического анализа сведены в нижеследующую таблицу:

ПЕРИОД	Однословные термины			Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:	
	простые		сложные	S + A	S + S
	непроизводные	производные			
X-XII вв. (13)	10 (76,9%)	3 (23,1%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
XIII в. (8)	7 (87,5%)	1 (12,5%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
XIV в. (51)	27 (52,9%)	23 (45%)	1 (2%)	0 (0%)	0 (0%)
XV в. (39)	4 (10,2%)	34 (87,2%)	1 (2,6%)	0 (0%)	0 (0%)
XVI в. (151)	42 (27,8%)	105 (69,5%)	4 (2,6%)	0 (0%)	0 (0%)
XVII в. (97)	12 (12,4%)	83 (85,6%)	2 (2,1%)	0 (0%)	0 (0%)
XVIII в. (42)	12 (28,6%)	30 (71,4%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
XIX в. (97)	22 (22,7%)	70 (72,2%)	5 (5,1%)	0 (0%)	0 (0%)
XX в. (48)	2 (4,2%)	40 (83,3%)	2 (4,2%)	3 (6,3%)	1 (2,1%)
ВСЕГО (546)	138 (25,3%)	389 (71,2%)	15 (2,7%)	3 (0,5%)	1 (0,2%)

Наибольшее количество однословной простой непроизводной терминологии зафиксировано в X–XIII вв. (в среднем 80% всего терминологического корпуса). В XIV в. доля этих терминов составила чуть более половины всей зарегистрированной в этимологических словарях лингвистической терминологии. В XV и XVII вв. она снизилась до 10%, в XVIII и XIX вв. количество однословных непроизводных терминов составило четверть всего терминологического корпуса. В XX в. зафиксировано минимальное количество простой непроизводной терминологии (4,2%).

Простая производная терминология представлена наиболее широко по сравнению с другими словообразовательными типами. Если в период с X по XIII в. её доля не превышала 16%, то начиная с XIV в. она неуклонно возрастала с 45% до 80%.

Сложная терминология в составе лингвотерминологического корпуса начала формироваться начиная с XIV в. (до этого времени сложные термины не зарегистрированы) и вплоть до XVIII в. её доля представлена в минимальном количестве (2-2,5%). В период XIX–XX вв. её количество в относительном выражении удвоилось, составив 4-5% от общего числа зафиксированной лингвистической терминологии.

Терминология, представленная словосочетаниями, зафиксирована в минимальном количестве, однако это обстоятельство отнюдь не свидетельствует об её отсутствии вообще, так как основным материалом исследования послужили этимологические словари, в которых лексемы, как правило, рассматриваются по отдельности вне синтаксической связи с другими лексемами и без указания на их сочетаемостные потенции.

Простая непроизводная терминология в целом составляет, согласно результатам исследования, $\frac{1}{4}$ всего терминологического корпуса (25,3%), простая производная терминология – немногим более 70%, доля сложной терминологии составляет около 3%.

4. Заимствования в английской лингвотерминологии

Ниже приводятся общие данные по количеству заимствованной в англоязычное языкоznание греко-латинской лингвистической терминологии.

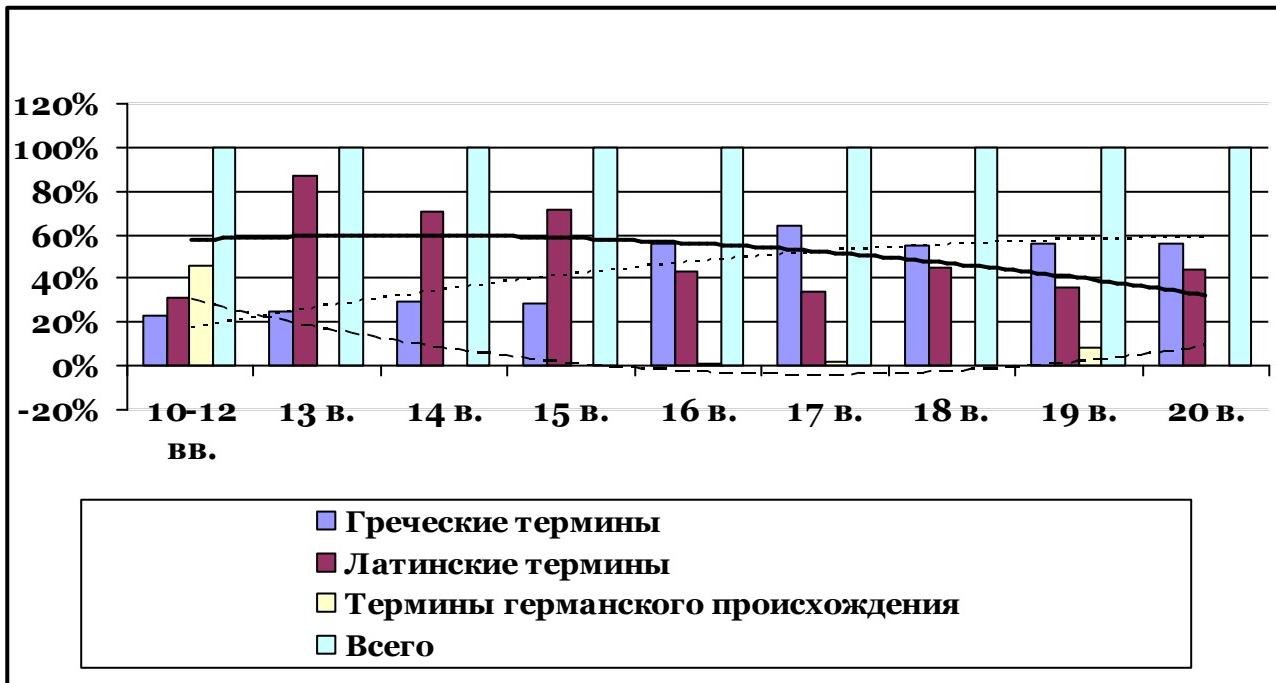
ПЕРИОДЫ	Общее количество терминов		Термины греческого происхождения		Термины латинского происхождения	
	в абсолютном выражении	%	в абсолютном выражении	%	в абсолютном выражении	%
X-XII вв.	13	100%	3	23,1%	4	30,8%
XIII в.	8	100%	2	25%	7	87,5%
XIV в.	51	100%	15	29,4%	36	70,6%
XV в.	39	100%	11	28,2%	28	71,8%
XVI в.	151	100%	84	55,6%	65	43%
XVII в.	97	100%	62	63,9%	33	34%
XVIII в.	42	100%	23	54,8%	19	45,2%
XIX в.	97	100%	54	55,7%	35	36,1%
XX в.	48	100%	27	56,2%	21	43,8%
ВСЕГО	546	100%	281	51,5%	248	45,4%

Терминология германского происхождения представлена в корпусе лингвотерминов в минимальном количестве и не во все периоды развития англоязычной лингвистики. В древнеанглийском периоде (X–XII вв.) зафиксировано 6 терминологических единиц германского происхождения (46,1%), в XVI в. – 2 (1,3%), в XVII в. – 2 (2,1%), в XIX в. – 8 (8,2%). Полученные данные свидетельствуют о максимальном количестве этой терминологии в эпоху становления английского языка и о постепенном снижении её доли в последующие периоды, когда английский язык испытывал на себе значительное греко-латинское влияние. В XIX в. зафиксировано некоторое увеличение доли лингвистической терминологии германского происхождения (до 8,2%). Анализ этих терминов показывает, что 25% из них представляют заимствования из немецкого языка (*ablaut, umlaut*), что свидетельствует о несомненном влиянии немецкого языкоznания на развитие европейской лингвистической мысли, 25% являются образованиями от имён собственных (*limerick, spoonerism*), прочие 4 термина (*off-glide, on-glide, dash, slang*), составляющие 50% от общего числа терминологических единиц данного типа, имеют исконно английское происхождение. В XV, XVIII, XX вв. описываемая терминология не зафиксирована. В целом терминология германского происхождения составляет чуть более 3% от общего числа зарегистрированных терминов.

Терминология греческого происхождения в период с X по XV вв. составляла чуть более $\frac{1}{4}$ всей терминологии лингвистики (25-28%). С XVI в. по настоящее время её доля стабильна и составляет немногим более половины всего лингвотерминологического корпуса (55%).

Терминология латинского происхождения (включая терминологические единицы, заимствованные из итальянского и французского языков, но имеющие латинские корни, напр., итал. *terza rima* < лат. *rima tertia – rhythma tertium*), в древнеанглийском периоде составляла около $\frac{1}{3}$ от общего числа всех лингвистических терминов (30,8%). В период XIII–XV вв. доля латинских терминов составляла $\frac{3}{4}$ всей лингвотерминологии (72-87%). В XVI–XX вв. их количество стабильно и формирует до 40% всего лингвотерминологического корпуса.

Терминология греко-латинского происхождения в целом составляет около 97% от общего числа зарегистрированных терминов.

На приводимой выше диаграмме наглядно показана динамика процесса заимствований. Полиномиальные линии на диаграмме свидетельствуют о различной роли языков – источников заимствованной терминологии в формировании терминологического аппарата англоязычной лингвистики. Если до XV в. включительно основным источником пополнения лингвотерминологического состава была латынь, то начиная с XVI в. в этом процессе более значительную роль начинает играть древнегреческий язык. Во многом это обстоятельство обусловлено тем, что именно в этот хронологический период складывается фонетико-метрическая и риторико-стилистическая терминологические системы, для которых характерна значительная доля древнегреческих заимствований.

Проведённый анализ выявил в целом стабильный характер протекания процесса греко-латинских заимствований в сфере англоязычной лингвистической терминологии.

5. Лексикографическая практика

Лексикографирование – как процесс фиксации слов в словарях – восходит в Британии к VII–VIII вв., когда общим средством коммуникации в Европе была латынь. Поэтому словарная практика в то время сводилась в основном к составлению глоссариев вкупе с подстрочными переводами с латинского на английский язык. Одним из первых таких глоссариев был «Leiden Glossary», в котором эквивалентные пары латинских и английских слов располагались в порядке появления их в текстах [МИНАЕВА, 2003: 115].

Позднее, в XV–XVII вв., был опубликован ряд словарей и «перечней сложных слов» («Lists of difficult words»), отражавших состояние словарного состава английского языка того времени. К наиболее авторитетным источникам в этой области можно отнести англо-латинский словарь (1499), толковые (объяснительные) словари «Table alphabeticall conteyning and teaching the true writing, and understanding of hard usual English words, borrowed from the Hebrew, Greek, Latin or French etc.» (1604), «English expositor teaching the interpretation of the hardest words used in our language» (1616), «English-English Dictionary» (1623).

Л.В. Минаева отмечает, что за девять столетий, отделяющих создание глоссариев от составления первых словарей, в методологии словарного дела был отмечен значительный прогресс: усложнилась структура словарных статей, увеличилась степень их информативности, благодаря чему читатели стали получать больше информации о языке, появились комментарии грамматико-морфологического, этимологического и узусного характера, стали использоваться различные формы и способы дефиниции слов, для большего удобства и наглядности привлекался даже иллюстративный материал [МИНАЕВА, 2003: 116].

В новейший период наиболее значительным событием в области англоязычной лексикографии стал десятитомный «Оксфордский английский словарь», выпущенный в 1884–1928 гг. и переизданный в 1933 г.

В США развитие лексикографии связывают с деятельностью Ноя Вебстера (Noah Webster), опубликовавшего в 1828 г. словарь «An American Dictionary of the English Language», впоследствии неоднократно переиздававшийся. Имя Н. Вебстера использовалось в дальнейшем в названиях словарей, выпускавшихся другими издательствами.

2.5. Немецкий язык как реципиент греко-латинской лингвистической терминологии

В Германии начало широкого распространения латыни историки относят к концу V в. Она оставалась единственным средством письменного общения и языком государственных актов, церкви, науки и литературы до последних десятилетий VIII в., обеспечивая, по замечанию В. Шмидта, «взаимопонимание в международном масштабе» [GDS, 1983: 94]. Латынь – как неавтохтонный литературный язык – выполняла по отношению к формирующемуся немецкому языку «роль всеобъемлющей языковой системы высшего ранга, обладающей оптимальным набором признаков как средство надрегиональной и международной коммуникации» [ФИЛИЧЕВА, 1992: 94]. По римскому образцу в школах крупных монастырей было введено преподавание «семи благородных наук», к которым относился и тривиум (т.е. троепутье), включавший грамматику, риторику и логику [ШУБИК, 2000: 182]. Этим трём наукам в современном языкоznании, в частности, в семиотике, соответствуют синтаксика, pragmatika и семантика [ЭРЯ, 1998: 460–461]. «Семь хорошо вытоптанных дорог грамматики, риторики, диалектики (первая ступень) и арифметики, геометрии, астрономии, музыки (вторая) вели к той буквалистской учёности, когда исходные предметы перечисленных наук лишь намекали на то, что они всё-таки есть, нечаянно обозначаясь в просветах бесконечных комбинаций флексий, падежей, логических фигур, хотя и призванных к учёной своей жизни для предметов этих наук» [РАБИНОВИЧ, 1991: 28]. Вершиной изучения грамматики в монастырских школах было сочинение стихов на латинском языке («*dictamen metricum*») [РАБИНОВИЧ, 1991: 31].

Учебными пособиями, популярными в то время, считались «Грамматическое руководство», комментарий к Присциану и трактат о написании трудных латинских слов Алкуина, грамматики Петра Пизанского и Клемента Скотта, толковый словарь Павла Диакона. Вплоть до X в. немецкий язык, как отмечает И.П. Сусов, «использовался при начальном обучении латыни по руководствам Доната и Присциана. Латинские слова в текстах снабжались глоссами. В процессе преподавания создавалась собственная грамматическая терминология на родном языке, сопоставлялись латинские и немецкие парадигмы» [СУСОВ, 1999: гл. 3.4].

В IX в. в Германии появились и первые грамматические труды немецких авторов Б. Эрханберта, Фрейзинга, Годескалька, работы которых большей ча-

стью были посвящены исследованию лингвистических особенностей библейских текстов и составлению грамматик с привлечением в качестве иллюстративного материала отрывков из Библии [ШУБИК, 2000: 183–184].

Для периода зрелого и позднего средневековья (X–XV вв.) характерно значительное количество калек и семантических заимствований. Причиной их проникновения в немецкий язык считают недостаточную «терминологичность» немецкой лексики того времени, обусловившую попытки максимального использования ресурсов немецкого языка при передаче сложной по структуре и семантике терминологии латинской научной литературы [ГУХМАН, СЕМЕНЮК, 1983; ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, НОВОЖИЛОВА, 2003: 299].

В XVI в. на волне средневековой гуманизации общественной жизни и с ростом авторитета науки растёт число терминологических заимствований греческого и латинского происхождения. В основе этого процесса лежит роль латыни как языка средневековой науки. В процесс терминологизации была вовлечена и лингвистические науки, обогатившиеся целым рядом терминов, ставших впоследствии составной частью национального языка: *Akzent*, *Diphthong*, *Grammatik*, *Konjugation*, *Konsonant*, *Orthographie*, *Punkt*, *Vokal* и т.д. [DWG, 1974: 399 и след.]. Большинство заимствований такого рода вошло в разряд интерлингвизмов. Усилилась также тенденция к калькированию (*Lehnübersetzung*) греко-латинской терминологии (например, *Orthographie* – *Rechtschreibung*), в максимальной степени проявившаяся в более позднюю эпоху развития немецкого языка [ВГФ, 1998: 274].

В 1537 г. в Тюбингене вышло написанное по-немецки руководство по немецкой грамматике, написанное И. Мейхснером по канонам, установленным для подобных сочинений в области латинской грамматики. При этом автор пользуется лингвистической терминологией на латинском языке. «В деятельности Мейхснера и других грамматистов XVI в. делаются первые шаги к созданию немецкой грамматической терминологии, в основном, на латинской основе» [ВГФ, 1998: 285].

Примеры³⁷: 1) Заимствования из древнегреческого языка: *Aphärese*, *Aphäresis* – *Anlautschwund*; *Apokope* – *Auslautschwund*; *Synkope* – *Ausstoßung*; *akatalektisch* – *unverkürzt*, *vollständig*; *katalektisch* – *verkürzt*, *unvollständig*; *hexasyllabisch* – *sechssilbig*; *Heptastichon* – *Siebenzeiler*; *Hemistichium*, *Hemistichion* – *Halbzeile*; *halbe Zeile*; *Daktylus* – *Doppelfaller*; *Anapäst* – *Doppelsteiger* и т.д.

2) Заимствования из латинского языка: *Akzent* – *Betonung*, *Beten*; *akzentuiert* – *betont*; *Akkom(m)oeration* – *Angleichung*, *Anpassung*, *Anähnlichung*; *akut* – *scharf*; *Affrikate*, *Affrikata* – [*stimmloser*] *Verschlussengelaut*; *Alliteration* – *Anreim*, *Stabreim*; *Assonanz* – *Halbreim*, *Stimmreim*, *Innreim*; *Zäsur* – *Einschnitt*, *Ruhepunkt*, (*Sprech*)*pause*; *Kadenz* – *Schlussphase*; *kopulativ* – *verbindend*, *Verbindungs-*, *Binde-*; *Kontraktion* – *Zusammenziehung*; *Dissimilation* – *Entähnlichung*, *Unähnlichwerden*; *expiratorisch* – *Ausatmungs-* и т.д.

В XVII в. работа языковедов в области создания и унификации лингвистической терминологии получила своё дальнейшее продолжение. Большой вклад в этом деле принадлежит Ю. Шоттэлю, выпустившему в свет в 1663 г. своё сочинение «*Ausführliche Arbeit von der Teutschen Haubtsprache*» («Подробный труд о главном немецком языке»). В нём Ю. Шоттель выступил создателем целого ряда грамматических терминов, таких, как *Zeitwort*, *Fragezeichen* и др. [ВГФ, 1998: 286].

Продолжателем традиций Ю. Шоттеля в деле «национализации» метаязы-

³⁷ Источник примеров: [ИВАНОВ, 2005].

ка лингвистики стал Х. Вольф, опубликовавший серию университетских учебников на немецком языке по различным отраслям научного знания. Благодаря своей широкой популярности эти учебники, по словам В.М. Жирмунского, сыграли существенную роль в создании научной терминологии на национальном языке [ЖИРМУНСКИЙ, 1965: 89].

К этому времени немецкий язык оказался наводнён огромным количеством заимствованных слов прежде всего из французского языка, что было объяснимо влиянием, оказываемым на Германию Францией Людовика XIV. Реакция отторжения лексических заимствований со стороны блюстителей чистоты немецкого языка не заставила себя долго ждать. В XVII – XVIII вв. латинский язык также оказался в числе гонимых туристами. Наряду с онемечиванием общеупотребительных латинских слов (к примеру, *Adresse* – *Anschrift*, *Fragment* – *Bruchstück*, *Korrespondenz* – *Briefwechsel* и пр.) стараниями членов языковых обществ или академий («Sprachgesellschaften»), прежде всего педагогов и грамматистов, онемечивалась и лингвистическая терминология: *Fall* вместо *Kasus* (термин Ю. Шоттеля), *Geschlecht* вместо *Genus* (термин Ю.Шоттеля), *Mundart* вместо *Dialekt* (термин Ю. Шоттеля), *Mehrzahl* вместо *Plural* (термин Й.Г. Кампе), *Einzahl* вместо *Singular* (термин Й.Г. Кампе), *Geschlechtswort* вместо *Artikel*, *Hauptwort* (термин Й. Готшеда) вместо *Substantiv(um)*, сп. [PAUL, 1960: 279], *Sprachlehre* вместо *Grammatik*, *Sprachkunst* (термин Ю. Шоттеля), *Zahlwort* (термин Ю. Шоттеля) вместо *Numerale*, *Wörterbuch* (термин Ю. Шоттеля) вместо *Lexikon* и *Dictionarium* и т.д. [DS, 1983: 665-666; ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, НОВОЖИЛОВА, 2003: 307].

Процесс языковой «пурификации» нашёл своё отражение в немецкой лексикографии того времени, к примеру, в пятитомном словаре Й. Аделунга «*Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der oberdeutschen*» («Попытка полного грамматико-критического словаря верхненемецкого наречия, со систематическим сравнением с прочими наречиями, но, прежде всего, с верхненемецким») (1774-1786). Устремления Й. Аделунга к нормированию немецкого языка и упорядочению его лексики лексикографическими средствами были поддержаны Й.Г. Кампе, который в 1801-1804 гг. выпустил в свет свой состоящий из шести частей словарь «*Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke*» («Словарь толкования и онемечивания проникших в наш язык иностранных выражений»). В деле очищения немецкого языка от заимствований Й.Г. Кампе занимает позицию, названную А.Л. Зеленецким и О.В. Новожиловой «экстремистской» и «псевдодемократической», так как он «не учитывает потребностей развития языка науки, постоянно прибегающего к интернациональной лексике» [ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, НОВОЖИЛОВА, 2003: 307].

Деятельность немецких туристов может быть квалифицирована как внутренняя причина отказа от терминологии на греко-латинской основе. Причиной внешнего характера можно считать то обстоятельство, что «немецкий язык по сравнению с языками романскими и даже английским, находился в невыгодной изоляции, будучи лишён опоры в латыни, служившей для народов Европы главным источником интернациональной лексики» [ЖИРМУНСКИЙ, 1965: 376]. Последнее в значительной мере подтверждается исследованием лингвистической терминологии, предпринятым на основе лексического материала из этимологического словаря Г. Пауля (1960) и словаря DUDEK «*Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*» (2001).

Как видим, процесс адаптации иноязычных заимствований к лексическим нормам немецкого языка на фоне безуспешных попыток полного их изгнания из словарного состава сопровождался появлением целого пласта дублетированной лингвистической терминологии, с которой лексикографы имеют дело и поныне.

В XX век немецкий язык «вступил как едва ли не единственный мировой язык со специфическими дублетами (*Verdeutschungen*) для большинства интернационализмов, что до сих пор составляет специфическую черту его синонимики» [ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, НОВОЖИЛОВА, 2003: 308].

С целью исследовать генезис и проанализировать динамику развития лингвистической терминологии в немецком языке были обследованы этимологический словарь Г. Пауля «*Deutsches Wörterbuch*» [PAUL, 1960], «*Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*» [DUDEN, 2001], а также ряд других источников, из которых методом сплошной выборки были выделены лингвистические и литературоведческие термины и распределены в соответствии с хронологией их появления в словарном составе немецкого языка³⁸.

1. Количественный состав немецкой лингвотерминологии

Количественный состав полученных в результате сплошной выборки терминов и терминологических словосочетаний представлен в нижеследующей таблице с разбивкой по отделам лингвистики:

ПЕРИОД	Количество терминов	ОТДЕЛЫ ЛИНГВИСТИКИ		
		Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
XII в.	13 (100%)	8 (61,5%)	0 (0%)	5 (38,5%)
XIII в.	6 (100%)	1 (16,7%)	2 (33,3%)	3 (50%)
XIV в.	15 (100%)	8 (53,3%)	1 (6,7%)	6 (40%)
XV в.	14 (100%)	5 (35,7%)	2 (14,3%)	7 (50%)
XVI в.	65 (100%)	29 (44,6%)	4 (6,1%)	32 (49,2%)
XVII в.	72 (100%)	13 (18,1%)	5 (7%)	54 (75%)
XVIII в.	78 (100%)	29 (37,2%)	3 (3,8%)	46 (59%)
XIX в.	52 (100%)	23 (44,2%)	4 (7,7%)	25 (48,1%)
XX в.	52 (100%)	23 (44,2%)	0 (0%)	29 (55,8%)
ВСЕГО	367 (100%)	139 (37,9%)	21 (5,7%)	207 (56,4%)

Фонетико-метрическая терминология, составляющая более 60% всего немецкого терминологического корпуса в XII в., постепенно теряет в количестве, уступая место терминологии грамматики. Минимальные количественные показатели фонетико-метрической терминологии зафиксированы в XIII в. (16,7%) и XVII в. (18,1%). В периоды XIV–XVI вв. и XVIII–XX вв. доля терминов метрики и фонетики составляет в среднем 40–45%.

Риторико-стилистическая терминология зафиксирована в минимальных количествах, колеблясь в пределах 5–7% на протяжении практически всего периода

³⁸ В ходе работы с источниками отмечается ряд несовпадений в установлении времени происхождения отдельных лингвистических терминов. Так, например, появление в словарном составе немецкого языка заимствованного фонетического термина *Akzent* словарь «*Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*» относит к XV в. [DUDEN, 2001: 27], а авторы «*Deutsche Wortgeschichte*» [DWG, 1974: 399ff] и некоторые другие [Воронков, Поняева и др., 2002: 69] – к XVI в., называя даже точную дату – 1572 г. При наличии точной даты регистрации того или иного термина предпочтение отдаётся источнику, указывающему эту дату.

развития терминологического корпуса немецкой лингвистики. Пики количественного роста этих терминов приходятся на XIII в. (33,3%) и XV в. (14,3%).

Грамматическая терминология во все периоды своего становления и развития (за исключением, пожалуй, XII в.), составляет большую часть зафиксированной терминологии (50–55%). Пик количественного роста этой терминологии приходится на XVII–XVIII вв. (около 67% от общего числа отмеченных в словарях терминов). Позднее, в XIX–XX вв., наблюдается некоторое снижение её доли (до 50–55%).

Для корпуса немецкой лингвистической терминологии в целом характерен постоянный и стабильный количественный рост начиная с XII в. Резкое увеличение исследуемой терминологии отмечается в XVI в. (с 14 до 65 терминологических единиц), что, несомненно, связано с гуманизацией общественной жизни и с ростом авторитета средневековой науки. Пик развития терминологического аппарата приходится на XVII–XVIII вв. Более половины зафиксированного в этимологических словарях и других источниках терминологического инвентаря ($\approx 56\%$) образуют термины грамматики, немногим более трети – термины фонетики и метрики ($\approx 38\%$), оставшуюся часть ($\approx 6\%$) формируют термины риторики и стилистики.

2. Частеречный состав немецкой лингвотерминологии

Соотношение лингвистических терминов, выраженных различными частями речи, в частности, прилагательными и существительными, приводится в нижеследующей таблице:

ПЕРИОД	Терминология, выраженная	
	существительными (S)	прилагательными (A)
XII в. (13)	12 (92,3%)	1 (7,7%)
XIII в. (6)	6 (100%)	0 (0%)
XIV в. (15)	14 (93,3%)	1 (6,7%)
XV в. (14)	13 (92,9%)	1 (7,1%)
XVI в. (65)	55 (84,6%)	10 (15,4%)
XVII в. (72)	63 (87,5%)	9 (12,5%)
XVIII в. (78)	58 (74,4%)	20 (25,6%)
XIX в. (52)	41 (78,8%)	11 (21,2%)
XX в. (52)	46 (88,5%)	6 (11,5%)
ВСЕГО (367)	308 (83,9%)	59 (16,1%)

В XII–XV вв. весь немецкий терминологический корпус представлен практически только терминами-существительными: на 100 терминов-существительных ($\approx 95\%$) приходится 3 термина-прилагательных ($\approx 5\%$), что в абсолютном выражении составляет пропорцию 33:1. В XVI–XVII вв. доля терминов-существительных несколько снижается до 85%, доля терминов-прилагательных в этот период составляет, соответственно, около 15%. В XVIII–XIX вв. количество терминов-прилагательных увеличивается до 24%, доля терминов-существительных составляет, соответственно, 76%. В XX в. доля существительных в лингвистической терминологии достигает более 88%. Рост терминов-существительных в XX в. связан, очевидно, с возникновением и развитием целого ряда не существовавших ранее отраслей лингвистики и разработкой новых понятий, требовавших собственной терминологии.

За весь исследованный период соотношение терминов-существительных и терминов-прилагательных составляет, соответственно, 4:1.

3. Структурно-типологический анализ немецкой лингвотерминологии

Результаты структурно-типологического анализа сведены в нижеследующую таблицу:

ПЕРИОД	Однословные термины			Термино-сочетания, образуемые по схеме:	
	простые		сложные		
	непроизводные	производные	S + A	S + S	
XII в. (13)	12 (92,3%)	1 (7,7%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
XIII в. (6)	4 (66,7%)	2 (33,3%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
XIV в. (15)	12 (80%)	3 (20%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
XV в. (14)	11 (78,6%)	3 (21,4%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
XVI в. (65)	44 (67,7%)	9 (13,8%)	11 (16,9%)	1 (1,5%)	0 (0%)
XVII в. (72)	35 (48,6%)	13 (18,1%)	23 (31,9%)	1 (1,4%)	0 (0%)
XVIII в. (78)	35 (44,9%)	32 (41%)	11 (14,1%)	0 (0%)	0 (0%)
XIX в. (52)	13 (25%)	26 (50%)	12 (23,1%)	1 (1,9%)	0 (0%)
XX в. (52)	18 (34,6%)	15 (28,8%)	12 (23,1%)	7 (13,5%)	0 (0%)
ВСЕГО (367)	184 (50%)	104 (28,3%)	69 (18,8%)	10 (2,7%)	0 (0%)

Наибольшее количество однословной простой непроизводной терминологии зафиксировано в XII–XV вв. (около 80% всего терминологического корпуса). В XVI в. доля этих терминов снизилась и составила 67,7% всей зарегистрированной в этимологических словарях лингвистической терминологии. В период с XVII по XX в. доля этой терминологии колеблется в пределах от 25% до 48%, составляя в среднем 38% всего терминологического корпуса. В XX в. количество простой непроизводной терминологии составило $\approx \frac{1}{3}$ от общего числа зарегистрированных лингвистических терминов.

Простая производная терминология в XII в. представлена в абсолютном выражении всего лишь 1 термином ($\approx 8\%$). В период с XIII по XVII в. терминология этого словообразовательного типа составляла чуть более $\frac{1}{5}$ ($\approx 21\%$). Начиная с XVIII в. её количество неуклонно возрастает, колеблясь в пределах от 30% в XX в. до 50% в XIX в.

Сложная терминология в составе лингвотерминологического корпуса начала формироваться начиная с XVI в. (до этого времени сложные термины не зарегистрированы). Вплоть до XX в. включительно её доля составляет в среднем 22% от общего числа зарегистрированных терминов. Пик её становления и развития с последующим включением в состав лингвотерминологического инвентаря приходится на XVII, XIX и XX вв.

Терминология, репрезентируемая терминосочетаниями, зафиксирована в минимальном количестве, однако это обстоятельство отнюдь не свидетельствует об её отсутствии вообще, так как основным материалом исследования послужили этимологические словари, в которых лексемы, как правило, рассматриваются по отдельности вне синтаксической связи с другими лексемами и без указания на их сочетаемостные потенции. Максимальное количество словосочетаний типа S+A зафиксировано в XX в. (13,5%). В период XII–XV вв. и в XVIII в. терминологические словосочетания данного типа не зарегистрированы. В XVI, XVII и XIX в. они представлены в минимальном количестве ($\approx 1,5\%$). Терминосочетания типа S+S не зарегистрированы вообще, что, несомненно, связано со словообразовательными особенностями немецкого языка, предпочитающего сложную

терминологию (Komposita) словосочетаниям указанного типа (ср., например, экstenцию терминов *Textlinguistik* и *Linguistik des Textes*).

Простая непроизводная терминология в целом составляет, согласно результатам исследования, половину всего терминологического корпуса (50,1%), простая производная терминология – немногим более $\frac{1}{4}$ (28,3%), доля сложной терминологии составляет около $\frac{1}{5}$ (18,8%), а терминологии, представленной терминосочетаниями – около 3%.

4. Заимствования в немецкой лингвотерминологии

Ниже приводятся общие данные по количеству заимствованной в немецкое языкоznание греко-латинской лингвистической терминологии.

ПЕРИОДЫ	Общее количество терминов германского происхождения		Общее количество терминов греческого происхождения		Общее количество терминов латинского происхождения	
	в абсолютном выражении	%	в абсолютном выражении	%	в абсолютном выражении	%
XII в.	9	69,2%	0	0%	4	30,8%
XIII в.	3	50%	2	33,3%	1	16,7%
XIV в.	4	26,6%	2	13,3%	9	60%
XV в.	0	0%	5	35,7%	9	64,3%
XVI в.	23	35,4%	15	23,1%	26	40%
XVII в.	36	50%	10	13,9%	25	34,7%
XVIII в.	19	24,4%	20	25,6%	36	46,1%
XIX в.	26	50%	15	28,8%	9	17,3%
XX в.	17	32,7%	16	30,8%	19	36,5%
ВСЕГО	137	37,3%	85	23,2%	138	39,6%

Терминология германского происхождения представлена в корпусе лингвистических терминов долей чуть более 37%. Полученные данные свидетельствуют о максимальном количестве этой терминологии в эпоху становления немецкого языка в период с XII по XIV в. В этот период доля исконно германской терминологической лексики составляла в среднем около 50-60%, а иноязычных заимствований – 40%. Качественный состав исконной терминологической лексики показывает, что в значительной мере это – односложные непроизводные слова. В XV–XVI вв. количество германских лингвистических терминов резко снижается: анализ показал полное отсутствие в XV в. терминологии исследуемого рода. В XVI в. доля лингвистических терминов германского происхождения образовала $\frac{1}{3}$ от общего числа зафиксированных терминов. В период XVII–XIX вв. доля германских лингвистических терминов значительно увеличилась, составив в среднем 42%. Этот показатель свидетельствует об активизации языковой туристической деятельности в Германии того периода, сопровождавшейся онемечиванием греко-латинской лингвистической терминологии.

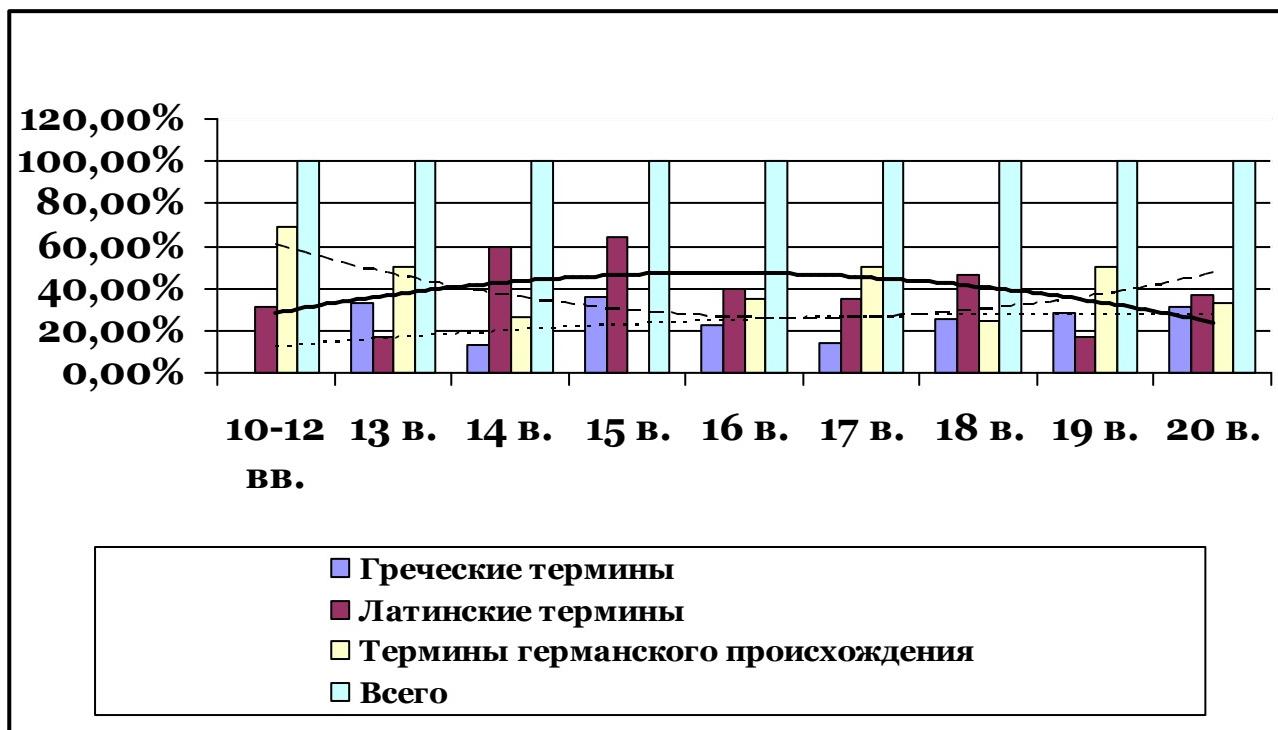
Терминология греческого происхождения в период с XII по XV в. в абсолютном выражении представлена в незначительном количестве (зафиксировано 9 терминов). В относительном выражении усреднённый показатель составляет 20%. Начиная с XVI в. количество греческих лингвистических заимствований неуклонно увеличивается. Средний абсолютный показатель составляет 15 терминов за установленную единицу времени. Однако на фоне количественного

роста лексики исконного происхождения в период с XVI по XX в. усреднённый относительный показатель составил около $\frac{1}{4}$ (24%).

Терминология латинского происхождения (включая терминологические единицы, заимствованные из итальянского и французского языков, но имеющие латинские корни, напр.: нем. *Sonett* < итал. *sonetto* от *suono* < лат. *sonare*; *Romanze* < исп.-франц. *romance* < вульг. лат. **rōmānīce* ('на романском языке') < лат. *Rōmānicus* < *Rōmānus* и т.п.) составляет около 38%. Пик латинских заимствований приходится на период с XIV по XVI в. и составляет около 55%. Начиная с XVII в. доля заимствованных лингвистических терминов латинского происхождения снижается, составляя в период до XIX в. включительно в среднем 20% за установленную единицу времени. Минимальный показатель зафиксирован в XIX в. (17,3%), максимальный – в XVIII в. (46,1%). В XX в. отмечается рост греческих и латинских лингвистических заимствований, образующих $\frac{1}{3}$ от общего числа зафиксированной в этот период в словарях и иных обследованных источниках лингвистической терминологии (соответственно, 30,8% и 36,5%).

В целом на протяжении всего периода становления и развития немецкого языка терминология греко-латинского происхождения составляет около 63% от общего числа зарегистрированных терминов.

На диаграмме наглядно показана динамика процесса заимствований.

Полиномиальные линии на диаграмме свидетельствуют о различной роли языков – источников заимствованной терминологии в формировании терминологического аппарата немецкой лингвистики. Если до XV в. включительно основным иноязычным источником пополнения лингвотерминологического состава была латынь, то начиная с XVI в. в этом процессе более значительную роль начинает играть древнегреческий язык.

В XX в. традиция заимствований продолжала последовательно реализовываться. Греческие, латинские и исконные термины образовали практически равные доли (соответственно, 30,8% – 36,5% – 32,7%) в процессе формирования терминологического аппарата немецкой лингвистики.

Доля терминологии исконного происхождения во все хронологические периоды достаточно велика, варьируя в пределах от 24% в XVIII в. до 69% в X–XII вв. и достигая своего максимума в X–XII, XIII, XVII, XIX вв.

5. Лексикографическая практика (новое и новейшее время)

Наиболее авторитетными лексикографическими изданиями новейшего времени являются начатый ещё братьями Гримм и законченный только в 1960 г. «Deutsches Wörterbuch» («Немецкий словарь»), одноимённый словарь Г. Вариха, 10-томный словарь немецкого языка, издание которого предпринято лексикографами в рамках DUDEN-серии.

2.6. Французский язык как реципиент греко-латинской лингвистической терминологии

Французский язык, будучи отнесён к романской группе языков, ведёт своё начало от латинского языка, который господствовал на территории современной Франции со II половины I в. до н.э., т.е. со времён завоевания Галлии Юлием Цезарем. Господствующая в Галлии форма латинского языка, имела, однако, весьма отдалённое отношение к тому языку, который принято называть классической латынью, и представляла собой вульгаризированный её вариант. Для этого варианта латинского языка «в научной литературе установился технический термин «вульгарная (т.е. простонародная) латынь» [СЕРГИЕВСКИЙ, 1947: 9].

В течение ряда столетий вульгарная латынь подвергалась постоянным изменениям, в то время как литературный латинский язык становился всё более архаичным и малопонятным, считаясь, однако, официальным языком государства и церкви и оставаясь достоянием образованных людей того времени. М. Нидерман отмечает: «Народный разговорный язык, который никогда не переставал эволюционировать и в силу этого всё более и более удалялся от классического языка, одержал тогда верх, получив общее распространение и в среде образованного общества, которое до тех пор, пока существовала старая греко-латинская культура, постоянно старалось сообразовывать свою речь с официальной нормой письменной латыни» [НИДЕРМАН, 2001: 10].

Наиболее ощутимо различие между классической литературной латынью и тем языком, на котором жители Галлии говорили и который называли романским или римским («*lingua romana*»), стало проявляться в VIII–IX вв. при Карле Великом, «когда в знаменитой дворцовой академии под руководством Алкуина возродилось изучение классических поэтов, философов, ораторов, когда члены этой академии начали создавать свои поэтические сочинения на настоящем латинском языке...» [СЕРГИЕВСКИЙ, 1947: 21]. Вклад Академии Карла Великого в изучение культурного наследия античного мира трудно переоценить, так как она «стала началом большого культурного движения; к ней сходились нити всех традиций европейской латинской культуры почти за два столетия» [РАБИНОВИЧ, 1991: 137].

Пример лингвистической терминологии греко-латинского происхождения этого периода: *gramaire* > *grammaire* [GRAMMAIRE LAROUSSE, 1936: 20].

В старофранцузский период (IX–XIII вв.), для которого был характерен рост диалектной раздробленности французского языка, лексический фонд состоял в основном из слов латинского происхождения. Латинских элементов (корней, суффиксов, префиксов), как пишут Л.М. Скреплина и Л.А. Становая, насчитывается в описываемый период времени около 12 тыс. [СКРЕПЛИНА, СТАНОВАЯ, 2001: 280].

Среднефранцузский период (XIV–XVI вв.), называемый в научной литературе периодом латинизации и релатинизации французского словаря, отмечен

возвратом к античным истокам и появлением на этой почве значительного количества латинских сочинений в оригиналах и французских переводах. «Последние требовали особенно много терминов для выражения ряда отвлечённых понятий, которых недоставало в языке и которые удобно было просто взять из латинского, облекая лишь их во французскую форму» [СЕРГИЕВСКИЙ, 1947: 103; ЛЕВИТ, 1963: 66; СКРЕЛИНА, СТАНОВАЯ, 2001: 299]. Благодаря деятельности переводчиков, таких, как Берсюир, Рауль де Прель, Орем и др., французский язык обогатился большим количеством слов, относящихся к научной сфере и сохранившихся в словарном составе французского языка и доныне (по терминологии французских лингвистов, это были «*mot savants*», т.е. «учёные, или книжные, слова»). Языковыми примерами из среднефранцузского могут служить такие термины, как *allegorie, alphabet, declinacion, element, termine, poème, objet, sujet, circonference* и др. Рассматривая эти языковые единицы в качестве лингвистических терминов, необходимо, однако, учитывать их полифункциональность, т.е. применение как в сфере логики и философии, так и в общеязыковом аспекте. Значительная часть рассматриваемых терминов была перенесена в лексический состав французского языка из латыни и древнегреческого путём заимствования, причём наиболее распространённым способом ассимиляции этого лексического пласта была транслитерация, сопровождавшаяся отбрасыванием латинского окончания и переносом ударения: *etymologīa* > *étymolo'gie*, *substantīvus* > *substan'tif*, *praedicātum* > *prédi'cat*, *citātio* > *cita'tion*, *textuālis* > *textu'el*. Заимствованные таким способом термины могли иметь этимологические дублеты [GRAMMAIRE LAROUSSE, 1936: 21].

В начале и середине XVI в. население Франции впервые стало осознавать единство национального языка, носителями которого оказались к этому времени практически все слои французского общества. В 1539 г. Франциск I выпустил ордонанс «*Ordinance de Villers-Cotterêts*», фактически присвоивший французскому языку статус общенационального («*langage maternel francois*»). С этого времени начался закат эры господства латыни как языка государства, церкви, науки и образования. Использование французского языка в преподавании и в науке в этот период является, по мнению Л.М. Скрелиной и Л.А. Стновой, очень важным и показательным фактом, свидетельствующим о начале формирования национального сознания французов, так как латынь оставалась языком культуры и письменности в течение целого ряда предыдущих столетий [СКРЕЛИНА, СТАНОВАЯ, 2001: 300].

XVI век был отмечен интенсивными поисками и формулированием единых правил для пользователей французского языка. Обсуждались проблемы грамматики, графики, лексического состава. В ходе этих дискуссий сталкивались, с одной стороны, интересы гуманистов и солидарных с ними переводчиков и печатников, выступавших за обогащение лексики французского языка за счёт латыни, итальянского языка, диалектных заимствований, с другой стороны – пурристов, ратовавших за регламентирование словарного состава.

Середина XVI в. ознаменована возникновением грамматической литературы на родном языке, который, как писал Ж. Дю Белле в 1549 г. в своём трактате «*La Défense et Illustration de la langue françois*» («Защита и прославление французского языка»), обладает всеми достоинствами, чтобы стать национальным языком. В качестве основного средства обновления национальной поэзии и национального языка Ж. Дю Белле выдвигает принцип подражания древним, теоретически закрепляя общий для всей эпохи Возрождения культ античности [Подгаецкая, 1984: 13]. Появляются, поначалу на латинском языке, первые грамматики французского

языка, созданные по образу и подобию латинских грамматик («*Jacobi Silvii in linguam Gallicam Isagogē, una cum eiusdem Grammatica latino-gallica, ex Hebraeis, Graecis et Latinis authoribus*», 1531). Для более поздних лингвистических трактатов уже характерно отчётливо выраженное стремление к нормализации французского языка в плане орфографии, фонетики и грамматики («*Traicté touchant le commun usage de l'escriture Françoise*», 1542; «*Le tretté de la gramm̄e fran̄oize*», 1550) [СЕРГИЕВСКИЙ, 1947: 128–130; GRAMMAIRE LAROUSSE, 1936: 16]. «Появляются многочисленные описания родных языков: П. Рамус / Раме (1515–1572) пишет не только грамматики греческого и латинского языков, но и французскую грамматику (1562). Именно ему, по словам В.М. Алпатова, приписывается создание понятийного аппарата и терминологии синтаксиса, а также принадлежит дожившая до наших дней система членов предложения [АЛПАТОВ, 1999: 46]. Его ученик Я. Аарус (1538–1586) создаёт первое фонетическое описание французского языка» [СУСОВ, 1999: гл. 5]. В этих работах получает своё дальнейшее развитие и собственно лингвотерминология на латинской основе, так как переход на национальный язык вызвал потребность в создании новых терминов в сфере лингвистики. С этой целью, как отмечает М.В. Сергиевский, «самым естественным представлялось использование прежних латинских наименований» [СЕРГИЕВСКИЙ, 1947: 149], например, *césure*, *élocution*, *hiatus*, *articulation* и др. Публикация научных трудов на «вульгарном» (французском) языке в этот период считается тем не менее «постыдной популаризацией знаний и искусств и подвергается едким насмешкам и запретам в Парижском университете» [СКРЕЛИНА, СТАНОВАЯ, 2001: 300]. «Однако безотносительно к языку написания важно, что наступило время, когда чётко была осознана необходимость грамматик родного языка» [СИМАШКО, 2001: 171].

Кроме прямых заимствований целых слов, в описываемый период применялись и иные способы словообразования, к примеру, образование новых слов от латинских и греческих корней с помощью французских суффиксов.

Наибольшее количество заимствований греческих «учёных слов» во французском языке приходится именно на XVI в., причём, как и в языках германской группы, греческие лексемы заимствуются опосредованно через латинский язык, например: *phénomène*, *analogie*, *catégorie*, *épigramme*, *hémistique*, *trope*, *homonymie*, *périphrase*, *épithète*, *lyrique* [ЛЕВИТ, 1963: 71].

К концу среднефранцузского периода, очевидно, уже можно говорить о возникновении некоего подобия лингвистической терминосистемы, костяк которой составляет терминология на греко-латинской основе. В ряде случаев максимальное использование словообразовательных ресурсов французского языка некоторыми учёными также приводило к обогащению лингвистической терминологии терминологическими единицами, но уже собственно французского происхождения. Последнее обстоятельство способствовало появлению большого количества терминов-синонимов.

В XVII в. (классический период) французский язык окончательно вытесняет латынь из сферы науки. Очерчивая хронологические рамки этого процесса, М. Коэн считает, что об окончательном вытеснении латыни можно говорить только после того, как в 1637 г. Декарт защитил свою диссертацию на французском языке [СОНЕН, 1975: 183; цит. по: СКРЕЛИНА, СТАНОВАЯ, 2001: 301].

В 1660 г. появляется грамматика «*La Grammaire générale et raisonnée...*» А.Арно и К. Лансло, известная как грамматика Пор-Рояль. Об этом периоде развития грамматической мысли во Франции и о его влиянии на всю последующую грамматическую литературу написано большое количество работ. Поэтому едва ли стоит подробно останавливаться на исследовании той роли, кото-

ную эта грамматика сыграла в становлении французской и европейской лингвистики. Скажем лишь, что грамматика Пор-Рояль внесла исключительный для своего времени вклад в формирование лингвистической терминологии на французском языке, прежде всего в той её части, которая обслуживает область синтаксиса, учение о предложении и частях речи³⁹.

Идеи, провозглашённые авторами грамматики Пор-Рояль, нашли своё дальнейшее развитие в «Грамматическом очерке» аббата Данжо (1711), во «Всебющей грамматике» Н. Бозэ (1767), в «Трактате о стиле» Д. Тьебо (1774). В перечисленных работах основное внимание уделяется вопросам синтаксиса и стилистики, включая разработку терминологического аппарата, применяемого в этих отраслях лингвистики.

Большая часть терминологических новообразований этого периода основана на заимствованиях из греческого и латинского языков или же создана с привлечением греко-латинских корней, и представляет собой общую часть лексического состава многих европейских языков.

С целью исследовать генезис и проанализировать динамику становления и развития лингвистической терминологии во французском языке был обследован этимологический словарь Ж. Пикош «Dictionnaire étymologique du français» [РИСОСНЕ, 1992], а также ряд других источников, из которых методом сплошной выборки были выделены лингвистические и литературоведческие термины и распределены в соответствии с хронологией их появления в словарном составе.

1. Количественный состав французской лингвотерминологии

Количественный состав терминов и терминологических словосочетаний представлен в нижеследующей таблице с разбивкой по отделам лингвистики:

ПЕРИОД	Количество терминов	ОТДЕЛЫ ЛИНГВИСТИКИ		
		Фонетика Метрика	Риторика Стилистика	Грамматика
Старо-французский	X в.	4 (100%)	2 (50%)	– (0%)
	XI в.	4 (100%)	2 (50%)	1 (25%)
	XII в.	43 (100%)	20 (46%)	7 (16%)
	XIII в.	50 (100%)	20 (40%)	10 (20%)
	XIV в.	73 (100%)	25 (34%)	9 (12%)
Средне-французский	XV в.	56 (100%)	25 (45%)	4 (7%)
	XVI в.	167 (100%)	89 (53%)	41 (24%)
Современный французский	XVII в.	56 (100%)	33 (59%)	10 (18%)
	XVIII в.	63 (100%)	32 (51%)	19 (30%)
	XIX в.	113 (100%)	51 (45%)	28 (25%)
	XX в.	59 (100%)	20 (34%)	5 (8%)
	ВСЕГО	677 (100%)	319 (47%)	134 (20%)
				234 (33%)

Фонетико-метрическая и грамматическая терминология приблизительно в равной степени обнимают весь лингвотерминологический корпус в старофранцузский период, составляя, соответственно, 44% и 41%. На долю терминологии риторики и стилистики в описываемый период развития французского языка прихо-

³⁹ В.М. Алпатов отмечает, что К. Лансло был «одним из первых во Франции профессиональных лингвистов, преподавателем языков и автором грамматик; в частности, он первым во Франции преподавал латинский язык как иностранный, с объяснениями на французском языке» [АЛПАТОВ, 1999: 47].

дится 15% всего зарегистрированного в этимологических источниках терминологического массива. Пик терминообразования приходится на XII–XIV вв.

Для начала среднефранцузского периода характерно приблизительно такое же соотношение терминов, что и в старофранцузский период. Отчётливая динамика абсолютного и относительного роста лингвистической терминологии зафиксирована во второй половине среднефранцузского периода, когда терминология фонетики и метрики составляет более половины всего терминологического массива (53%). Доля грамматической терминологии начинает снижаться, доля риторико-стилистических терминов – увеличиваться, составляя к концу исследуемого периода приблизительно равные доли (24% и 23%). Интенсивность процессов терминообразования достигает максимума в XVI в.

В современный период развития французского языка и формирования лингвистической терминологии пик терминообразования приходится на XVIII–XIX вв. Несомненно, подобная динамика характерна и для XX в., однако составители этимологических словарей очень осторожно и неторопливо включают в состав словарников терминологию XX в., так как из-за обилия источников информации подчас бывает просто невозможно зафиксировать все лингвотермины, появившиеся в этот период. Поэтому в таблице отмечается некоторое снижение абсолютного числа зарегистрированных терминов, хотя, как представляется, следует отдавать себе отчёт в том, что фактически их количество должно превышать показатели, отмеченные в предыдущие века. Количество терминов фонетики и метрики в современный период снижается с 59% до 34%, количество грамматической терминологии резко возрастает – с 23% в XVII в. до 58% в XX в. Число риторико-стилистических терминов растёт гораздо более медленными темпами, варьируя в XVII–XIX вв. в пределах от 20% до 24% от общего количества зарегистрированной терминологии. В XX в. их доля резко снижается (до 8%). Представляется, что это снижение носит закономерный характер, ибо в XIX в. практически завершается формирование терминологического аппарата этих отраслей лингвистики.

Полученные по современному периоду относительные показатели в целом почти полностью совпадают с общими показателями, характеризующими динамику развития французской лингвотерминологии начиная с X в.

2. Частеречный состав французской лингвотерминологии

Соотношение лингвистических терминов, выраженных прилагательными и существительными, приводится в нижеследующей таблице:

ПЕРИОД	Терминология, выраженная		
	существительными (S)	прилагательными (A)	
Старо-французский	X в. (4)	4 (100%)	– (0%)
	XI в. (4)	3 (75%)	1 (25%)
	XII в. (43)	36 (84%)	7 (16%)
	XIII в. (50)	39 (78%)	11 (22%)
	XIV в. (73)	44 (60%)	29 (40%)
Средне-французский	XV в. (56)	31 (55%)	25 (45%)
	XVI в. (167)	124 (74%)	43 (26%)
Современный французский	XVII в. (56)	37 (66%)	19 (34%)
	XVIII в. (63)	38 (60%)	25 (40%)
	XIX в. (113)	66 (58%)	47 (42%)
	XX в. (59)	42 (71%)	17 (29%)
	ВСЕГО (677)	463 (68%)	224 (32%)

Старофранцузский период. В начале периода (X–XI вв.) практически весь терминологический корпус представлен только терминами-существительными. С XII по XIV в. их количество несколько снижается, составляя 75%. Доля терминов-прилагательных составляет немногим более 25% ($\frac{1}{4}$) всего терминологического корпуса.

Среднефранцузский период. В начале периода (XV в.) количество терминов-прилагательных достигает 45% от общего количества зафиксированных лингвистических терминов. Одной из причин этого, как представляется, является «компенсационный» рост числа прилагательных, производных от терминов-существительных, которые зарегистрированы в предыдущий период⁴⁰. Например:

Grammaire (XII в.) – *grammatical* (XV в.), *narration* (XII в.) – *narratif* (XV в.), *texte* (XIII в.) – *textuel* (XV в.), *abréviation* (XIV в.) – *abréviatif* (XV в.), *dérivation* (XIV в.) – *dérivatif* (XV в.), *épigramme* (XIV в.) – *épigrammatique* (XV в.), *sujet* (XIV в.) – *subjectif* (XV в.).

Этимологический анализ приведённых выше отымённых дериватов показывает, что все они, являясь более поздними заимствованиями, имеют греко-латинское происхождение. Их появление в словарном составе французского языка было обусловлено возникшей со временем необходимостью заимствовать «недостающее» слово, «чтобы заполнить пробел французской грамматики: так, например, в этом языке нет средств, чтобы образовывать прилагательные от существительных, и там, где такое образование необходимо, приходится просто вводить соответствующее латинское прилагательное» [ТРУБЕЦКОЙ, 1995].

В XVI в. соотношение терминов-существительных и терминов-прилагательных восстанавливается в пропорции 4:1.

Современный период. Начиная с XVII в. количество терминов, выраженных существительными, снижается до 62%–64% от общего количества терминов. Доля терминов-прилагательных возрастает до 36%–38%.

Количество прилагательных в терминологическом массиве французской лингвистической лексики в целом составляет около трети (32%), количество существительных – немногим более 2/3 от общего числа зарегистрированных терминов (68%).

3. Структурно-типологический анализ французской лингвотерминологии

Результаты структурно-типологического анализа французской лингвистической терминологии сведены в нижеследующую таблицу:

ПЕРИОД	Однословные термины		сложные	Терминосочетания, образуемые по схеме:		
	простые			S + A	S + S	
	непроизводные	производные				
X в. (4)	4 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	
XI в. (4)	1 (25%)	2 (50%)	1 (25%)	0 (0%)	0 (0%)	
XII в. (43)	14 (32%)	28 (65%)	0 (0%)	1 (2%)	0 (0%)	
XIII в. (50)	6 (12%)	39 (78%)	5 (10%)	0 (0%)	0 (0%)	
XIV в. (73)	7 (9%)	65 (89%)	1 (2%)	0 (0%)	0 (0%)	
XV в. (56)	3 (5%)	47 (84%)	5 (9%)	1 (2%)	0 (0%)	

⁴⁰ Следует отметить, что данный процесс характерен не только для французского языка. Аналогичные явления зафиксированы также и в других исследуемых языках, однако в корпусе французской лингвистической терминологии они обнаруживают большую экспликацию по сравнению с другими языками.

XVI в. (167)	19 (11%)	127 (76%)	21 (12%)	0 (0%)	0 (0%)
XVII в. (56)	8 (14%)	40 (71%)	8 (14%)	0 (0%)	0 (0%)
XVIII в. (63)	6 (9%)	49 (77%)	8 (12%)	0 (0%)	0 (0%)
XIX в. (113)	4 (3%)	88 (78%)	21 (18%)	0 (0%)	0 (0%)
XX в. (59)	0 (0%)	47 (79%)	7 (12%)	2 (3%)	3 (5%)
ВСЕГО (677)	72 (10%)	532(77%)	77 (11%)	4 (0,6%)	3 (0,4%)

Старофранцузский период. В X в. вся лингвистическая терминология представлена простой непроизводной (корневой) терминологией. Позднее, в период с XI по XIV в., доля простой непроизводной терминологии колеблется в пределах 25% от общего числа зафиксированных терминов, постепенно снижаясь к XIV в. до 9%. Большую часть всего старофранцузского лингвотерминологического корпуса формирует простая производная терминология, которая постепенно увеличивается к концу периода с 50% до 89%. Количество сложных с морфологической точки зрения терминов невелико и постоянно снижается, варьируя в пределах от 25% в XI в. до 2% в XIV в.

Среднефранцузский период. Простая непроизводная терминология представлена в минимальном количестве, составляя в среднем 8% от общего числа терминов. Доля простых производных терминов в лингвистической терминологии среднефранцузского периода максимальна и составляет 80% всего терминологического массива. Сложные термины обнимают около 10% всей терминологии, зафиксированной в этот период.

Современный период. Доля простой непроизводной терминологии неуклонно снижается с 14% в XVIII в. до 0% в XX в. Доля простой производной терминологии стабильна на протяжении всего описываемого периода, составляя в среднем около 75%. К XX в. фиксируется её незначительный рост до 79% всего зарегистрированного терминосостава. Этот показатель почти совпадает с общим усреднённым относительным показателем по этому типу терминов (77%). Сложная терминология представлена несколько большим количеством терминов по сравнению со среднефранцузским периодом и составляет 14%. Этот показатель несколько выше, чем общий усреднённый относительный показатель по этому типу терминологии (11%).

Количество составной терминологии (терминосочетаний) во все периоды становления и развития французского лингвотерминологического аппарата невелико, обнимая 1% всего терминологического массива. Этот показатель весьма условен и не может, естественно, считаться в необходимой мере достоверным, так как этимологические словари крайне редко вводят в корпус своих словников составную терминологию.

4. Заемствования во французской лингвотерминологии

В нижеследующей таблице приводятся общие данные по количеству заимствованной во французское языкоznание греко-латинской лингвотерминологии.

ПЕРИОДЫ	Общее количество терминов исконного происхождения		Общее количество терминов греческого происхождения		Общее количество терминов латинского происхождения	
	в абсолютном выражении	%	в абсолютном выражении	%	в абсолютном выражении	%
X в. (4)	—	0%	—	0%	4	100%
XI в. (4)	2	50%	1	25%	1	25%

XII в. (43)	6	14%	10	23%	25	58%
XIII в. (50)	4	8%	13	26%	33	66%
XIV в. (73)	3	4%	16	22%	54	74%
XV в. (56)	3	5%	21	37%	32	57%
XVI в. (167)	5	3%	101	60%	56	33%
XVII в. (56)	4	7%	24	43%	26	46%
XVIII в. (63)	3	5%	33	52%	27	43%
XIX в. (113)	2	2%	65	57%	44	39%
XX в. (59)	—	0%	17	29%	36	61%
ВСЕГО (677)	32	5%	301	44%	338	50%

Терминология исконного и иного (прежде всего итальянского) происхождения в целом представлена в корпусе лингвистических терминов долей около 5%. В начале старофранцузского периода (X в.) она не представлена ни одним термином. В XI в. наблюдается значительное относительное увеличение исконной терминологии, однако в абсолютном выражении количество этих терминов тем не менее остается минимальным (ср.: 2 исконных термина образуют долю в 50% от общего количества зафиксированной терминологии). В период с XII по XIV в. усреднённая доля исконных терминов составляет около 8%.

Терминология греческого происхождения в старофранцузский период составляет $\frac{1}{4}$ всего лингвотерминологического массива того времени. Термины латинского происхождения в наиболее репрезентативный временной отрезок старофранцузского периода (XII–XIV вв.) образуют долю в пределах 65–66%.

В среднефранцузский период доля исконной терминологии составляет всего 4%, в то время как термины заимствованные из греческого языка, в начале среднефранцузского периода образуют в относительном выражении долю в 37%, увеличивающуюся к концу периода до 60%. Латинская терминология заимствуется во французский язык в обратно пропорциональном объёме: её доля падает с 57% в XV в. до 33% в XVI в.

В современный период становления и развития французской лингвистической терминологии доля исконных терминов составляет всего 3%–4%. Греческая терминология в период с XVII по XX в. обнимает около 45% всего терминологического массива, что практически эквивалентно её общему усреднённому относительному показателю за все периоды развития французского языка. Доля терминов латинского происхождения в современный французский период составляет около половины всего лингвотерминологического массива, что также эквивалентно её общему усреднённому относительному показателю.

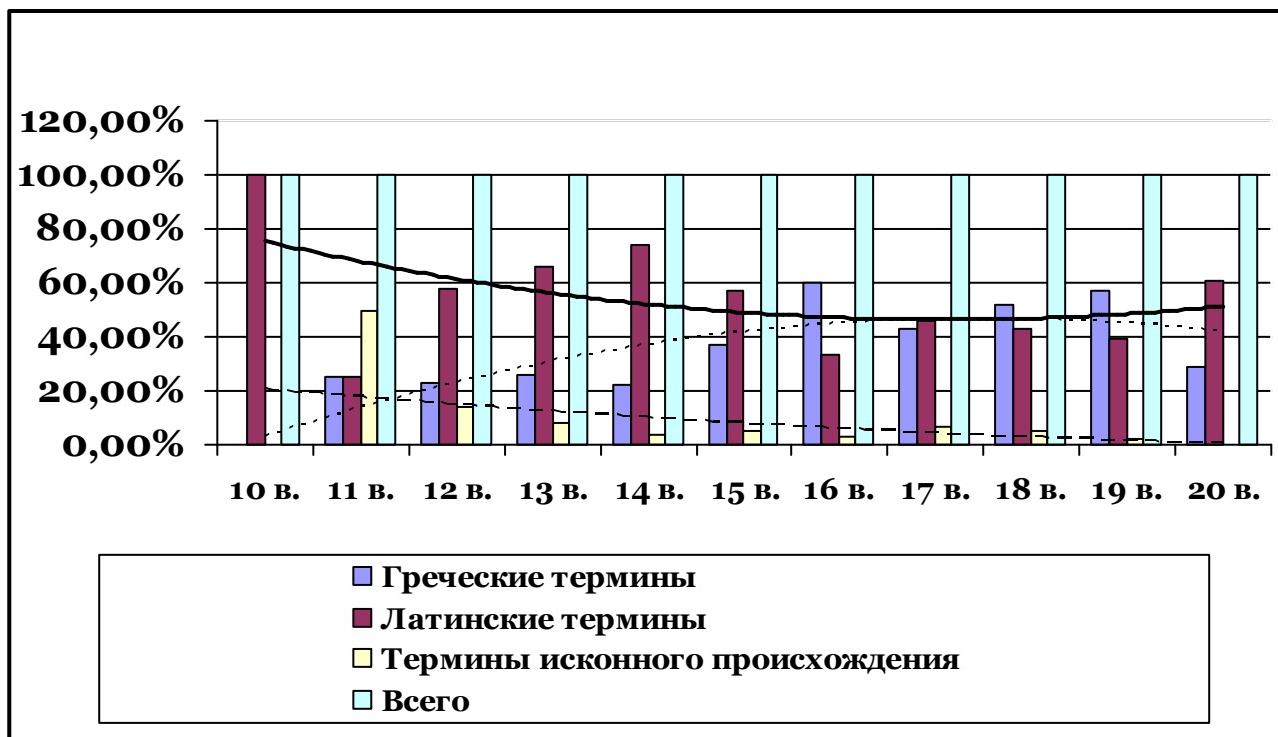
На протяжении всего периода становления и развития французского языка терминология греко-латинского происхождения в целом составляет около 94% от общего числа зарегистрированных терминов.

На приводимой ниже диаграмме наглядно показана динамика процесса греко-латинских заимствований во французский лингвотерминологический аппарат.

Полиномиальные линии на диаграмме свидетельствуют о различной роли языков – источников заимствованной терминологии в формировании терминологического аппарата французской лингвистики. Если до XV в. включительно основным иноязычным источником пополнения лингвотерминологического состава была латынь, то начиная с XVI в. в этом процессе более значительную роль начинает играть древнегреческий язык (за исключением XX в., когда латынь отчасти вернула себе утраченные позиции в сфере лингвистического терминообразования). Пик

заимствований из древнегреческого языка, как видно из диаграммы, приходится на XVI–XIX вв., из латинского языка – на XIII–XV вв. и XX в.

Доля терминологии исконного происхождения во все хронологические периоды крайне невелика, варьируя в целом в пределах от 20% в XII в. до 0% в XX в.

5. Лексикографическая практика

В развитии лексикографии большую роль сыграло создание в 1635 г. по указу герцога Ришелье Французской Академии, которая взяла на себя труд по нормированию и регламентации национального языка. В 1694 г. французские лексикографы выпустили в свет двухтомный словарь французского языка, отличавшийся прежде всего господствовавшим в те времена пуритским стремлением очистить французский язык от излишних заимствований, архаизмов, диалектизмов, вульгаризмов, «неприличных слов», а также части профессиональной лексики. После выхода словаря в свет стало ясно, что полностью добиться декларируемых целей авторам не удалось. Помимо составления нормативного словаря французского языка в задачи Академии входила также подготовка учебных пособий по грамматике, риторике и поэтике.

В противовес словарю Академии в конце XVII в. А. Фюретьер подготовил к изданию свой «Универсальный словарь» (1690) – *Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots français tant vieux que modernes...* –, значительно более богатый по содержанию, чем словарь Академии. Мотивом для составления «Универсального словаря» стали чрезмерно строгие принципы составления словарника для словаря Академии и медлительность, проявленная составителями при его подготовке.

В XVIII в., когда пуритизм приобретает «явно консервативный и даже ретроградный характер» [СКРЕЛИНА, СТАНОВАЯ, 2001: 415], Академия продолжает осуществлять последующие выпуски Словаря (1718, 1740 гг.). Очередное издание Словаря Академии в 1798 г. было уже более свободно от пуритических тенденций под влиянием опубликованной в период с 1751 по 1772 гг. многотомной

«l'Encyclopédie» («Энциклопедии») Дидро и Даламбера.

В XIX в. появились один из относительно полных словарей французского языка «Dictionnaire de la langue français» Э. Литре, переизданный в семи томах в середине XX в., и «Grand dictionnaire universel» П. Ляруса. Одним из наиболее известных словарей современного французского языка, изданных в XX в., считают также «Dictionnaire du française contemporaine» Ж. Дюбуа [БАРАНОВ, 2001: 57].

2.7. Общие выводы

1. Количественно-хронологический параметр

Древнегреческий язык. Появление основного массива древнегреческой лингвистической терминологии отмечено в период с VI в. до н.э. по II в. н.э. На это время приходится формирование трёх значительных терминологических пластов, возникающих в результате интенсивной терминотворческой деятельности Платона, Аристотеля, Плутарха, представителей Стои и Александрийской филологической школы. Дальнейшее заметное развитие терминологии языкоznания фиксируется только в период позднего средневековья (после XV в.).

Латинский язык. Латинская лингвистическая терминология начинает складываться с III в. – II в. до н.э. и на начальных этапах своего становления имеет расплывчатый лингвистический статус. Большая часть терминов призвана в этот период обслуживать потребности метаязыка грамматики, фонетики и метрики. Основная масса латинских лингвистических терминов появляется в период классической латыни (I в. до н.э. – I в. н.э.), который хронологически совпадает с формированием второго (наиболее значительного в качественном и количественном отношении) терминологического пласта древнегреческой лингвотерминологии. С учётом числа греческих заимствований это обстоятельство свидетельствует о несомненном влиянии греческой лингвистической мысли на развитие латинского языкоznания. В классический период отмечается сбалансированность подхода со стороны латинских филологов ко всем сторонам функционирования языка, что выражается в практически равных долях фонетико-метрических, риторико-стилистических и грамматических терминов. Наибольшей активностью в сфере терминообразования классической латыни отмечена деятельность Квинтилиана, Варрона, Цицерона, автора «Риторики к Гереннию» и др.

В постклассический период развития латыни в целом заканчивается основной этап формирования терминологического инвентаря, обслуживающего потребности риторики и стилистики как одного из основных отделов античного языкоznания. Основное внимание античных языковедов сосредоточивается на фонетическом и грамматическом аспектах функционирования языка, которое не ослабевает в позднелатинском и среднелатинском периодах (доля фонетико-грамматической терминологии достигает в это время 90% всего терминологического массива лингвистики). К концу позднелатинского периода в основных чертах также завершается формирование терминологического корпуса метрики и продолжается развитие терминологии фонетики, что свидетельствует о структурных изменениях в корпусе фонетико-метрической терминологии.

Исследование лингвотерминологической лексики современной латыни показывает, что латинский язык сохраняет своё значение как источник новых терминологических образований в сфере фонетики и грамматики для новых европейских языков, продолжая развиваться даже в условиях, когда он лишен собственной этно-географической базы, без которой, как принято считать, в принципе немыслимо существование языка.

Русский язык. В русском языке терминологический аппарат лингвистики начинает формироваться на стабильной и постоянной основе с XVI в., однако первый хронологический период, отмеченный серьёзным количественным ростом лингвистической терминологии, приходится на XVIII в. (19,2% от общего количества зарегистрированных терминов). Второй, самый значительный по объёму терминологический пласт формируется, согласно полученным данным, в XIX–XX вв. На его долю приходится наибольшее количество терминов (71%), из которых немногим более половины (52,5%) приходится на долю фонетики и метрики, чуть менее (45%) – на долю грамматики. Наименьшее количество терминов зарегистрировано в риторико-стилистическом отделе лингвистики (2,5%).

Английский язык. В древнеанглийском периоде (до XII в.) количество зафиксированной лингвистической терминологии крайне невелико и составляет немногим более 2% от общего числа зарегистрированных терминов. В среднеанглийский период (XIII–XV вв.) начинается интенсивное формирование терминологического инструментария англоязычной лингвистики. На это время приходится около 18% всего лингвотерминологического массива (первый значительный терминологический пласт). Термины лингвистики новоанглийского периода (XVI–XVIII вв.) образуют второй терминологический пласт, на долю которого приходится 53% всей зафиксированной этимологическими словарями лингвистической терминологии. Третий терминологический пласт формируют терминологические единицы, появившиеся в словарном составе английского языка в период с XIX в. по настоящее время.

Исследование английского лингвотерминологического корпуса по отделам лингвистики показывает стабильно сохраняющуюся долю фонетико-метрических и грамматических терминов в ходе всего процесса развития английской лингвистической терминологии (соответственно, 47,6% и 43%). Риторико-стилистическая терминология достигает своего количественного пика в XVI в. (более 15% зафиксированного терминологического массива), а к XIX в. её доля составляет всего около 9%, постепенно снижаясь к XX в. до 0%.

Немецкий язык. В древневерхненемецком периоде (до XII в.) количество зафиксированной лингвистической терминологии крайне невелико и составляет 3,5% от общего числа зарегистрированных терминов. В средневерхненемецкий период (XIII–XIV вв.) зафиксирован незначительный количественный рост лингвотерминов (5,7% всего терминологического массива). Интенсивное формирование терминологического инструментария немецкой лингвистики начинается в нововерхненемецкий период (XV–XVII вв.). На это время приходится более 41% всего зарегистрированного этимологическими словарями лингвотерминологического массива (первый значительный терминологический пласт). Термины лингвистики современного периода (с XVIII в. по настоящее время) образуют второй терминологический пласт, на долю которого приходится около 50% всей зафиксированной лингвистической терминологии. Однако фактический объём лингвотерминологической лексики этого периода должен намного превышать указанную долю, так как большая часть современной терминологии языкознания до сих пор ещё не внесена в словари этимологических словарей немецкого языка.

Исследование немецкого лингвотерминологического корпуса по отделам лингвистики показывает, что фонетико-метрическая терминология хронологически развивается нестабильно: пики её максимального количественного роста приходятся на XIV–XVI вв. и XVIII–XX вв. (40%–45% всей лингвотерминологии), сменяясь периодами спада в XIII и XVII вв. (17%). Грамматическая терминология во все периоды своего становления и развития (за исключением XII в.),

составляет более половины зафиксированной терминологии (50–55%). Максимальный количественный рост этой терминологии отмечен в XVII–XVIII вв. (67% от общего числа зафиксированных словарями терминов). Количество риторико-стилистических терминов колеблется в пределах 5–7% на протяжении практически всего периода развития терминологического корпуса немецкой лингвистики. Пики количественного роста этой терминологии приходятся на XIII в. (33,3%) и XV в. (14,3%).

В целом для немецкой лингвистической терминологии характерен постоянный и стабильный количественный рост начиная с XII в. Резкое увеличение числа лингвотерминов отмечается в начале нововерхненемецкого периода, что, несомненно, связано с гуманизацией общественной жизни и с ростом авторитета средневековой науки, а также на современном этапе развития немецкого языка, в рамках которого лингвистика окончательно оформилась как научная дисциплина.

Французский язык. В старофранцузский период (X–XIV вв.) количество зафиксированной этимологическими словарями лингвотерминологии достигает 26% всего терминологического массива (первый терминологический пласт). В это время пик терминообразования приходится, как следует из полученных данных, на XII–XIV вв. В среднефранцузский период (XV–XVI вв.) формируется второй терминологический пласт, составляющий около 33% всех зарегистрированных лингвистических терминов. Интенсивность процессов терминообразования достигает своего максимума в XVI в. Формирование третьего, самого объёмного терминологического пласта происходит на современном этапе развития французского языка (с XVII в. по настоящее время). В этот период пик терминообразования приходится на XVIII–XX вв.

Исследование французского лингвотерминологического корпуса по отделам лингвистики показывает, что в старофранцузский период и в начале среднефранцузского периода фонетико-метрическая и грамматическая терминология обнимают приблизительно в равной степени весь лингвотерминологический корпус, составляя, соответственно, 44% и 41%. На долю риторико-стилистической терминологии в описываемый период приходится 15% всего зарегистрированного в этимологических источниках терминологического массива. Во второй половине среднефранцузского периода терминология фонетики и метрики составляет более половины всего терминологического массива (53%). Доля грамматической терминологии начинает снижаться, доля риторико-стилистических терминов при этом увеличивается, что к концу среднефранцузского периода приводит к их приблизительному количественному равенству (соответственно, 24% и 23%).

В современный период развития французского языка количество терминов фонетики и метрики постепенно снижается с 59% до 34%, количество грамматической терминологии резко возрастает – с 23% в XVII в. до 58% в XX в. Число риторико-стилистических терминов растёт гораздо более медленными темпами, варьируя в период с XVII по XIX в. в пределах 20%–24% от общего объёма зарегистрированной терминологии. В XX в. их доля резко снижается до 8%, что свидетельствует о завершении формирования терминологического аппарата этого отдела лингвистики.

2. Частеречный параметр

Древнегреческий и латинский языки. Частеречный анализ показывает, что доля терминов-существительных в целом составляет $\frac{3}{4}$ всего греко-латинского терминологического корпуса, доля прилагательных – $\frac{1}{4}$.

Результаты исследования количественного соотношения существительных и прилагательных в сфере терминологии подтверждают общее предположение о том, что первоначально формируется пласт терминов-наименований, от которых затем образуются прилагательные и глаголы. Процессы деривации затрагивают как исконную, так и заимствованную терминологию. При заимствовании лингвистических терминов из древнегреческого языка в латынь отмечается тенденция к восприятию главным образом слов-наименований, от которых впоследствии происходит образование терминов-прилагательных.

Русский язык. Сравнение общего количества зарегистрированных терминов-существительных и терминов-прилагательных свидетельствует о значительном численном перевесе существительных (в три раза) в сопоставлении с числом прилагательных. Установленное соотношение в различные периоды развития русского языка постоянно менялось: так, в период с XVI по XVIII в. доля терминов-существительных достигала 84% в общем лингвотерминологическом массиве.

Английский язык. В период X–XIII вв. весь английский лингвотерминологический корпус представлен только терминами-существительными. С XIV по XVI в. доля терминов-существительных снижается до 83%, а позднее, в XVII–XIX вв. – до 70%. В XX в. количество терминов-существительных вновь возрастает до 90%. Очевидно, что рост терминов-существительных в этот период связан с развитием целого ряда не существовавших ранее отраслей лингвистики и разработкой новых понятий, требовавших собственной терминологии. В среднем во все исследованные периоды соотношение существительных и прилагательных составляет 4:1.

Немецкий язык. В период XII–XV вв. весь немецкий терминологический корпус представлен практически только терминами-существительными. Начиная с XVI в. доля терминов-существительных постоянно снижается: в XVI–XVII вв. до 85%, а в XVIII–XIX вв. до 76%. В XX в. доля существительных в немецкой лингвистической терминологии вновь увеличивается, составляя более 88% от общего числа лингвотерминов. Причины роста немецких терминов-существительных в XX в. те же, что и других европейских языках. В среднем за весь исследованный период соотношение терминов-существительных и терминов-прилагательных в немецком языке составляет, соответственно, 4:1.

Французский язык. В старофранцузский период (X–XI вв.) практически весь терминологический корпус представлен только терминами-существительными. В период с XII по XIV в. количество терминов-существительных снижается, составляя 75%. В начале среднефранцузского периода (XV в.) количество терминов-существительных снижается до 55% от общего количества зафиксированных лингвистических терминов. Одной из причин этого, как представляется, является «компенсационный» рост числа прилагательных, производных от терминов-существительных, которые зарегистрированы в предыдущий период. Во второй половине среднефранцузского периода (XVI в.) соотношение терминов-существительных и терминов-прилагательных восстанавливается в пропорции 4:1. В начале современного этапа развития французского языка (XVII в.) количество терминов, выраженных существительными, снижается до 62%–64% от общего количества терминов. В целом количество прилагательных в терминологическом массиве французской лингвистической лексики составляет около 32%, количество существительных – немногим более $\frac{2}{3}$ от общего числа зарегистрированных терминов (68%).

3. Структурно-типологический параметр

Практически для всех исследованных языков на начальном этапе становления лингвотерминологического аппарата характерно преобладание в составе терминологического массива простой непроизводной (корневой) лексики, объём которой может достигать 100% (например, в древнегреческом языке). Этот прототерминологический пласт постепенно сокращается, будучи заменяется простой производной терминологией. По мере развития терминологического аппарата как древних, так и новых европейских языков растёт также количество сложной терминологии, которая, однако, в количественном отношении уступает простым производным терминам.

Полученные в ходе структурно-типологического обследования результаты свидетельствуют в целом о постоянной и устойчивой тенденции к структурному усложнению лингвистической терминологии.

4. Динамика заимствований

Латинский язык. Наибольшее количество заимствованной в латинский язык греческой терминологии ($\frac{2}{3}$ от общего числа терминов) зафиксировано в доклассический период. В классический и постклассический период греческая терминология составляет 20% от общего числа терминов. В позднелатинский период доля греческих заимствований возрастает до 35%. В среднелатинский период количество заимствований из древнегреческого языка несколько снижается, составляя около 30% от общего числа терминов. В целом лингвистические термины греческого происхождения составляют 25% от общего числа зарегистрированных терминологических единиц. Наибольшее количество заимствований из греческого в латинский язык зарегистрировано в области фонетики и метрики (60% всей заимствованной терминологии). Доля терминологических заимствований в латыни в сфере риторики и стилистики составляет 20%, грамматики – 20% всех терминологических заимствований.

Русский язык. Анализ показывает, что в XVI в. лингвистическая терминология исконно русского происхождения уступала в количестве заимствованной греко-латинской терминологии (в соотношении 1:2), что позволяет сделать вывод о неразвитости в описываемый период собственной системы лингвистических терминов. В XVII в. заимствованные термины греко-латинского происхождения составляют более $\frac{2}{3}$ от общего числа зарегистрированных терминов, а в XVIII в. их доля составляет почти 80%. Очевидно, что это связано с усилившимся влиянием западноевропейской лингвистики и становлением русского языкоznания, остро нуждавшегося в терминологическом инструментарии. В XIX в. доля греко-латинской терминологии составляет около 56%. Увеличение числа русской языковедческой терминологии в этот период обусловлено развитием целого ряда направлений русской лингвистической школы, представители которой ввели в обиход значительное количество собственных терминов. В настоящее время количество терминологических единиц греко-латинского происхождения составляет, согласно полученным данным, 86% от общего числа терминов. Проведённый анализ выявил в целом неравномерный характер протекания процесса заимствований в русской лингвистической терминологии. Этот процесс на протяжении пяти веков испытывал неоднократные спады и подъёмы, отражавшие состояние лингвистической мысли в России на каждом конкретном этапе её эволюции.

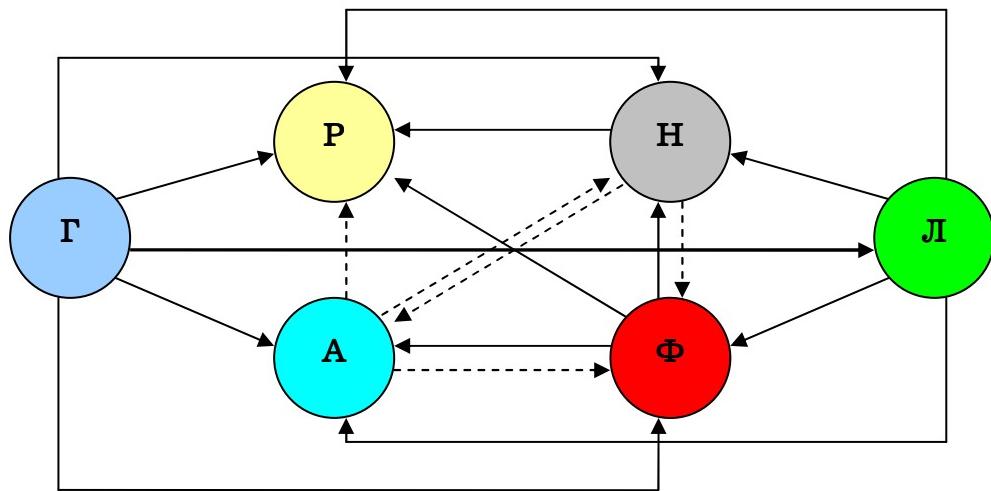
Английский язык. Анализ показывает, что лингвистическая терминология греческого происхождения в период с X по XV вв. составляла чуть более

$\frac{1}{4}$ всей терминологии лингвистики (25–28%). С XVI в. по настоящее время её доля стабильна и составляет немногим более половины всего лингвотерминологического корпуса (55%). Терминология латинского происхождения в древнеанглийском периоде составляла около $\frac{1}{3}$ от общего числа всех лингвистических терминов. Позднее, в XIII–XV вв., её доля составляла $\frac{3}{4}$ всей терминологии лингвистики (72–87%). В период XVI–XX вв. количество латинских терминов снизилось до 40% и остается стабильным до настоящего времени. В целом терминология греко-латинского происхождения составляет около 97% от общего числа зарегистрированных терминов.

Немецкий язык. Терминология греческого происхождения в период с XII по XV в. составляет 20%. Начиная с XVI в. количество греческих лингвистических заимствований постепенно увеличивается и в период с XVI по XX в. достигает 24% всего лингвотерминологического массива. Лингвотерминология латинского происхождения составляет около 38%. Пик латинских заимствований приходится на период с XIV по XVI в., достигая 55%. Начиная с XVII в. доля заимствованных лингвистических терминов латинского происхождения снижается, составляя в период до XIX в. включительно в среднем 20% за установленную единицу времени. Минимальный показатель зафиксирован в XIX в. (17,3%), максимальный – в XVIII в. (46,1%). В XX в. отмечается общий рост числа греческих и латинских лингвистических заимствований, образующих $\frac{1}{3}$ от общего числа зафиксированной в этот период в словарях и иных обследованных источниках лингвистической терминологии (соответственно, 30,8% и 36,5%). На протяжении всего периода становления и развития немецкого языка терминология греко-латинского происхождения в целом составляет около 63% от общего числа зарегистрированных терминов.

Французский язык. Терминология греческого происхождения в старофранцузский период составляет $\frac{1}{4}$ всего лингвотерминологического массива. Термины латинского происхождения в наиболее репрезентативный временной отрезок старофранцузского периода (XII–XIV вв.) образуют долю в пределах 65%–66%. В начале среднефранцузского периода доля греческой терминологии достигает 37%, увеличиваясь к концу периода до 60%. Латинская терминология заимствуется во французский язык в обратно пропорциональном объёме: её доля падает с 57% в XV в. до 33% в XVI в. В современный период становления и развития французской лингвистической терминологии доля терминологии греческого происхождения с XVII по XX в. обнимает около 45% всего терминологического массива, что практически эквивалентно её общему усреднённому относительному показателю за все периоды развития французского языка. Доля терминов латинского происхождения в современный французский период составляет около половины всего лингвотерминологического массива, что также эквивалентно её общему усреднённому относительному показателю. На протяжении всего периода становления и развития французского языка терминология греко-латинского происхождения в целом составляет около 94% от общего числа зарегистрированных терминов.

На приводимой ниже схеме показано взаимодействие между древними и новыми европейскими языками в плане лингвотерминологических заимствований⁴¹.

Выводы (согласно схеме):

- 1) Язык-источник (греческий) – язык-реципиент (латинский, русский, английский, немецкий, французский).
- 2) Язык-источник (латынь) – язык-реципиент (русский, английский, немецкий, французский).
- 3) Язык-источник (французский) – язык-реципиент (русский, английский, немецкий).
- 4) Язык-источник (английский) – язык-реципиент (русский, немецкий, французский).
- 5) Язык-источник (немецкий) – язык-реципиент (русский, английский, французский).

⁴¹ Основные направления движения заимствуемой терминологической лексики изображены сплошными линиями, неосновные – пунктирными. Буквы в окружностях соответствуют начальным буквам в названиях языков: Г – греческий, Л – латинский, Р – русский, А – английский, Н – немецкий, Ф – французский.

ГЛАВА III. Терминологическая номинация и вопросы терминообразования

3.1. Определение понятия «термин»

Проблемы терминологической номинации являются предметом пристального внимания лингвистов в последние десятилетия. В свете этого интереса особое значение приобретает необходимость однозначного, чёткого и достаточного определения понятия «термин». Однако выработка определения термина затруднена не только сложностью самого понятия, но и неоднородностью терминологической лексики, в которой можно выделить научный, общетехнический, профессиональный слои и, кроме того, собственно термины и номенклатурные обозначения, или номенклатуру [ОМЕЛЬЯНЕНКО, 1983: 90].

Множественность концептуальных подходов к трактовке понятия «термин» предопределяет многообразие его определений, существующих в лингвистике. Как правило, термины дефинируются как слова (словосочетания) метаязыка науки и приложений научных дисциплин [БАРАНОВ, 2001: 89]. Помимо неизбежного упоминания о профессиональной ориентированности термина и терминологии, в исследованных определениях терминологической единицы можно встретить указания: 1) на компонентный состав терминов (слово и словосочетание как эквивалент слова или только слово), 2) на соотнесённость с одним или несколькими специальными понятиями, предметами или явлениями, 3) на систематичность термина или его асистемность (термин не системен, системен или же системен вдвойне), 4) на принадлежность к лексической системе языка (термин – это слово, обладающее особыми функциями) или отрицание этой принадлежности, 5) на стилистическую нейтральность или стилистическую маркированность термина, 6) на стремление к однозначности, с одной стороны, и полисемичность – с другой, и т.д.

Очевидно, нет необходимости цитировать и классифицировать все обнаруженные нами (а их около 40) дефиниции термина, а следует в целом согласиться с З.И. Комаровой в том, что дать концептуальное определение термина в силу «многоликости» последнего практически невозможно [КОМАРОВА, 1991: 16] и предложить своё «рабочее» определение понятия «термин». Термин – это выраженная посредством слова или словосочетания языковая единица, которая представляет собой системно организованный, функционально значимый, семантически целостный, понятийно ориентированный, конвенциально воспроизводимый в рамках конкретной научной или производственной сферы и потенциально стандартизируемый элемент лексической системы языка.

Далее мы предпримем попытку обосновать на основе анализа онтологических и функциональных особенностей терминологических единиц каждое из положений, зафиксированных в рабочем определении понятия «термин».

3.2. Лингвистический статус термина

«Системный принцип изучения языка, его конкретных уровней, – как замечает А.А. Камалова, – даёт возможность выявить таксономию единиц: представить их относительно полное и упорядоченное для данного языка описание... Поэтому постулирование системных отношений – обязательное условие научного описания языка...» [КАМАЛОВА, 1998: 19].

Реализация системного подхода к анализу лексики вообще и термино-

логической лексики в частности предполагает необходимость учитывать ведущее направление в разработке систематики языков: совпадающее и специфичное в актуализации наиболее общих системообразующих признаков, релевантных для всех видов систем: иерархичности и структурности, целостности и единства, связи с социальной и историко-культурной средой функционирования языка в социуме его носителей [Шипицына, 2001: 197].

Системность (или систематичность) как один из основных признаков термина всегда являлась предметом серьёзного изучения как в рамках общей лингвистики, так и в той её части, которая именуется терминоведением [Даниленко, 1967: 58; Кутина, 1970: 93–94; Полторацкий, 1977: 181; Лейчик, 1982: 20; 1983: 78; Авербух, 1986: 46; Суперанская и др., 1989: 130; Липатов, 1995: 316; Реформатский, 1997: 131; Буянова, 2000: 580; Гвишиани, 2000: 187–189; Борхвальдт, 2001; Абдулфанова, 2002: 123–124; Степанова, Чернышева, 2003: 154, Попова, 2003: 249 и др.]. З.И. Комарова, анализируя точки зрения лингвистов на системность термина и терминологии, отмечает, что она понимается по-разному: «одни авторы рассматривают в ней классификационную сущность (В.П. Даниленко и др.), другие считают, что термину свойственна системность словообразовательная (А.А. Реформатский, Л.А. Шкатова); по мнению третьих, термин систематичен вдвойне – как элемент терминосистемы, с одной стороны, и как элемент языковой системы – с другой (М.Г. Бергер, В.М. Лейчик и др.)» [КОМАРОВА, 1991: 15].

В общелингвистическом аспекте, предполагающем установление статуса термина в рамках системы языка, системность как ингерентный признак общеязыковой системы носит внешний (супралексемный) характер по отношению к любому, входящему в данную систему элементу, в том числе и термину. В специализированном аспекте системность будет представлять собой внутренний признак, характеризующий понятийную и структурную организованность терминологии.

1. Термин как элемент общеязыковой системы

В лингвистике в настоящее время отсутствует общая точка зрения на лингвистический статус термина, его природу и место, которое занимают термин и терминология в системе языка, не выявлены чёткие параметры, на основании которых можно отличить термин от нетермина. Из разделяемого рядом лингвистов (ср., напр., [Котелова, 1970: 124; Омельяненко, 1983: 90] и др.) мнения Г.О. Винокура о том, что «термин – это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального предмета или явления» [Винокур, 1939: 5], вытекает, что источником пополнения терминологических систем выступает общелитературный язык. Это утверждение вступает в противоречие с другой точкой зрения, согласно которой термины в массе своей не берутся в готовом виде из лексического запаса общелитературного языка, а изобретаются или придумываются по мере появления новых понятий, требующих для себя соответствующего терминологического обозначения. Общелитературный язык в основном лишь предлагает терминологу или лингвисту свои традиционные способы пополнения терминологических систем (семантический, синтаксический и морфологический), заключающиеся в переносе значений, лексикализации словосочетаний, деривации, использовании заимствований из других языков, применении средств словосложения и аффиксации (в первую очередь на греко-латинской основе), которые по мере развития терминосистем отличаются всё большей специализацией [Даниленко, 1967: 58; Арнольд, 1986: 232].

Проблема взаимоотношений терминологии и общелитературного языка, по нашему убеждению, должна решаться на основе сопоставления признаков

лексического состава общелитературного языка и терминов, формирующих терминологию. Сравнение данных признаков у этих двух групп языковых единиц показывает если не полное, то, по крайней мере, очень значительное их совпадение. Отдельные признаки при таком сравнении различаются лишь степенью их большей или меньшей специализации. Обработанность и упорядоченность лексического состава, нормативность, граничащая с кодифицированностью, стабильность, обязательность для пользователей, универсальность для целей успешной коммуникации либо на общеязыковом уровне, либо в специальной сфере [ГОЛОВИН, КОБРИН, 1987: 10] – все перечисленные признаки носят генерализованный характер и поэтому в равной мере характерны как для элементов всего естественного языка, так и для субъязыковых сфер, ибо то, что характерно для целого, в нашем случае может быть характерным и для его части.

Ещё один аргумент в пользу трактовки термина как лексической единицы (слова) состоит в том, что терминология не существует в отрыве от остальной лексической системы языка, а входит в неё на правах специализированной части, сохраняя за собой, как уже было сказано, основные признаки этой системы, но будучи при этом ориентированной на выполнение специальных функций специальными средствами. В самом деле, невозможно представить себе лингвистов, говорящих о предмете своего профессионального интереса исключительно языком «Словаря лингвистических терминов» О.С. Ахмановой.

В.Н. Хохлачева отмечает существование в терминоведении следующих критериев, которые применяются при определении природы термина и установлении корректных взаимосвязей в микросистеме «термин–нетермин»: 1) функциональный критерий: (термин как языковая единица особой функциональной разновидности общелитературного языка, т.е. языка науки); 2) понятийно-смысловый критерий («термин – наименование специального объекта или понятия» [ДАНИЛЕНКО, 1977: 89–97]). Оба критерия являются, по её мнению, несостоятельными: первый несостоителен потому, что языку свойственны и слова–нетермины, второй – потому, что разграничение специальных объектов и понятий с неспециальными представляется далеко не очевидным фактом [ХОХЛАЧЕВА, 1981: 185–186].

В.М. Лейчик, решая проблему сущности термина в рамках дилеммы «термин–нетермин», выдвигает концепцию языкового субстрата, согласно которой «термин образуется на основе лексической единицы определённого естественного языка, т.е. лексическая единица этого языка является субстратом термина» [ЛЕЙЧИК, 1986^a: 89]. Природа термина представляется В.М. Лейчику троичной, состоящей из трёх компонентов: лексико-семантического (позволяющего соотнести термин с формально-смысловой стороны с лексической единицей – словом или словосочетанием – естественного языка; другими словами, с формальной точки зрения термин ничем не отличается от любых лексических единиц естественного языка, а с точки зрения семантики представляет собой «обозначение общего специального понятия определённой области знаний и деятельности»), терминологического (позволяющего термину выполнить функции, присущие ему как единице определённой терминосистемы, и обладать «признаком содержательной системности», т.е. быть тесно связанным по своему значению со всеми другими членами терминосистемы) и логико-функционального (позволяющего термину объединять в себе в аппликативном аспекте как функции лексической единицы, так и эвристическую функцию, характерную для элементов разных уровней языка для специальных целей) [ЛЕЙЧИК, 1986^a: 95]. В результате из описываемой концепции рождается определение термина: «Термин – лексическая единица определённого языка для специальных целей, обозначающая

общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определённой специальной области знаний или деятельности» [ЛЕЙЧИК, 1989: 16-17].

Л.Ю. Буянова разделяет в целом точку зрения В.М. Лейчика на природу термина, отмечая, однако, что «определение термина через понятие лексической единицы несколько нивелирует его собственно терминологическую сущность как номинанта и репрезентанта специального (не бытового) понятия, сближая линии корреляции в микросистеме «термин // нетермин»; при такой его интерпретации границы референциальных сфер этих контрапротивных феноменов теряют чёткость и становятся расплывчатыми». Избегая употребления термина «лексическая единица», Л.Ю. Буянова рассматривает термин как «специфическое языковое (речевое) средство понятийно-гносеологической дифференциации и экспликации гетерогенных концептуально-предметных областей...» [БУЯНОВА, 2000: 582]. Соотнесение языковой единицы, какой бы она ни была, едва ли можно считать удачным способом решения проблемы взаимосвязей между терминами и нетерминами. Лишение термина лексического статуса фактически приводит к невозможности адекватно описать его языковую природу. Приёмлемое, по нашему мнению, решение заключается в сохранении за термином статуса языковой единицы, выполняющей специфические функции и не теряющей при выполнении этих функций основных онтологических качеств и структурных особенностей, присущих слову.

Н.Б. Гвишиани с целью различия слов естественного языка и терминов предлагает метод верификации на основе дефиниций, применение которого основывается на сравнении дефиниций идентичных лексических единиц, предлагаемых одноязычными словарями общего типа и специальными терминологическими словарями. В общелингвистических словарях дефиниции достаточно легко могут быть поняты обычным пользователем языка, в терминологическом словаре дефиниция репрезентирует термин как элемент хорошо организованной системы понятий [Гвишиани, 2000: 187-188]. Такой подход, однако, не снимает проблемы взаимоотношений терминов и нетерминов, так как она решается не при сравнении уже готовых словарных дефиниций, а на стадии их создания, когда лексикограф (или терминограф) задаётся вопросом, к какому языковому слову он должен отнести дефинируемую лексическую единицу и какие её особенности он должен в дефиниции отразить. Метод верификации на основе дефиниций тем не менее оправдывает себя, будучи используем в дидактических целях в практике преподавания родного или иностранного языка.

Вместо традиционной дилеммы «термин–нетермин» С.Д. Шелов предлагает понятие терминологичности слова или словосочетания. Под терминологичностью понимается количество сведений, необходимых для идентификации (понимания) значения соответствующего слова или словосочетания в какой-либо системе дефиниций значения данного слова или словосочетания. Терминологичность оказывается, таким образом, относительным понятием, так как степень её экспликации может варьировать от нуля до максимума. Любому слову или словосочетанию, по мнению С.Д. Шелова, можно поставить в соответствие некоторое число, выраждающее степень его терминологичности [ШЕЛОВ, 1995: 567]. Наличие дефиниции какого-либо слова или словосочетания признаётся достаточным для того, чтобы это слово или словосочетание считать обладающим известной мерой понятийной специальности и, соответственно, известной мерой терминологичности. [ШЕЛОВ, 1996: 74]. Анализ предлагаемого подхода выявляет наличие у любого слова латентных потенций к терминологизации и

переходу в разряд терминов. Говоря иначе, статус термина может получить любая лексическая единица (по принципу: всякое слово либо есть готовый термин, либо готово им стать) при соблюдении некоторых внешних условий, которые и определят степень её терминологичности. Основным таким условием является соблюдение дефинитивного критерия, в основе которого лежит обязательный признак термина: наличие дефиниции. На обязательность дефиниции у терминов указывали В.П. Даниленко, Т.Л. Канделаки и др. Как отмечают Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин, «при таком подходе будет определён только класс базовых терминов, выражавших наиболее актуальные понятия предметной области, так как отнюдь не все понятия дефинируются в научной, учебной и технической литературе и, следовательно, многие как языковые, так и речевые термины не будут рассмотрены» [Головин, Кобрин: 1987: 62]. От себя добавим, что за чертой, отделяющей термин от нетермина окажется также подавляющее большинство лексических единиц, традиционно относимых к номенклатуре, которые по существующим в лингвистике представлениям не могут быть отнесены ни к терминам, ни к нетерминам. Учитывая два важных обстоятельства, во-первых, зыбкость и неустойчивость границы, отделяющей термин от номена, и, во-вторых, наличие у номена не дефиниции как таковой, а описания [СРЯ, 1999: 274], можно сделать вывод, что номенклатура будет обладать либо нулевой, либо минимальной степенью терминологичности.

Л.А. Шкатова, развивая заложенную в 70-80-х гг. прошлого века С.Д. Шеловым идею о терминологичности (она употребляет термин «терминологизация»), выделяет четыре степени терминологичности: 1) нулевую степень; 2) первую степень, когда «слово используется как средство специального обозначения, функционирует в относительно замкнутой системе профессиональной речи как «обычный термин», вариативный и не имеющий строго определённого содержания»; 3) вторую степень, репрезентирующую терминологию как «замкнутую систему обозначений для понятий, более дифференцированных, чем в общелитературном языке, имеющих закреплённое в специальном употреблении содержание»; 4) третью степень, когда «слово используется как официально принятый кодифицированный знак для строго определённого, закреплённого в специальной литературе, в учебных и справочных пособиях содержания» [ШКАТОВА, 1986: 40-41].

Л.Ю. Буянова обнаруживает наличие корреляции между устанавливающими Л.А. Шкатовой ступенями терминологичности термина и уровнями стратификации терминологического континуума: первой степени соответствует общенаучная или общетехническая лексика, второй степени – профильная или межотраслевая лексика, третьей степени – узкоспециальная терминология [БУЯНОВА, 2000: 582]. Однако, как замечает В.Н. Хохлачева, указание на специальную сферу употребления термина, «которая является, по сути дела, сферой реализации термина как термина, но отнюдь не непременным условием его существования», также не решает вопроса об онтологических свойствах термина и признаках, на основании которых термин противопоставляется нетермину [ХОХЛАЧЕВА, 1981: 186].

Описанные подходы к разрешению дилеммы «термин–нетермин» и разные критерии, которыми руководствуются лингвисты в поисках методических процедур, позволяющих установить сущность термина и определить его лингвистический статус, отнюдь не исчерпываются изложенными выше точками зрения (структурный и семантический критерии будут рассмотрены ниже). Основной причиной нерешённости данной проблемы, как видим, следует считать

отсутствие чёткой границы между терминами как единицами специальной номинации и единицами общелитературного языка. В свете этого представляется важным установление основных признаков термина и определение чётких рамок и особенностей его функционирования.

2. Термин как элемент терминологической системы

Согласно общепринятой точке зрения, терминологическая номинация представляет собой процесс именования специальных понятий различных областей знания и человеческой деятельности [Володина, 1995: 106; Косова, 2000: 228 и др.]. Исходя из предложенного определения, лингвисты и терминоведы сталкиваются как минимум с двумя проблемами: во-первых, с необходимостью установления чётких критериев, на основании которых терминология вообще и отдельные терминосистемы в частности могут рассматриваться как системно и структурно организованные образования, и, во-вторых, с потребностью в установлении эксплицированных корреляций между терминологией как совокупностью терминов и неким набором понятий, номинируемых этими терминами.

Терминология носит системный характер, так как включает создаваемую в ходе классификации, систематизации и определения научных понятий систему терминов, соотнесённых с системой понятий соответствующей отрасли знания [СРЯ, 1999: 268]. При этом признак системности проявляется как на уровне отдельно взятого термина, так и на уровне совокупностей терминов, формирующих различные терминосистемы. Системность отдельно взятого термина выражается только в его соотнесении со специальным понятием и в возможности его определения посредством других специальных понятий с привлечением (если необходимо) других терминов. Для того чтобы создать термин и применить его с целью номинации какого-либо понятия, необходимо знать хотя бы некоторые признаки понятия, которое становится объектом номинации. Только в этом случае можно говорить о том, что данный термин с необходимой точностью и в необходимом аспекте характеризует именуемое понятие, акцентируя одновременно его своеобразие и родство с другими понятиями [Кияк, 1989: 43]. При этом следует отметить, что абсолютного изоморфизма между термином и понятием всё же не существует, иначе не существовало бы и такого явления, как полисемантичность терминов. Поэтому изоморфизм между терминологической системой, с одной стороны, и соответствующей ей понятийной системой – с другой, носит относительный характер [Кутина, 1970: 94; Комарова, 1991: 25].

Выше говорилось о системности термина, актуализируемой на концептуально-понятийном уровне, т.е. выражющейся через связанность значения термина как номинанта и репрезентанта какого-либо понятия со значением самого понятия. Помимо понятийной системности следует указать также на существование системности структурной, проявляющейся в том, что каждый термин занимает свою «личную» нишу в терминологическом ряду, иногда деля её со своим дублетом.

Общепризнанным является тот факт, что «отдельно взятый термин сам по себе есть фикция. Он существует только в системе терминов, т.е. наряду с другими терминами, с которыми он связан определёнными отношениями» [цит. по: Лейчик, 1983: 78; ср. тж. Полторацкий, 1977: 181]. Не связанные системными взаимоотношениями термины «только дискредитируют лингвистику, не способствуя её действительному развитию» [Ахманова, 2004: 8]. Признавая системность термина, мы тем самым признаём и его определяемость через особый характер отношений внутри терминологических рядов и терминосистем.

Научное понятие, как замечает Л.Л. Кутина, «представлено в терминосистемах, как правило, серией терминов, терминологическим рядом, пучком обозначений-аналогов. <...> Если присмотреться к тому, откуда берутся эти серии, эта множественность обозначений, то окажется, что налицо действие ряда причин: тут и возможность дифференциации научных текстов...; тут и столкновение терминов различных эпох и разных школ, сопоставительные параллели терминов иноязычных и их русских переводов... языковая синонимия, варьирование слова-термина по его синонимическому ряду» [Кутина, 1970: 85–86]. Терминологические ряды – как более сложные структурные образования – формируют соответствующий отдел терминосистемы (микротерминосистему), отделы терминосистем формируют терминологическую систему в целом (макротерминосистему, т.е. терминосистему в традиционном её понимании), которая в совокупности с номенклатурой и общенаучной лексикой образует метаязык конкретной отрасли науки. При такой последовательной структуризации терминологической лексики достаточно легко можно проследить как горизонтальные взаимосвязи между терминами на гипонимическом (видовом) или гиперонимическом (родовом) уровне, так и вертикальные связи на гипо-гиперонимическом (родовидовом) уровне.

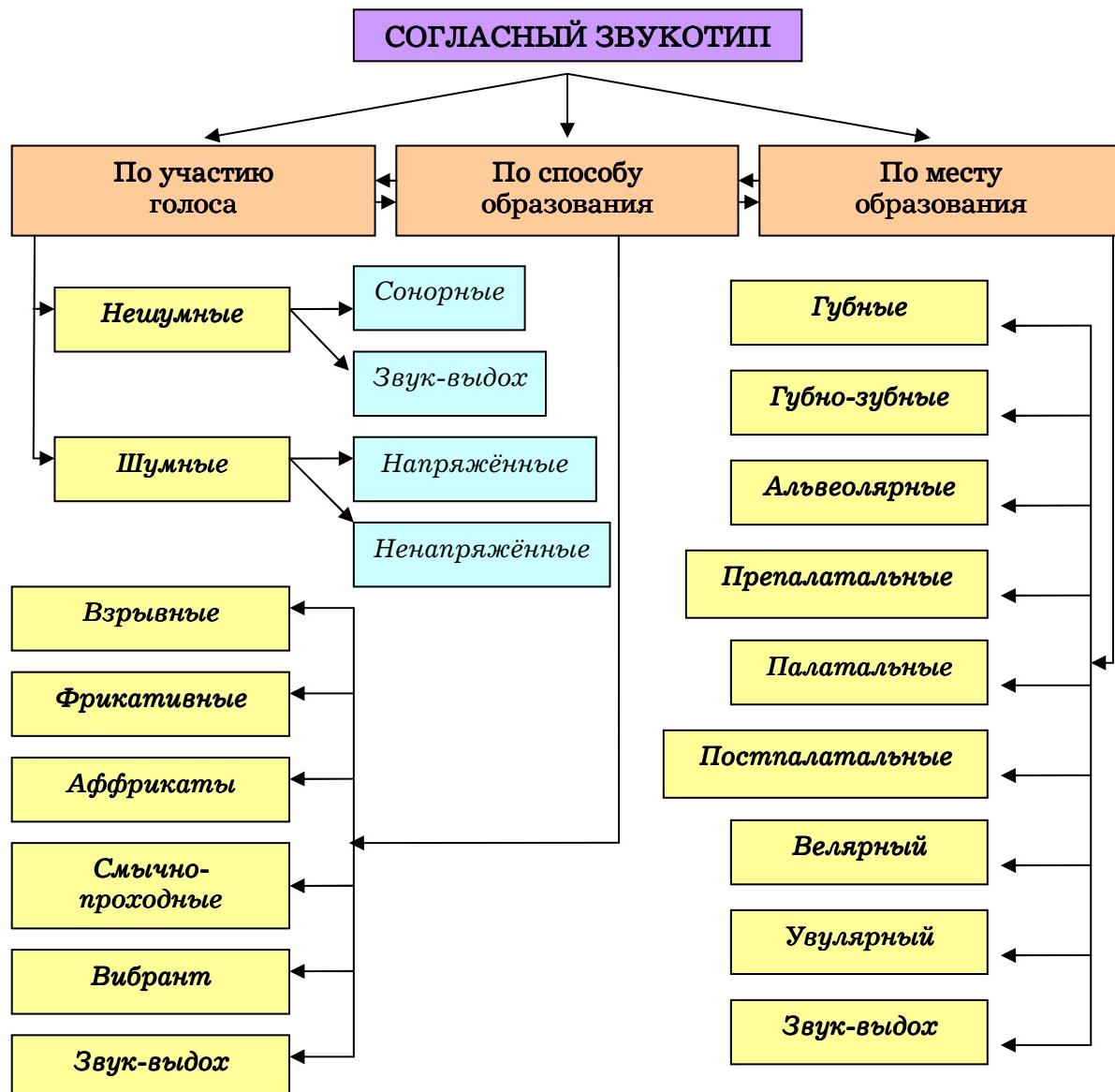
Примером такой структурированной репрезентации терминологии могут служить схема гипо-гиперонимических отношений в фонетической микротерминосистеме «согласный звукотип», к примеру, в немецком языке. Гиперонимические связи здесь будут формироваться на 3-х равноправных уровнях, соответствующих «способу образования» и «месту образования» согласных звукотипов (в немецкой терминологии, соответственно, «Artikulationsart» и «Artikulationsstelle»), а также «участию голоса» («Stimmbeteiligung»). Эти три уровня коррелируют с тремя группами признаков.

В рамках признака «участие голоса» согласные звукотипы делятся на шумные и нешумные, образуя субсистему в микросистеме «согласный звукотип». Элементы этой системы равноправны по отношению друг к другу и являются, сообразно указанному семантическому компоненту, гипонимами по отношению к согласному звукотипу в целом. Шумные согласные являются гиперонимом по отношению к типам согласных, выделяемым на основе дополнительного семантического компонента структуры значения согласных звукотипов – «напряжённость» («Gespanntheit»): напряжённые и ненапряжённые согласные. Нешумные согласные гиперонимичны по отношению к сонорным звукам и звуку-выдоху (h).

Гипо-гиперонимические связи с аналогичной структурой выявляются и в рамках двух оставшихся признаков – способу и месту образования. В целом же схема этих связей в микросистеме «согласный звукотип» выглядит следующим образом⁴²:

Структурированность межлексемных связей представляется, как видим, основной системной особенностью терминологии. Она же выявляет и такой важный системный признак терминологии, как иерархичность, который «проявляется в существовании отношений включения между единицами лексико-семантического и семантико-грамматического уровней языка. Каждая семема входит в объединения лексико-семантической системы более крупного плана – лексико-семантической группы, которые в свою очередь образуют семантико-грамматические классы и поля слов, входящие в части речи.

⁴² Источник информации для приводимой схемы: [БУХАРОВ, 1994: 83–85].

Этот общий для разных языков признак системы в каждом из них реализуется своеобразным составом лексических единиц при близком содержании их концепта» [Шипицына, 2001: 197; ср. Кушнерук, 1995: 293]. Иерархичность в терминологии находит своё выражение в иерархической структурированности терминологических рядов, соотнесённых и связанных с иерархическими отношениями между научными понятиями внутри этой дисциплины (ср.: [Духанина, 2003: 214]). Из этого признака выводится ещё один, не менее важный системный признак терминологии – её замкнутость [Толикина, 1970: 58; СРЯ, 1999: 269]. Данный признак коррелирует с выделяемым Л.Ю. Буяновой сходным признаком, а именно консервативностью терминосистем [Буянова, 2000: 580], но, на наш взгляд, не носит необратимого характера, в противном случае никакая терминосистема не была бы способна к своему дальнейшему развитию. Будучи замкнутой системой, в которой термин занимает определённое место по соподчинённости с другими терминами, терминология, однако, обогащается новыми терминологическими единицами. Они в свою очередь находят собственное место в терминологической системе, соответствующее месту именуемого ими по-

нятия в логико-семантической иерархии. Способность к качественному и количественному росту по мере расширения научного знания и интенсификации терминотворчества как лингвокреативного процесса может характеризовать терминологию уже как открытую (или относительно замкнутую) систему. Незамкнутость терминологии проявляется также и в том, что формирующие её терминосистемы не существуют изолированно друг от друга, но могут одновременно являться частью других терминологических систем [АРНОЛЬД, 1986: 231]. Возникновение антиномии «замкнутость–открытость» в терминологии является отражением концептуальной разности подходов и точек зрения на природу и роль термина в организации терминологических систем.

В лингвистике распространено мнение, что системность как терминологии в целом, так и отдельно взятого термина носит идеальный характер [ЮШМАНОВ, 1968: 4-5] и напрямую зависит от степени упорядоченности терминологии на основе существующих интрасистемных и интерсистемных взаимосвязей. Это неудивительно, так как «образованию подлинно научного термина должно предшествовать... полное освоение соответственного научного понятия во всех его классификационных и смежностных связях и, в частности, выделение тех общих признаков, которые создают его специфичность. Лишь после этого следует приступить к построению термина, сообразуясь с характером всей терминологии системы понятий той дисциплины или области знаний, к которым принадлежит вновь терминируемое понятие» [ЛОТТЕ, 1971: 13-14]. Упорядоченность, как пишет В.П. Даниленко, достигается прежде всего за счёт терминологической классификации, создающейся путём выделения необходимых и достаточных для раскрытия содержания понятия признаков, которые затем должны найти отражение в единообразном оформлении терминологических рядов [ДАНИЛЕНКО, 1967: 58]. Именно упорядоченность терминосистем, формирующих конкретно направленные терминологии, обеспечивает их жизнеспособность. Будучи упорядоченным, «термин должен и логически и семантически вписываться в метатаксономическую систему» [ЛИПАТОВ, 1995: 316].

Структурная системность термина может находить своё частное выражение и на словообразовательном (морфологическом) уровне, о чём свидетельствует регулярность в употреблении тех или иных словообразовательных средств (например, терминоэлементов греко-латинского происхождения и т.д.). Л.Л. Кутина отмечает двоякую направленность действия словообразовательных связей: в связи со способностью слов группироваться, во-первых, в словообразовательные гнезда («объединяющим моментом здесь является тождество корневой морфемы») и, во-вторых, в словообразовательные категории и типы на основе общности аффиксов [КУТИНА, 1970: 91].

Применяя широко распространённую в языкоznании процедуру выявления признаков лингвистического явления на основе контрапности, теоретически возможно сформировать оппозицию «системность ↔ асистемность» при оценке соответствующего признака терминологии. Логически допускается такое противопоставление, приходится тем не менее признать невозможность его реализации на практике, так как при утрате системного признака терминология неминуемо превращается в бессмысленный и хаотический набор терминологических единиц, который не в состоянии полно и адекватно описать ни одно научное явление.

В лингвистической литературе время от времени раздаются призывы «не преувеличивать системность реальных терминологий и, с другой стороны, не преуменьшать системный характер нетерминологических сфер лексики и фразеологии» [МОИСЕЕВ, 1970: 128; ср. тж. КОМАРОВА, 1991: 15]. Признавая тот факт,

что в системном аспекте терминология многих отраслей науки и техники ещё далека от идеала, всё же думается, что это обстоятельство не столько фиксирует её текущий, «фрагментарный» недостаток, сколько намечает пути её дальнейшего развития и совершенствования.

3.3. Определение признаков термина

1. Нормативность

Установление нормы в терминологии происходит, как правило, после того, как соответствующая отрасль знания уже сформирована, сформулированы её цели и задачи, определены функции, создан необходимый понятийный аппарат, обслуживаемый иерархически структурированным с учётом требований логики инвентарем терминологических средств.

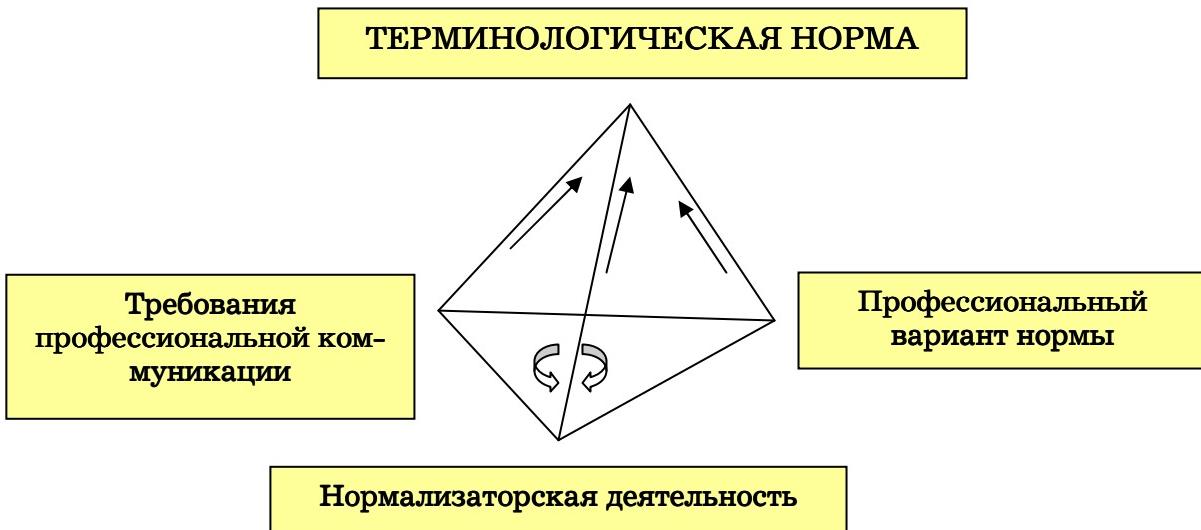
В процессе нормализации терминологии сталкиваются два подхода, по-разному трактующие роль и место терминологии в лексической системе языка – дескриптивный и прескриптивный. В зависимости от того, какой подход практикуется тем или иным исследователем терминологии, таковым оказывается и индивидуальный взгляд терминолога на терминологическую норму. Естественными в свете различия взглядов на нормирование терминологии оказываются попытки некоторых терминологов примирить сторонников и противников того или иного подхода.

При решении вопроса о нормативности терминологии необходимо установить, какие факторы формируют терминологическую норму, какой характер носят взаимосвязи между ними. Т.Р. Кияк определяет терминологическую норму как результат взаимодействия трёх факторов: «профессионального варианта нормы» (термин В.П. Даниленко, 1982), «нормализаторской деятельности» и «требований профессиональной коммуникации» [Кияк, 1989: 58]. Эти три компонента кладутся в основу пирамиды динамических соответствий, вершину которой образует терминологическая норма (см. схему).

Нормализаторская деятельность осуществляется лингвистами, которые оперируют готовыми терминами, уже предложенными специалистами той или иной области знаний. В русле этой деятельности, которая носит рекомендательный характер, лингвисты решают вопрос о целесообразности или нецелесообразности применения того или иного термина, его перспективности или неперспективности с лингвистической точки зрения. Другими словами, лингвист может реализовать своё участие в создании термина фактически только в рамках дескриптивного подхода.

Лишай лингвистов права участвовать в разработке специальной терминологии, специалисты сами несут ответственность за возможный непрофессионализм в сфере терминотворчества, так как неотъемлемой частью последнего является лингвистическая компетентность создателя новой терминологии, знание им основ терминообразования.

В сфере же самой лингвистики ошибки в терминотворчестве редки и носят нерегулярный характер, так как все три компонента, лежащие в основе терминологической нормы, относятся к сфере компетенции самих лингвистов, для которых терминологическая и профессиональная норма представляются единственным целым, формирующимся с учётом требований профессиональной лингвистической коммуникации.

Насколько термин способен отражать номинируемое им понятие, соответствует ли он этому понятию – все эти вопросы входят в компетенцию специалиста, который, собственно, и является автором профессионального варианта нормы. Этот вариант должен удовлетворять требованиям профессиональной коммуникации и быть принятым в среде специалистов. Введение в обиход понятия «профессиональный вариант нормы» основывается на том, что термин представляет собой лексическую единицу, подчиняющуюся нормам общелитературного языка, но при этом специфические особенности и сфера применения терминологии позволяют говорить о специфике нормирования терминов в профессиональном аспекте. Общая языковая основа неспециализированных единиц литературного языка и терминологических единиц позволяет говорить о лингвистической нормативности терминологии.

Нормирование термина, осуществляемое на лингвистической основе, предопределяет необходимость установления содержательного соотношения между понятием и именующим его термином, а также между термином и его дефиницией, что в свою очередь позволяет говорить о содержательной стороне терминологической нормативности. Содержание термина складывается из накопленной ранее информации о характеризуемом предмете или явлении и реализуется в понятии, которое охватывает все стороны явления, его свойства и связи с другими предметами или явлениями. Понятие в свою очередь находит своё выражение в дефиниции, представляющей собой, согласно общепринятой точке зрения, понятийное определение, семантический эквивалент термина. Таким образом, все три компонента триады «понятие – термин – дефиниция» неразрывно связаны между собой и образуют единство в содержательном аспекте.

Термины как типичные языковые знаки не возникают и не функционируют раздельно: «любой языковой элемент означивается в рамках той или иной системы, микросистемы, ряда, формируясь на основе отработанных моделей» [ЛЭС, 1990: 167]. Построение же любой системы предполагает применение некоторых логических принципов и приёмов, обеспечивающих её сбалансированность, устойчивость и подчинённость одних элементов другим как в структурном, так и в содержательном аспекте. Логика в структуре и семантике компонентов системы обеспечивает правильность иерархии понятий, отражённой в системе терминов, понятийную точность термина и т.п., поэтому есть смысл говорить о логической нормативности в терминологии [Даниленко, Скворцов, 1982: 5].

2. Воспроизводимость (устойчивость)

На наличие у термина этого признака указывают многие лингвисты и терминологи (ср. напр., «вариационно-компонентная устойчивость» у [КУШНЕРУК, 1995: 293] и т.д.). К.Я. Авербух предлагает определение термина с учётом этого признака: «термин – это либо слово, либо устойчиво воспроизводимое в текстах данной предметной области словосочетание, специфичное для данного подъязыка и образованное по принятой в подъязыке модели» [АВЕРБУХ, 1986: 46].

Выявление признака воспроизводимости в онтологии термина связывается в первую очередь со статистическим критерием определения степени терминологичности той или иной языковой единицы. Формальный характер этого признака очевиден, так как в основе его вычленения в структуре признаков термина лежит статистическое обследование выборок из текстов, в ходе которого «считываются частоты каждого выделенного элемента текста, отбираются термины с максимальными частотами» [ГОЛОВИН, КОБРИН, 1987: 65]. Недостатком такого подхода является во многом «случайный» характер частотности, приписываемой тому или иному термину. К тому же, не менее часто в специализированных научных работах встречаются также имеющие статус языковых единиц номены, а также лексические единицы, выраждающие общенаучные понятия, которые формально не являются номинантами специализированных терминологических понятий. Их частотность также придётся учитывать в процессе статистических подсчётов, хотя частотность как признак не превращает, скажем, номен в термин. Другими словами, используя критерий частотности, сложно прийти к однозначному выводу о том, является ли данная языковая единица термином, или же она относится к иному номинативному классу.

3. Конвенциональность

Конвенциональность как особенность термина тесным образом связана с такими присущими ему однопорядковыми категориями, как общепринятость [ГВОЗДЕВ, 1965: 45], общепонятность [ЛЕЙЧИК, 1983: 71], общепризнанность [МИЛОСЛАВСКАЯ, 1999]. У А.А.Реформатского общепринятость терминологии ассоциируется с её международностью. Он распространяет это качество, как видим, не только на терминологию национального языка, но и связывает его с наднациональным ареалом функционирования термина при условии, конечно, что термин в любой языковой среде сохраняет свою понятийную адекватность и основные внешние (структурные) признаки (хотя фонетические и грамматические особенности оформления термина в каждом конкретном языке, естественно, могут быть свои) [РЕФОРМАТСКИЙ, 1997: 117].

Конвенциональность термина актуализируется как в наименовании («т.е. существующему понятию можно дать название по усмотрению говорящего»), так и в содержании существующего знака-термина. При этом как наименование, так и содержание могут быть конвенционально лишь принятыми, возникнув, сложившись стихийно, и конвенционально установлены, избраны [КОТЕЛОВА, 1970: 124]. Иначе говоря, эксплицитно или имплицитно выраженная конвенциональность терминологии в целом и термина в частности возможна только при условии, если: 1) данное понятие может быть вообще терминологически номинированным; 2) выбранный способ номинации и само наименование соответствуют выражаемому посредством термина понятию; 3) в отношении содержания данного понятия и его наименования существует хотя бы относительное единство точек зрения в рамках научной школы, научного направления или области знаний. В отношении терминологически номинируемых понятий максимально возможное

согласие среди пользующихся определённой терминологией участников научной коммуникации достигается, по мнению М.Д. Степановой и И.И.Чернышевой, благодаря приближению содержания и значения термина к наивысшей степени понятийной абстрактности [СТЕПАНОВА, ЧЕРНЫШЕВА, 2003: 155].

4. Концептуально-семантическая целостность

В основе этого терминологического признака лежит утверждение, что термину может соответствовать как одно, так и несколько понятий. В идеале термин призван номинировать одно понятие, в случае же, если термин поликонцептуален, то возникает необходимость расчленения выражаемых им понятий с тем, чтобы соотнести каждое конкретное понятие с соответствующим компонентом термина.

Решение проблемы многопонятийной терминологии представляется исключительно актуальным в терминоведении, причём как в общетеоретическом аспекте, так и в прикладном (терминографическом), ибо поликонцептуальными являются обыкновенно терминологические словосочетания, которые на том или ином основании относят (или не относят) к терминологическим единицам.

В.М. Овчаренко, к примеру, предлагает считать терминами лишь «отдельные языковые знаки, т.е. семантически целостные (синтетические) образования, выражающие специальные понятия, но не свободные (аналитические) сочетания знаков, объединяемых по действующим в языке моделям для выражения таких понятий» [ОВЧАРЕНКО, 1969: 95]. Развивая эту точку зрения, он отмечает, что, эмпирически отграничив специальные образования терминологического характера от нетерминологической и околотерминологической лексики, терминологи зачастую оказываются не в состоянии «разграничить сами термины, вычленить отдельные термины из состава свободных словосочетаний, включающих термины, и ограничить от таких сочетаний терминологически целостные образования» [ОВЧАРЕНКО, 1970: 139]. Очевидно, что такая постановка проблемы вызвана в основном опасениями, что терминоведы, которых «терминологический материал буквально захлестывает», окажутся не в состоянии упорядочить и стандартизировать терминологию (отсюда, собственно, и вытекает отсутствие в ряде определений термина упоминания о словосочетании как средстве терминологической презентации).

Представляется, что сложившаяся в терминологии ситуация не является достаточным основанием для того, чтобы полностью исключить всякую возможность считать словосочетания терминами. Это как минимум не соответствует действительной функциональной роли словосочетаний в процессе терминотворчества. На наш взгляд, целесообразнее применять функционально-семантический критерий при оценке степени их терминологичности. Если в ходе анализа выясняется, что словосочетание способно выполнять роль номинатора какого-либо понятия, то его следует уравнять в правах с однословным (однопонятийным) термином. Случай, когда терминологическое словосочетание выступает в роли термина, в словарях терминов представлены в большом количестве. В качестве примера приведем два противопоставляемых друг другу терминологических словосочетания:

1) *Ритм окситонический*, определяемый как разновидность ритма, «при котором наибольшей интенсивностью (ударностью) или длительностью отмечены конечные звуковые комплексы высказывания» [ИВАНОВ, 2005: 709].

2) *Ритм баритонический*, определяемый как разновидность ритма, «при котором наибольшей интенсивностью (ударностью) или длительностью отмечены начальные звуковые комплексы высказывания» [ИВАНОВ, 2005: 708].

Разумеется, термин *ритм*, номинирующий соответствующее явление просодии, способен сохранять своё основное значение в сочетании с любыми дополнительными семантическими компонентами, которые уточняют и детализируют его содержание. Однако, являясь стержневым компонентом терминосочетания, сам термин *ритм* не в состоянии передать все оттенки значения, присущие ему как элементу просодической характеристики прозаической или стихотворной речи. Это способны выполнить только многопонятийные терминологические единицы, в чём и проявляется, собственно, их номинативно-сигнификативная функция. В данном случае речь может идти, например, о таких семантических компонентах ритма, как «способность маркировать акцентологическими средствами отдельные звуковые комплексы в начале и в конце фразы (т.е. отдельную часть высказывания)». Ср. с генерализованным значением термина *ритм* как средства просодии вообще: «способность средствами акцентуации и паузации организовывать высказывание в целом».

С другой стороны, семантическая самостоятельность терминологического словосочетания и его «отдельность» от термина-гиперонима может проявляться и в способности терминосочетания к сравнению (сопоставлению) или противопоставлению с другим семантически самостоятельным словосочетанием. В нашем случае противопоставляемые составные термины манифестируют своё индивидуальное семантическое наполнение, будучи соотнесены между собой как просодические явления одного порядка исключительно на единой гиперонимической платформе (как разновидности ритма).

«Конечность, исчерпанность семантики устаревшего [добавим: и недостаточного в плане выражения конкретных значений – А.И.] термина снимается за счёт обогащения смыслом бесконечного числа предложений в дискурсе. Так рождаются термины-словосочетания. Они представляют собой расчленённую номинацию: называют часть от целого, являясь при этом семантически едиными, так как один из компонентов обозначает признак, присущий другому. Посредством своего состава развёрнутости по горизонтали такой термин отражает усложнение взорений на язык, аналитический характер научного мышления исследователя» [АБДУЛФАНОВА, 2002: 123-124].

Отсюда возможен единственный, на наш взгляд, вывод: если словосочетание, претендующее на роль термина, способно эксплицировать какой-либо самостоятельный, присущий только ему семантический компонент, который не может быть актуализирован посредством однословного термина-гиперонима, то это словосочетание может называться термином.

5. Соотнесение с конкретной областью знаний (специализированность, специализация терминологии)

На соотнесение любого термина с конкретной областью знаний указывает профессиональная ориентированность термина. А.И. Моисеев отмечает, что «специфика и ограниченность сфер употребления характерны лишь для *специальной* терминологии, а не для терминологии вообще. Существует, видимо, и общепотребительная, условно говоря, «бытовая» терминология» [МОИСЕЕВ, 1970: 130]. Л.Ю. Буянова рассуждает об этом терминологическом признаке также применительно к узкоспециальной терминологии, формулируя эту особенность термина следующим образом: «конгруэнтность со строго определённой, гносеологически ограниченной специфичной научной сферой (профессиональной деятельностью)» [БУЯНОВА, 2000: 580]. Думается, что оформление этой особенности в виде важного категориального признака термина вполне обоснованно, но вряд ли стоит распро-

странять его исключительно на термины, имеющие узкое прикладное значение. Этим признаком в равной степени может обладать и терминология более широкого (межотраслевого) профиля⁴³. В частности, об этом свидетельствует формирование терминологии новых научных лингвистических направлений, возникших на стыке наук, к примеру, психолингвистики или социолингвистики, и объединяющих в своём терминологическом аппарате терминологические единицы как собственно лингвистики, так и, соответственно, психологии и социологии. В терминологическом корпусе этих отраслей лингвистики и лингвистические, и психологические/социологические термины равноправны и равно необходимы для именования сформированных в русле этих наук понятийных элементов.

Разумеется, определяя узульную сферу термина как более широкую, чем это предписывается целым рядом распространённых определений термина как «специального» слова [БАРХУДАРОВ и др., 1967: 9; ПОЛТОРАЦКИЙ, 1977: 179; КАЛИНИН, 1978: 134; АРНОЛЬД, 1986: 229; РЕФОРМАТСКИЙ, 1997: 115–116; Гвишиани, 2000: 187–188; ГАНЕЕВ, 2001: 77; ПОПОВ, 2003: 5; АХМАНОВА, 2004: 474], нельзя впадать в другую крайность, вообще отказывая термину в специфичности выражаемых им понятий. Уравнивая «нетерминологичные» слова конкретного языка с терминами, исследователи тем самым лишают термин присущей ему специализации.

Терминологическая специализация находит своё отражение в логической структурированности всех оттенков значения термина. Она составляет тот его индивидуализирующий семантический компонент, который отличает конкретный термин от однородовых лексических единиц и отчётливо маркирует его в прикладном аспекте.

6. Дефинируемость

Наличие у термина строгой и точной дефиниции, равно как и необходимость и возможность дефинирования термина, является одной из основных особенностей терминологии [КОТЕЛОВА, 1970: 125; ПОЛТОРАЦКИЙ, 1977: 181; КРЫЖАНОВСКАЯ, 1985: 6; СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 161; БУЯНОВА, 2000: 580; БОРХВАЛЬДТ, 2001: 162–163; ЛЕМОВ, 2001: 138–139; АБДУЛФАНОВА, 2002: 123–124; СТЕПАНОВА, ЧЕРНЫШЕВА, 2003: 154].

А.В. Крыжановская, отмечает, что «современные термины это номинанты системы понятий (реалий) науки, техники, производства, общественной жизни, официального языка, в котором термин конкретно дефинитивен» [КРЫЖАНОВСКАЯ, 1985: 6]. Ей вторит Н.А. Красавский, считающий, что «научная картина мира в отличие от наивной представляет собой достаточно чётко (насколько это возможно) дефинируемую понятийную систему, обслуживаемую специальным терминологическим языком» [КРАСАВСКИЙ, 2001]. Однако сам термин (как и его дефиниция) не всегда способен отразить всю совокупность качеств, присущих изучаемому объекту. В результате мы фиксируем неопределенность и расплывчатость значительной части терминологии (например, залог в лингвистике) [МОИСЕЕВ, 1970: 127]. Если же рассматривать термины как дефинитивные маркеры понятия, то становится очевидным, насколько важным является адекватное и всеобъемлющее описание предмета, явления, которые репрезентируют понятие.

⁴³ Правда, в этом случае нужно будет решать проблему дифференциации узко-специальной и профильной лексики. К тому же, «конгруэнтность со строго определённой научной сферой» оставляет открытым вопрос, к какой гносеологической области следует относить омонимичные термины в силу их полисемии и многопрофильности, которые возникают как результат использования внешне идентичной терминологии в разных терминосистемах для именования понятий в различных отраслях знания.

По своей природе, как замечает Н.З. Котелова, дефиниция условна, а не истинна. Само же представление об условности терминологической дефиниции связано с тем, что значение каждого термина может интерпретироваться с различных позиций: во-первых, с учётом уровня корреляции термина и номинируемого понятия, имеющей условный характер [КОТЕЛОВА, 1970: 125], во-вторых, в зависимости от того, с каких позиций исследователь соотносит содержание термина с конкретной ситуацией и с конкретным понятием (т.е. имеется в виду обусловленность дефиниции термина индивидуальной исследовательской парадигмой). Очевидно, по этой причине способность термина быть дефинируемой языковой единицей квалифицируется А.В. Лемовым как относительно релевантное его свойство, которое не является дифференцирующей характеристикой понятия «термин» [ЛЕМОВ, 2001: 138-139].

Другая точка зрения представлена мнением ряда лингвистов, полагающих дефинитивность термина (наряду с такими его особенностями, как конвенциональность и воспроизводимость) релевантным качеством терминологических единиц, причём, «если какая-то единица специальной лексики не соответствует перечисленным выше признакам, её нельзя отнести к разряду терминов» [БОРХВАЛЬДТ, 2001: 162-163]. Разделяя в целом эту точку зрения, хотелось бы отметить следующее. Теоретически рассуждая, дефинировать можно практически любое понятие, о чём свидетельствует практика составления толковых словарей общего типа. Однако в отличие от обычных («бытовых»), понятных всем слов, не рассматриваемых, как правило, в качестве терминологических единиц, термины, репрезентирующие специальные понятия и понятные в основном специалистам, все без исключения способны манифестировать свою терминологичность именно через свою дефиницию. В ряду терминологической лексики нет и не может быть единиц, не поддающихся толкованию посредством дефиниции. Кроме этого, связанность термина со специальным понятием придаёт «профессионально-ориентированный» характер и самой дефиниции в сравнении с теми, которые придаются «общим» понятиям толковыми словарями. Специфичность терминологического дефинирования состоит в том, что дефиницию какого-либо термина едва ли возможно адекватно воспринимать вне её связей с дефинициями других терминов, входящих в данную терминосистему, так как «существование термина имеет смысл только внутри определённой терминологической системы... Термин однозначно понимается внутри своего терминологического поля и непонятен вне его» [СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 161].

Прочие характерные особенности терминов могут быть рассмотрены с применением процедуры противопоставления, так как при описании этих признаков устанавливаются оппозиции, базирующиеся на разнонаправленных тенденциях в развитии терминологии.

7. Мотивированность vs. немотивированность

Проблема мотивированности терминологии является одной из центральных проблем, которые необходимо решать в ходе структурно-семантического анализа специальной лексики. Принцип мотивации необходим в первую очередь для того, чтобы отразить научно-профессиональную систематику в наименованиях как в сфере номенклатур, так и в сфере строго нормированных специальных понятий и терминов [SCHIPPAN, 1992: 235].

Под мотивированностью понимается «причинная связь между звуком и смыслом, звучанием и значением слова» [ГАК, 1977: 34]. Мотивированное значение языковой единицы по существу является вторичным, так как оно производ-

но в смысловом или словообразовательном отношении. Мотивированные слова обладают «внутренней формой», ибо они связаны с производящим словом своей формой и теми семами, которые входят в мотивирующую часть значения. Однозначное слово также может быть мотивированным по своему значению [СРЯ, 1995: 69]. Внутренняя форма слова, предопределяющая мотивированность, как отмечает О.И. Блинова, выступает средством реализации, материализации мотивированности в слове [БЛИНОВА, 1981: 30].

Мотивированность призвана объяснять новое языковое значение или новую форму лексической единицы предшествующим языковым значением или предшествующей формой этой или иной, но связанной с нею, лексической единицей [ЛЕЙЧИК, 1982: 29-30, 38]. Из этого утверждения вытекает, что мотивированность терминологической лексики может проявляться как на уровне формы, так и содержания. «Обозначение, мотивированное формой, легко для усвоения, охватывает все случаи употребления языкового факта, но не даёт информации о его сущности или функции. Обозначение, мотивированное содержанием, глубже отражает сущность объекта, но может, ввиду многозначности формы, оказаться неточным и даже вводящим в заблуждение. <...> В таких условиях термин демотивируется и нередко заменяется условным формальным обозначением, особенно, если природу явления нужно ещё установить» [ГАК, 2000: 29-30].

Объяснение нового значения слова посредством его предшествующего значения получило название семантической мотивированности, которая может быть обусловлена существенным признаком предмета или явления, внешним или даже случайным признаком, а иногда и вовсе не признаком предмета, а признаком лица, причастного к его открытию или созданию [ЛЕЙЧИК, 1982: 29-30]. Семантическая мотивированность выявляется в результате соотнесения однокоренных лексических единиц, семантическую общность которых обеспечивает общий корень [БЛИНОВА, 1981: 31].

Если объяснение формы нового слова происходит путём выявления её связей с формой предшествующего слова, то исследователь имеет дело со словообразовательной [или морфологической – А.И.] мотивированностью [ЛЕЙЧИК, 1982: 29-30, 38]. Мотивированность слова на словообразовательном уровне выявляется в результате соотнесения состава слов, сходных по своей морфемной структуре и поэтому может быть также названа структурной [БЛИНОВА, 1981: 31].

По отношению к системе языка в языкоznании принято различать два вида мотивированности языковых единиц: 1) абсолютную мотивированность, при которой звуковой облик слова непосредственно связан с его значением (например, в случаях фонетической мотивированности, когда значение слова выводится из его звукового облика: звукосимволизм, ономатопея), т.е. когда возникает изоморфность плана содержания и плана выражения⁴⁴, и 2) относительную

⁴⁴ О мотивированности ономатопеи говорят, к примеру, М.Д. Степанова и И.И. Чернышева, отмечая её специфический характер и независимость от морфологической структуры звукоподражательных слов, так как эта мотивация опирается «на связь слова с его звуковым составом» [СТЕПАНОВА, ЧЕРНЫШЕВА, 2003: 81]. В.Г. Гак высказывает сомнение в универсальности или абсолютности ономатопеи с точки зрения их адекватного восприятия и понимания носителями разных языков, приводя в пример лингвистические исследования О. Соважо (*Sauvageot A. Portrait du vocabulaire français.* – Paris, 1964, р. 175), опровергающие универсальный характер этого явления. «При всей своей экспрессивности звукоподражательные слова являются словами определённого языка, составленными по законам звукового строя этого языка... Мир звуков каждый народ

мотивированность, состоящую в том, что «прозрачность» содержания одного термина достигается в той или иной степени через объяснение другими терминами, с которыми он состоит в отношениях производности, и из знания значений которых выводится его собственное значение [ZHU, 1987]. При таком типе мотивированности лишь производные слова и слова, получившие значение в результате семантического переосмысления, оказываются мотивированными, исходные же языковые формы являются при этом немотивированными (произвольными).

Относительность мотивации в терминологии может быть рассмотрена и под другим углом зрения. Выявляя причины мотивированности языковых единиц, необходимо учитывать также и такой, лежащий в её основе фактор, как уровень пресуппозитивной языковой компетенции того, кто использует ту или иную терминологию («знание значений»), а знание всегда относительно, хотя бы уже потому, что по отношению к некоему объекту познания невозможно применить формулу «Я знаю об этом всё». По мнению Т.Л. Канделаки, «в науке достигается действительное познание предмета, охват, изучение его со всех сторон, всех связей и опосредствований на данном уровне знания» [КАНДЕЛАКИ, 1970: 16].

Рост количества знания может приводить к противоречиям между мотивированностью термина, к примеру, через посредство его словообразовательной структуры (ономасиологической структуры) и глубиной понимания человеком сущности именуемого явления. Существует достаточно большое количество используемых ныне терминов, как утверждает В. Фляйшер, свидетельствующих о таких противоречиях: скажем, в германистике продолжает широко применяться термин *Rückumlaut* (*обратный умлаут*), хотя, как нам сегодня известно, обратимости умлаута не происходит. Широта употребления (экстенция) термина является важным фактором, который должен учитываться при упрощении и изменении терминологии, даже в случаях возникновения означенных противоречий. [FLEISCHER, 1973: 197]. Ещё один пример подобного рода приводит В.А. Звегинцев. «Со времён Ф. Боппа и А. Шлейхера в лингвистике существует термин *праязык*, однако современные представления о процессах развития генетически близких языков находятся в явном противоречии с «этимологическим значением» данного термина, почему и оказалось необходимым заменить его термином *язык-основа*, который более точно соответствует современным лингвистическим теориям» [ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 47-48].

В зависимости от степени связанности в языке исходных элементов мотивированного слова различают прямую и косвенную мотивированность. Прямая мотивация лексической единицы возможна в том случае, если её значение выводится из существующих в языке независимо друг от друга элементов этой единицы, косвенная мотивированность – если значение лексической единицы выводится не прямо из её основы, а через сравнение значений ряда слов, произведённых от этой основы.

По тому, насколько слово может быть вообще мотивировано, можно говорить о полной, частичной или нулевой мотивированности языковых единиц. В зависимости от степени мотивированности они могут быть совершенно «прозрачными» по своему значению и форме или же полностью лишены всякой мотивации. О полной мотивированности языковых единиц всё же приходится говорить

членит в соответствии с системой фонем своего языка, подобно тому, как объективный мир членится в соответствии с выработанной каждым языком системой слов-понятий... Таким образом, даже у ономатопей мотивированность является не абсолютной, не природной, а социально обусловленной, в известной мере относительной» [ГАК, 1977: 35-36].

условно, так как «полностью мотивированных терминов, по-видимому, вообще не существует» [СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 89]. Полная и нулевая мотивированность представляют собой как бы крайние точки мотивационной шкалы, между которыми располагаются языковые единицы с частичной мотивированностью.

Полностью мотивированность термина ясна в конечном итоге только специалисту, так как только он знает, какую семантику содержат отдельные компоненты термина. В этом случае любой новый термин, возникающий уже на базе известного термина, оказывается мотивированным, если специалист знает, какое дополнительное или новое значение получит термин с включением в его морфологический состав какого-либо компонента. Однако будет ли такой термин мотивирован с точки зрения человека, далёкого от этой области знания? Безусловно, мотивация облегчает понимание слова, хотя нередко и ограничивает его употребление [ГРОНСКАЯ, 1991: 161], однако она зачастую оказывается бесполезной, если специальным термином пытаются оперировать неспециалист, незнакомый со спецификой той сферы деятельности, к которой относится данный термин. Незнание же значения базового термина повлечёт за собой также непонимание значения и его производных. Следовательно, объяснение содержания термина путём интерпретации его структурных и семантических мотивационных признаков, «находится, – говоря словами Т.В. Симашко, – в полной зависимости от того, чья позиция выбирается в виде ориентира» [СИМАШКО, 1998: 185]. С другой стороны, сами специалисты, использующие тот или иной термин, менее всего нуждаются в полной его мотивированности. Примером этого является их склонность употреблять большей частью «непрозрачные» краткие терминологические образования (ярким примером в связи с этим может служить терминология современной химии).

Внутри терминологии и номенклатуры разные по степени мотивированности лексические единицы могут быть классифицированы следующим образом: 1) мотивированные термины, т.е. обладающие семантической и словообразовательной мотивированностью (в терминах О.И. Блиновой, соответственно, лексической и структурной) (*лексикология*, *языковедение*, *диалектология*); 2) полумотивированные (т.е. мотивированные только на основе какого-либо из двух видов мотивации) (*деепричастие*, *оиконим*, *омоним*); 3) немотивированные (залог, падеж, жаргон) [БЛИНОВА, 1981: 33]. При распределении терминологических единиц по вышеуказанным группам ключевую роль играет вычленение некоего характерного *отличительного признака* понятия, сообразно с которым обыкновенно и производится номинация. Установление мотивировочного признака представляется важным с целью избежать опасности ошибочных интерпретаций терминологических значений и – как следствие – непонимания в сфере специальной коммуникации. Примером, иллюстрирующим возможность вычленения мотивировочного признака, могут служить термины, ядерное значение которых совпадает со значением, приписываемым им в рамках общезыковой основы, например, *поле* в физике или в языкоznании, в значении которого признак «распределение по плоскости» связывает общезыковое и терминологическое значения этого слова [SCHIPPAN, 1992: 233]. Стремление к созданию мотивированных терминов на основе эксплицитного выражения детерминирующих, уточняющих признаков по-разному реализуется в различных сферах деятельности. Это может, как известно, приводить к появлению длинных, трудно обозримых терминов, число которых, правда, относительно невелико.

Ряды однородных предметов, мотивированных по одному принципу, одним способом, на основании одного общего признака, легко объединяются в

терминосистемы (например, классификации согласных по месту и по способу их образования, по участию голоса или шума и т.д. или гласных по степени подъёма языка или по ряду). Однако существуют примеры терминологической номинации, которые мотивированы незнанием или неполным знанием релевантных признаков предмета или явления [ЛЕЙЧИК, 1982: 34–35]. Иногда в основе терминологической номинации лежат и случайные ассоциации. Но взаимоотношения между словом как знаком, с одной стороны, и обозначающим, с другой, базирующиеся на ассоциативных связях, на современном уровне развития языка могут быть как мотивированы, так и не мотивированы [АБРАМОВ, 2001: 124]. Поэтому собственно характер мотивированного признака не будет иметь определяющего значения (признак, как замечает В. Фляйшер, не обязательно должен быть существенным или типичным, так как перед ним вообще не ставится задача полного описания терминируемого понятия и соотнесения соответствующего термина с другими однорядковыми терминами, входящими в одну и ту же терминосистему; эту роль В. Фляйшер отводит так называемым «понятийным маркерам» или «носителям основного понятия» («Begriffsleiter»)⁴⁵ [FLEISCHER, 1973: 197]), и выбор его часто производится на условных основаниях. О.И. Блинова приводит в пример однородные термины, обозначающие разные территориальные типы русского произношения, чей мотивировочный признак именно условен: *аканье, оканье, яканье, иканье*. «При однотипном мотивационном значении названных терминов они обладают разным научным содержанием: если при аканье действительно звучит /а/ (или звук, близкий к /а/), то при оканье звучит в первом предударном слоге после твёрдых согласных не только /о/, но и /а/, а при яканье и вовсе звучит не /я/, а /а/ или постоянно, или при определённых условиях» [БЛИНОВА, 1981: 33–34].

Полная или частичная мотивированность термина достигается, как утверждает С.Д. Шелов, не только за счёт собственно терминологических компонентов (семантическая или лексическая мотивированность), когда понятийное содержание термина полностью выводится из семантики его терминологических составляющих, но и на основе синтаксики термина, т.е. его сочетаемостных потенций и коррелирующих с этим термином других терминологических единиц той же терминосистемы [ШЕЛОВ, 2001: 194–195]. Но анализ синтаксических связей в терминологии не всегда способствует точному выявлению мотивированности значения. В лингвистике существует немало терминологических единиц, образованных метафорическим или метонимическим способом [SCHIPPAN, 1992: 233], и мотивированность их значения не выводима напрямую из значений отдельных компонентов используемых языковых средств. Что, к примеру, считать сегодня мотивацией терминов *сильное/слабое склонение?* – спрашивает В. Фляйшер [FLEISCHER, 1973: 197]. Уже сама постановка вопроса подчеркивает условность выбора мотивирующего признака для таких терминов и относительный характер их мотивации.

Предметы или явления могут также мотивироваться не по одному, а по нескольким мотивировочным признакам, и в результате получать по ним свои названия, которые будут синонимичны друг другу. Поэтому мотивированность может служить одним из сопутствующих (если не определяющих в ряде случаев!) факторов, активизируемых при пополнении синонимических терминологи-

⁴⁵ Примером такого понятийного маркера может служить термин *звук* в консонантических или вокалических системах какого-либо языка в процессе сопоставления его как гиперонима с гипонимическими терминами, номинирующими отдельные классификационные разновидности звуков внутри того или иного звукотипа.

ческих рядов. В качестве примера можно привести термины латинской грамматики, отражающие по своей внутренней форме значение или форму грамматического явления: *imperfectum* и *minus quam perfectum*, обозначающие прошедшее несовершённое время глагола. В основе мотивации первого термина лежит признак «незавершённость действия в прошлом», актуализирующийся в рамках оппозиции «завершённость действия (*perfectio actionis*)» – «незавершённость действия (*imperfectio actionis*)», и реализуемый с применением отрицательной приставки *in-* (или её формы *im-* перед губными согласными): *in- + [r...]* > *im- + perfectus (-a, -um)*, в то время как при образовании второго термина во главу угла кладётся иной признак «степень завершённости действия в прошлом (*perfectionis actionis gradus*)», т.е. здесь имеет место не противопоставление терминов, а их сопоставление (сравнение): *perfectum* (прошедшее совершённое) > *minus quam perfectum* (прошедшее менее чем совершённое).

Особым случаем именования являются эпонимы, т.е. термины, обозначающие законы, явления или единицы величин, названные по имени учёных, открывших их или способствовавших введению их в научный оборот (закон *Вернера*, закон *Остгофа*, закон *Грассмана* и т.п.). В.М. Лейчик считает такие названия мотивированными, причём эта мотивированность, по его мнению, вполне определённа, однозначна и удовлетворяет требованиям, предъявляемым к ним пользователями этих терминологических единиц [ЛЕЙЧИК, 1982: 36]. Такого же мнения придерживается В. Фляйшер, относящий к средствам достижения мотивированности, в числе прочих, «имя собственное (имя создателя, изобретателя и т.п.)» [FLEISCHER, 1973: 197].

На проблему использования эпонимической терминологии существуют, как известно, различные, иногда диаметрально противоположные точки зрения. Противники эпонимического способа образования терминов считают, что термины, включающие в себя имена собственные, не вызывают у слушателя или читателя никаких ассоциаций с денотатом, за исключением того, что классифицирующий компонент такого составного термина лишь указывает на происхождение соответствующего номинируемого объекта, но не на признаки, конституирующие терминируемое понятие. [SCHIPPAN, 1992: 235; ср. тж. ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 50].

Утрата языковой единицей мотивирующего признака приводит к её демотивации. Демотивация происходит в языке либо неосознанно, когда между терминологической единицей и денотатом ослабевает или по какой-либо причине вовсе исчезает связь, на базе которой вычленяются признаки, отражающие природу терминируемого понятия, либо демотивация используется в процессе терминообразования сознательно и целенаправленно. Известно, что можно образовать как мотивированные (т.е. «говорящие») термины, так и немотивированные. Теоретически предполагается, что сущность мотивации состоит в том, что в акте возникновения термина всегда мотивируется сам способ терминообразования – даже тогда, когда образуется немотивированный термин. В таких случаях в основе мотивации будет лежать стремление намеренно избежать мотивации. Существует множество учёных, которые в желании создать немотивированный термин, немотивированные языковые элементы, предпочитают слова иноязычного происхождения, что иногда даже рекомендуется существующими стандартами словообразования в сфере терминологии. В качестве мотивации при таком способе терминообразования мы получим тогда целенаправленную демотивацию. Таким образом, демотивация также может выступать в роли словообразовательного принципа в терминологии [DROZD, SEIBICKE, 1973: 54].

Решение проблемы целенаправленной демотивации, на существование ко-

торой указывают Л. Дрозд и В. Зайбике, влечёт за собой необходимость определения степени мотивированности у терминов, образованных на наднациональной языковой базе. При иной постановке вопроса наличие мотивированности у терминов иноязычного происхождения вообще может быть оспорено.

Иноязычные слова практически не восприимчивы к тому, какой мотивировочный признак довлеет над ними в процессе терминологической номинации, и с этой точки зрения могут быть рекомендованы к применению в качестве терминов [BAUDUSCH, 1971: 135; ср.: РОМАНОВА, 1976: 22-23]. Действительно, для большей части пользователей языка с этимологической точки зрения эти термины будут семантически непрозрачными. При их применении не возникает в таком обилии вводящих в заблуждение ассоциаций, как это происходит в случае применения в качестве термина исконного слова.

Вышеозначенный тезис находит сторонников как в России, так и в других странах и, разумеется, он небесспорен⁴⁶, но, как нам кажется, не с принципиальной точки зрения, а в отношении количества заимствованной терминологии. Можно и нужно говорить о недопустимости «резать по живому», имея в виду сохранение самобытности национальной терминологии вообще и лингвистической в частности на основе связи с общеупотребительными, неспециальными словами общего языка, как считают, к примеру, О.И. Блинова [БЛИНОВА, 1981: 35], В.А. Гречко [ГРЕЧКО, 1976: 102], Н.В. Перцов [1996] и др. Однако самобытность в терминологии (как рецидив локального лингвистического пуризма) терпима только до тех пор, пока она не начинает расцениваться «как идущая в разрез с общечеловеческими интересами и препятствие на пути научно-технического прогресса» [АВЕРБУХ, 1985: 4]. Ориентация на исконно национальную терминологию оправданна, как представляется, только в исключительных случаях, когда описываемому понятию не находится адекватное терминологическое именование на основе интернациональных терминоэлементов. В случае злоупотребления терминологией на национальной основе нас ожидает «мрачная перспектива»⁴⁷ обоснования отечественной лингвистики (равно как и другой научной сферы) в узких национальных рамках.

Возвращаясь к проблеме применения иноязычных терминов в филологии, приведем несколько примеров. Ими могут служить названия метрических стоп, заимствованные из древнегреческого языка. Для древних греков термин *δάκτυλος*, номинирующий трёхсложную античную стопу, состоящую из одного долгого и двух кратких слогов (—○○), был вполне мотивирован на том основании, что каждый из составляющих дактилическую стопу слогов напрямую соотносился по своей протяжённости с длиной фаланг пальца (одна длинная и две коротких) [КВЯТКОВСКИЙ, 1998: 110]. Для нас же данный термин мотивированным не является, но он был бы таковым, если бы *пальц* в русском языке (равно как и в английском, немецком или французском языках) носил название *дактиля*. Греческий термин не вызывает также ненужных ассоциаций, так как ни

⁴⁶ Так, к примеру, И.А. Ребрушкина замечает, что «противопоставление “мотивированный – немотивированный” для большинства учёных сводится к оппозиции “исконный – заимствованный”: исконные термины считаются мотивированными, заимствованные – немотивированными. Такое понимание существенно ограничивает пути решения проблемы мотивированности – немотивированности термина. <...> ...иноязычное, включаясь в систему принимающего языка, становится собственным и поэтому часто семантически ясным» [РЕБРУШКИНА, 2003: 252].

⁴⁷ Выражение О.И. Блиновой [БЛИНОВА, 1981: 35], употреблённое ею в защиту точки зрения, прямо противоположной той, что высказывается нами здесь.

в какой предметно-семантической связи с лексемами «палец», «finger», «Finger», «doigt» он не состоит. Развивая «дактилическую» тему, можно проследить мотивировку термина, обозначающего стопу (—□□) в немецком языке. Установление мотивации оказывается возможным по той причине, что немецкая метрика применяет в качестве синонима греческому термину свою собственную, исконно немецкую терминологическую единицу *Doppelfaller*, содержащую сему «двойное падение, падение дважды» (от «Doppelfallen»), выводимую, очевидно, из самой структуры стопы. Она заканчивается двумя слогами, теряющими в долготе, или, в терминологии силлабо-тонического стихосложения, в интенсивности, по сравнению с начальным слогом. Поэтому термин *Doppelfaller* становится «гово-рящим»: дактиль – это стопа, для которой характерно двойное падение [дли-тельности/интенсивности]. Попутно заметим, что разобранный пример подтверждает тезис о том, что «в разных языках мотивировка слова, относящегося к одному и тому же предмету, может быть различной» [СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 89; тж. ГАК, 1977: 41–42].

Ещё одной важной стороной проблемы мотивированности терминологии является ложномотивированность терминов. В.М. Лейчик дефинирует ложномотивированные термины следующим образом – это «такие лексические единицы, внутренняя форма которых не соответствует их семантике, в данном случае выражаемым ими понятиям». Он выделяет четыре основные причины появления ложномотивированных терминов: 1) Углубление нашего познания (расширение гносеологической сферы), при котором признак, положенный в основу наименования, оказывается неверным (*атом* – «неделимый»)⁴⁸; 2) Изменение признаков объекта, названного данным термином, при сохранении самого термина (к примеру, термин *этимология* в античной науке употреблялся для обозначения *грамматики* как всеобщей науки о языке; позднее этот термин стал обозначать только ту её часть, которая занимается вопросами происхождения слов); 3) Перенос наименования с одного объекта на другой при сохранении этимологии термина и утере его мотивации; 4) Стремление к дезинформации, скрытию подлинной сущности явления [ЛЕЙЧИК, 1982: 32; 1983: 86–87].

Интересным представляется в связи с этим проанализировать оппозитивный или обратный дактилю по месту нахождения тесиса, т.е. долгого слога, *ана-пест*, который в немецкой поэтической традиции также именуется двояко: *Anapäst* (займствование из греческого языка – ἀνάπαιστος) и *Doppelsteiger* (исконно немецкий термин). Немецкий термин содержит сему «двойной подъём» (от «Doppelsteigen»). Однако, если в греческом языке названия дактилической и анапестической стоп мотивированы (анапест – это «отражённый назад» дактиль или антидактиль), то семантика немецкого термина не выводится из структуры стопы, так как её метрическая схема такова: (□□—). Другими словами, стопа должна теоретически состоять из одного краткого и двух долгих слогов (—□—), чтобы можно было её структурой мотивировать немецкое название стопы. Но эта метрическая схема маркирует бакхическую стопу, которая в силу своей структуры с большим правом и основанием могла бы именоваться в немецкой метрике термином *Doppelsteiger*.

⁴⁸ Ср. с высказыванием автора «Словаря лингвистических терминов» Ж. Марузо: «...даже если бы термины могли вполне соответствовать понятиям, теории, определяющие эти понятия, неизбежно стали бы эволюционировать; в таком случае мы рискуем увидеть, как в связи с прогрессом науки крушение теорий влечёт за собой гибель и самой терминологии... Науке, находящейся в процессе становления, нецелесообразно закреплять связь обозначения с обозначаемым...» [МАРУЗО, 1960: 15–16].

В данном случае мы имеем дело ни с чем иным, как с ложномотивированностью термина *Doppelsteiger*, причём эта ложномотивированность не была вызвана ни одной из перечисляемых В.М. Лейчиком причин. Едва ли здесь возможно говорить о расширении гносеологической сферы, переносе наименования или изменении признаков объекта, названного данным термином. И уж во всяком случае немецких поэтов или деятелей литературы трудно заподозрить в попытке скрыть от новичков в поэзии или любителей литературы подлинную сущность явления, номинированного термином *Doppelsteiger*. Скорее речь идёт о ложномотивированности по аналогии, в основе которой лежит всё то же упомянутое нами выше противопоставление собственно греческих терминов *δάκτυλος* и *ἀνάπαιστος*, последовательно реализованное терминоизобретателями и в отношении исконно немецкой дублетной терминологии.

Особый интерес вызывает проблема мотивированности терминологии в сопоставительно-языковом аспекте.

Как известно, языки различаются между собой по степени развитости лексико-грамматического строя. Если сравнивать между собой, к примеру, английский, немецкий и русский языки, несомненно, что последние два обладают в сравнении с первым гораздо более широкими словообразовательными возможностями. Как замечает В.А. Звегинцев, «большая или меньшая произвольность языкового знака находится в прямой зависимости от конкретных путей развития грамматической структуры языков. Языки, таким образом, на разных этапах своего развития располагаются по градации в соответствии с большей или меньшей мотивированностью своих элементов, чем фактически устанавливается своеобразный типологический принцип» [ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 41-42]. Таким образом, большая или меньшая мотивированность языковых элементов в зависимости от типа языка предполагает наличие в любом языке как мотивированного, так и произвольного, присутствующих в разных пропорциях в зависимости от интра- и экстраграмматических факторов [ULLMANN, 1966: 221].

Эти выводы основываются на заявлении Ф. де Соссюра о том, что «не существует языков, где нет ничего мотивированного; но немыслимо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы всё». Определяя степень мотивированности отдельных языков, Ф. де Соссюр делит все языки на лексические, где немотивированность достигает своего максимума, и грамматические, где она снижается до минимума. Применяя эту дихотомию к конкретным языкам, он отмечает, что «в английском языке значительно больше немотивированного, чем, скажем, в немецком⁴⁹ <...> французский язык по сравнению с латинским характеризуется... огромным возрастанием произвольного <...> Этот прирост элементов произвольностей – одна из характернейших черт французского языка» [СОССЮР, 1977: 165-166].

«Из приведённых высказываний... [де Соссюра – А.И.], – комментирует

⁴⁹ Ср. с точкой зрения на проблему мотивированности лексики в немецком языке, в котором широко развита система словообразовательных аффиксов, и, как следствие, существует большое количество дериватов: «Мотивированность слова (в собственном смысле) представляет собой значение, которое определяется семантикой словообразовательной модели и лексическим значением первичной (производящей) основы (или основ)... Мотивированными естественным образом могут быть только производные и сложные слова» [СТЕПАНОВА, ЧЕРНЫШЕВА, 2003: 80-81]. Или: «Обобщённое лексико-категориальное значение словообразовательного элемента (или его вариантов) в каждом конкретном случае вместе со значением производящей основы создаёт семантическую мотивированность производного слова...» [ССЭНЯ, 1979: 9].

В.А. Звегинцев, – явствует, что вопрос о мотивированности (или немотивированности) языкового знака связывается... с большим или меньшим богатством морфологических форм языка; если язык на определённой стадии своего развития обладает относительным обилием морфологических форм, то его элементы, следовательно, более мотивированы и менее произвольны, но если язык в процессе своего развития (например, английский язык) всё больше и больше утрачивает богатство морфологических форм, то его лексические элементы, стало быть, становятся всё более и более произвольными. Трудно себе представить, чтобы по мере развития языка увеличивалась его произвольность (немотивированность). Ведь если брать в качестве примера тот же английский язык, то потеря им первоначального богатства форм выражалась не в постепенном освобождении корня от аффиксальных элементов и обнажения его, что только и могло в какой-то мере способствовать увеличению произвольности его лексических единиц. В действительности этот процесс осуществлялся главным образом через посредство опрощения первоначально сложной структуры слова и различного рода редукций...» [ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 42].

Исследования лексического состава европейских языков и их словообразовательных особенностей в диахроническом плане указывают на постоянное движение некоторых из этих языков (в частности, английского и французского) в сторону аналитизма, упрощения морфемной структуры слова. Эта тенденция отмечается, к примеру, во французском языке при сопоставлении его с латынью [СКРЕЛИНА, СТАНОВАЯ, 2001: 288, 339, 345]. Что касается языков германской группы, то «уже в общегерманский период отмечалась тенденция к выделению корня как носителя лексического значения и окончания как формального показателя, т.е. тенденция развития двухморфемной структуры. В дальнейшем в соответствии с германскими закономерностями, окончания подверглись редукции» [ВГФ, 1998: 42]⁵⁰. Все эти процессы свидетельствуют об упрощении структуры слова в основном за счёт отмирания флексий и удаления из состава слова аффиксальных элементов, что в свою очередь приводит к известному (но отнюдь не фатальному!) снижению уровня мотивированности лексики. Действительно, на первый взгляд ситуация представляется парадоксальной: с развитием языка увеличивается произвольность составляющих его элементов. Но при этом нельзя не учитывать следующих моментов: 1) рост произвольности языковых элементов должен отмечаться в языках как аналитического, так и флексивного типа, и рост этот носит относительный характер; 2) основное вещественное значение в языках обоих типов прежде всего выражается через посредство корня, а не аффиксов и окончаний, поэтому постепенное выведение функционально нагруженных аффиксальных элементов и флексий из словообразовательной сферы не приводит к сколько-нибудь заметной утрате мотивированности у большей части лексического состава (на практике это приводит к изоморфности корневой морфемы и слова, как это, к примеру, имеет место в английском языке); 3) функции аффиксальных морфем реализуются с привлечением иных, в том числе лексических, средств; 4) априорно обоснованный рост

⁵⁰ Некоторые исследователи вполне резонно усматривают основную причину движения индоевропейских языков в сторону аналитизма в особенностях самого флексивного строя, на одном из этапов развития которого возникает противоречие между большим количеством грамматической информации, передаваемой флексией, и её однородным характером. В определённый момент времени это приводит к отпадению флексий, т.е. к дискретизации грамматической информации на формальном уровне [ГЕРДЖИКОВ, 1987: 194].

произвольности (немотивированности) отчасти нивелируется за счёт постоянно-го и стабильного увеличения мотивационно-маркированного лексического со-става по мере развития языка; 5) наряду с исчезновением мотивированности у отдельных элементов словарного состава происходит и противоположный про-цесс – «воссоздание и развитие мотивированности» [т.е. процесс ремотивации – А.И.]. «Выход слова или морфемы из состояния изоляции... способствует созда-нию ассоциации между ними и другими элементами словаря, и немотивирован-ный знак становится мотивированным» [ГАК, 1977: 37]. Из сказанного можно сделать следующий вывод: если на фоне стремления ряда языков к упрощению структуры слов и наблюдается некоторое снижение мотивированности лексиче-ского состава, то оно уравновешивается другими, протекающими параллельно этому снижению внутриязыковыми процессами.

8. Моносемантичность vs. полисемантичность

Моносемантичность является одной из относительных категорий семан-тики термина и зависит от того, насколько упорядочена терминология в той или иной отрасли знания⁵¹ [Калинин, 1978: 135]. Если в отношении гносеологиче-ских сфер, связанных с решением естественно-научных и технических задач, можно говорить если не о полной, то хотя бы о частичной упорядоченности тер-минологии, то в отношении лингвистики вопрос о систематизации терминов, их унификации и стандартизации обыкновенно сводится только к декларативным заявлениям о необходимости упорядочения лингвистической терминологии и о том, что достичь этой упорядоченности не представляется возможным в силу ряда объективных препятствий.

В ряду этих препятствий особое место занимает именно проблема много-значности терминологии. При решении этой проблемы сталкиваются точки зре-ния лингвистов, по-разному решающих вопрос о природе термина. В русле де-скриптивного подхода термин понимается как «слово в особой функции» (Г.О. Винокур). Как отмечает Л.Л. Кутина, «язык даёт материал для терминологий, но он же навязывает им принципы своей организации» [Кутина, 1970: 89], поэтому терминам свойственна многозначность как единицам общелитературного языка. С точки зрения сторонников прескриптивного подхода к терминологии, полисе-мантичность представляется таким свойством термина, которое должно быть вообще устранено, так как противоречит «абсолютной номинативности» терми-на, «т.е. освобождённости слова от всех лексических значений (сужение призна-ка выражаемого понятия) и закреплённости за ним одного значения (расшире-ние содержания выражения понятия). Это свойство выявляется в независимо-сти «значения» термина от контекста, которая делает равным значение термина его понятийному содержанию, т.е. прямому и однозначному соотношению с оз-начаемым. Для термина как совершенно определённой языковой единицы вы-ражение понятия с узким признаком и «насыщенным» содержанием является определяющим (категориальным) признаком» [Хохлачева, 1981: 185–186; ср. Дюженко, 1975: 56; Ярцева, 1977: 31–32; Калинин, 1978: 135; Суперанская и др., 1989: 129; Нестеров, 1999; Буюнова, 2000: 580; Ганеев, 2001: 77; Абдулфанова, 2002: 123–124].

Причину, по которой терминология «охраняется от свойственной обыч-

⁵¹ В качестве примера, иллюстрирующего эту взаимозависимость, А.В. Калинин приводит термин *синтагма*, который в фонетике обозначает отрезок фразы, характе-ризующийся интонационной и смысловой законченностью, в грамматике – словосоче-тание с определённым типом связи.

ным словам многозначности и нечёткости содержания и объёма употребления», А.Н. Гвоздев видит в том что «каждая научная дисциплина даёт определения значения терминов, в которых и указывается, какое содержание вкладывается в тот или другой термин» [ГВОЗДЕВ, 1965: 43]. Это утверждение позволяет связать решение проблемы моносемантичности термина с понятием терминологического поля. Под последним понимается «своебразная область существования термина, внутри которой он обладает всеми характеризующими его признаками, область искусственно очерченная и специально охраняемая от посторонних проникновений». Поле может быть как понятийным, будучи воспринимаемо как система понятий, так и лексическим, представляя собой совокупность терминов-слов. В этом поле, как отмечают А.В.Суперанская и др., термин как слово однозначен, что исключает возможность его общего нетерминологического употребления и ставит его понимание в зависимость от традиций данной отрасли или школы [СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 110–112, 129].

А.А. Реформатский, И.В. Арнольд и др., считая, что «хороший термин – это моносемантичный термин», тем не менее отмечают идеальный характер моносемантичности терминологии [АРНОЛЬД, 1986: 230; РЕФОРМАТСКИЙ, 1997: 116, 131]. Идеальность моносемантичности проявляется в том, что недостижимой целью оказывается реализация в полной мере принципа «один термин – одно понятие». Говоря словами Л.Л. Кутиной, «принцип однозначности никогда не достигается во всей системе в целом, разные звенья терминологической цепи будут с необходимостью представлять разную степень выраженности изоморфных отношений...» [КУТИНА, 1970: 94; ср. ЯРЦЕВА, 1977: 32]. В этом смысле, учитывая сложность обсуждаемой проблемы, предлагается сглаживать противоречия между однозначностью и многозначностью путём трактовки фактической понятийной множественности терминов в свете никогда не реализуемой полностью тенденции к постепенному элиминированию этой множественности и к сведению понятийной наполненности термина к моносемантичности [ЛЕВКОВСКАЯ, 1956: 104; СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 130; БУЯНОВА, 2000: 580; БОРХВАЛЬДТ, 2001: 162–163]. Однако, поскольку специфика терминов проявляется не только в сфере их свойств, но и в сфере их функционирования как лексических единиц, то на них распространяется и явление полисемии [КОЗЛОВА, 1980; ЛИПАТОВ, 1995: 315; СРЯ, 1999: 270].

К.А. Левковская в качестве примера, иллюстрирующего обозначенную тенденцию, приводит лингвистический термин *форма* (нем. *Form*), применяемый как минимум в трёх значениях, а именно: «1) к грамматическим формам тех или иных частей речи вообще <...>; 2) к отдельным формам (представителям) конкретных слов (т.е. к конкретным словам, выступающим в тех или иных грамматических формах) <...>; 3) к вариантам слова или отдельных его форм <...>» [ЛЕВКОВСКАЯ, 1956: 104].

Существование терминологической многозначности, которая является «результатом использования термина в разных терминосистемах для названия различных понятий, входящих в понятийный круг различных отраслей знания» [ХОХЛАЧЕВА, 1981: 185; ср. тж. ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 48], вполне подтверждается практикой применения целого ряда терминов⁵².

⁵² В качестве примера такой межнаучной терминологической омонимии можно описать узус терминов *морфология*, который в лингвистике обозначает раздел грамматики, изучающий различные аспекты строения слова, а в биологии – раздел, изучающий форму и строение организмов, или *деривация* – в лингвистике термин, синонимич-

Употребление термина вне его функциональной сферы или одновременно в нескольких функциональных сферах является не единственной причиной, вызывающей полисемантичность в терминологии. Г.А. Дюженко связывает возникновение множественности значений у термина с темпоральным фактором. Он отмечает: «С совершенствованием наших знаний понятия в науке и технике непрерывно развиваются и углубляются, появляется потребность в новых терминах. Возникающие в науке новые понятия требуют новых обозначений (термины-неологизмы). Термин однозначный и не вызывающий никаких недоразумений сегодня, может стать многозначным завтра, в процессе развития данной области науки и техники и появления новых понятий» [ДЮЖЕНКО, 1975: 57].

Примером такой терминологии в метрике и версификации может служить термин *стих героический* (*versus heroicus*). Он синонимичен терминам *гекзаметр* (*hexameter, hexametrum*), *стих гекзаметрический* (*versus hexametricus*) и определяется как «стих или стихотворная строка греческой и латинской эпической поэзии (встречается впервые и в наиболее чистой форме в произведениях Гомера) или их современные имитации, которые написаны шестистопным дактилем, причём каждая стопа имеет долгий слог, за которым следуют два кратких, за исключением последней усечённой стопы, состоящей из двух слогов, первый из которых является долгим; первые четыре стопы в гекзаметре могут заменяться спондеями (в силлабо-тонических имитациях гекзаметра – хореями)». Позднее термин *стих героический* был воспринят английской поэзией и наполнен новым содержанием: «десятисложный стих, представляющий собой рифмованный пятистопный ямб (ямбический пентаметр); применялся в эпической поэзии и поэтических произведениях эпиграммного характера XVII-XVIII вв.»; приблизительно в тот же исторический период *стих героический* появился и во французской поэзии, где под ним понимались: 1) *стих александрийский классический* («александрийский стих с цезурой после шестого слога, делящей стих на два полустиха»), 2) *стих александрийский романтический* («александрийский стих с цезурами после четвёртого и восьмого слога, делящими стих на три части») [ИВАНОВ, 2005: 374, 900-902].

Полисемантичность терминов может возникать и как «следствие несовпадения семантических систем разных языков, различного распределения семантических единиц между языковыми знаками» [КУТИНА, 1970: 88].

Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин [Головин, Кобрин, 1987: 49-51] к числу источников многозначности относят также:

1) авторское терминотворчество, при котором уже существующий в научном обиходе термин применяется для обозначения новых понятий и объектов.

Примером многозначности такого рода является употребление термина *фонетика* в лингвистике. Первоначально термин *фонетика* употреблялся, как это засвидетельствовано в 71 полутоме словаря Брокгауза–Ефрона [1902, с. 240], «для обозначения исторического учения о звуках, их соответствии звукам родственных языков, их исторических изменениях, взаимных соотношениях и т.д.». Позднее, в 1861 г., М. Тулов, а за ним А.А. Потебня (1866) и Ф.Ф. Фортунатов «со учениками» (1912) стали называть *фонетикой* науку, изучающую историю звуковых изменений и звуковой строй языка (= нем. *Lautlehre* у Э. Зиверса, 1876). И.А. Бодуэн де Куртенэ придал термину ещё более широкое значение, включив в фонетику ещё и физиологию звуков (1870) и назвав термином *фонетика* «состояние языка в звуковом отношении» [МИНАВИЧЕВ, 1964: 9-11].

Термин *фонема* (от греч. *φόνημα* 1) голос, звук; 2) слово, речь) впервые появился во французской лингвистике как эквивалент немецкого термина *Sprachlaut* (звук язы-

ный термину *словообразование*, в баллистике – отклонение врачающегося снаряда или пули в сторону вращения при полёте в воздухе, в гидротехнике – совокупность сооружений, осуществляющих подвод воды к станционному узлу ГЭС.

ка) предположительно в 1873 г. в работах А. Дюфриш-Деженетта, а затем в том же значении заимствован Ф. де Соссюром (1879). Позднее данный термин был применён в теории фонологии И.А. Бодуэном де Куртенэ в 70-80-х гг. XIX в. уже в новом значении. На протяжении XX в. термин *фонема* использовался различными лингвистическими школами, каждая из которых старалась расширить объём понятия этого термина, ввести в него свои элементы «значения» [Виноградов, 1990: 553-554].

2) метонимические переносы, при которых названия одного предмета переносятся на другой, находящийся с первым в ассоциативных отношениях, часть – целое, род – вид (ср.: [Толикина, 1970: 60; Кудрявцева, 2004]). Такие примеры переносов по смежности во множестве встречаются в лингвистической и литературоведческой литературе:

Термин *каталектика* является многозначным и применяется для именования: 1) усечения полустопы; 2) каталектической формы стиха, возникающей как результат усечения полустопы; 3) раздела сравнительной метрики, предметом изучения которого являются клаузулы стиха и, в частности, случаи несовпадения окончания стиха и окончания стопы [Иванов, 2005: 198].

К источникам многозначности в лингвистической литературе причисляют также метафорические переносы. «Метафора и полисемия могут рассматриваться как процесс и результат действия сложных языковых и когнитивных механизмов, как средство концептуализации эмпирических знаний» [Ольшанский, 2000: 17]. Возникающее путём метафорического переноса новое значение языковой единицы «кодифицируется» и «легитимируется» полисемией и впоследствии закрепляется лексикографическими средствами (ср.: [Липка, 1987: 171; Pontes, 1987: 172; Кудрявцева, 2004]).

В русле проблемы моносемантичности терминологии возникает необходимость вычленения у термина такого его относительного признака, как зависимость / независимость от контекста⁵³.

Думается, идеальный термин не должен зависеть от контекста, как утверждают многие лингвисты [Кутина, 1970: 87; Арнольд, 1986: 230; Реформатский, 1997: 115; Лемов, 2001: 139; Борхвальдт, 2001: 162-163], но именно идеальный, так как в идеале термин однозначен, а однозначный термин как внутри контекста, так и вне его понимается всегда одинаково. А.А. Реформатский, обосновывая контекстную независимость термина, указывает, что термин «1) член определённой терминологии, что и выступает вместо контекста, 2) может употребляться изолированно, например, в текстах реестров или заказов в технике, 3) для чего и должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии» [Реформатский, 1997: 115].

В принципе, со всем этим трудно не согласиться. Но другое дело, если исследователь оперирует термином, особенностью которого является многозначность в рамках терминологии одной и той же отрасли науки или техники. Например, английский термин *key* может иметь следующие значения (и, стало быть, следующие русские эквиваленты перевода): *ключ, клин, шпонка, чека, шпилька, закреп, кнопка, переключатель, клавиша* и т.д., а русский термин *муфта* может переводиться на английский язык терминами *coupling, clutch, sleeve, union, socket, nut, collar, connector*. Сложно представить себе, как тогда

⁵³ Как пишет В.М. Лейчик, этот признак, выдвинутый Д.С. Лотте, «сейчас подвергается серьёзной критике – по крайней мере относительно формы термина» [Лейчик, 1990: 84].

должен пониматься тот или иной термин, если он упомянут, скажем, в текстах реестров или заказов в технике. В этом случае, как замечают Л.С. Бархударов, Ю.И. Жукова и др., «решающим условием в выборе правильного значения многозначного термина... является контекст» [БАРХУДАРОВ и др., 1967: 10]. Речь идёт в первую очередь о словесном контексте, т.е. «тех словах, которые окружают или сопровождают данное слово и придают ему необходимую однозначность» [РЕФОРМАТСКИЙ, 1997: 113]. Для адекватного восприятия данного термина на понятийном уровне контекстом может выступать, к примеру, данное в заглавии реестра (заказа, упаковочного листа и т.п.) наименование технического устройства, в котором термин *key* будет понят и воспринят с профессиональной точки зрения, скажем, только как *ключ*, но никак иначе.

В свете вышеизложенного представляется, что проблема единичности или множественности значений термина ещё далека от окончательного решения. Однако, по нашему мнению, можно быть уверенным в том, что достижение идеального состояния, при котором одному термину соответствует одно понятие, не является невыполнимой задачей, ибо, как совершенно справедливо замечает А.Б. Бушев, «сама терминология возникает как кодифицированное речевое поведение, направленное на достижение однозначности понятия в той или иной отрасли специального знания» [БУШЕВ, 2003: 283]. Упорядочение и унификация терминологии на конвенциональной основе и при тщательном отборе терминологического материала позволяют со временем успешно реализовать на практике закон всякой организованной терминологии: одно понятие – один знак.

9. Стилистическая маркированность vs. стилистическая нейтральность

В большинстве работ, посвящённых исследованию природы термина за последние полвека, отмечается отсутствие эмоционально-экспрессивного элемента в семантике термина [ЛЕВКОВСКАЯ, 1956: 121; ПИОТРОВСКИЙ, 1961: 34; ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 48; ГВОЗДЕВ, 1965: 63; МОИСЕЕВ, 1970: 138; АРНОЛЬД, 1986: 230; СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 93; КИЯК, 1989: 59; РЕФОРМАТСКИЙ, 1997: 116–117, 131; СКРЕБНЕВ, 2000: 59; ГАНЕЕВ, 2001: 77; БОРХВАЛЬДТ, 2001: 162, и др.].

Рассматривая термин в отрыве от элементов большинства других лексических слоев, несомненно, приходится отмечать – как прямое следствие или обратную сторону номинативности термина – его стилистическую нейтральность, отсутствие эмоционально-оценочной окраски. «Беспристрастность» термина, по мнению В.А. Звегинцева, объясняется функциональной близостью термина и знака, лишённого всякой экспрессии [ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 48]. А.И.Моисеев, придерживаясь аналогичной точки зрения на проблему экспрессивности терминологии, пишет, что «термин в условиях своего прямого употребления только называет предмет (в широком – лингвистическом смысле) или понятие о нем, не давая никакой дополнительной характеристики его» [МОИСЕЕВ, 1970: 138].

Экспрессивно-стилистическая окрашенность терминологии может иметь место в том случае, если термины применяются «вне своей функциональной сферы» [МОИСЕЕВ, 1970: 138; АРНОЛЬД, 1986: 230; тж. РЕФОРМАТСКИЙ, 1997: 117]. Причём, по замечанию Ю.М. Скребнева, в непрофессиональных сферах терминологические единицы «имеют минимальную или среднюю степень экспрессивности. Использование специальных терминов непрофессионалом указывает на претенциозную манеру говорения, или отсутствие вкуса или такта (языкового чутья)» [СКРЕБНЕВ, 2000: 59; ср. тж. МИНАЕВА, 2003: 140]. «Это обстоятельство, – заключает В.А. Звегинцев, – лишний раз указывает на то, что термины... явля-

ются полноправными членами структуры языка, а не каким-то чуждым по отношению к ней телом, подобным осколку снаряда, застрявшему в ткани живого организма» [ЗВЕГИНЦЕВ, 1962: 48].

Другой подход к проблеме эмоционально-экспрессивной окрашенности терминологии демонстрирует З.И. Комарова, считающая, что «распространённое пока [разрядка наша – А.И.] утверждение о полной стилистической нейтральности термина является одним из некорректных представлений об особенностях терминологии» [КОМАРОВА, 1991: 33]. Подобный вывод делается на основании обследования девяти выделемых ею категорий (стратификационных разрядов) терминов. Среди них максимальной склонностью к стилистической окрашенности обладают так называемые предметные термины, минимальной – собственно термины, структура которых состоит из ядерных концептуально-интенсиональных элементов и не включает в себя на правах факультативных элементов никаких коннотаций.

Л.Н. Вьюшкова также не отказывает термину в выразительности. По её мнению, экспрессивность терминологии может быть достигнута за счёт применения метафоры (например, *семья языков, гнездо слов, родственные языки*) или же за счёт образования однокоренного термину слова с коннотативным содержанием, что позволяет выполнять данной единице экспрессивную функцию (например, *буковка, предложенница, словечко*). Такого рода языковые единицы одновременно замещают термин, отчётливо выражая его связь с номинируемым понятием, и реализуют эмотивно-прагматический аспект языка, создают экспрессивную окраску, в которой сочетаются образные представления, оценочная квалификация (эмоциональная, качественная количественная), разговорный стилистический регистр. Применительно к термину возможно использование в качестве оформителей узуальной коннотации только суффиксов субъективной оценки, осознаваемой внутренней формы. Третьим способом достижения экспрессивности термина Л.Н. Вьюшкова считает контекстуальное эмоциональное окружение, возникающее за счёт применения соответствующих эпитетов, выраженных существительными, прилагательными, причастиями, глаголами, приложениями, определениями, сравнениями (например, *немая буква, живой язык, великолепная наука, неуклюжие предложения*) [Вьюшкова, 2000].

По нашему мнению, применение средств разговорного регистра для образования однокоренных термину языковых единиц с коннотативным содержанием хотя и придаёт данным единицам экспрессивно-эмоциональную окраску, однако не создаёт достаточных оснований к тому, чтобы на конвенциональной основе причислять эти новообразованные языковые единицы к терминам.

Что же касается контекстуального эмоционального окружения термина как средства придания термину экспрессивности, то с его помощью можно создавать множество эмоционально окрашенных словосочетаний, но они едва ли могут рассматриваться в рамках критерия концептуальной целостности в качестве полноценных терминосочетаний, так как будут иметь статус свободных словосочетаний, возникших как результат единичного акта наименования, т.е. не воспроизводимых на регулярной основе.

Говоря о таком способе достижения экспрессивности в терминологии как метафорический перенос, следует, видимо, согласиться с тем, что метафора прежде всего должна рассматриваться как приём описания изучаемого объекта, т.е. вызываться гносеологической необходимостью, а не эмоционально-экспрессивными или эстетическими факторами [Пахуткин, 1973: 4].

Наличие эмоционально-оценочного фактора в семантике и формальной

структуре терминологии возможно, по мнению В.М. Лейчика, на этапе первоначального наименования, когда термин в наибольшей мере отражает отношение исследователя к обозначаемому явлению или объекту, но эта модальность достаточно быстро исчезает в рамках всей терминосистемы, эмоционально окрашенные элементы которой перестают соотноситься с соответствующими лексическими единицами общелитературного языка [ЛЕЙЧИК, 1983: 84].

10. Метафоричность vs. безобразность

Проблема метафоричности и метафоризации в языке науки достаточно широко освещается в лингвистической литературе (см. работы Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, В.М. Лейчика, Д.С. Лотте, В.В. Налимова, Е.О. Опариной, В.В. Петрова и др.). В.В. Налимов, отводя метафоре значительную роль в научном познании мира, отмечает, что «быть научным – это быть метафоричным: способным создавать плодотворные метафоры, возбуждающие воображение и тем самым расширяющие наше взаимодействие с миром» [НАЛИМОВ, 1993: 21]. Согласно С.Е. Никитиной, метафора является «не только поверхностным приёмом пояснения, но и действенным средством прояснения структуры и поведения научных объектов» [НИКИТИНА, 1987: 43].

В.П. Даниленко относит создание терминов путём метафорического переноса значений к постоянному и практически неисчерпаемому способу терминообразования (ср. тж.: [СТРЕКАЛОВА, 2003: 264]), но применяемому в разное время с разной интенсивностью. Наиболее активно он применялся на начальном этапе создания наук, производств, ремесел и их терминологических систем. «Общее развитие и состояние научного познания на заре зарождения наук было таково, что главным фактором, определяющим терминотворчество, было не соответствие понятия и слова, а некоторые аналогии» [ДАНИЛЕНКО, 1967: 59; ср. СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 94; ЛАСТ, 1993: 52; ЛЕЙЧИК, 1986^a: 94]. В настоящее время этот способ терминообразования не менее актуален, предлагая большие возможности в процессе создания терминов с абстрактным значением в рамках конкретных терминологических систем, однако продуктивность его снизилась в силу того, что в основе построения современных терминосистем, как отмечает В.П. Даниленко, лежат не именования по внешним аналогиям, а строгий научный подход, предполагающий выработку чётких критериев формирования терминосистем [ДАНИЛЕНКО, 1967: 60].

В основе метафорического переосмысления содержательной стороны той или иной терминологической единицы лежит, как правило, вычленение наиболее характерного с точки зрения терминоизобретателя дифференциального признака или совокупности признаков данной единицы (в терминологии Г.Н. Скляревской, «символа переноса» [СКЛЯРЕВСКАЯ, 1987: 61]) и создание на базе этого признака (пучка признаков) функционально-ассоциативной связи между термином как номинантом некоего понятия и самим этим понятием. В процессе номинации подобного типа устраняется «необъяснённость» или «алогичность» метафорического переноса, не скрывающего, а, наоборот, выявляющего предметно-логическую связь между термином и понятием, что позволяет адекватно препрезентировать терминологическую единицу в лексикографическом аспекте.

Метафора в терминологическом пространстве, будучи по своей природе языковой (не художественной!) метафорой, обладает возможностью воспроизведения в процессе языкового общения, т.е. представляет собой не единичный акт именования, что даёт возможность говорить о ней как о регулярном лингвистическом явлении. Она, таким образом, «образуется по строго рег-

ламентированным направлениям, только «слева–направо», от имени предмета к имени абстракции, при этом выбор источника метафоризации и символа переноса ограничен и связан достаточно устойчивыми нормами и закономерностями коллективного языкового сознания» [СКЛЯРЕВСКАЯ, 1987: 64].

Говоря о возможности метафоризации в терминологической области, приходится учитывать прежде всего реальную картину, сложившуюся в сфере терминообразования, а не дедуктивные умозаключения, провозглашающие идеальность качеством термина и на этом основании отказывающие ему в метафоричности [АРНОЛЬД, 1986: 230]. В сфере лингвистической и литературоведческой терминологии метафора распространена достаточно широко и обнаруживает высокую частотность (*живые и мертвые языки, толковый словарь, немая буква, беглый гласный, открытый / закрытый гласный, игра слов, излом гласных, венок сонетов, выкидка, нагромождение рифм, богатая / бедная / избитая / банальная рифма, терминологическое поле, падение редуцированных, словообразовательное гнездо, паразитические звуки, языковая семья и др.*), что позволяет признать метафоричность, возможность употребляться в переносном значении одним из качеств, присущих термину [ПОЛТОРАЦКИЙ, 1977: 179; ср. АЛЕКСЕЕВА, 1998: 8]. Метафоризация в сфере терминологии, как наглядно демонстрируют приводимые выше примеры, способствует стиранию грани между лингвистической и экстралингвистической информацией, формирующей содержательную сторону термина, «она очень удобна и часто оправданна в языке науки» [ДУНАЕВСКАЯ, 1998: 65].

Метафорическое переосмысление терминологических единиц находит своё проявление не только внутри какой-либо конкретной терминосистемы, но и на межсистемном уровне, т.е. там, где происходит взаимодействие терминологических полей или терминологического поля и семантических полей общего языка. Термины, включаемые в терминосистему в результате межсистемного заимствования, первоначально имеют метафорическое значение, которое со временем устраняется, и термин в результате вторичной терминологизации начинает напрямую соотноситься с обозначаемым понятием в рамках воспринявшей его терминосистемы [ЛЕЙЧИК, 1986^a: 93].

В процессе терминологической номинации «номинативная метафора интерпретируется, получает дефиницию, при этом утрачивается связь с признаком, положенным в основу сравнения, на основании которого создавался метафорический образ. Метафора стирается, становится термином – семантически производной, но воспроизводимой единицей» [МИШЛanova, 1998: 82; ср. ГВОЗДЕВ, 1965: 105; ДУНАЕВСКАЯ, 1998: 65]. Метафоричность, участвующая во вторичной номинации, теряет образность, благодаря чему становится очевидным номинативный, а не художественно-стилистический характер метафорического переноса в сфере терминологии.

Деметафоризация приводит к параллельному существованию в языке, с одной стороны, безобразных, потерявших свои имплицитные качества и потому эстетически «ущербных» языковых единиц с расширенным в результате потери связи с «символом переноса» значением, а с другой – языковых единиц «с ясным представлением» [ПОТЕБНЯ, 1989: 224].

Эти два типа языковых единиц, выделляемых на основе признака метафоричности, находятся в оппозиции по отношению друг к другу. «Характер этой оппозиции, – как пишет Н.М. Разинкина, – проявляется прежде всего в том, что безобразный характер научного текста, требующий изложения мысли в строгих логических категориях, накладывает на метафору чёткие ограничения и диктует

ей принципы возможного допуска в научное изложение». Эти ограничения и принципы Н.М. Разинкина формулирует следующим образом: 1) языковой (не оригинальный, не художественный) характер метафоры; 2) устойчивость метафоры, не вызывающая у читателя каких-либо дополнительных образов или эмоционально окрашенных ассоциаций; 3) фиксированность в словарях; 4) неразвёрнутость метафоры, построение её на одном лишь образе; 5) терминированность как собственно метафоры, так и её ближайшего контекстного окружения, позволяющая исключить возможность двоякого толкования метафоры и появления у читателя в связи с этим эмоциональных переживаний [РАЗИНКИНА, 1977: 198-201]. Изложенные выше ограничения и принципы вполне укладываются в рамки разделяемого нами традиционного подхода к анализу научной терминологии.

Применительно к разным языкам семантический способ терминообразования на основе метафорического переноса значения проявляет себя по-разному. В некоторых современных западноевропейских языках он значительно опережает по продуктивности синтаксический способ, который более продуктивен, к примеру, в русском языке. По данным И.Н. Волковой, анализировавшей результаты сопоставления английских и русских терминов в сфере промышленного производства, многие английские термины образованы путём метафорического переноса значения, в то время как аналогичные русские термины представляют собой термины-описания [ЛАСТ, 1993: 52]. На этот любопытный факт указывают также А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и др., которые отмечают широкое применение метафорического переноса в процессе образования английской терминологии практически во всех технических отраслях, связывая это со спецификой английского языка с его очень «короткими» словами, легко образующими словосочетания, особенно двухкомпонентные. При этом оказывается, что английские технические термины более образны, а русские – более точны [СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 94].

Задачей нашего исследования в рамках семантического аспекта метаязыка фонетики и метрики является выявление места и роли метафоры в процессе образования фонетической и метрической терминологии, установление степени метафоричности этой терминологии, а также сравнительно-сопоставительный анализ результатов процесса метафоризации терминологических единиц фонетики и метрики в русском, английском, немецком и французском языках.

3.4. Функции термина как конституирующего элемента терминологической системы

Анализ лингвистической литературы по интересующей нас теме показывает, что большинство лингвистов и терминоведов признают за термином две основные функции. Выступая номинантом научного или технического понятия (т.е. называя общие понятия, категории, признаки или свойства понятий, а также операции (отношения) между объектами в различных специальных сферах человеческих знаний и деятельности), термин выполняет номинативную (или назывную [МОИСЕЕВ, 1970: 135]) функцию [ГВОЗДЕВ, 1965: 43; КОТЕЛОВА, 1970: 122-123; АВЕРБУХ, 1986: 46; Головин, Кобрин, 1987: 13, 35; СРЯ, 1999: 269; КОСОВА, 2000: 228; БОРХВАЛЬДТ, 2001: 162-163; ЛЕМОВ, 2001: 138-139].

Определяя понятие посредством дефиниции, термин реализует свою вторую функцию – дефинитивную (определяющую) [ВИНОГРАДОВ, 1972: 9-45; УФИМЦЕВА, 1986: 108; СРЯ, 1999: 269; БОРХВАЛЬДТ, 2001: 162-163; ЛЕМОВ, 2001: 138-139; РЕБРУШКИНА, 2003: 252]. А.И. Моисеев и В.М. Лейчик справедливо исключают дефинитивную функцию из числа присущих термину свойств, так как

он «не определяет и не может определить понятия. Это задача логической дефиниции» [МОИСЕЕВ, 1970: 136; ЛЕЙЧИК, 1986^a: 90–91].

В.М. Лейчик, О.В. Борхвальдт, А.В. Лемов и др. добавляют к перечню функций термина сигнifikативную функцию [КОСОВА, 2000: 229; БОРХВАЛЬДТ, 2001: 162; ЛЕМОВ, 2001: 176], содержание которой, по В.М. Лейчику, «раскрывается в способе обозначения объектов номинации – безразлично, имеем ли мы дело с прямой или косвенной номинацией, с обозначением объекта (класса объектов) или его признаков» [ЛЕЙЧИК, 1986^a: 90]. В этом смысле термин, обозначая понятие по его отличительным признакам, ничем не отличается от общеупотребительных слов (названий).

Кроме перечисленных выше функций, к их числу относят также коммуникативную [ЛЕМОВ, 2001: 176], прагматическую [ВОЛОДИНА, 2001: 164; ЛЕМОВ, 2001: 176], информативную [ЛЕМОВ, 2001: 176; ЕЛЬЦОВА, 2002: 128], дистинктивную, идентификативную [ЛЕМОВ, 2001: 176]. В.М.Лейчик рассматривает коммуникативную и информативную функции как однопорядковые, так как обе они заключаются в передаче адресантом (продуцентом) и приёме адресатом (реципиентом) в процессе интеракции определённого объёма специальной информации [ЛЕЙЧИК, 1986^a: 91].

Прагматичность терминологии выражается в том, что «способ представления объекта или явления в форме термина есть в то же время и способ его оценки и акт конкретного воздействия на получателя соответствующей терминологической информации, поскольку отражает определённое видение именуемого понятия» [ВОЛОДИНА, 2001: 164]. Репертуар прагматических установок продуцента при использовании им специальной терминологии достаточно узок и связывается В.М. Лейчиком с наличием эмоционально-экспрессивного компонента в семантической структуре термина [ЛЕЙЧИК, 1986^a: 91]. Однако, если учесть тот факт, что уже сформированные терминосистемы практически лишены какой бы то ни было модальности, термину может быть отказано в прагматике. «Определённое видение именуемого понятия», на наш взгляд, не может быть реализовано в отношении общепризнанных понятий, так как их содержание формируется на основе принципа конвенциональности. В противном случае мы будем иметь дело с новым или обновлённым понятием, которое нуждается в новом признании и новом терминологическом номинировании. При этом семантика нового термина для такого понятия вполне способна включать в себя элемент прагматичности.

Идентификативная и дистинктивная функции, выделяемые у термина, основываются, очевидно, на способности термина выступать, соответственно, в роли идентификатора определённого понятия и различителя (дистинктора) понятий. В этом смысле они будут являться однопорядковыми и фактически могут быть сведены к всё той же, упомянутой нами выше и признаваемой большинством лингвистов номинативной функции. Если же говорят о термине как идентификаторе или дистинкторе типа текста, в котором данный термин употребляется, то речь здесь идёт не о сфере фиксации, а о сфере функционирования терминологии, и, следовательно, не об онтологической особенности термина в аспекте его функционирования, а о внутриструктурной функции, реализуемой в частном порядке, а именно, в рамках какого-либо текста.

С позиций когнитивного подхода в терминологии к функциям термина причисляют также: 1) эвристическую функцию, т.е. функцию выражения новых знаний, реализуемую через такую особенность термина, как его способность обогащать и уточнять научное знание [АБДУЛФАНОВА, 2002: 123], 2) гно-

сеологическую (познавательную) функцию, реализуемую термином как инструментом научного познания [ГОЛОВАНОВА, 1998: 38-41; НОВОДРАНОВА, 2000: 68; КОСОВА, 2000: 228; ЕЛЬЦОВА, 2002: 128; НИКУЛИНА, 2002: 138; ДУХАНИНА, 2003: 213; РЕБРУШКИНА, 2003: 251], 3) конструктивную функцию, вычленяемую у термина на основе его способности к рождению новых идей [АБДУЛФАНОВА, 2002: 123; НОВОДРАНОВА, 2003: 247], 4) аккумулирующую функцию, основывающуюся на таком качестве термина, как его способность хранить и накапливать информацию, создаваемую в той или иной сфере человеческого знания [Гвишиани, 2000: 199-200; ВОЛОДИНА, 2001: 164; НОВОДРАНОВА, 2003: 247]; эта же функция может называться «функцией фиксации знания в процессах научного, технического и учебного общения» [ГОЛОВИН, КОБРИН, 1987: 13], 5) презентативную функцию, реализуемую термином как «языковой формой презентации научного знания» [ЕЛЬЦОВА, 2002: 129].

Термины, по нашему убеждению, не способны ни выражать (репрезентировать), ни обогащать, ни уточнять новое знание. Они всего лишь призваны обозначать или номинировать понятие соответственно его отличительным признакам (номинативная и сигнификативная функции терминологической единицы), т.е. фиксируют и передают в определённый момент времени определённый объём известного научного и технического (специального) знания⁵⁴ [ЛЕЙЧИК, 1990: 84]. Новое знание коррелирует с материальной оболочкой понятия только через само понятие, которое может меняться вместе с качественным или количественным ростом этого знания. Термины являются лишь техническим или механическим инструментарием в руках специалиста, с помощью которого он даёт наименования новым граням или оттенкам понятия, передающего наше знание о более глубоко или с иных точек зрения познанном объекте или явлении.

Рассматривая термин в роли хранителя или накопителя информации, исследователь, по сути, имеет дело всё с той же, но называемой по-другому, информативной функцией терминологии.

Анализируя различные точки зрения на функциональные особенности термина, приходится признать, что основные функции термина совпадают с функциями слова как универсальной языковой единицы (ср.: [ПРИСТАЙКО, 1996: 42]). Таковыми являются: номинативная, сигнификативная, коммуникативная и (при известных условиях) прагматическая функции (ср.: [ОЯ, 1972: 403]).

⁵⁴ Кстати, В.М. Лейчик, неизменно отстаивающий точность формулировок, связанных с описанием функциональных особенностей терминов, сам иногда допускает отступление от этого принципа. Ср.: «При рассмотрении сигнификативной функции термина опровергается распространённое заблуждение, что термин должен выражать понятие...» [ЛЕЙЧИК, 1986^a: 90] или «...термины используются в своём прямом назначении – для выражения [разрядка наша – А.И.] научных и технических понятий» [ЛЕЙЧИК, 1990: 81]. А.И. Моисеев, также разграничивает «выражение» и «обозначение, называние»: «...так как слово, не будучи формой предложения, соотносится не с законченной мыслью, а только с каким-либо элементом мысли, то в плане соотношения языка и мышления следует говорить не о выражении, а о назывании или обозначении; а так как обозначение в силу знаковой природы языка есть свойство любого слова, то для выражения того особенного, что связывается с термином, более всего подходит как раз формула: «термин называет» явление действительности или понятие о нем» [МОИСЕЕВ, 1970: 137].

3.5. Терминология vs. номенклатура?

Номенклатура обыкновенно рассматривается как особая разновидность специальной лексики, требующая конкретного места в рамках этой специальной лексики, определения своего лингвистического статуса, а также выявления некоторых параметров, на основании которых она может или не может быть отграничена от собственно терминологии, вместе с которой формирует метаязык конкретной науки.

Неясность статуса номена и номенклатуры порождает в лингвистической среде споры об определении места номенклатуры внутри метаязыка. Здесь существуют две точки зрения, которые наглядно могут быть продемонстрированы в виде приводимой выше схемы.

Согласно первой точке зрения, номенклатура трактуется как «совокупность специальных терминов-названий [разрядка *наша* – А.И.], употребляющихся в данной научной области» [СРЯ, 1999: 274; тж. МОИСЕЕВ, 1970: 132; АХМАНОВА, 2004⁵⁵: 270]. Иначе говоря, место номенклатуры определяется внутри терминологии, а сами номены получают особый подсистемный терминологический статус [КУЛИКОВА, САЛМИНА, 2002: 13]. Н.В. Васильева даёт более конкретное указание на положение номенклатуры по отношению к терминологической системе в целом: «на периферии терминологии», однако прямо не причисляет номены к особой разновидности терминологии, предпочитая несколько расплывчатое определение – «названия элементов конкретной языковой системы» [ВАСИЛЬЕВА, 1998: 560]. Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин рассматривают номенклатурные знаки «как особые типы терминов [разрядка *наша* – А.И.], соотнесённые с единичными понятиями и актуализирующие предметные связи» [ГОЛОВИН, КОБРИН, 1987: 19]. И.С. Куликова и Д.В. Салмина, разделяя эту точку зрения, не склонны, однако, считать для номена обязательной «актуализацию предметных связей» [КУЛИКОВА, САЛМИНА, 2002: 14].

Согласно второй точке зрения, терминология и номенклатура являются двумя ограниченными, в том или ином виде противопоставленными друг другу

⁵⁵ Любопытно, что в предисловии к тому же источнику (имеется в виду «Словарь лингвистических терминов») О.С. Ахманова понимает под номенклатурой «систему названий [разрядка *наша* – А.И.] для данной совокупности более или менее конкретных объектов, составляющих содержание различных частей данной научной области в целом» [АХМАНОВА, 2004: 6]. Ср. с более поздним определением номенклатуры, также принадлежащим О.С. Ахмановой: «система специфических названий [разрядка *наша* – А.И.], которые используются для обозначения конкретных языковых объектов» [АХМАНОВА, 1990: 509]. В цитируемой работе номенклатурные знаки как названия частных объектов прямо противопоставляются терминам.

классами номинативных единиц [КОМАРОВА, 1991: 8; ПРИСТАЙКО, 1996: 51]. В.М. Лейчик, решая проблему локализации номенклатуры среди смежных языковых знаков, пишет, что «номенклатура является промежуточным, связующим звеном [*разрядка наша – А.И.*] в ряду номинативных единиц – между терминами и именами собственными» [ЛЕЙЧИК, 1974: 24].

Первенство в разграничении терминологии и номенклатуры (по авторитетному свидетельству А.А. Реформатского) принадлежит Г.О. Винокуре, который ещё в 1939 г. понимал под номенклатурой «систему совершенно абстрактных и условных символов [*разрядка наша – А.И.*], единственное назначение которой состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, оперирующей этими вещами» [ВИНОКУР, 1939: 8]. Другими словами, Г.О. Винокур в даваемом им определении вычленяет основной параметр, на основании которого номен как единица номенклатуры (номенклатурный знак) может быть ограничен от термина как единицы какой-либо терминологии, а именно: «референциальную отнесённость». На базе этого параметра термин традиционно соотносится с понятием, а номен – с предметом: номенам свойственно преобладание предметного значения над понятийным, терминам – наоборот [КОБРИН, ГОЛОВИН, 1987: 17; СРЯ, 1999: 274]. С такой позицией категорически не согласен А.И.Моисеев, полагающий, что с каждым предметом может быть соотнесено своё понятие, в связи с чем «и всё учение о различии терминологии и номенклатуры в значительной мере обесценивается, будучи лишённым серьёзных оснований». Не противопоставляя, таким образом, понятия терминологии и номенклатуры, он условно подразделяет термины на понятийно ориентированные и предметно ориентированные [МОИСЕЕВ, 1970: 132–133].

Однако понятиям и предметам свойствен различный уровень абстракции. Поэтому основной вопрос, возникающий в связи с таким членением специализированной лексики, состоит, на наш взгляд, в следующем: какой степенью научной или технической абстракции должна обладать та или иная специальная единица номинации, с тем, чтобы можно было отнести её к разряду понятийно или предметно ориентированной терминологии? Несомненно, что чем более абстрактен номинируемый объект, тем большей степенью абстракции обладает, во-первых, соответствующее этому объекту понятие, и во-вторых, сама номинирующая это понятие языковая единица. Для предметно ориентированной терминологии характерна минимальная степень абстракции или же в ряде случаев практически полное её отсутствие (как следствие денотативного характера семантики), для понятийно ориентированной, напротив, максимальная (как следствие сигнификативного характера семантики) (ср.: [КУЗЬМИН, 1970]). Термины, как считается, связаны именно с абстрактными научными и техническими понятиями (причём с любыми!), так как отражают сущность объектов в отвлечении от самих реальных объектов и существуют, как пишет В.М. Лейчик, собственно, именно для этого [ЛЕЙЧИК, 1974: 16]⁵⁶. Поэтому говорить о их предметной ориентированности в том же объёме, как это принято в отношении поня-

⁵⁶ Ср.: «Лингвистика не должна заниматься словами (именами) – по крайней мере как прямыми соответствиями предметам окружающей реальности. Это соответствие есть – но оно осуществляется посредством понятий...» [КУРДЮМОВ]; «Предметом науки является реальный мир в своей объективной данности, который осваивается ею в понятийных формах» [БРАНДЕС, 1988: 92].

тийной ориентированности, не приходится. Номенклатурные же единицы соотносятся с абстрактными понятиями в гораздо меньшей степени, чем собственно термины, и в первую очередь актуализируют именно предметную (внешнюю) сторону исследуемого объекта, а не его основные ингерентные признаки (при этом в основу номинации может быть положен не основной, а иногда и вообще случайный признак). Характерным в связи с этим утверждением является высказывание А.А. Реформатского о том, что термин называет понятие науки, а номен – этикует её объект [РЕФОРМАТСКИЙ, 1961: 47]. Расхожим примером в этом отношении служат лингвонимы. Ср., к примеру, термин *язык* и лингвоним *английский язык*, не имеющий терминологического статуса и рассматриваемый как номенклатурное обозначение, которое можно трактовать как с морфологической («флективный язык аналитического строя»), так и с генеалогической («язык западногерманской подгруппы германской группы индоевропейских языков») точки зрения.

Приданье номену статуса термина едва ли целесообразно ещё и потому, что термин и номен являются единицами иерархических систем, выстроенных по разным принципам. Термин, как известно, «является частью терминологической системы» и «к нему применима классифицирующая дефиниция *per genus proximum et differentiam specificam* (через ближайший род и видовое отличие)» [АХМАНОВА, 1990: 509]. Внутри этой системы иерархические взаимоотношения выстраиваются согласно схеме «родовое понятие □ видовое понятие». Номенклатурные знаки в отличие от терминологических «сопоставляются по иерархии не с любым абстрактным понятием, а только с таким, которое является показателем класса... входит в систему особого рода. В самом общем виде такая система относится к типу простейших и представляет собой перечисление однородных понятий, лежащих на одном уровне абстракции и отражающих классы однородных предметов» [ЛЕЙЧИК, 1974: 20-21]. Отсюда В.М. Лейчик делает естественный вывод о том, что номенклатурный знак соотносится с понятием не на основе родовидовых отношений, поскольку для номена, говоря словами Т.Л. Канделаки, «определение через ближайший род и видовое отличие построить невозможно, так как для него можно указать ближайшее родовое понятие, но нельзя указать видовое отличие, выделяющее его из среды соподчинённых понятий» [КАНДЕЛАКИ, 1970: 8-9].

Ещё одна причина, по которой неправомерно, по нашему мнению, придавать номенам терминологический статус, связана с тем, что однопорядковые номены (единицы одного номенклатурного класса) отличаются друг от друга «не признаком – видовым отличием, а своим набором ряда иногда разнородных признаков (нет единого «основания деления»)» [КАНДЕЛАКИ, 1970: 9]. Отсюда вытекает различие в способах толкования (понятийной презентации) терминов и номенов: для первых характерна дефиниция, для вторых – описание. Дефиницию следует рассматривать как наиболее важный и существенный компонент определения термина, а дефинитивность – как один из онтологически присущих термину категориальных признаков, ибо вне системы определений нет и системы терминов [АХМАНОВА, ТЕР-МКРТИЧАН, 1976]. Дефиниция «отражает не обычное, обиходное восприятие значения..., а строго научные классификационные признаки термина» [ЭРЯ, 1998: 495], т.е. является «выражением тех специфических особенностей, которые отличают данное понятие от смежных с ним, перечислением существенных признаков дефинируемого предмета, явления, которые репрезентируют понятие» [СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 162], в то время как описание у номена представляет собой, по сути, развернутую характеристику

описываемого предмета, содержащую его индивидуальные признаки [БЕРЕЗНИКОВА, 1976: 88].

Попытки решить вопрос о статусе номена, отделяя его от собственно терминологии или объединяя его с ней, как видим, в известной мере связаны с проблемой типологии терминов. В ряде работ, упоминавшихся выше, термины принято делить на понятийно и предметно отнесённые, выделяя при этом номены в отдельный номинативный класс (З.И. Комарова и др.) или вообще не признавая их существования в рамках специальной лексики (А.И. Моисеев и др.). В русле последнего подхода номенклатура может рассматриваться как совокупность терминов, взятых в денотативной функции, а терминология – как совокупность терминов в денотативной и сигнификативной функциях [РЕЙЦАК, 1973: 86]. Естественно, эти два типа терминов будут отличаться друг от друга в плане отношения к понятию, но при этом они, согласно данной точке зрения, будут сохранять за собой основные признаки, присущие терминологии: нормативность, иерархическую структурированность и дефинируемость.

Границы между терминологическими и номенклатурными знаками внутри метаязыка весьма размыты и подвижны [ВАСИЛЬЕВА, 1998: 560; СРЯ, 1999: 274]. С одной стороны, «любой номенклатурный знак, сколь бы он ни был ограничен в своём использовании, может приобрести более общий характер, если аналогичные явления будут обнаружены в других языках или если в первоначально узких названиях обнаружится более общее универсальное содержание, тогда номенклатурный знак становится термином, выражющим соответствующее научное понятие» [АХМАНОВА, 1990: 509]. С другой стороны, «до подыскания верного, системно организованного термина его роль может выполнять номен как не имеющий точной и непосредственной связи с понятием, но легко обнаруживающий связь «имя – предмет», «имя – явление»» [СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 35]. Поэтому, признавая в принципе необходимость различия терминов и номенов как единиц специальной номинации, имеющих разную степень терминологичности, мы признаём также и факт тесного взаимодействия между ними, без которого невозможно динамичное развитие метаязыка в целом.

Различие терминов и номенов может производиться на основании критериев (признаков), которые могут быть выявлены на основании анализа работ В.М. Лейчика [ЛЕЙЧИК, 1974: 20–21], С.Д. Шелова [ШЕЛОВ, 1984: 30] и других терминологов. К таким критериям могут быть отнесены: 1) соотнесение номенов с понятиями, являющимися показателями классов, но не родовидовых отношений, через термин и функционирование в специальной коммуникации в силу существования соответствующих терминов; 2) принадлежность к такой системе, которая относится к числу простейших и представляет собой перечисление однородных понятий с одинаковым уровнем абстракции, отражающих классы однородных предметов; 3) принадлежность к низшему звену специальной лексики, понимаемому и воспринимаемому только в непосредственной связи с другими терминологическими единицами. К этим трём признакам номенов З.И. Комарова добавляет ещё два: 1) репрезентацию через имя собственное или же посредством лексической единицы, занимающей промежуточное положение между именем собственным и термином; 2) выраженную денотативность и конвенциональность как результат искусственной номинации, предназначеннной для наименования специальной деятельности человека. Хотя все эти критерии, по её словам, «и не обладают достаточно большой диагностирующей силой, но... всё же дают возможность выделить номенклатуру в специальной лексике» [КОМАРОВА, 1991: 8–9].

В заключение представляется важным отметить, что в лексикографической (терминографической) практике различие в статусе термина и номена находит своё выражение в том, что номены отсутствуют в терминологических словарях-справочниках, встречаясь лишь специализированных лексикографических работах энциклопедического типа. Исключение составляют в известных случаях словари-справочники учебной направленности [КУЛИКОВА, САЛМИНА, 2002: 15].

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

4.1. Системный аспект исследования фонетико-метрической терминологии

В предыдущем разделе настоящей работы уже говорилось о системности как признаке, присущем терминологии в целом и образующим её терминосистемам в частности. Данный признак в полной мере реализуется в приложении к фонетико-метрическим терминам, так как базируется на выделенных Д.С. Лотте принципах, соблюдение которых, с его точки зрения, и обеспечивает строгую системно ориентированную таксономию в терминологии. К этим принципам Д.С. Лотте относит следующие: 1) классификация понятий как основа любой терминологической системы, 2) выделение терминируемых признаков и понятий на основе классификационных схем, 3) выявление общих и специфических признаков понятий и их отражение терминологическими средствами [ЛОТТЕ, 1961^a: 10].

Весь выбранный терминологический массив насчитывает 11287 терминологических единиц на шести языках (латинском (1973), древнегреческом (971), русском (2105), английском (2112), немецком (2355) и французском (1771)). Большую его часть формируют термины и терминологические словосочетания, связанные с версификацией и метрикой, несколько меньшую – с фонетикой (не фонологией!).

Метрическая терминология включает в себя термины, относящиеся к сравнительной метрике, различным системам стихосложения (метрической, тонической, силлабической, силлабо-тонической), видам и типам стиха, определяющим стиха (анакрузы, клаузулы, цезуры), теории и классификации рифмы, просодии, ритмике и синтаксису стиха, строфическому членению стиха и т.д.

Фонетическая терминология, исследуемая в рамках данной работы, служит правильному пониманию метрической терминологии. В терминологический массив включены термины, которыми оперирует историческая фонетика (история языка), практическая фонетика, в частности, приводится терминология, используемая для классификации гласных и согласных звуков в зависимости от принципов, которые кладутся в основу при анализе систем вокализма и консонантизма, терминология, номинирующая разновидности дополнительной артикуляции звуков, звуковые процессы и звуковые законы, а также термины, применяемые при анализе сегментных и супрасегментных средств и т.д.

В количественном отношении все термины и терминологические словосочетания представлены в следующих приблизительных пропорциях:

Терминология	Количество терминов	
	в абсолютном выражении	в относительном выражении
Метрическая терминология	6321	56%
Фонетическая терминология	4966	39,5%

Разумеется, не во всех случаях терминология однозначно могла быть распределена по двум указанным выше разделам, так как значительная её часть семантически и функционально амбивалентна и может относиться как к метрике, так и к фонетике⁵⁷. Тесная взаимосвязь фонетической и метрической терми-

⁵⁷ Об интерференции в сфере терминологических номинаций лингвистики и поэтики, возникающей вследствие тесных родственных связей этих отраслей гуманитарной науки, см., к примеру, в [ЕÖРУ, 1987: 340].

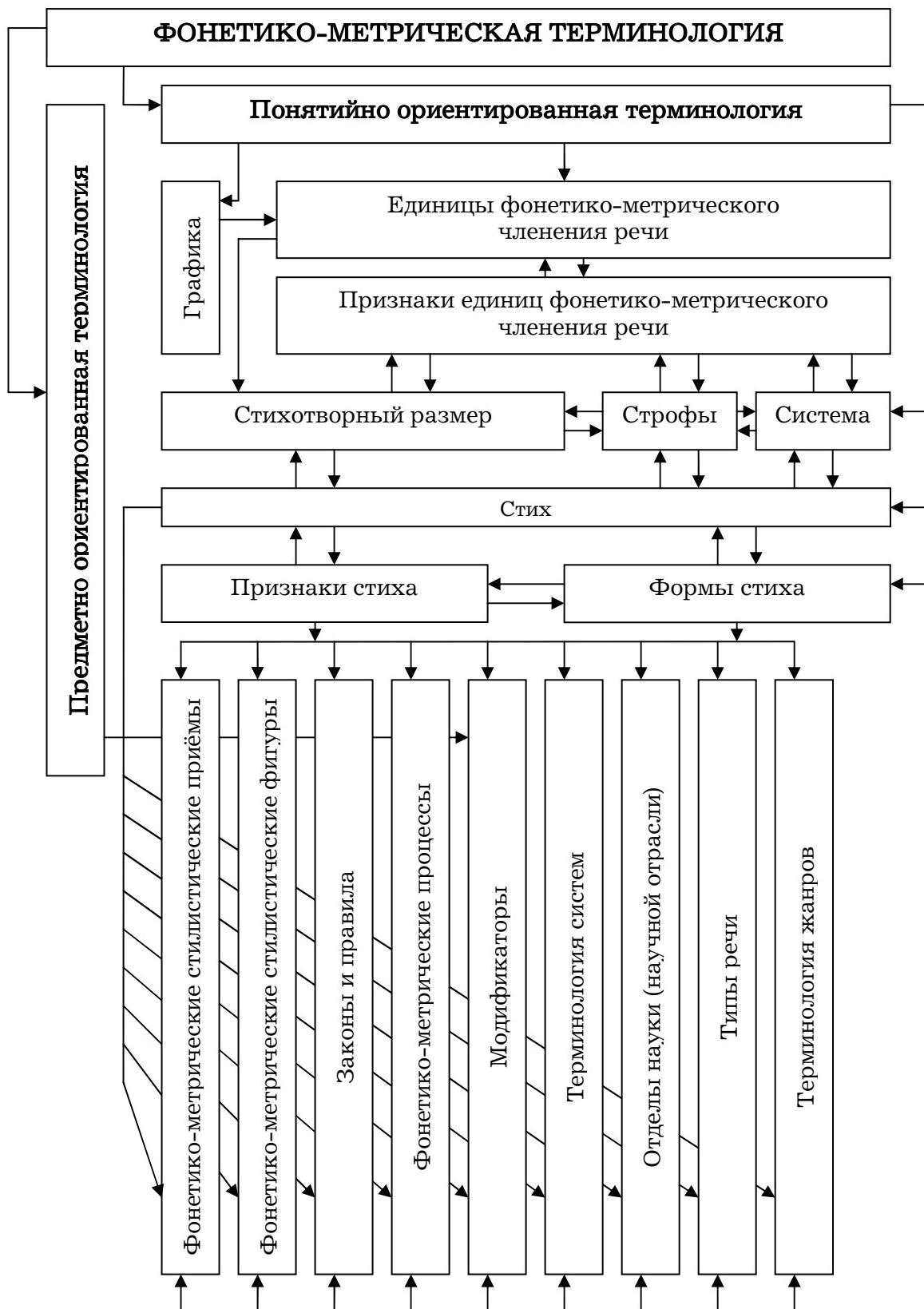
нологии в аспекте плана содержания и плана выражения свидетельствует о той роли, которую сыграли метрические изыскания античных лингвистов в становлении и развитии фонетики как науки. Терминологические примеры такой взаимосвязи приводятся ниже⁵⁸.

Примеры: лат. *vocalis anceps* – греч. φωνὴ αδιάφορα (~ μεταπτωτική) – русск. гласный обьюдный (~ изменяющийся) – англ. *common (ambivalent) vowel* – нем. *mittellanger (schwankender) Vokal* – франц. *voyelle commune*; лат. *vocalis brevis* – греч. φωνὴ βραχεῖα, φθόγγος βράχυς – русск. гласный краткий – англ. *short vowel* – нем. *Kurzvokal, kurzer Vokal* – франц. *voyelle brève* (~ courte); лат. *vocalis longa* – греч. φωνὴ μακρά, φθόγγος μακρός – русск. гласный долгий – англ. *long vowel* – нем. *Langvokal, langer Vokal* – франц. *voyelle longue*; лат. *syllaba anceps* – греч. σύλλαβὴ κοινή (~ μέση, ~ ἀμφιδόξα) – русск. слог обьюдный (~ изменяющийся) – англ. *common (ambivalent) syllable* – нем. *mittellange (schwankende) Silbe, Ambivalenz* – франц. *syllabe commune*; лат. *syllaba brevis* – греч. σύλλαβὴ βραχεῖα – русск. слог краткий – англ. *short syllable* – нем. *kurze Silbe, Kurzsilbe* – франц. [syllabe] *brève*; лат. *syllaba brevis* [ex] *natura* – греч. σύλλαβὴ βραχεῖα (τῇ) φύσει – русск. слог краткий по природе – англ. *syllable short by nature* (~ naturally short) – нем. *naturkurze (von Natur [aus] kurze) Silbe* – франц. [syllabe] *brève par nature* (~ d'après la nature); лат. *syllaba longa* – греч. σύλλαβὴ μακρά – русск. слог долгий – *long syllable* – нем. *lange Silbe, Langsilbe* – франц. [syllabe] *longue*; лат. *syllaba longa* [ex] *natura* – греч. σύλλαβὴ μακρὰ (τῇ) φύσει – русск. слог долгий по природе – англ. *syllable long by nature* (~ naturally long) – нем. *naturlange (von Natur [aus] lange) Silbe* – франц. [syllabe] *longue par nature* (~ d'après la nature); лат. *syllaba longa* [ex] *positione* – греч. σύλλαβὴ μακρὰ (τῇ) θέσει – русск. слог долгий по положению – англ. *syllable long by position* – нем. *positions lange (nach Übereinkunft lange) Silbe* – франц. [syllabe] *longue par position* (~ d'après la position).

Выявление общих и специфических признаков понятий возможно не только на межсистемном (к примеру, фонетико-метрическом), но и внутрисистемном уровне, когда термины могут входить сразу в несколько микротерминов. Такого рода случаи взаимопроникновения весьма широко представлены в анализируемом терминологическом массиве, в частности, в метрике.

Пример: лат. *versus Lesbiacus* (~ *Lesbius*, ~ *Lesbous*, ~ *Sapphicus*), *Sapphicus, stropha (strophe) Sapphica, metrum Lesbiacum* (~ *Lesbium*, ~ *Lesboum*, ~ *Sapphicum*), *systema Sapphicum, pes Lesbiacus* (~ *Lesbous*, ~ *Lesbius*) – греч. στίχος Λέσβιος (~ Σαπφικός), στροφὴ Σαπφική, μέτρον Λέσβιον (~ Σαπφικόν), σύστημα Σαπφικόν, ποὺς Λέσβιος – русск. стих лесбосский (~ лесбийский, ~ сапфический), строфа сапфическая, размер сапфический (~ лесбосский, ~ лесбийский), система сапфическая, стопа лесбосская (~ лесбийская) – англ. *lesbian verse, Sapphic [verse], Sapphic strophe* (~ stanza), *lesbian (Sapphic) meter, Sapphic system, lesbian foot* – нем. *lesbischer (sapphischer) Vers, Sapphikus, Sapphicus, sapphische Strophe, lesbisches (sapphisches) Versmaß* (~ Metrum), *sapphisches System, lesbischer (Vers)fuß* – франц. *vers lesbien* (~ sa(p)phique), *sa(p)phique, strophe sa(p)phique, mètre lesbien* (~ sa(p)phique), *système sa(p)phique, pied lesbien*.

⁵⁸ Здесь и далее мы будем пользоваться терминологическим материалом, представленным в нашем «Словаре фонетико-метрической терминологии» [ИВАНОВ, 2005].

Как видим, приводимый в качестве примера термин *стих лесбосский* одновременно может входить сразу в несколько терминологических подсистем: 1) микросистема «стопа», 2) микросистема «размер», 3) микросистема «строфа», 4) микросистема «система», 5) микросистема «стих». Ввод этой терминологии во все пять микросистем, несомненно, оправдан со структурной и семантической точек зрения, ибо позволяет проследить возникающие взаимосвязи, однако он существенно увеличивает объём анализируемого терминологического массива. Поэтому целесообразнее проиллюстрировать эти отношения при помощи соответствующей схемы, которая даётся выше.

На этом этапе исследования терминологический массив был проанализирован также на предмет выявления денотативно и сигнификативно ориентированного характера семантики терминологических единиц. Исследование позволило установить, что практически вся фонетико-метрическая терминология является понятийно ориентированной⁵⁹. Исключение составляет лишь один термин из области метрики, являющийся безусловно предметно ориентированным вследствие выраженного денотативного характера своей семантики (имеется в виду его прямая соотнесённость с книгой-словарём или с частью книги [НЕМЧЕНКО, 1994: 168]):

Пример: лат. *Dictionarium (dictionarius) rhythmatum* – русск. словарь рифм – англ. *rhyiming dictionary, dictionary of rhymes* – нем. *Reimwörterbuch, Reimlexikon* – франц. *dictionnaire des rimes*.

Несмотря на исчезающее малую долю предметно-ориентированной терминологии, она тем не менее также нашла своё отражение в приводимой таксономической схеме.

Упрощённая схематическая презентация системных отношений в фонетико-метрической терминологии не даёт исчерпывающей информации о понятийных особенностях всех терминологических единиц, формирующих метаязык этих отраслей лингвистики. По этой причине исследуемый терминологический корпус был полностью систематизирован, и внутри фонетико-метрической макротерминосистемы были выделены понятийно ориентированные микросистемы терминов с соответствующим организующим центром.

- А. Предметно-ориентированная терминология.
- Б. Понятийно-ориентированная терминология.
- І. Графика.
 - 1.1. Графические процессы.
 - 1.2. Графические знаки.
 - 1.2.1. Символьные знаки (недиакритические).
 - 1.2.2. Символьные знаки (диакритические).
 - 1.2.3. Буквенные знаки.
 - 1.2.3.1. Общие буквенные знаки (для гласных и согласных).
 - 1.2.3.1.1. Однобуквенные знаки.
 - 1.2.3.1.2. Двухбуквенные знаки.
 - 1.2.3.1.3. Трёхбуквенные знаки.
 - 1.2.3.1.4. Четырёхбуквенные знаки.
 - 1.2.3.2. Однобуквенные знаки.
 - 1.2.3.2.1. Гласные.

⁵⁹ Понятийную ориентированность мы *sub silentio* принимаем за основополагающий семантический признак фонетико-метрической терминологии и в дальнейшем не будем возвращаться к обсуждению этого вопроса.

1.2.3.2.2. Согласные.

1.2.3.3. Двухбуквенные знаки.

1.2.3.3.1. Гласные.

1.2.3.3.2. Согласные.

1.2.3.4. Трёхбуквенные знаки.

1.2.3.4.1. Гласные.

1.2.3.4.2. Согласные.

1.3. Способ записи.

1.3.1. Способ записи символьными знаками.

1.3.2. Способ записи графическими знаками.

1.4. Номенклатура буквенных знаков.

II. Единицы фонетико-метрического членения речи.

2.1. Звукотипы.

2.1.1. Звукотип согласный простой.

2.1.1.1. Классификация по способу образования.

2.1.1.2. Классификация по месту образования.

2.1.1.3. Классификация по участию голоса (голосовых связок).

2.1.1.4. Классификация по активному органу артикуляции.

2.1.1.5. Классификация по функции.

2.1.1.6. Классификация по воздействию фонетических процессов (по вторичным артикуляционным признакам).

2.1.2. Звукотип согласный сложный.

2.1.3. Звукотип гласный простой.

2.1.3.1. Классификация по количественным признакам.

2.1.3.2. Классификация по качественным признакам.

2.1.3.2.1. Классификация по акцентному признаку.

2.1.3.2.2. Классификация по степени подъёма языка.

2.1.3.2.3. Классификация по признаку открытости/закрытости.

2.1.3.2.4. Классификация по ряду.

2.1.3.2.5. Классификация по степени напряжённости.

2.1.3.3. Классификация по участию органов артикуляции (по положению нёбной занавески).

2.1.3.4. Классификация по воздействию фонетических процессов (по вторичным артикуляционным признакам).

2.1.3.5. Классификация по функции.

2.1.3.6. Классификация по положению в слове.

2.1.4. Звукотип гласный сложный.

2.1.4.1. Дифтонги.

2.1.4.2. Трифтонги.

2.1.4.3. Тетрафтонги.

2.1.5. Звукотип переходный.

2.2. Слоги.

2.2.1. Классификация по количественным признакам.

2.2.2. Классификация по качественным признакам.

2.2.2.1. Классификация по акцентному признаку.

2.2.2.2. Классификация по признаку открытости/закрытости.

2.2.3. Классификация по отношению к метрической схеме стиха.

2.2.4. Классификация по положению в слове.

2.3. Стопы (как совокупность двух и более слогов).

2.3.1. Классификация по количественным признакам.

- 2.3.1.1. Стопы двусложные.
 - 2.3.1.2. Стопы трёхсложные.
 - 2.3.1.3. Стопы четырёхсложные.
 - 2.3.1.4. Стопы пятисложные.
 - 2.3.1.5. Стопы шестисложные.
 - 2.3.1.6. Стопы пятнадцатисложные.
 - 2.3.2. Классификация по качественным признакам.
 - 2.3.3. Классификация по функции.
 - 2.3.3.1. Стопы самостоятельные.
 - 2.3.3.1.1. Стопы самостоятельные двусложные.
 - 2.3.3.1.2. Стопы самостоятельные трёхсложные.
 - 2.3.3.1.3. Стопы самостоятельные четырёхсложные.
 - 2.3.3.1.4. Стопы самостоятельные пятисложные.
 - 2.3.3.1.5. Стопы самостоятельные шестисложные.
 - 2.3.3.1.6. Стопы самостоятельные пятнадцатисложные.
 - 2.3.3.2. Стопы несамостоятельные (заместительные).
 - 2.3.3.2.1. Стопы несамостоятельные двусложные.
 - 2.3.3.2.2. Стопы несамостоятельные трёхсложные.
 - 2.3.3.2.3. Стопы несамостоятельные четырёхсложные.
 - 2.3.3.2.4. Стопы несамостоятельные пятисложные.
 - 2.3.4. Стопы с нарушенной слоговой структурой.
 - 2.3.5. Полустопы.
 - 2.4. Подии (как совокупность двух и более стоп).
 - 2.5. Колоны.
 - 2.6. Период.
- III. Признаки единиц фонетико-метрического членения речи.
- 3.1. Количественные признаки.
 - 3.2. Качественные признаки.
- IV. Стихотворные размеры.
- 4.1. Классификация по количественным признакам.
 - 4.1.1. Классификация по количеству слогов.
 - 4.1.1.1. Односложные.
 - 4.1.1.2. Двусложные.
 - 4.1.1.3. Трёхсложные.
 - 4.1.1.4. Четырёхсложные.
 - 4.1.1.5. Пятисложные.
 - 4.1.1.6. Шестисложные.
 - 4.1.1.7. Семисложные.
 - 4.1.1.8. Восьмисложные.
 - 4.1.1.9. Девятисложные.
 - 4.1.1.10. Десятисложные.
 - 4.1.1.11. Одиннадцатисложные.
 - 4.1.1.12. Двенадцатисложные.
 - 4.1.1.13. Тринадцатисложные.
 - 4.1.1.14. Пятнадцатисложные.
 - 4.1.1.15. Шестнадцатисложные.
 - 4.1.1.16. Сверхсложные.
 - 4.1.2. Классификация по количеству стоп.
 - 4.1.2.1. Одностопные.
 - 4.1.2.2. Двустопные.

- 4.1.2.3. Трёхстопные.
- 4.1.2.4. Четырёхстопные.
- 4.1.2.5. Пятистопные.
- 4.1.2.6. Шестистопные.
- 4.1.2.7. Семистопные.
- 4.1.2.8. Восьмистопные.
- 4.2. Классификация по качественным признакам.
- V. Строфы.
- 5.1. Классификация по количественному признаку (по количеству строк).
- 5.2. Классификация по структурному признаку.
- 5.3. Классификация по отнесённости к литературно-поэтическому жанру.
- VI. Стих.
- 6.1. Классификация по количественным признакам.
- 6.1.1. Классификация по количеству слогов.
- 6.1.1.1. Односложный стих.
- 6.1.1.2. Двусложный стих.
- 6.1.1.3. Трёхсложный стих.
- 6.1.1.4. Четырёхсложный стих.
- 6.1.1.5. Пятисложный стих.
- 6.1.1.6. Шестисложный стих.
- 6.1.1.7. Семисложный стих.
- 6.1.1.8. Восьмисложный стих.
- 6.1.1.9. Девятисложный стих.
- 6.1.1.10. Десятисложный стих.
- 6.1.1.11. Одиннадцатисложный стих.
- 6.1.1.12. Двенадцатисложный стих.
- 6.1.1.13. Тринадцатисложный стих.
- 6.1.1.14. Пятнадцатисложный стих.
- 6.1.1.15. Сверхсложный стих.
- 6.1.2. Классификация по количеству стоп.
- 6.1.2.1. Одностопный стих.
- 6.1.2.2. Двустопный стих.
- 6.1.2.3. Трёхстопный стих.
- 6.1.2.4. Четырёхстопный стих.
- 6.1.2.5. Пятистопный стих.
- 6.1.2.6. Шестистопный стих.
- 6.1.2.7. Семистопный стих.
- 6.1.2.8. Восьмистопный стих.
- 6.1.3. Классификация по количеству строк.
- 6.1.3.1. Однострочный стих.
- 6.1.3.2. Двусторочный стих.
- 6.1.3.3. Трёхстророчный стих.
- 6.1.3.4. Четырёхстророчный стих.
- 6.1.3.5. Пятистророчный стих.
- 6.1.3.6. Шестистророчный стих.
- 6.1.3.7. Семистророчный стих.
- 6.1.3.8. Восьмистророчный стих.
- 6.1.3.9. Девяностророчный стих.
- 6.1.3.10. Десятистророчный стих.
- 6.1.3.11. Одиннадцатистророчный стих.

6.1.3.12. Двенадцатистрочный стих.

6.2. Классификация по качественным признакам.

6.2.1. Стихи с неоднородной или нарушенной метрико-строфической структурой.

6.2.2. Стихи с ненарушенной метрико-строфической структурой.

6.3. Классификация по фонетическому признаку.

6.4 Классификация по фонетико-семантическому признаку.

6.5. Классификация по стилистико-семантическому признаку.

6.6. Классификация по отнесённости к литературно-поэтическому жанру.

6.7. Классификация по отнесённости к системам версификации.

6.8. Классификация по физической протяжённости (безотносительно к количеству составляющих его слов и строк).

VII. Система (как ритмическое единство, в ряде случаев приравниваемое к строфе или стилю).

VIII. Признаки стиха (ритмико-метрические, акцентные, строфические).

IX. Форма стиха.

X. Средства метрической и композиционно-строфической модификации стихотворного произведения (модификаторы)⁶⁰.

10.1. Метрические модификаторы.

10.1.1. Анакруза.

10.1.2. Эпикруза.

10.1.3. Клаузула.

10.1.4. Цезура и пауза.

10.2. Фонетические модификаторы.

10.2.1. Мелодические модификаторы (мелодика, движение тона, процессы и объекты, связанные с мелодикой как компонентом интонации).

10.2.2. Темпо-ритмические модификаторы (темп, ритм, ударение, процессы и объекты, связанные с темпом, ритмом и ударением как компонентами интонации).

10.3. Ритмико-синтаксические фигуры.

10.4. Композиционно-строфический модификатор.

10.4.1. Рифма.

10.4.1.1. Классификация по фонетическому признаку (по звуковым повторам).

10.4.1.2. Классификация по структурному (композиционному) признаку (по окончаниям строк).

10.4.1.3. Классификация по орографическому признаку (по внешним признакам).

XI. Фонетико-метрические стилистические приёмы.

XII. Фонетико-метрические стилистические фигуры.

XIII. Законы и правила.

13.1. Законы.

13.2. Правила.

⁶⁰ Средства модификации стихотворного произведения имеют и другое название – *определители стиха*. Данный термин введен в терминосистему стихосложения В.М. Жирмунским. Определители стиха он членит на метрические (анакрузы, эпикрузу, клаузулы, цезуры) и ритмические (отклонения в наличном составе и расположении ударений, сила ударений, расположение словоразделов, ритмико-синтаксические фигуры) [ЖИРМУНСКИЙ, 1975: 116 и след.]. Ритмико-синтаксические фигуры мы рассматриваем в качестве отдельного модификатора.

XIV. Фонетико-метрические процессы.

14.1. Комбинаторные фонетико-метрические процессы и явления.

14.2. Позиционные фонетико-метрические процессы и явления.

14.3. Прочие фонетико-метрические процессы и явления⁶¹.

14.4. Дополнительные (вторичные) артикуляционные процессы.

XV. Типы речи.

15.1. Прозаическая речь.

15.2. Стихотворная речь.

15.3. Способы реализации речи.

XVI. Литературно-поэтические жанры.

XVII. Терминология систем.

17.1. Фонетические системы (системы звукотипов).

17.2. Совокупность основных принципов и правил в системном изложении.

XVIII. Отделы науки (научной отрасли).

4.2. Структурно-типологический аспект исследования единиц фонетико-метрической терминологии

4.2.1. Критерии морфологического анализа однословных терминологических единиц

Исследование структуры терминологии фонетики и метрики предполагает установление способов словообразования, как аффиксальных, так и безаффиксных, учёт количества компонентов, образующих терминологическую единицу, и характер связи между ними. На этих основаниях та или иная терминологическая единица может быть отнесена к определённому разряду терминологической лексики.

Идентификация терминологии производится сообразно функционально-семантическому критерию. Необходимость использования функциональных и семантических признаков терминов и формирующих их компонентов в процессе идентификации обусловлена тем, что в исследуемых языках один и тот же компонент термина может рассматриваться, с одной стороны, в качестве префикса (на каком основании данный термин может быть отнесён к разряду простой производной терминологии), а с другой – в качестве именной, наречной или глагольной основы (в этом случае данный термин может считаться сложным словом). Ниже приводятся наиболее характерные примеры, иллюстрирующие разнообразие точек зрения лингвистов по интересующему нас вопросу.

1) Такие компоненты терминологических единиц, как *panto-*, *acro-* и т.п. в греческом языке представляют собой первые элементы словосложений, так как выражены именными основами и наречиями (греч. *παντο-* < *παντός* (род. пад. ед. ч.) < *πᾶς*; греч. *акро-* < *ἄκρος*), сохраняющими свои семантические признаки в рамках сложного термина в языке-источнике, в то время как в языках-реципиентах семантика этих компонентов зачастую не выводима напрямую из семантики эквивалентных лексических единиц языка-источника. По этой причине эти начальные компоненты слов приобретают в современных заимствую-

⁶¹ Данная группа терминов номинирует: 1) фонетико-метрические процессы и явления исторического характера, которые затруднительно однозначно квалифицировать как комбинаторные или позиционные, так как на разных этапах становления и развития языка они могут выступать то в одном, то в другом качестве, 2) грамматические процессы и явления, находящиеся среди прочего, выражение на фонетическом уровне.

цих языках статус префиксов (например, в английском языке [NEW WEBSTER, 1989: XXVII-XXIX]).

2) Представляет интерес также структурный и функционально-семантический статус терминологического элемента *hemi-* (ἡμι-). А.Ч. Козаржевский относит его к разряду «самостоятельно не существующих частиц», выступающих в функции префиксов [КОЗАРЖЕВСКИЙ, 1993: 167]. В то же время в греко-русском словаре А.Д. Вейсмана *hemi-* (ἡμι-) представлено в качестве компонента сложных слов [ВЕЙСМАН, 1991: 587]. В отношении русского языка (*геми-*) сходную точку зрения занимают составители СИС [СИС, 1989: 119]. Латинские или латинизированные эквиваленты *hemi-* (ἡμι-) и *semi-* (< *semis* ‘половина’ [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 915]) и *demi-* (< ср.-лат. *dīmedius* «что-л., имеющее половинный размер, длину и т.п.» < лат. *dīmidius* «половинный» [ДВОРЕЦКИЙ, 1976: 329; Ноад, 1996: 118, 428]), согласно цитируемым источникам, выступают в префиксальной функции. В ряде современных европейских языков *hemi-*, *semi-*, *demi-* также рассматриваются в качестве префиксов [NEW WEBSTER, 1989: XXVII-XXIX; ФРСАТ, 1998: 287].

Иная точка зрения существует, однако, в отношении статуса исконных эквивалентов этих греко-латинских элементов, равноценных греко-латинским заимствованиям с семантической точки зрения. К ним относятся *полу-* в русском, *Halb-* в немецком и *half* в английском языке. Согласно мнению авторов «Русской грамматики», лексические единицы, содержащие компонент *полу-*, представляют собой словосложения «с опорным компонентом, содержащим основу существительного» [РГ, I, 1980: 249] (ср. тж.: [ОЖЕГОВ, 1985: 481]). То же мнение, но в отношении немецкого *Halb-*, отстаивают авторы ССЭНЯ и БНРС, рассматривающие этот начальный элемент в качестве «первого продуктивного частотного компонента сложных существительных» со значением неполноты [ССЭНЯ, 1979: 188; БНРС, 1998, I: 587], поскольку сдвиг значения у него по сравнению с соотносимой свободной лексической единицей («*die Halbe*» – «половина») очень слаб или же отсутствует вообще [СТЕПАНОВА, 1979: 531]. В английском языке – принимая во внимание словообразовательные особенности этого языка – все лексические образования с начальным компонентом *half*- могут рассматриваться как словосложения. Это связано с тем, что структурно и семантически *half* как начальный компонент словосложений и соотносимая с ним свободная лексическая единица (будь то прилагательное или существительное, представляющие собой лексико-грамматические омонимы) совершенно идентичны [НБАРС, 1993, II: 95-96].

При анализе излагаемых выше точек зрения на статус терминологических элементов *hemi-* (ἡμι-), *semi-*, *demi-* следует вывод о том, что греко-латинские заимствования в современных языках не могут выступать в качестве компонентов сложных слов, в то время как их семантически равнозначные исконные эквиваленты *полу-*, *Halb-*, *half*- не могут выступать частью лексических единиц, относимых к разряду простой производной терминологии. Таким образом, анализ различий в словообразовательном статусе синонимичных исконных и заимствованных терминологических элементов в исследуемых языках оставляет впечатление нерешённости обсуждаемой проблемы.

3) Что касается терминоэлемента *homo-* (ὁμο-), то его этимология связывается с полнозначным словом *ὁμός*, т.е. «равный, одинаковый, тот же самый» [ВЕЙСМАН, 1991: 883]. Это обстоятельство, если принять точку зрения М.Д. Степановой, на первый взгляд побуждает нас отнести данный элемент к начально-му компоненту словосложений (по крайней мере в греческом языке, поскольку в значении этого терминологического элемента практически отсутствует семантический сдвиг), как это делают, скажем, составители НБАРС и СИС в отношении

английского (*homo-*) и русского (*гомо-*) языков [НБАРС, 1993, II: 166; СИС, 1989: 140]. Однако ССЭНЯ под ред. М.Д. Степановой относит *Hom(o)-* в рамках немецкого словообразования к разряду нечастотных заимствованных префиксов существительных [ССЭНЯ, 1979: 222]. В английском словообразовании на этих же позициях в отношении *homo-* стоят авторы «New Webster's Dictionary» и А.С. Хорнби [HORNBY, 1982, II: 508-511; NEW WEBSTER, 1989: XXVIII]. А.Ч. Козаржевский, исследуя инвентарь словообразовательных средств греческого языка, также причисляет данный элемент к разряду «самостоятельно не существующих частич», выступающих в функции префиксов [КОЗАРЖЕВСКИЙ, 1993: 167].

4) Особый интерес с позиций словообразования вызывают термины, содержащие указания на количество. Греческий язык, а за ним и латынь – как вторичный источник заимствуемой терминологии и терминологических элементов – предоставляют свой элементарный словообразовательный инвентарь в распоряжение современных языков: *tomo-* (*μόνο-*), *di-* (*δι-*), *tri-* (*τρι-*), *tetra-* (*τετρα-*), *quadri-*, *pen-ta-* (*πέντα-*), *hexa-* (*έξα-*), *hepta-* (*έπτα-*) и т.п. Все они семантически соотнесены с соответствующими числительными. Поэтому применительно к греческому языку А.Ч. Козаржевский предлагает считать сложными словами лексические единицы с перечисленными начальными элементами, например: *μόν(o)-άρχος* ('монарх') = *μόν(o)ς ἄρχος* ('один вождь') [КОЗАРЖЕВСКИЙ, 1993: 167]. С.И. Ожегов, составители НБАРС и СИС в отношении англоязычных терминов аналогичной структуры придерживаются той же позиции [ОЖЕГОВ, 1985; НБАРС, 1993, I: 561; II: 139, 144, 469, 659, 817; III: 474, 562; СИС, 1989: 328, 352, 380, 506]. Авторы ССЭНЯ, ФРСАТ, «New Webster's Dictionary» и А.С. Хорнби, напротив, относят перечисленные терминоэлементы к префиксам [ССЭНЯ, 1979: 105, 201, 209, 314, 340; HORNBY, 1982, II: 508-511; NEW WEBSTER, 1989: XXVIII; ФРСАТ: 1998: 517, 521].

Русская, английская и немецкая исконная терминология, синонимичная терминологии с заимствованными терминоэлементами, выражаяющими количество, традиционно рассматривается как сложная [Вощинина, Молоткова, 1965: 34; РГ, I, 1980: 249; DS, 1983: 253]. Например, russk. *односложный* – моносиллабический, англ. *one-syllable* – *monosyllabic*, *monosyllable*, нем. *einsilbig* – *monosyllabisch*. Такой подход, на наш взгляд, вполне оправдан и в целом не вызывает возражений.

5) При оценке статуса суффиксальных морфем и их роли в формировании терминологии также отсутствует единая точка зрения. Наибольший интерес вызывают частотные терминологические единицы, оканчивающиеся на *-граф* (-ия, -ический), *-лог* (-ия, -ический), *-метр* (-ия, -ический), *-грамм* (-а), *-ика*, традиционно относимые в академической русской лексикологии к словосложениям и сложным суффиксальным образованиям [ГСРЛЯ, 1970: 165; СИС, 1989: 144, 145, 146, 289, 290, 315, 316].

В.М. Лейчик придерживается несколько иной точки зрения на статус терминоэлементов *-метр*, *-логия*, которые, по примеру М.Д. Степановой, стали называть полусуффиксами. «Представляется, что этот вопрос можно было решить так же, как он решён относительно компонентов сложных слов исконного происхождения: если эти компоненты встречаются в простых и производных словах того же языка, причём в том же значении, то лексические единицы, в состав которых они входят, являются сложными словами. Элементы *-лог* и *-логия* не являются корневыми морфемами, не создают простых и производных слов в настояще время, поэтому слова *биология*, *морфология* – производные, а не сложные слова. А, например, элемент *-метр* встречается как корневая морфема в словах *метрика*, *метрический* и поэтому *потенциометр*, *калориметр* – сложные слова...» [ЛЕЙЧИК, 1982: 75].

Согласно третьей точке зрения на функциональный статус элементов -*логия*, -*графия*, -*ика* и т.п., морфологическая членимость терминов с этими элементами, а, следовательно, и приписывание им корневых или аффиксальных свойств, в русском языке в большинстве случаев невозможны, так как эти терминоэлементы универсальны, являясь достоянием всех языков, и не соотносимы с обычными морфемами, которые, напротив, уникальны, что проявляется в их естественном несовпадении в различных языках. «С точки зрения русской грамматики это «морфемоиды» без ясного морфемного статуса и без строгой языковой прикреплённости, и название «терминоэлементы» указывает на их интернациональный характер» [ВАСИЛЬЕВА, 1983: 74].

В отличие от принятого в русистике и разделяемого нами академического подхода, в английской, немецкой и французской лексикологических традициях лексемы с конечными элементами *-gram* (*-gramm*, *-gramme*), *-graphy* (*-graphie*, *-graphie*), *-logy* (*-logie*, *-logie*), *-meter* (*-meter*, *-mètre*), *-metry* (*-metrie*, *-métrie*) принято относить к суффиксальным образованиям в рамках простой производной терминологии [HORNBV, 1982, II: 508–511; NEW WEBSTER, 1989: XXVII–XXXI; ССЭНЯ, 1979; GRAMMAIRE LAROUSSE, 1936: 30–31].

Важным методологическим критерием в ходе структурного анализа терминологической лексики является соблюдение одних и тех же принципов при описании разноязычной эквивалентной лексики. Один только семантический принцип, как показывают приведённые выше примеры, не может в полной мере способствовать идентификации терминологических единиц с точки зрения их принадлежности к тому или иному разряду. Именно поэтому в основу классификации терминологических единиц сообразно способу их образования положен также и функциональный критерий.

Учитывая, что в разных языках одни и те же словообразовательные элементы могут иметь различный статус (к примеру, греко-латинские префиксальные или суффиксальные морфемы, переходящие в современных языках в разряд терминоэлементов или морфемоидов, выступающих в роли компонентов производной или сложной терминологии), а также то, что наряду с традиционными терминоэлементами без ясно выраженного морфемного статуса «строительным материалом» для терминов выступают среди прочего и собственно префиксы и суффиксы исконного или заимствованного происхождения, представляется резонным на основе общности их функций принять общее для них техническое обозначение, а именно: морфемно-морфемоидные терминологические элементы (ММТЭ) в префиксальной, суффиксальной или постфиксальной функциях. Выражение «терминологический элемент» в данном контексте не будет являться полностью синонимичным термину «терминоэлемент», понимаемому в традиционном смысле.

Суммируя изложенные выше мнения исследователей морфемного состава терминологической лексики и сообразуясь с задачами данной работы, мы полагаем целесообразным установить в рамках морфологического анализа следующие классификационные разряды терминологических единиц:

I. Простая непроизводная (корневая) терминология (ПН-терминология)

Основной особенностью этой группы терминов является неразложимость их основ на морфемы. Как правило, они состоят из одного-двух слогов. Исключение могут составлять заимствованные слова, слоговой объём которых может включать и большее количество слогов.

II. Простая производная терминология (ПП-терминология)

В настоящей работе под простой производной терминологией понимается совокупность терминологических единиц, полученных путём аффиксации от одной производящей основы.

В греческом языке к простой производной терминологии относятся терминологические единицы, первым компонентом которых при наличии одной корневой морфемы выступают ММТЭ в префиксальной функции, а вторым – ММТЭ в суффиксальной функции.

В латинском языке к простой производной терминологии относятся терминологические единицы, первым компонентом которых при наличии одной корневой морфемы выступают исконные или заимствованные из греческого языка ММТЭ в префиксальной функции, а вторым – ММТЭ исконного и греческого происхождения в суффиксальной функции. «Уравнивание в правах» словообразовательных элементов греческого и латинского языка определяется причинами синхронического характера, так как эти языки развивались в пределах приблизительно одного и того же хронологического периода, характеризующегося бурным процессом взаимных лексических заимствований, что обусловило семантическую, функциональную, а в ряде случаев и формальную близость словообразовательных элементов в обоих языках⁶².

В русском, английском, немецком и французском языках к простой производной терминологии относятся терминологические единицы, первым компонентом которых при наличии одной корневой морфемы выступают ММТЭ в префиксальной функции как исконного, так и греко-латинского происхождения, а вторым – ММТЭ в суффиксальной функции исконного и греко-латинского происхождения.

Более дробная классификация простой производной терминологии с выделением моделей, в которых словообразующие морфемы и морфемоиды предшествуют производящей основе (ММТЭ в префиксальной функции) или следуют за ней (ММТЭ в суффиксальной или постфиксальной функциях), а также моделей, в которых присутствуют обе разновидности ММТЭ, позволяет выявить следующие аффиксальные способы словообразования, применяемые в фонетико-метрической терминологии:

1) Префиксальный способ. Данный способ словообразования характерен для всех исследуемых нами языков и реализуется за счёт применения ММТЭ в префиксальной функции как исконного, так и греко-латинского происхождения (число последних, по предварительным оценкам, значительно превышает количество исконных префиксальных элементов).

2) Суффиксальный способ. Данный способ словообразования также характерен для всех исследуемых нами языков и реализуется за счёт применения исконных и греко-латинских ММТЭ в суффиксальной функции. Постфиксальный способ словообразования характерен для латинского, греческого и русского языков в силу их флексивной природы. Он реализуется за счёт ММТЭ в постфиксальной функции и понимается как комбинированный способ словообразования, в основе которого лежит совместное применение словообразовательных и словоизменительных средств, к каковым относятся соответственно суффиксальные ММТЭ и флексии. В настоящей работе постфиксация рассматривается как частный случай суффиксации.

⁶² Это замечание в полной мере приложимо и к сложной терминологии в латинском языке.

3) Префиксально-суффиксальный способ. Данный способ словообразования характерен для всех исследуемых языков и понимается здесь как комбинированный способ словообразования, в основе которого лежит параллельное применение в рамках одной лексической единицы ММТЭ в префиксальной и суффиксальной функциях. Префиксально-постфиксальный способ словообразования характерен для латинского, греческого и русского языков и понимается как комбинированный способ словообразования, в основе которого лежит параллельное применение в рамках одной лексической единицы ММТЭ в префиксальной и постфиксальной функциях. В настоящей работе данный способ рассматривается как частный случай префиксально-суффиксального способа.

III. Сложная терминология (СС-терминология)

Как словосложения трактуются терминологические единицы, возникновение которых явилось результатом традиционно понимаемого процесса сложения двух и более корневых морфем, основ или целых слов с интерфиксом или без онного⁶³.

К сложной терминологии в греческом языке относятся терминологические единицы, в качестве двух (или более) компонентов которых выступают исконные именные, глагольные и наречные основы.

К сложной терминологии в латинском и новых европейских языках относятся: 1) терминологические единицы исконного происхождения, в качестве двух (или более) компонентов которых выступают именные, глагольные и наречные основы, и 2) терминологические единицы иноязычного происхождения, в качестве двух (или более) компонентов которых выступают семантически релевантные именные, глагольные и наречные основы, не утратившие функционально-семантических связей с языком-источником.

Анализ морфологической структуры исследуемого терминологического массива проводился с учётом системно-иерархического характера взаимоотношений, устанавливаемых внутри макротерминосистемы фонетики и метрики, т.е. отдельно по следующим наиболее репрезентативным понятийно ориентированным микросистемам терминов:

1. Графика.
2. Единицы фонетико-метрического членения речи.
3. Стихотворные размеры и строфы.
4. Стихи.
5. Модификаторы.
6. Фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры.
7. Фонетико-метрические процессы.

⁶³ Здесь следует особо отметить, что идентификация сложной терминологии производится в рамках не словообразовательного, а морфологического анализа, который устанавливает состав слова в его статике и при котором всякое слово, состоящее более чем из одной основы будет рассматриваться как сложное, в то время как при словообразовательном (или деривационном) анализе «сложным словом признаётся лишь то, которое образовалось путём сложения основ, причём акт сложения основ был последним актом в образовании слова» [МЕШКОВ, 1985: 76]. Выбор морфологического типа анализа (даже с учётом того, что полученные данные могут оказаться ценностями лишь в лингво-теоретическом плане и не будут обслуживать запросы переводоведения и методики преподавания иностранных языков) продиктован необходимостью соблюсти единый подход к оценке статуса сложной терминологии, относящейся к разным языкам.

4.2.2. Морфологический анализ однословной терминологии фонетики и метрики

1. Морфологический анализ терминологии графики

Результаты морфологического анализа однословной терминологии графики сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Однословные термины		
	простые		сложные
	непроизводные	производные	
Латинский (118)	20 (18%)	19 (16,1%)	16 (13,6%)
Греческий (43)	12 (27,9%)	12 (27,9%)	7 (16,3%)
Русский (135)	19 (14,1%)	27 (20%)	9 (6,7%)
Английский (167)	24 (14,4%)	27 (16,2%)	11 (6,6%)
Немецкий (111)	13 (11,7%)	21 (18,9%)	48 (43,2%)
Французский (94)	18 (19,1%)	17 (18,1%)	8 (8,5%)
ВСЕГО (668)	106 (16,9%)	123 (18,4%)	99 (14,8%)

1) ПН-терминология

Доля ПН-терминологии в графике в относительном выражении составляет около 17% от общего числа исследованных терминов. В разных языках она может варьировать, достигая максимума в древнегреческом языке (28%), что косвенно указывает на этот язык как источник заимствований терминов графики. Во всех прочих исследуемых языках доля ПН-терминов колеблется в пределах 12%-19%.

Примеры ПН терминологии: лат. *macron*, *schemata*, *signum*, *stigma*, *trema*, *apex*; греч. *μακρόν*, *σχῆμα*, *σημά*, *στίγμη*, *τρῆμα*; русск. коронис, макрон, схема, знак, стигма, tremá, apex; англ. *macron*, *pattern*, *scheme*, *sign*, *mark*, *stigma*, *trema*, *apex*; нем. *Makron*, *Schemta*, *Zeichen*, *Stigma*, *Trema*, *Arex*; франц. *macron*, *schème*, *signe*, *note*, *marque*, *tréma*, *apex*.

2) ПП-терминология

Доля ПП-терминологии в графике в относительном выражении составляет чуть более 18% от общего числа исследованных терминов. В разных языках она может варьировать, достигая максимума в древнегреческом языке (28%). Во всех прочих исследуемых языках доля ПП-терминологии колеблется в пределах от 16% до 20%.

ММТЭ-анализ ПП-терминологии в графике.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ ГРАФИКИ	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
Основные ММТЭ в префиксальной функции:						
a-/à-/a-/A-	-	-	-	1	-	-
anti-/ἀντί-/анти-/Anti-	1	1	1	1	1	1
apo-/ἀπό-/апо-/Apo-	1	1	1	1	-	-
circum-/циркум-/Zirkum-/circon-	1	-	1	1	1	1

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

con- (m-)/кон- (м-)/Kon- (m-)	-	-	-	1	1	-
dia-/δια-/диа-/Dia-	2	1	4	2	4	1
dis- (f-)/дис- (ф-)/Dis- (f-)	1	-	1	1	2	2
in-/ин-/In-	1	-	-	-	-	-
meta-/μετα-/мета-/Meta-	1	1	-	1	-	-
peri-/περι-/пери-/Peri-	-	1	-	-	-	-
pros-/προσ-/прос-/Pros-	-	1	-	-	-	-
syn-/συγ-/син-/Syn-	1	1	-	-	1	-
trans-/транс-/Trans-	2	-	1	2	2	2
Um- (нем.)	-	-	-	-	1	-
о- (русс.)	-	-	1	-	-	-
по- (русс.)	-	-	1	-	-	-
со- (русс.)	-	-	1	-	-	-

Основные ММТЭ в суффиксальной функции:

-ans/-ант/-ant	-	-	-	1	1	-
-ate/-ата/-é(e)	-	-	-	1	-	-
-chen (нем.)	-	-	-	-	1	-
-ema/-ημα/-ем(а)/-eme/-em/-ème	1	1	1	1	1	1
-ens/-ент/-ent	-	-	-	1	-	-
-er (англ.)	-	-	-	1	-	-
-ic(us)/-ικ(ός)/-ик(а)/-ic/-ik/-ique	3	3	1	1	2	-
-isc(us)/-...ισκ(ός)/-isc/-иск/-isk/-isque	1	2	1	1	1	1
-ismus/-ισμός/-изм/-ism/-isme	-	-	-	2	-	-
-itas/-ität/-ity/-itie	1	-	-	-	-	-
-io/-ion	1	-	-	-	-	-
-ium	1	-	-	-	-	-
-tio/-циј(а)/-tion	5	-	3	8	5	6
-ung (нем.)	-	-	-	-	1	-
-ur(a)/-yp(a)/-ure/-ur/-ure	1	-	1	1	1	1
-ениј(э) (русс.)	-	-	1	-	-	-
-ид(а) (русс.)	-	-	1	-	-	-
-ированиј(э) (русс.)	-	-	1	-	-	-
-к(а) (русс.)	-	-	1	-	-	-
-н (русс.)	-	-	3	-	-	-
-овк(а) (русс.)	-	-	1	-	-	-
-ик (русс.)	-	-	1	-	-	-
-ок (русс.)	-	-	2	-	-	-

В ПП-терминологии графики из 20 зарегистрированных префиксальных ММТЭ 13 имеют греко-латинское происхождение, т.е. являются интернациональными (например, *a*-, *anti*-, *apo*-, *di*-, *dis*-, *meta*-, *tri*- и т.д.). ММТЭ исконного происхождения гораздо менее репрезентативны. В терминологии графики зафиксированы 4 русских, 1 английский и 2 немецких префикса.

Из 56 зарегистрированных ММТЭ в суффиксальной функции 46 имеют греко-латинское происхождение, т.е. являются интернациональными (например, *-io(n)*, *-tio(n)*, *-ism(us)*, *-iut*, *-em(a)* и т.д.). ММТЭ исконного происхождения гораздо менее репрезентативны. В терминологии графики зафиксированы 7 русских, 1 английский (германский) и 2 немецких ММТЭ в суффиксальной функции.

Частотность ММТЭ:

- 1) Наиболее частотные ММТЭ в префиксальной функции – лат. *dia-*, *trans-*; греч. *δια-*; русск. *дия-*, *транс-*; англ. *dia-*, *trans-*; нем. *Dia-*, *Trans -*; франц. *dia-*, *trans-*.
- 2) Наиболее частотные ММТЭ в суффиксальной функции – лат. *-tio*, *-ic(us)*; греч. *-ικός*; русск. *-ик(a)*, *-н*, *-циj(a)*; англ. *-ic*, *-tion*; нем. *-ik*, *-tion*; франц. *-ique*, *-tion*.

Способы словообразования, применяемые в терминологии графики:

- 1) Префиксальный способ – лат. *antisigma*, *circumflexus*; греч. *ἀντίσιγμα*, *ἀπόστροφος*; русск. *циркумфлекс*, *апостроф*, *диэрезис*; англ. *antisigma*, *circumflex*; нем. *Antisigma*, *Apostrophus*, *Zirkumflex*; франц. *antisigma*.
- 2) Суффиксальный способ – лат. *curvitas*, *fastigium*, *graphema*, *notatio*; греч. *γράφημα*, *ὅβελίσκος*; русск. *обелиск*, *крестик*, *рожок*; англ. *grapheme*, *obelisk*, *vocalism*, *rounder*, *notation*; нем. *Graphem*, *Häckchen*, *Vokalisierung*, *Ligatur*, *Notation*; франц. *graphème*, *ligature*, *obélisque*, *notation*.
- 3) Префиксально-суффиксальный способ – лат. *differentiatio*, *inflexio*, *transcriptio*, *translitteratio*; греч. *διακρίτικόν*, *διαλύτικά*, *συγκρήτικόν*; русск. *огласовка*, *транскрибирование*, *транскрипция*, *согласная*; англ. *differentiation*, *transcription*, *diacritic*, *consonant*; нем. *Differenzierung*, *Transkription*, *Transliteration*; франц. *differentiation*, *disposition*, *transcription*, *translit(t)ération*.

3) СС-терминология

Доля СС-терминологии в графике в греческом и латинском языках составляет в среднем 15%. В новых европейских языках, за исключением немецкого, количество терминов этого типа незначительно (6%-8%). В немецком языке СС-терминология составляет более 40% от всей зафиксированной терминологии, что объясняется особенностями словообразования этого языка, в частности, его «склонностью» к формированию многоосновных слов.

Основные словообразовательные модели в СС-терминологии⁶⁴:

1. **S₁+S₂**: греч. *φωνογράφια*; англ. *vowel-points*, *half-vowel*; нем. *Akzentzeichen*, *Hauchzeichen*, *Kürzezeichen*, *Längezeichen*, *Lautschrift*, *Reimschema*, *Reimstellung*, *Tonzeichen*, *Umlautzeichen*, *Vokaltrigraph*, *Vokalzeichen*; франц. *lettre-consonne*, *lettre-voyelle*, *points-voyelles*.
2. **S_v+S**: нем. *Trennpunkte*.
3. **A+S**: греч. *ἀπλογράφια*, *όμογράφια*; нем. *Gleichschreibung*.

Ниже приводится сводная таблица частотности морфологических способов словообразования.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ГРАФИКИ	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
1) Префиксальный	5	6	6	8	8	6

⁶⁴ Принятые обозначения в моделях сложных слов: S – основа существительного, S_v – основа глагола, V_s – субстантивированный инфинитив, A – основа прилагательного, N – основа числительного, Adv. – наречие.

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

2) Суффиксальный	8	3	12	13	6	6
3) Префиксально-суффиксальный	7	3	9	6	7	4
4) Словосложение	—	7	9	11	48	8

Из таблицы видно, что преобладающим способом словообразования в терминологии графики практически во всех языках является словосложение (особенно в немецком языке). На втором месте по частотности применения оказывается суффиксальный способ в латыни, русском, английском и французском языках. В греческом и немецком языках наиболее частотным способом словообразования является префиксальный. Префиксально-суффиксальный способ наиболее характерен для латинского, русского и немецкого языков.

2. Морфологический анализ терминологии единиц фонетико-метрического членения речи

Результаты морфологического анализа однословной терминологии единиц фонетико-метрического членения речи сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Однословные термины			
	простые		сложные	
	непроизводные	производные		
Латинский (564)	20 (3,5%)	146 (25,9%)	64 (11,3%)	
Греческий (262)	17 (6,5%)	63 (24,1%)	39 (14,9%)	
Русский (561)	24 (4,3%)	74 (13,2%)	53 (9,5%)	
Английский (543)	21 (3,9%)	113 (20,8%)	44 (8,1%)	
Немецкий (665)	18 (2,7%)	117 (17,6%)	196 (29,5%)	
Французский (457)	17 (3,7%)	80 (17,5%)	45 (9,8%)	
ВСЕГО (3052)	117 (3,8%)	593 (19,4%)	441 (14,5%)	

1) ПН-терминология

Доля ПН-терминологии в данном разделе крайне невелика и в относительном выражении составляет около 4% от общего числа исследованных терминов. В разных языках она может варьировать, достигая максимума в древнегреческом языке (6,5%).

Примеры ПН терминологии: лат. *arsis, colon, fortis, lenis, iambus, thesis, mora, raeon*; греч. πούς, βάσις, ἄρσις, κῶλον, δόχμιος, ἰαμβός, Μολοσσός, χρόνος, παιάν, θέσις, φθόγγος, φωνή, φωνά; русск. арсис, мора, нога, стопа, член, колон, тесис, ямб, неон; англ. *arsis, colon, foot, iamb(us), thesis, trill, roll, mora, r(a)eon, time*; нем. *Arsis, Fuß, Thesis, Mora, Molossus, KOLON, Jambe, Schwund, Päan*; франц. *arse, more, thèse, sourde, molosse, pied, membre, iambe, brève, dactyle*.

2) ПП-терминология

Доля ПП-терминологии в исследуемом разделе в относительном выражении составляет около 20% от общего числа исследованных терминов. В разных языках она может варьировать, достигая максимума в латыни (около 26%). Во всех прочих исследуемых языках доля ПП-терминологии колеблется в пределах от 13% русском языке до 24% в греческом.

ММТЭ-анализ ПП-терминологии единиц фонетико-метрического членения речи.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ ЕДИНИЦ ФОНЕТИКО-МЕТРИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ РЕЧИ	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
Основные ММТЭ в префиксальной функции:						
a-/à-/а-/A-	3	2	2	2	2	2
ab- (af-)/аб- (аф-)/Ab- (Af-)	1	—	1	2	2	1
ambi-/амби-/Ambi-	—	—	—	—	1	—
amphi-/àмфí-/амфи-/Amphi-	2	2	2	2	3	2
ana-/àна-/ана-/Ana-	2	2	2	2	2	2
ante-/анте-/Ante-	1	—	1	2	1	1
ant(i)-/àvt(i)-/ант(и)-/Ant(i)-	7	4	5	4	7	5
bi-/би-/Bi-	2	0	—	3	1	1
co-/ко-/Ko-	1	—	—	—	—	—
con- (m-)/кон- (м-)/Kon- (m-)	2	—	1	4	1	2
ep(i)-/èpt(i)-/эп(и)-/Ep(i)-/ép(i)-	3	2	2	2	2	2
ex-/экс-/Ex-	1	—	—	2	1	1
hypo-/ύпо-/гипо-/Hypo-	1	1	1	2	1	1
in- (im-)/ин- (им-)/In- (Im-)	1	—	—	1	—	1
inter-/интер-/Inter-	1	—	—	1	2	1
oc- (ob-)/ок- (об-)/Ok- (Ob-)	1	—	—	1	—	1
para-/пара-/пара-/Para-	—	4	—	—	—	—
pari-/пари-/пари-/Pari-	2	3	2	2	2	2
peri-/περι-/пери-/Peri-	—	1	—	—	—	—
post-/пост-/Post-	3	—	—	2	3	1
prae-/пре-/Prä-	2	—	—	1	2	2
pro-/προ-/про-/Pro-	3	2	4	2	3	2
retro-/ретро-/rétro-	1	—	—	—	—	—
sub-/суб-	1	—	—	—	—	—
supra-/супра-/Supra-	1	—	—	—	1	—
syn- (sym-)/συγ- (сүм-)/ син- (сим-) / Syn- (Sym-)	—	1	—	—	—	—
со- (русс.)	—	—	1	—	—	—
Основные ММТЭ в суффиксальной функции:						
-alis/-ал'/-al/-al(is)/-ale	31	—	13	16	22	11
-ans/-ант(a)/-ant, -ans/-ante	6	—	6	11	7	3
-ar/-ар(is)/-aire	—	—	—	1	5	1
-ata/-ат(a)/-ate/-ат/-ата, -ate	3	—	4	2	2	—
-chen (нем.)	—	—	—	—	—	—
-ee/é(e) (англ., франц.)	—	—	—	8	—	12
-ence/-enz/-ence	—	—	—	—	1	—
-ens/-ент/-ent	2	—	—	2	—	—
-er (англ., нем.)	—	—	—	—	3	—
-(a)eus/-αιος/-eus/-eus, -äus	13	3	—	—	14	—
-aris (лат.)	3	—	—	—	—	—
-ia/-í(a)/-иј(a)/-y/-ie/-ie	7	5	6	6	6	6
-iac (англ.)	—	—	—	2	—	—
-icus/-ικός/-ic/-ik(us)/-ique	5	4	—	7	3	11

-id(a)/-ид/-id(e)/-ida/-ide	1	-	2	4	1	1
-io/-ion	1	-	-	-	-	-
-itus	-	-	-	-	1	-
-ium	-	-	-	1	-	-
-ius, -ios/-(ε)ιος/-иј, -ej/-ius/-ius	12	15	7	7	9	3
-iv(a)/-ив/-ive/-iv(e)/-if (-ive)	5	3	1	6	1	5
-tio/-tion	4	-	-	-	-	-
-ung (нем.)	-	-	-	-	2	-
-ениј(э) (русск.)	-	-	1	-	-	-
-н (русск.)	-	-	1	-	-	-
-ик (русск.)	-	-	5	-	-	-

В терминологии единиц фонетико-метрического членения речи из 27 зарегистрированных префиксальных ММТЭ 26 имеют греко-латинское происхождение, т.е. являются интернациональными. К ММТЭ исконного происхождения отнесён русский префикс *со-*.

Из 25 зарегистрированных суффиксальных ММТЭ 19 имеют греко-латинское происхождение. ММТЭ исконного происхождения гораздо менее презентативны. В терминологии единиц фонетико-метрического членения речи зафиксированы 1 общегерманский ММТЭ (*-er*), 2 немецких (*-ung*, *-chen*) и 3 русских ММТЭ (*-ениј*, *-н*, *-ик*).

Частотность словообразовательных элементов.

1) Наиболее частотные ММТЭ в префиксальной функции: лат. *a-*, *amphi-*, *an(a)-*, *ant(i)-*, *ep(i)-*, *pari-*, *pro-*, *post-*; греч. *ἀντ(i)-*, *παρα-*, *παρι-*, *προ-*, *ἀμφί-*, *ἀν(a)-*, *ἀ-*; русск. *а-*, *ант(u)-*, *про-*, *амфи-*, *ан(a)-*, *эн(u)-*, *пари-*; англ. *a-*, *amphi-*, *an(a)-*, *ant(i)-*, *ep(i)-*, *pari-*, *pro-*, *post-*, *bi-*; нем. *A-*, *Amphi-*, *An(a)-*, *Ant(i)-*, *Ep(i)-*, *Pari-*, *Pro-*; франц. *a-*, *amphi-*, *an(a)-*, *ant(i)-*, *ep(i)-*, *pari-*, *pro-*, *con-*.

2) Наиболее частотные ММТЭ в суффиксальной функции: лат. *-(a)eus*, *-alis*, *-ia*, *-ius*, *-ivus* (*-a*, *-um*), *-icus* (*-a*, *-um*), *-tio*, *-ans*, *-ens*; греч. *-(i)a*, *-ικός* (*-ή*, *-ν*), *-αιος*, *-(ε)ιος*, русск. *иј(a)*, *-ик*, *-ант*, *-ат*; англ. *-al*, *-ans*, *-ee*, *-ic*, *-id*, *-ius*, *-ive*, *-y*; нем. *-al(is)*, *-ans*, *-ant*, *-ar(is)*, *-eus*, *-äus*, *-ius*, *-ie*; франц. *-ique*, *-al(e)*, *-é(e)*, *-if(-ive)*, *-ie*.

Способы словообразования, применяемые в терминологии единиц фонетико-метрического членения речи.

1) Префиксальный способ: лат. *amphibrachys*, *antidactylus*, *epitritus*, *pariambus*, *probrachus*; греч. *ἀμφίβραχυς*, *ἀμφίμακρος*, *ἄφθογγον*, *ἀφωνον*, *παρίαμβος*, *προβράχυς*; русск. *амфимакр*, *пробрах(ий)*, *антанапест*, *антибакхий*; англ. *probrach*, *antidactyl*, *amphibrach*, *pariamb(us)*; нем. *Amphibrach(us)*, *Amphimacer*, *Antanapäst*, *Antidaktyl(us)*; франц. *anti-dactyle*, *antanapestre*, *amphimacre*, *épitrite*.

2) Суффиксальный способ: лат. *elevatio*, *ambitus*; греч. *δόχμιος*, *κύπριος*; русск. *спирант*, *контoid*, *вокоид*; англ. *dental*, *plosive*, *guttural*, *Ionic*; нем. *Frikative*, *Steiger*, *Faller*, *Geminate*, *Guttural(is)*; франц. *fricative*, *vibrante*, *vélaire*.

3) Префиксально-суффиксальный способ: лат. *continuatio*, *consonans*, *conexio*; греч. *ὑποδόχμιος*, *ἀντιβάκχειος*; русск. *аспират*, *эпионик*; англ. *interdental*, *implosive*; нем. *Interdental(is)*, *Konsonant*, *Mitlauter*; франц. *interdentale*, *implosive*.

3) СС-терминология

СС-терминология единиц фонетико-метрического членения речи весьма широко представлена во всех исследуемых языках (в общей сложности 440 терминологических единиц на шести языках), причём основную её часть формируют заимствованные и ассимилированные новыми языками термины греко-латинского происхождения. Однако в относительном выражении количества

СС-терминов уступает простым производным терминологическим единицам, составляя около 15% от общего числа терминов. Наиболее репрезентативна эта терминология в немецком языке, достигая почти 30%, наименее репрезентативна – в английском (8%), французском (9,8%) и русском (9,5%) языках. В древних языках этот показатель несколько выше, составляя в среднем 13% от общего числа зафиксированных терминов.

Основные словообразовательные модели в СС-терминологии:

1. **S₁+S₂**: лат. *elegiambus, molossiambos*; греч. ἐλεγίαμβος, ἰαμβέλεγος; русск. молоссиамб, ямбэлегий, хориямб; англ. *choriamb(us), iambelegus, stress-unit*; нем. *Akzentsilbe, Hauchlaut, Klangträger, Anfangsvokal, Kompositionsvokal, Öffnungslaut, Knacklaut*; франц. *molossiامbe, chorïambe, élégiامbe, iambélegus*.
2. **S₁+S₂+S₃**: нем. *Kehlkopflaut, Zahndammlaut*.
3. **S_v+S**: нем. *Bindenvokal, Blählaut, Fließlaut, Gleitlaut, Gleitvokal*.
4. **A+S**: греч. ὀδοσπονδεῖος, βράχυσύλλαφος; нем. *Dentallaut, Frikativlaut, Gutturallaut, Implosivlaut*.
5. **N+S**: лат. *dicolon, diphthongus, pentapodia, tetrabrachys*; греч. μονόφθουγος, διτροχαῖος, τρίφθογγον, τετραβραχύς; русск. двустопие, одностопие, пятистопие, троегласный, троезвучие; англ. *tetrabrach, tricolon, tetraphthong, bivocal*; нем. *Dreilaut, Zweilaut, Tetraphthong, Tripodius*; франц. *triphtongue, tribraque, tétrabraque, pentapodie*.

Ниже приводится сводная таблица частотности морфологических способов словообразования в терминологии единиц фонетико-метрического членения речи.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ЕДИНИЦ ФОНЕТИКО-МЕТРИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ РЕЧИ	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
1) Префиксальный	28	30	28	27	29	21
2) Суффиксальный	72	19	43	41	57	36
3) Префиксально-суффиксальный	45	14	19	39	29	23
4) Словосложение	64	39	53	44	196	45

Из таблицы видно, что преобладающим способом словообразования в терминологии единиц фонетико-метрического членения речи в большинстве исследуемых языков является словосложение. Наряду со словосложением частотными словообразовательными способами в латыни являются суффиксальный и префиксально-суффиксальный, которые оказываются наиболее продуктивными прежде всего в номинировании гласных и согласных звукотипов. В греческом языке достаточно частотным оказывается также префиксальный способ, в русском, английском, немецком и французском языках – суффиксальный способ словообразования.

3. Морфологический анализ терминологии стихотворных размеров и строф

Результаты морфологического анализа однословной терминологии стихотворных размеров и строф сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Однословные термины		
	простые		сложные
	непроизводные	производные	
Латинский (208)	9 (4,3%)	21 (10,1%)	7 (3,4%)
Греческий (133)	4 (3%)	7 (5,3%)	6 (4,5%)
Русский (194)	6 (3,1%)	4 (2,1%)	5 (2,6%)
Английский (196)	4 (2%)	8 (4%)	9 (4,6%)
Немецкий (190)	4 (2,1%)	7 (3,7%)	11 (5,8%)
Французский (195)	3 (1,5%)	8 (4,1%)	5 (2,6%)
ВСЕГО (1116)	30 (2,7%)	55 (4,9%)	43 (3,8%)

1) ПН-терминология

Доля ПН-терминологии в данном разделе крайне невелика и в относительном выражении составляет около 3% от общего числа исследованных терминов. В разных языках она может варьировать, достигая максимума в латинском языке (4,3%).

Примеры ПН терминологии: лат. *metrum, strophe, strophā, metron, modus, rhythmus, scazon*; греч. *μέτρον, στροφή, τόνος*; русск. *метр, ск(а)дзон*; англ. *meter, metre, rhythm(us), scazon, strophe, stance*; нем. *Metrum, Takt, Scazon, Strophe*; франц. *mètre, scazon, strophe, stance*.

2) ПП-терминология

Доля ПП-терминологии в исследуемом разделе в относительном выражении также нерепрезентативна и составляет около 5% от общего числа исследованных терминов. В разных языках она может варьировать, достигая максимума в латыни (чуть более 10%). Во всех прочих исследуемых языках доля ПП-терминологии колеблется в пределах от 2% русском языке до 5% в греческом.

ММТЭ-анализ ПП-терминологии стихотворных размеров и строф.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ СТИХОТВОРНЫХ РАЗМЕРОВ И СТРОФ	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
Основные ММТЭ в префиксальной функции:						
hyper-/ύπερ-/гипер-/Hyper-	3	1	1	1	2	1
para-/пара-/пара-/Para-	2	1	1	1	1	1
Основные ММТЭ в суффиксальной функции:						
-ee/é(e) (англ., франц.)	-	-	-	-	-	4
-ence/-enz/-ence	-	-	-	1	-	1
-ean (англ.)	-	-	-	2	-	-
-(a)eus/-αιος/-eus/-eus, -äus	6	-	-	-	3	-
-icus/-ικός/-ic(us)/-ик/-ik(us)/-ique	3	1	1	3	1	2
-ius, -ios/-ιος/-ius/-ius/-ius	9	6	-	-	2	-
-tio/-tion	-	-	-	1	-	-
-ure/-ure	-	-	-	1	-	1

В терминологии стихотворных размеров и строф отмечены 2 префиксальных ММТЭ греческого происхождения.

Из 8 зарегистрированных суффиксальных ММТЭ 8 имеют греко-латинское происхождение. ММТЭ исконного происхождения не представлены.

Частотность словообразовательных элементов.

1) Наиболее частотные ММТЭ в префиксальной функции: лат. *hyper-*, *para-*; греч. ὑπερ-, παρα-; русск. *гипер-*, *пара-*; англ. *hyper-*, *para-*; нем. *Hyper-*, *Para-*; франц. *hyper-*, *para-*.

2) Наиболее частотные ММТЭ в суффиксальной функции: -(a)eus, -ius (-ium), -icus (-a, -um); греч. -ικός (-ή, -ν), -(ε)ιον, русск. -ик; англ. -ean, -ic(us); нем. -eus, -ius; франц. -ique, -é(e).

Способы словообразования, применяемые в терминологии единиц фонетико-метрического членения речи.

1) Префиксальный способ: лат. *hypermetron*, *hypermetrum*, *hypermeter*; греч. ὑπέρμετρον; русск. *гиперметр*, *размер*; англ. *hypermeter*; нем. *Hypermeter*, *Hypermetron*; франц. *hypermètre*.

2) Суффиксальный способ: лат. *Telesillianum*, *Praxilleus*, *Hipponacteus*, *Sapphicus*, *Saturnius*; греч. φαλάκειον, πραξίλλειον, φερεκρατεῖον; англ. *measure*, *cadence*, *scansion*, *glyconic*, *telesillean*; нем. *Glykonius*, *Glykoneus*, *Telesilleus*; франц. *mesure*, *cadence*, *glyconée*, *glyconique*, *télésillée*.

3) Префиксально-суффиксальный способ: лат. *paraglyconeus*, *paraglyconius*, *brachycatalecticum*; англ. *paraglyconius*, *paraglyconic*; нем. *Paraglykonius*; франц. *paraglyconée*.

3) СС-терминология

СС-терминология стихотворных размеров и строф слабо представлена во всех исследуемых языках (в среднем около 4% всего терминологического массива), достигая максимума в немецком языке (около 6% за счёт исконной терминологии и терминов смешанного образования). Минимальный показатель количества СС-терминологии зафиксирован в русском и французском языках (2,6%). Основную часть СС-терминов формируют заимствованные и ассимилированные новыми языками терминологические единицы греко-латинского происхождения.

Основные словообразовательные модели в СС-терминологии:

1. **S₁+S₂**: лат. *iambelegus*, *galliambus*; греч. γαλλίαμβος, ἰαμβέλευος, русск. *ямбэлегий*; англ. *iambelegus*; нем. *Versmaß*, *Silbenmaß*, *Tonmaß*, *Iambelegus*; франц. *iambélégus*.

2. **S_v+S**: нем. *Hinkjambus*, *Hinkiambus*.

3. **A+S**: греч. χωλίαμβος.

4. **N+S**: лат. *octametrum*; греч. ὀκτάμετρον, ὀκτάμετρος, русск. *октаметр*; англ. *octameter*, *octametre*; нем. *Oktameter*; франц. *octamètre*.

Ниже приводится сводная таблица частотности морфологических способов словообразования в терминологии стихотворных размеров и строф.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ СТИХОТВОРНЫХ РАЗМЕРОВ И СТРОФ	ЯЗЫКИ					
	Латыш	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
1) Префиксальный	3	1	4	1	2	1
2) Суффиксальный	16	6	–	6	4	6
3) Префиксально-суффиксальный	3	–	–	1	1	1
4) Словосложение	7	6	5	9	11	5

Из таблицы видно, что преобладающим способом словообразования в терминологии стихотворных размеров и строф практически во всех языках является словосложение. Наряду со словосложением частотным словообразовательным способом в латыни, греческом, английском, немецком и французском языках является суффиксальный, в русском языке – префиксальный способ словообразования.

4. Морфологический анализ терминологии видов и типов стиха

Результаты морфологического анализа однословной терминологии видов и типов стиха сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Однословные термины		
	простые		сложные
	непроизводные	производные	
Латинский (363)	7 (1,9%)	41 (11,3%)	62 (17,1%)
Греческий (251)	6 (2,4%)	20 (8%)	58 (23,1%)
Русский (353)	25 (7,1%)	14 (4%)	64 (18,1%)
Английский (394)	13 (3,3%)	48 (12,2%)	55 (14%)
Немецкий (379)	12 (3,2%)	29 (7,7%)	98 (25,9%)
Французский (323)	7 (2,2%)	36 (11,1%)	33 (10,2%)
ВСЕГО (2050)	70 (3,4%)	188 (9,2%)	370 (18%)

1) ПН-терминология

Доля ПН-терминологии видов и типов стиха крайне незначительна, варьируя в пределах 2%-3% во всех исследуемых языках (кроме русского, где она составляет немногим более 7%). В русском языке увеличение доли ПН-терминов по сравнению с другими языками объясняется морфемной неразложимостью терминологии эпонимического свойства на *-ей* (например, *пракси́лле́й*, *теле́силле́й* и т.п.), в то время как в других исследуемых языках она может относиться к разряду ПП-терминологии, образуемой суффиксальным способом: лат. *Praxilleus*, греч. *πραξιλλεῖον*, англ. *praxillean*, нем. *Praxilleus*, франц. *praxillée*.

Примеры ПН-терминологии: лат. *cento*, *comma*, *versus*; греч. *κόμμα*, *μέλος*, *ῳδή*, *στίχος*; русск. *комма*, *центон*, *стих*, *нона*; англ. *burden*, *cento*, *comma*, *rhytme*, *stich*, *verse*; нем. *Cento*, *Kette*, *Reihe*, *Vers*, *Waise*; франц. *centon*, *comma*, *stance*, *vers*.

2) ПП-терминология

Доля ПП-терминологии видов и типов стиха составляет немногим более 9% от общего количества простых производных терминов. Минимальный относительный показатель этого типа терминов отмечен в русском языке (4%), максимальный – в английском и французском языках.

ММТЭ-анализ ПП-терминологии стиха.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ СТИХА	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
Основные ММТЭ в префиксальной функции:						
a-/à-/a-/A-	1	1	2	1	2	2
апо-/апо-/Апо-	–	–	–	–	–	1

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

ep(i)-/ ἐπ(ι)-/эп(и)-/Ep(i)-/ép(i)-	2	4	-	-	-	-
hyper-/ὑπερ-/гипер-/Hyper-	3	1	1	1	2	1
para-/пара-/пара-/Para-	3	-	1	1	1	1
syn- (sym-)/συγ- (сиг-)/син- (сим-)/Syn- (Sym-)	1	-	2	2	1	1

Основные ММТЭ в суффиксальной функции:

-ian(um)/-ean, -ian/-ien	1	-	-	8	-	2
-arius/-ἀριος/-ариј/-ary/-ar(ius)/-aire	3	1	3	1	2	2
-ee/é(e) (англ., франц.)	-	-	-	-	-	5
-ema/-ημα/-em/-ème	-	1	-	-	-	-
-ain (англ., франц.)	-	-	-	1	-	9
-(a)eus/-αιος/-eus/-eus, -äus	7	-	-	-	3	-
-iac (англ.)	-	-	-	1	-	-
-ic(us)/-ικός/-ic/-ik(us)/-ique	4	4	-	27	2	4
-ium	-	-	-	2	2	-
-ius, -ios/-(ε)ιος/-ius/-ius/-ius	13	19	-	2	4	-
-ier (нем.)	-	-	-	-	1	-
-er (англ., нем.)	-	-	-	-	11	-
-ler (нем.)	-	-	-	-	12	-
-ung (нем.)	-	-	-	-	1	-
-ник (русс.)	-	-	15	-	-	-
-еніј(Э) (русс.)	-	-	1	-	-	-
-иј(Э) (русс.)	-	-	11	-	-	-

В терминологии видов и типов стиха зарегистрировано 6 ММТЭ в префиксальной функции, которые имеют греко-латинское происхождение. Исконные ММТЭ отсутствуют.

Из 17 зарегистрированных ММТЭ в суффиксальной функции 10 имеют греко-латинское происхождение. ММТЭ исконного происхождения гораздо менее презентативны. В терминологии единиц фонетико-метрического членения речи зафиксированы 1 общегерманский ММТЭ (-er), 3 немецких (-ung, -ler, -ier) и 3 русских ММТЭ (-ениј, -иј, -ник).

Частотность словообразовательных элементов.

1) Наиболее частотные ММТЭ в префиксальной функции: лат. *ep(i)-*, *hyper-*, *para-*; греч. ἐπ-, ὑπερ-; русск. *a-*, *син-*; англ. *syn-*; нем. *A-*, *Hyper-*; франц. *a -*.

2) Наиболее частотные ММТЭ в суффиксальной функции: лат. *-(a)eus*, *-ius* (*-ios*), *-arius*, *-icus* (*-a*, *-um*); греч. *-ικός* (-ή, -ν), *-(ε)ιος*; русск. *-иј(Э)*, *-ариј*, *-ник*; англ. *-ean* (*-ian*), *-ic*; нем. *-er*, *-ler*, *-ius*, *-eus*, *-äus*; франц. *-ique*, *-é(e)*, *-ain*.

Способы словообразования, применяемые в терминологии видов стиха:

1) Префиксальный способ: лат. *hypermeter*, *hypermetrum*, *parastichis*; греч. *ὑπέρμετρον*, *ἐπιμονή*; русск. *гиперметр*, *примевр*; англ. *hypermeter*, *hypermetre*; нем. *Abvers*, *Anvers*, *Hypermeter*; франц. *hypermètre*, *refrain*.

2) Суффиксальный способ: лат. *Asclepiadeus*, *boiscius*, *colarion*; греч. *ἰωνικόν*, *γλυκάνειος*, *κωλάριον*; русск. *дольник*, *абецидарий*, *сенарий*, *септенарий*, *ударник*; англ. *gallimantic*, *glyconic*, *Hipponean*, *iambic*, *ithyphallic*; нем. *Glykoneus*, *Glykonius*, *Januarius*, *Kolarion*; франц. *praxillée*, *priapée*, *sap(ph)ique*, *sénaire*, *septénaire*.

3) Префиксально-суффиксальный способ: лат. *paraglyconeus*, *paraglyconius*; греч. *παραγλυκάνειος*; англ. *paraglyconic*; нем. *Paraglykonius*; франц. *paraglyconée*.

3) СС-терминология

Доля СС-терминологии составляет в среднем 18% всего терминологического массива в исследуемом разделе. В английском и французском языках относительный показатель этого типа терминологии стиха является минимальным

и составляет, соответственно, 14% и 10%. Максимальное количество СС-терминологии зафиксировано в греческом и немецком языках (соответственно, 23% и 26%).

Основные словообразовательные модели в СС-терминологии:

1. **S₁+S₂**: лат. *galliambus, iambelegus*; греч. *ἰαυβέλεγος*, русск. *ракоход, стихотворение, ямбэлэгий*; англ. *half-line, echo-verse*; нем. *Bibelvers, Alliterationsvers, Knüttelvers*; франц. *iambélegus*.
2. **S₁+S₂+S₃**: нем. *Krebsgangvers, Ringelschlangenvers*.
3. **S_v+S**: нем. *Kehrreim, Hinkiambus, Sprechvers*.
4. **A+S**: греч. *ἀκρόστιχος, βράχυκῶλον, μεσόστιχος*; нем. *Kurzvers, Langzeile*.
5. **N+S**: лат. *bis(s)yllabus, dimeter, heptameter, quadrisyllabus*; греч. *δίμετρον, δεκαστίχιον*; русск. *восьмисложник, восьмистишие*; англ. *trisyllable, pentameter*; нем. *Dreisilbler, Elfzeiler*; франц. *hexasyllabe, heptamètre, ennéesyllabe*.

Ниже приводится сводная таблица частотности морфологических способов словообразования.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ СТИХА	ЯЗЫКИ					
	Латинь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
1) Префиксальный	10	6	7	5	7	7
2) Суффиксальный	29	11	7	41	17	26
3) Префиксально-суффиксальный	2	3	—	1	1	1
4) Словосложение	62	58	64	55	98	33

Наиболее распространёнными способами словообразования в микротерминносистеме видов и типов стиха во всех исследуемых языках являются словосложение и суффиксальный способ.

5. Морфологический анализ терминологии модификаторов

Результаты морфологического анализа однословной терминологии модификаторов сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Однословные термины		
	простые		сложные
	непроизводные	производные	
Латинский (395)	28 (7,1%)	54 (13,7%)	10 (2,5%)
Греческий (166)	16 (9,6%)	41 (24,7%)	9 (5,4%)
Русский (460)	21 (4,6%)	59 (12,8%)	14 (3%)
Английский (455)	21 (4,6%)	53 (11,6%)	18 (4%)
Немецкий (514)	17 (3,3%)	70 (13,6%)	120 (23,3%)
Французский (407)	15 (3,7%)	48 (11,8%)	15 (3,7%)
ВСЕГО (2397)	118 (4,9%)	325 (13,6%)	167 (7%)

1) ПН-терминология

Доля ПН-терминологии в древних языках в относительном выражении в два раза выше, чем в новых европейских языках (в среднем 8,4%). В новых языках этот показатель составляет около 4%.

Примеры ПН-терминологии: лат. *сомта, cursus, gravis, mora, pausa, acutus, chronos, rima, sedes, tonus*; греч. *ρῆμα, ρυθμός, ἀκμή, βάσις, βᾶρύ, χρόνος, κόμια, σῆμα, τάσις, τομή, τομά, τόνος*; русск. *агоги, акме, акут, гравис, доля, икт, комма, курсус, мора, ритм, цеппа*; англ. *acte, acute, agoge, break, somta, grave, metre, mora, pause, pulse, rhyme, rhythm, rime, stress, time, tone*; нем. *Agoge, Akme, Akzent, Komma, Mora, Pause, Reim, Schluss, Ton*; франц. *acté, somta, coupe, more, pause, rime, rythme, ton*.

2) ПП-терминология

Доля ПП-терминологии во всех исследуемых языках составляет в среднем 13,6%, достигая максимума в греческом языке (около 25%). В латыни и в новых европейских языках этот показатель в два раза ниже – 12-13%.

ММТЭ-анализ ПП-терминологии модификаторов.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ МОДИФИКАТОРОВ	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
Основные ММТЭ в префиксальной функции:						
a-/ἀ-/а-/A-	3	2	2	1	1	-
<i>Ab-</i> (нем.)	-	-	-	-	1	-
ana-/ἀνα-/ана-/Ana-	3	3	5	3	3	3
ant(i)-/ἀντ(i)-/ант(и)-/Ant(i)-	-	-	2	-	-	-
apo-/ἀπο-/апо-/Apo-	3	1	-	-	-	-
as- (ad-)/ac- (ад-)/As- (Ad-)	1	-	1	1	1	1
<i>Auf-</i> (нем.)	-	-	-	-	1	-
<i>Aus-</i> (нем.)	-	-	-	-	2	-
<i>Be-</i> (нем.)	-	-	-	-	3	-
circum-/циркум-/Zirkum-	1	-	2	1	-	-
con- (m-)/кон- (м-)/Kon- (m-)	2	-	1	1	1	1
de-/де-/De-	1	-	-	-	-	-
des-/дез-/Des-/dés-	1	-	1	1	-	1
di(a)-/di(a)-/Di(a)-	1	3	1	1	2	1
dis-/дис-/Dis-	1	-	1	1	1	1
<i>Ein-</i> (нем.)	-	-	-	-	1	-
ep(i)-/ἐπ(i)-/эп(и)-/Ep(i)-	1	1	2	1	1	1
<i>fore-</i> (англ.)	-	-	-	2	-	-
<i>Hervor-</i> (нем.)	-	-	-	-	1	-
hyper-/ὑπερ-/гипер-/Hyper-	1	1	1	1	1	1
hypo-/ὑπο-/гипо-/Hypo-	1	2	1	1	1	1
in- (im-)/ин- (им-)/In- (Im-)	4	-	1	2	1	1
inter-/интер-/Inter-	2	-	-	-	-	-
meta-/μετα-/мета-/Meta-	1	1	1	1	-	1
<i>Nach-</i> (нем.)	-	-	-	-	1	-
<i>Neben-</i> (нем.)	-	-	-	-	3	-
<i>over-</i> (англ.)	-	-	-	2	-	-
para-/παρα-/пара-/Para-	3	3	2	2	3	2
peri-/περι-/пери-/Peri-	2	3	2	2	2	1
post-/пост-/Post-	-	-	-	1	-	-

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

pro-/προ-/про-/Pro-	5	5	5	4	5	4
re-/pe-/Re-/ré-	1	—	—	1	1	3
syn- (sym-) / συγ- (συμ-) / син- (сим-) / Syn- (Sym-)	1	4	—	3	1	1
Über- (нем.)	—	—	—	—	2	—
Um- (нем.)	—	—	—	—	2	—
Vor- (нем.)	—	—	—	—	1	—
в- (русс.)	—	—	1	—	—	—
вы- (русс.)	—	—	2	—	—	—
за- (русс.)	—	—	1	—	—	—
о- (русс.)	—	—	1	—	—	—
пере- (русс.)	—	—	4	—	—	—

Основные ММТЭ в суффиксальной функции:

-ance/-anz/-ance	—	—	—	3	3	3
-asis/-ασις /-аз(ис), -ac(ис)/-asis, -ase/-ase	3	4	3	4	4	2
-ence/-enz/-ence	—	—	—	1	2	1
-esis/-εσις, -ησις /-ез(ис), -ec(ис)/-esis, -äsis, -ese, -äse/-èse	4	5	4	3	6	3
-icus/-ικός/-ик(ус)/-ic/-ik(us)/-ique	3	5	3	4	1	3
-id/-ид/-ide	—	—	1	1	1	1
-ing (англ.)	—	—	—	4	—	—
-io/-ion	1	—	—	1	—	—
-isis/-ισις /-из(ис), -ис(ис)/-isis, -ise/-ise	3	2	2	2	3	2
-ius, -ios /-(ε)ιος	—	1	—	—	—	—
-mentum/-ment	—	—	—	2	1	1
-sio/-sion	2	—	—	—	—	—
-ti(a)	4	—	—	—	—	—
-tio/-циј(а)/-tion	13	—	7	8	4	6
-ul(a)/-ула/-ula/-el/-ule	2	—	2	1	1	1
-ung (нем.)	—	—	—	—	13	—
-ura/-ура/-ure/-ur/-ure	2	—	1	1	1	1
-usis/-ουσις /-уз(ис), -yc(ис)/-usis, -use/-ouse	2	2	4	2	2	2
-ia /-(i)a/-иј(а)/-у/-ie/-ie	1	2	5	4	4	4
-енность (русс.)	—	—	1	—	—	—
-ованность (русс.)	—	—	1	—	—	—
-аниј(э) (русс.)	—	—	3	—	—	—
-ениј(э) (русс.)	—	—	3	—	—	—
-овка (русс.)	—	—	1	—	—	—

В терминологии модификаторов зафиксирован 41 префиксальный ММТЭ. Из числа этих элементов 18 имеют исконное происхождение (5 русских ММТЭ, 11 – немецких и 2 – английских). Прочие 23 префиксальных ММТЭ представляют собой заимствования из древнегреческого и латинского языков.

В терминологии модификаторов зафиксировано 24 суффиксальных ММТЭ, из которых 7 имеют исконное происхождение (5 русских, 1 английский, 1 немецкий), остальные 17 – заимствованы из греческого и латинского языков.

Частотность словообразовательных элементов:

1) Наиболее частотные ММТЭ в префиксальной функции: лат. *pro-*, *in-*, *par(a)-*, *apo-*, *a-*, *an(a)-*; греч. *προ-*, *ἀν(a)-*, *παρ(a)-*, *δι(a)-*; русск. *ан(a)-*, *про-*, *пере-*; англ. *syn-* (*sym-*), *pro-*, *an(a)-*; нем. *Pro-*, *Par(a)-*, *Neben-*, *Be-*, *An(a)-*; франц. *an(a)-*, *pro-*, *re-*.

2) Наиболее частотные ММТЭ в суффиксальной функции: лат. *-asis*, *-esis*, *-isis*, *-tio*, *-ic(us)*; греч. *-εσις*, *-ησις*, *-ασις*, *-ικός*; русск. *-ез(ис)*, *-ес(ис)*; *-циј(а)*, *-иј(а)*, *-уз(а)*, *-yc(а)*, *-аниј(э)*, *-ениј(э)*; англ. *-tion*, *-y*, *-ing*, *-ic*, *-asis*, *-ance*; нем. *-ung*, *-tion*, *-ie*, *-asis*, *-ase*, *-esis*, *-äsis*, *-ese*; франц. *-tion*, *-ie*, *-ance*, *-èse*, *-ique*.

Способы словообразования, применяемые в терминологии модификаторов.

1) Префиксальный способ: лат. *anastrophe*, *circumflexus*; греч. ἀναστροφή, ὑποστροφή; русск. *переброс*, *перенос*, *перескок*; англ. *anastrophe*, *circumflex*; нем. *Auftakt*, *Ausgang*, *Ausreim*; франц. *anastrophe*, *rejet*, *pararime*.

2) Суффиксальный способ: лат. *modulatio*, *pausatio*; греч. ὁχυτονήξις, русск. *ритмизованность*, *рифмоид*; англ. *(a)esura*, *cadence*, *clausula*; нем. *Fugung*, *Kadenz*, *Kreuzung*, *Modulation*; франц. *cadence*, *césure*, *clausule*.

3) Префиксально-суффиксальный способ: лат. *atonatio*, *incisio*, *inclinatio*; греч. *μετατονία*, *προκλιτικόν*, *συμφωνία*; русск. *атонация*, *выделение*, *выразительность*, *дезакцентуация*; англ. *foregrounding*, *inflection*, *intonation*, *metatony*; нем. *Überschneidung*, *Umakzentuierung*, *Umschlingung*; франц. *intonation*, *métatonie*, *proclitique*, *réaccentuation*.

3) СС-терминология

СС-терминология обнимает около 4% терминов во всех исследуемых языках, кроме немецкого. В последнем доля СС-терминологии достигает почти ¼ всего терминологического массива модификаторов (23,3%). В целом, учитывая относительный показатель числа терминов этого типа в немецком языке, количество СС-терминологии составляет 7%.

Основные словообразовательные модели в СС-терминологии:

1. **S₁+S₂**: греч. *ῥύθμοποιία*; русск. *слово-вставка*, *краесогласие*; англ. *verse-filler*, *tail rhyme*, *end-pause*; нем. *Zeilensprung*, *Wortton*, *Wertdruck*; франц. *rime-écho*.
2. **S₁+S₂+S₃**: нем. *Wortwitzreim*, *Wortspielreim*, *Ringelschlängenreim*.
3. **S_v+S**: нем. *Vorsetzwort*, *Stützakzent*, *Steigton*, *Sprechpause*, *Füllwort*.
4. **A+S**: греч. *βαρύτονον*, *όμογραμμα*; русск. *равноконечность*; англ. *full rhyme*; нем. *Vollreim*, *Verbalreim*, *Tiefton*, *Gleichendung*.
5. **N+S**: лат. *monorhythma*; русск. *монори(ф).м*; англ. *monorhyme*; нем. *Monoreim*; франц. *monorime*.

Ниже приводится сводная таблица частотности морфологических способов словообразования в терминологии модификаторов.

	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
1) Префиксальный	20	25	27	18	28	14
2) Суффиксальный	13	5	16	16	20	11
3) Префиксально-суффиксальный	17	8	16	18	18	15
4) Словосложение	10	9	14	18	120	15

Из таблицы видно, что преобладающим способом словообразования в терминологии модификаторов в немецком и французском языках является словосложение. В латыни, греческом, русском языках наиболее частотным словообразовательным способом оказывается префиксация. В английском языке максимальной частотностью отличаются префиксация, суффиксация и словосложение.

6. Морфологический анализ терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур

Результаты морфологического анализа однословной терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Однословные термины		
	простые		сложные
	непроизводные	производные	
Латинский (79)	1 (1,3%)	28 (35,4%)	15 (19%)
Греческий (46)	0 (0%)	16 (34,8%)	14 (30,4%)
Русский (74)	3 (4%)	25 (33,8%)	19 (25,7%)
Английский (77)	2 (2,6%)	23 (29,9%)	18 (23,4%)
Немецкий (91)	1 (1,1%)	25 (27,5%)	43 (47,3%)
Французский (69)	1 (1,5%)	22 (31,9%)	16 (23,2%)
ВСЕГО (436)	8 (1,8%)	139 (32%)	125 (28,7%)

1) ПН-терминология

Доля ПН-терминологии в древних и новых европейских языках в относительном выражении в среднем составляет около 2%, варьируя в пределах от 0% в греческом до 4% в русском языке. В последнем рост терминологии этого типа связан с неразложимостью отдельных терминов, которые в других сравниваемых языках отнесены к производной, т.е. разлагаемой на морфемы, терминологии.

Примеры ПН-терминологии: лат. *graphon*; русск. *графон*; англ. *graphon*; нем. *Graphon*; франц. *graphon*.

2) ПП-терминология

ПП-терминология обнимает около трети всех зафиксированных терминологических единиц. Усреднённый относительный показатель ПП-терминологии практически совпадает с аналогичным показателем в каждом из исследуемых языков.

ММТЭ-анализ ПП-терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ ФОНЕТИКО-МЕТРИЧЕСКИХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ И ФИГУР	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
Основные ММТЭ в префиксальной функции:						
ad- (an-, al-)/ад- (ан-, ал-)/Ad- (An-, Al-)	3	–	2	3	2	2
An- (нем.)	–	–	–	–	1	–
ana-/ανα-/ана-/Ana-	4	5	5	4	7	4
as- (ad-)/ac- (ад-)/As- (Ad-)	1	–	1	1	1	1
con- (m-)/кон- (м-)/Kon- (m-)	3	–	1	1	1	2
dis-/дис-/Dis-	1	–	1	1	1	1
ep(i)-/ἐπ(i)-/эп(i)-/Ep(i)-	5	5	4	5	7	5

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

Ge- (нем.)	-	-	-	-	1	-
in- (im-)/ин- (им-)/In- (Im-)	1	-	-	-	-	-
meta-/μετα-/мета-/Meta-	1	1	1	1	1	1
Miss- (нем.)	-	-	-	-	1	-
para-/παρα-/пара-/Para-	1	3	2	1	1	2
re-/ре-/Re-/ré-	3	-	-	-	-	-
syn- (sym-)/συγ- (сүң-)/син- (сим-)/Syn(Sym-)	-	2	-	-	-	-
под- (русс.)	-	-	1	-	-	-
с- (русс.)	-	-	1	-	-	-

Основные ММТЭ в суффиксальной функции:

-ance/-анс/-anz/-ance	-	-	3	3	3	3
-asis/-асис, -азис/-asis, -ase/-ase	-	-	-	-	-	1
-atus	1	-	-	-	-	-
-ee/é(e) (англ., франц.)	-	-	-	-	-	2
-ei (нем.)	-	-	-	-	2	-
-er (англ., нем.)	-	-	-	1	2	-
-esis/-εσις, -ησις/-есис, -езис, -еза, -eca/-esis, -ese/-èse	1	1	2	2	1	1
-ia/-íα/-ij(a)/-y/-ie/-ie	6	7	4	4	5	5
-ing (англ.)	-	-	-	1	-	-
-ismus/-ισμος/-изм/-ism/-ismus/-isme	1	1	1	3	-	2
-itas	1	-	-	-	-	-
-osis/-օσις, -օսիς/-осис, -озис, -оза, -oca/-osis, -ose/-ose	2	2	2	2	2	2
-tia	3	-	-	-	-	-
-tio/-циј(а)/-tion	10	-	2	5	2	2
-ung (нем.)	-	-	-	-	5	-
-енность (русс.)	-	-	1	-	-	-
-аниј(э) (русс.)	-	-	2	-	-	-
-иј(э) (русс.)	-	-	2	-	-	-
-овка (русс.)	-	-	1	-	-	-

В терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур зафиксировано употребление 16 префиксальных ММТЭ, из которых 5 имеют исконное происхождение (3 немецких и 2 русских ММТЭ), 19 суффиксальных ММТЭ из которых 8 имеют исконное происхождение (1 ММТЭ общегерманского происхождения, 1 английский, 2 немецких и 4 русских ММТЭ).

Частотность словообразовательных элементов:

1) Наиболее частотные ММТЭ в префиксальной функции: лат. *ad-*, *ana-*, *con-*, *ep(i)-*, *re-*; греч. *ἀνα-*, *ἐπ(i)-*, *παρα-*; русск. *ана-*, *эн(i)-*; англ. *ad-*, *ana-*, *con-*, *ep(i)-*, *re-*; нем. *Ana-*, *Ep(i)-*; франц. *ана-*, *еп(i)-*.

2) Наиболее частотные ММТЭ в суффиксальной функции: лат. *-tio*, *-i(a)*, *-ti(a)*; греч. *-օσις*, *-օսիς*, *-íα*; русск. *-иј(а)*, *-анс*, *-осис*, *-озис*, *-есис*; англ. *-ance*, *-y*, *-tion*, *-ism*, *-esis*, *-osis*; нем. *-anz*, *-ung*, *-ie*; франц. *-ance*, *-ie*.

Способы словообразования, применяемые в терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур.

1) Префиксальный способ: лат. *epistrophe*; греч. *σύμφωνον*; русск. *метаграмма*; англ. *anagram*; нем. *Anreim*; франц. *métagramme*.

2) Суффиксальный способ: лат. *vocalitas*; русск. *параллелизм*; англ. *echoism*; нем. *Parallelismus*; франц. *parallélisme*.

3) Префиксально-суффиксальный способ: лат. *coniunctio*; греч. *παραλληλισμός*; русск. *перевертень*; англ. *appnomination*; нем. *Dissonanz*; франц. *dissonance*.

3) СС-терминология

СС-терминология включает в себя в среднем около 29% всех зафиксированных терминологических единиц. В отдельных языках этот показатель может быть ниже (например, в латыни он составляет 19%) или выше (в немецком языке он равен 47,3%). Рост терминологии этого типа в немецком языке связан с большим количеством терминов исконного происхождения.

Основные словообразовательные модели в СС-терминологии:

1. **S₁+S₂**: лат. *lingui-fractor*; греч. *δύοματοποία*; русск. *звукоподражание, ракоход*; англ. *sound-imitation*.
2. **S₁+S₂+S₃**: нем. *Krebsgangvers*.
3. **A+S**: греч. *κακοφωνία*; русск. *благозвучие, скороговорка*; нем. *Gleichendung*.

Ниже приводится сводная таблица частотности морфологических способов словообразования в терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур.

	языки					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ФОНЕТИКО-МЕТРИЧЕСКИХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ И ФИГУР						
1) Префиксальный	8	—	9	8	13	8
2) Суффиксальный	4	—	4	6	3	4
3) Префиксально-суффиксальный	16	2	12	9	9	10
4) Словосложение	15	14	19	18	43	16

Наиболее частотным способом словообразования в терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур во всех языках (кроме латыни) является словосложение. Менее частотными в греческом, русском, английском и французском языках является префиксально-суффиксальный способ. В немецком языке вторым по частотности способом словообразования после словосложения оказывается префиксация. В латыни основным способом словообразования является префиксально-суффиксальный, а вторым по частотности продуктивным способом словообразования оказывается словосложение.

7. Морфологический анализ терминологии фонетико-метрических процессов

Результаты морфологического анализа однословной терминологии фонетико-метрических процессов сведены в нижеследующую таблицу.

язык	однословные термины		
	простые		сложные
	непроизводные	производные	
Латинский (246)	— (0%)	126 (51,2 %)	5 (2 %)
Греческий (70)	— (0%)	52 (74,3 %)	3 (4,3 %)
Русский (328)	1 (0,3 %)	148 (45,1 %)	4 (1,2 %)
Английский (280)	4 (1,4 %)	128 (45,7 %)	9 (3,2 %)

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

Немецкий (405)	3 (0,7%)	146 (36%)	72 (18%)
Французский (226)	1 (0,4%)	104 (46%)	5 (2,2%)
ВСЕГО (1555)	9 (0,6%)	704 (45,3%)	98 (6,3%)

1) ПН-терминология

Доля ПН-терминов в терминологии фонетико-метрических процессов крайне невелика (0,6%). В древних языках ПН-термины не зафиксированы; в новых европейских языках максимальное их количество отмечено в английском и немецком языках, составляя в абсолютном и относительном выражении, соответственно, 4 (1,4%) и 3 (0,7%) термина. В русском и французском языках встречается по одному ПН-термину.

Примеры ПН-терминологии: русск. *мена*; англ. *loss, shift*; нем. *Hauch, Schwund*.

2) ПП-терминология

Доля ПП-терминов в терминологии фонетико-метрических процессов составляет около половины всей исследованной терминологии (более 45%). Максимальное количество ПП-терминологии отмечено в греческом языке, где ПП-термины составляют $\frac{3}{4}$ всего терминологического корпуса. Минимальное количество ПП-терминологии зафиксировано в немецком языке (36%), в котором сниженное количество ПП-терминов отчасти «компенсируется» за счёт сложной терминологии. В латинском, русском, английском и французском языках относительный показатель количества ПП-терминов приближается к усреднённому.

Примеры гибридной ПП-терминологии: русск. *ленирование, ѹотирование*; англ. *reducing, spoonerism*; нем. *Assimilierung, Devokalisierung, Jotierung*.

ММТЭ-анализ ПП-терминологии фонетико-метрических процессов.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ ФОНЕТИКО-МЕТРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
Основные ММТЭ в префиксальной функции:						
a-/ἀ-/α-/A-	2	2	2	2	3	4
ab- (af-)/аб- (аф-)/Ab- (Af-)	3	—	—	1	1	1
Ab- (нем.)	—	—	—	—	3	—
An- (нем.)	—	—	—	—	3	—
ana-/ἀνα-/ана-/Ana-	1	1	2	1	1	1
ant(i)-/ἀντ(i)-/ант(и)-/Ant(i)-	1	1	1	1	1	1
apo-/ἀπο-/апо-/Apo-	5	4	3	3	3	3
as- (ad-)/ас- (ад-)/As- (Ad-)	4	—	2	1	3	2
Aus- (нем.)	—	—	—	—	2	—
Be- (нем.)	—	—	—	—	1	—
con- (m-)/кон- (м-)/Kon- (m-)	5	—	—	1	—	2
de-/де-/De-	3	—	2	4	4	3
di(a)-/δι(a)-/Di(a)-	4	3	5	4	5	3
dis-/дис-/Dis-	3	—	1	3	—	4
Ent- (нем.)	—	—	—	—	2	—

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

ep(i)-/έπ(ι)-/эп(и)-/Ep(i)-	3	3	3	3	6	3
Er- (нем.)	-	-	-	-	2	-
ex-/экс-/Ex-	2	-	-	-	-	-
hyper-/ύπερ-/гипер-/Hyper-	1	1	1	1	1	1
hypo-/ύπο-/гипо-/Hypo-	1	-	-	-	-	-
in- (im-)/ин- (им-)/In- (Im-)	-	-	-	1	-	1
inter-/интер-/Inter-	1	-	-	1	-	1
meta-/μετα-/мета-/Meta-	4	4	4	4	5	4
para-/παρα-/пара-/Para-	4	3	4	3	4	3
pro-/προ-/про-/Pro-	5	3	3	2	4	2
re-/pe-/Re-/ré-	3	-	1	4	2	3
sub-/суб-	1	-	-	1	1	1
syn- (sym-) / συγ- (συμ-) / син- (сим-) / Syn- (Sym-)	8	6	10	9	9	7
trans-/транс-/Trans-	3	-	1	1	-	1
вы- (русс.)	-	-	3	-	-	-
за- (русс.)	-	-	3	-	-	-
о- (русс.)	-	-	7	-	-	-
пере- (русс.)	-	-	9	-	-	-
при- (русс.)	-	-	2	-	-	-
раз-, рас- (русс.)	-	-	8	-	-	-
с- (русс.)	-	-	7	-	-	-
у- (русс.)	-	-	7	-	-	-

Основные ММТЭ в суффиксальной функции:

-aison (франц.)	-	-	-	-	-	2
-ance/-anz/-ance	-	-	-	1	3	1
-asis/-ασις/-асис, -азис/-asis, -ase/-ase	-	1	2	1	2	1
-atus	2	-	-	1	1	1
-e/-η-е	8	11	-	6	9	7
-esis/-εσις, -ησις/-ес(ис), -ез(ис)/-esis, -ese/-èse	14	13	19	14	22	13
-ia/-ία/-иј(a)/-у/-ie/-ie	7	8	7	7	11	7
-ing (англ.)	-	-	-	15	-	-
-io/-ion	-	-	-	4	-	-
-isis/-ισις/-исис, -изис/-isis, -ise/-ise	1	1	2	1	2	1
-(c)ismus/-(κ)ισμος/-(π)изм/-(c)ism/-(z)ismus/-(c)isme	7	7	9	6	7	6
-it(us)	2	-	-	1	1	-
-mentum/-ment	-	-	-	1	-	11
-ness (англ.)	-	-	-	2	-	-
-osis/-օσիս, -օսիս/-осис, -օզիս/-osis, -ose/-ose	2	2	1	1	2	1
-sio/-sion	8	-	-	-	1	4
-tia	2	-	-	-	-	-
-tio/-циј(a)/-tion	55	-	33	48	36	31
-ung (нем.)	-	-	-	-	73	-
-ениј(э) (русс.)	-	-	32	-	-	-
-ованиј(э) (русс.)	-	-	3	-	-	-
-овка (русс.)	-	-	2	-	-	-

В терминологии фонетико-метрических процессов зафиксировано употребление 37 префиксальных ММТЭ, из которых 14 имеют исконное происхождение (6 немецких и 8 русских ММТЭ), 25 суффиксальных ММТЭ из которых 8 имеют исконное происхождение (2 английских, 1 немецкий, 1 французский и 4 русских ММТЭ).

Частотность словообразовательных элементов:

- 1) Наиболее частотные ММТЭ в префиксальной функции: лат. *as-*, *apo-*, *con-*, *di(a)-*, *meta-*, *pro-*, *syn-*; греч. *ἀπό-*, *μετα-*, *συγ-* (*συν-*); русск. *апо-*, *ди(a)-*, *мета-*, *пар(a)-*, *син-*, *о-*, *пере-*, *рас-* (*раз-*), *с-*, *у-*; англ. *de-*, *di(a)-*, *syn-*, *re-*, *meta-*; нем. *De-*, *Dia-*, *Meta-*, *Ep(i)-*, *Syn-*, *Pro-*, *Par(a)-*; франц. *a-*, *dis-*, *meta-*, *syn-*.
- 2) Наиболее частотные ММТЭ в суффиксальной функции: лат. *-(c)ismus*, *-tio*, *-esis*, *-e*, *-sio*, *-tio*; греч. *-εσίς* (-ησίς), *-η*, *-(i)α*, *-(κ)ισμός*; русск. *-ий(a)*, *-ен(и)j(э)*, *-циj(a)*, *-(и)изм*, *-есис*, *-езис*; англ. *-tion*, *-esis*, *-ing*; нем. *-esis*, *-ese*, *-ung*, *-tion*; франц. *-èse*, *-ment*, *-tion*.

Способы словообразования, применяемые в терминологии фонетико-метрических процессов.

- 1) Префиксальный способ: лат. *metagramma*; греч. *μετάγραμμα*; русск. замена, *метаграмма*; англ. *interchange*; нем. *Ablaut*; франц. *métagramme*.
- 2) Суффиксальный способ: лат. *fusio*, *etacismus*; греч. *δᾶσύτης*, *ἰδιασμός*; русск. *бетаизм*, *ламбда(и)изм*; англ. *doubling*; нем. *Dehnung*; франц. *étacisme*.
- 3) Префиксально-суффиксальный способ: лат. *adaequatio*; греч. *ἀποκοπή*; русск. *перевёртыши*, *синекфонез(ис)*; англ. *devoicing*; нем. *Umlautung*; франц. *déflexion*.

3) СС-терминология

Доля СС-терминов в терминологии фонетико-метрических процессов относительно невелика и составляет в среднем 3% в каждом из исследуемых языков, кроме немецкого. В последнем количество СС-терминов достигает 18% всего терминологического массива.

Примеры гибридной СС-терминологии: лат. *monophthongatio*, *diphthongatio*; русск. *монофтонгизация*, *дифтонгизация*; англ. *diphthongisation*, *monophthongisation*; нем. *Vokalverlust*, *Konsonantenanpassung*, *Fernassimilation*; франц. *diphthongaison*, *monophthongaison*.

Основные словообразовательные модели в СС-терминологии:

1. **S₁+S₂**: греч. *χασμωδία*; англ. *liprounding*; нем. *Vokalwechsel*.
2. **A+S**: греч. *ἀπλολογία*; нем. *Totalassimilation*.
3. **N+S**: лат. *monophthongatio*; русск. *монофтонгизация*; англ. *monophthongization*; нем. *Monophthong(is)ierung*; франц. *monophthongaison*.
4. **S+V_s**: нем. *Vokalverstummen*.
5. **A+V_s**: нем. *Stimmhaftmachen*.
6. **Adv.+ S**: нем. *Zusammenziehung*.

Ниже приводится сводная таблица частотности морфологических способов словообразования в терминологии фонетико-метрических процессов.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ФОНЕТИКО-МЕТРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
1) Префиксальный	21	7	24	20	31	11
2) Суффиксальный	48	14	45	64	57	47
3) Префиксально-суффиксальный	56	31	78	42	58	46
4) Словосложение	5	3	4	9	72	5

Наиболее продуктивным способом словообразования в микротерминосистеме фонетико-метрических процессов в латыни, греческом и русском языках является префиксально-суффиксальный способ. Вторым по частотности способом в этих языках оказывается суффиксация. В английском и французском языках максимальной частотностью отличается суффиксация, на втором месте – префиксально-суффиксальный способ. В немецком языке максимальная частотность свойственна словосложению и префиксально-суффиксальному способу словообразования.

4.2.3. Общие выводы

Результаты исследования однословной терминологии фонетики и метрики представлены в следующей таблице.

ЯЗЫК	Однословные термины		
	простые		сложные
	непроизводные	производные	
Латинский (1973)	85 (4,3%)	435 (22,1%)	179 (9,1%)
Греческий (971)	55 (5,7%)	211 (21,7%)	136 (14%)
Русский (2105)	99 (4,7%)	351 (16,7%)	168 (8%)
Английский (2112)	89 (4,2%)	400 (18,9%)	157 (7,4%)
Немецкий (2355)	68 (2,9%)	415 (17,6%)	588 (25%)
Французский (1771)	62 (3,5%)	315 (17,8%)	127 (7,2%)
ВСЕГО (11287)	458 (4,1%)	2127 (18,8%)	1355 (12%)

Доля однословных терминов в абсолютном выражении во всех исследуемых языках насчитывает 3940 единиц, что составляет 34,9% всего терминологического массива. 11,6% от указанного количества однословной терминологии составляют ПН-термины, доля которых в общем количестве исследованной терминологии равна 4,1%. 54% от указанного количества однословной терминологии составляют ПП-термины, доля которых в общем количестве исследованной терминологии равна 18,8%. 34,4% от указанного количества однословной терминологии составляют СС-термины, доля которых в общем количестве исследованной терминологии равна 12%.

1. ПН-терминология

Усреднённый относительный показатель ПН-терминологии (4,1%) в целом объективно отражает её относительные показатели в каждом из исследуемых языков. Незначительное превышение среднего значения зафиксировано в греческом языке (5,7%), снижение – в немецком языке (2,9%).

2. ПП-терминология

Усреднённый относительный показатель ПП-терминологии в целом также объективно отражает её относительные показатели в каждом из исследуемых языков. Незначительное превышение среднего значения зафиксировано в латыни и греческом языке (22%), снижение – в русском языке (16,7%).

ММТЭ-анализ ПП-терминологии фонетики и метрики.

В рамках ММТЭ-анализа ПП-терминологии была определена частотность словообразовательных элементов. Наиболее частотными являются следующие –

1) ММТЭ в префиксальной функции: лат. *di(a)-*, *trans-*, *ant(i)-*, *amphi-*, *an(a)-*, *a-*, *ep(i)-*, *par(a)-*, *pari-*, *meta-*, *pro-*, *in-*, *syn-*, *post-*, *re-*; греч. *ἐπ(i)-*, *δι(a)-*, *ἀντ(i)-*, *ἀπo-*, *ὑπερ-*, *μετa-*, *συγ-* (*συν-*), *παρ(a)-*, *παρi-*, *πro-*, *ἀμφi-*, *ἀν(a)-*, *ἀ-*; русск. *ди(a)-*,

гипер-, транс-, ант(и)-, про-, а-, амфи-, ан(а)-, эп(и)-, пари-,apo-, мета-, пар(а)-, син-, о-, пере-, рас- (раз-), с-, у-; англ. *di(a)-, trans-, a-, amphi-, an(a)-, ant(i)-, syn-* (*sym-*), *hyper-, par(a)-, con-, ep(i)-, re-, de-, meta-, pari-, pro-, post-, bi-*; нем. *Di(a)-, Trans -, A-, Amphi-, An(a)-, Ant(i)-, Ep(i)-, Par(a)-, Pari-, Pro-*; франц. *di(a)-, trans-, a-, dis-, meta-, syn-, hyper-, par(a)-, re-, amphi-, an(a)-, ant(i)-, ep(i)-, pari-, pro-, con-*.

2) ММТЭ в суффиксальной функции: лат. *-tio, -ans, -ens, -asis, -esis, -isis, -e, -sio, -icus, -(a)eus, -alis, -tia, -(c)ismus, -ia, -ius (-ios), -iv (-us, -a, -um)*; греч. *-(i)α, -ικός (-ή, -ν), -ιος, -(κ)ισμός, -(ε)ιος, -ασις, -εσις (-ησις), -η, -οσις, -ωσις*, русск. *-иј(э), -иј(а), -ик, -ник, -ант, -ам, -(и)изм, -анс, -ос(ис, а), -оз(ис, а), -ес(ис, а), -ез(ис, а), -уз(а), -ус(а), -аниј(э), -ениј(э), -ариј -ик(а), -н, -циј(а)*; англ. *-al, -ans, -ee, -ic, -id, -ius, -tion, -ive, -y, -ean (-ian), -ance, -ism, -asis, -esis, -osis, -ing*; нем. *-ik, -tion, -al(is), -ans, -ant, -anz, -ar(is), -eus, -äus, -ius, -ie, -asis, -ase, -esis, -äsis, -ese, -äse, -ung, -tion, -er, -ler*; франц. *-ique, -tion, -ance, -ain, -al(e), -é(e), -èse, -if (-ive), -ie*.

Как видим, подавляющее большинство ММТЭ имеет греко-латинское происхождение. Наиболее частотные исконные ММТЭ в префиксальной и суффиксальной функциях встречаются только в русском и немецком языках и выделены **полужирным курсивом**.

Основные способы словообразования в ПП-терминологии фонетики и метрики и их частотность представлены в нижеследующей таблице.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ФОНЕТИКИ И МЕТРИКИ	ЯЗЫКИ					
	Латинь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
1) Префиксальный	95	75	105	87	118	68
2) Суффиксальный	190	58	127	187	164	137
3) Префиксально-суффиксальный	146	61	134	116	123	100

Наиболее частотными словообразовательными способами являются: в латыни, русском, английском, немецком и французском языках – суффиксация и префиксально-суффиксальный способ, в греческом языке – префиксация и префиксально-суффиксальный способ.

Полученные данные не вполне совпадают с выводами В.П. Даниленко, согласно которым префиксация в терминологии является преобладающим языковым средством передачи определённых характеристик исследуемого объекта [ДАНИЛЕНКО, 1967: 61]. В терминологии фонетики и метрики суффиксация оказывается более развитым словообразовательным средством и представлена более широко, чем префиксация. Исключение составляет терминология греческого языка, в котором префиксальный способ словообразования по частотности применения превышает не только собственно суффиксацию, но и смешанный морфологический (аффиксальный) способ – префиксально-суффиксальный.

3. СС-терминология

Доля СС-терминологии варьирует в диапазоне от ≈8% в латинском, русском, английском и французском языках до 25% в немецком языке, что можно объяснить чрезвычайной распространённостью и частотностью в немецком

языке такого способа словообразования как словосложение⁶⁵. Доля СС-терминологии в греческом языке составляет 14%, что почти в два раза превышает усреднённый относительный показатель.

Основными морфологическими моделями в СС-терминологии фонетики и метрики являются следующие:

- I. Во всех исследуемых языках: 1) **N+S** и 2) **S₁+S₂**.
 - II. В греческом, русском, английском и немецком языках: **A+S**.
 - III. В немецком языке: 1) **S₁+S₂+S₃** и 2) **S_v+S**.

4.2.4. Структурные мотивационные признаки в сфере номинаций фонетики и метрики

Данный раздел работы посвящён исследованию структурной (морфологической) мотивированности фонетико-метрических терминов, которая обусловлена семантикой применяемых словообразовательных средств. Задача состояла в выявлении наиболее частотных признаков (сем), выражаемых ММТЭ в префиксальной и суффиксальной функциях. Это делалось с целью: 1) установить характер корреляций между формированием фонетико-метрических терминов и «правилами» структурной мотивированности, свойственными тому или иному языку; 2) выявить инвентарь терминообразовательных средств, с помощью которых достигается большая или меньшая мотивация терминологии.

В сфере терминологии фонетики и метрики в наибольшей степени проявляют себя словообразовательные (морфемные) средства (ММТЭ) со следующей семантической наполняемостью.

1. Основные ММТЭ в префиксальной функции⁶⁶:

МОРФЕМНЫЕ СРЕДСТВА ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКОВ					
Латинский	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
1.1. Топические признаки.					
1.1.1. «Расположение, нахождение»					
1.1.1.1. «Нахождение вокруг, около, кругом, рядом, вблизи»					
ep(i)-	ἐπ(ι)-	эп(и)-	ep(i)-	Ep(i)-	ép(i)-
in-/im-		ин-/им-	in-/im-	In-/Im-	in-/im-
para-	παρα-	пара-	para-	Para-	para-
peri-	περι-	пери-	peri-	Peri-	péri-
				Neben-	
				Um-	
1.1.1.2. «Нахождение за чем-л.»					
ep(i)-	ἐπ(ι)-	эп(и)-	ep(i)-	Ep(i)-	ép(i)-
post-		пост-	post-	Post-	post-
		за-		Nach-	
		раз-/рас-			
1.1.1.3. «Нахождение впереди чего-л., перед чем-л., предшествование»					
ante-		анте-	ante-	Ante-	ante-

⁶⁵ Ср. с высказыванием Ш. Балли по поводу особенностей словообразования во французском и немецком языках: «Предпочтение, которое немецкий язык оказывает сложным словам, хорошо известно. Известно также, что в огромном большинстве случаев немецким сложным словам соответствуют во французском языке или простые, или суффиксальные слова, окончание которых не имеет никакого конкретного значения» [Балли, 2001: 333].

⁶⁶ ММТЭ, выделенные курсивом, как правило, исконного происхождения и не имеют в таблице формальных соответствий в других исследуемых языках.

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

prae-		пре-	pre-	Prä-	pré-
pro-	προ-	про-	pro-	Pro-	pro-
			fore-	Vor-	

1.1.1.4. «Нахождение вверху, над чем-л. или поверх чего-л.»

supra-		супра-	supra-	Supra-	supra-
			over-	Über-	
				Auf-	

1.1.1.5. «Нахождение между чем-л.»

inter-		интер-	inter-	Inter-	inter-
		меж(ду)-			

1.1.1.6. «Нахождение вместе»

syn-/sym-	συγ-/συμ-	син-/сим-	syn-/sym-	Syn-/Sym-	syn-/sym-
-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------

1.1.2. «Направленность действия»

1.1.2.1. «Движение вперед»

pros-	pros-	прос-	pros-	Pros-	pros-
-------	-------	-------	-------	-------	-------

1.1.2.2. «Движение через или сквозь что-л.»

ana-	ἀνα-	ана-	ana-	Ana-	ана-
		пере-			

1.1.2.3. «Движение сверху вниз»

de-		де-	de-	De-	dé-
		с-			

1.1.2.4. «Движение снизу вверх»

ex-		экс-	ex-	Ex-	ex-
		пере-		Auf-	
		под-			

1.1.2.5. «Движение вовне, наружу»

ex-		экс-	ex-	Ex-	ex-
		вът-		Aus-	

1.1.2.6. «Движение внутрь»

in-/im-		ин-/им-	in-/im-	In-/Im-	in-/im-
		в-		Ein-	
		у-			

1.2. «Отсутствие, недостаточность или отрицание признака, выраженного во 2-й части слова»

a-	ἀ-	а-	а-	A-	a-
apo-	ἀπο-	апо-	аро-	Apo-	аро-
de-		де-	de-	De-	dé-
in-/im-		ин-/им-	in-/im-	In-/Im-	in-/im-
des-		дез-	des-	Des-	dés-
		у-		Ab-	
				Aus-	
				Ent-	
				Miss-	
				Un-	

1.3. «Начинательность действия или признака»

ad-/an-/al		ад-/ан-/ал-	ad-/an-/al	Ad-/An-/Al-	ad-/an-/al
		за-		Auf-	
		по-			

1.4. «Завершение действия или признака»

apo-	ἀπο-	апо-	аро-	Apo-	аро-
de-		де-	de-	De-	dé-
ex-		экс-	ex-	Ex-	ex-

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

		<i>въи-</i>		<i>Aus-</i>	
		<i>за-</i>		<i>Er-</i>	
		<i>при-</i>			

1.5. «Дополнительность, подчинённость признака или качества»

ad-/an-/al		ад-/ан-/ал-	ad-/an-/al	Ad-/An-/Al-	ad-/an-/al
pros-	прос-	прос-	pros-	Pros-	прос-
sub-	суб-	sub-	sub-	Sub-	sub-
para-	пара-	пара-	para-	Para-	para-
	<i>при-</i>			<i>Nach-</i>	
				<i>Neben-</i>	

1.6. «Сходство, близость, смежность признака»

ad-/an-/al		ад-/ан-/ал-	ad-/an-/al	Ad-/An-/Al-	ad-/an-/al
para-	пара-	пара-	para-	Para-	para-
as-/ad-		ас-/ад-	as-/ad-	As-/Ad-	as-/ad-

1.7. «Приближение, сближение, присоединение, соединение, сочетание, совмещение, составление, объединение, сопряжение, стяжение»

ad-/an-/al		ад-/ан-/ал-	ad-/an-/al	Ad-/An-/Al-	ad-/an-/al
ко-		ко-/ко-	ко-	Ko-	ко-
con-/com-		кон-/ком-	con-/com-	Kon-/Kom-	con-/com-
syn-/sym-	συγ-/συμ-	син-/сим-	syn-/sym-	Syn-/Sym-	syn-/sym-
		<i>при-</i>		<i>An-</i>	
		<i>с-</i>		<i>Ein-</i>	

1.8. «Разъединение, расчленение, разделение, рассечение»

dia-	δι(α)-	ди(α)-	di(a)-	Di(a)-	di(a)-
dis-/dif-		дис-/диф-	dis-/dif-	Dis-/Dif-	dis-/dif-
		<i>пере-</i>			

1.9. «Противоположение, противопоставление, противополагание»

ant(i)-	ἀντ(ι)-	ант(и)-	ant(i)-	Ant(i)-	ant(i)-
---------	---------	---------	---------	---------	---------

1.10. «Удаление, отделение, устраниние, лишение признака»

apo-	ἀπο-	апо-	аро-	Аро-	аро-
de-		де-	de-	De-	dé-
des-		дез-	des-	Des-	dés-
in-/im-		ин-/им-	in-/im-	In-/Im-	in-/im-
		<i>въи-</i>		<i>Ab-</i>	
		<i>раз-/рас-</i>		<i>Aus-</i>	
		<i>y-</i>		<i>Ent-</i>	

1.11. «Совместность действия или состояния»

co-		ко-/ко-	ко-	Ko-	ко-
con-/com-		кон-/ком-	con-/com-	Kon-/Kom-	con-/com-
syn-/sym-	συγ-/συμ-	син-/сим-	syn-/sym-	Syn-/Sym-	syn-/sym-

1.12. «Расширение, усиление (тж. чрезмерное) признака или качества»

ex-		экс-	ex-	Ex-	ex-
meta-	μετα-	мета-	meta-	Meta-	meta-
supra-		супра-	supra-	Supra-	supra-
hyper-	ὑπερ-	гипер-	hyper-	Hyper-	hyper-
extra-		экстра-	extra-	Extra-	extra-
		<i>за-</i>	<i>over-</i>	<i>Über-</i>	
		<i>о-</i>		<i>Aus-</i>	
		<i>пере-</i>		<i>Hervor-</i>	

1.13. «Понижение, снижение, ослабление признака или качества»

de-		де-	de-	De-	dé-
-----	--	-----	-----	-----	-----

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

hypo-	ύπο-	гипо-	хуро-	Нуро-	хуро-
		при-			
		у-			

1.14. «Перемена или переход в другое состояние, перемещение, превращение»

per-		пер-	per-	Per-	per-
trans-		транс-	trans-	Trans-	trans-
meta-	μετα-	мета-	meta-	Meta-	meta-
		вът-		Aus-	
		за-		Ein-	
		о-		Er-	
		пере-		Um-	
		но-			
		с-			

1.15. «Отступление, отклонение от чего-либо, нарушение, ошибочное отождествление с чем-л., несоответствие внешних проявлений сущности данного явления»

para-	παρα-	пара-	para-	Para-	para-
		раз-/рас-		Ab-	
				Aus-	
				Miss-	
				Un-	

1.16. «Интенсивность, повторяемость или возобновление признака или действия»

re-		ре-	re-	Re-	ré-
		пере-		Nach-	

1.17. «Передача через посредство чего-л.»

trans-		транс-	trans-	Trans-	trans-
--------	--	--------	--------	--------	--------

2. Основные ММТЭ в суффиксальной функции:

Морфемные средства исследуемых языков

Латинский	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
2.1. «Принадлежность, отнесённость к чему-л., соотнесение с чем-л.»					
-(a)eus	-αιος	-еј	-eus	-eus/-äus	-ée
-alis		-ал'	-al	-al(is)	-al(e)
-aris		-ар	-ar	-ar(is)	-aire
-i(a)cus	-ι(α)κός	-ик(ус)	-i(a)c	-i(a)k(us)	-ique
-id		-ид	-id	-id	-ide
-ius/ios/-ion	(ε)ιος/(ε)ιον	-иј	-ius	ius/ius/iум	-ius
-iscus	-ίσκος	-иск	-isc(us)	-isk(us)	-isque
-ianus (-m)		-ев, -ов, -еј	-ean, -ian		-ien
		-ник			

2.2. «Качество, свойство, признак
при характеристике процесса, предмета или явления»

-aris		-ар	-ar	-ar(is)	-aire
-at(a)		-ат(а)	-ate	-ata/-ate	-é(e)
-e	-η	-е	-e	-e	-e
-ia	-ία	-иј(а)	-y/-ia	-ie	-ie
-itas		-нность	-ity	-ität	-ité
-iv(a)		-ив	-ive	-iv	-if (-ive)
-mentum		-мент	-ment	-ment(um)	-ment
-tia		-иј(э)		-ei	-aison
-it(us)		-аниј(з)			
		-ениј(з)			

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

		-иј(э)			
		ированиј(э)			
		-н			
		-ованиј(э)			
		-ованность			

2.3. «Собирательность»

-aris		-ар	-ar	-ar(is)	-aire
-arius	-άριος	-ар(иј)	-ary	-ar(ius)	-aire
-itas		-иностъ	-ity	-ität	-ité
-ius/ios/-ion	(ε)ιος/(ε)ιον	-иј	-ius	ius/ius/iум	-ius
-mentum		-мент	-ment	-ment(um)	-ment
-antia		-анс	-ance, -ancy	-anz	-ance
-entia		-енц(иј)	-ence, -ency	-enz	-ence
-ura		-ур(a)	-ure	-ur	-ure
				-ei	-aison
				-ung	

2.4. «Процессуальность, действие, деятельность, движение»

-(c)ismus	-(<к>)ισμοс	-(<ц, к)изм	-(c)ism	-(z)ismus	-(c)isme
-antia		-анс	-ance, -ancy	-anz	-ance
-entia		-енц(иј)	-ence, -ency	-enz	-ence
-at(a)		-ат(а)	-ate	-ata/-ate	-é(e)
-asis	-ασις	-аз(ис)/ -ас(ис)	-asis, -ase	-asis/-ase	-ase
-e	-η	-е	-e	-e	-e
-esis	-εσις, -ησις	-ез(ис)/ -ес(ис)	-esis, -ese	-esis/-äsis/ -ese/-äse	-èse
-isis	-ισις	-из(ис)/ -ис(ис)	-isis	-isis/-ise	-ise
-osis	-օσις, -ωσις	-օզ(ис)/ -օս(ис)	-osis	-osis/-ose	-ose
-usis	-օսիս	-уз(ис)/ -ус(ис)	-usis	-usis/-use	-ouse
-mentum		-мент	-ment	-ment(um)	-ment
-ura		-ур(a)	-ure	-ur	-ure
-iv(a)		-ив	-ive	-iv	-if (-ive)
-sio		-сиј(а)	-sion	-sion	-sion
-tio		-циј(а)	-tion	-tion	-tion
-io		-иј(а)	-ion	-ion	-ion
-it(us)		-аниј(э)	-ing	-ei	-aison
		-ениј(э)	-ness	-ung	
		-енность			
		-иј(э)			
		-ированиј(э)			
		-н			
		-ованиј(э)			
		-ованность			
		-κ(а)			
		-овκ(а)			
		-ываниј(э)			

2.5. «Результат действия, деятельности или процесса»

-asis	-ασις	-аз(ис)/ -ас(ис)	-asis, -ase	-asis/-ase	-ase
-------	-------	---------------------	-------------	------------	------

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

-e	-η	-е	-е	-е	-е
-esis	-εσις, -ησις	-ез(ис)/ -ес(ис)	-esis, -ese	-esis/-äsis/ -ese/-äse	-èse
-isis	-ισις	-из(ис)/ -ис(ис)	-isis	-isis/-ise	-ise
-osis	-οσις, -ωσις	-оз(ис)/ -ос(ис)	-osis	-osis/-ose	-ose
-usis	-ουσις	-уз(ис)/ -ус(ис)	-usis	-usis/-use	-ouse
-mentum		-мент	-ment	-ment(um)	-ment
-sio		-сиј(а)	-sion	-sion	-sion
-tio		-циј(а)	-tion	-tion	-tion
-io		-иј(а)	-ion	-ion	-ion
-ura		-ур(а)	-ure	-ur	-ure
-at(a)		-ат(а)	-ate	-ata/-ate	-é(e)
-it(us)		-аниј(э)		-ei	
		-ениј(э)		-ing	
		-енность		-ung	
		-иј(э)			
		-ированиј(э)			
		-ованиј(э)			
		-ованность			
		-κ(а)			
		-овκ(а)			
		-ыиваниј(э)			

2.6. «Состояние, положение»

-antia		-анс	-ance, -ancy	-anz	-ance
-entia		-енц(иј)	-ence, -ency	-enz	-ence
-e	-η	-е	-е	-e	-e
-sio		-сиј(а)	-sion	-sion	-sion
-tio		-циј(а)	-tion	-tion	-tion
-io		-иј(а)	-ion	-ion	-ion
-ia	-(í)α	-иј(а)	-y/-ia	-ie	-ie
-iv(a)		-ив	-ive	-iv	-if (-ive)
-ius/ios/-ion	(ε)ιος/(ε)ιον	-иј	-ius	ius/ius/ium	-ius
-itas		-нность	-ity	-ität	-ité
-tia		-аниј(э)	-ness	-ei	
		-ениј(э)			
		-иј(э)			
		-ованиј(э)			
		-ованность			

2.7. «Сходство, подобие при характеристике процесса, объекта или явления»

-alis		-ал'	-al	-al(is)	-al(e)
-id		-ид	-id	-id	-ide

2.8. «Производитель действия»

-ans, -antis		-ант(а)	-ant	-ant/-ans	-ante
-ens, -entis		-ент(а)	-ent	-ent	-ente
			-er	-er	
				-ier	
				-ler	

2.9. «Уменьшительность»

-ula		-ула	-ula	-el	-ule
------	--	------	------	-----	------

ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики

		<i>-ик</i>		<i>-chen</i>	
		<i>-ок</i>			
2.11. «Реципиентность, пассивное восприятие объектом направленного на него действия или сам объект, подвергшийся воздействию извне»					
			<i>-ее</i>		<i>-é(e)</i>
2.10. «Элементарная (базовая) единица какой-л. системы»					
<i>-ема</i>	<i>-ημα</i>	<i>-ема</i>	<i>-еме</i>	<i>-ем</i>	<i>-ème</i>
2.11. «Составная часть какой-л. системы»					
<i>-ia</i>	<i>-(í)α</i>	<i>-иж(a)</i>	<i>-у/-ia</i>	<i>-ie</i>	<i>-ie</i>
2.12. «Отрасль науки и техники»					
<i>-ia</i>	<i>-(í)α</i>	<i>-иж(a)</i>	<i>-у/-ia</i>	<i>-ie</i>	<i>-ie</i>

Анализ наиболее частотных морфемно-морфологических средств в префиксальной и суффиксальной функции, реализующих отмеченные в таблице семантические признаки, показывает следующее:

1. В сфере префиксации –

1) Наибольшее распространение получают префиксальные элементы, выражающие топические признаки. Эти признаки реализуются преимущественно через префиксальные элементы греко-латинского происхождения, входящие в наднациональный (супраязыковой) инвентарь терминообразовательных средств. Параллельно с ними собственные словообразовательные средства аналогичной семантики наиболее активно применяют русский и немецкий языки, в меньшей степени – английский. Это связано, скорее, не со степенью развитости лексико-грамматического строя этих языков, а с традиционной опорой процессов терминообразования в русском и немецком языках на исконный морфемный инвентарь. Французскому языку образование терминов с помощью исконных префиксальных морфем оказывается не свойственным вообще.

2) Несколько менее частотными по сравнению с описываемыми выше оказываются ММТЭ, выражающие признаки:

- «отсутствие, недостаточность или отрицание признака, выраженного во 2-й части слова»;
- «приближение, сближение, присоединение, соединение, сочетание, сожмение, составление, объединение, сопряжение, стяжение»;
- «удаление, отделение, устранение, лишение признака»;
- «расширение, усиление (тж. чрезмерное) признака или качества»;
- «перемена состояния, переход в другое состояние, перемещение, превращение».

Перечисленные признаки также реализуются большей частью с помощью префиксальных элементов греко-латинского происхождения. Параллельно с ними собственные словообразовательные средства с достаточной активностью используют русский и немецкий языки. В английском и французском языках применение собственного словообразовательного инвентаря практически не зафиксировано (исключение составляет английский префикс *over-*, реализующий сему «расширение, усиление (тж. чрезмерное) признака или качества»).

2. В сфере суффиксации –

1) Наибольшую частотность обнаруживают суффиксальные элементы, выражающие следующие признаки:

- «принадлежность, отнесенность к чему-л., соотнесение с чем-л.»;
- «качество, свойство, признак при характеристике процесса, предмета или явления»;
- «процессуальность, действие, деятельность, движение»;

- «результат действия, деятельности или процесса»;
- «состояние, положение».

Перечисленные признаки реализуются в основном с помощью суффиксальных элементов греко-латинского происхождения, значительная часть которых либо без изменения пополнила морфемный инвентарь новых языков, либо подверглась процессам ассимиляции в этих языках.

В наибольшей степени процессы ассимилирования греко-латинских суффиксальных морфем проявляют себя в русском языке, который большую их часть в составе заимствованной фонетико-метрической терминологии воспринял через посредство французского и польского языков, а также во французском языке, в котором, как отмечалось ранее, имел место исторический процесс упрощения морфемной структуры слов по сравнению с соответствующими латинскими лексемами. В меньшей степени процессы ассимиляции обнаруживаются в немецком и английском языках, которые отчасти воспринимают латинские термины с сохранением их морфемной структуры в готовом виде, отчасти – заменяют суффиксальные элементы греко-латинского происхождения собственными, что приводит в появлению в этих языках морфологических дублетов.

Использование в терминообразовании суффиксальных элементов исконного происхождения при передаче перечисленных выше признаков с высокой степенью частотности отмечено в русском и немецком языках, в меньшей степени – в английском и французском языках.

2) Наименьшую частотность обнаруживают суффиксальные элементы, выражающие следующие признаки:

- «производитель действия»;
- «уменьшительность»;
- «реципиентность, пассивное восприятие объектом направленного на него действия или сам объект, подвергшийся воздействию извне»;
- «элементарная (базовая) единица какой-л. системы»;
- «составная часть какой-л. системы»;
- «отрасль науки и техники».

Первые два признака реализуются с привлечением во всех языках ассимилированных суффиксальных средств греко-латинского происхождения, которые в русском и немецком языках традиционно дополняются функционально эквивалентными исконными морфемными средствами.

Прочие признаки реализованы посредством ассимилированного исследуемыми языками греко-латинского морфемного инвентаря.

4.2.5. Структурный анализ составной терминологии фонетики и метрики

Признавая терминологические словосочетания наряду с однословной терминологией одним из средств номинации, мы исходим из точки зрения В.В. Виноградова, согласно которой словосочетания представляют собой «синтаксически организованные и семантически цельные сочетания двух знаменательных слов, выражающие единое сложное значение и способные быть обозначением предмета, действия, качества и т.п.» [Виноградов, 1975: 239]. Будучи по своей структуре простыми или сложными, терминосочетания не перестают быть номинативным единством, не теряют своих семантических функций и в осложнённом виде выражают новое, ещё более расчленённое, конкретизированное, но единое, хотя и сложное значение. В процессе усложнения каждый дополнительный компонент терминологического словосочетания присоединяется не к его основному (определяемому) члену, а ко всему терминосочетанию в целом, что по-

зволяет при известной конкретизации значения выстраивать стройные терминологические структуры с гипо-гиперонимическими связями.

Особое значение при классификации терминосочетаний фонетико-метрической терминосистемы имеет внутриструктурный принцип, базирующийся исключительно на отношениях элементов в пределах терминосочетаний. Сообразно с этим принципом вся исследуемая составная терминология может быть отнесена к разряду ядерных терминосочетаний, которые представляют собой «группу слов, образующих грамматически организованную структуру, в которой один из элементов господствует над остальными. Этот элемент внутри данной группы не подчинён никакому другому элементу и является вследствие этого ядром данного сочетания... Иными словами, ядерные сочетания предполагают отношения подчинения внутри группы и, следовательно, основаны на одной из разновидностей подчинительных отношений – атрибутивных, объектных, обстоятельственных или экзистенциональных» [БУРЛАКОВА, 1975: 85].

Помимо выявления характера внутренних смысловых отношений между компонентами словосочетаний, в процессе классификации последних обычно учитываются также внешние структурные особенности: 1) количество компонентов, входящих в объединение, и 2) частеречная принадлежность главного слова словосочетания [КАМЧАТНОВ, НИКОЛИНА, 1999: 147].

Анализ структуры составного терминологического массива проводился с учётом системно-иерархического характера взаимоотношений, устанавливаемых внутри макротерминосистемы фонетики и метрики, т.е. отдельно по следующим наиболее репрезентативным понятийно ориентированным микросистемам терминов: 1) графика; 2) единицы фонетико-метрического членения речи; 3) стихотворные размеры и строфы; 4) стих; 5) модификаторы; 6) фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры; 7) фонетико-метрические процессы.

1. Структурный анализ составной терминологии графики

Результаты анализа составной терминологии графики сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Терминологические словосочетания, образуемые по схеме ⁶⁷ :		
	S+A (A+S)	S+[Praep.]+S	S+[Praep.]+S+A (S+[Praep.]+A+S)
Латинский (118)	37 (31,4%)	22 (18,6%)	4 (3,4%)
Греческий (43)	12 (27,9%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)
Русский (135)	47 (34,8%)	24 (17,8%)	9 (6,7%)
Английский (167)	69 (41,3%)	32 (19,2%)	4 (2,4%)
Немецкий (111)	25 (22,5%)	4 (3,6%)	0 (0,0%)
Французский (94)	30 (31,9%)	17 (18,1%)	4 (4,3%)
ВСЕГО (668)	220 (32,9%)	99 (14,8%)	20 (3%)

⁶⁷ Принятые здесь и далее обозначения в моделях терминосочетаний: S – существительное, N_{prop}. – имя собственное, A – атрибутивный компонент терминосочетания, выраженный различными частями речи (прилагательными, причастиями, существительными в атрибутивном употреблении и пр.), N – числительное, Praep. (praespositio) – предлог.

Терминологические сочетания, независимо от типа взаимоотношений между компонентами, составляют половину всего обследованного терминологического массива (около 51%).

По характеру смысловых отношений подавляющее большинство терминосочетаний строится на основе атрибутивных связей между компонентами. Эти терминосочетания образуются по схемам: 1) **S+A (A+S)**, 2) **S+ [Praep.] + S (%)** и 3) **S+ [Praep.] + S + A (S+ [Praep.] + A + S)**. Главные слова в терминосочетаниях выражены именами существительными (в схемах они выделены полужирным шрифтом), что предопределено выраженнымми номинативными свойствами исследуемых составных терминологических единиц.

Примеры терминологических словосочетаний с атрибутивными отношениями между компонентами.

1) По схеме **S + A (A + S)**: лат. *schemata rhythmicum, signa Masoretica, digrapha vocalis, assimilatio graphica, graphema diacriticum, iota subscriptum, linea curva, littera aphonica, accentus graphicus*; греч. *τὸνος γράφικός, γράφημα διακρίτικόν, γράμμα ἀφωνον, στοιχεῖον ἀφωνον, γράμμα ἐφελκυστικόν, σχῆμα μετρικόν, σχῆμα ρυθμικόν, προσῳδία ὀξεῖα, προσῳδία περισπωμένη, σῆμα διακρίτικόν, προσῳδία βάρεῖα, σῆμα συγκρίτικόν*; русск. буква двузначная, знак (символ) буквенный (~ письменный), написания дифференцирующие (~ дифференцировочные, ~ дифференциальные, ~ разграничительные), ударение графическое, асимиляция графическая, диграф согласный, графема диакритическая, схема (сетка) ритмическая; англ. 1) *rhythmic(al) pattern* (~ scheme), *Masoretic points, phoneticizing pronunciation, graphic accent, diacritic(al) grapheme, graphic dissimilation, silent (mute, quiescent, unsounded, soundless) letter, consonantal iota*; 2) *accent mark* (~ sign), *aspiration mark* (~ sign), *consonant digraph, length sign, rhyme pattern, rhyme scheme, shortness mark* (~ sign), *velarization mark* (~ sign), *vowel digraph, vowel letter, vowel trigram* (~ trigraph); нем. *rhythmisches Schema, phonetische Umschreibung, vokalische Auflösung, graphischer Akzent, mas(s)oretische Zeichen, graphische Assimilation* (~ Angleichung), *diakritisches Graphem, ephelkystischer Buchstabe*; франц. *caractère graphie, élision graphique, points masorétiques, graphies phonétiques, assimilation graphique, graphème diacritique, schème rythmique, accent graphique, digraphe consonantique*.

2. По схеме **S+ [Praep.] + S**: лат. *conexio litterarum, contextus litterarum, ligatura elementorum, matres lectionis, signum abbreviationis, signum accentus, vincula numerorum, signum afflatus*; русск. схема рифмовки, знаки гласных (~ вокализации), знак сокращения, знак долготы, знак лабиализации (~ огублённости, ~ округленности); англ. *mark (sign) of accent, mark (sign) of shortness, sign of length, mark (sign) of velarisation* (~ of velarization, ~ of hardening); нем. *Zeichen für die Lautkürze, Zeichen für die Lautlänge, Zeichen für die Halblänge*; франц. *schème des rimes, disposition des rimes, signe d'abréviation, signe d'accent, signe d'aspiration, signe de brévité, signe de durée, signe de métaphonie*.

3. По схеме **S+ [Praep.] + S + A (S+ [Praep.] + A + S)**: лат. *signum accentus acuti, signum accentus circumflexi, signum accentus gravis*; русск. знак ударения акутового (~ острого), знак ударения облечённого (~ циркумфлексного), знак ударения тупого (~ тяжёлого ~ грависного), знак умлаута (~ инфлексии вокалической, ~ мутации вокалической); англ. *mark (sign) of circumflex accent, mark (sign) of grave accent*; франц. *effacement d'une consonne* (~ d'une voyelle) *finale, signe d'inflexion vocalique* (~ de mutation vocalique).

2. Структурный анализ составной терминологии единиц фонетико-метрического членения речи

Результаты анализа составной терминологии единиц фонетико-метрического членения речи сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:		
	S+A (A+S)	S+[Praep.]+S	S+[Praep.]+S+A (S+[Praep.]+A+S)
Латинский (564)	320 (56,7%)	12 (2,1%)	2 (0,4%)
Греческий (262)	143 (54,6%)	0 (0%)	0 (0%)
Русский (561)	394 (70,2%)	3 (0,5%)	13 (2,3%)
Английский (543)	347 (63,9%)	8 (1,5%)	10 (1,8%)
Немецкий (665)	318 (47,8%)	1 (0,2%)	15 (2,3%)
Французский (457)	283 (61,9%)	21 (4,6%)	11 (2,4%)
ВСЕГО (3052)	1805 (59,1%)	45 (1,5%)	51 (1,7%)

Терминологические сочетания, независимо от типа взаимоотношений между компонентами, составляют почти $\frac{2}{3}$ всего обследованного терминологического массива (62%).

По характеру смысловых отношений подавляющее большинство терминосочетаний строится на основе атрибутивных связей между компонентами. Эти терминосочетания образуются по схемам: 1) S+A (A+S), 2) S+ [Praep.] + S (%) и 3) S+ [Praep.] + S + A (S+ [Praep.] + A + S). Главные слова в терминосочетаниях выражены именами существительными (в схемах они выделены **полужирным** шрифтом), что предопределено выраженнымми номинативными свойствами исследуемых составных терминологических единиц.

Примеры терминологических словосочетаний с атрибутивными отношениями между компонентами.

1. По схеме S + A (A + S): лат. *choreus geminus, consonans alveolaris, pes atoebaetus, syllaba celeris*; греч. δίφθογγος ὁρθή, ὀδχιος (δοχιδς) ἀνακλαστικός, ὅποτακτικὸν φωνῆν, ποὺς βακχεῖος, συλλαβὴ βαρύτονη, σύμφωνον ψῆλον; русск. гласный беглый, дифтонг долгий, слог атонический, согласный оглушённый, спондэй двустопный; англ. *homogeneous diphthong, anaclastic dochmius, ambivalent vowel, anap(a)estic(al) foot, short syllable*; нем. *antispastischer (Vers)fuß, dentilabialer Konsonant, flüchtiger Vokal, lange Silbe, mittellanges Element*; франц. *consonne aspirée, consonne fricative, diphthonge fausse, phonème moyen, pied iambochoraïque*.

2. По схеме S+ [Praep.] + S + A (S+ [Praep.] + A + S) : лат. *pars pedis fortis, pars pedis levis*; русск. гласный образования *полного*, гласный *подъёма среднего*, гласный *ряда переднего*; англ. *vowel of the front row (~ of the forward zone), vowel of the high rise*; нем. *Vokal der hinteren Reihe, Vokal der hohen Zungenhebung*; франц. *élément à double sommet, voyelle de formation non-complète, syllabe à double sommet, pied de syllabes brèves*.

3. По схеме S+ [Praep.] + S: лат. *continuatio verborum, depositio vocis, elevatio vocis*; русск. гласный основы, гласный корня; англ. *vowel of the stem*; нем. *Vokal des [Wort]stammes*; франц. *voyelle de composition, voyelle de milieu, voyelle de radical (~ de racine), phonème de transition, voyelle du thème*.

3. Структурный анализ составной терминологии стихотворных размеров и строф

Результаты анализа составной терминологии стихотворных размеров и строф сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:			
	S+A (A+S)	S+A+N (N+A+S)	S+[Praep.]+ N+S	S+[Praep.]+ N _{propn}
Латинский (208)	158 (76%)	13 (6,3%)	– (0%)	– (0%)
Греческий (133)	110 (82,7%)	6 (4,5%)	– (0%)	– (0%)

Русский (194)	168 (86,6%)	11 (5,7%)	– (0%)	– (0%)
Английский (196)	169 (86,2%)	6 (3%)	– (0%)	– (0%)
Немецкий (190)	162 (85,3%)	6 (3,2%)	– (0%)	– (0%)
Французский (195)	133 (68,2%)	6 (3,1%)	36 (18,5%)	4 (2%)
ВСЕГО (1116)	900 (80%)	48 (4,3%)	36 (3,2%)	4 (0,4%)

Терминологические сочетания, независимо от типа взаимоотношений между компонентами, формируют большую часть всего обследованного терминологического массива (88,5%).

По характеру смысловых отношений практически все терминосочетания в терминологии стихотворных размеров и строф – это терминосочетания с атрибутивным характером взаимоотношений между компонентами. Внутри этой группы можно выделить несколько типов словосочетаний, образующихся по схемам: 1) **S+A (A+S)**, 2) **S+A+N (N+A+S)**, 3) **S+[Praep.] + N+S**, 4) **S + [Praep.] + N_{prop}**.

Терминосочетания с атрибутивной связью, образуемые по схеме **S+A (A+S)**, составляют 91% всего проанализированного составного терминологического массива, терминосочетания, образуемые по схеме **S+A+N (N+A+S)** – около 4,9%. Наименьшее их количество зафиксировано во французском языке и компенсируется за счёт терминосочетаний, образуемых по схемам **S+[Praep.] + N+S** и **S+[Praep.] + N_{prop}**. Доля терминосочетаний, образуемых по последним двум схемам, составляет 3,9%.

Примеры терминологических словосочетаний с атрибутивными отношениями между компонентами.

1. По схеме **S+A (A+S)**: лат. *metrum Alctaniūm, metrum alternans, metrum alternūm*; греч. *μέτρον διτροχαῖον, μέτρον ἐπιώνικον, μέτρον ἵαμβοχορείον*; русск. *размер адонический, размер акаталектический, размер алкаический*; англ. *Alctanian meter, alternating meter, amphibrachic meter*; нем. *bakcheisches Versmaß, binäres Versmaß, bisyllabisches Versmaß, brachychoreisches Versmaß*; франц. *mètre laconique, mètre lesbien, mètre logaoédique, mètre monopodique*.

2. По схеме **S+A+N (N+A+S)**: лат. *stropha Archilochia altera, stropha Archilochia prima, stropha Archilochia quarta, stropha Archilochia secunda, stropha Archilochia tertia*; греч. *μέτρον Αρχιλοχίδην πρῶτον, μέτρον Αρχιλοχίδην τέταρτον, μέτρον Αρχιλοχίδην δεύτερον*; русск. *стРОФА АСКЛЕПИАДОВА вторая, стРОФА АСКЛЕПИАДОВА первая, стРОФА АСКЛЕПИАДОВА пятая, стРОФА АСКЛЕПИАДОВА третья, стРОФА АСКЛЕПИАДОВА четвёртая*; англ. *second Archilochean strophe, second pythiambic strophe, first Archilochean strophe, fourth Archilochean strophe*; нем. *dritte archilochische Strophe, erste archilochische Strophe, erste pythiambische Strophe*; франц. *strophe archiloquienne deuxième, strophe archiloquienne première, strophe archiloquienne quatrième, strophe archiloquienne troisième*.

3. По схеме **S+[Praep.] + N+S**: франц. *strophe de trois lignes, strophe d'un vers, mètre de deux iambes, mètre de deux pieds, mètre de deux syllabes, mètre de deux trochées*.

4. По схеме **S+[Praep.] + N_{prop}**: франц. *strophe d'Horace, strophe d'Onegine*.

4. Структурный анализ составной терминологии видов и типов стиха

Доля составной терминологии в целом составляет около 70% всей терминологии видов и типов стиха. Составная терминология неоднородна по своему составу. Внутри этой группы составных терминов выделяются следующие наиболее употребительные модели, в которых преобладает атрибутивный тип связи между компонентами: 1) **S+A (A+S)**, 2) **S+[Praep.] + S**, 3) **S+[Praep.] + S+A (S+[Praep.] + A+ S)**, 4) **S+A+A (A+A+S)**, 5) **S+[Praep.] + N+S**. Модель I имеет наиболее широкое распространение во всех исследуемых языках, формируя в среднем около 65% всего терминологического массива составного типа. На втором месте

по частотности находится модель IV, представляющая собой, по сути, расширенный вариант модели I (3%). Терминосочетания этой модели присутствуют в терминологическом корпусе каждого из исследуемых языков за исключением греческого. Минимальную частотность обнаруживают модели II (1%), III (0,05%), V (1%). Модель II наиболее характерна для французского языка, предпочтитающего образовывать составные термины аналитическим способом с помощью предлогов там, где латинский, греческий, русский, немецкий языки предпочитают синтетический способ сочетания компонентов составного термина, применяя артикли и флексии. Теоретически рассуждая, широкое распространение этой модели должно быть также свойственно английскому языку. Однако на практике в терминологии стиха вместо этого применяется модель I, в которой атрибутивные функции выполняют различные части речи – как прилагательные, так и существительные (например, *Sapphic verse* вместо *verse of Sappho*). Модель III характерна для русского языка (частотность – 0,3%), модель V – для французского языка в основном в процессе номинирования строф (частотность – 6,1%).

Результаты анализа составной терминологии видов и типов стиха сведены в нижеследующую таблицу.

язык	Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:				
	S+A (A+S)	S+[Praep.] + S	S+[Praep.] + S+A (S+[Praep.] + A+S)	S+A+A (A+A+S)	S+[Praep.] + N+S
Латинский (363)	240 66,1%	1 0,3%	–	13 3,6%	–
Греческий (251)	166 66,1%	1 0,4%	–	–	–
Русский (353)	231 65,4%	4 1,1%	1 0,3%	14 4%	–
Английский (394)	256 65%	2 0,5%	–	20 5%	–
Немецкий (379)	227 60%	2 0,5%	–	11 2,9%	–
Французский (323)	204 63,2%	9 2,8%	–	14 4,3%	20 6,1%
ВСЕГО (2050)	1324 64,6%	18 0,9%	1 0,05%	59 2,9%	20 1%

Примеры терминологических словосочетаний с атрибутивными отношениями между компонентами.

1. По схеме S+A (A+S): лат. *acrostichum triplex*, *cantio cinaedica*, *carmen Fescenninum*, *carmina dissona*; греч. δίστιχος πυθιαμβικός (~ πυθίαμβος, ~ πυθιαμβεῖος), ἴαμβος χολός, στίχος μονοειδής; русск. двустишие пифиямбическое, дистих пифиямбический, дистих элегический, октава итальянская; англ. *alliterative verse*, *alphabetical (abecedarian) acrostic*, *amphibrachic verse*, *anaclastic verse*; нем. *altrussischer Vers*, *altrussisches Sagenepos*, *achtfüßiger Vers*, *achtzeiliges Gedicht*; франц. *iamb libre*, *vers iambique*, *ligne insérée* (~ blanche), *ligne longue*.

2. По схеме S+A+A (A+A+S): лат. *versus licens classicus*, *versus licens modernus*, *versus Sapphicus maior*; русск. стих александрийский классический, стих александрийский романтический; англ. *lesser (minor) Archilochean verse*, *lesser (minor) Asclepiad(ean) verse*, *major (greater) Alcaic verse*; нем. *großer ionischer Vers*, *großer sapphischer Vers*, *klassischer freier Vers*; франц. *vers asclépiade mineur*, *vers épique russe*, *vers grand alcaïque*.

3. По схеме S+[Praep.]+S: лат. *versus sine caesura*; греч. *στίχος ἀνευ τῆς τομῆς*; русск. *стих без начала, стих без цезуры, стих без рифмы, стих Библии*; англ. *verse without c(a)esura (~ without break)*; нем. *Vers ohne Zäsur (~ ohne Einschnitt)*; франц. *vers de récitif, vers de fable, vers de byline*.

4. По схеме S+[Praep.]+S+A (S+[Praep.]+A+S): русск. *стих двоякого размера*.

5. По схеме S+[Praep.]+N+S: франц. *strophe de trois lignes, vers de huit pieds, vers de sept mores (~ de sept temps), vers de dix syllabes*.

5. Структурный анализ составной терминологии модификаторов

Результаты анализа составной терминологии модификаторов сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:					
	S+A (A+S)	S+S+A (A+S+[Praep.]+S)	S+A+A (A+A+S/A+S+A)	S+[Praep.]+S	S+[Praep.]+S+S (S+[Praep.]+S+S)	S+[Praep.]+N+S
Латинский	268 67,8%	2 0,5%	4 1%	27 6,8%	2 0,5%	-
Греческий	90 54,2%	-	-	10 6%	-	-
Русский	332 72,2%	5 1,1%	2 0,4%	27 5,9%	-	-
Английский	345 75,8%	2 0,4%	-	16 3,5%	-	-
Немецкий	294 57,2%	2 0,4%	-	11 2,1%	-	-
Французский	274 68,5%	2 0,5%	3 0,8%	32 8%	-	18 4,5%
ВСЕГО	1603 67%	13 0,5%	9 0,4%	123 5,1%	2 0,1%	18 0,8%

Составная терминология модификаторов обнимает почти $\frac{3}{4}$ всего исследованного терминологического массива (74%).

Терминосочетания во всех исследуемых языках образуются по шести основным схемам (моделям) с атрибутивной связью между компонентами. Из этих моделей три встречаются практически в каждом языке и носят, следовательно, универсальный характер. Прочие модели свойственны отдельным языкам в силу их морфолого-синтаксических особенностей.

Универсальные модели: модель I – S+A (A+S), модель II – S+S+A (A+S+[Praep.]+S) (кроме греческого языка), модель IV – S+[Praep.]+S.

Специальные модели: модель III – S+A+A (A+A+S, A+S+A) (встречается в латинском, русском и французском языках), модель V – S+[Praep.]+S+S (S+[Praep.]+S+S) (встречается в латинском языке), модель VI – S+[Praep.]+N+S (встречается во французском языке).

Наиболее частотными моделями являются модели I и IV, доля которых в относительном выражении в терминологическом массиве, образованном терминосочетаниями, составляет, соответственно, 90,7% и 7%. Прочие модели малочастотны и малопродуктивны в аспекте терминообразования.

Примеры терминологических словосочетаний с атрибутивными отношениями между компонентами.

1. По схеме S+A (A+S): лат. *terminatio rhythmica, tmesis rhythmica, tome bucolica, verbum apassentuatum*; греч. *ρύθμος ὁξύτονος, χρόνος κενός, χρόνος πρῶτος, διάτρεσις βουκολική, διόνυμα φωνητικά*; русск. *акцент актовый, анжамб(е)ман (перенос) слоговой, диереза*

буколическая, зачин ритмический, инверсия ритмическая; англ. *bound accent, broken (split) rhyme, bucolic c(a)esura, bucolic di(a)eresis*; нем. *äußerer Reim, außermetrischer Akzent, banaler (abgedroschener) Reim, baryton(isch)es Wort, barytonischer Rhythmus*; франц. *cursus trispondaïque, dièrèse bucolique, distique holorime, enjambement syllabique, homonymes phoniques*.

2. По схеме **S+S+A** (**A+S+[Praep.]**+S): лат. *fractura lineae syllabica*; русск. часть стиха заключительная, контур стиха ритмический; англ. *rhythmic(al) contour of verse*; нем. *rhythmische Kontur des Verses*; франц. *contour rythmique du vers*.

3. По схеме **S+A+A** (**A+A+S**, **A+S+A**): лат. *accentus acutus vetus, accentus circumflexus novus, accentus secundarius distinctivus*; русск. приступ внутрислоговой сильный, приступ внутрислоговой слабый; франц. *nouvel accent aigu (~ frappé), nouvel accent circonflexe, vieil accent aigu (~ frappé)*.

4. По схеме **S+[Praep.]**+S: лат. *interruptio rhythmi, intonatio versus, inversio rhythmi, melodica versus*; греч. *μετάθεσις τοῦ ρύθμοῦ, ρύθμὸς τοῦ στίχου, κεχηνὸς τοῦ ρύθμοῦ, κεχηνὸς τοῦ μέτρου, τόνος (προσῳδία) τοῦ στίχου*; русск. метатеза ритма, определятели стиха, колебание голоса, мелодика стиха, инверсия ритма; англ. *determinants of verse, inversion of rhythm, metathesis of rhythm, intonation of verse, melodics of verse, break (disruption) of meter*; нем. *Akzent des Verses, Determinanten des Verses, Intonation des Verses*; франц. *accent d'intensité (~ d'énergie), césure de milieu, déterminatifs du vers*.

5. По схеме **S+[Praep.]**+S+S (**S+[Praep.]**+S+S): лат. *rhythma cum ludo verborum, rhythma cum lusione verborum*.

6. По схеме **S+[Praep.]**+N+S: франц. *clausule de trois syllabes, rime d'une syllabe, rime de deux syllabes*.

6. Структурный анализ составной терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур

Результаты анализа составной терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:	
	S+A (A + S)	S+[Praep.] +S
Латинский (79)	25 (31,6%)	10 (12,7%)
Греческий (46)	13 (28,3%)	3 (6,5%)
Русский (74)	21 (28,4%)	6 (8,1%)
Английский (77)	27 (35,1%)	7 (9,1%)
Немецкий (91)	18 (19,8%)	4 (4,4%)
Французский (69)	24 (34,8%)	6 (8,7%)
ВСЕГО (436)	128 (29%)	36 (8,3%)

Доля составной терминологии в общем объёме исследуемых терминологических единиц составляет 37,3%.

В массиве терминосочетаний выделяются две наиболее частотные модели, по которым происходит образование терминосочетаний с атрибутивным типом взаимоотношений между компонентами: модель I **S+A (A+S)** и модель II **S+[Praep.]**+S. Доля терминосочетаний, образуемых по модели I, составляет 78% от общего числа исследованной составной терминологии. Остальные 22% формируют терминосочетания, образуемые по модели II.

Примеры терминологических словосочетаний с атрибутивными отношениями между компонентами.

1. По схеме **S+A (A+S)**: лат. *euphonia quantitativa, licentia poëtica, metathesis acrophonica, palindromus phoneticus*; греч. *εὐφωνία ποσοτική, μετάθεσις ἀκροφωνική, παρρήσια ποιητική, παλινδρόμος φωνητικός*; русск. аллитерация консонантическая, анафора фонетическая (~ звуковая), вольность поэтическая, палиндром(он) буквенный; англ.

anacyclic verse, consonantal alliteration, head (initial) rhyme, non-lettered sound; нем. konsonantische Alliteration, palindromischer Vers, phonetische Anaphora (~ Anapher), phonetisches Palindrom; франц. licence poétique, métathèse acrophonique, mot défiguré, palindrome phonétique.

2. По схеме **S+[Praep.] + S:** лат. *immutatio vocis, instrumentatio versus, ludus verborum;* греч. *όμοιοπρόφορον τῶν φθόγγων (~ τῶν φωνῶν), ομοιοπρόφορον τῶν σύμφωνων;* русск. *игра слов, инструментовка стиха, нагромождение (скопление) рифм;* англ. *alliteration of vowels, conglomeration (congestion) of rhymes, instrumentation of verse, play(ing) of words;* нем. *Alliteration der Konsonanten, Alliteration der Vokale, Instrumentation (Instrumentierung) des Verses;* франц. *allitération des consonnes, allitération des voyelles, instrumentation de vers, jeu de mots.*

7. Структурный анализ составной терминологии фонетико-метрических процессов

Результаты анализа составной терминологии фонетико-метрических процессов сведены в нижеследующую таблицу.

ЯЗЫК	Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:			
	S + A (A + S)	S+[Praep.] + S	S+A+[Praep.] + S A+S+[Praep.] + S	S+[Praep.] + S+A S+[Praep.] + A+S
Латинский (246)	65 (26,4%)	34 (13,8%)	– (0%)	16 (6,5%)
Греческий (70)	12 (17,1%)	3 (4,3%)	– (0%)	– (0%)
Русский (328)	100 (30%)	50 (15%)	– (0%)	25 (7,5%)
Английский (280)	98 (35%)	28 (10%)	8 (2,9%)	5 (1,8%)
Немецкий (405)	116 (28,6%)	56 (13,8%)	6 (1,5%)	6 (1,5%)
Французский (226)	63 (27,9%)	36 (15,9%)	9 (4%)	8 (3,6%)
ВСЕГО (1555)	454 29,2%	207 13,3%	23 1,5%	60 3,9%

Доля составной терминологии составляет в целом 48% всего терминологического массива. Терминосочетания распределяются по четырём основным схемам (моделям), в которых преобладает атрибутивный тип взаимоотношений между компонентами, но фиксируются также случаи объектной связи: модель I – **S + A (A + S)**, модель II – **S+ [Praep.] + S**, модель III – **S+A+[Praep.] + S (A+S+[Praep.] + S)** и модель IV – **S+[Praep.] + S+A (S+[Praep.] + A+S)**. Максимальную частотность обнаруживают модели I и II, составляющие, соответственно, 61% и 27,8% всех случаев употребления составной терминологии. Модели III и IV являются менее частотными, обнимая в долевом выражении, соответственно, 3,1% и 8,1% составного терминологического массива. Они свойственны отдельным языкам в силу синтаксических особенностей последних.

Примеры терминосочетаний, образуемых по частотным моделям.

1. По схеме **S + A (A + S):** лат. *fractura Gothica, harmonia consonantica;* греч. *πτυέμα ψιλὸν, προσῳδία δᾶσεῖα;* русск. *долгота аномальная, зияние внешнее;* англ. *dissimilatory accommodation, distant (incontiguous, non-contiguous) assimilation;* нем. *assimilatorischer Lautzuwachs, äußerer Hiat(us);* франц. *mot défiguré, mutation palatale.*

2. По схеме **S+ [Praep.] + S:** лат. *coitus syllabarum, commixtio vocalium;* греч. *ἐπανόρθωσις συλλαβῆς, ἀμοιβὴ τῶν φθόγγων (~ τῶν φωνῶν);* русск. *перестановка количества, поглощение слога;* англ. *assimilation of vowels, contraction of diphthongs;* нем. *Erweiterung der Diphthonge, Harmonie der Konsonanten;* франц. *assimilation des voyelles, contraction (fusionnement amalgame) des voyelles.*

3. По схеме **S+A+[Praep.] + S (A+S+[Praep.] + S):** англ. *expressive doubling of consonants, Germanic breaking (~ fracture) of vowels;* нем. *expressive Doppelung (Ver-*

dopp(e)lung der Konsonanten, germanische Brechung der Vokale; франц. redoublement expressif des consonnes, réduction qualitative des voyelles;

4. По схеме **S+[Praep.] + S+A** (**S+[Praep.] + A+S**): лат. *fractura vocalium Gothica, geminatio consonantium expressiva*; русск. *передвижение согласных первое* (~ протогерманское, ~ (общее)германское), *преломление гласных (общее)германское*; англ. *disappearance (loss) of reduced vowels, disappearance (loss) of unvoiced (voiceless) vowels*; нем. *Schwund (Wegfall, Verlust) der reduzierten Vokale, Schwund (Wegfall, Verlust) der stimmlosen Vokale*; франц. *chute (disparition) des voyelles devoisées (~ non-voisées, ~ invoisées), chute (disparition) des voyelles réduites*.

Примеры терминосочетаний, образуемых по нечастотным моделям:

1. По схеме **S+[Praep.] + S+N** (**N+S+[Praep.] + S**): лат. *mutatio consonantium prima, mutatio consonantium secunda*; франц. *deuxième mutation des consonnes, première mutation des consonnes*;
2. По схеме **N+S**: нем. *erste Lautverschiebung, zweite Lautverschiebung*;
3. По схеме **S+A+A**: франц. *alternance vocalique qualitative, alternance vocalique quantitative*;
4. По схеме **N+S+A**: франц. *deuxième mutation consonantique, première mutation consonantique*.

4.2.6. Общие выводы

Общие результаты исследования составной терминологии фонетики и метрики представлены в следующей таблице.

ЯЗЫК	Терминологические словосочетания, образуемые по схеме:	
	S+A (A + S)	S+[Praep.] + S
Латинский (1973)	1113 (56,4%)	106 (5,4%)
Греческий (971)	546 (56,2%)	17 (1,8%)
Русский (2105)	1293 (61,4%)	114 (5,4%)
Английский (2112)	1311 (62,1%)	93 (4,4%)
Немецкий (2355)	1160 (49,3%)	78 (3,3%)
Французский (1771)	1011 (57,1%)	121 (6,8%)
ВСЕГО (11287)	6434 (57%)	529 (4,7%)

Доля составной терминологии в абсолютном выражении во всех языках – объектах исследования насчитывает 7347 единиц, что составляет 65,1% всего терминологического массива. 87,6% от указанного количества составной терминологии составляют терминосочетания, образованные по наиболее частотной модели I **S+A (A+S)** с атрибутивной связью между компонентами. Их доля в общем количестве исследованной терминологии равна 57%. Минимальное количество терминосочетаний, сформированных по модели I, зафиксировано в немецком языке (49,3%), во многих случаях предпочитающем словосложение составному терминообразованию⁶⁸ (ср.: нем. *Doppeltröhäus* и лат. *trochaeus duplex*, русск. *трокей двойной*, англ. *double trochee*, франц. *double trochée*). Максимальное количество терминосочетаний, сформированных по модели I, отмечено в русском и английском языках (соответственно, 61,4% и 62,1%).

7,2% от указанного количества составной терминологии составляют терминосочетания, образованные по модели II **S+[Praep.] + S**, как правило, с атрибу-

⁶⁸ Если интерпретировать это явление более широко, и не только в приложении к немецкому языку, то можно усмотреть в нём, по мнению некоторых лингвистов, «постоянно проявляющую себя в сфере терминологии тенденцию к экономии и удобству выраждающих средств» [Дуличенко, 1978: 36].

тивной связью между компонентами. Их доля в общем количестве исследованной терминологии равна 4,7%. Минимальное количество терминосочетаний, сформированных по модели II, зафиксировано в греческом языке (1,8%). Максимальное количество терминосочетаний по модели II зафиксировано во французском языке (6,8%), что объясняется использованием в нём препозитивных групп (предлог *de* + существительное) там, где другие языки применяют терминосочетания по модели I с атрибутивной связью между компонентами (ср.: франц. *pied de deux pyrr(h)iques* и лат. *pes dipyrr(h)ichius*, греч. ποὺς διπυρρίχιος, русск. *стопа дипиррихиева*, англ. *dipyrrhic foot*, нем. *dipyrrhichischer Versfuß*; франц. *mètre de Stesichore* и лат. *metrum Stesichoreum*, греч. μέτρον Στησιχόριου, русск. *размер стесихоров*, англ. *Stesichorean meter (~ metre)*, нем. *stesichorisches Versmaß*)⁶⁹.

Доля составной терминологии, сформированной по другим моделям, в абсолютном выражении во всех исследуемых языках насчитывает 384 единицы, что составляет 3,4% всего терминологического массива и 5,2% составной терминологии. В силу нечастотности этих моделей они не рассматриваются в качестве релевантных в терминообразовании фонетики и метрики.

Как видим, выделение двух наиболее частотных моделей, образованных на базе двух или трёх компонентов, позволяет практически решить проблему оптимальной длины терминов в метрике и фонетике. Отсутствие громоздкой терминологии значительно облегчает поиск структурно и семантически адекватных друг другу терминосочетаний в таких различных с морфолого-сintаксической точки зрения языках, каковыми являются латынь, древнегреческий, русский, английский, немецкий и французский языки.

4.3. Семантический аспект исследования фонетико-метрической терминологии

4.3.1. Семантические мотивационные признаки в сфере номинаций фонетики и метрики

Основной задачей данного раздела работы являются выявление и типологизация основных семантически ориентированных мотивационных признаков в терминологической сфере фонетики и метрики.

Ниже приводятся основные типы номинаций, классифицируемых по характеру мотивационного признака.

I. Графика.

1. Соотнесённость с письмом или иным способом записи графическими знаками.

Примеры: лат. *haplographia* – греч. ἀπλογραφία – русск. *гаплография* – англ. *haplography* – нем. *Haplographie* – франц. *haplographie*; лат. *homographia* – греч. διογραφία – русск. *написание одинаковое, омография* – англ. *homography* – нем. *Homographie, Gleichschreibung* – франц. *homographie*.

2. Соотнесённость с графическим знаком.

Примеры: лат. *graphema* – греч. γράφημα – русск. *графема* – англ. *grapheme* – нем. *Graphem* – франц. *graphème*; лат. *littera* – γράμμα – русск. *буква, знак (символ)* бук-

⁶⁹ Ср. с результатами типологического исследования Н.Ю. Зайцевой, отмечающей, что «в именных словосочетаниях "существительное + предлог + существительное" чаще всего используется предлог *de*... Предлог *de* передаёт, главным образом, отношения, которые в латинском языке выражались родительным падежом» [ЗАЙЦЕВА, 2000: 97].

венный (~ письменный) – англ. *letter* – нем. *Buchstabe, Buchstabenzeichen, Buchstabensymbol* – франц. *lettre, caractère graphie*.

3. Соотнесённость с количеством графических знаков.

Примеры: лат. *digraph* – греч. δίγραμμα – русск. *диграф, диграмма* – англ. *di-graph, digram* – нем. *Digraph* – франц. *digraphe*.

4. Соотнесение с полнотой (целостностью) объекта.

Примеры: лат. *littera semi-vocalis* – русск. [буква] *полугласная* – англ. *semi-vowel (half-vowel) [letter]* – нем. *Semivokal, Halbvokal* – франц. *semi-voyelle*.

II. Единицы фонетико-метрического членения речи.

1. Соотнесённость со звуком как базовой единицей звукающей речи.

1.1. Соотнесённость с местом образования.

Примеры: лат. *consonans dentalis* – русск. *согласный дентальный* (~ *зубной*) – англ. *dental consonant, dental* – нем. *dentaler Konsonant* (~ *Laut*) *Dentallaut, Zahnlaut, Dentalis, Dental* – франц. *consonne dentale, dentale*.

1.2. Соотнесённость со способом образования.

Примеры: лат. *consonans sibilans* – русск. *согласный свистящий* – англ. *whistling (hissing) sound* – нем. *Zischlaut, pfeifender Konsonant* (~ *Laut*) – франц. *consonne sifflante*.

1.3. Соотнесённость с морфемным составом слова.

Примеры: лат. *vocalis radicalis* – русск. *гласный корневой* (~ *корня*) – англ. *root vowel Wurzelvokal* – франц. *voyelle radicale* (~ *de radical, de racine*).

1.4. Соотнесённость с интенсивностью реализации.

Примеры: лат. *consonans fortis* – русск. *согласный фортисный* (~ *сильный, напряжённый*) – англ. *fortis (strong, tense) consonant* – нем. *Fortis, Fortiskonsonant, Fortislaut, gespannter Konsonant* (~ *Laut*) – франц. *consonne forte*; лат. *vocalis tensa* – русск. *гласный напряжённый* – англ. *tense (narrow, slender) vowel* – нем. *gespannter Vokal* – франц. *voyelle tendue*.

1.5. Соотнесённость с физической протяжённостью объекта.

Примеры: лат. *vocalis longa* – греч. φωνὴ μακρά, φθόγγος μακρός – русск. *гласный долгий* – англ. *long vowel* – нем. *Langvokal, langer Vokal* – франц. *voyelle longue*.

1.6. Соотнесённость с функциональными характеристиками объекта.

Примеры: лат. *vocalis copulativa* – русск. *гласный соединительный* – англ. *connecting (binding) vowel* – нем. *Verbindungs vokal, verbindender Vokal, Bindevokal, Kompositionsvokal* – франц. *voyelle de composition*; лат. *consonans prolongans* – русск. *согласный удлиняющий* – англ. *prolonging consonant* – нем. *verlängernder Konsonant* (~ *Laut*), *Verlängerungskonsonant, Verlängerungslaut* – франц. *consonne allongeante*.

1.7. Соотнесённость со слоговым составом слова.

Примеры: лат. *vocalis syllab(ic)a* – греч. φθόγγος συλλαβικός, φωνὴ συλλαβική – русск. *гласный силлабический* (~ *слоговой, ~ слогообразующий*) – англ. *syllabic (syllable-forming, syllable-constituting) vowel* – нем. *syllabischer (silbischer, Silben bildender) Vokal* – франц. *voyelle syllabique*.

1.8. Соотнесённость с полнотой образования объекта.

Примеры: лат. *vocalis plena* – русск. *гласный образования полного* – англ. *strong (full) vowel* – нем. *Vollbildungsvokal* – франц. *voyelle pleine (~ de formation complète)*.

1.9. Соотнесённость со степенью раствора (открытость-закрытость).

Примеры: лат. *vocalis semi-aperta* – русск. *гласный полуоткрытый* – англ. *half-open vowel* – нем. *halboffener Vokal* – франц. *voyelle (se)mi-ouverte*.

1.10. Соотнесённость с положением спинки языка.

Примеры: лат. *vocalis superior* – русск. *гласный верхний (~ высокий, ~ подъёма верхнего (~ высокого))* – англ. *high vowel, vowel of the high rise* – нем. *Vokal der hohen Zungenhebung (~ Zungenlage, ~ Zungenstellung)* – франц. *voyelle supérieure*.

1.11. Соотнесённость с пассивными органами артикуляции.

Примеры: лат. *consonans dentalis* – русск. *согласный дентальный (~ зубной)* – англ. *dental consonant, dental* – нем. *dentaler Konsonant (~ Laut), Dentallaut, Zahnlaut, Dentalis, Dental* – франц. *consonne dentale, dentale*.

1.12. Соотнесённость с активными органами артикуляции.

Примеры: лат. *consonans lingualis* – русск. *согласный лингвальный (~ языковый, ~ язычный)* – англ. *lingual consonant* – нем. *lingualer Konsonant (~ Laut), Linguallaut, Lingual, Zungenlaut* – франц. *consonne linguale, linguale*.

1.13. Соотнесённость с внутренней структурой объекта.

Примеры: лат. *consonans duplex* – русск. *согласный двойной* – англ. *double consonant* – нем. *Doppelkonsonant, Doppellaut* – франц. *double consonne*.

1.14. Соотнесённость с наличием или отсутствием шума.

Примеры: лат. *consonans obstruens* – русск. *согласный шумный* – англ. *obstruent (noise, noisy, oral) consonant, obstruent, noise* – нем. *Geräuschlaut, Geräuschkonsonant* – франц. *consonne bruyante*.

1.15. Соотнесённость с наличием или отсутствием голоса.

Примеры: лат. *consonans sonora* – русск. *согласный звонкий* – англ. *sonorous (sonant, voiced, flat) consonant* – нем. *weicher (stimmhafter) Konsonant (~ Laut)* – франц. *consonne sonore (~ voisée), sonore*.

1.16. Соотнесённость с процессом дыхания.

Примеры: лат. *consonans aspera* – греч. *σύμφωνον δᾶσύ* (~ πνευμάτωδες), *φωνὴ δᾶσεῖα* (~ πνευμάτωδες) – русск. *согласный придыхательный* (~ аспирированный) – англ. *aspirate(d) consonant* – нем. *aspirierter (aspiratorischer, behauchter, gehauchter) Konsonant (~ Laut), Hauchlaut* – франц. *consonne aspirée*.

1.17. Соотнесённость с характером движения.

Примеры: лат. *consonans liquida* – русск. *согласный плавный (~ ликвидный)* – англ. *liquid consonant, liquid* – нем. *Liquida, Liquidlaut, Dauerlaut, Fließblaut, flüssiger Konsonant (~ Laut), Schmelzkonzonant (-laut), Schwingkonzonant (-laut)* – франц. *consonne liquide, liquide*.

1.18. Соотнесённость с мягкостью/твёрдостью звучания.

Примеры: лат. *consonans palatalizata* – русск. *согласный палатализованный (~ смягчённый)* – англ. *palatalized (softened) consonant* – нем. *palatalisierter (erweichter, mouillierter) Konsonant (~ Laut)* – франц. *consonne palatalisée (~ mouillée)*.

1.19. Соотнесённость с местом расположения в слове.

Примеры: лат. *vocalis finalis* – русск. *гласный конечный* – англ. *final (last) vowel, end-vowel* – нем. *Vokalauslaut, auslautender ((wort)finaler, letzter) Vokal, Schlussvokal, Endvokal* – франц. *voyelle finale (~ ultime, ~ ultième)*.

1.20. Соотнесённость с фонетическими процессами.

Примеры: лат. *consonans labializata* – русск. *согласный лабиализованный* – англ. *labialized consonant* – нем. *labialisierter Konsonant (~ Laut)* – франц. *consonne labialisée*.

1.21. Соотнесённость с количеством звуков.

Примеры: лат. *diphthongus* – греч. δίφθογγον, δίφθογγος – русск. *дифтонг, звук двугласный (~ двугласно-односложный), двоезвучие, гласный сложный* – англ. *diphthong, bivocal* – нем. *Diphthong, Doppellaut, Doppelvokal, Zwielaute, Zweilaut* – франц. *diphongue*.

2. Соотнесённость со слогом как единицей звучащей речи.

2.1. Соотнесённость с выделенностью средствами акцентуации.

Примеры: лат. *syllaba accentuat(iv)a* – русск. *слог ударный (~ ударенный, ~ удаляемый, ~ акцентный, ~ акцентированный), носитель ударения* – англ. *stressed (accented, tone) syllable* – нем. *Akzentsilbe, betonte (akzentuierte, starke, starktonige) Silbe, Tonsilbe, Klangträger* – франц. *syllabe accentuée (~ accentuable)*.

2.2. Соотнесённость с типом ударения.

Примеры: лат. *syllaba gravis* – греч. συλλαβὴ βάρεῖα (~ βαρύτονη) – русск. *слог грависный (~ тяжёлый)* – англ. *grave syllable* – нем. *schwere Silbe* – франц. *syllabe grave*.

2.3. Соотнесённость с метрической схемой объекта.

Примеры: лат. *syllaba extrametrika* – русск. *слог (в)неметрический* – англ. *extra-metric(al) syllable* – нем. *außermetrische Silbe* – франц. *syllabe extramétrique*; лат. *syllaba supernumeraria* – русск. *слог избыточный (~ лишний, ~ дополнительный)* – англ. *supernumerary syllable* – нем. *überzählige Silbe* – франц. *syllabe surnuméraire*.

2.4. Соотнесённость с физической протяжённостью объекта.

Примеры: лат. *syllaba longa* – греч. συλλαβὴ μακρά – русск. *слог долгий* – англ. *long syllable* – нем. *lange Silbe, Langsilbe* – франц. *syllabe longue, longue*.

2.5. Соотнесённость со степенью открытости/закрытости.

Примеры: лат. *syllaba cl(a)usa* – греч. συλλαβὴ κληστή – русск. *слог закрытый (~ замкнутый)* – англ. *closed (checked, blocked) syllable* – нем. *geschlossene (gedeckte) Silbe* – франц. *syllabe entravée (~ fermée)*.

2.6. Соотнесённость с внутренней структурой объекта.

Примеры: *syllaba biceps* – греч. συλλαβὴ δικέφαλος – русск. *слог двухвершинный – англ. double peak syllable* – нем. *zweigipflige Silbe* – франц. *syllabe à double sommet*.

2.7. Соотнесённость с местом расположения в слове.

Примеры: лат. *p(en)ultima* – греч. (συλλαβὴ) παραλίγουσα, (συλλαβὴ) παρατέλευτος, (συλλαβὴ) παρεδρεύονσα – русск. *пенultimate [слова]* – англ. *penultimate, penultima* – нем. *Pänultima, vorletzte (zweitletzte) Silbe* – франц. *pénultième, avant-dernière syllabe*.

2.8. Соотнесённость с количеством слогов.

Примеры: лат. *disyllabus* – греч. δι(σ)σύλλαβος – русск. *двусложник, дисиллаб, бисиллаб* – англ. *disyllable* – нем. *Disyllabus, Zweisilbler* – франц. *dissyllabe*.

3. Соотнесённость со стопой как единицей метрической организации стихотворной речи.

3.1. Соотнесённость с именем автора (изобретателя) или лица, ассоциируемого со стопой.

Примеры: лат. *Bacch(e)us* – греч. βακχεῖος – русск. бакхий, вакхий – англ. *bacchius* – нем. *Baccheus*, *Bakcheus*, *Bacchius* – франц. *bachique*, *bacchius*, *bachée*; лат. *pes Bacchaeus* – греч. ποὺς βακχεῖος – русск. стопа бакхическая (~ вакхическая) – англ. *bacchi(a)c foot* – нем. *bacchischer (bakcheischer)* (*Vers*)fuß pied *bachique*; лат. *raean* – греч. παίων, παιάν – русск. пеон, пеан, пэон – англ. *p(a)eon*, *p(a)eon* – нем. *Päan* – франц. *péon*.

3.2. Соотнесённость с местом возникновения стопы (топический признак).

Примеры: лат. *pes Fescenninus* – русск. стопа фесценнинская – англ. *Fescennian (Fescennine) foot* – нем. *fescennischer (Vers)fuß* – франц. *pied fescennin*; лат. *Molossus* – греч. μολοσσός – русск. молосс – англ. *Molossus* – нем. *Molossus* – франц. *molosse*; лат. *Ioni(a)cus* – греч. ἴωνικός, ἴωνικος – русск. ионик – англ. *Ionic* – нем. *Ionikus* – франц. *ionique*.

3.3. Соотнесённость с функциональными характеристиками объекта.

Примеры: лат. *pes proprius* – русск. стопа собственная – англ. *proper foot* – нем. *eigener (Vers)fuß* – франц. *pied propre*.

3.4. Соотнесённость с выделенностью объекта средствами акцентуации.

Примеры: лат. *pes ictatus* – русск. стопа иктическая (~ иктированная) – англ. *ictic foot* – нем. *iktischer (Vers)fuß* – франц. *pied ictique*.

3.5. Соотнесённость с полносоставностью/неполносоставностью объекта.

Примеры: лат. *hemiepes*, *semi-pes* – греч. ήμίπονς – русск. полустопа – англ. *semi-ped(e)* – нем. *halber (Vers)fuß*, *Halbfuß* – франц. *semi-pied* [*d'un vers*], *demi-pied* [*d'un vers*].

3.6. Соотнесённость с количеством слогов.

Примеры: лат. *pes disyllab(ic)us* (~ *binarius*) – греч. ποὺς δι(σ)σύλλαβος (~ διπλάσιος) – русск. стопа двусложная (~дисиллабическая, ~ бисиллабическая) – англ. *disyllabic (two-syllable, binary) foot disyllable* – нем. *disyllabischer (bisyllabischer, zweisilbiger, binärer) (Vers)fuß* – франц. *pied dissyllabe* (~ *dissyllabique*, ~ *bissyllabe*, ~ *bissyllabique*, ~ *de deux syllabes*, ~ *binaire*).

3.7. Соотнесённость с количеством стоп.

Примеры: лат. *tripodius* – греч. τριπόδιος – русск. триподий – англ. *tripodius* – нем. *Tripodius* – франц. *tripodius*; лат. *choreus dipodicus* – греч. χορεὺς διποδικός – русск. хорей двустопный – англ. *dipodic choree* – нем. *dipodischer Choreus* – франц. *chorée dipodique*; лат. *tripodia* – греч. τριποδία – русск. триподия, трёхстопие, трёхстопность – англ. *tripody* – нем. *Tripodie* – франц. *tripodie*.

III. Стихотворные размеры и строфы.

1. Соотнесённость с размером (метром) как основной единицей организации стихотворной речи.

1.1. Соотнесённость с именем автора (изобретателя) или лица, ассоциируемого с размером (метром).

Примеры: лат. *metrum Adonium* – греч. μέτρον Αδώνιον – русск. размер адонийский (~ адонейский, ~ адонический) – англ. *Adonic meter* (~ metre) – нем. *adonisches Versmaß* (~ *Metrum*) – франц. *mètre adonique*; лат. *metrum Archilocheum* – греч. μέτρον

Αρχιλοχίον – русск. *размер архилохов* – англ. *Archilochean meter* (~ metre) – нем. *archilochische Versmaß* (~ Metrum) – франц. *mètre archiloquien*.

1.2. Соотнесённость с местом возникновения размера (метра) (топический признак).

Примеры: лат. *metrum Laconicum* – греч. *μέτρον Λακωνικόν* – русск. *размер лаконский* (~ лаконический) – англ. *laconic meter* (~ metre) – нем. *lakonisches Versmaß* (~ Metrum) – франц. *mètre laconique*.

1.3. Соотнесённость с полносоставностью/неполносоставностью объекта.

Примеры: лат. *metrum catalecticum* – греч. *μέτρον καταληκτικόν* (~ колобоны) – русск. *размер катаlekтический* (~ усечённый, ~ неполный) – англ. *catalectic meter* (~ metre) – нем. *katalektisches (verkürztes, unvollständiges, unvollzähliges) Versmaß* (~ Metrum) – франц. *mètre catalectique*.

1.4. Соотнесённость со стопой, лежащей в основе размера.

Примеры: лат. *iambus claudicans* – греч. *ἴαμβος χολός* – русск. *ямб (иамб) хромающий* (~ хромой) – англ. *limping iamb(us)* – нем. *Hinkjambus, Hinkiambus* – франц. *iamb boiteux* (~ boitant).

1.5. Соотнесённость с количеством слогов.

Примеры: лат. *metrum hendecasyllabum* – греч. *μέτρον ἑνδεκασύλλαβον* – русск. *размер одиннадцатисложный* (~ гендекасиллабический) – англ. *hendecasyllabic (eleven-syllable) meter* (~ metre) – нем. *hendekasyllabisches (elfsilbigen) Versmaß* (~ Metrum) – франц. *mètre hendécasyllabe* (~ d'onze syllabes).

1.6. Соотнесённость с количеством стоп.

Примеры: лат. *metrum dipodicum* – греч. *μέτρον διποδικόν* – русск. *размер диподический* (~ двустопный) – англ. *dipodic (two-foot) meter* (~ metre) – нем. *dipodisches (zweifüßiges) Versmaß* (~ Metrum) – франц. *mètre dipodique* (~ de deux pieds).

1.7. Соотнесённость с видом или типом стиха.

Примеры: лат. *metrum Saturnium* – русск. *размер сатурнийский* (~ сатурнический) – англ. *Saturnian meter* (~ metre) – нем. *saturnisches Versmaß* (~ Metrum) – франц. *mètre saturnien*; лат. *metrum claudicans* – греч. *μέτρον χωλόν* – русск. *размер хромой* (~ хромающий) – англ. *limping meter* (~ metre) – нем. *hinkebeinernes (hinkendes) Versmaß* (~ Metrum) – франц. *mètre boiteux* (~ boitant).

1.8. Соотнесённость с литературно-поэтическим жанром.

Примеры: лат. *metrum elegiacum* – греч. *μέτρον ἐλεγειακόν* – русск. *размер (метр) элегический* – англ. *elegiac(al) meter* (~ metre) – нем. *elegisches Versmaß* (~ Metrum) – франц. *mètre élégiaque*.

1.9. Соотнесённость с внутренней структурой объекта.

Примеры: лат. *metrum logaoedicum* – греч. *μέτρον λογαιοδικόν* – русск. *размер логаэдический* (~ смешанный) – англ. *logaoedic meter* (~ metre) – нем. *logaoedisches (logaödisches) Versmaß* (~ Metrum) – франц. *mètre logaoédique*.

1.10. Соотнесённость с количеством стихотворных метров.

Примеры: лат. *bimetria* – греч. *διμετρία* – русск. *биметрия* – англ. *bimetry* – нем. *Bimetrie* – франц. *bimétrie*; лат. *dimeter* – греч. *διμετρος, διμετρον* – русск. *диметр* – англ. *dimeter* – нем. *Dimeter* – франц. *dimètre*.

2. Соотнесённость со строкой стихотворного произведения.

2.1. Соотнесённость с полносоставностью/неполносоставностью объекта.

Примеры: русск. строка неполная – англ. *half-line* – нем. *Halbzeile, halbe Zeile*.

2.2. Соотнесённость с внутренней структурой объекта.

Примеры: лат. *linea fracta* (~ *synaphica*) – греч. *ράβδος συναφική* – русск. строка анжамб(е)манная (~ имеющая перенос, (~ анжамб(е)ман), ~ текучая) – англ. *run-over (run-on, enjambed) line* – нем. *gebrochene (Vers)zeile, Sprungzeile, Bruchzeile* – франц. *ligne brisée* (~ que *enjambe sur la suivante, ~ rejetée*).

2.3. Соотнесённость с количеством строк.

Примеры: лат. *stropha tetralinearis* – русск. строфа четырёхстрочная – англ. *four-line stanza* (~ *strophe*) – нем. *vierzeilige Strophe* – франц. *strophe de quatre lignes*.

3. Соотнесённость со строфой.

3.1. Соотнесённость с именем автора (изобретателя) или лица, ассоциируемого со строфой.

Примеры: лат. *stropha Horati(an)a* – русск. строфа горациева – англ. *Horatian stanza* (~ *strophe*) – нем. *horazische (Horazens) Strophe* – франц. *strophe (stance) horatienne* (~ *d'Horace*); лат. *stropha Onegiana* – русск. строфа онегинская – англ. *Onegin stanza* (~ *strophe*) – нем. *Onegin-Strophe* – франц. *strophe d'Onegin*.

3.2. Соотнесённость со стихотворной стопой.

Примеры: лат. *stropha pythiamb(ic)a prima* – греч. *στροφὴ πυθιαμβικὴ πρῶτη* – русск. строфа пифиямбическая первая – англ. *first pythiambic stanza* (~ *strophe*) – нем. *erste pythiambische Strophe* – франц. *première strophe* (~ *stance*) *pythiambique*.

3.3. Соотнесённость со временем возникновения строфы (temporalnyj признак).

Примеры: лат. *stropha mediaevalis* – русск. строфа средневековая – англ. *medi(a)eval stanza* (~ *strophe*) – нем. *mittelalterliche Strophe* – франц. *strophe médiévale*.

3.4. Соотнесённость с внутренней структурой объекта.

Примеры: лат. *stropha anisometrica* – греч. *στροφὴ ἀνισόμετρος* – русск. строфа анизометрическая – англ. *anisometric(al) stanza* (~ *strophe*) – нем. *anisometrische Strophe* – франц. *strophe anisométrique*.

3.5. Соотнесённость с литературно-поэтическим жанром.

Примеры: лат. *stropha odea* (~ *odica*) – греч. *στροφὴ ὁδῖκη* – русск. строфа одилическая – англ. *odic stanza* (~ *strophe*) *ode stanza* (~ *strophe*) – нем. *Odenstrophe, odische Strophe* – франц. *strophe d'ode* (~ *odique*).

3.6. Соотнесённость с количеством строк в строфе.

Примеры: лат. *stropha trilinearis* – русск. строфа трёхстрочная – англ. *three-line stanza* (~ *strophe*) – нем. *dreizeilige Strophe* – франц. *strophe de trois lignes*.

3.7. Соотнесённость с количеством строф.

Примеры: лат. *versus monostrophicus* – греч. *στίχος μονόστροφος* – русск. стих монострофический (~ монострофный) – англ. *monostrophic(al) verse* – нем. *monostrophischer (einstrophiger) Vers* – франц. *vers monostrophique*.

3.8. Соотнесённость с количеством стихотворных метров.

Примеры: лат. *stropha monometrica* – греч. *στροφὴ μονόμετρος* – русск. строфа монометрическая – англ. *monometric(al) stanza* (~ *strophe*) – нем. *monometrische Strophe* – франц. *strophe monométrique*.

3.9. Соотнесённость с наличием или отсутствием членения на строфы.

Примеры: лат. *versus astrophicus* – греч. *στίχος ἀστροφός* – русск. *стих астрофический* (~ астрофичный) – англ. *astrophic(al) verse* – нем. *astrophischer Vers* – франц. *vers astrophique*.

IV. Виды и типы стиха.

1. Соотнесённость с именем автора (изобретателя) или лица, ассоциируемого с видом или типом стиха.

Примеры: лат. *versus Sotadeus* (~ *Sotadicus*) – греч. *στίχος Σωτάδειος* – русск. *стих сотадов* (~ сотадический) – англ. *Sotadic verse, Sotadic* – нем. *sotadischer Vers* – франц. *vers sotadique*.

2. Соотнесённость с местом возникновения стиха (топический признак).

Примеры: лат. *versus Lesbiacus* – греч. *στίχος Λέσβιος* – русск. *стих лесбосский* (~ лесбийский) – англ. *lesbian verse* – нем. *lesbischer Vers* – франц. *vers lesbien*.

3. Соотнесённость со временем возникновения стиха (temporalnyy признак).

Примеры: лат. *versus licens modernus* – русск. *стих вольный новейший* – англ. *modern free verse* – нем. *moderner freier Vers* – франц. *vers libre moderne*.

4. Соотнесённость с полносоставностью/неполносоставностью объекта.

Примеры: лат. *versus acerphalus* – греч. *στίχος ἀκέφαλος* – русск. *стих ацефалический* (~ не имеющий первой строки, ~ без начала, ~ неполный) – англ. *acerhalous (headless) verse* – нем. *azephaler (akephaler) Vers* – франц. *vers acéphale*; лат. *versus acatalectus* – греч. *στίχος ἀκατάληκτος* – русск. *стих акаталектический* (~ неусечённый ~ полный) – англ. *acatalectic verse* – нем. *akatalektischer (unverkürzter, vollständiger, vollzähliger) Vers* – франц. *vers acatalectique, acatalecte*.

5. Соотнесённость со стопой, лежащей в основе стиха.

Примеры: лат. *versus spondiacus* – греч. *στίχος σπονδεῖος* – русск. *стих спондайческий* (~ спондеический) – англ. *spondaic (spondean) verse* – нем. *spondeischer Vers* – франц. *vers spondaïque*; лат. *versus dactylicus* – греч. *στίχος δάκτυλος* – русск. *стих дактилический* – англ. *dactylic verse* – нем. *daktylischer Vers* – франц. *vers dactylique*.

6. Соотнесённость с размером, лежащим в основе стиха.

Примеры: лат. *versus choliambus* – греч. *στίχος χωλιάμβος* – русск. *стих холиамбический* – англ. *choliambic verse* – нем. *choliambischer Vers* – франц. *vers choliambique*.

7. Соотнесённость с системой версификации.

Примеры: лат. *versus accentualis* – греч. *στίχος τονικός* – русск. *стих акцентный* (~ тонический), *ударник* – англ. *accentual verse* – нем. *akzentuierender (tonischer) Vers* – франц. *vers accentuel (~ tonique)*.

8. Соотнесённость с литературно-поэтическим жанром.

Примеры: лат. *distichon elegeum* – греч. *δίστιχος ἐλεγειακός* – русск. *дистих элегический* – англ. *elegiac(al) distich(on)* (~ *stanza, ~ couplet*) – нем. *elegisches Distichon* (~ *Verspaar*), *elegischer Doppelvers* (~ *Zweizeiler*) – франц. *distique élégiaque*; лат. *versus epicus* – греч. *στίχος ἐπικός* – русск. *стих эпический* – англ. *epic(al) verse* – нем. *epischer Vers* – франц. *vers épique*.

9. Соотнесённость со звуковым составом.

Примеры: лат. *versus allitterativus* – греч. *στίχος ὁμοιοπροφορικός* (~ *ὁμοιοπρόφορος*) – русск. *стих аллитерационный* – англ. *alliterative verse* – нем. *Alliterationsvers* –

франц. *vers allitératif*; лат. *versus echoicus* – русск. *стих эхоический* – англ. *echoic verse*, *echo-verse* – нем. *echoischer Vers* – франц. *vers echoïque*.

10. Соотнесённость с применяемыми в стихе средствами акцентуации и паузации.

Примеры: лат. *versus sine caesura* – греч. *στίχος ἀνευ τῆς τομῆς* – русск. *стих без-цезурный* (~ без цезуры) – англ. *verse without c(a)esura* (~ without break), *breakless verse* – нем. *einschnittloser Vers*, *Vers ohne Zäsur* (~ ohne Einschnitt) – франц. *vers sans césure* (~ sans coupe).

11. Соотнесённость с внутренней структурой объекта.

Примеры: лат. *versus claudicans* – греч. *στίχος χωλός* – русск. *стих хромой* (~ хромающий) – англ. *limping verse* – нем. *hinkebeinerner (hinkender) Vers*, *Hinkvers* – франц. *vers boiteux* (~ boitant).

12. Соотнесённость со схемой рифмовки стиха.

Примеры: лат. *versus rhythmaticus* – русск. *стих рифмованный* – англ. *rhymed (rhyming) verse* – нем. *gereimter (reimgebundener) Vers*, *Reimvers* – франц. *vers rimé*.

13. Соотнесённость с количеством рифм.

Примеры: лат. *versus monorhythmaticus* – русск. *стих однорифменный* (~ на одну рифму) – англ. *monorhymed verse* – нем. *Monoreimvers* – франц. *vers monorimé*.

14. Соотнесённость с количеством слогов.

Примеры: лат. *versus heptasyllab(ic)us* – греч. *στίχος ἑπτασύλλαβος* – русск. *стих семисложный* (~ гептасилабический) – англ. *heptasyllabic (septisyllabic, seven-syllable) verse*, *heptasyllabic* – нем. *heptasyllabischer (siebensilbiger) Vers* – франц. *vers heptasyllabe* (~ de sept syllabes).

15. Соотнесённость с количеством мор.

Примеры: лат. *versus heptasemus* – греч. *στίχος ἑπτάσημος* – русск. *стих семиморный* – англ. *seven-mora verse* – нем. *Siebenmorenvers* – франц. *vers de sept mores* (~ de sept temps).

16. Соотнесённость с количеством стоп.

Примеры: лат. *versus octonarius* – русск. *стих восъмистопный* – англ. *eight-foot (octonarian) verse*, *octonarian* – нем. *achtfüßiger Vers* – франц. *vers de huit pieds*.

17. Соотнесённость с количеством стихотворных метров.

Примеры: лат. *versus monometricus* – греч. *στίχος μονόμετρος* – русск. *стих моно-метрический* – англ. *monometric(al) verse* – нем. *monometrischer Vers* – франц. *vers monométrique*; лат. *trimeter* – греч. *τρίμετρος*, *τρίμετρον* – русск. *триметр* – англ. *trimeter* – нем. *Trimeter* – франц. *trimètre*.

18. Соотнесённость с количеством строк.

Примеры: лат. *hendecastichon*, *undecastichon* – греч. *ένδεκαστίχος*, *ένδεκαστίχιον* – русск. *стих одиннадцатистрочный*, *одиннадцатистишие* – англ. *eleven-line stanza* (~ *strophe*) – нем. *elfzeiliges Gedicht*, *Elfzeiler* – франц. *onzain*.

19. Соотнесённость с количеством строф.

Примеры: лат. *versus monostrophicus* – греч. *στίχος μονόστροφος* – русск. *стих моносстрофический* (~ моносстронный) – англ. *monostrophic(al) verse* – нем. *monostrophischer (einstrophiger) Vers* – франц. *vers monostrophique*.

20. Соотнесённость с функциональными характеристиками объекта.

Примеры: лат. *versus intercalaris* – греч. ἐπῳδὸς ἐπιμονή – русск. *рефрен, припев, стих вставочный* (~ *вставной*) – англ. *refrain, burden* – нем. *Refrain, Kehrreim* – франц. *refrain, rime kyrielle*.

21. Соотнесённость с pragматической направленностью стиха.

Примеры: лат. *versus paroemiacus* – греч. στίχος παροιμιακός – русск. *стих паремический* (~ *нравоучительный*) – англ. *paroemiac verse* – нем. *parömischer Vers* – франц. *vers parémique*.

22. Соотнесённость с физической протяжённостью объекта.

Примеры: лат. *versus brevis* – греч. στίχος βράχυς – русск. *стих короткий* – англ. *short verse* (~ *line*) – нем. *Kurzvers* – франц. *vers bref, ligne brève* (~ *incomplète*).

23. Соотнесённость со сферой применения объекта.

Примеры: лат. *versus carminarius* – русск. *стих песенный* (~ *куплетный*) – англ. *couplet, song verse* – нем. *Couplet, Liedervers, Kehrreimvers* – франц. *couplet, vers d'une chanson*.

24. Соотнесённость с внешней формой объекта.

Примеры: лат. *cento* – русск. *центон, стихотворение «лоскутное»*, поэма «лоскутная» – англ. *cento* – нем. *Cento* – франц. *centon*; лат. *versus figuratus* – русск. *стих фигурный, стихотворение-рисунок* – англ. *figurate poem* – нем. *figuratives Gedicht, Figurengedicht* – франц. *poésie figurative*.

V. Модификаторы.

1. Соотнесённость с рифмой как средством организации стихотворного произведения.

1.1. Соотнесённость с внутренней структурой рифмующихся частей строк.

Примеры: лат. *rhythma apocopatum* – русск. *рифма апокопированная* (~ *усечённая*) – англ. *apocopated rhyme* (~ *rime*) – нем. *apokopierter Reim* – франц. *rime apocopée*.

1.2. Соотнесённость с полносоставностью/неполносоставностью рифмы.

Примеры: лат. *rhythma perfectum* – русск. *рифма полная* – англ. *perfect rhyme* (~ *rime*) – нем. *vollständiger Reim, Vollreim* – франц. *rime parfaite*.

1.3. Соотнесённость со звуковым составом рифмы.

Примеры: лат. *rhythma echoicum* – русск. *рифма-эхо* – англ. *echo-rhyme, echo-rhyme* – нем. *Echoreim* – франц. *rime-écho*.

1.4. Соотнесённость с особенностями акцентуации рифмующихся частей строк.

Примеры: лат. *rhythma heteroaccentuale* – русск. *рифма разноударная* – англ. *heteroaccentual rhyme* (~ *rime*) – нем. *heteroaakzentuierender (verschiedentoniger) Reim* – франц. *rime hétéroaccentuelle*.

1.5. Соотнесённость с особенностями паузации рифмующихся частей строк.

Примеры: лат. *rhythma caesurale* – русск. *рифма цезурная* – англ. *c(a)esural rhyme* (~ *rime*) – нем. *Zäsurreim* – франц. *rime césurale* (~ *placée à la césure*).

1.6. Соотнесённость с литературно-поэтическим жанром.

Примеры: лат. *rhythma Leoninum* – русск. *рифма леонинская* – англ. *leonine rhyme* (~ *rime*) – нем. *leoninischer Reim* – франц. *rime léonine*.

1.7. Соотнесённость с внешней формой.

Примеры: лат. *rhythma visuale* – русск. *рифма зрительная* (~ визуальная, ~ для глаз) – англ. *eye-rhyme*, *rhyme to the eye, sight rhyme* (~ *rime*) – нем. *Augenreim* – франц. *rime visuelle* (~ *pour les yeux*, ~ *pour l'œil*).

1.8. Соотнесённость с местом расположения в стихе или строке.

Примеры: лат. *rhythma initiale* – русск. *рифма начальная* (~ головная, ~ передняя) – англ. *head (initial) rhyme* (~ *rime*) – нем. *Anfangsreim* – франц. *rime initiale*.

1.9. Соотнесённость со стихотворной стопой.

Примеры: лат. *rhythma dactylicum* – русск. *рифма дактилическая* – англ. *dactylic rhyme* (~ *rime*) – нем. *daktylischer Reim* – франц. *rime dactylique*.

1.10. Соотнесённость с количеством слогов в рифме.

Примеры: лат. *rhythma parisyllab(ic)um* – русск. *рифма равносложная* – англ. *parisyllabic rhyme* (~ *rime*) – нем. *gleichsilbiger Reim* – франц. *rime parisyllabe* (~ *parisyllabique*).

1.11. Соотнесённость с полнотой звучания рифмы.

Примеры: лат. *rhythma dives* – русск. *рифма богатая* (~ полнозвучная) – англ. *rich (strong) rhyme* (~ *rime*) – нем. *reicher (gleitender) Reim* – франц. *rime riche*.

1.12. Соотнесённость с морфемной структурой слова.

Примеры: лат. *rhythma suffixale* – русск. *рифма суффиксальная* (~ суффиксально-флективная) – англ. *suffixal rhyme* (~ *rime*) – нем. *suffixaler Reim* – франц. *rime suffixale*.

1.13. Соотнесённость с количеством составных элементов рифмы.

Примеры: лат. *rhythma quadruplex* – русск. *рифма четверная* – англ. *quaternary rhyme* (~ *rime*) – нем. *vierfacher Reim* – франц. *rime quadruple* (~ *quadripartite*).

2. Соотнесённость со средствами акцентуации.

2.1. Соотнесённость с типом ударения.

Примеры: лат. *accentus gravis gravis* – греч. *προσῳδία βᾶρεῖα, τὰσις βᾶρεῖα, βᾶρύ, βᾶρύτης* – русск. *гравис, ударение тяжёлое* (~ грависное, ~ тупое) тон тяжёлый, понижение тона – англ. *grave accent, grave, low pitch* – нем. *schwerer Akzent, Tiefton, fallender Ton, Fallton* – франц. *accent grave*.

2.2. Соотнесённость с морфемным составом слова.

Примеры: лат. *accentus morphologicus* – греч. *τόνος μορφολογικός* – русск. *ударение морфологическое* (~ морфемно-связанное) – англ. *morphological (morpheme-bound) accent* – нем. *morphologischer Akzent morphemgebundener (morphologisch gebundener) Akzent* – франц. *accent morphologique*.

2.3. Соотнесённость с pragматической установкой ударения.

Примеры: лат. *accentus didacticus* – греч. *τόνος διδακτικός* – русск. *ударение дидактическое* – англ. *didactic(al) (didactive) accent* – нем. *didaktischer Akzent* – франц. *accent didactique*.

2.4. Соотнесённость с метрической структурой объекта.

Примеры: лат. *accentus extrametricus* – русск. *ударение (в)неметрическое* (~ вставное) – англ. *extra-metric(al) (additional) stress* – нем. *aufmermetrischer Akzent* – франц. *accent extramétrique*.

2.5. Соотнесённость с функциональными особенностями ударения.

Примеры: лат. *accentus uniens* – русск. *ударение объединяющее* – англ. *unifying stress, unity-stress* – нем. *Vereinigungsakzent, Vereinigungston, vereinigender (zusammen-schließender) Akzent, Stützakzent* – франц. *accent d'unification (~ rassemblant, ~ unifiant, ~ d'appui)*.

2.6. Соотнесённость мелодическим контуром речевого произведения.

Примеры: лат. *accentus melodicus* – греч. *τόνος μελωδικός* – русск. *ударение мелодическое* – англ. *melodic accent* – нем. *melodischer Akzent* – франц. *accent mélodique (~ musical)*.

2.7. Соотнесённость с темпоральными характеристиками ударения.

Примеры: лат. *accentus acutus vetus acutus vetus* – русск. *акут старый* – англ. *old acute* – нем. *alter Akut* – франц. *vieil accent aigu (~ frappé)*; лат. *accentus circumflexus novus* – русск. *ударение новоциркумфлексное (~ новоциркумфлексовое)*, циркумфлекс (циркумфлекс) *новый* – англ. *new circumflex* – нем. *neuer Zirkumflex* – франц. *nouvel accent circonflexe*.

2.8. Соотнесённость с интенсивностью реализации ударения.

Примеры: лат. *accentus intensivus* – русск. *ударение интенсивное* – англ. *intensive stress* – нем. *intensive Betonung, Druckakzent* – франц. *accent d'intensité (~ d'énergie)*.

2.9. Соотнесённость с объектом воздействия.

Примеры: лат. *accentus syllab(ic)us* – греч. *στηριγμός, τόνος συλλαβικός (~ τῆς συλλαβῆς)* – русск. *ударение силлабическое (~ слоговое)* – англ. *syllabic (syllable) accent* – нем. *Silbenakzent, syllabischer Akzent* – франц. *accent syllabique (~ de la syllabe, ~ sur la syllabe)*.

3. Соотнесённость со средствами паузации.

3.1. Соотнесённость с объектом воздействия.

Примеры: лат. *caesura syllab(ic)a* – греч. *τομὴ συλλαβική* – русск. *цеzура силлабическая* – англ. *syllabic c(a)esura* – нем. *syllabische Zäsur* – франц. *césure (coupe) syllabique*.

3.2. Соотнесённость с местом расположения в стихе.

Примеры: лат. *pausa intraversa* – русск. *пауза внутристишная (~ внутристиховая)* – англ. *internal pause* – нем. *Innenpause* – франц. *pause intérieure*; лат. *caesura terminalis* – греч. *τομὴ τελική* – русск. *цеzура конечная* – англ. *terminal c(a)esura* – нем. *Endzäsur* – франц. *césure finale*.

3.3. Соотнесённость с ритмической организацией стиха.

Примеры: лат. *pausa rhythmica* – греч. *παῦσις (τομὴ) ρύθμική* – русск. *пауза ритмическая* – англ. *rhythmic(al) pause* – нем. *rhythmische Pause* – франц. *pause rythmique*.

3.4. Соотнесённость с метрической организацией стиха.

Примеры: лат. *pausa metrica* – греч. *παῦσις (τομὴ) μετρική* – русск. *пауза метрическая* – англ. *metric(al) pause* – нем. *metrische Pause* – франц. *pause métrique*.

3.5. Соотнесённость с синтаксической структурой стиха.

Примеры: лат. *pausa syntactica* – греч. *παῦσις (τομὴ) συντακτική* – русск. *пауза синтаксическая* – англ. *syntactic(al) pause* – нем. *syntaktische Pause* – франц. *pause syntactique (~ syntaxique)*; лат. *caesura syntactica* – греч. *τομὴ συντακτική* – русск. *цеzура синтаксическая* – англ. *syntactic(al) c(a)esura* – нем. *syntaktische Zäsur* – франц. *césure syntactique (~ syntaxique)*.

3.6. Соотнесённость со степенью интенсивности пауз.

Примеры: лат. *caesura fortis* – русск. *цезура сильная* – англ. *strong c(a)esura* – нем. *starke Zäsur* – франц. *césure forte*.

3.7. Соотнесённость со средствами акцентуации.

Примеры: лат. *caesura tonica* – греч. *τομὴ τονική* – русск. *цезура тоническая* – англ. *tonic c(a)esura* – нем. *tonische Zäsur* – франц. *césure tonique*.

3.8. Соотнесённость со стихотворной стопой.

Примеры: лат. *caesura trochaica* – греч. *τομὴ τροχαῖα* (~ *κατὰ τὸν τρίτον τροχαῖον*) – русск. *цезура трохеическая* – англ. *trochaic c(a)esura* – нем. *trochäische Zäsur* – франц. *coupure trochaïque*.

3.9. Соотнесённость с литературно-поэтическим жанром.

Примеры: лат. *caesura bucolica* – греч. *τομὴ βουκολική* – русск. *цезура буколическая* – англ. *bucolic c(a)esura* – нем. *bukolische Zäsur* – франц. *césure bucolique*; лат. *caesura epica* – греч. *τομὴ ἐπική* – русск. *цезура эпическая* – англ. *epic(al) c(a)esura* – нем. *epische Zäsur* – франц. *césure épique*.

4. Соотнесённость со средствами ритмической организации речи.

4.1. Соотнесённость с единицами ритмического членения речи.

Примеры: лат. *rhythmus [orationis] accentu-temperatus* – русск. *ритм [речи] тактосчитывающий* – англ. *stress-timed rhythm [of speech]* – нем. *taktzährender [Sprech]rhythmus* – франц. *rythme [de la parole] qui compte les accents*.

4.2. Соотнесённость с метрической схемой стиха.

Примеры: лат. *rhythmus versus* – греч. *ρύθμος τοῦ στίχου* – русск. *ритм стиха* (~ *стихотворный*) – англ. *verse rhythm, rhythm of verse* – нем. *Versrhythmus* – франц. *rythme du vers*; лат. *curva versus rhythmica* – русск. *контура стиха ритмический* – англ. *rhythmic(al) contour of verse* – нем. *rhythmische Kontur des Verses* – франц. *contour rythmique du vers*.

4.3. Соотнесённость с типом ударения.

Примеры: лат. *rhythmus oxyton(ic)us* – греч. *ρύθμος ὀξύτονος* – русск. *ритм окситонический* – англ. *oxytonic rhythm* – нем. *oxytonischer Rhythmus* – франц. *rythme oxyton*.

4.4. Соотнесённость с направлением действия (движения).

Примеры: лат. *rhythmus [versus] inversus* – русск. *ритм [стиха] инверсированный* – англ. *inverted rhythm [of verse]* – нем. *invertierter (Vers)rhythmus* – франц. *rythme inversé [du vers]*.

5. Соотнесённость со словом.

5.1. Соотнесённость с особенностями акцентуации (типом ударения).

Примеры: лат. *verbum proparoxyton(ic)um* – греч. *λεξίς προπαροξύτονη, ρῆμα προπαροξύτονον* – русск. *слово пропарокситоническое* (~ *пропарокситонное*) – англ. *proparoxytonic word* – нем. *proparoxyton(isch)es Wort* – франц. *mot proparoxyton*; лат. *properispomenon* – греч. *προπερισπάμενον, λεξίς προπερισπάμενη, ρῆμα προπερισπάμενον* – русск. *пропериспомен* – англ. *properispomenon, properispome word* – нем. *Properispomenon* – франц. *propérispomène*.

5.2. Соотнесённость с функциональными характеристиками объекта.

Примеры: лат. *verbum expletivum* – русск. слово-вставка, слово вставное, втычки – англ. *verse-filler, linking word* – нем. *Flickwort, Füllwort* – франц. *mot expléatif (~ intercalaire)*.

VI. Фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры.

1. Соотнесённость с графическими знаками.

Примеры: лат. *anagramma* – греч. ἀνάγραμμα – русск. анаграмма – англ. *anagram* – нем. *Anagramm, Buchstabentausch, Buchstabenversetzerätsel, Buchstabenrätsel* – франц. *anagramme*; лат. *tautogramma* – греч. ταυτόγραμμα – русск. тавтограмма – англ. *tautogram* – нем. *Tautogramm* – франц. *tautogramme*.

2. Соотнесённость со звуковым составом.

Примеры: лат. *euphonie* – греч. εὐφωνία – русск. эвфония, благозвучие – англ. *euphony* – нем. *Euphonie, Wohlklang, Wohllaut* – франц. *euphonie*; лат. *cacophonie* – греч. κακοφωνία – русск. какофония, неблагозвучие – англ. *cacophony* – нем. *Kakophonie, Missklang* – франц. *cacophonie*.

3. Соотнесённость со слоговым составом.

Примеры: лат. *palindromus syllab(ic)us* – греч. παλινδρομον συλλαβικόν – русск. палиндром(он) слоговой (~ силлабический) – англ. *syllabic (syllable) palindrome* – нем. *syllabisches Palindrom, Silbenpalindrom* – франц. *palindrome syllabique*.

4. Соотнесённость с ритмическими особенностями объекта.

Примеры: лат. *eurhythmia* – греч. εύρυθμία – русск. эвритмия – англ. *eur(h)ythmy* – нем. *Eurythmie* – франц. *eurythmie*; лат. *parallelismus rhythmicus* – греч. παραλληλισμὸς ρυθμικός – русск. параллелизм ритмический – англ. *rhythmic(al) parallelism* – нем. *rhythmischer Parallelismus* – франц. *parallélisme rythmique, écho rythmique*.

5. Соотнесённость с синтаксическими особенностями объекта.

Примеры: лат. *parallelismus syntacticus* – греч. παραλληλισμὸς συντακτικός – русск. параллелизм синтаксический – англ. *syntactic(al) parallelism* – нем. *syntaktischer Parallelismus* – франц. *parallélisme syntactique (~ syntaxique)*.

6. Соотнесённость со схемой рифмовки объекта.

Примеры: лат. *acromonogramma rhythmicum* – русск. акромонограмма рифменная – англ. *rhyme (rhyming) acromonogram* – нем. *Reimakromonogramm* – франц. *acromonogramme rimé*.

VII. Фонетико-метрические процессы.

1. Соотнесённость с графическими знаками.

Примеры: лат. *metagramma* – греч. μετάγραμμα – русск. метаграмма – англ. *metagram* – нем. *Metagramm* – франц. *métagramme*.

2. Соотнесённость со звуковым составом.

Примеры: лат. *harmonia vocalium* – русск. гармония гласных (~ вокалическая) – англ. *vowel (vocalic) harmony, harmony of vowels* – нем. *Vokalharmonie, Harmonie der Vokale* – франц. *harmonie vocalique (~ des voyelles)*.

3. Соотнесённость со слоговым составом.

Примеры: лат. *augmentum syllab(ic)um* – греч. αὐξῆσις συλλαβική – русск. аугмент слоговой, приращение слоговое – англ. *syllabic augment* – нем. *syllabisches Augment* – франц. *augment syllabique*.

4. Соотнесённость с местом реализации признака (топический признак).

Примеры: лат. *dissimilatio syllab(ic)a* – русск. *диссимилияция слоговая* – англ. *syllabic dissimilation* – нем. *Silbendissimilation*, *syllabische (silbische) Dissimilation* – франц. *dissimilation syllabique*.

5. Соотнесённость с направленностью действия признака.

Примеры: лат. *assimilatio reciproca* – русск. *ассимиляция взаимная* (~ двусторонняя, ~ обобщенная) – англ. *reciprocal (coalescent, bidirectional) assimilation* – нем. *reziproke (doppelseitige) Assimilation* (~ *Lautangleichung*) – франц. *assimilation réiproque*; лат. *assimilatio regress(iv)a* – русск. *ассимиляция регрессивная* (~ обратная) – англ. *regressive assimilation* – нем. *regressive (rückschreitende, vorgreifende, rückwirkende) Assimilation* (~ *Lautangleichung*) – франц. *assimilation régessive*.

6. Соотнесённость с полнотой реализации признака.

Примеры: лат. *assimilatio partialis* – русск. *ассимиляция частичная* – англ. *partial assimilation* – нем. *teilweise (partielle) Assimilation* – франц. *assimilation partielle*.

7. Соотнесённость с перемещением объекта воздействия признака.

Примеры: лат. *permutatio* – русск. *перемещение, смещение, перенос, переход, пермутация, перестановка* – англ. *shift(ing), reversal, permutation* – нем. *Verschiebung, Versetzung, Verlegung, Permutation* – франц. *déplacement, permutation*; лат. *metathesis* – греч. *μετάθεσις* – русск. *метатеза, перемещение, перестановка* – англ. *metathesis* – нем. *Metathesis, Metathese, Lautversetzung, Buchstabenversetzung, Buchstabenumstellung* – франц. *métathèse*; лат. *hyperthesis* – греч. *ὑπέρθεσις* – русск. *гипертеза, перенесение* – англ. *hyperthesis* – нем. *Hyperthesis* – франц. *hypothèse*.

8. Соотнесённость с удвоением (раздвоением) объекта воздействия признака.

Примеры: лат. *bifurcatio* – русск. *биfurкация, расщепление, раздвоение* – англ. *bifurcation* – нем. *Bifurkation, Spaltung, Gab(e)lung* – франц. *bifurcation*; лат. *geminatio* – русск. *геминация, удвоение* – англ. *gemination, doubling* – нем. *Gemination, Doppelung, Verdopp(e)lung* – франц. *gémination, redoublement*.

9. Соотнесённость с утратой объекта воздействия признака.

Примеры: лат. *disparitio* – русск. *выпадение, потеря, исчезновение, утрата* – англ. *disappearance, loss* – нем. *Schwund, Wegfall, Verlust, Ausstoßung, Verstummung, Verstummen* – франц. *chute, disparition*; лат. *elisio* – греч. *ἐκθλίψις, ἐκθλίψη* – русск. *элизия, выталкивание* – англ. *elision* – нем. *Elision, Vokalausstoßung, Ausstoßung, Ausstoßen, Schwundstufe, Schwund* – франц. *élision; réduction, obscurisation* – нем. *Reduktion, Reduzierung* – франц. *réduction*.

10. Соотнесённость с изменением внутренней структуры объекта.

Примеры: лат. *substitutio* – русск. *замещение, замена* – англ. *substitution* – нем. *Substitution* – франц. *substitution, changement*; лат. *alternatio* – греч. *ἀλτερά-ция, мена, чередование* – англ. *alternation, interchange* – нем. *Alternation, Alternanz, Wechsel* – франц. *alternance, échange*.

11. Соотнесённость с расширением зоны действия признака.

Примеры: лат. *expansio* – русск. *расширение* – англ. *expansion* – нем. *Erweiterung* – франц. *expansion, agrandissement*; лат. *prolongatio* – русск. *удлинение, продление* – англ. *lengthening* – нем. *Dehnung, Verlängerung* – франц. *allongement*.

12. Соотнесённость с сужением зоны действия признака.

Примеры: лат. *angustatio* – русск. *сужение* – англ. *narrowing* – нем. *Verengerung* – франц. *rétrécissement*.

13. Соотнесённость с метрической схемой стиха.

Примеры: лат. *protractio metrica* – русск. *растяжение метрическое* – англ. *metric(al) lengthening* (~ *protraction*) – нем. *metrische Verlängerung* (~ *Dehnung*) – франц. *allongement métrique* (~ *d'une syllabe brève*).

14. Соотнесённость с особенностями ритмической организации стиха.

Примеры: лат. *protractio rhythmica* – русск. *растяжение ритмическое* – англ. *rhythmic(al) lengthening* (~ *protraction*) – нем. *rhythmische Verlängerung* (~ *Dehnung*) – франц. *allongement rythmique*.

15. Соотнесённость с пассивными органами артикуляции.

Примеры: лат. *palatalizatio* – русск. *палатализация* – англ. *palatalisation, palatalization* – нем. *Palatalisierung* – франц. *palatalisation*.

16. Соотнесённость с активными органами артикуляции.

Примеры: лат. *labializatio* – русск. *лабиализация, огубление* – англ. *labialisation, labialization, liprounding* – нем. *Labialisierung, Lippennrundung* – франц. *labialisation*.

17. Соотнесённость с наличием или отсутствием голоса.

Примеры: лат. *sonorizatio* – русск. *соноризация, озвончение* – англ. *sonorisation, sonorization, voicing, voicedness* – нем. *Sonorisation, Sonorisierung, Stimmhaftwerden, Stimmhaftmachen* – франц. *sonorisation*; лат. *exsurdatio* – русск. *оглушение* – англ. *devoicing, devoicedness, unvoicing* – нем. *Stimmloswerden, Verlust des Stimmtons, Entstimmlichung* – франц. *assourdissement*.

18. Соотнесённость с процессом дыхания.

Примеры: лат. *aspiratio* – греч. *ἀσπύτης* – русск. *аспирация, придыхание* – англ. *aspiration, spiritus, breathing* – нем. *Aspiration, Behauchung, Aussprache mit Hauchlaut, Spiritus, Hauch, Hauchen* – франц. *aspiration, esprit*.

19. Соотнесённость с мягкостью/твёрдостью звучания.

Примеры: русск. *смягчение* – англ. *softening* – нем. *Erweichung Mouillierung* – франц. *amollissement, mouillement, mouillure*.

20. Соотнесённость с интенсивностью реализации.

Примеры: лат. *fortitia* – русск. *фортизация, усиление* – англ. *fortition* – нем. *Fortition, Verschärfung* – франц. *fortition*; лат. *lenitia* – русск. *ленизация, лениция, ленирование, ослабление* – англ. *lenition, softening, weakening* – нем. *Lenition, Lenierung, Lenisierung, Lenisieren, Erweichung, Schwächung* – франц. *lénition, adoucissement*.

VIII. Законы и правила.

1. Соотнесённость с именем автора (изобретателя) или лица, ассоциируемого с законом.

Примеры: лат. *lex Vernerij* – русск. *закон Вернера* – англ. *Verner's law* – нем. *Vernersches Gesetz* – франц. *loi de Verner*; лат. *lex Grimmij* – русск. *закон Гrimма* – англ. *Grimm's law* – нем. *Grimmsches Gesetz* – франц. *loi de Grimm*.

2. Соотнесённость со звуковым составом.

Примеры: лат. *lex consonantium finalium* – русск. *[оглушения] конечных согласных* – англ. *law of final consonant devocalization* (~ *of final consonant devoicing*) *final consonant law* – нем. *Auslaut[verhärtungs]gesetz, Auslautverhärtung* – франц. *loi [d'assourdissement, de dévocalisation] des consonnes finales*.

3. Соотнесённость с количеством звуков.

Примеры: лат. *lex trium consonantium* – русск. закон трёх согласных – англ. *law of three consonants, three consonant law* – нем. *Dreikonsonantengesetz* – франц. *loi de trois consonnes*.

4. Соотнесённость со слоговым составом.

Примеры: лат. *lex p(a)enultimae* – русск. закон предпоследнего слога – англ. *penultimate law, law of the penultimate* – нем. *Pänultimagesetz* – франц. *loi de la syllabe pénultième (~ de l'avant-dernière syllabe)*.

5. Соотнесённость с количеством слогов.

Примеры: лат. *lex trium syllabarum* – русск. закон трёх слов – англ. *law of three syllables, three syllable law* – нем. *Dreisilbengesetz* – франц. *loi de trois syllabes*.

6. Соотнесённость с количеством мор.

Примеры: лат. *lex trium morarum* – русск. закон трёх мор – англ. *law of three morae, three mora law* – нем. *Dreimorengesetz* – франц. *loi de trois mores*.

7. Соотнесённость с количеством слов.

Примеры: лат. *lex trium verborum* – русск. закон трёх слов – англ. *law of three words, three word law* – нем. *Dreiwörtergesetz* – франц. *loi de trois mots*.

8. Соотнесённость с количеством графических знаков.

Примеры: лат. *regula quattuor litterarum* – русск. правило четырёх букв – англ. *rule of four letters, four letter rule* – нем. *Vierbuchstabenregel* – франц. *règle de quatre lettres*.

9. Соотнесённость со стихотворной стопой.

Примеры: лат. *correptio iambea* – греч. ἐπανόρθωσις ἰαμβος – русск. сокращение ямбическое – англ. *iambic shortening* – нем. *Jambenkürzung, Iambenkürzung, Jambenkürzungsgesetz, Iambenkürzungsgesetz* – франц. *abrévement iambique*; лат. *regula dactyli* – русск. правило дактиля – англ. *rule of dactyl, dactyl rule* – нем. *Regel des Daktylus* – франц. *règle de dactyle*.

IX. Система.

1. Соотнесённость с системой версификации.

1.1. Соотнесённость с особенностями акцентуации.

Примеры: лат. *versificatio accentualis* – русск. стихосложение акцентное (~ ударное, ~ тоническое) – англ. *accentual versification* – нем. *akzentuierende (tonische) Versifikation* (~ *Versifizierung*) *versification accentuelle* (~ *tonique*).

1.2. Соотнесённость со слоговым составом.

Примеры: лат. *versificatio syllab(ic)a* – русск. стихосложение силлабическое (~ акцентно-силлабическое) – англ. *syllabic versification, syllabics* – нем. *syllabische Versifikation* (~ *Versifizierung*) *versification syllabique, syllabisme*.

1.3. Соотнесённость с метрической структурой.

Примеры: лат. *versificatio metrica* – русск. стихосложение метрическое – англ. *metric(al) versification* – нем. *metrische Versifikation* (~ *Versifizierung*) – франц. *versification métrique*.

1.4. Соотнесённость с качественными характеристиками.

Примеры: лат. *versificatio qualitativa* – русск. стихосложение качественное (~ квальитативное) – англ. *qualitative versification* – нем. *qualitative Versifikation* (~ *Versifizierung*) – франц. *versification qualitative*.

1.5. Соотнесённость с количественными характеристиками.

Примеры: лат. *versificatio quantitativa* – русск. *стихосложение количественное* (~ *квантитативное*) – англ. *quantitative versification* – нем. *quantitative (quantitierende) Versifikation* (~ *Versifizierung*) – франц. *versification quantitative*.

1.6. Соотнесённость со временем возникновения и применения (temporalnyy признак).

Примеры: лат. *versificatio antica* – русск. *стихосложение античное* – англ. *antique (ancient) versification* – нем. *antike Versifikation* (~ *Versifizierung*) – франц. *versification antique*.

2. Соотнесённость с системой как совокупностью звукотипов.

2.1. Соотнесённость с системой вокализма.

Примеры: лат. *vocalismus* – русск. *вокализм* – англ. *vocalism, vowelism* – нем. *Vokalismus* – франц. *vocalisme*.

2.2. Соотнесённость с системой консонантизма.

Примеры: лат. *consonantismus* – русск. *консонантизм* – англ. *consonantism* – нем. *Konsonantismus* – франц. *consonantisme*.

2.3. Соотнесённость с именем автора (изобретателя) или лица, ассоциируемого с системой.

Примеры: лат. *systema Asclepiadeum* – греч. *σύστημα Ασκληπιάδειον* – русск. *система асклепиадова* – англ. *Asclepiad(ean) system* – нем. *asklepiadeisches System* – франц. *système asclépiade*.

2.4. Соотнесённость с видом или типом стиха.

Примеры: лат. *systema pythiamb(ic)um alterum* – греч. *σύστημα πυθιαμβικὸν* (~ *πυθιαμβόν, ~ πυθιαμβεῖον*) *δεύτερον* – русск. *система пифиямбическая вторая* – англ. *second pythiambic system* – нем. *zweites pythiambisches System* – франц. *deuxième système pythiambique*.

X. Соотнесённость с отделом науки (научной отраслью).

Примеры: лат. *rhythmologia* – греч. *ρυθμολογία* – русск. *ритмология* – англ. *rhythmology* – нем. *Rhythmologie* – франц. *rythmologie*; лат. *phonica* – греч. *φωνική* – русск. *фоника* – англ. *phonics* – нем. *Phonik* – франц. *phonique*; лат. *strophica* – греч. *στροφική* – русск. *стrophicka* – англ. *strophics* – нем. *Strophik* – франц. *strophique*; лат. *[ars] metrica* – греч. *μετρική [τέχνη]* – русск. *метрика* – англ. *metrics* – нем. *(Vers)metrik, Verskunst, Versart, Verswissenschaft, Verslehre* – франц. *métrique*.

Наиболее частотными во всех фонетико-метрических микротерминосистемах или в большей их части являются следующие типы номинаций, классифицируемые по характеру мотивационного признака:

1. Соотнесённость со звуком или звуковым составом (квантитативно-квалификативный признак).

2. Соотнесённость со слогом или слоговым составом (квантитативно-квалификативный признак).

3. Соотнесённость с внутренней структурой явления или объекта фонетики и метрики (квалификативный признак).

4. Соотнесённость с функциональными характеристиками явления или объекта фонетики и метрики (функциональный признак).

5. Соотнесённость с именем автора (изобретателя) или лица, ассоциируемого с явлением или объектом фонетики и метрики (эпонимический признак).

6. Соотнесённость с местом возникновения явления или объекта фонетики и метрики (топический признак).

7. Соотнесённость с названием стихотворной стопы.

8. Соотнесённость с названием стихотворного размера.

4.3.2. Метафоризация в терминологическом пространстве фонетики и метрики

В настоящей работе мы понимаем метафору в расширенном смысле, подразумевая под ней всякий вид использования слов в переносном значении.

В терминологии метрики и фонетики в основном представлена метафора простая, т.е. построенная на сближении предметов или явлений по одному какому-либо общему признаку. В функциональном плане она призвана характеризовать и номинировать соответствующее явление, действие, процесс или предмет.

Метафора как явление, достаточно распространённое в лингвистической терминологии, фиксируется большей частью в составе составных терминов. Учитывая, что наиболее распространёнными моделями в составной терминологии являются модели с атрибутивными и объектными отношениями между компонентами, с большой долей вероятности можно утверждать, что в первом случае преобладающим типом метафоры будет метафора признаковая, а во втором – номинативная. Метафоризация значения, как видим, свойственна обоим основным типам полнозначных слов – именам предметов или явлений, а также словам, выражающим качества, признаки, свойства или действия данных предметов или явлений.

Н.Д. Арутюнова относит подобные процессы переноса значения к метафоризации, соответственно, третьего и первого типов. При третьем типе (признаковая метафора, которую Н.Д. Арутюнова не без оснований называет также когнитивной, отмечая, что она является «орудием выделения, познания свойств материальных тел и абстрактных категорий») процесс метафоризации «протекает в среде признаковых слов и заключается в сопоставлении субъекту метафоры признаков, свойств и действий, характерных для другого класса объектов или относящихся к другому аспекту данного класса» [АРУТЮНОВА, 1998: 235]. Д.Н. Шмелев отмечает некоторую закономерность, выявляющуюся в рамках третьего типа метафоризации: «многие прилагательные, обозначающие конкретные, чувственно воспринимаемые признаки, служат одновременно для обозначения более отвлечённых признаков, связанных с психическим состоянием, моральными качествами и т.п.» [ШМЕЛЕВ, 1977: 96].

Примеры латинской терминологии: *accentus acutus, accentus ascens, accentus bivertex, accentus cl(a)usus, accentus gravis, accentus liber, aspiratio lenis, caesura feminina, caesura fortis, colum parvum, cursus velox, dactylus repercussus, consonans fortis, consonans liquida, consonans muta, dactylus retroactus, diphthongus angustatus, elementum indifferens, iambus claudus, iambus licens, intonatio acuta, intonatio ascens, tempus leve, metrum descens, nullum acusticum, linea fracta, oratio pedestris, rhythma pauper, rhythma plexum, rhythma profundum, spiritus fortis, spiritus lenis, syllaba biceps, syllaba celeris, syllaba cl(a)usa, versus acephalus, versus blancus, versus cancrinus, vocalis tensa, vox acuta, iambus claudicans (~ claudus), diphthongus labens*.

Примеры греческой терминологии: ἀρθρον μετρικόν, ἰαμβός χολός, ἰαμβός διποδίκος, χορείος διποδίκος, χρόνος κενός, χρόνος πρῶτος, δάκτυλος διποδίκος, δίφθογγος νόθη, δίφθογγος ὁρθή, δίφθογγον νόθον, δίφθογγον ὁρθόν, φωνὴ αδιάφορα, φωνὴ δᾶσεῖα, μέτρον ἐπταποδίκον, μέτρον ἔξαποδίκον, μέτρον ἰσχιορρωγικόν, μέτρον χωλόν, μέτρον διποδίκον, μέτρον μονοποδίκον, μέτρον πεντα-

ποδικόν, μέτρον τετραποδικόν, μέτρον τριποδικόν, πνεῦμα δασύ, πνεῦμα ψιλόν, ποὺς ἄλογος, ποὺς λογικός, προσφοδία βάρεῖα, προσφοδία δᾶσεῖα, προσφοδία δξεῖα, σπονδεῖος διποδικός, στίχος ρόπαλος, στίχος ἀκέφαλος, στίχος ἡρωϊκός (~ ἥρῳς), στίχος χωλός, στίχος καρκίνος, στίχος κολοβός, στίχος μικτός, στίχος ὄφιωδης, στίχος προκέφαλος, στίχος ἀκρός, συλλάβη ἄλογος, συλλάβη λογική, συλλάβη δικέφαλος, συλλάβη κληϊστή, συλλάβη κοινή (~ μέση, ~ ἀμφιδόξα), συλλάβη πλάτεια, τάσις βάρεῖα, τάσις δξεῖα, τομὴ ἀρσενική, τομὴ θηλική, τομὴ τελική, τὸνος διμάλος, τὸνος δικέφαλος, τροχαιὸς διποδικός.

Примеры русской терминологии: ассилияция предвосхищающая, буква немая, гласный беглый, гласный безразличный, гласный закрытый, гласный открытый, дактиль отражённый, дифтонг падающий, звук скользящий, иамб вольный, иамб хромающий, интонация восходящая, интонация падающая, ионик нисходящий, курсус быстрый, поэма лоскутная, размер героический, рифма бедная, рифма богатая, рифма глубокая, слог замкнутый, слог тяжёлый, согласный дрожащий, согласный немой, согласный проточный, согласный тонкий, стих ацефалический, стих беглый, стих героический, стих змеиный, стих холостой, стопа собственная, строка текучая, тон острый, тон тяжёлый, ударение плавающее, ударение связанное, ударение тупое, ударение тяжёлое, цензура сильная, цензура слабая, ямб вольный, ямб хромой.

Примеры английской терминологии: accephalous (headless) verse, acoustic zero, acute (sharp) intonation, acute accent, back dactyl, blank verse, broken (split, run-over) rhyme, broken verse, closed (checked, blocked) syllable, crowned rhyme, deep rhyme, enclosing (enclosed, envelope) rhyme, falling (descendant, descending) diphthong, falling tune, feminine (female, dying) rhyme, figurate poem, free iamb(us), free verse, fugitive vowel, gliding diphthong, hardened (retracted) consonant, heroic verse (~ couplet), lax vowel, limping iamb(us), limping verse, liquid consonant, masculine (male, single, rising) rhyme, mirror rhyme, mute consonant, narrowing diphthong, obscured vowel, open stress, open vowel, poor (weak) rhyme, proper foot, rapid cursus, reflected dactyl, rich (strong) rhyme, rough breathing, serpentine verse, silent (mute, quiescent) letter, slack syllable, slow cursus, smooth breathing, softened consonant, strong c(a)esura, trite rhyme, flat consonant, weak c(a)esura, echo-rhyme, echo-verse, wedge (snowball) verse.

Примеры немецкой терминологии: abgedroschener Reim, abgeschnittener (Vers)fuß, gestoßene Intonation, scharfer Akzent, armer Reim, durchgehender Reim, echter (schwebender) Diphthong, eingipfliger Ton, erweichter Laut, fallende (abschwellende) Betonung, fester Anschluss, figuratives Gedicht, flüchtiger Vokal, flüssiger Konsonant (~ Laut), freier Iambus (~ Jambus), gebrochene (Vers)zeile, gebundene Rede, gekrönter Reim, geschlossene (gedeckte) Silbe, gleitender Diphthong, heroischer Vers, hinkebeinerner (hinkender) Vers, langsamer Kursus, loser Anschluss, männliche (stumpfe) Zäsur, metrischer Bruch, schwankende Silbe, pfeifender Konsonant (~ Laut), schleifender (geschliffener) Akzent, schwache Zäsur, schwere Silbe, starke Zäsur, steigende (anschwellende) Betonung, stummer Buchstabe, tiefer Reim, verstummender Vokal, rollender Konsonant (~ Laut), weibliche (klingende) Endung, wiedergespiegelter (reflektierter) Daktylus, zweigipfliger Ton.

Примеры французской терминологии: accent aigu (~ frappé), accent ascendant, accent allemand, accent chinois, accent doux, accent faible, accent grave, césure faible, césure féminine, césure forte, césure masculine, clausule féminine, clausule masculine, consonne assourdie, consonne bruyante, consonne chuintante, consonne liquide, consonne mouillée, consonne muette, coupe faible, coupe forte, cursus lent, cursus rapide, dactyle réfléchi, diphtongue agrandie, diphtongue ascendante (~ croissante), diphtongue descendante (~ décroissante), diphtongue fausse, diphtongue glissante, esprit dur (~ rude), iambe boiteux (~ boitant), lettre muette, ligne blanche, ligne brisée (~ rejetée), mètre boiteux (~ boitant), poésie figurative, poésie libre, rime brisée, rime couronnée, rime de miroir, rime pauvre (~ rurale), rime serpentine, syllabe aiguë (~ aiguiseée, ~ frappée, ~ rude), temps faible (~ levé), vers serpentin, vers héroïque, voyelle disparaissante (~ caduque), voyelle fermée, voyelle furtive (~ fugitive).

При первом типе (номинативная метафора) процесс метафоризации затрагивает употребительную лексику, к которой прибегают с целью найти имя для непоименованного класса реалий. На уровне семантики имеет место замена одного дескриптивного значения другим.

Примеры латинской терминологии: *angustatio vocalium, celeritas pedis, celeritas syllabae, celeritudo pedis, coitus syllabarum, collisio vocalium [inter se], conclusio verborum, confusio vocalium, congestio rhythmatum, contractio diphthongorum, contractio syllabarum, contractio vocalium, curva versus, depositio vocis, disparitio consonantis, disparitio syllabae, disparitio vocalium reductarum, disparitio vocalium surdarum, distractio voces, elevatio vocis, expansio diphthongorum, flatus vocis, flexio vocis, flexus vocis, fractura [vocalium] Germanica, fractura [vocalium] Gothica, fractura lineae, frequentatio rhythmatum, fusio vocalium, inclinatio vocis, interpellatio rhythmi, nterruptio rhythmi, ludus verborum, lusio verborum, matres lectionis, positio vocis, proceritas pedis, proceritas syllabae, productio vocalis, angustatio diphthongorum.*

Примеры греческой терминологии: *κεχηνός τοῦ ρύθμοῦ, κεχηνός τοῦ μέτρου.*

Примеры русской терминологии: выбрасывание согласного, выкидка согласного, выпадение согласного, выпадение слога, выталкивание согласного, нагромождение рифм, оглушение согласного, опущение ударения, ослабление звука, отвердение звука, падение гласных глухих, падение гласных редуцированных, перебой согласных, передвижение согласных, перелом ритма, переход ударения, подъём голоса, потеря согласного, преломление гласных (обще)германское, расширение дифтонгов, расщепление звуков, сдвиг ударения, смягчение согласного, слияние слогов, слом ритма, сужение дифтонгов, утрата слога, встреча гласных, встреча согласных, игра слов, излом гласных (обще)германский, излом гласных готский, контур стиха, матери чтения, стык слов, носитель ударения.

Примеры английской терминологии: *meeting of vowels, break of meter, break of rhythm, conglomeration (congestion) of rhymes, contraction of diphthongs, contraction of syllables, disappearance (loss) of reduced vowels, expansion of diphthongs, fusion of vowels, Germanic breaking (~ fracture) of vowels, Gothic breaking (~ fracture) of vowels, mothers of reading, narrowing of diphthongs, narrowing of vowels, omission of stress, play(ing) of words (~ on words), contour of verse, shift(ing) of stress.*

Примеры немецкой терминологии: *Verengerung der Diphthonge, Verlust des Stimmtos, Auslassung des Akzents, Bruch des Rhythmus, Erweiterung der Diphthonge, Brechung der Vokale, Verschmelzung der Vokale, Zusammenziehung von Silben, Mütter des Lesens, Kontur des Verses, Ausstoßung (Verstummung, Verstummen) des Konsonanten, Verengerung der Vokale, Schwund (Wegfall, Verlust) der reduzierten Vokale, Zusammentreffen der Vokale.*

Примеры французской терминологии: *amoncellement (congestion) de rimes, chute d'une consonne (~ d'une syllabe, ~ d'une voyelle, ~ des voyelles réduites), disparition d'une consonne (~ d'une syllabe, ~ d'une voyelle, ~ des voyelles réduites), contour du vers, contraction (fusion, fusionnement, amalgame) des voyelles, contraction des diphongues (~ des syllabes), mutation des consonnes, expansion (agrandissement) des diphongues, fracture (brisure) germanique des voyelles, fracture (brisure) got(h)ique des voyelles, jeu de mots, mères de la lecture, omission d'accent, rencontre des voyelles, retrécissement des diphongues (~ des voyelles), rupture du rythm.*

Примеры номинативной метафоры в однословном терминологическом массиве фонетики и метрики:

Примеры латинской терминологии: по аналогии: *cento, acutus, gravis, liquida, muta;* по характеру (скорости) артикуляции: *lingui-fractor;* по характеру действия: *ictus, caesura, incisio;* по сходству между процессами или явлениями материального мира и процессами или явлениями отвлечённого характера: *angustatio, coitus, collisio, confusio, contractio, disparitio, elevatio, expansio, exsurdatio, fortitiae, hiatus, hiulca, inflexio, interruptio, lenitiae, surditas, positio, proceritas.*

Примеры греческой терминологии: по аналогии: *δάκτυλος, ἀντιδάκτυλος, κορωνίς*, по характеру действия: *κόμια, τομή, τομά*; по качественным признакам: *δέξεῖα*; по аналогии: *έξαποδία, ἡμίποντος, πούς, διποδία, μονοποδία, πενταποδία, στροφή, τετραποδία, τριποδία, τριπόδιος*.

Примеры русской терминологии: по форме: *крестик, рожок* (графические знаки); по аналогии: *сетка* (схема), *венок* [сонетов]; по способу чтения: *переверть, перевёртыши, ракоход* (палиндромные стихи); по характеру (скорости) артикуляции: *скороговорка*; по типу акцентуации (по месту ударения): *ударник*; по сходству между процессами или явлениями материального мира и процессами или явлениями отвлечённого характера: *выбрасывание, выкидка, выпадение, выталкивание, поглощение, зияние, надставка, опущение, отнятие, перебой, переброс, передвижение, перенос, перескок, расширение, слияние, столкновение, стяжение, сужение*.

Примеры английской терминологии: по аналогии: *liquid, mute, quiescent, acute, corona [of sonnets], crown [of sonnets]*; по функции: *[verse]-filler*; по сходству между процессами или явлениями материального мира и процессами или явлениями отвлечённого характера: *break, carrying-over, hardening, contraction, blending, devoicing, unvoicing, disappearance, loss, expansion, fortition, lenition, meeting, mutation, narrowing, overrunning, run(ning)-over, softening, weakening*.

Примеры немецкой терминологии: по форме: *Häckchen* (диакритический знак); по аналогии: *Doppelfaller, Doppelsteiger, Faller, Steiger, Kranz [der Sonette]*; по характеру действия: *Einschnitt*; по результату действия *Geschütteltes*; по функции *Mitlauter*; по сходству между процессами или явлениями материального мира и процессами или явлениями отвлечённого характера: *Abhauen, Ausstoßen, Ausstoßung, Erweichung, Erweiterung, Gab(e)lung, Kontraktion, Schwächung, Schwund, Spaltung, Überschneidung, Überschreiten, Umschlingung, Verengerung, Verhärtung, Verlust, Verschärfung, Verschiebung, Verschmelzung, Verstummen, Verstummung, Wegfall, Zusammenfallen, Zusammenhauen, Zusammenstoß, Zusammentreffen, Zusammenziehung*.

Примеры французской терминологии: по аналогии: *liquide, muette, sourde, couronne [de sonnets]*; по характеру действия: *coupe*; по сходству между процессами или явлениями материального мира и процессами или явлениями отвлечённого характера: *adoucissement, agrandissement, amollissement, assourdissement, brisure, chute, collision, congestion, contraction, disparition, durcissemement, enjambement, expansion, fortition, fracture, interruption, léniton, rejet, mouillement, mouillure, rencontre, rupture, rétrécissement*.

Складывающаяся на базе образной метафоры метафоризация второго типа, для которого характерен семантический сдвиг, проявляющийся в переходе предметного значения в категорию признаковых слов, почти не встречается в терминологии фонетики и метрики.

Данные по количественному составу разноязычных терминов, образованных на основе метафоризации описанных выше типов, приводятся в таблице.

ЯЗЫК	ПРОЦЕССЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ					
	первого типа		второго типа		третьего типа	
Латинский (1973)	51	2,6%	36	3,7%	227	11,5%
Греческий (971)	2	0,3%	36	1,8%	63	6,5%
Русский (2105)	66	3,1%	27	1,3%	276	13,1%
Английский (2112)	43	2%	38	1,8%	306	14,5%
Немецкий (2355)	48	2%	43	1,8%	380	16,1%
Французский (1771)	55	3,1%	30	1,7%	193	10,9%
ВСЕГО (11287)	265	2,4%	210	1,9%	1445	12,8%

Выводы:

1. Результаты проведённого анализа свидетельствуют о том, что во всех языках в абсолютном выражении наиболее распространённой оказывается

признаковая, или когнитивная, метафора, которая практически на порядок превышает абсолютные показатели, выявленные при исследовании процессов метафоризации первого типа (номинативная метафора) и второго типа. В наибольшей степени признаковая метафора реализуется в фонетико-метрической терминологии английского и немецкого языков, в несколько меньшей – в русском, латинском и французском языках.

Очевидно, высокая частотность признаковой метафоры в английском и немецком языках определяется во многом терминообразовательными особенностями этих языков, т.е. их способностью образовывать наряду с терминосочетаниями сложные термины аналогичной семантики, первый компонент которых выполняет определяющую или уточняющую роль по отношению к основному (последнему) смыслодержащему компоненту (т.е. фактически выступает в атрибутивной функции), там, где другие языки пользуются только составной терминологией (ср., с одной стороны: англ. *syllable enchainment* – *syllabic enchainment* – *enchainment of syllables*; нем. *Silbenverkettung* – *silbische Verkettung* – *Verkettung von Silben*, и, с другой – лат. *catenatio syllabica* – *catenatio syllabarum*; русск. *сцепление слововое* – *сцепление слов*; франц. *enchaînement syllabique* – *enchaînement des syllabes*). Как следствие реализации терминообразовательного фактора выступает развитая абсолютная синонимия (дублетность), благодаря которой одно понятие может быть номинировано посредством двух и более терминологических знаков. При этом следует отметить, что синонимия как явление, обнаруживающее свою связь с той или иной степенью частотности метафоризованной терминологии, представляется относительным метафорогенным фактором в применении к указанным языкам, так как она в не меньшей степени свойственна также русскому, французскому и латинскому языкам, проявляясь в росте количества метафоризованной терминологии иной структуры и иного типа. Об этом, в частности, говорят абсолютные показатели процессов метафоризации первого типа (номинативная метафора) в этих языках.

2. Исследование относительных показателей процессов метафоризации в фонетико-метрической терминологии показывает следующее:

1) во всех исследуемых языках наиболее распространена признаковая (когнитивная) метафора, наименее – метафора второго типа. Промежуточное место занимает номинативная метафора. Это наблюдение позволяет заключить, что в сфере терминологии фонетики и метрики процессы метафоризации в качественном отношении обнаруживают свою очевидную близость;

2) относительные показатели по каждому из трёх типов процессов метафоризации во всех исследуемых языках оказываются весьма сходными. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что в исследуемой терминологии процессы метафоризации в количественном отношении также обнаруживают свою близость;

3) в целом в терминологии фонетики и метрики объектом метафоризации в той или иной степени оказались в латыни 17,8%, в греческом языке – 8,6%, в русском языке – 17,5%, в английском языке – 18,3%, в немецком языке – 19,9%, во французском языке – 15,7% всего терминологического корпуса. Процессы метафоризации практически в равной степени проявили себя при формировании терминологического массива фонетики и метрики во всех исследуемых языках (кроме греческого языка).

3. Особый интерес вызывают случаи параллельной метафоризации в терминологии исследуемых языков. Как правило, параллельные разноязычные

метафоры имеют отношение к тем понятиям, дефиниция которых полностью или почти полностью совпадает в разных языках. Такая терминология обычно представляет собой структурно-семантические кальки с исходных латинских терминов, чем во многом объясняется сходство между языками в характере метафорических сдвигов от слова естественного языка к метазнаку. Ниже даются примеры калькированных терминов.

Vocalis fugitiva (~ furtiva) – гласный беглый – fugitive vowel – flüchtiger Vokal – voyelle furtive (~ fugitive); consonans liquida – согласный плавный (~ ликвидный) – liquid consonant, liquid – Liquida, Liquidlaut, Fließlaut, flüssiger Konsonant (~ Laut) – consonne liquide, liquide; fusio vocalium – слияние гласных – fusion of vowels – Verschmelzung der Vokale – fusionnement, amalgame) des voyelles.

В нижеследующей таблице приводится соотношение количества параллельных, ориентированных на одни и те же понятия метафор к общему количеству зарегистрированных случаев метафоризации во всех исследуемых языках (кроме греческого языка).

ЯЗЫК	МЕТАФОРЫ	
	общее количество метафор всех типов	количество параллельных метафор в % к общему количеству
Латинский	314	77,7%
Русский	369	66,1%
Английский	387	63,1%
Немецкий	471	51,8%
Французский	278	87,8%

Анализ показывает, что количество разноязычной семантически эквивалентной метафорической терминологии составляет в среднем около 70%, колебляясь в пределах от 52% в немецком языке до 88% во французском. Отсюда можно сделать вывод о том, что метафоризация терминологии в исследуемых языках во многом «обязана» калькированию как одному из способов пополнения терминологического аппарата фонетики и метрики.

4. С позиций стилистической окрашенности метафоры всех описанных выше типов являются лексическими (стёртыми) метафорами, возникшими в результате уже не воспринимаемого сейчас метафорического переноса названия и утратившими свою образность.

4.3.3. Метонимизация в терминологическом пространстве фонетики и метрики

В ходе исследования фонетико-метрической терминологии зафиксирован ряд переносов метонимического свойства, основанных на переходе названия с имени лица, названия события или места, которые имеют непосредственное отношение к характеризуемому предмету или явлению, на само это явление или предмет (произведение, изобретение, изделие, открытие и т.п.).

Метонимизация затрагивает в большей степени терминологию видов и типов стиха, а также стихотворных размеров и строф, и в несколько меньшей степени – терминологию единиц фонетико-метрического членения речи (метрических стоп, колонов и т.п.), которые называются по имени их изобретателей.

Примеры латинской терминологии: *Asclepiadeon, Asclepiadeus* (< *Asclēpiadēs*), *didymaeus* (< *Dídyma*), *epionicus* (< *ep(i)* + *Iōnia*), *Glyconeus, Glyconius* (< *Glykōneios* < *Glyko(n)*), *Hipponacteus* (< *Hippōnaktos* < *Hipponax*), *Ianuarius* (< *Iōnicos* < *Ianus*), *Ioni(a)cus* (< *Iōnia*), *ithyphallicus* (< *ithyphallikós* < *ithyphallos*), *Molossus* (< *molossós* <

Molossis), *paean*, *paeon* (< *paián*), *phalaec(i)um*, *phalaecion*, *phaleucium* (< *Phalaík(e)ion* < *Phálaikos*), *Praxilleus* (< *praxilleíos* < *Praxilla*), *priapeius* (< *priápeios* < *Príāpos*), *reitianum*, *reizianum* (< *Reiz*), *Sapphicus* (< *Sapphikós* < *Sappho*), *Saturnius* (< *Saturnus*), *Serpentinus* (< *serpens*), *Sotadicus* (< *Sótádeios* < *Sótádēs*), *Stesichoreus*, *Stesichorius* (< *Stēsikhórios* < *Stēsíkhōros*), *Telesilleus*, *Telesillianum* (< *Telesilleíos* < *Telésilla*).

Примеры греческой терминологии: *άσκληπιάδειον*, *Αρχιλοχίον*, *Αριστοφάνειον*, *Αιολικόν*, *Αδώνιος*, *Ανακρέόντεια*, *βάκχειος*, *βακχεῖος*, *βακχεῖον*, *διδυμαῖος*, *ἐπιώνικος*, *φαλαίκειον*, *φερεκρατεῖον*, *γλυκώνειος*, *γλυκώνειον*, *Ιππώνακτος*, *ἴωνικος*, *ἴωνικός*, *κρητικός*, *κύπριος*, *Λακωνικόν*, *Λέσβιος*, *μολοσσός*, *παιών*, *παιάν*, *παιανικόν*, *παλιμβάκχειος*, *παραγλυκώνειος*, *πραξιλλεῖον*, *πριάπειον*, *ρόπαλον*, *Στησιχόριον*, *τελεσιλλεῖον*.

Примеры русской терминологии (с комментарием): *адоник* (стих (размер) адонейский или аднический, получившие название в честь бога Адониса), *асклепиад* (строфа асклепиадова, стих асклепиадов, названные по имени поэта Асклепиада), *бакхий*, *вакхий* (стопа бакхическая или вакхическая, стих бакхический или вакхический, названные по имени бога вина Вакха), *гликоней* (стих или размер гликонеев, получившие своё название по имени греческого поэта Гликона), *ионик*, (стих или размер ионический, стопа ионическая, получившие своё название по названию области Иония на западном побережье Малой Азии), *кретик* (стопа критская по названию о. Крит), *молосс* (стопа молоссская, названная по названию Молоссиды, области в центре Эпира), *пеан*, *неон*, *пэан*, *пэон* (стопа пеоническая или пеаническая, стих (размер) пеонический или пеанический, получившие своё название в честь бога Аполлона или Пеана и применяющиеся в одноимённых хвалебных гимнах – пеанах), *праксилий* (стих или размер праксилий, названные по имени их создательницы Праксиллы), *сатурний* (стих сатурнический или сатурнийский, представлявший собой древнеримский стихотворный размер, существовавший до введения греческих размеров в систему римской версификации), *приапей* (стих или размер приапейский, на званный по имени бога садов, полей, плодородия и деторождения Приапа), *телесиллей* (стих или размер телесиллий, названные по имени их создательницы Телесиллы), *ферекратей* (ферекратов стих или размер, названный по имени греческого поэта Ферекрата), *фесценнины* (стихотворная стопа, песни или стихи фесценнинские, получившие своё название по названию городка Фесценния в южной Этрурии), *эпионик* (стих или размер эпионический, стопа эпионическая).

Примеры английской терминологии: *Adonic*, *Adonean*, *Alcaic*, *Alexandrine*, *alexandrine*, *antibacchius*, *Asclepiad*, *bacchius*, *cretic*, *cyprius*, *didymee*, *epionic*, *glyconic*, *Hipponaestean*, *Ionic*, *januarius*, *leonines*, *Sapphic*, *Molossus*, *p(a)eon*, *p(a)eon*, *palimbacchius*, *paraglyconic*, *pherecratic*, *pherecratean*, *praxillean*, *priapean*, *Saturnian*, *Saturnius*, *Sotadic*, *telesillean*, *Telesilleus*.

Примеры немецкой терминологии: *Adonius*, *Alexandriner*, *Antibaccheus*, *Antibacchius*, *Antibakcheus*, *Baccheus*, *Bacchius*, *Bakcheus*, *Didymäus*, *Epionikus*, *Glykonius*, *Glykonius*, *Ionikus*, *Januarius*, *Kretikus*, *Kyprius*, *Molossus*, *Pään*, *Palimbaccheus*, *Palimbacchius*, *Palimbakcheus*, *Paraglykonius*, *Praxilleus*, *Sapphicus*, *Sapphikus*, *Saturnier*, *Telesilleus*.

Примеры французской терминологии: *alcaïque*, *alexandrin*, *antibachique*, *antibachée*, *aristophanien*, *asclépiade*, *bachique*, *bacchius*, *bachée*, *crétiqe*, *cyprius*, *di-dymée*, *épionique*, *glyconée*, *glyconique*, *archiloquien*, *ionique*, *molosse*, *palimbachique*, *palimbachée*, *paraglyconée*, *péon*, *phérécratien*, *praxillée*, *priapée*, *saphique*, *sapphique* (устар.), *télésillée*.

Данные по количественному составу разноязычных терминов, образованных на основе метонимизации, сведены в таблицу.

ЯЗЫК	ПРОЦЕСС МЕТОНИМИЗАЦИИ	
	в абсолютном выражении	в относительном выражении
Латинский (1973)	35	1,8%
Греческий (971)	46	4,6%
Русский (2105)	19	0,9%

Английский (2112)	66	3,1%
Немецкий (2355)	41	1,7%
Французский (1771)	45	2,5%
ВСЕГО (11287)	252	2,2%

В абсолютном выражении максимальное количество метонимизированной фонетико-метрической терминологии зафиксировано в английском языке: 66 случаев метонимических переносов (в относительном выражении 3,1% от общего количества исследованной английской терминологии). Некоторое увеличение абсолютного числа метонимизированной терминологии в этом языке по сравнению с другими новыми европейскими языками связано, во-первых, с наличием дублетных пар терминов, один элемент которых представляет собой прямое заимствование из латыни, а второй – англоязычный перевод заимствованного термина или какого-либо его компонента (ср.: *major (greater, rising) Ionic – Ionic a majore, minor (lesser, falling) Ionic – Ionic a minore*), и, во-вторых, с существованием орфографических (ср.: *Alexandrine – alexandrine*) и морфологических дублетов (ср.: *Adonic – Adonean*).

Минимальное количество фонетико-метрических терминов, возникших в результате метонимики, отмечено (в абсолютном выражении) в русском языке, где количество дублетных терминов в микротерминосистемах стихотворных размеров и строф, видов и типов стиха также невелико.

В относительном выражении наибольшее количество случаев метонимических переносов фиксируется в греческом и английском языках, минимальное – в русском, немецком и латинском языках.

В целом метонимизации во всех исследованных языках подверглись 252 термина или – в относительном выражении – 2,2% всего терминологического массива.

4.3.4. Стилистические особенности номинаций в терминологическом пространстве фонетики и метрики

Стилистическая окрашенность терминов представляется малораспространённым явлением в сфере фонетико-метрических номинаций. В процессе анализа терминологических единиц зарегистрированы единичные случаи конкретной стилистической маркированности терминологии, которые сводятся в основном к следующим параметрам:

1. Хронологический параметр. Данный параметр, реализуемый с точки зрения исторической перспективы, применим:

1) к архаическим формам (*forma archaica (~ pervetusta)*), фиксируемым обыкновенно в латинском и древнегреческом языках (эти формы сопровождаются в словарях пометой *arch.*).

Пример: лат. *PAUSSA arch.* (в значении: «пауза»).

2) к устаревшим формам, фиксируемым, как правило, в новых европейских языках (эти формы в словарях имеют пометы: в русском – *уст.* (устаревшее слово), в английском – *obs.* (obsolete word), в немецком – *veralt.* (veraltetes Wort), во французском – *vx.* (vieux mot)).

Примеры: русск. *нога f уст.* (в значении: «метрическая стопа»); *склады pl уст.* (в значении: «слоги») – англ. *tonic n obs.* (в значении: «слог тонический») – нем. *Muta f (Mutä Pl) veralt.* (в значении: «согласный немой») – франц. *sapphique a vx* (в значении: «стих сапфический»; причина устаревания формы – старая орфография).

2. Топический параметр. Данный параметр, реализуемый с точки зрения территориальной ограниченности, применим к диалектным формам древнегреческого языка, которые в словарях имеют пометы *attic.* (*forma Attica*) *dor.* (*forma Dorica*), *ionic.* (*forma Ionica*) и предъявляются параллельно и только в дополнение к наддиалектным формам.

Примеры: греч. *Παιῆσον ὁ iōnic.* (в значении: «хвалебная песнь (тимн) Аполлону»); *φωνάρη dor.* (в значении: «[звук] гласный»).

3. Узульный параметр. Данный параметр, реализуемый прежде всего на основе признаков функциональности и частотности, применим к редко употребляемым, в силу различных причин, формам, которые в словарном предъявлении обычно имеют пометы: в латыни и древнегреческом языке – *raro* (*forma rari-usitata*), в русском – *редк.*, в английском – *rare* (not in common use), в немецком – *selten* (*selten gebrauchtes Wort*), во французском – *p. us.* (peu usité).

Примеры: греч. *ποίησις, εως ἡ raro* (в значении: «стихотворение, стих, поэма») – англ. *spondean a rare, e.g. FOOT, VERSE* (в значении: «спондейический (стих)»).

4. Параметр экспрессивности-эмоциональности. Данный параметр, реализуемый на основе признака наличия/отсутствия у терминологических единиц экспрессивно-эмоциональной окраски, на наш взгляд, не регистрируется применительно к терминологии фонетики и метрики. Встречающиеся в крайне незначительном количестве термины, которые вне рамок фонетико-метрической терминосистемы, несомненно, могут считаться экспрессивно или эмоционально маркированными, внутри системы оказываются лишёнными стилистической окрашенности, так как призваны всего лишь номинировать некоторые системно-связанные понятия. При этом в процессе номинации эмоционально-экспрессивный компонент в семантике таких терминов утрачивается.

Примеры: русск. *крестик, рожок, значок* (в значении: графический символистский знак) – нем. *Häckchen* (в том же значении).

Итак, количество зафиксированных терминов с описанными выше коннотациями в семантике не позволяет говорить о том, что стилистическая маркированность фонетико-метрической терминологии является типичной для исследуемых нами терминологических систем.

4.3.5. Синонимические процессы в сфере терминологических номинаций фонетики и метрики

1. Синонимия в однословной терминологии

1.1. Орфографические, морфологические, акцентологические и этимологические дублеты (общий обзор)

Весь терминологический массив был исследован на предмет выявления дублетной (триплетной, тетретной и пр.) терминологии, представляющей собой совокупность вариантов терминов, объединяемых в соответствующие ряды на основе орфографического, акцентологического (фонетического), морфологического (словообразовательного) и этимологического принципов.

В настоящей работе дублеты рассматриваются в качестве точных (полных) или абсолютных синонимов, которых «в лингвистике не так уж мало» [Никитина, 1978: 41]. В терминологических системах они, как правило, не имеют никаких семантических различий, не допускают двояких толкований и тождественны в функциональном плане. Поэтому, принципиально соглашаясь с

О.С. Ахмановой в том, что понятия *терминологические дублеты и синонимы* в целом ошибочно отождествляются друг с другом [АХМАНОВА, 2004: 13], мы приравниваем дублетную терминологию к абсолютными синонимам в той мере, насколько это вообще представляется возможным при анализе взаимоотношений между терминологическими единицами в рамках исследуемой терминосистемы.

Разумеется, мы отдаём себе отчёт в том, что понятие абсолютной синонимии вообще носит достаточно условный характер. В.Г. Вилюман, к примеру, постулирует эту условность в весьма категоричной формулировке: «синонимы **никогда** не являются абсолютно однозначными, это **всегда** семантически и функционально близкие словарные единицы, их эквивалентность **всегда частична**» [ВИЛЮМАН, 1980: 37]. Несмотря на стирание признаков функционально-семантических различий, в результате которого синонимы возводятся в ранг дублетов, остается по крайней мере один признак – *этимологический*, по которому сравниваемые на предмет тождества терминологические единицы могут иметь различия. В контексте этимологии два сопоставляемых термина могут иметь различное происхождение, оставаясь при этом семантически и функционально тождественными, т.е. полностью взаимозаменяемыми (дублетами). До тех пор, пока сохраняется хотя бы один признак, по которому термины могут отличаться друг от друга, они могут сохранять за собой, хотя бы и номинально, статус синонимов. Теоретически рассуждая, на основе функционально-семантического критерия исследуемые нами термины могут рассматриваться как дублеты, а с учётом этимологического критерия их можно отнести к синонимам, например, русск. *субSTITУЦИЯ, подстановка* и т.д.

Условный характер синонимии как отношения между знаками, разными по форме и одинаковыми по смыслу, в применении к терминологии, являющейся стержнем метаязыка лингвистики, находит своё проявление также в pragmatischer напреленности синонимических процессов в информационных языках, к каковым, несомненно, может быть отнесён язык наблюдения и описания в лингвистике. В метаязыке языкоznания синонимия, по замечанию С.Е. Никитиной, «представлена чисто pragmatische – как отношение *условной эквивалентности* [разрядка наша – А.И.], которая определяется потребностями поиска. И если информационные запросы широки, то класс *условной эквивалентности* будет выходить далеко за пределы совокупности обычных синонимов» [НИКИТИНА, 1978: 40]. Именно поэтому в отношения синонимии могут вступать, казалось бы, совершенно не связанные семантически друг с другом термины. Так, например, термин *Masoreticus*, являясь компонентом терминологического словосочетания *signa Masoretica*, с формально-прагматической точки зрения синонимичен термину *vocalicus*, если применён для характеристики диакритических знаков, используемых в арабском и семитских языках и представляющих собой точки или черточки, которые ставятся под согласной буквой, над ней или слева от неё для указания на не обозначенный графическим символом гласный (или его качество). Разумеется, вне рамок фонетической терминологии вообще и вне сопоставления терминосочетаний *signa vocalica* и *signa Masoretica* в частности, обнаружение близости в значении терминов *Masoreticus* и *vocalicus* представлялось бы весьма затруднительным, так как только их интегрирующий семантический признак «отнесённость к диакритическому знаку» даёт возможность рассматривать эти слова как синонимы. Собственно, в отношении описываемых выше терминов правильнее было бы говорить о *квазисинонимии*, ибо настолько значительной степенью условности она обладает.

Термины метрики и фонетики были проанализированы на предмет установления количества дублетов в терминологических микросистемах всех исследуемых языков.

Результаты анализа приводятся в следующей таблице.

язык	ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МИКРОСИСТЕМЫ						
	Графика	Единицы фонетико-метрического членения речи	Стихотворные размеры и строфы	Виды и типы стиха	Модификаторы	Стилистические приёмы и фигуры	Фонетико-метрические процессы
Латинский (699) всего 231 (33%)	11	66	27	75	17	13	22
	20%	28,7%	73%	68,2%	18,5%	29,6%	16,8%
Греческий (402) всего 82 (20,4%)	4	18	2	38	6	2	12
	12,9%	15,1%	11,8%	45,2%	9,1%	6,7%	21,8%
Русский (618) всего 165 (26,7%)	12	44	3	19	30	6	51
	21,8%	29,1%	20%	18,5%	31,9%	12,8%	33,3%
Английский (646) всего 226 (35%)	10	52	14	61	24	13	52
	16,1%	29,2%	66,7%	52,6%	26,1%	30,2%	36,9%
Немецкий (1071) всего 218 (20,4%)	8	74	6	22	23	11	74
	9,8%	22,4%	27,3%	15,8%	11,1%	15,9%	33,5%
Французский (504) всего 54 (10,7%)	–	15	2	13	7	7	10
	0%	10,6%	12,5%	17,1%	9%	18%	9,1%
Всего (3940) всего 976 (24,8%)	45	269	54	228	107	52	221
	13,7%	23,4%	42,2%	36,3%	17,5%	19,1%	27,3%

В латинском языке доля однословных терминов-дублетов составляет треть от общего количества всей однословной терминологии. Максимальное количество дублетов в относительном выражении зафиксировано в микросистемах «стихотворные размеры и строфы» (73%) и «виды и типы стиха» (68,2%). Во всех остальных микросистемах доля дублетной терминологии колеблется в пределах от 17% в микросистеме «фонетико-метрические процессы» до 30% в микросистеме «фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры».

В греческом языке доля однословных терминов-дублетов составляет немногим более 20% от общего количества всей однословной терминологии. Максимальное количество дублетов в относительном выражении зафиксировано в микросистемах «виды и типы стиха» (45,2%) и «фонетико-метрические процессы» (21,8%). Во всех остальных микросистемах доля дублетной терминологии колеблется в пределах от 9% в микросистеме «модификаторы» до 15% в микросистеме «единицы фонетико-метрического членения речи».

В русском языке доля однословных терминов-дублетов составляет немногим более $\frac{1}{4}$ (26,7%) от общего количества всей однословной терминологии. Максимальное количество дублетов в относительном выражении зафиксировано в микросистемах «единицы фонетико-метрического членения речи» (29,1%), «модификаторы» (31,9%) и «фонетико-метрические процессы» (33,3%). Во всех остальных микросистемах доля дублетной терминологии колеблется в пределах от

13% в микросистеме «фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры» до 22% в микросистеме «графика».

В английском языке доля однословных терминов-дублетов составляет немногим более трети от общего количества всей однословной терминологии. Максимальное количество дублетов в относительном выражении зафиксировано в микросистемах «стихотворные размеры и строфы» (66,7%) и «виды и типы стиха» (52,6%). Во всех остальных микросистемах доля дублетной терминологии колеблется в пределах от 16% в микросистеме «графика» до 37% в микросистеме «фонетико-метрические процессы».

В немецком языке доля однословных терминов-дублетов составляет немногим более 20% от общего количества всей однословной терминологии. Максимальное количество дублетов в относительном выражении зафиксировано в микросистемах «стихотворные размеры и строфы» (27,3%) и «фонетико-метрические процессы» (33,5%). Во всех остальных микросистемах доля дублетной терминологии колеблется в пределах от 10% в микросистемах «графика» и «модификаторы» до 22% в микросистеме «единицы фонетико-метрического членения речи».

Во французском языке доля однословных терминов-дублетов составляет около 11% от общего количества всей однословной терминологии. Максимальное количество дублетов в относительном выражении зафиксировано в микросистемах «виды и типы стиха» (17,1%) и «фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры» (18%). Во всех остальных микросистемах доля дублетной терминологии колеблется в пределах от 9% в микросистеме «модификаторы» до 12% в микросистеме «стихотворные размеры и строфы».

Во всех исследованных языках доля однословной дублетной терминологии в целом не превышает $\frac{1}{4}$ всего однословного терминологического массива. В латинском и английском языках она достигает максимума (33%-35%), во французском языке – минимума (11%). Максимальная насыщенность терминами-дублетами отмечена в микросистемах «стихотворные размеры и строфы» (42,2%) и «виды и типы стиха» (36,3%), минимальная – в микросистемах «графика» (13,7%), «модификаторы» (17,5%), «фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры» (19,1%). Промежуточное место по количеству терминов-дублетов занимают терминосистемы «единицы фонетико-метрического членения речи» (23,4%) и «фонетико-метрические процессы» (27,3%).

Весь шестиязычный терминологический массив был также исследован с целью установления относительного количества каждого типа терминов-дублетов в терминологии фонетики и метрики. В соответствии с этим все однословные дублеты были распределены по четырём основным разрядам: 1) орфографические, 2) морфологические, 3) акцентологические, 4) этимологические.

Результаты этого исследования представлены в следующей таблице.

ЯЗЫК	ТЕРМИНЫ-ДУБЛЕТЫ (%)			
	орфо-графические	морфологические	акцентологические	этимологические
Латинский	33,0	33,7	–	33,3
Греческий	14,6	73,2	9,8	–
Русский	30,1	46,9	–	23,0
Английский	33,3	39,6	–	27,0
Немецкий	19,5	40,4	–	34,4
Французский	26,0	44,2	–	29,9
ВСЕГО	27,8	42,7	0,6	28,9

В латинском языке орфографические, морфологические и этимологические термины-дублеты представлены приблизительно в равных долях (по 33%). Акцентологические дублеты не зафиксированы.

В греческом языке около ¾ всей однословной дублетной терминологии составляют морфологические дублеты (73,2%), около 15% – орфографические дублеты. В этом языке (единственном из шести исследуемых языков) зафиксированы акцентологические дублеты, составляющие около 10% всего терминологического корпуса.

В русском языке около половины всей дублетной терминологии составляют морфологические дублеты (47%), орфографические – немногим более 30%, этимологические – около ¼ всех однословных терминов (23%).

В английском языке около 40% всей дублетной терминологии составляют морфологические дублеты, одну треть – орфографические (33%) и 23% – этимологические.

Немецкие термины-дублеты морфологического типа составляют 40% всего количества исследованной дублетной терминологии, орфографические дублеты обнимают около 20% всего однословного терминологического массива, этимологические – 34,4%.

В французском языке терминология исследуемого свойства представлена большей частью морфологическими дублетами (44,2%). Орфографические и этимологические дублеты образуют приблизительно равные доли, составляющие, соответственно, 26% и 30%.

В целом орфографические и этимологические дублеты составляют в среднем по 28% от общего числа дублетной терминологии, доля морфологических дублетов составляет 42,7%, акцентологических – 0,6%.

Наличие большого числа дублетной терминологии во всех исследуемых языках свидетельствует о том, что общее количество фонетико-метрических терминов может быть существенно сокращено за счёт исключения из терминологического массива, по предварительным подсчётам, не менее трети неоправданно дублирующих друг друга терминов с одинаковой семантикой.

1.2. Дублеты орфографические

Под орфографическими дублетами здесь понимаются графические варианты термина, для которых характерно: 1) соотнесение с одним и тем же понятием, 2) тождество корня, а также словообразовательных и словоизменительных аффиксов, 3) вариативность отдельных буквенных символов, обусловленная применением разных систем чтения и транслитерации, в которых по-разному может реализовываться та или иная графема.

Включая орфографические дублеты в терминологический корпус фонетики и метрики и учитывая их особенности при проведении всех видов лингвистического анализа, мы разделяем точку зрения авторов тех словарей, которые были использованы нами в процессе регистрации элементов терминосистемы фонетики и метрики и отбора кандидатов в термины при формировании словаря «Словаря фонетико-метрической терминологии». В случае, если тот или иной лексикографический источник «легитимирует» существование какого-либо орфографического варианта термина, то это является достаточным основанием для включения последнего в системный терминологический список. При этом как в работе авторов использованных нами словарей-источников, так и в нашей лексикографической практике, основным вопросом являлся выбор «отсылочно-

го» варианта термина. Если абстрагироваться от целей практической лексикографии и рассматривать «легитимность» орфографических дублетов с онтологическими позиций, то придётся согласиться с точкой зрения О.С. Ахмановой, считающей, что «...”орфографические варианты” должны быть включены в число лексических вариантов слова», так как, во-первых, «используя различные графические варианты слова, пишущий может варьировать «внутреннюю форму слова», сближая его в фономорфологическом плане с разными словами или с разными формами одного и того же слова и варьируя таким образом его экспрессивно-стилистические возможности», и, во-вторых, «даже в том оптимальном случае, если будет разработан орфографический свод, не допускающий орфографического варьирования, <...> всё равно останутся произведения классиков, существующие как устойчивый культурно-исторический факт...» [АХМАНОВА, 1957: 210].

Орфографические дублеты во всех терминологических микросистемах фонетики и метрики представлены достаточно широко.

В терминологии графики выявлены:

- 1) в латинском языке – 1 дублетный ряд терминов: *psilosis* – *psylosis*.
- 2) в русском языке – 3 дублетных ряда терминов: *диэреза* – *диереза*, *диэрезис* – *диерезис*, *циркумфлекс* – *сиркумфлекс*.
- 3) в английском языке – 1 дублетный ряд: *vocalisation* – *vocalization*.
- 4) в немецком языке – 2 дублетных ряда терминов: *Dihäreze* – *Diäreze*, *Dihäresis* – *Diäresis*.

В терминологии единиц фонетико-метрического членения речи выявлены:

- 1) в латинском языке – 23 дублетных ряда терминов: *anapaestus* – *anapestus*, *dipyrrhichius* – *dipyrrichius*, *reitianum* – *reizianum*.
- 2) в греческом языке – 1 дублетный ряда терминов: *παίων* – *παιάν*.
- 3) в русском языке – 10 дублетных рядов терминов: *антабакхий* – *антивакхий*, *холодактиль* – *голодактиль*, *ямб* – *иамб*.
- 4) в английском языке – 13 дублетных рядов терминов: *anapaest* – *anapest*, *diamb* – *diamb*, *diambus* – *diambus*, *dipyrric* – *dipyrrhic*.
- 5) в немецком языке – 14 дублетных рядов терминов: *Antidaktylos* – *Antidaktylus*, *Iambe* – *Jambe*, *Uvular* – *Uwular*.
- 6) во французском языке – 4 дублетных ряда терминов: *choriambe* – *choriambé*, *dipyrrique* – *dipyrrique*, *molossopyrrique* – *molossopyrrhique*.

В терминологии стихотворных размеров и строф выявлены:

- 1) в латинском языке – 2 дублетных и 1 триплетный ряд терминов: *galliambos* – *galliambus*, *iambelegus* – *iambelegos*, *rhythmus* – *rythmus* – *rithmus*.
- 2) в русском языке – 1 дублетный ряд терминов: *сказон* – *скадзон*.
- 3) в английском языке – 3 дублетных ряда терминов: *metre* – *meter*, *hypermeter* – *hypermetre*, *octameter* – *octametre*.
- 4) в немецком языке – 1 дублетный ряд терминов: *Iambelegus* – *Jambelegus*.

В терминологии видов и типов стиха выявлены:

- 1) в латинском языке – 7 дублетных рядов терминов: *disyllabus* – *dissyllabus*, *epodus* – *epodus*, *galliambos* – *galliambus*, *hendecasyllabos* – *hendecasyllabus*.
- 2) в греческом языке – 1 дублетный ряд терминов: *δισύλλαβος* – *δισούλλαβος*.
- 3) в русском языке – 4 дублетных ряда терминов: *гекзаметр* – *гексаметр*, *изоколон* – *исоколон*, *мезостих* – *месостих*, *сказон* – *скадзон*.
- 4) в английском языке – 8 дублетных рядов терминов: *dimeter* – *dimetre*, *heptameter* – *heptametre*, *hexameter* – *hexametre*.

5) в немецком языке – 5 дублетных рядов терминов: *Knittelvers* – *Knüttelvers*, *Sapphikus* – *Sapphicus*.

6) во французском языке – 1 дублетный ряд терминов: *saphique* – *sapphique*.

В терминологии модификаторов выявлены:

1) в латинском языке – 3 дублетных и 3 триплетных ряда терминов: *diaeresis* – *dihæresis*, *homeoptoton* – *homoeoptoton* – *homoioptoton*, *homeoteleuton* – *homoeoteleuton* – *homoioteleuton*, *paussa* – *pausa*, *rhythmus* – *rithmus* – *rythmus*, *sedes* – *sedit*.

2) в русском языке – 6 дублетных рядов терминов: *анакруза* – *анакруса*, *циркумфлекс* – *сиркумфлекс*, *эпикруса* – *эпикруза*, *тесис* – *тезис*.

3) в английском языке – 3 дублетных ряда и 1 триплетный ряд терминов: *baritone* – *barytone*, *dieresis* – *diaeresis*, *homeoptoton* – *homeoephton* – *homoiopton*, *homeoteleuton* – *homoioteleuton*.

4) в немецком языке – 4 дублетных ряда терминов: *Mitteldiärese* – *Mittel-dihärese*, *Diäresis* – *Dihäresis*.

5) во французском языке – 1 дублетный ряд терминов: *homoïotéleute* – *homéotéleute*.

В терминологии единиц фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур выявлены:

1) в латинском языке – 3 триплетных ряда терминов: *homeoprophoron* – *homoeoprophoron* – *homoioprophoron*.

2) в русском языке – 2 дублетных ряда терминов: *парехесис* – *парехезис*, *парономасия* – *парономазия*.

3) в английском языке – 3 дублетных ряда и 1 триплетный ряд терминов: *eurhythm* – *eurhythmy*, *homoeoprophoron* – *homoioprophoron*.

4) в немецком языке – 1 дублетный ряд терминов: *Eurythmie* – *Eurhythmie*.

5) во французском языке – 2 дублетных ряда терминов: *homoïoprophoron* – *homéoprophoron*.

В терминологии единиц фонетико-метрических процессов выявлены:

1) в латинском языке – 8 дублетных рядов терминов: *baritonesis* – *barytonesis*, *dialiphe* – *dialogphe*, *episynaliphe* – *episynaloephe*, *iotacismus* – *itacismus*, *prothesis* – *prosthesys*.

2) в греческом языке – 4 дублетных ряда терминов: *διαλιφή* – *διαλοιφή*, *πρόθεσις* – *πρόσθεσις*, *συνάλιφη* – *συνάλοιφη*, *έπισυνάλιφη* – *έπισυνάλοιφη*.

3) в русском языке – 11 дублетных рядов и 1 триплетный ряд терминов: *зетацизм* – *цетацизм*, *итацизм* – *йотацизм* – *йотакизм*, *ламбдаизм* – *ламбадицизм*, *синекфонезис* – *синекфонесис*, *синерезис* – *синересис*, *хуат* – *гуат*.

4) в английском языке – 19 дублетных рядов терминов: *diphthongization* – *diphthongisation*, *dialepha* – *dialogphe*, *eclipsis* – *ecthlipsis*, *labialisation* – *labialization*, *yotation* – *iotation*.

5) в немецком языке – 14 дублетных рядов терминов: *Azephalie* – *Akephalie*, *Dialoephe* – *Dialöpfe*, *Itazismus* – *Jotazismus*, *Synalöpfe* – *Synaloephe*.

6) во французском языке – 2 дублетных ряда терминов: *itacisme* – *iotacisme*, *prothèse* – *prosthèse*.

1.3. Дублеты морфологические или грамматические

Под морфологическими дублетами понимаются графические варианты термина, для которых характерно: 1) соотнесение с одним и

тем же понятием, 2) тождество корня, 3) вариативность словообразовательных и/или словоизменительных аффиксов.

Способы образования морфологических дублетов могут быть различны. Наиболее распространёнными среди них в терминологии метрики и фонетики являются способы, основанные на морфологических трансформациях и применяемые как по отдельности, так и в сочетании друг с другом:

1) Отbrasывание иноязычного конечного формообразующего или формоизменительного элемента (суффикса или окончания) с заменой этого элемента своеязычным конечным элементом:

- в латинском языке: *brachycolon* (< греч. *brachykōlon*) – *brachycolum*, *dactylos* (< греч. *dáktylos*) – *dactylus*, *diphthongos* (< греч. *díphthoggos*) – *diphthongus*;

- в русском языке: *анаклаза* – *анаклазис* (< лат. *anaclasis* < греч. *anáklasis*), *афереза* – *аферезис* (< позднелат. *aphaeresis* < греч. *aphaíresis*);

- в английском языке: *pyrrhic* (*pyrrh+ic*) – *pyrrhus* (*pyrrh+us*), *septenary* (*septen+ary*) – *septenarius* (*septen+arius*);

- в немецком языке: *Jambus* (*Jamb+us*) – *Jambe* (*Jamb+e*);

- во французском языке: *bacchius* (< лат. *Bacchius* < греч. *bakheīos*) – *bachée* (франц. *ée* < лат. *-ius* < греч. *-(e)ios*).

2) Отbrasывание иноязычного конечного формообразующего или формоизменительного элемента (суффикса или окончания) без замены этого элемента своеязычным конечным элементом:

- в русском языке: *хуат* – *хуатус* (< лат. *hiatus*), *эктолипс* – *эктолипсис* (< лат. *ecthlipsis* < греч. *ékthlipsis*);

- в английском языке: *iamb* – *iambus* (< лат. *iambus* < греч. *íambos*);

- в немецком языке: *Daktyl* – *Daktylus* (< лат. *dactylus* < греч. *dáktylos*), *Hiat* – *Hiatus* (< лат. *hiatus*), *Anapher* – *Anaphora* (< лат. *anaphora* < греч. *anaphorā*; с изменением гласного в корневой морфеме).

- во французском языке: *homéoptote* < *homoïoptoton* (< лат. *homeoptoton*, *homoēoptoton*, *homoioptoton* < греч. *homoiόptōton*), *homéotéleute* < *homoïotéleuton* (< лат. *homeoteleuton*, *homoeoteleuton*, *homoioteleuton* < греч. *homoioteleutón*, *homoiotéleuton*).

3) Замена иноязычной словообразующей морфемы другой равнозначной иноязычной:

- во французском языке: *sextasyllabe* (< лат. *sext(us)* < *sex* + греч. *syllabē*) – *hexasyllabe* (< греч. *hex(a)* + *syllabē*).

4) Замена своеязычной словообразующей морфемы другой равнозначной своеязычной:

- в английском языке: *pherecratic* – *pherecratean*, *trochee* – *trochaic*.

- во французском языке: *antibachique* – *antibachée*, *bachique* – *bachée*, *glyconique* – *glyconée*.

Морфологические дублеты широко представлены во всех терминологических микросистемах фонетики и метрики.

В терминологии графики выявлены:

1) в латинском языке – 3 дублетных и 1 триплетный ряд терминов: *digamma* – *digammon* – *digammos*, *digrapha* – *digraphe*.

2) в греческом языке – 1 дублетный ряд терминов: *όβελίσκος* – *όβελός*.

3) в русском языке – 5 дублетных рядов терминов: *диереза* – *диерезис*, *знак* – *значок*, *коронис* – *коронида*.

4) в английском языке – 1 дублетный ряд терминов: *obelisk* – *obelus*.

5) в немецком языке – 4 дублетных ряда терминов: *Dihäresis* – *Dihärese*, *Vokalisation* – *Vokalisierung*.

В терминологии единиц фонетико-метрического членения речи выявлены:

1) в латинском языке – 5 дублетных и 3 триплетных ряда терминов: *Baccheus* – *Bacchus* – *Bacchius*, *choreus* – *chorius*.

2) в греческом языке – 7 дублетных рядов терминов: *δίφθογγον* – *δίφθογγος*, *δόχιος* – *δοχιός*.

3) в русском языке – 14 дублетных рядов терминов: *вибрант* – *вибранта*, *геминат* – *гемината*, *двустопие* – *двустопность*.

4) в английском языке – 21 дублетный ряд терминов: *affricate* – *affricative*, *antepenult* – *antepenultimate*, *choriambus* – *choriambus*.

5) в немецком языке – 28 дублетных и 5 триплетных рядов терминов: *Baccheus* – *Bacchius*, *Bilabial* – *Bilabialis*, *Mitlaut* – *Mitlauter*, *Daktyl* – *Daktylos*.

6) во французском языке – 2 дублетных и 1 триплетный ряд терминов: *bachique* – *bacchius* – *bachée*, *palimbachique* – *palimbachée*.

В терминологии стихотворных размеров и строф выявлены:

1) в латинском языке – 5 дублетных и 2 триплетных и 1 тетретный ряд терминов: *hypermeter* – *hypermetron* – *hypermetrum*, *Glyconeus* – *Glyconius*, *Stesichoreus* – *Stesichorius*.

2) в греческом языке – 1 дублетный ряд терминов: *όκταμετρος* – *όκταμετρον*.

3) в русском языке – 1 дублетный ряд терминов: *сказон* – *сказонт*.

4) в английском языке – 1 дублетный и 2 триплетных ряда терминов: *choliamb* – *choliambus* – *choliambic*, *rhythm* – *rhythmus*.

5) в немецком языке – 2 дублетных терминов: *Glykonius* – *Glyconeus*, *Hypermeter* – *Hypermetron*.

6) во французском языке – 1 дублетный ряд терминов: *glyconée* – *glyconique*.

В терминологии видов и типов стиха выявлены:

1) в латинском языке – 19 дублетных, 6 триплетных и 3 тетретных ряда терминов: *acrostichis* – *acrostichum*, *boiscus* – *boiscius*, *brachycatalecticus* – *brachycatalecticus*.

2) в греческом языке – 18 дублетных рядов терминов: *ένδεκαστίχος* – *ένδεκαστίχιον*, *ύπέρμετρος* – *ύπέρμετρον*.

3) в русском языке – 6 дублетных рядов терминов: *парисон* – *парисосис*, *синартеза* – *синартезис*.

4) в английском языке – 18 дублетных и 3 триплетных ряда терминов: *Adonic* – *Adonean*, *Asclepiad* – *Asclepiadean*, *hemistich* – *hemistichon*, *octet* – *octette* – *octave*.

5) в немецком языке – 6 дублетных рядов терминов: *Asynarteton* – *Asynartesis*, *Ephyttion* – *Ephyttium*, *Hemistichion* – *Hemistichium*, *Septenarius* – *Septenar*.

6) во французском языке – 4 дублетных и 1 триплетный ряд терминов: *monostiche* – *monistique*, *glyconée* – *glyconique*.

В терминологии модификаторов выявлены:

1) в латинском языке – 1 дублетный ряд терминов: *tonor* – *tonus*.

2) в греческом языке – 3 дублетных ряда терминов: *συμφωνία* – *σύμφωνον*, *συνάφεια* – *συναφή*.

3) в русском языке – 10 дублетных рядов терминов: *акцентуация* – *акцентирование*, *анаклаза* – *анаклазис*, *окситонезис*, *монорим* – *монорифм(a)*.

4) в английском языке – 3 дублетных и 1 триплетный ряд терминов: *rhythm – rhythmus, synaphy – synaphea*.

5) в немецком языке – 10 дублетных и 1 триплетный ряд терминов: *Enklise – Enklisis, Intonation – Intonierung, Prosodie – Prosodik*.

6) во французском языке – 4 дублетных ряда терминов: *homoioptoton – homéoptote, oxytonaison – oxytonèse*.

В терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур выявлены:

1) в латинском языке – 2 дублетных ряда терминов: *imitatio – imitatus*.

2) в русском языке – 1 дублетный ряд терминов: *палиндром – палиндромон*.

3) в английском языке – 2 дублетных ряда терминов: *opomatopoeia – opomatopoësis, pun – punning*.

5) в немецком языке – 3 дублетных и 1 триплетный ряд терминов: *Anaphora – Anapher, Eriphora – Eripher*.

6) во французском языке – 2 дублетных ряда терминов: *homoiotéleuton – homéotéleute*.

В терминологии фонетико-метрических процессов выявлены:

1) в латинском языке – 4 дублетных ряда терминов: *absorbitio – absorptio, arosora – arosore, syncopa – syncope, syzygia – syzygium*.

2) в русском языке – 19 дублетных и 2 триплетных ряда терминов: *анаптиксис – анаптикса, афереза – аферезис, афесис – афеза, баритонеза – баритонезис*.

3) в английском языке – 7 дублетных и 3 триплетных ряда терминов: *dialepha – dialephe, ellipsis – ellipse, reduction – reducing, syllabication – syllabification – syllabification*.

4) в немецком языке – 25 дублетных и 1 тетретный ряд терминов: *Devokalisation – Devokalisierung, Diphthongierung – Diphthongisierung, Epenthesis – Epenthesse, Lenition – Lenierung – Lenisierung – Lenisieren*.

5) во французском языке – 4 дублетных ряда терминов: *syllabation – syllabisation, synecphonèse – synecphonèsis*.

1.4. Дублеты акцентологические или фонетические

Под акцентологическими дублетами понимаются фонетические варианты термина, для которых характерно: 1) соотнесение с одним и тем же понятием, 2) тождество звукового состава, 3) подвижность ударения [ФИЛИН, 1963: 131; ШАНСКИЙ, 1964: 61; ССЛТ, 2001: 49].

Варьирование лингвистической терминологии в акцентологическом аспекте, как правило, обусловлено рядом факторов, среди которых можно выделить следующие:

1) особенности исторического эволюционирования терминологии в целом (активизация этого фактора может приводить, среди прочего, к возникновению акцентологических дублетов на базе различных диалектов, как это имеет место, к примеру, в древнегреческом языке);

2) «действие общеязыкового закона аналогии, определяющего направление акцентной эволюции – переход от парадигматического аспекта к категориальному», когда термин, стремясь к сохранению словообразовательной зависимости ударения, «в то же время уподобляется в акцентологическом отношении тому или иному структурно-семантическому разряду» [ИВАНОВА, 2004: 61];

3) тенденция к облегчению произношения, в частности, «стремление к ритмическому равновесию, которое заключается в переходе исконного ударения в многосложных словах с начальных или конечных слогов на срединный» [ИВАНОВА, там же];

4) создание акцентологических квази-универсалей, базирующихся на переносе акцентологических моделей языка-источника в язык-реципиент.

Акцентологические дублеты в многоязычной терминологии фонетики и метрики выявлены в незначительном количестве и представлены только греческими лексическими единицами:

- в терминологии графики: *ψίλωσις* – *ψιλῶσις*,
- в терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: *ἴωνικός* – *ἴώνικος*,
- в терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: *όμοιοτελευτόν* – *όμοιοτέλευτον*,
- в терминологии фонетико-метрических процессов: *ἐκθλιψίς* – *ἐκθλίψις*.

1.5. Дублеты этимологические

Под этимологическими дублетами понимаются варианты термина, для которых характерно: 1) относительное сходство по звуковому составу, 2) относительная близость значения, 3) общность происхождения (один источник заимствования), 4) разновременность появления в заимствующем языке (как факультативный признак).

В ходе процесса заимствований и формирования пласта этимологической дублетной терминологии прослеживаются две основные тенденции: 1) прямые заимствования из языка-источника и 2) заимствования через язык-посредник (в рамках одного или нескольких хронологических периодов).

Первая тенденция характерна для латыни, которая во множестве заимствовала фонетико-метрическую терминологию из греческого языка, ассимилируя воспринимаемые термины и придавая им признаки, диктуемые правилами латинского словообразования, акцентуации и т.д. Например, греч. *diphthoggos* > лат. *diphthongos* > *diphthongus*; греч. *epítritos* > лат. *epitritos* > *epitritus*, греч. *synaloiphé* > лат. *synaloephe*.

Вторая тенденция характерна для новых европейских языков, исторические корни которых восходят к латыни. Вместе с исконной латинской терминологией они позаимствовали также и целый пласт в различной степени латинизированных греческих терминов, которые до сих пор остаются в употреблении, несмотря на некоторые особенности их структуры (ср.: нем. *Daktylus* – *Daktylos*). Здесь уместно вспомнить о наблюдениях Г. Пауля, который в процессе изучения функционального статуса и структурных признаков заимствований пришёл к выводу, что зачастую «слова заимствуются не напрямую из языка-источника, а из языка-посредника, в котором они сами являются заимствованиями. Так, греческие слова пришли к нам из латыни, имея латинское ударение и окончание -*is* вместо -*os*. Таким же образом латинские слова, которые со своей стороны могут быть заимствованы из греческого, пришли к нам из французского... Для владеющего языком-источником взаимосвязи такого рода очевидны, и следствием этого является то, что он, даже заимствуя слова прямо из языка-оригинала, придаёт им звуковой облик, сходный с тем, который получают слова, заимствованные при посредничестве другого языка, к примеру, заменяет грече-

ское ударение латинским, опускает латинские окончания *-is*, *-um* и прочие, заменяет *-io* в исходе латинских слов на *-ion*» [PAUL, 1920: § 280].

Примерами заимствований подобного рода через язык-посредник, сопровождавшихся возникновением этимологических дублетов, являются:

– в английском языке: *aphonia* (< совр. лат. *aphonia* < греч. *aphonía*) – *aphony* (< франц. *aphonie*), *synaphea* (< греч. *synápheia* – *synaphé*) – *synaphy* (< франц. *synapheie*), *vowel* (< старофранц. *vouel* как вариант *voiel* < лат. *vōcāl(em)* [*sonum*] или *vōcāle [signum]*) – *vocal* (< лат. *vōcālis*), *spondean* (< лат. **spondeanus*) – *spondaic* (< франц. *spondaïque* < позднелат. *spondaicus* < лат. *spondiacus* < греч. *spondeiakós*);

– в немецком языке: *Aphärese* (< франц. *aphérèse*) – *Aphäresis* (< позднелат. *aphaeresis* < греч. *aphaíresis*), *Amphibrachus* (< лат. *amphibrachus*) – *Amphibrachys* (< греч. *amphibrachys*).

Процесс адаптации заимствованной фонетико-метрической терминологии греко-латинского происхождения к морфологическим требованиям заимствующих языков происходил на протяжении достаточно длительного времени. В качестве иллюстрации к этому процессу приведем примеры из истории становления некоторых новых европейских языков.

1. Русский язык. В эпоху Петра I в русле языковой реформы имела место, в числе прочего, и нормализация орфографии заимствованных слов, в ходе которой ориентированные на греко-латинскую этимологию нормы, характерные для книжной (учёной) орфографии, постепенно заменялись более удобными и простыми. В.М. Живов отмечает один из случаев такой замены – франциск⁸ – произведённой Софронием Лихудом в ходе редактуры «Географии генеральной» [ЖИВОВ, 1996: 109]. В результате складывается и входит в употребление широкий диапазон хронологически параллельно существующих терминологических вариаций. Вероятно, к этому времени следует отнести появление значительного числа лингвистических дублетов как результат нормализации национального языка (ср.: русск. *хиатус* – *хиат*, *гиатус* – *гиат*).

2. Английский язык. Примеры, иллюстрирующие возникновение дублетов в ходе процесса нормализации языка и изменений в национальной орфографии: англ. *rime* (до 1600 г.) – *rhyme* (< *rhime* после 1600 г. < *rithme*, *r(h)ythme*), *iamb* (англизированная форма XIX в.) – *iambus* (XVI в.), *septenary* (XVI в.) – *septenarius* (XIX в.) [HOAD, 1996: 226, 405, 429].

3. Французский язык. В основе возникновения этимологических дублетов в приводимых примерах лежит транслитерация греко-латинской терминологии, сопровождающаяся заменой заимствованных суффиксов на своеязычные: *barytonaison* (*baryton* + *aision*) – *barytonèse* (*baryton* + *èse* < лат. *esis* < греч. *ēsis*), *oxytonaison* (*oxyton* + *aision*) – *oxytonèse* (*oxyton* + *èse* < лат. *esis* < греч. *ēsis*).

Исследуя проблемы ассимиляции заимствований, Г. Пауль продолжает: «Слова всегда заимствуются целиком, никогда не заимствуются отдельные словообразовательные суффиксы и окончания. Если же заимствуется целый ряд слов с одним и тем же суффиксом, то вместе они могут образовывать группу по аналогии со словами родного языка, имеющими одинаковый суффикс, и такая группа со временем также может стать продуктивной» [PAUL, 1920: § 282]. В исследуемой нами терминологии фонетики и метрики обнаруживаются целые пластины терминологической лексики, «характеризующейся определёнными общими структурными признаками» [Крысин, 1968: 20]. Сюда могут быть отнесены, в частности, термины с такими конечными элементами, как *-(i)us*, *-(i)os*, *-(i)um* и т.п., встречающиеся практически во всех исследуемых языках, например:

pyrrhus, septenarius, hiatus в английском, *гиатус* (*хиатус*) в русском, *Hiatus, Amphibrachus, Jambus* в немецком, *hiatus, bacchius* во французском языке. Большая их часть представляет собой частично ассимилированные греческие лексемы, вошедшие в новые языки через латынь и сохраняющие до сегодняшнего дня латинизированный облик.

2. Понятийная синонимия в однословной и составной терминологии (понятийные дублеты)

Под понятийными дублетами в работе понимаются как однословные, так и составные термины, номинирующие один и тот же научный объект или соотносящиеся с одним и тем же научным понятием вне зависимости от их структурных, морфологических, этимологических, акцентологических или каких-либо иных признаков.

С учётом соотнесённости с номинируемыми понятиями весь терминологический массив, включая терминосочетания, был исследован на предмет выявления дублетной терминологии.

Результаты этого исследования представлены в следующей таблице.

ЯЗЫК	ТЕРМИНЫ-ДУБЛЕТЫ понятийные	
	в абсолютном выражении	в относительном выражении
Латинский (1973)	1641	83,2
Греческий (971)	453	46,7
Русский (2105)	1861	88,4
Английский (2112)	1833	86,8
Немецкий (2355)	2124	90,2
Французский (1771)	1385	78,2
ВСЕГО (11287)	9297	82,4

Проведённый анализ показывает, что в среднем более 80% всей фонетико-метрической терминологии можно отнести к терминам-дублетам. Этот показатель обнаруживает незначительное варьирование в латинском, английском и французском языках в пределах 78%-86%.

Несколько больший показатель по сравнению с усреднённым зафиксирован в русском и немецком языках (соответственно, 88,4% и 90,2%). Это наблюдение вполне объяснимо тем обстоятельством, что именно в этих языках широко развито параллельное применение как терминологии на греко-латинской основе, так и дублирующей её терминологии исконного происхождения⁷⁰ (ср., с одной стороны, русск. *дифтонг*, [звук] *двугласный*, *двоезвучие*, *гласный сложный*, *гласный двугласно-односложный*; нем. *Diphthong*, *Doppellaut*, *Doppelvo-*

⁷⁰ Это обстоятельство даёт ряду лингвистов основание говорить о том, что лексические единицы греко-латинского происхождения в языке науки обладают более сложной и объёмной семантической структурой, чем лексические единицы исконного происхождения, ибо они обнимают семантику не только соответствующих заимствований, воспроизведенных в заимствующем языке средствами транскрипции или транслитерации (т.е. этимологически родственных лексем), но также и семантику эквивалентных им исконных лексем. Ср.: англ. *aspect* – русск. *аспект*, *вид* [МИНАЕВА, 2003: 140]. Если применять такой подход по отношению к терминам, то едва ли будет возможно вообще говорить о существовании какой-либо понятийной дублетности в сфере терминологии.

kal, Zwielaut, Zweilaut, и, с другой стороны, англ. *diphthong, bivocal*; франц. *diphongue*).

Наименьшее количество дублетов, как и следовало ожидать, отмечено в греческом языке (46,7%), который, практически не пользуясь заимствованиями, своими средствами в известной мере дублировал собственную терминологию.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы обобщающего характера:

1. Терминологический аппарат фонетики и метрики перенасыщен дублетной терминологией.

2. Появляющиеся термины-дублеты образуют дублетные ряды, характерные для всех исследуемых языков, кроме греческого языка:

1) терминология греческого происхождения – терминология латинского происхождения (во всех исследуемых европейских языках, включая латынь);

2) исконная терминология – терминология на греко-латинской основе (во всех исследуемых европейских языках);

3) терминология смешанного происхождения с привлечением исконных и греко-латинских ММТЭ – терминология греко-латинского происхождения (во всех исследуемых европейских языках);

4) исконная терминология – терминология смешанного происхождения с привлечением исконных и греко-латинских ММТЭ (во всех исследуемых европейских языках).

3. Наличие большого количества дублетов, относимых к одним и тем же понятиям и признаваемых в лингвистической литературе нежелательным явлением [ЛЕМОВ, 2003: 240], делает возможным и необходимым значительное сокращение терминологического массива фонетики и метрики в первую очередь за счёт нетипичных (с позиций унификации и последующей стандартизации) терминов. К таким могут быть отнесены большей частью термины, которые сформированы на базе исконных словообразовательных средств и не могут применяться более чем в одном языке, а также термины смешанного происхождения⁷¹.

4.3.6. Конверсионно-омонимические процессы в сфере терминологических номинаций фонетики и метрики

В общепринятом (широком) смысле под конверсией, или гипостазисом, как одним из способов словообразования в лингвистической литературе понимается употребление слова одной части речи в функции другой части речи с попутным закреплением за этим словом словоизменительных особенностей, свойственных другой части речи [ШМЕЛЕВ, 1977: 67; КУБРЯКОВА, 1990: 235; РЕФОРМАТСКИЙ, 1997: 93; ГАНЕЕВ, 2001: 89; МАТВЕЕВА, 2003: 110]. Если быть более точным в оценке этого явления, конверсии подвергается основа слова, сохраняющая свой фонетико-морфологический состав и не имеющая явной частеречной принадлежности (так называемое явление частеречной индифферентности), а приобретающая таковую лишь в контексте, где возникают условия для

⁷¹ Выведение части дублетной терминологии за рамки лингвистической терминосистемы должно, разумеется, носить избирательный характер и производиться как минимум с учётом: 1) способности терминов формировать терминологические ряды на основе частотности тех или иных ММТЭ; 2) дериватоспособности терминов; 3) степени корректности порождаемых ими ассоциаций; 4) адекватности номинируемому понятию; 5) физической протяжённости терминов и т.д.

реализации основой своих синтаксических функций [ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, НОВОЖИЛОВА, 2003: 259; АХМАНОВА, 2004: 202].

Разногласия в отношении этого лингвистического феномена сводятся, во-первых, к выявлению сути взаимоотношений между омонимией и конверсией, и, во-вторых, к определению статуса и роли конверсии в образовании новых слов и в пополнении таким образом словарного состава языка. Так, А.А. Реформатский считает конверсию особой разновидностью грамматической омонимии [РЕФОРМАТСКИЙ, 1997: 94], в то время как Ю.С. Маслов, переводя это явление в морфолого-синтаксическую плоскость, отмечает, что «суть конверсии не в омонимии, а в том, что образование слова происходит без помощи специального словообразовательного аффикса (либо симульфикса), одной только сменой парадигмы» [МАСЛОВ, 1997: 150]. Е.С. Кубрякова также не считает тождественными результаты омонимических и конверсионных процессов, указывая, что конверсия, являясь результатом переосмысления номинативного знака с изменением его категориального статуса, «приводит к некоему подобию омонимии форм, поскольку одна и та же материальная последовательность соответствует словам разных частей речи». В качестве примера она предлагает слова и словосочетания со словом *round*: «*round the table*» («вокруг стола»), где слово *round* – предлог, «*round table*» («круглый стол»), где *round* – прилагательное, «*a round*» («ранд»), где *round* – существительное, и «*to round with*» («окружить»), где *round* – глагол, не усматривая в них омонимии, «так как указанные единицы семантически сходны и связаны единством корня» [КУБРЯКОВА, 1990: 235].

Соглашаясь в целом с этой точкой зрения, хотелось бы отметить, что с позиций лексикографического подхода не имеет принципиального значения, какой процесс или явление послужили причиной совпадения двух лексических единиц – омонимия или конверсия (тем более, если допустить, что омонимия может среди прочего возникнуть и в результате конверсии), так как в данном случае в основу презентации лексики в словаре кладётся не семантический, а формальный критерий (внешние признаки лексической единицы: совпадение по форме). Именно поэтому сходные по форме слова, имеющие различные грамматические характеристики или различающиеся по значению, будут образовывать соответствующим образом маркированную отдельную словарную статью. Специфика словообразования внешне идентичной лексики может учитываться на следующем этапе работы со словарным материалом, когда лексикограф при необходимости различным образом маркирует словарные статьи, образованные лексическими или лексико-грамматическими омонимами. Например, авторы НБАРСа обозначают лексические омонимы надстрочными арабскими цифрами, а лексико-грамматические омонимы (под которыми они понимают «слова, образованные по конверсии») – полужирными римскими цифрами [НБАРС, 1993, I: 20]:

<i>cleave</i> ¹ ...v... 1. 1) раскалывать ...	<i>high I</i> ...n... высшая точка ...
<i>cleave</i> ² ...v... 1. оставаться верным (кому-л., чему-л.)...	<i>high II</i> ...a... высокий ...
<i>cleave</i> ³ ... n ирл. корзина	<i>high III</i> ...adv... высоко ...

Авторы-составители БНРС и ФРСАТ, решая вопрос о границах омонимии, также разграничивают лексические и лексико-грамматические омонимы, однако формально это разграничение не находит отражения в оформлении словарных статей: в этих словарях оба вида сходной по внешним признакам лексики обозначаются полужирными римскими цифрами [БНРС, 1998, I: 8-9; ФРСАТ, 1998: 6].

Исходя из особенностей, присущих явлениям конверсии и лексико-грамматической омонимии, в лингвистике формируются различные точки зре-

ния на конверсию как возможный способ словообразования. А.А. Реформатский считает омонимы «досадным неразличением того, что должно различаться», делая при этом вывод о том, что при омонимии [*a значит, и при конверсии – А.И.*] не происходит обогащения словарного состава языка [РЕФОРМАТСКИЙ, 1997: там же]. А.Л. Зеленецкий и О.Л. Новожилова, вслед за В. Фляйшером, рассматривают конверсию как один из способов безаффиксного словообразования, а именно, «имплицитного словообразования» (у В. Фляйшера – «implizite Ableitung» [FLEISCHER, 1974: 63 и след.]). К имплицитным способам наряду с конверсией они относят также собственно безаффиксное словообразование, при котором существует возможность однозначного различения производящей и производной основ (безаффиксное образование имён от глаголов и глаголов от имен; например, нем. *schlagen* – *der Schlag*, *grün* – *grünen*) и трансфигурацию (перевод или превращение некоторой грамматической формы в основу другой части речи; например, нем. *fett* – *das Fett*, *lesen* – *das Lesen*, *das Wenn und das Aber*). Одним из видов трансфигурации А.Л. Зеленецкий и О.Л. Новожилова считают субстантивацию [ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, НОВОЖИЛОВА, 2003: 257–259].

Согласно другой точке зрения, безаффиксное словообразование представляет собой ту же конверсию, но в узком смысле этого слова [ГЛИНСКИХ, ПЕТРОВА, 1998: 168–169]. Субстантивация наряду с адъективацией и адвербиализацией либо признаётся частным случаем конверсии, а не трансфигурации (последняя вообще не рассматривается в качестве способа имплицитного словообразования) [ШМЕЛЕВ, 1977: 68; МАТВЕЕВА, 2003: 110], либо выступает как самостоятельный способ словообразования [СРЯ, 1999: 354].

Е.С. Кубрякова, считает конверсию разновидностью транспозиции [КУБРЯКОВА, 1990: 235], к конкретным проявлениям которой обычно относят субстантивацию, адъективацию, адвербиализацию и прономинализацию [ЛОПАТИН, 1997: 570].

Нашей задачей не является целенаправленное изучение точек зрения лингвистов на проблемы, связанные с определением статуса, а также онтологических и функциональных особенностей конверсии, поэтому в целях упрощения процедуры идентификации того или иного безаффиксного способа словообразования мы будем рассматривать как конверсию любой зафиксированный нами случай образования слова одной части речи от слова другой части речи, если этот процесс не сопровождается возникновением каких-либо фонетико-морфологических различий в формах исходного и вновь образованного слова.

Анализ терминологического массива на предмет выявления конверсионно-омонимических особенностей терминов фонетики и метрики проводился с учётом системно-иерархического характера взаимоотношений, устанавливаемых внутри данной макротерминосистемы, т.е. отдельно по следующим наиболее репрезентативным понятийно ориентированным микросистемам терминов:

1. Графика.
2. Единицы фонетико-метрического членения речи.
3. Стихотворные размеры и строфы.
4. Стихи.
5. Модификаторы.
6. Фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры.
7. Фонетико-метрические процессы.

Морфемный состав исследуемой терминологии при выполнении данного вида анализа не учитывался.

Результаты анализа сведены в нижеследующую таблицу.

МИКРОТЕРМИНОСИСТЕМЫ ФОНЕТИКИ И МЕТРИКИ	ЯЗЫКИ					
	Латынь	Греческий	Русский	Английский	Немецкий	Французский
Графика (16)	2	4	3	5	1	1
Единицы фонетико-метрического членения речи (333)	79	41	71	59	30	53
Стихотворные размеры и строфы (36)	18	10	—	6	—	2
Виды и типы стиха (122)	43	24	—	40	—	15
Модификаторы (47)	6	18	—	17	3	3
Фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры (12)	2	7	—	2	—	1
Фонетико-метрические процессы (35)	2	2	—	15	16	—
Всего (576)	152	106	74	144	50	75

Конверсия – как безаффиксный способ терминообразования в фонетике и метрике – наиболее широко представлена в латыни, греческом и английском языках. Эти языки дают около 70% всей конверсионной терминологии (соответственно, 26,4%, 18,4% и 25% всех случаев применения конверсионного способа словообразования).

Значительно меньшее количество случаев перехода одной части речи в другую отмечено в русском языке – 74 (14,5%), в немецком языке – 50 (8,7%), во французском языке – 75 (14,6%).

Как видно из приводимых ниже примеров, наиболее распространённой разновидностью конверсии во всех языках оказывается субстантивация прилагательных. В максимальной степени этот процесс реализуется в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи, а также видов и типов стиха. На долю первой из них приходится около $\frac{2}{3}$ (65,3%), на долю второй – около $\frac{1}{4}$ (24%) всех случаев конверсии во всех исследуемых языках.

Говоря об особенностях перехода в разряд имён различных частей речи в конкретных языках, следует отметить в микротерминосистемах модификаторов, фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур, а также фонетико-метрических процессов высокую частотность герундиальных форм (ing-forms) в английском терминологическом массиве, а также субстантивированных инфинитивов в немецкой терминологии.

Доля конверсионных терминов в однословной терминологии исследуемых языков распределилась следующим образом: в латинском языке она составляет 21,7%, в греческом языке – 26,4%, в русском языке – 12%, в английском языке – 22,3%, в немецком языке – 4,7%, во французском языке – 14,9%. Полученные результаты свидетельствуют о том, что наиболее продуктивен конверсионный способ образования терминологии в латыни, греческом и английском языках, наименее продуктивным он оказывается, соответственно, в немецком, русском и французском языках.

Примеры конверсионно-омонимических отношений в терминосистеме фонетики и метрики:

1) Графика: лат. *acutus, brevis*; греч. διαλυτικά, διακρίτικόν, συγκρίτικόν, ἐφελκυστικόν; русск. согласная, гласная, полугласная; англ. *diacritic, quiescent, aspirate, breve, mute*; нем. *Transkribieren*; франц. *brève*.

2) Единицы фонетико-метрического членения речи: лат. *liquida, bilabialis, bivocalis, constrictiva*; греч. τριπόδιος, παλιμβάκχειος, διπροχαῖος; русск. согласный, гласный, полусогласный, полугласный; англ. *aspirate, constrictive, epionic*; нем. *Muta, Alveolar, Bilabial*; франц. *épionique, dochmique, explosive, fricative*.

3) Стихотворные размеры и строфы: лат. *choliambus, ischiorrhogicus, Glyconeus, Stesichorius, Saturnius, priapeius*; греч. ὀκτάμετρος, χωλίαμβος, англ. *choliambic, octameter, telesillean, paraglyconic, glyconic, praxillean*; франц. *glyconique, hypermètre*.

4) Виды и типы стиха: лат. *Asclepiadeus, abecedarius, boiscius*; греч. ιθυφαλλικός, γλυκάνειος, δωδεκασύλλαβος; англ. *Adonean, Adonic, Alcaic, alexandrine*; франц. *alcaïque, alexandrin, aristophanien, glyconique, ithyphallique*.

5) Модификаторы: лат. *circumflexus, cliticum, semiquinaria, semiseptenaria, semiternaria*; греч. ρυθμική, κλῖτικόν, τονικόν, διοιοτελευτόν; англ. *overrunning, acute, circumflex, enclitic, foregrounding*; нем. *Betonen, Akzentuieren*; франц. *clitiqe, enclitique, proclitique*.

6) Фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры: лат. *palindromus, imitatus*; греч. διοιόπτωτον, διοιοτελευτόν, παλίνδρομον, σύμφωνον; англ. *running, pun*; франц. *palindrome*.

7) Фонетико-метрические процессы: лат. *coitus, hiatus*; греч. δᾶσεῖα, διαλυτικά; англ. *shift, reducing*; нем. *Lenisieren, Verstummen, Silbenverstummen*.

4.3.7. Полисемия

Вся фонетико-метрическая терминология была исследована с целью выявления терминов, дефиниции которых включают в себя два и более значений.

Статистические подсчёты (см. таблицу) показывают, что в терминологии фонетики и метрики однозначно трактуемые термины составляют более 93% независимо от языковой принадлежности. Термины многозначные, т.е. те из них, дефиниции которых содержат два и более толкований, насчитывают около 7%.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в терминах фонетики и метрики не выполняется в полной мере закон организованной терминологии, согласно которому одному понятию должен соответствовать один знак. Однако фонетико-метрическая макротерминосистема очень близка к этому. Говоря словами И.С. Куликовой и Д.В. Салминой, «тенденция терминологии к однозначности просматривается, хотя только как тенденция». По их данным, полученным в результате обследования на полисемантичность терминологических единиц «Краткого словаря лингвистических терминов» [ВАСИЛЬЕВА, ВИНОГРАДОВ, ШАХНАРОВИЧ, 1995], процент многозначности оказался ещё ниже, составив всего 4% [КУЛИКОВА, САЛМИНА, 2002: 30].

КОЛИЧЕСТВО ЗНАЧЕНИЙ ТЕРМИНОВ	КОЛИЧЕСТВО ТЕРМИНОВ	
	в абсолютном выражении	в относительном выражении
Шестизначные	1	0,05%
Пятизначные	2	0,1%
Четырёхзначные	6	0,3%
Трёхзначные	11	0,6%
Двухзначные	117	5,9%
Однозначные	1863	93,6%
ВСЕГО	1990	100%

Анализируя причины возникновения полисемантичности в фонетико-метрической терминологии, мы не учитываем здесь:

1) случаи терминологической многозначности, возникающей в результате использования термина в разных терминосистемах для названия различных понятий, входящих в понятийный круг различных отраслей знания (что обусловлено целями нашей работы и отсутствием необходимости выходить за пределы исследуемой нами терминологической системы в силу крайней её специфичности);

2) случаи концептуальной неоднородности содержания терминируемого понятия, связанной с различием лингвистических взглядов и направлений (такая неоднородность трактуется в лингвистической литературе как объективно существующее и неустранимое свойство научной терминологии в целом и лингвистической терминологии в частности [Гвишиани, 1990: 297; Куликова, Салмина, 2002: 33; Ахманова, 2004: 4-5]).

Анализ явления полисемантичности в терминологии фонетики и метрики позволяет установить, что основаниями для вычленения у термина двух и более значений могут быть следующие:

1. Развитие значения во времени, обнаруживаемое в расширении объёма значения того или иного термина под влиянием увеличения количества информации в анализируемой сфере.

1) *Анакруза, анакруса* |1) В античной метрике: безударные слоги в начале стиха, предшествующие тезису; 2) В современной метрике: (в)неметрический безударный слог (слоги) в начале стиха перед первым иктом (ритмическим ударением)|.

2) *Анапест* |1) В античной метрике: трёхсложная античная стопа ($\cup\cup -$), состоящая из двух кратких и одного долгого слога; 2) В современной метрике: трёхсложная стопа силлабо-тоническом стиха с ударением на третьем слоге|.

3) *Диастола, долгота аномальная* |1) В метрическом (квантитативном) стихосложении: удлинение краткого по природе слога (преимущественно перед цезурой) в соответствии с требованиями метрической структуры стиха или долгое произнесение краткого слога; 2) В акцентном (тоническом) стихосложении: растяжение ударного слога, или удлинение безударного слога в соответствии с требованиями метрики стиха, сопровождающееся в некоторых языках (например, в английском) переносом ударения на этот слог|.

2. Метонимизация.

1) *Каталектика* |1) Усечение полустопы; 2) Каталектическая форма стиха; 3) Раздел сравнительной метрики, предметом изучения которого являются клаузулы стиха и в частности, случаи несовпадения окончания стиха и окончания стопы|.

2) *Гликоней* |1) Стихотворный размер, названный в честь древнегреческого поэта Гликона и состоящий из спондея, хориамба и ямба или одного спондея и двух дактилей; схема размера, изобретение которого приписывается Гликону, следующая: ($\underline{\cup} \overline{\cup} - \cup\cup - \cup\cup$); 2) Разновидность эолийского стиха, написанного этим размером|.

Как частные случаи реализации перечисленных выше факторов могут рассматриваться:

1. Применение одного термина для обозначения в рамках одной или нескольких микротерминосистем общего для всех исследуемых языков процесса (явления, объекта) и качественно сходного с ним процесса (явления, объекта), носящего частный (конкретный) характер.

1) *Аспирация, придыхание* |1) Произнесение согласного звука, сопровождающееся интенсивным выдыханием струи воздуха из ротовой полости без напряжения мускулатуры; 2) Произнесение звука [h] или звукосочетания, содержащего звук [h]|.

2) *Согласный аспирированный* (~ *придыхательный*) |1) Согласный звук, произнесение которого сопровождается интенсивным выдыханием струи воздуха из ротовой полости без напряжения мускулатуры; 2) Звук [h] или звукосочетание, содержащее звук [h]|.

3) *Размер* |1) Абстрактная схема организации звукового состава в стихе (строке), определяемая либо общим количеством слогов, образующих данный стих (в силлабическом стихосложении), либо количеством ударных слогов в стихе (в тоническом стихосложении), либо тем и другим в совокупности (в силлабо-тоническом стихосложении); 2) Конкретная разновидность такой организации, определяемая количеством одинаковых стоп в стихе (строке), а также числом и последовательностью входящих в их состав слогов|.

2. Применение одного термина для обозначения процессов (явлений, объектов) по аналогии в рамках одной микротерминосистемы.

1) *Гравис, ударение тяжёлое* (~ *грависное, тупое*), *тон тяжёлый, понижение тона* |1) В древнегреческом языке: тон, обозначаемый знаком (‘), характеризующийся отсутствием повышения голоса и сменяющий острый тон на последнем слоге слова в случае, если за данным словом без знака препинания следуют другие слова; в современном греческом произношении качественно не отличается от других видов ударения; 2) В церковнославянском языке: ударение, устанавливаемое над гласной в конце слова, за исключением случая, если после слова, оканчивающегося на гласный, следуют союзы *же, бо, ли* или краткие формы личных местоимений 1 и 2 л. ед. ч. *ми, ти* и др.; 3) В современном шведском языке: вид ударения, при котором на слоге, следующем за главноударенным слогом, появляется слабое побочное ударение; движение тона при этом является нисходяще-восходящим|.

2) *Парокситон* |1) В древнегреческой акцентологии: слово с острым (акутовым) ударением на предпоследнем слоге; 2) В современной акцентологии: слово с динамическим ударением на предпоследнем слоге|.

3. Применение одного термина для обозначения качественно противополагаемых друг другу процессов (явлений, объектов) в одной микротерминосистеме.

Ударение облечённое (~ *циркумфлексное, циркумфлексовое, сиркумфлексное*), *циркумфлекс, сиркумфлекс, тон облечённый* |1) В праславянском языке: ударение, при котором ударный слог выделялся понижением тона; нисходящее ударение в середине слова падало на слог с кратким гласным или кратким слоговым сонорным; 2) В современном литовском языке: восходящая интонация (*tvirtagāle*), сформировавшаяся в ходе исторического развития языка из нисходящей|.

4. Применение одного термина для обозначения процесса (явлений, объектов), реализуемого в различных микротерминосистемах.

1) *Колон* |1) В античной метрике: а) ритмическая единица, содержащая обычно не более двенадцати слогов (от двух до шести не обязательно однородных стихотворных стоп), объединённых одним ритмическим ударением, и характеризующаяся законченным интонационным рисунком; б) полный стих, т. е. не укороченный по сравнению с остальными стихами в строфе; 2) В античной риторике: ритмическая единица прозаической речи, обладающая известным смысловым и интонационно-сintаксическим единством и представляющая собой либо группы из нескольких слов, разделяемые легкими паузами, либо короткие предложения; колоны являются частью более крупной по объёму ритмической единицы – периода|.

2) *Изосиллабизм, равносложенность* [1) Совпадение числа слогов в строфах (строках) стиха; 2) Равное количество слогов в составе существительных некоторых языков в различных падежных формах].

5. Применение одного термина для обозначения не связанных друг с другом процессов (явлений, объектов).

1) *Обелиск, крестик* [1) В палеографии: знаки (÷) или (–), используемые для пометок на полях против неясных, подозрительных, сомнительных слов или мест в текстах древних рукописей; 2) В полиграфии: знаки (†) или (‡), применяемые для указания на сопутствующие сноски].

2) *Дизреза, диереза, диэрезис* [1) Общий термин, используемый для указания на комбинаторный фонетический процесс, заключающийся в выпадении (исчезновении) звука (как правило, согласного) в результате ассимиляции или диссимилиации; 2) Разложение одного слога (дифтонга) на два гласных и их последующее раздельное произношение; 3) Диакритический значок (трема: "), представляющий собой две горизонтально расположенные точки, ставящиеся над одной из двух смежных гласных с целью указания на их раздельное произнесение, т.е. их фонетическую самостоятельность; 4) В античном стихе, замена в стопе долгого слога двумя краткими слогами, напр., замена ямба (—) или хорея (—) трибрахием (— —), спондея (— —) дактилем (— —), кретика (— —) пеоном I (— — —) и т.д.; 5) Пауза между словами стихотворной строки, совпадающая с окончанием стопы].

6. Применение одного термина для обозначения движущей причины какого-либо процесса (явления) и её следствия в рамках одной микротерминосистемы.

Энклиза, энклизия [1) Примыкание безударного слога или слова к предшествующему ударному слову или слогу; 2) Смещение ударения].

Наиболее частотными факторами, обусловливающими многозначность исследуемой терминологии оказываются метонимические переносы (в первую очередь в терминологии метрики, в частности, таких её микротерминосистемах, как виды и типы стиха, стихотворные размеры и строфы), а также характерное для фонетико-метрической терминосистемы в целом и рассматриваемое в качестве частного случая применение одного термина для обозначения процесса (явления, объекта), реализуемого в различных микротерминосистемах.

4.3.8. Способы пополнения терминологического аппарата фонетики и метрики в исследуемых языках

1. Процессы заимствования и калькирования

Проблеме заимствований, их статусу и функциональным особенностям традиционно уделяют внимание многие отечественные и зарубежные лексикологи и терминоведы, исследующие пути и способы заимствований и адаптации иноязычной лексики в национальных языках (см., к примеру, работы: [Поливанов, 1931], [Гальди, 1958], [Бельчиков, 1959], [Флекенштейн, 1963], [Гвоздев, 1965], [Суперанская, 1965; 1968], [ГАК, 1966; 2000], [Йордаль, 1968], [Крысин, 1968; 1996; 2002], [Кутина, 1970], [Берков, 1971], [Биржакова, 1972], [Гарш, 1972], [Брагина, 1976], [Гловинская, 1976], [Акуленко, 1977], [Вине, Дарбельне, 1978], [Калинин, 1978], [Виноградов, 1978], [Лотте, 1982], [Бондаренко, 1982], [Чернышева, 1984], [Боброва, 1984], [Хабургагаев, 1989], [Брейтер, 1997], [Дунайевская, 1998], [Павленко, 1998], [Феоклистова, 1999], [Давлетукаева, 2001], [Маринова, 2001], [Володарская, 2002], [Дьяков, 2003] и др.).

Вопрос «своего и чужого» в языке в целом и в терминологической лексике в частности всегда был и остается актуальным в связи с постоянным междуна-

родным научным и техническим обменом между специалистами различного профиля, непрекращающимся ростом числа иноязычных терминов в национальных терминологических системах, и даже, по мнению некоторых лингвистов, «изменением в менталитете русскоговорящих людей» [Дьяков, 2003: 35–43]. Вышеперечисленные обстоятельства носят экстралингвистический характер и взаимодействуют с внутриязыковыми факторами, к которым Л.П.Крысин относит: 1) тенденцию к устраниению полисемии исконного слова, упрощению его смысловой структуры; 2) потребность уточнить или детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки; 3) тенденцию к образованию в заимствующем языке структурно аналогичных слов или наличие класса слов структурно однотипных с воспринимаемой лексической единицей; 4) тенденцию к формированию и постоянному пополнению заимствованными словами лексических рядов, содержащих структурно однотипную заимствованную лексику; 5) тенденцию к соответствуанию нерасчленённости обозначаемого понятия с нерасчленённостью обозначающего, т.е. номинированию понятия отдельным словом, а не словосочетанием [Крысин, 1968: 23–27].

В лингвистической литературе заимствование в широком понимании этого термина трактуется как «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой» [Крысин, 1968: 18]. В данной работе под заимствованиями мы понимаем прежде всего лексические заимствования, так как процесс интеграции иноязычных элементов в тело другого языка рассматривается нами на лексическом уровне в рамках объединённой терминосистемы фонетики и метрики, опиравшейся, как всякая другая терминологическая система, прежде всего терминами-словами⁷².

Особый интерес в свете проблемы заимствований вызывает калькирование (структурное, или словообразовательное, и семантическое). Одни исследователи ([ГРОТ, 1889; RICHTER, 1919: 86] и др.) рассматривают кальки как разновидность лексического заимствования, другие (Б. Унбегаун, К. Шуман, Л.П. Ефремов и др.) – как самостоятельное явление, существующее вне рамок традиционно понимаемого процесса заимствований [ЧЕРНЫШЕВА, 1984: 122]. Типичной в связи с этим можно считать точку зрения Б. Унбегауна, для которого заимствование – это перенос в свойственной для заимствующего языка графической форме звуковой оболочки слова при сохранении значения этого слова, а калька – «заимствование внутренней формы», реализуемое графическими, фонетическими и морфологическими средствами заимствующего языка [UNBEGAUN, 1932:

⁷² Синтаксические заимствования не являются предметом анализа по следующим причинам: 1) терминологические словосочетания как элементарные синтаксические конструкции, анализируемые в данной работе, либо содержат стержневое слово-термин в номинативной функции, рассматриваемое в рамках однословной терминологии, либо раскладываются на компоненты, также выступающие по отдельности в функции однословных терминов (ср. лат. *angustatio diphthongorum* (*angustatio*, *diphthongus*); русск. *сужение дифтонгов* (*сужение*, *дифтонг*); англ. *narrowing of diphthongs* (*narrowing*, *diphthong*); нем. *Verengerung der Diphthonge* (*Verengerung*, *Diphthong*); франц. *rétrécissement des diphongues* (*rétrécissement*, *diphongue*)); 2) с функционально-семантической точки зрения значительное число терминосочетаний приравнивается к однословным терминам (ср.: лат. *consonans muta* = *muta f*; русск. *согласная немая* = *немая f*; англ. *mute consonant* = *mute n*; *consonne muette* = *muette sf*); 3) в подавляющем большинстве случаев (≈ 96%) терминологические словосочетания образуются по сходным структурно-синтаксическим моделям (синтаксические особенности терминосочетаний см. в § 4.2.5.).

19]. Как бы то ни было, теоретические рассуждения лингвистов по поводу выявления принципиальных различий между собственно заимствованиями, с одной стороны, и кальками – с другой, ведут исследователей в конечном итоге лишь к установлению различий в способах или видах заимствования. При этом природа данного языкового феномена не меняется, оставаясь прежней и приводя как в случае с собственно заимствованиями, так и в случае калькирования иноязычной терминологии, к одному и тому же результату – появлению в заимствующем языке ранее не существовавшей лексической единицы.

Для целей нашей работы, исследующей фонетико-метрический терминологический массив с позиций синхронии, онтологический статус калек по отношению к собственно заимствованиям не имеет принципиального значения, поэтому в применяемую здесь классификацию терминологической лексики кальки входят на правах одной из разновидностей лексических заимствований.

С учётом неоднородного состава заимствованной терминологической лексики она была поделена на следующие типы:

1) Тип I. Термины, структурно совпадающие с иноязычными прототипами, т.е. изменённые графически и переданные соответствующими фонемными средствами без каких-либо модификаций структуры (ср.: англ. *glide* – русск. *глайд*).

2) Тип II. Термины, морфологически оформленные средствами заимствующего языка (напр., греч. ἐπιτάφιος – лат. *eritaphium* – русск. *эпитафия* – англ. *epitaph*).

3) Тип III. Термины с частичной морфологической субSTITУцией, представляющие собой гибридную лексику (ср.: греч. *μονόστιχος* – лат. *monoversus*).

4) Тип IV. Термины, структурно эквивалентные терминам языка-источника, т.е. такие, которые «воспроизводят содержание и словообразовательную структуру иноязычной лексемы с помощью собственных морфем» [FLECKENSTEIN, 1987: 281] (ср.: греч. *μονόστιχος* – русск. *одностишие*; греч. *μονοσύλλαβος* – нем. *Einsilb(l)er*; лат. *bivocalis* – греч. *δίφθογγος* – русск. *двоезвучие* – нем. *Zweilaut, Zwielaunt*).

5) Тип V⁷³. Термины, семантически эквивалентные терминам языка-источника, т.е. образованные на основе семантического калькирования (ср.: лат. *ambitus* – греч. *περίοδος*; лат. *tempus* – греч. *χρόνος*).

Все терминологические микросистемы фонетики и метрики (за исключением фонетико-метрической терминологии греческого языка) были обследованы на предмет установления количественного и качественного состава заимствованной (в т.ч. калькованной) терминологической лексики. Результаты данного вида анализа приводятся ниже с разбивкой по языкам.

⁷³ В лингвистике до сих пор ещё остается теоретически малоразработанным вопрос о разграничении семантических калек и семантических эквивалентов иноязычных слов. Как отмечает М.И. Чернышева, «семантические кальки по своей внешней форме принадлежат переводящему языку, во внутренней же форме произошёл перенос семантики лексемы исходного языка в язык переводящий. Таким образом, по внешней форме семантические кальки родственны эквиваленту – именно поэтому так трудно отличить... семантическую кальку от эквивалента...; по способу семантического наполнения внутренней формы семантические кальки родственны заимствованиям... [ЧЕРНЫШЕВА, 1984: 124–125]». В нашей работе мы не проводим разграничения между семантическими эквивалентами и кальками, так как и в том и в другом случае имеет место процесс заимствования понятийного содержания того или иного иноязычного термина, реализуемый в аспекте формы своеязычными средствами.

I. Латинский язык.

ТИПЫ ТЕРМИНОВ	МИКРОТЕРМИНОСИСТЕМЫ ФОНЕТИКИ И МЕТРИКИ							
	Графика	Единицы фонетико-метрического членения речи	Стихотворные размеры и строфы	Виды и типы стиха	Модификаторы	Фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры	Фонетико-метрические процессы	
Тип I (188)	19	37	6	32	27	25	42	
44,1%	10,1%	19,7%	3,2%	17%	14,4%	13,3%	22,3%	
Тип II (183)	9	55	22	70	11	4	12	
43%	4,9%	30,1%	12%	38,3%	6%	2,2%	6,6%	
Тип III (11)	—	—	—	11	—	—	—	
2,6%	0%	0%	0%	100%	0%	0%	0%	
Тип IV (22)	—	3	—	—	2	8	9	
5,2%	0%	13,6%	0%	0%	9,1%	36,4%	40,9%	
Тип V (22)	—	7	2	—	5	4	4	
5,2%	0%	31,8%	9,1%	0%	22,7%	18,2%	18,2%	
Всего (426)	28	102	30	113	45	41	67	
100%	6,6%	23,9%	0,7%	26,5%	10,6%	9,6%	15,7%	

Тип I. Данный тип заимствований в латыни представлен наиболее широко, обнимая более 44% всей заимствованной терминологии. Максимальная частотность его отмечена в микротерминосистемах фонетико-метрических процессов (22,3%) и единиц фонетико-метрического членения речи (19,7%), минимальная – в микротерминосистеме стихотворных размеров и строф (3,2%).

1. Примеры из терминологии графики: лат. *haplographia* – греч. ἀπλογραφία, лат. *antisigma* – греч. ἀντισίγμα, лат. *coronis* – греч. κορωνίς, лат. *digamma* – греч. δίγαμμα, лат. *di(h)aeresis* – греч. διάρεσις, лат. *homographia* – греч. ὁμογραφία, лат. *phonographia* – греч. φωνογραφία, лат. *grapheta* – греч. γράφημα, лат. *macron* – греч. μακρόν, лат. *metagraphia* – греч. μεταγραφία, лат. *schemata* – греч. σχῆμα, лат. *stichometria* – греч. στιχομετρία, лат. *tetragramma* – греч. τετράγραμμα.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *hexapodia* – греч. ἔξαποδία, лат. *amphibrachys* – греч. ἀμφίβραχυς, лат. *antidactylos* – греч. ἀντιδάκτυλος, лат. *arsis* – греч. ἄρσις, лат. *dactylos* – греч. δάκτυλος, лат. *diphthongos* – греч. δίφθογγος, лат. *dicolon* – греч. δίκωλον, лат. *dibrachys* – греч. διβραχύς, лат. *dipodia* – греч. διποδία, лат. *holodactylos* – греч. ὅλοδάκτυλος.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: лат. *iambelegos* – греч. ἰαμβέλεγος, лат. *galliambos* – греч. γαλλίαμβος, лат. *hypermetron* – греч. ὑπέρμετρον, лат. *metron* – греч. μέτρον, лат. *scazon* – греч. σκάζων, лат. *strophe* – греч. στροφή.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *brachycolon* – греч. βράχυκῶλον, лат. *hendecasyllabos* – греч. ἑνδεκασύλλαβος, лат. *trimetron* – греч. τρίμετρον, лат. *Asclepiadeon* – греч. ἀσκληπιάδειον, лат. *dimetron* – греч. δίμετρον, лат. *tetrametron* – греч. τετράμετρον, лат. *distichon* – греч. διστίχον.

5. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *anacrusis* – греч. ἀνάκρουσις, лат. *epicrusis* – греч. ἐπίκρουσις, лат. *cotta* – греч. κόμμα, лат. *di(h)aeresis* – греч. διάρεσις, лат. *astme* – греч. ἀκμή, лат. *prosodia* – греч. προσῳδία, лат. *anastrophe* – греч. ἀναστροφή,

лат. *metatonia* – греч. μετατονία, лат. *oxytonesis* – греч. ὀξυτονήσις, лат. *enclisis* – греч. ἔγκλισις, лат. *proclisis* – греч. πρόκλισις.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *homoioptoton* – греч. ὁμοιόπτωτον, лат. *homoioteleuton*, *hom(o)eoteleuton* – греч. ὁμοιοτελευτόν, ὁμοιοτέλευτον; лат. *anagramma* – греч. ἀνάγραμμα, лат. *anaphora* – греч. ἀναφορά, лат. *cacophonía* – греч. κακοφωνία, лат. *epanaphora* – греч. ἐπαναφορά, лат. *epiphora* – греч. ἐπιφορά, лат. *epistrophe* – греч. ἐπιστροφή, лат. *euphonía* – греч. εὐφωνία, лат. *eurhythmia* – греч. εύρυθμία, лат. *homoioprophoron*, *hom(o)eoprophoron* – греч. ὁμοιοπρόφορον, лат. *metagramma* – греч. μετάγραμμα.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *hyperthesis* – греч. ὑπέρθεσις, лат. *hypostrophe* – греч. ὑποστροφή, лат. *metagramma* – греч. μετάγραμμα, лат. *metathesis* – греч. μετάθεσις, лат. *crasis* – греч. κρᾶσις, лат. *synaeresis* – греч. συναίρεσις, лат. *synaliphe*, *synaloephe* – греч. συναῦλ(ο)ιφή, лат. *syncrisis* – греч. σύγκρισις, лат. *synecphonesis* – греч. συνεκφωνήσις, лат. *synizesis* – греч. συνίζησις, лат. *anaptyxis* – греч. ἀνάπτυξις, лат. *aphaeresis* – греч. ἀφαίρεσις, лат. *aphesis* – греч. ἄφεσις, лат. *apocope* – греч. ἀποκοπή.

Тип II. Данный тип заимствований в латыни представлен также широко, составляя 43% всей заимствованной терминологии. Максимальная частотность его отмечена в микротерминосистемах видов и типов стиха (38,3%) и единиц фонетико-метрического членения речи (30,1%), минимальная – в микротерминосистеме фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (2,2%).

1. Примеры из терминологии графики: лат. *apostrophus* – греч. ἀπόστροφος, лат. *diacriticum* – греч. διακρίτικόν, лат. *obeliscus* – греч. ὀβελίσκος.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *aphthongus* – греч. ἄφθογγον, лат. *monophthongus* – греч. μονόφθογγος, лат. *diphthongus* – греч. δίφθογγος, лат. *syllaba* – греч. συλλαβή, лат. *amphimacrus* – греч. ἀμφίμακρος, лат. *creticus* – греч. κρητικός, лат. *brachychoreus* – греч. βράχυχορεῖος, лат. *Bacch(e)us*, *Bacchius* – греч. βακχεῖος, лат. *didymaeus* – греч. διδυμαῖος, лат. *colum* – греч. κῶλον, лат. *periodus* – греч. περίοδος.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: лат. *ischiorrhogicus* – греч. ίσχιορρωγικός, лат. *choliambus* – греч. χολιάμβος, лат. *Praxilleus* – греч. πραξιλλεῖον, лат. *Glyconeus*, *Glyconius* – греч. γλυκώνειος, лат. *Telesilleus*, *Telesillianum* – греч. τελεσιλλεῖον, лат. *hypermeter*, *hypermetrum* – греч. ὑπέρμετρον, лат. *metrum* – греч. μέτρον, лат. *stropha* – греч. στροφή.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *choliambus* – греч. χολιάμβος, лат. *Pherecrateus*, *Pherecratius* – греч. φερεκρατεῖος, лат. *Adonius* – греч. Αδώνιος, лат. *tetrasyllabus* – греч. τετράσυλλαβος, лат. *trisyllabus* – греч. τρισύλλαβος, лат. *brachycolumn* – греч. βράχυκῶλον, лат. *Asclepiadeus* – греч. ἀσκληπιάδειον, лат. *Sotadicus* – греч. Σωτάδειος, лат. *distichus* – греч. δίστιχος, лат. *hemisticchium* – греч. ἡμιστίχιον, лат. *telestichis* – греч. τελέστιχος.

5. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *synaphia* – греч. συνάφεια, лат. *tonus* – греч. τόνος, лат. *pausa* – греч. παῦσις.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *opomatopoeia* – греч. ὀνοματοποΐα, лат. *parallelismus* – греч. παραλληλισμός, лат. *palindromus* – греч. παλίνδρομον.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *metaplasmus* – греч. μεταπλασμός, лат. *apocope* – греч. ἀποκοπή, лат. *etacismus* – греч. ἥτακισμός, лат. *iotacismus*, *itacismus* – греч. ἰῶτακισμός, лат. *syncopa* – греч. συγκοπή, лат. *suzygium* – греч. συζῆγια.

Тип III. Данный тип заимствований в латыни представлен только в микротерминосистеме видов и типов стиха, составляя 2,6% всей заимствованной терминологии.

Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *duodeca-* + греч. *stichon* (*στίχον*); лат. *undeca-* + греч. *stichon* (*στίχον*); лат. *nona-* + греч. *stichon* (*στίχον*); лат. *trideca-* + греч. *syllabus* (*σύλλαβος*); лат. *nona-* + греч. *syllabus* (*σύλλαβος*); лат. *undeca-* + греч. *syllabus* (*σύλλαβος*); лат. *duodeca-* + греч. *syllabus* (*σύλλαβος*); лат. *quadri-* + греч. *syllabus* (*σύλλαβος*); лат. *bi(s)-* + греч. *syllabus* (*σύλλαβος*); лат. *bi-* + греч. *metria* (*μετρία*); греч. *mono-* (*μονό-*) + лат. *versus*.

Тип IV. Данный тип заимствований в латыни составляет немногим более 5% всей заимствованной терминологии. Максимальная частотность его отмечена в микротерминосистемах фонетико-метрических процессов (40,9%) и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (36,4%), минимальная – в терминологии модификаторов (9,1%). В микротерминосистемах графики, стихотворных размеров и строф, видов и типов стиха тип IV не зафиксирован.

1. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *bivocalis* – греч. *δίφθογγος*, лат. *conexio* – греч. *συλλάβη*, лат. *consonans* – греч. *σύμφωνον*.

2. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *divisio* – греч. *διαίρεσις*, лат. *inclinativum* – греч. *έγκλιπτον*.

3. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *annominatio*, *agnominatio* – греч. *παρονομασία*, лат. *consonantia* – греч. *συμφωνία*, лат. *reduplicatio* – греч. *ἀναδίπλωσις*, лат. *repetitio* – греч. *ἀναφορά*, лат. *prope aequatum* – греч. *πάρισον*, лат. *similiter cadens* – греч. *ὅμοιόπτωτον*, лат. *similiter desinens* – греч. *ὅμοιοτελευτόν*, *ὅμοιοτέλευτον*.

4. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *ablatio* – греч. *ἀφαίρεσις*, лат. *appositio*, *adiectio* – греч. *πρό(σ)θεσις*, лат. *detractio* – греч. *συγκολή*, лат. *reversio* – греч. *ἀναστροφή*, лат. *contractio* – греч. *συναίρεσις*, лат. *confusio* – греч. *σύλληψις*, лат. *elisio* – греч. *ἐκθλιψις*, *ἐκθλίψις*, лат. *interpositio* – греч. *ἐπένθεσις*, лат. *duplicatio* – греч. *διπλᾶσιασμός*.

Тип V. Данный тип заимствований в латыни также составляет немногим более 5% всей заимствованной терминологии. Максимальная частотность его отмечена в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (31,8%) и модификаторов (22,7%), минимальная – в терминологии стихотворных размеров и строф (9,1%). В микротерминосистемах графики, видов и типов стиха тип V не зафиксирован.

1. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *ambitus* – греч. *περίοδος*, лат. *depositio*, *positio* – греч. *θέσις*, лат. *elevatio* – греч. *ἄρση*, лат. *pes* – греч. *πούς*, лат. *tempus* – греч. *χρόνος*, лат. *vocalis* – греч. *φθόγγος*, *φωνή*.

2. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: лат. *membrum* – греч. *άρθρον*, лат. *pimerus* – греч. *ρύθμος*.

3. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *caesura*, *incisio* – греч. *τοιή*, лат. *tempus* – греч. *χρόνος*, лат. *gravis* – греч. *βάρεια*, лат. *acutus* – греч. *όξεια*.

4. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *dissonantia* – греч. *ἐκμελές*, лат. *implicatio* – греч. *ἐπιπλοκή*, лат. *interruptio* – греч. *κεχηνός*, лат. *compar* – греч. *ἰσόκωλον*.

5. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *alternatio* – греч. *ἀμοιβή*, лат. *hiatus* – греч. *χασμός*, лат. *augmentum* – греч. *αὔξησις*, лат. *spiritus* – греч. *πνεῦμα*.

В целом в латинской фонетико-метрической терминологии наиболее отчётливо и объёмно процессы заимствования однословных терминов реализуются в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (23,9%), видов и типов стиха (26,5%), фонетико-метрических процессов (15,7%). В наименьшей степени процесс заимствований реализуется в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (31,8%), модификаторов (22,7%) и стихотворных размеров и строф (9,1%).

стемах стихотворных размеров и строф (0,7%), графики (6,6%) и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (9,6%).

II. Русский язык.

ТИПЫ ТЕРМИНОВ	МИКРОТЕРМИНОСИСТЕМЫ ФОНЕТИКИ И МЕТРИКИ						
	Графика	Единицы фонетико-метрического членения речи	Стихотворные размеры и строфы	Виды и типы стиха	Модификаторы	Фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры	Фонетико-метрические процессы
Тип I (160)	28	35	2	11	29	22	33
25,9%	17,5%	21,9%	1,3%	6,9%	18,1%	13,8%	20,6%
Тип II (310)	21	77	14	62	45	10	81
50,2%	6,8%	24,8%	4,5%	20%	14,5%	3,2%	26,1%
Тип III (1)	—	—	—	—	—	—	1
0,2%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	100%
Тип IV (115)	7	27	—	40	—	6	35
18,6%	6,1%	23,5%	0%	34,8%	0%	5,2%	30,4%
Тип V (32)	3	18	—	—	—	1	10
5,2%	9,4%	56,3%	0%	0%	0%	3,1%	31,3%
Всего (618)	59	157	16	113	74	39	160
100%	9,5%	25,4%	2,6%	18,3%	12%	6,3%	25,9%

Тип I. Данный тип заимствований в русской фонетико-метрической терминологии включает более $\frac{1}{4}$ всей заимствованной терминологии (25,9%). Максимальная частотность его отмечена в микротерминосистемах фонетико-метрических процессов (20,6%) и единиц фонетико-метрического членения речи (21,9%), минимальная – в микротерминосистеме стихотворных размеров и строф (1,3%).

1. Примеры из терминологии графики: русск. *акцент* – нем. *Akzent*; русск. *акут* – нем. *Akut*; греч. ἀντισύμα – русск. *антисигма*; русск. *диграф* – нем. *Digraph*; греч. ἀπλογραφία – русск. *гаплография*; русск. *тремá* – франц. *tréma*; русск. *седиль* – франц. *cédille*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *affricata* – русск. *аффриката*; русск. *афтонг* – нем. *Aphthong*; русск. *имплозив* – нем. *Implosiv*; русск. *сибилинт* – нем. *Sibilant*; лат. *aspirata* – русск. *аспирата*; русск. *глайд* – англ. *glide*; русск. *дифтонг* – нем. *Diphthong*.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: греч. σκάζων – русск. *ска(д)зон*; греч. στροφή – русск. *строба*.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: греч. ποίημα – русск. *поэма*; греч. βρᾶχυκῶλον – русск. *брахиколон*; греч. ἀσυνάρτησις – русск. *асинартизис*; греч. κόμμα – русск. *комма*; русск. *рефрэн* – франц. *refrain*; греч. κατάληξις – русск. *каталексис*.

5. Примеры из терминологии модификаторов: греч. ρενθημίτερ»ј – русск. *пентемимерес*; греч. ἐφθημίτερής – русск. *гейтимимерес*; лат. *caesura* – русск. *цезура*; лат. *clausula* – русск. *клавузула*; греч. μετατονία – русск. *метатония*; русск. *анжамб(е)ман* – франц. *епјамбемент*; русск. *омограф* – нем. *Homograph*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: греч. *λειπομετρία* – русск. *липометрия*; греч. *ἀνάγραμμα* – русск. *анаграмма*; греч. *ἐπαναφορά* – русск. *эпанафора*; греч. *εύφωνία* – русск. *эвфония*; греч. *παρονομασία* – русск. *парономазия*; греч. *δροιοπρόφορον* – русск. *гомеопрофон*.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: греч. *ἀπλολογία* – русск. *апплология*; греч. *κρᾶσις* – русск. *красис*; греч. *συναίρεσις* – русск. *синерезис*, *синересис*; лат. *hiatus* – русск. *хуат(yc)*, *гуат(yc)*; греч. *ὑφαίρεσις* – русск. *гиферезис*; русск. *аблаут* – нем. *Ablaut*; русск. *умлаут* – нем. *Umlaut*.

Тип II. Данный тип заимствований в русском языке представлен наиболее широко, составляя 50,2% всей заимствованной терминологии. Максимальная частотность его отмечена в микротерминосистемах фонетико-метрических процессов (26,1%) и единиц фонетико-метрического членения речи (24,8%), минимальная – в микротерминосистеме фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (3,2%) и в микротерминосистеме стихотворных размеров и строф (4,5%).

1. Примеры из терминологии графики: греч. *ὅξεῖα* – русск. *оксия*; греч. *βᾶρεῖα* – русск. *вария*; лат. *accentus* – русск. *акцент*; лат. *acutus* – русск. *акут*; греч. *ἀπόστροφος* – русск. *апостроф*; греч. *κορωνίς* – русск. *коронида*; греч. *διαιρέσις* – русск. *диэреза*, *диереза*; греч. *διακρίτικόν* – русск. *диакритика*; греч. *ὅβελίσκος* – русск. *обелиск*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: греч. *ἄφθονγον* – русск. *афтонг*; лат. *vibrans* – русск. *вибрант(a)*; лат. *geminata* – русск. *геминат(a)*; греч. *μονόφθονγος* – русск. *монофтонг*; греч. *ἀμφίβραχυς* – русск. *амфибрарх(ий)*; греч. *ἀμφίμακρος* – русск. *амфимакр*; греч. *κρητικός* – русск. *кретик*; греч. *βράχυχορεῖος* – русск. *бражихорей*; греч. *βακχεῖος* – русск. *бакхий*, *вакхий*; греч. *περίοδος* – русск. *период*.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: греч. *ἰσχιορρωγικός* – русск. *исхиоррогик*; греч. *χωλίαμβος* – русск. *холиамб*; греч. *πραξιλλεῖον* – русск. *практиллей*; греч. *παραγλυκάνειος* – русск. *парагликоней*; греч. *γλυκάνειος* – русск. *гликоней*; греч. *τελεσιλλεῖον* – русск. *телесиллей*; греч. *ὑπέρμετρον* – русск. *гиперметр*.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *senarius* – русск. *сенарий*; греч. *έξάμετρον* – русск. *гекзаметр*, *гексаметр*; лат. *septenarius* – русск. *септенарий*; греч. *έπταμετρον* – русск. *гептаметр*; греч. *δέκταμετρον* – русск. *октаметр*; греч. *μονόστιχος*, *μονόστιχιον* – русск. *моностих*; греч. *δίστιχος*, *δίστιχιον* – русск. *дистих*; греч. *τρίστιχος*, *τριστίχιον* – русск. *тристих*; греч. *τετράστιχος*, *τετραστίχιον* – русск. *тетрастих*.

5. Примеры из терминологии модификаторов: греч. *ἀνάκρουσις* – русск. *анакруса*, *анакруса*; греч. *ἐπίκρουσις* – русск. *эпакруса*, *эпакруса*; греч. *διαιρέσις* – русск. *диерез(a)*; греч. *παῦσις* – русск. *пауз*; лат. *intonatio* – русск. *интонация*; лат. *modulatio* – русск. *модуляция*; лат. *accentuatio* – русск. *акцентуация*; лат. *atonatio* – русск. *атонация*; русск. *дезакцентуация* – англ. *desaccentuation* – франц. *désaccentuation*; греч. *ἀναστροφή* – русск. *анастрофа*; лат. *reaccentuatio* – русск. *реакцентуация*; греч. *ὅχυτονήξις* – русск. *окситонеза*; греч. *ἔγκλισις* – русск. *энклиза*, *энклизия*; греч. *πρόκλισις* – русск. *проклиза*, *проклизия*; лат. *accentus* – русск. *акцент*; греч. *τόνος* – русск. *тон*; лат. *ictus* – русск. *икт*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *assonantia* – русск. *ассонанс*; лат. *consonantia* – русск. *консонанс*; лат. *dissonantia* – русск. *диссонанс*; лат. *allitteratio* – русск. *аллитерация*; лат. *apposition* – русск. *анноминация*; греч. *ἐπιστροφή* – русск. *эпистрофа*; греч. *ὀνοματοποία* – русск. *ономатопея*; греч. *παραλληλισμός* – русск. *параллелизм*; греч. *ἐπιπλοκή* – русск. *эпиплока*; греч. *παλίνδρομον* – русск. *палиндром*.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: греч. *ὑπέρθεσις* – русск. *гипертеза*; греч. *μεταπλασμός* – русск. *метаплазм*; греч. *μετάθεσις* – русск. *метатеза*; лат. *permutatio* – русск. *пермутация*; лат. *transpositio* – русск. *транспозиция*; лат. *contractio* – русск. *контрак(та)ция*; лат. *fusio* – русск. *фузия*; греч. *ἐπισυνάλ(ο)ιφή* –

русс. эписиналефа; греч. συνάλ(ο)ιφή – русск. синалефа; греч. συνεκφωνήσις – русск. синекфонез.

Тип III. Данный тип распространён менее прочих, будучи представлен только одним термином в микротерминосистеме фонетико-метрических процессов (0,2%).

Пример из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *reaccentuatio* – русск. *переакцентуация*.

Тип IV. Данный тип заимствований в латыни составляет 18,6% всей заимствованной терминологии. Максимальная частотность его отмечена в микротерминосистемах фонетико-метрических процессов (30,4%), видов и типов стиха (34,8%), единиц фонетико-метрического членения речи (23,5%), минимальная – в терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (5,2%) и графики (6,1%). В микротерминосистемах стихотворных размеров и строф, модификаторов тип IV не зафиксирован.

1. Примеры из терминологии графики: греч. διαλυτικά – русск. *распущение, разрешение*; русск. *перегласовка* – нем. *Umlaut*; лат. *semi-vocalis* – русск. *полугласная*; лат. *consonans* – русск. *согласная*; лат. *differentiatio* – русск. *различение*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: греч. μονόφθογγος – русск. *однозвучие*; греч. δίφθογγος – русск. *двоезвучие*; греч. τρίφθογγος – русск. *троезвучие*; лат. *semi-pes* – греч. ἡμίπονος – русск. *полустопа*; греч. μονοποδία – русск. *одностопие, одностопность*; греч. διποδία – русск. *двустопие, двустопность*.

3. Примеры из терминологии видов и типов стиха: греч. μονοσύλλαβος – русск. *односложник*; лат. *bis(s)yllabus* – греч. δι(σ)ουλλάβος – русск. *двусложник*; греч. μονόστιχος, μονοστίχιον – русск. *одностишие*; греч. δίστιχος, διστίχιον – русск. *двустишие*; греч. τρίστιχος, τριστίχιον – русск. *трёхстишие*; русск. *ракоход* – нем. *Krebsgangvers*; русск. *перескок* – франц. *enjambement*; русск. *переброс* – франц. *rejet*.

4. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: греч. ὀμοιοτέλευτον, ὀμοιοτέλευτον – русск. *равноконечность*; греч. κακοφωνία – русск. *неблагозвучие*; лат. *consonantia* – греч. συμφωνία – русск. *созвучие*; греч. εὐφωνία – русск. *благозвучие*; лат. *metathesis* – греч. μετάθεσις – русск. *перестановка*.

5. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *assimilatio* – русск. *уподобление, приспособление*; лат. *assimilatio* – русск. *уподобление*; лат. *dissimilatio* – русск. *расподобление*; лат. *metaphonia* – греч. μεταφωνία – русск. *перегласовка*; лат. *permutatio* – русск. *перемещение, смещение*; лат. *superpositio* – русск. *наложение*; лат. *transpositio* – русск. *перестановка*; лат. *contractio* – русск. *стыжение*; лат. *confusio* – русск. *слияние*; греч. συνίζησις – русск. *уплотнение*.

Тип V. Данный тип заимствований в латыни составляет немногим более 5% всей заимствованной терминологии. Максимальная частотность его отмечена в микротерминосистемах фонетико-метрических процессов (31,3%) и единиц фонетико-метрического членения речи (56,3%), минимальная – в терминологии графики (9,4%) и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (3,1%). В микротерминосистемах модификаторов, стихотворных размеров и строф, видов и типов стиха тип V не зафиксирован.

1. Примеры из терминологии графики: греч. κορωνίς – русск. *рожок*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *muta* – русск. *немая*; русск. *скольжение* – англ. *glide*; лат. *pes* – греч. πούς – русск. *стопа*; лат. *membrum* – русск. *член*.

3. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: греч. κεχληνός – русск. *перебой*.

4. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *hiatus* – греч. *χασμόδαι* – русск. *зияние*; лат. *alternatio* – русск. *мена, чередование*; лат. *fractura* – русск. *излом*.

В целом в русской фонетико-метрической терминологии наиболее отчётливо и объёмно процессы заимствования однословных терминов реализуются в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (25,4%), видов и типов стиха (18,3%), фонетико-метрических процессов (25,9%). В наименьшей степени процесс заимствований реализуется в микротерминосистемах стихотворных размеров и строф (2,6%), графики (9,5%) и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (6,3%).

III. Английский язык.

ТИПЫ ТЕРМИНОВ	МИКРОТЕРМИНОСИСТЕМЫ ФОНЕТИКИ И МЕТРИКИ						
	Графика	Единицы фонетико-метрического членения речи	Стихотворные размеры и строфы	Виды и типы стиха	Модификаторы	Фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры	Фонетико-метрические процессы
Тип I (185)	12	29	12	40	34	20	38
28,6%	6,5%	15,7%	6,5%	21,6%	18,4%	10,8%	20,5%
Тип II (362)	33	144	12	64	27	13	69
56%	9,1%	39,5%	3,3%	17,7%	7,5%	3,6%	19,1%
Тип III (12)	1	1	–	–	4	–	6
1,9%	8,3%	8,3%	0%	0%	33,3%	0%	50%
Тип IV (12)	1	1	–	2	5	1	2
1,9%	8,3%	8,3%	0%	16,6%	41,7%	8,3%	16,6%
Тип V (75)	8	13	1	6	8	5	35
11,6%	10,7%	17,3%	1,3%	8%	10,7%	6,7%	46,7%
Всего (646)	55	187	25	112	78	36	150
100%	8,5%	29%	3,9%	17,4%	12,1%	5,6%	23,2%

Тип I. Данный тип заимствований представлен 28,6% всей заимствованной терминологии фонетики и метрики в английском языке. Максимальная его частотность отмечена в микротерминосистемах видов и типов стиха (21,6%), фонетико-метрических процессов (20,5%), модификаторов (18,4%), минимальная – в микротерминосистемах графики (6,5%) и стихотворных размеров и строф (6,5%).

1. Примеры из терминологии графики: лат. *apex* – англ. *apex*; лат. *antisigma* – греч. *ἀντισίγμα* – англ. *antisigma*; лат. *digamma* – греч. *δίγαμμα* – англ. *digamma*; лат. *di(h)aeresis* – греч. *διαίρεσις* – англ. *di(a)eresis*; лат. *macron* – греч. *μακρόν* – англ. *macron*; лат. *obelus* – греч. *ὅβελός* – англ. *obelus*; русск. *тильда* – англ. *titlo*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *fortis* – англ. *fortis*; лат. *tenuis* – англ. *tenuis*; лат. *lenis* – англ. *lenis*; лат. *arsis* – греч. *ἄρση* – англ. *arsis*; лат. *iambus* – греч. *ἰαμβός* – англ. *iambus*.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: лат. *scazon* – греч. σκάζων – англ. *scazon*; лат. *ischiorrhogicus* – греч. ἴσχιορρωγικός – англ. *ischiorrhogicus*; лат. *rhythmus* – греч. ρύθμος – англ. *rhythmus*; лат. *strophe* – греч. στροφή – англ. *strophe*.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *galliambus* – англ. *galliambus*; лат. *boiscus* – англ. *boiscus*; лат. *dimeter* – англ. *dimeter*; лат. *senarius* – англ. *senarius*; лат. *septenarius* – англ. *septenarius*; лат. *synartesis* – греч. συνάρτησις – англ. *synartesis*; итал. *stanza* – англ. *stanza*; франц. *refrain* – англ. *refrain*.

5. Примеры из терминологии модификаторов: франц. *cadence* – англ. *cadence*; лат. *anacrusis* – греч. ἀνάκρουσις – англ. *anacrusis*; лат. *emphasis* – греч. ἔμφασις – англ. *emphasis*; лат. *cursus* – англ. *cursus*; греч. συνάφεια – англ. *synapheia*; лат. *homoioptoton*, *hom(o)eoptoton* – греч. ὁμοιόπτωτον – англ. *homeo(e)ptoton*, *homoioptoton*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *homoioleuton*, *hom(o)eoleuton* – греч. ὁμοιοτελευτόν, ὁμοιοτέλευτον – англ. *homeoteleuton*, *homoioteleuton*; лат. *eranaphora* – греч. ἐπαναφορά – англ. *eranaphora*; лат. *paronomasia* – греч. παρονομᾶσία – англ. *paronomasia*; лат. *epiploce* – греч. ἐπιπλοκή – англ. *epiploce*.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *antithesis* – греч. ἀντίθεσις – англ. *antithesis*; лат. *hyperthesis* – греч. ὑπέρθεσις – англ. *hyperthesis*; лат. *metathesis* – греч. μετάθεσις – англ. *metathesis*; лат. *anaptyxis* – греч. ἀνάπτυξις – англ. *anaptyxis*; лат. *aphaeresis* – греч. ἀφαίρεσις – англ. *aph(a)eresis*.

Тип II. Данный тип заимствований наиболее широко представлен в английской терминологии фонетики и метрики, обнимая 56% всей заимствованной фонетико-метрической терминологии. Максимальная частотность этого типа отмечена в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (39,5%), фонетико-метрических процессов (19,1%), видов и типов стиха (17,7%), минимальная – в микротерминосистемах фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (3,6%) и стихотворных размеров и строф (3,3%).

1. Примеры из терминологии графики: лат. *acutus* – англ. *acute*; лат. *brevis* – англ. *breve*; лат. *diacriticum* – греч. διακριτικόν – англ. *diacritic*; лат. *ligatura* – англ. *ligature*; лат. *signum* – англ. *sign*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *affricata* – англ. *affricate*; лат. *muta* – англ. *mute*; лат. *bivocalis* – англ. *bivocal*; лат. *pyrr(h)ichius* – греч. πυρρίχιος – англ. *pyrrhic*; лат. *iambus* – греч. ἰαμβός – англ. *iamb*.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: лат. *Praxilleus* – греч. πραξιλλεῖον – англ. *praxillean*; лат. *Telesillianum* – греч. τελεσιλλεῖον – англ. *telesillean*; лат. *Glyconius* – греч. γλυκόνειος – англ. *glyconic*.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *versus* – англ. *verse*; лат. *poeta* – греч. ποίημα – англ. *poem*; лат. *quadrисyllabus* – англ. *quadrисyllable*; лат. *septenarius* – англ. *septenary*; лат. *octonarius* – англ. *octonian*; лат. *telestichis* – греч. τελέστιχος – англ. *telestich*.

5. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *prosodia* – греч. προσῳδία – англ. *prosody*; лат. *cliticum* – греч. κλῆτικόν – англ. *clitic*; лат. *synaphia* – греч. συνάφεια – англ. *synaphy*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *lipometria* – греч. λειπομετρία – англ. *lipometry*; лат. *anagramma* – греч. ἀνάγραμμα – англ. *anagram*; лат. *sacophonía* – греч. κακοφωνία – англ. *sacophony*; лат. *eurhythmia* – греч. εὐρυθμία – англ. *eur(h)ythmy*; лат. *tautogramma* – греч. ταυτόγραμμα – англ. *tautogram*.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *haplogogia* – греч. ἀπλολογία – англ. *haplogy*; лат. *metaplasmus* – греч. μεταπλασμός – англ. *metaplasm*; лат. *apophonía* – греч. ἀποφωνία – англ. *apophony*; лат. *syzgium*, *syzygia* – греч. συζυγία – англ. *szygy*.

Тип III. Данный тип заимствований имеет наименьшее распространение в английской терминологии фонетики и метрики, включая 1,9% всей заимствованной фонетико-метрической терминологии. Максимальная частотность этого типа отмечена в микротерминосистемах модификаторов (33,3%), фонетико-метрических процессов (50%), минимальная – в микротерминосистемах графики и единиц фонетико-метрического членения речи (по 8,3%). В прочих микротерминосистемах фонетики и метрики тип III не зафиксирован.

1. Примеры из терминологии графики: англ. *semi-vowel* (от лат. *semi-* + англ. *vowel*; в значении: «буква, передающая полугласный звук») – лат. *semi-vocalis*.
2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: англ. *semi-vowel* (от лат. *semi-* + англ. *vowel*; в значении: «собственно полугласный звук») – лат. *semi-vocalis*.
3. Примеры из терминологии модификаторов: *pantorhyme* (от греч. *παντο-* + англ. *rhyume*); *pantorime* (от греч. *παντο-* + англ. *rime*); *pararhyme* (от греч. *παρα-* + англ. *rhyume*).
4. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: *spoonerism* (от англ. собств. *Spooner* + лат. *-ism(us)*); *reducing* (от лат. *re-duco* + англ. *-ing*); *scanning* (от лат. *scando* + англ. *-ing*); *vowelism* (от англ. *vowel* + лат. *-ism(us)*).

Тип IV. Данный тип заимствований (как и тип III) в минимальной степени распространён в английской терминологии фонетики и метрики, включая 1,9% всей заимствованной фонетико-метрической терминологии. Наибольшая частотность этого типа отмечена в микротерминосистеме модификаторов (41,7%), наименьшая – в микротерминосистемах графики, единиц фонетико-метрического членения речи и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (по 8,3%). В микротерминосистеме стихотворных размеров и строф тип IV не зафиксирован.

1. Примеры из терминологии графики: англ. *half-vowel* (в значении: «буква, передающая полугласный звук») – лат. *semi-vocalis*.
2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: *half-vowel* (в значении: «собственно полугласный звук») – лат. *semi-vocalis*.
3. Примеры из терминологии видов и типов стиха: англ. *cinquepace* (*cinq*ue < лат. *quinq*ue < пять> + *pace* < среднеангл. *ra(a)s* < старофранц. *pas* < лат. *passus* < шаг как единица измерения>) – лат. *pentameter*; англ. *half-line* (термин *line* здесь является семантическим эквивалентом термина *verse*) – лат. *hemistich(i)on* – греч. *ἡμιστίχιον*.
4. Примеры из терминологии модификаторов: англ. *foregrounding* – греч. *ἔμφασις*, англ. *overrunning, carrying-over, run(ning)-over* – франц. *enjambement*.
5. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: англ. *tongue-twister* – лат. *lingui-fractor* (ср. нем. *Zungenbrecher*).
6. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: англ. *reversal* – греч. *ἀναστροφή*.

Тип V. Данный тип заимствований обнимает около 12% английской терминологии фонетики и метрики. Наибольшая частотность этого типа отмечена в микротерминосистеме фонетико-метрических процессов (46,7%), наименьшая – в микротерминосистемах стихотворных размеров и строф (1,3%), видов и типов стиха (8%) и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (6,7%).

1. Примеры из терминологии графики: англ. *mark* – лат. *signum*; англ. *rounder* – лат. *signum labializationis*; англ. *quiescent* – лат. *muta*; англ. *pattern* – греч. *σχῆμα*.
2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: англ. *stop* – лат. *explosiva [consonans]*; англ. *noise* – лат. *obstruens [consonans]*; англ. *hush* – лат. *stridens [consonans]*; англ. *trill, roll* – лат. *vibrans [consonans]*; англ. *glide* – лат. *vocalis labens (~ transitiva)*; англ. *foot* – лат. *pes* – греч. *πούς*.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: англ. *stave* (в значении: «стих», «стихотворная строка») – лат. *versus*.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: англ. *burden* – франц. *refrain*; англ. *line* (в значении: «стих», «стихотворная строка») – лат. *versus*.

5. Примеры из терминологии модификаторов: англ. *time* – лат. *mora*; англ. *break* – лат. *pausa*; англ. *ending* – лат. *terminatio*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: англ. *pun*, *punning*, *carriwitchet* – лат. *lusio* (*ludus*) *verborum*.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: англ. *shift*, *shifting* – лат. *mutatio*; англ. *shortening* – лат. *correptio*; англ. *loss* – лат. *disparitio*; англ. *breaking* – лат. *fractura*; англ. *hardening* – лат. *velarizatio*; англ. *breathing* – лат. *spiritus*; англ. *spelling* – лат. *appellatio litterarum*; англ. *reading* – лат. *lectio*; англ. *blending* – лат. *fusio*, *contractio*; англ. *clipping* – лат. *apocora* – греч. ἀποκότη; англ. *meeting* – лат. *collisio*; англ. *dropping* – лат. *omissio*; англ. *softening*, *weakening* – лат. *lenititia*; англ. *narrowing* – лат. *angustatio*; англ. *lengthening* – лат. *protractio*.

В целом в английской фонетико-метрической терминологии наиболее отчётливо и объёмно процессы заимствования однословных терминов реализуются в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (29%), видов и типов стиха (17,4%), фонетико-метрических процессов (23,2%). В наименьшей степени процесс заимствований реализуется в микротерминосистемах стихотворных размеров и строф (3,9%), графики (8,5%) и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (5,6%).

IV. Немецкий язык.

ТИПЫ ТЕРМИНОВ	МИКРОТЕРМИНОСИСТЕМЫ ФОНЕТИКИ И МЕТРИКИ						
	Графика	Единицы фонетико-метрического членения речи	Стихотворные размеры и строфы	Виды и типы стиха	Модификаторы	Фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры	Фонетико-метрические процессы
Тип I (235)	12	66	15	63	28	12	39
21,9%	5,1%	28,1%	6,4%	26,8%	11,9%	5,1%	16,6%
Тип II (256)	25	72	4	13	31	20	91
23,9%	9,8%	28,1%	1,6%	5,1%	12,1%	7,8%	35,5%
Тип III (206)	14	87	2	18	61	4	20
19,2%	6,8%	42,2%	1%	8,7%	29,6%	3,9%	9,7%
Тип IV (169)	10	52	0	27	38	14	28
15,8%	5,9%	30,8%	0%	16%	22,5%	8,3%	16,6%
Тип V (205)	15	53	6	5	41	18	67
19,1%	7,3%	25,9%	2,9%	2,4%	20%	8,8%	32,7%
Всего (1071)	76	330	27	126	199	68	245
100%	7,1%	30,8%	2,5%	11,8%	18,6%	6,4%	22,9%

Тип I. Данный тип заимствований – как один из наиболее репрезентативных типов – представлен 21,9% всей заимствованной терминологии фонетики и метрики в немецком языке. Максимальная его частотность отмечена в микро-

терминосистемах видов и типов стиха (26,8%), фонетико-метрических процессов (16,8%), единиц фонетико-метрического членения речи (28,1%), минимальная – в микротерминосистемах графики и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (по 5,1%) и стихотворных размеров и строф (6,4%).

1. Примеры из терминологии графики: лат. *arex* – нем. *Arex*; лат. *antisigma* – греч. ἀντισίγμα – нем. *Antisigma*; лат. *digamma* – греч. δίγαμμα – нем. *Digamma*; лат. *di(h)aeresis* – греч. διαίρεσις – нем. *Di(h)äresis*; лат. *macron* – греч. μακρόν – нем. *Makron*; греч. συγκριτικόν – нем. *Synkritikon*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *fortis* – нем. *Fortis*; лат. *tenuis* – нем. *Tenuis*; лат. *lenis* – нем. *Lenis*; лат. *arsis* – греч. ἄρση – нем. *Arsis*; лат. *iambus* – греч. ἵαμβος – нем. *Iambus*, *Jambus*.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: лат. *scazon* – греч. σκάζων – нем. *Scazon*; лат. *ischiorrhogicus* – греч. ἴσχιορρογικός – нем. *Ischiorrhogikus*; лат. *rhythmus* – греч. ρύθμος – нем. *Rhythmus*; лат. *strophe* – греч. στροφή – нем. *Strophe*.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *galliambus* – нем. *Galliambus*; лат. *boiscus* – нем. *Boiskus*; лат. *dimeter* – нем. *Dimeter*; лат. *senarius* – нем. *Senarius*; лат. *septenarius* – нем. *Septenarius*; лат. *synartesis* – греч. συνάρτησις – нем. *Synartesis*; франц. *refrain* – нем. *Refrain*.

5. Примеры из терминологии модификаторов: франц. *cadence* – нем. *Kadenz*; лат. *anacrusis* – греч. ἀνάκρουσις – нем. *Anakrusis*; лат. *ictus* – нем. *Iktus*; лат. *cursus* – нем. *Kursus*; лат. *homoioptoton*, *hom(o)eoptoton* – греч. ὁμοιόπτωτον – нем. *Homoioptoton*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *homoioteleuton*, *hom(o)eoteleuton* – греч. ὁμοιοτελευτόν, ὁμοιοτέλευτον – нем. *Homoioteleuton*; лат. *erapaphora* – греч. ἐπαναφορά – нем. *Erapaphora*; лат. *parechesis* – греч. παρέχεσις – нем. *Parechesis*; лат. *epiploce* – греч. ἐπιπλοκή – нем. *Epiploke*.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *antithesis* – греч. ἀντίθεσις – нем. *Antithesis*; лат. *hyperthesis* – греч. ὑπέρθεσις – нем. *Hyperthesis*; лат. *metathesis* – греч. μετάθεσις – нем. *Metathesis*; лат. *anaptyxis* – греч. ἀνάπτυξις – нем. *Anaptyxis*; лат. *aphaeresis* – греч. ἀφαίρεσις – нем. *Aphäresis*.

Тип II. Данный тип заимствований наиболее широко представлен в немецкой терминологии фонетики и метрики, обнимая 23,9% всей заимствованной фонетико-метрической терминологии. Максимальная частотность этого типа отмечена в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (28,1%), фонетико-метрических процессов (35,5%), модификаторов (12,1%), минимальная – в микротерминосистемах фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (7,8%), видов и типов стиха (5,1%), а также стихотворных размеров и строф (1,6%).

1. Примеры из терминологии графики: лат. *acus* – нем. *Akut*; лат. *circumflexus* – нем. *Zirkumflex*; лат. *graphema* – греч. γράφημα – нем. *Graphem*; лат. *ligatura* – нем. *Ligatur*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *semi-vocalis* – нем. *Semivokal*; лат. *oralis* – нем. *Oral*; лат. *diphthongus* – греч. δίφθογγος – нем. *Diphthong*; лат. *aphthongus* – греч. ἀφθογγον – нем. *Aphthong*; лат. *iambus* – греч. ἵαμβος – нем. *Iambe*, *Jambe*.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: итал. *terzina* – нем. *Terzine*.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *versus* – нем. *Vers*; лат. *poeta* – греч. ποίημα – нем. *Poem*; лат. *Saturnius* – нем. *Saturnier*; лат. *senarius* – нем. *Senar*; итал. *stanza* – нем. *Stanze*.

5. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *prosodia* – греч. προσῳδία – нем. *Prosodie*; лат. *clausula* – нем. *Klausel*; лат. *caesura* – нем. *Zäsur*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *palindromus* – греч. παλίνδρομος – нем. *Palindrom*; лат. *pangramma* – греч. πάνγραμμα – нем. *Pangramm*; лат. *euphonia* – греч. εὐφωνία – нем. *Euphonie*; лат. *eurhythmia* – греч. εὐρύθυμία – нем. *Eurythmie*.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *gutturalizatio* – нем. *Gutturalisierung*; лат. *labialisatio* – нем. *Labialisierung*; лат. *lenitio* – нем. *Lenierung, Lenisierung, Lenisieren*; лат. *reductio* – нем. *Reduzierung*; франц. *mouillement, mouillure* – нем. *Mouillierung*.

Тип III. Данный тип является третьим по частотности (после типов I и II) типом заимствований в немецкой терминологии фонетики и метрики, включая 19,2% всей заимствованной фонетико-метрической терминологии. Максимальная частотность этого типа отмечена в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (42,2%), модификаторов (29,6%), фонетико-метрических процессов (9,7%), минимальная – в микротерминосистемах стихотворных размеров и строф (1%) и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (по 3,9%).

Следует отметить, что тип III в немецком языке включает в себя не только термины с частичной морфологической субSTITУЦИЕЙ, но сложную терминологию смешанного происхождения, семантически эквивалентную терминологическим словосочетаниям. Немецкий язык оказывается единственным из всех исследуемых языков, предпочитающим в силу некоторых характерных особенностей словообразовательных процессов в массовом порядке заменять одночленной гибридной терминологией заимствуемые из других языков двучленные (описательные) термины (см. примеры ниже). Можно предполагать, что в корне этого явления лежит, говоря словами А.В. Исаченко, «необходимость устраниить внутренние противоречия между расчленённостью формы и единством, монолитностью обозначаемого предмета мысли...» [ИСАЧЕНКО, 1958: 339]. Количественный рост терминов этого типа происходит на фоне уменьшения числа терминов типов I и II.

1. Примеры из терминологии графики: лат. *schemat rhythmatum* – нем. *Reimschema*; лат. *accentus* – нем. *Akzentzeichen*; лат. *semi-vocalis* (в значении: «буква, обозначающая соответствующий звук») – нем. *Halbvokal*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *explosiva* – нем. *Explosivzeichen*; лат. *semi-consonans* (в значении: «полусогласный звук») – нем. *Halbkonsonant*; лат. *bivocalis* – нем. *Doppelvokal*; лат. *liquida* – нем. *Schmelzkonsonant*; лат. *palatalis* – нем. *Palatallaut*.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: лат. *choreus duplex* – нем. *Doppelchoreus*; лат. *trochaeus duplex* – нем. *Doppeltrochäus*.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *hemistich(i)um* – нем. *Halbvers*; лат. *versus claudicans* – нем. *Hinkvers*.

5. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *monorhythma* – нем. *Monoreim*; лат. *pantorhythma* – нем. *Pantoreim*; лат. *pararhythma* – нем. *Parareim*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *versus cancrinus* – нем. *Krebsgangvers*; лат. *palindromon syllabicum* – нем. *Silbenpalindrom*; лат. *acromonogramma syllabicum* – нем. *Silbenakromonogramm*.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *correptio iambica* – нем. *Jambenkürzung*; лат. *assimilatio distracta* – нем. *Fernassimilation*; лат. *metaphonia secundaria* – нем. *Sekundärumlaut*.

Тип IV. Данный тип заимствований, будучи наименее репрезентативным, включает 15,8% всей заимствованной фонетико-метрической терминологии. Наибольшая частотность этого типа отмечена в микротерминосистемах единиц

фонетико-метрического членения речи (30,8%), модификаторов (22,5%), фонетико-метрических процессов (16,6%), видов и типов стиха (16%), наименьшая – в микротерминосистеме графики (5,9%). В микротерминосистеме стихотворных размеров и строф тип IV не зафиксирован.

Рост числа терминов типа IV происходит при одновременном снижении – по сравнению с другими языками – количества терминов типов I и II, что свидетельствует о стремлении немецкого языка к структурному воспроизведению заимствованной иноязычной терминологии собственными лексическими средствами. В ходе этого процесса образуется значительное количество терминологических дублетов, обладающих всеми признаками абсолютных синонимов.

1. Примеры из терминологии графики: лат. *homograpia* – греч. ὁμογραφία – нем. *Gleichschreibung*; лат. *transscriptio* – нем. *Umschreibung*, *Umschrift*; лат. *macron* – греч. μακρόν – нем. *Längezeichen*; лат. *brevis* – нем. *Kürzezeichen*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *lingualis* [*consonans*] – нем. *Zungenlaut*; лат. *oralis* [*consonans*] – нем. *Mundlaut*; лат. *pharyngalis* [*consonans*] – нем. *Rachenlaut*; лат. *liquida* [*consonans*] – нем. *Fließlaut*; лат. *diphthongus* – греч. δίφθογγος – нем. *Zwielaut*, *Zweilaut*; лат. *triphthongus* – греч. τρίφθογγος – нем. *Dreilaut*, *Zweilaut*.

3. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *monosyllabus* – греч. μονοσύλλαβος – нем. *Einsilb(l)er*; лат. *di(s)syllabus* – греч. δι(σ)σύλλαβος – нем. *Zweisilbler*; лат. *trisyllabus* – греч. τρισύλλαβος – нем. *Dreisilbler*; лат. *distichus* – греч. δίστιχος, διστίχιον – нем. *Zweizeiler*; лат. *tristichus* – греч. τριστίχος, τριστίχιον – нем. *Dreizeiler*.

4. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *accentus verbi* (~ *verbalis*) – нем. *Wortbetonung*; лат. *incisio* – нем. *Einschnitt*; лат. *rhythma ad oculos* – нем. *Augenreim*; лат. *verbum procliticum* – греч. ρήμα προκλιτικὸν – нем. *Vorsetzwort*; лат. *accentus principalis* – нем. *Hauptbetonung*.

5. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *euphonia* – греч. εὐφωνία – нем. *Wohklklang*; лат. *lingui-fractor* – нем. *Zungenbrecher*; лат. *lusio* (*ludus*) *verborum* – нем. *Wortspiel*; лат. *homoioteleuton*, *hom(o)eoteleuton* – греч. ὁμοιοτελευτών, ὁμοιοτέλευτον – нем. *Gleichendung*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *accommodatio* – нем. *Anpassung*; лат. *assimilatio* – нем. *Angleichung*, *Anähnlichung*; лат. *dissimilatio* – нем. *Entähnlichung*; лат. *apocope* – греч. ἀποκοπή – нем. *Abhauen*; лат. *confusio* – нем. *Verschmelzung*; лат. *metaphonia* – греч. μεταφωνία – нем. *Umlaut*; лат. *contractio* – нем. *Zusammenziehung*; лат. *aspiratio* – нем. *Behauchung*.

Тип V. Данный тип заимствований обнимает немногим более 19% немецкой терминологии фонетики и метрики. Наибольшая частотность этого типа отмечена в микротерминосистеме фонетико-метрических процессов (32,7%), модификаторов (20%), наименьшая – в микротерминосистемах стихотворных размеров и строф (2,9%), видов и типов стиха (2,4%) и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (8,8%).

1. Примеры из терминологии графики: лат. *coronis* – греч. κορωνίς – нем. *Häckchen*; лат. *apostrophus* – греч. ἀπόστροφος – нем. *Auslassungszeichen*; лат. *signum* – нем. *Zeichen*; лат. *transcriptio* – нем. *Aussprachebezeichnung*; лат. *trema* – греч. τρῆμα – нем. *Trennpunkte*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *sonus* – нем. *Laut*; лат. *accentus propositionis* – нем. *Klangträger*; лат. *pars pedis fortis* – нем. *Hebung*; лат. *pars pedis levius* – нем. *Senkung*; лат. *elisio* – нем. *Abstoßung*.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: лат. *metrum* – греч. τόνος – нем. *Silbentafel*.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *carmen* – греч. ποίημα – нем. *Gedicht*; лат. *versus* – нем. *Zeile*; лат. *versus longus* – нем. *Kette*.

5. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *anacrusis* – греч. ἀνάκρουσις – нем. *Vorschlagsilbe*; лат. *pausa* – греч. παῦσις – нем. *Ruhepunkt*; лат. *rhythma plexum* – нем. *Verschlungenreim*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *anagramma* – греч. ἀνάγραμμα – нем. *Buchstabenrätsel*; лат. *metathesis acrophonica* – греч. μετάθεσις ἀκροφωνική – нем. *Geschütteltes*; лат. *onomatopoeia* – греч. ὄνοματοποίία – нем. *Lautmalerei*; лат. *lusio (ludus) verborum* – нем. *Kalauer*.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *bifurcatio* – нем. *Spaltung*, *Gab(e)lung*; лат. *labializatio* – нем. *Lippennrundung*; лат. *lenitia* – нем. *Schwächung*.

В немецкой фонетико-метрической терминологии в целом наиболее отчётливо и объёмно процессы заимствования однословных терминов реализуются в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (30,8%), модификаторов (18,6%), фонетико-метрических процессов (22,9%). В наименьшей степени процесс заимствований реализуется в микротерминосистемах стихотворных размеров и строф (2,5%), графики (7,1%) и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (6,4%).

V. Французский язык.

ТИПЫ ТЕРМИНОВ	МИКРОТЕРМИНОСИСТЕМЫ ФОНЕТИКИ И МЕТРИКИ						
	Графика	Единицы фонетико-метрического членения речи	Стихотворные размеры и строфы	Виды и типы стиха	Модификаторы	Фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры	Фонетико-метрические процессы
Тип I (43)	6	6	3	7	7	4	10
8,5%	14%	14%	7%	16,3%	16,3%	9,3%	23,3%
Тип II (415)	33	127	14	71	50	31	91
82,3%	8%	30,6%	3,4%	17,1%	12,1%	7,5%	21,9%
Тип III (6)	–	–	–	–	4	–	2
1%	0%	0%	0%	0%	60%	0%	40%
Тип IV (20)	1	4	–	12	–	–	3
4%	5%	20%	0%	60%	0%	0%	15%
Тип V (18)	3	2	–	–	3	1	9
3,6%	16,7%	11,1%	0%	0%	16,7%	5,5%	50%
Всего (504)	43	139	17	90	64	36	114
100%	8,5%	27,6%	3,4%	17,9%	12,7%	7,1%	22,6%

Тип I. Данный тип заимствований – как один из наиболее репрезентативных типов – представлен 8,5% всей заимствованной терминологии фонетики и метрики во французском языке. Максимальная его частотность отмечена в микротерминосистемах видов и типов стиха, модификаторов (по 16,3%), фонетико-метрических процессов (23,3%), единиц фонетико-метрического членения речи и графики (по 14%), минимальная – в микротерминосистемах фонетико-

метрических стилистических приёмов и фигур (9,3%), стихотворных размеров и строф (7%).

1. Примеры из терминологии графики: лат. *antisigma* – греч. ἀντισίγμα – франц. *antisigma*; лат. *arex* – франц. *arex*; лат. *coronis* – греч. κορωνίς – франц. *coronis*; лат. *macron* – греч. μακρόν – франц. *macron*; лат. *bustrophedon* – греч. βουστροφηδόν – франц. *boustrophédon*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *dicolon* – греч. δίκαλον – франц. *dicolon*; лат. *cyprios* – греч. κύπριος – франц. *cyprius*; лат. *tripodius* – греч. τριπόδιος – франц. *tripodius*; лат. *raean* – греч. παιών, παιάν – франц. *réon*.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: лат. *scazon* – греч. σκάζων – франц. *scazon*; лат. *strophe* – греч. στροφή – франц. *strophe*; лат. *ischiorrhogicus* – греч. ισχιορρωγικός – франц. *ischiorrhogicus*.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *brachycolon*, *brachycolum* – греч. βράχυκάλον – франц. *brachycolon*; лат. *boiscus* – франц. *boiscus*; лат. *cotta* – греч. κόμια – франц. *cotta*; лат. *Ianuarius* – франц. *januarius*.

5. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *astē* – греч. ἀκμή – франц. *astē*; лат. *ictus* – франц. *ictus*; лат. *homoioteleuton*, *hom(o)eoteleuton* – греч. ὁμοιοτελευτόν, ὁμοιοτέλευτον – франц. *homoiotéleuton*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *homoioprophorōn*, *hom(o)eoprophorōn* – греч. ὁμοιοπρόφορον – франц. *homoioprophorōn*, *homéoprophorōn*; лат. *homoioptoton*, *hom(o)eoptoton* – греч. ὁμοιόπτωτον – франц. *homoioptoton*.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *synecphonesis* – греч. συνεκφωνήσις – франц. *synesphonèsis*; лат. *hiatus* – франц. *hiatus*; лат. *apocope* – греч. ἀποκοπή – франц. *apocope*; лат. *synaliphe*, *synaloephe* – греч. συνάλ(ο)ιφή – франц. *synalèphe*.

Тип II. Данный тип заимствований наиболее широко представлен во французской терминологии фонетики и метрики, обнимая 82,3% всей заимствованной фонетико-метрической терминологии. Максимальная частотность этого типа отмечена в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (30,6%), фонетико-метрических процессов (21,9%), видов и типов стиха (17,1%), модификаторов (12,1%), минимальная – в микротерминосистемах фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (7,5%), графики (8%), а также стихотворных размеров и строф (3,4%).

1. Примеры из терминологии графики: лат. *accentus* – франц. *accent*; лат. *circumflexus* – франц. *circonflexe*; лат. *brevis* – франц. *brève*; лат. *diacriticum* – греч. διακρīτικόν – франц. *diacritique*; лат. *graphema* – греч. γράφημα – франц. *graphème*.

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *affricata* – франц. *affriquée*; лат. *consonans* – франц. *consonne*; лат. *muta* – франц. *muette*; лат. *antep(a)enultima* – франц. *antépénultième*; лат. *monophthongus* – греч. μονόφθογγον, μονόφθογγος – франц. *monophthongue*.

3. Примеры из терминологии стихотворных размеров и строф: лат. *hypermetrum* – греч. ὑπέρμετρον – франц. *hypermètre*; лат. *octametrum* – греч. ὀκτάμετρος, ὀκτάμετρον – франц. *octamètre*.

4. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *Praxilleus* – греч. πραξίλλεῖον – франц. *praxillée*; лат. *Glyconius* – греч. γλυκώνειος – франц. *glyconée*, *glyconique*; итал. *stanza* – франц. *stance*; лат. *choliambus* – греч. χολίαμβος – франц. *choliambé*; лат. *disyllabus* – греч. δι(σ)σύλλαβος – франц. *dissyllabe*.

5. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *anacrusis* – греч. ἀνάκρουσις – франц. *anacrouse*; лат. *epicrusis* – греч. ἐπίκρουσις – франц. *épicrouse*; лат. *clausula* – франц. *clausule*; лат. *mora* – франц. *more*; лат. *emphasis* – греч. ἔμφασις – франц. *emphase*.

6. Примеры из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *lipometria* – греч. *λειπομετρία* – франц. *lipométrie*; лат. *homoioptoton*, *hom(o)eoptoton* – греч. *όμοιοπτωτον* – франц. *homéoptote*; лат. *homoioteleuton*, *hom(o)eoteleuton* – греч. *όμοιοτελευτόν*, *όμοιοτέλευτον* – франц. *homoiotéleute*, *homéotéleute*; лат. *anagramma* – греч. *ἀνάγραμμα* – франц. *anagramme*.

7. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *baritonesis*, *barytonesis* – греч. *βαρυτονήξις* – франц. *barytonaison*, *barytonèse*; лат. *metaplasmus* – греч. *μεταπλασμός* – франц. *métaplasme*; лат. *apartuxis* – греч. *ἀνάπτυξις* – франц. *apartuxhe*; лат. *erenthesis* – греч. *ἐπένθεσις* – франц. *érenthèse*; лат. *diphthongatio* – франц. *diphongaison*.

Тип III. Данный тип является наименее частотным типом заимствований во французской терминологии фонетики и метрики, включая 1% всей заимствованной фонетико-метрической терминологии. Максимальная частотность этого типа отмечена в микротерминосистеме модификаторов (60%), минимальная – в микротерминосистеме фонетико-метрических процессов (40%). В прочих микротерминосистемах тип III не зафиксирован.

1. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *monorhythma* – франц. *monorime* (лат. *mono-* < греч. *μονο-* + франц. *rime*), *homorime* (лат. *homo-* < греч. *όμο-* + франц. *rime*); лат. *pantorhythma* – франц. *pantorime* (лат. *panto-* < греч. *παντο-* + франц. *rime*); лат. *pararhythma* – франц. *pararime* (лат. *para-* < греч. *παρα-* + франц. *rime*).

2. Пример из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *fusio* – франц. *fusionnement*.

Тип IV. Данный тип заимствований является низкочастотным, обнимая всего 4% всей заимствованной фонетико-метрической терминологии. Наибольшая частотность этого типа отмечена в микротерминосистеме видов и типов стиха (60%), наименьшая – единиц фонетико-метрического членения речи (20%), графики (5%), фонетико-метрических процессов (15%). В микротерминосистемах стихотворных размеров и строф, модификаторов, фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур тип IV не зафиксирован.

1. Примеры из терминологии графики: лат. [littera] *semi-vocalis* – франц. [lettre] *semi-voyelle* (в значении: «буква, обозначающая полугласный звук»).

2. Примеры из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *semi-consonans* – франц. *demi-consonne*; лат. *semi-pes* – греч. *ἡμίπονς* – франц. *semi-pied*, *demi-pied*; лат. *semi-vocalis* – франц. *semi-voyelle* (в значении: «полугласный звук»).

3. Примеры из терминологии видов и типов стиха: лат. *pentastichon* – греч. *πεντάστιχος*, *пενταστίχιον* – франц. *quintil*, *cinquain*; лат. *hexastichon* – греч. *έξαστιχος*, *έξαστίχιον* – франц. *sixain*, *sextain*, *sizain*; лат. *undecastichon* – греч. *ένδεκαστίχος*, *ένδεκαστίχιον* – франц. *onzain*; лат. *hemistichium* – греч. *ἡμιστίχιον* – франц. *demi-vers*.

4. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *permutatio* – франц. *déplacement*.

Тип V. Данный тип заимствований, будучи одним из наименее репрезентативных, обнимает 3,6% французской терминологии фонетики и метрики. Наибольшая частотность этого типа отмечена в микротерминосистеме фонетико-метрических процессов (50%), модификаторов (16,7%), наименьшая – в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (11,1%) и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (5,5%). В микротерминосистемах стихотворных размеров и строф, видов и типов стиха данный тип заимствований не зафиксирован.

1. Пример из терминологии графики: лат. *signum* – франц. *marque*.

2. Пример из терминологии единиц фонетико-метрического членения речи: лат. *pes* – греч. *πούς* – франц. *pied*.

3. Примеры из терминологии модификаторов: лат. *incisio* – греч. *τομή* – франц. *coupé*; лат. *pausa* – греч. *παῦσις* – франц. *repos*; лат. *emphasis* – греч. *έμφασις* – франц. *relief*.

4. Пример из терминологии фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур: лат. *lusio (ludus) verborum* – франц. *calembour*.

5. Примеры из терминологии фонетико-метрических процессов: лат. *disparitio* – франц. *chute*; лат. *substitutio* – франц. *échange*; лат. *palatalizatio* – франц. *amollissement, mouillage, mouilllement, mouillure*.

В целом во французской фонетико-метрической терминологии в максимальном объёме процессы заимствования однословных терминов реализуются в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (27,6%), видов и типов стиха (17,9%), фонетико-метрических процессов (22,6%). В наименьшей степени процесс заимствований реализуется в микротерминосистемах стихотворных размеров и строф (3,4%), графики (8,5%) и фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (7,1%).

2. Выводы

Приводимая ниже таблица содержит общие абсолютные и относительные показатели по количеству заимствованных терминов всех типов с разбивкой по микротерминосистемам фонетики и метрики.

ТИПЫ ТЕРМИНОВ	МИКРОТЕРМИНОСИСТЕМЫ ФОНЕТИКИ И МЕТРИКИ						
	Графика	Единицы фонетико-метрического членения речи	Стихотворные размеры и строфы	Виды и типы стиха	Модификаторы	Фонетико-метрические стилистические приёмы и фигуры	Фонетико-метрические процессы
Тип I (811)	77	173	38	153	125	83	162
24,8%	9,5%	21,3%	4,7%	18,9%	15,4%	10,2%	20%
Тип II (1528)	121	475	66	280	164	78	344
46,8%	7,9%	31,1%	4,3%	18,3%	10,7%	5,1%	22,5%
Тип III (236)	15	88	2	29	69	4	29
7,2%	6,4%	37,3%	0,8%	12,3%	29,2%	1,6%	12,3%
Тип IV (338)	19	87	0	81	45	29	77
10,4%	5,6%	25,7%	0%	24%	13,3%	8,6%	22,8%
Тип V (352)	29	93	9	11	57	29	125
10,8%	8,2%	26,4%	2,6%	3,1%	16,2%	8,2%	35,5%
Всего (3265)	261	916	115	554	460	223	737
100%	8%	28%	3,5%	17%	14,1%	6,8%	22,6%

Термины типа I, структурно совпадающие с иноязычными прототипами, т.е. изменённые графически и переданные соответствующими фонемными средствами без каких-либо модификаций структуры, составляют около $\frac{1}{4}$ всей заимствованной терминологии фонетики и метрики в исследуемых языках (24,8%). Наибольшее количество терминов этого типа зафиксировано в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (21,3%), видов и типов

стиха (18,9%), модификаторов (15,4%), фонетико-метрических процессов (20%), наименьшее – в микротерминосистемах графики (9,5%), стихотворных размеров и строф (4,7%).

Термины типа II, морфологически оформленные средствами заимствующего языка, обнимают около половины (46,8%) всей заимствованной терминологии фонетики и метрики в исследуемых языках. Наибольшее количество терминов этого типа зафиксировано в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (31,1%), видов и типов стиха (18,3%), фонетико-метрических процессов (22,5%), наименьшее – в микротерминосистемах графики (7,9%), стихотворных размеров и строф (4,3%), фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (5,1%).

Термины первых двух типов во всех исследуемых новых языках по существу представляют собой прямые заимствования из латыни и греческого (в латинском языке, естественно, только из греческого) и имеют статус иностранной терминологии. Именно эта терминология, которая составляет около 72% всех терминологических единиц, формирует общий терминологический фонд, имеющий греко-латинскую основу и в подавляющем большинстве случаев с формально-структурной точки зрения совпадающий во всех языках-объектах исследования. Более того, средний относительный показатель (72%) фактически занижен, так как соответствующие индивидуальные показатели в исследуемых языках (кроме немецкого языка) оказываются более высокими: в латыни – 87,1%, в русском языке – 76,1%, в английском языке – 84,6%, во французском языке – 90,8%. Исключение составляет немецкий язык, в котором этот показатель равен 45,8%, снижаясь по сравнению с другими языками за счёт количественного роста семантически эквивалентных терминов-дублетов исконного происхождения. Корни этого явления кроются в исторических особенностях развития немецкой лингвистической терминологии, о которых говорилось в главе II этой работы.

Полученные данные по количеству терминов I и II типов, при условии семантической адекватности анализируемой разноязычной терминологии, позволяют ставить вопрос о принципиальной возможности унификации и последующей стандартизации терминов описываемых типов в фонетике и метрике.

Термины типа III с частичной морфологической субSTITУцией, представляющие собой гибридную лексику, составляют 7,2% всей заимствованной терминологии фонетики и метрики в исследуемых языках. Гетерогенность терминообозначений (сочетание «чужой элемент + свой элемент» и наоборот) в метаязыке лингвистики, как замечает А.Д. Дуличенко, «имеет довольно длительную традицию и широкое распространение» [Дуличенко, 1978: 36].

Термины этого типа, будучи образованы с привлечением как иноязычных, так и исконных языковых средств, формируют особый терминологический пласт. Доля смешанной терминологии варьирует в каждом из пяти языков – объектов исследования, составляя 2,6% в латыни, 0,2% – в русском языке, 1,9% – в английском языке, 1% – во французском языке. Немецкий язык, по сравнению с перечисленными выше языками, в гораздо большем объёме использует возможности, открывающиеся в процессе комбинирования собственных и заимствованных лексико-морфологических средств. Доля гибридной терминологии в этом языке составляет в относительном выражении 19,2%, что свидетельствует о развитой синонимии (дублетности) в немецкой терминосистеме фонетики и метрики.

Наибольшее количество терминов этого типа зафиксировано в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (37,3%), модификаторов (29,2%), наименьшее – в микротерминосистемах графики (6,4%), стихотворных размеров и строф (0,8%), фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (1,6%).

Термины типа IV, структурно эквивалентные терминам языка–источника, т.е. образованные на основе структурного калькирования, образуют долю в 10,4% всей заимствованной терминологии фонетики и метрики в исследуемых языках. Наибольшее количество терминов этого типа зафиксировано в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (25,7%), видов и типов стиха (24%), фонетико-метрических процессов (22,8%), наименьшее – в микротерминосистемах графики (5,6%), фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (8,6%). В микротерминосистеме стихотворных размеров и строф термины данного типа не зафиксированы (0%).

Термины типа V, семантически эквивалентные терминам языка–источника, т.е. образованные на основе семантического калькирования, составляют 10,8% всей заимствованной терминологии фонетики и метрики в исследуемых языках. Наибольшее количество терминов этого типа зафиксировано в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (26,4%), модификаторов (14,1%), фонетико-метрических процессов (35,5%), наименьшее – в микротерминосистемах видов и типов стиха (3,1%), стихотворных размеров и строф (2,6%).

Термины IV и V типов во всех исследуемых языках, будучи образованы с привлечением исконных языковых средств и потому формирующие своеязычный терминологический пласт, составляют в целом немногим более 20% всей фонетико-метрической терминологии, существуя, как правило, параллельно с иноязычными эквивалентами. Этот показатель варьирует в каждом из пяти языков–объектов исследования, составляя 10,4% в латыни, 23,8% – в русском языке, 13,5% – в английском языке, 34,9% – в немецком языке, 7,6% – во французском языке.

В целом во всей исследованной фонетико-метрической терминосистеме назависимо от конкретных языков максимальное количество заимствований всех типов отмечается в микротерминосистемах единиц фонетико-метрического членения речи (28%), фонетико-метрических процессов (22,6%), видов и типов стиха (17%). Минимальное количество заимствованной терминологии обнаруживается в микротерминосистемах стихотворных размеров и строф (3,5%), фонетико-метрических стилистических приёмов и фигур (6,8%), графики (8%).

ГЛАВА V. Лексикографическое описание единиц фонетико-метрической терминосистемы

5.1. Лексикографический аспект терминологической номинации

Язык как средство общения и накопления информации находится в постоянном движении, отличительной особенностью его развития является динамичность, вариативность. Терминологическая лексикография (терминография)⁷⁴, со своей стороны, предлагает обществу как потребителю продукт своей аналитической и синтетической деятельности – словарь, тезаурус, терминологический компендиум, лексикон и т.п. (название может быть каким угодно), характеризующийся известной долей статичности. Лексикограф (терминограф), поставивший перед собой задачу составить словарь, оказывается, на первый взгляд, перед необходимостью совместить несовместимое: динамичность

⁷⁴ Здесь представляется целесообразным пояснить, что мы не видим причин трактовать терминографию как дисциплину, которую должно воспринимать отдельно от лексикографии. Полностью соглашаясь с С.В. Гриневым [ГРИНЕВ, 1986: 5], Ю.Н. Марчуком [МАРЧУК, 1992: 9, 18], Дж. Хамбли [HUMBLEY, 1997: 13-30], Х. Бергенхольцем, У. Кауфманном [BERGENHOLTZ, KAUFMANN, 1997: 91-125] и др. в том, терминография является частью лексикографии (терминологическая лексикография), и допуская принципиальную возможность существования у неё некоторых факультативных специфических черт и особенностей, мы не противопоставляем терминографию лексикографии в качестве отдельной или междисциплинарной научной отрасли. Это, разумеется, противоречит мнению ряда отечественных и зарубежных лингвистов ([REY, 1979; РІСНТ, 1985, 1992; ROALD, 1987; RIGGS, 1989; КОМАРОВА, 1991: 40; MAIDAHL & AL., 1994; и др.]), полагающих обратное. Доказательной базой нашей позиции может служить, в первую очередь, понимание термина как лексической единицы с сохранением у него всех характерных особенностей и функций, присущих лексическим единицам вообще (см. об этом подробнее §§ 3.2.-3.4.). Если термину принципиально отказывают в праве считаться словом (лексической единицей) на том основании, что его узуальные и функционально-семантические признаки не полностью совпадают с соответствующими характеристиками нетерминологических языковых единиц, то почему в таком случае такое право сохраняют за собой другие обособленные группы лексики, к примеру, арготизмы? Если довести до логического конца процесс ограничения одной группы лексики от другой с параллельным созданием для каждой такой группы отдельной отрасли с узкоспециализированной лексикографической направленностью, то раздел лексикографии, описывающий и оформляющий словарным способом арготическую лексику, придётся назвать, скажем, *аргографией*, со всеми атрибутами, присущими ей как отдельной дисциплине.

Во-вторых, методология исследований языкового материала и принципы его описания, применяемые в лексикографии и терминографии, практически одни и те же. Большая ориентированность терминографии на автоматизированную обработку текста, создание терминологических банков данных, машинный перевод и т.п., как это утверждает З.И. Комарова [КОМАРОВА, 1991: 42], едва ли являются достаточным основанием для обосновления части лексикографии, изучающей специальную лексику, от остальной её части. Традиционная лексикография в настоящее время испытывает не меньшее воздействие новых компьютерных технологий в сфере обработки и презентации языкового материала (см. подробнее в [МАРЧУК, 1976; АНДРЮЩЕНКО, 1986; АПРЕСЯН, 1993: 7; БЕЛЯЕВА, ГЕРД, УБИН, 1996]).

В-третьих, исторические и теоретические основы терминографии суть не что иное, как неотъемлемая составная часть исторической и теоретической платформы, на которой поконится общая лексикография, из чего следует, что разграничение лексикографии и терминографии во многом носит искусственный характер.

языка как живого организма и статичность языкового материала (терминологической составляющей языка) как объекта исследования и обработки в рамках словаря. Существует, однако, необозримое множество словарей различной тематики и функциональной направленности, что свидетельствует об успешности лексикографических решений. Причина успеха кроется в одной из главных характеристик языка, а именно: его стабильности и изменчивости в одно и то же время. Стабильность языка позволяет использовать его в качестве средства общения, так как эта его функциональная характеристика исключает всякую возможность быстрого изменения, которое нарушило бы взаимопонимание пользователей языка. Ф. де Соссюр по этому вопросу заметил: «Состояние языка не есть математическая точка. Это более или менее продолжительный промежуток времени, в течение которого сумма происходящих изменений остается ничтожно малой. Он может равняться десяти годам, жизни одного поколения, одному столетию и даже больше» [СОССЮР, 1977: 133].

Динамичность языка, с другой стороны, подразумевает возможность постоянного и постепенного языкового эволюционирования. По мнению П.Н.Денисова, эволюция языка носит дискретный характер: «Некоторая величина языковых изменений становится критической, язык в сравнительно короткое историческое время преображается, переходит в новое качество, или – что то же – одно состояние языка заменяется другим» [ДЕНИСОВ, 1986: 90]. Поэтому, говоря о синхронном описании языка, мы имеем в виду прежде всего описание его синхронного состояния, а не синхронного среза.

Описание языка в диахроническом аспекте с привлечением средств лексикографии предполагает изучение и отражение в словарях нескольких состояний того или иного языка, фиксируемых в различные периоды его существования. Особый интерес в рамках диахронического подхода вызывает исследование процессов изменения во времени значения терминологических единиц, а также сопоставительный анализ значений этимологически родственных терминов, заимствованных из одного источника в разные языки. В ходе такого анализа, как отмечает А.И. Моисеев, появляется возможность интерпретировать терминированное и нетерминированное, вариантное и инвариантное значение слов как первичное (исходное) и вторичное (переносное), причём направления такого соотношения в хронологическом и функциональном аспектах могут оказаться разными: хронологически инвариантное, общее значение слова может предшествовать его вариантным специализациям, но не исключено, что в функциональном плане заимствованная лексическая единица в переносном (терминологическом) значении может начать в языке-реципиенте свою жизнь раньше, чем станет широко известно и будет принято этим языком первичное её значение, которое со временем может быть представлено как вторичное [МОИСЕЕВ, 1993: 131].

Помимо проблем, связанных с исследованием форм и способов функционирования языковых единиц во времени (диахронический и синхронический аспекты), составители словарей сталкиваются с необходимостью изучения и лексикографического описания объектов и явлений языка в пространстве (дигитопический и синтопический аспекты), их стилистических особенностей, сфер функционирования (в грамматическом аспекте – от центра к периферии языкового значения, в узульном аспекте – к какой из языковых подсистем относится данная единица) и т.д. Последнее в меньшей степени касается единиц языка, являющихся объектом анализа в терминологическом словаре, так как рамки их функционирования и употребления задаются уже тематической направленностью самого словаря. При этом меньшую значимость приобретает вопрос о кри-

териях отбора лексики для словаря, так как любая субъязыковая сфера характеризуется сравнительно ограниченным и устойчивым набором формирующих её единиц. Расширение же этого набора возможно лишь параллельно развитию соответствующей области человеческой деятельности. Двуязычные переводные словари общего типа решают проблему узульного употребления единиц языка, применяя специальные пометы, например, *анат.* (анатомия), *мед.* (медицина), *полигр.* (полиграфия), *биол.* (биология), *бioxим.* (биохимия) и т. п. Применение в многоязычных переводных словарях помет такого рода также не представляется затруднительным в силу известной стандартизированности последних.

В последние годы лингвистика, как и многие другие отрасли науки и техники, развивается быстрыми темпами, обогащаясь значительным количеством новых фактов, открытых. Лингвистические исследования, касающиеся различных сфер функционирования языка, способствуют развитию и пополнению терминологического аппарата, которым лингвистика оперирует в процессе анализа и синтеза языковых явлений. Филологический опыт находит своё отражение в словарях соответствующей терминологии, предметом описания и толкования которых служат термины лингвистических, а в более широком аспекте – филологических дисциплин (фонетики, фономорфологии, морфологии, синтаксиса, лексикологии, лингвостилистики, литературоведения, стихосложения). Процесс накопления знаний, постоянного количественного и качественного расширения информационных ресурсов параллельно развивается во многих странах, вызывая необходимость постоянного информационного обмена. В ходе этого процесса важным представляется не только и не столько усвоение собственного и иноязычного терминологического аппарата, так как он всего лишь инструмент в работе с иностранными источниками информации, сколько сама информация. То, что скрывает под собой тот или иной термин, и является объектом интереса исследователя.

С этой точки зрения, оптимальным типом специализированного лингвословаря может стать многоязычный словарь лингвистической терминологии смешанного типа, сочетающий в себе как элементы обычного переводного словаря, так и лексикона. Несомненным достоинством такого комбинированного учебно-справочного пособия является его полифункциональность, что позволяет использовать словарь при переводе иноязычной лингвистической литературы, при обратном переводе с родного языка на иностранный, при необходимости уточнить семантику того или иного термина или терминологического словосочетания.

В основу многоязычного терминологического толкового словаря прежде всего должен быть положен, как представляется, синхронно-сопоставительный метод, направленный, говоря словами В.В. Акуленко, «на установление совпадений и различий в языковых структурах, рассматриваемых с позиций... функционирования...» [АКУЛЕНКО, 1969: 371]. Выбор синхронического аспекта исследования обусловлен спецификой прикладных задач, которые ставит перед собой та отрасль лингвистики, чей терминологический аппарат находит своё отражение в словаре. Это обстоятельство и служит критерием отбора в качестве рабочих языков словаря в первую очередь новых (живых) языков. Однако не меньший интерес представляет собой исследование процесса формирования терминологического аппарата с диахронической точки зрения. Это даёт возможность сделать объектом исследования древние языки, а именно: латинский и древнегреческий. Другими словами, сопоставлению могут быть подвергнуты в рамках разных языковых систем различные исторические периоды.

Лингвистика до настоящего времени не располагала многоязычными терминологическими толковыми словарями смешанного типа. Отечественными или переведёнными на русский язык зарубежными лексикографическими источниками, наиболее авторитетными, известными и применяемыми в сфере системного изучения языка, являются прежде всего «Словарь лингвистических терминов» (Ж. Марузо, 1960), «Словарь лингвистических терминов» (О.С.Ахманова, 1966/1969/2004), универсальный «Лингвистический энциклопедический словарь» (гл. ред. В.Н. Ярцева, 1990), а также ряд специализированных словарей толкового типа, включающих терминологию отдельных разделов лингвистики, к примеру, «Основные понятия морфемики в терминах» (1985), «Основные понятия словообразования в терминах» (1985), «Основные понятия лексикологии в терминах» (В.Н. Немченко, 1994), «Основные понятия фонетики в терминах» (В.Н. Немченко, 1993), «Языки и письменность. Краткий лингвистический справочник» (В.В. Потапов, 1997) (отобранные термины сопровождаются английскими эквивалентами) и т.д. Список может быть несколько расширен, но не намного.

Из перечисленных выше словарей только словари Ж. Марузо и О.С. Ахмановой наиболее полно и последовательно передают лингвистическую терминологию на нескольких языках. Однако в этих словарях иноязычные терминологические эквиваленты, представленные в словарных статьях, не имеют ни этимологических, ни грамматических, ни иных характеристик, что затрудняет практическое пользование терминами, скажем, при переводе лингвистических текстов на иностранный язык. Отсутствие этимологической и грамматической информации, к сожалению, стало общим явлением в словарях лингвистической терминологии⁷⁵. «Между тем, – как отмечает А.Н. Баранов, – информация такого рода часто уникальна и невыводима из знания регулярных правил» [БАРАНОВ, 2001: 105]. Уникальность грамматико-этимологической информации в приложении к метаязыку фонетики и метрики выявляется в том, что фонетико-метрическая терминосистема содержит огромное количество терминов греко-латинского происхождения, зачастую не вполне ассилированных заимствующими языками.

Фиксация лингвистической терминосистемы в терминологическом словаре смешанного типа должна реализовываться как минимум через: 1) определение в рамках дефиниции значения того или иного термина с учётом выявления необходимых связей и отношений между терминами данного терминологического словаря; 2) типизацию дефиниций посредством определения минимального набора сведений, необходимых для адекватного толкования термина; 3) применение особых графических средств выделения дефиниций; 4) систему перекрестных отсылок, посредством которых термин может семантически отождествляться, сопоставляться, сравниваться или противопоставляться другому термину в рамках соответствующей (микро)терминосистемы; 5) указания на гипо-гиперонимические связи термина в (микро) терминосистеме; 6) указания на сочетаемостные потенции термина (в терминологии Э.Агриколы, «коллокативные отношения, или отношения совмещаемости» [АГРИКОЛА, 1984: 78]); 7) грамматическую и этимологическую характеристику термина, включающую

⁷⁵ Из обследованных нами словарей лингвистической терминологии только «Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии» А.Г. Назаряна предлагает пользователям грамматическую характеристику терминов, напр.: «**accentuation** *sf* акцентуация, акцентирование <...> **accentuel**, **-le adj.** акцентный» [НАЗАРЯН, 1989: 18-19].

в себя прежде всего частеречную принадлежность термина и способы образования основных форм словоизменения; 8) пометы, конкретизирующие узус термина; 9) выделение графическими средствами опорных (стержневых, заголовочных) слов, образующих словарные статьи; 10) применение алфавитного или алфавитно-гнездового расположения терминов в словаре и т.д.

Особое значение для комбинированного терминологического словаря приобретает индекс терминов (систематический указатель) на всех рабочих языках словаря, представляющий собой «важное средство выявления семантических связей между терминами данной области знания, положения отдельного термина в терминосистеме» [ГЕРД, 1996: 306]. Наличие систематического указателя даёт возможность без труда находить нужный термин на любом языке, определяя при этом его место в тематическом классе (дескрипторной области). Количество рабочих языков словаря в данном случае ограничивается только возможностями автора и издательства, берущего на себя труд выпустить такой словарь в свет⁷⁶.

Создание многоязычного лингвотерминологического словаря сопровождается рядом серьёзных трудностей, и в первую очередь устранением в сфере семантики возникающей терминологической конфронтации, которая обусловлена концептуальной разностью в подходах к описанию и определению роли и функций лингвистических явлений, различием понятийного содержания, вкладываемого представителями различных лингвистических школ в тот или иной термин (ср.: [VLAHOVIĆ, 1987: 179]). В процессе сопоставления терминов с точки зрения их предметно-логической отнесённости терминологическая конфронтация проявляется в различной степени: от частичной до полной неадекватности (неэквивалентности) семантического наполнения разноязычных терминов, характеризующих то или иное лингвистическое явление или понятие. Как изящно выразился по этому поводу А.Н. Баранов, «отсутствие соответствий между лингвистическими теориями и модулями лингвистической терминологии существенно осложняет работу исследователя, особенно в области двуязычной лексикографии [многоязычной – тем более! – А.И.], поскольку некоторые модули практически не переводимы в терминологические миры другого языка. В этом случае перевод термина возможен только при заимствовании или переизложении соответствующей теории» [БАРАНОВ, 2001: 97].

Во всяком случае в результате предпринимаемых лексикографом манипуляций с семантикой того или иного термина, какого бы рода они ни были, сопоставляемые разноязычные термины как по отдельности, так и в системе, должны быть максимально обратимыми.

Приведем пример частичной семантической неадекватности терминов в различных языках:

1. Русский язык: *вокализм* – 1) «Состав гласных фонем того или иного языка, диалекта или семьи, группы языков» [СЭС, 1989: 240]; «Система гласных фонем данного языка, их признаки и отношения» [СИС, 1989: 107]; «Система гласных в языке, диалекте, говоре или в семье, группе языков» [ЛЭС, 1990: 86]; «1) Состав (совокупность) гласных фонем языка, также в связи с их способностью организовывать, образовывать слог; 2) То же, что вид звуковой» [АХМАНОВА, 2004: 82–83]; термин *вид звуковой* определяется как «одна из ступеней чередования гласного в корнях и аффиксах» [АХМАНОВА, 2004: 76–77].

⁷⁶ Показательным примером многоязычного указателя такого рода может служить терминологический индекс в «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо [МАРУЗО, 1960: 359–436].

2. Английский язык: *vocalism* – «Гласные, применяемые в данном языке; вокалическая природа звука» [NEW WEBSTER, 1989: 1736]; «Научное изучение системы гласных языка или диалекта в диахроническом (историческом) или синхроническом (описательном) аспектах» [PEI, GAYNOR, 1954: 228].

3. Немецкий язык: *Vokalismus* – «1) Состав гласных (языка вообще или на каком-л. конкретном этапе его развития); 2) Образование и развитие гласных (языка вообще или на каком-л. конкретном этапе его развития)» [WAHRIG, 1989: 1388].

Учитывая вышеизложенные дефиниции, лексикограф может выделить в отдельную словарную статью термин *вокализм*, сопроводив его следующей дефиницией: «Система гласных фонем языка (диалекта, говора, семьи или группы языков), элементы которой обладают рядом определённых признаков, характерных для каждого члена этой системы, и состоят в отношениях, строящихся на основе данных признаков» [ИВАНОВ, 2005: 971].

За пределами этого определения остаются:

1) звуковой вид (как вторая часть определения, даваемого О. С. Ахмановой);

2) образование и развитие системы гласных на определённом этапе существования языка (см. определение G. Wahrig); частично этот пункт интерферирует с п. 1), так как в обоих случаях речь идёт о языковых явлениях (понятиях), рассматриваемых с диахронической точки зрения;

3) раздел фонетики, занимающийся изучением системы гласных языка (говора, диалекта и т.д.) в диахроническом (историческом) или синхроническом (дескриптивном) аспектах (см. определение M. Pei & Fr. Gaynor).

В результате анализа предложенных различными словарями дефиниций и исходя из частотности последних, разрабатываемое определение термина *вокализм* может быть дополнено как минимум ещё двумя пунктами (см. пп. 2²⁾ и 3³⁾).

Конфронтация терминов в семантической сфере может быть устранина или хотя бы минимизирована различными способами, в первую очередь за счёт применения расширенных дефиниций соответствующего понятия, отражающих различные стороны его функционирования (см. приведённый выше пример). Помимо этого, максимальная степень адекватности разноязычных терминов и, попутно, пополнение своеязычного терминологического аппарата новыми терминами, может быть достигнута за счёт применения таких средств, как структурное или семантическое калькирование, дескриптивный (описательный) способ создания термина и т.д. (ср.: [НАЗАРЯН, 1989: 4]).

Пример структурного калькирования как одного из наиболее продуктивных способов обогащения терминологического континуума: лат. *consonans supportata* – русск. согласный поддерживаемый – англ. *supported consonant* – нем. *gestützter Laut* – франц. *consonne appuyée*; русск. покрой слова⁷⁷ – англ. *cut of the syllable (syllable cut)* – нем. *Silbenschnitt*.

Приведение разноязычной лингвистической терминологии к единому семантическому знаменателю является хотя и основной, но не единственной проблемой, с которой приходится сталкиваться составителям лингвистических словарей. К числу актуальных относятся также вопросы, связанные: 1) с отбором словарника, в частности, с необходимостью установления терминологического статуса у целого ряда общезычных лексических единиц, имеющих какое-либо отношение к описываемой терминосистеме; 2) с включением в состав словарника или выведением за его рамки терминов-дублетов; 3) с частеречным составом

⁷⁷ Выражение Э. Зиверса, некорректно истолкованное позднее в работе князя Н.С. Трубецкого «Основы фонологии» как «урезывание» или «усечение» слова [РЕФОРМАТСКИЙ, 2000: 333]. В современной фонетике этот термин применяется редко; см., например в [ПОТАПОВА, 2001: 278].

терминологии; 4) с установлением качества и количества информации, которую должны содержать предлагаемые словарём дефиниции терминов, и т.д. Эти и другие вопросы будут рассмотрены ниже.

5.2. Фонетико-метрическая терминология как объект описания в специализированном терминологическом словаре

5.2.1. Принципы отбора терминов для словаря фонетико-метрической терминологии (СФОМТ)

Проблема отбора терминологической лексики для словаря любого лексикографического продукта как «реестра единиц..., предназначенных для включения в словарь и подлежащих определению и описанию» [ГЕРД, 1996: 294-295], была и остается одной из нерешённых в ряду прочих проблем, стоящих перед составителями словарей практически любого типа. Проявляется она двояким образом: во-первых, при решении вопроса о том, какую часть речи следует считать термином, и, во-вторых, на этапе собственно отбора терминологической лексики с уже определённой ранее частеречной принадлежностью.

Очевидно, что поиск ответа на вопрос, какая часть речи может в полной мере реализовывать терминологические функции и являться термином, должен производиться с учётом всего комплекса проблем, решаемых в рамках терминологической номинации. В отношении терминов-существительных как универсальных языковых единиц разногласий в среде терминологов и лингвистов практически не возникает, так как именно эта часть речи, в максимальной степени реализует основную функцию термина – номинативную. Как отмечает М.В. Косова, «эта функция характерна прежде всего для имени существительного и субстантивного подчинительного словосочетания. Большинство научных понятий обладают достаточно высокой степенью абстрактности, и богатая семантика имени существительного позволяет им служить средством обозначения основного состава понятий науки» [КОСОВА, 2000: 228].

Термин, выраженный именем существительным, соотносится, однако, со своим словообразовательным гнездом, включающим в себя претерпевшие соответствующую смысловую трансформацию прилагательные, наречия и глаголы [КУТИНА, 1970: 91].

В качестве иллюстрации приведем несколько примеров из «Латинско-русского словаря» И.Х. Дворецкого:

dēclinābilis, e [declino] грам. изменяемый, преим. склоняемый.

dēclinātio, ūnis f [declino] <...> 6) грам. изменение формы слов (склонение, спряжение и пр.) Vr. Q, впоследствии тк. склонение.

dēclinātus, ūs m [declino] изменение формы слов Vr.

dē-clīno, āvī, ātum, āre <...> 8) грам. изменять форму (склонять, спрягать и пр.): in casūs declinari Vr склоняться (по падежам); verba declinata Vr производные глаголы; <...> [ДВОРЕНЦКИЙ, 1976: 291].

inclināmentum, i n грам. словообразовательное окончание *Nigidius ap. AG.*

inclinātio, ūnis f [inclino] <...> 4) грам. словоизводство *Vr.*

inclinātivus, a, um [inclinō] грам. утративший собственное ударение, энклитический (pronomen). <...>

II inclinātus, (ūs) m [inclinō] грам. изменение окончаний слов, флексирование *AG.*

in-clīno, āvī, ātum, āre <...> 7) грам. склонять, изменять форму (i. in casūs *AG*) [ДВОРЕНЦКИЙ, 1976: 507-508].

Из анализа приведённых выше примеров можно сделать вывод о существ-

вовании несомненной связи и общей терминологической направленности на основе семантики корневой морфемы всех конституентов словообразовательного гнезда (именных и глагольных частей речи).

Примеры не случайно были взяты нами из словаря И.Х. Дворецкого, так как автор-составитель последовательно реализует в своей лексикографической практике подачу языкового материала вкупе с этимологической справкой. Из примеров видно, что основой для формирования терминов-имён (существительных, прилагательных, именных отглагольных образований) служит глагольная форма, сопровождающаяся пометой *gram.*, наличие которой позволяет принципиально рассматривать данную глагольную форму в качестве термина. В общем смысле слова неоспоримым является тот факт, что адекватное отражение лексико-терминологическими средствами реалий окружающего мира побуждает нас оперировать не одной, а целым рядом познавательных категорий, лексическими эквивалентами которых могут служить различные части речи, в том числе глаголы и наречия. Поэтому с формальной стороны эти две части речи, как считается, вполне способны выступать в качестве терминов, не будучи именами.

В неспециализированных словарях общеязыковой направленности принцип отнесённости профессионально ориентированных глаголов и наречий к терминам соблюдается достаточно последовательно, как правило, с применением большого количества стилистических или узуальных помет или же со специальными указаниями на сферу функционирования, маркирующими аппликативные возможности той или иной языковой единицы. Нижеследующие примеры приводятся из словарей переводного и толкового типов.

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ

Английский язык

declension <...> *n* [Irreg. (prob. through Fr. *déclinaison*) < L. *declinatio(n)*] <...> *gram.* the formation of the cases of a noun, pronoun, or adjective by the addition of inflectional endings to the stem; the setting forth in order of the cases of such a word; a class of such words of a language, grouped according to their inflectional endings. –

declensional *a.* <...>

decline <...> *Юv.t.* <...> *gram.* to inflect through case and number. <...> [NEW WEBSTER, 1989: 407].

Немецкий язык

deklinabel <*Adj.; Gramm.*> <...> so *beschaffen*, dass *man es deklinieren kann*, *veränderlich*, *beugbar*; *Ggs. indeklinabel* [< lat. *declinabilis* „*abänderbar*, *beugbar*“].

Deklination <*f. 20; Gramm.*> *Abwandlung der Substantive, Adjektive, Pronomen u. Numeralien, Bildung der vier Fälle; Sy Beugung* <...> [< lat. *decli-*

ПЕРЕВОДНЫЕ СЛОВАРИ

Английский–русский

declension <...> *n* <...> 6. *грам.* склонение; классы склонений; the strong ~ сильное склонение; first [second] ~ noun существительное первого [второго] склонения.

declensional <...> *a* *грам.* относящийся к склонению; ~ endings а) падежные окончания; б) окончания классов склонений.

declinable <...> *a* *грам.* склоняемый.

decline II <...> *v* 6. *грам.* склонять. [НБАРС, 1993, I: 526].

Немецкий–русский

deklinabel *a* *грам.* склоняемый; ein deklinables Wort склоняемое слово.

Deklinabilität *f* = *грам.* склоняемость.

Deklination *f* =, -en 1. *грам.* склонение; <...>

Deklinations||weise *f* *грам.* способ склонения; <...>

deklinierbar *a* *грам.* склоняемый.

natio “Abbiegung, Beugung”].

deklinieren <V.t.; Gramm.> Substantive, Adjektive, Pronomen, Numeralien ~ *abwandeln, in die vier Fälle setzen; Sy beugen* [< lat. *declinare* “abbiegen, ändern, beugen”] [WAHRIG, 1989: 334].

Русский язык

склонение², -я, ср. <...> 2. В грамматике: группа имён с одинаковыми формами словоизменения. *Существительное первого склонения.*

склонять¹, -яю, -яешь; несов. 1. что. В грамматике: изменять по падежам. <...>

склоняться¹, 1 и 2 л. не употр., -яется; несов. В грамматике: изменяться по падежам. *Слово «пальто» не склоняется.* [ОЖЕГОВ, 1985: 627-628].

Deklinierbarkeit f = грам. склоняемость.

deklinieren I vt. грам. склонять; <...> [БНРС, 1998, I: 328].

Русский–английский/немецкий

склонение II с. грам. declension.

склоняемость ж. грам. declinability.

склоняемый II <...> 2. прил. грам. declinable.

склонять II, просклонять (вн.) грам. decline (d.).

склоняться II грам. be declined. [ПАС, 1991: 581].

склонение с. 1. грам. Deklination f <...>

склоняемость ж. грам. Deklinierbarkeit f;

склоняемый грам. deklinierbar;

склонять <...> 2. грам. deklinieren vt;

склоняться <...> 2. страд. грам. dekliniert werden. [РНС, 1989: 577].

Однако в специализированной (отраслевой) лексикографической практике, кроме терминов, выраженных именами существительными, пожалуй, только для прилагательных, номинирующих тот или иной признак имени, делается исключение. Приводимая ниже таблица иллюстрирует положение дел в отраслевой лингвистической и литературоведческой лексикографии (включая источники энциклопедического и тезаурусного типа):

	Однословные термины, выраженные:			
	существительными	прилагательными и причастиями	глаголами	наречиями
НАЗВАНИЕ СЛОВАРЯ АВТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ				
Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике А.Н.Баранова, Д.О.Добровольского и др.	+	+	-	-
Грамматический словарь Н.Н.Дурново	+	-	-	-
Краткий лингвистический справочник «Языки и письменность» В.В. Потапова	+	-	-	-
Краткий словарь лингвистических терминов Н.В. Васильевой, В.А. Виноградова, А.М. Шахнаровича	+	+	-	-
Краткий справочник по русскому языку П.А. Леканта и др.	+	-	-	-

ГЛАВА V. Лексикографическое описание терминов фонетики и метрики

Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н.Ярцевой	+	-	-	-
Обучающий словарь лингвистических терминов по курсу «Основы науки о языке» И.С. Куликовой и Д.В. Салминой	+	-	-	-
Основные понятия лексикологии в терминах В.Н. Немченко	+	-	-	-
Основные понятия фонетики в терминах В.Н. Немченко	+	-	-	-
Словарь американской лингвистической терминологии Э.Хэмпа	+	+	+	-
Словарь лингвистики М. Пеи и Фр. Гейнора	+	+	+	-
Словарь лингвистических терминов Ж. Марузо	+	+	-	-
Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой	+	+	-	-
Словарь литературоведческих терминов Л.И. Тимофеева и С.В.Тураева	+	-	-	-
Словарь фонетико-метрической терминологии А.В. Иванова	+	+	-	-
Словарь фонетических терминов С.И. Бернштейна	+	-	-	-
Словарь-справочник лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой	+	+	-	-
Словарь этнолингвистических понятий и терминов М.И.Исаева	+	-	-	-
Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (автоматическая обработка текста) С.Е. Никитиной	+	+	-	-
Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика Т.В. Матвеевой	+	+	+	-
Учебный словарь-справочник русских грамматических терминов В.И. Максимова и Р.В. Одекова	+	-	-	-
Французский–английский–русский–кхмерский лингвистический словарь Ю.Н. Марчука и др.	+	+	-	-
Французско–русский учебный словарь лингвистической терминологии А.Г. Назаряна	+	+	+	+
Школьный поэтический словарь А.П. Квятковского	+	-	-	-
Энциклопедия «Русский язык» под ред. Ю.Н. Кацурова	+	-	-	-

Из таблицы следует, что все авторы (-составители) словарей лингвистической терминологии отдают однозначное предпочтение терминам-существительным (100%). Около половины обследованных словарей ($\approx 48\%$) содержат термины-прилагательные и термины-причастия, выступающие в словарях в функции заглавного слова (вокабулы) и формирующие, таким образом, отдельную словарную статью. Только три лингвистических словаря (16%) включают в свой состав термины, выраженные неопределенными формами глаголов (два из них составлены американскими лингвистами, третий – А.Г. Назаряном)⁷⁸. Словарь А.Г. Назаряна оказывается, к тому же, единственным словарём, включающим лингвистические термины-наречия, которые представлены, правда, в крайне незначительном количестве (4%).

Результаты обследования словарей лингвистических терминов объективно отражают различие точек зрения лингвистов и терминологов по вопросу о том, какие части речи в силу своих функционально-семантических особенностей обладают большей или меньшей степенью терминологичности, а какие ею

⁷⁸ В списке обследованных словарей и справочников нет справочного пособия словарного типа «Английская фонетическая терминология» [ТРАХТЕРОВ, 1962], где приведено большое количество глаголов и глагольных словосочетаний типа *делить на слоги*, *делать плоским мелодический контур*, *определять границы слогов*, *заикаться* и т.п. Из приведённых примеров видно, что все они легко могут быть заменены на соответствующие отглагольные термины-существительные (*слогоделение*, *заикание* и т.д.).

не обладают. Нам близка точка зрения О.С. Ахмановой, которая считает, что основной состав терминологического списка большей частью может быть исчерпан существительными, так как они имеют практически неограниченные возможности в терминообразовании. Вполне допустимо, на наш взгляд, пользоваться также терминами, выраженными прилагательными и причастиями, с их «богатейшими функциональными возможностями» [АХМАНОВА, 2004: 11-12]. Широкая распространённость конверсии (субстантивации) прилагательных в терминологии только подтверждает «возможности» последних⁷⁹.

Этой позиции противостоит точка зрения А.И. Моисеева, С.М. Бурдина и некоторых других лингвистов, считающих, что прилагательные, не будучи структурными компонентами в составе терминосочетаний, становятся полноценными терминами только в процессе научного изложения [МОИСЕЕВ, 1970: 134-135]. Однако, анализируя контрадикции А.И. Моисеева и С.М. Бурдина, мы приходим к однозначному выводу о том, что вышеупомянутые лингвисты смешивают понятия метаязыка, в принципе допускающего наличие у прилагательных терминологического статуса, и метаречи как метаязыкового или металингвистического дискурса, в котором могут встретиться любые части речи. Лексикографы, фиксирующие в большинстве случаев употребление прилагательных в функции терминов в издаваемых ими словарях, тем самым уже отвечают утвердительно на вопрос о том, может ли термин выражаться прилагательным.

Что касается глаголов, то, по мнению О.С. Ахмановой, «для языковедческой терминологии они не типичны и легко могут быть заменены отглагольными существительными» [АХМАНОВА, 2004: 11-12]. Очевидно, что точка зрения О.С. Ахмановой восходит к высказанному Г.О. Винокуром замечанию о том, что «...глагольность как грамматическая категория действия в технической терминологии выступает не в форме самих глаголов, которые не могут быть выражителем логического субъекта, а в форме отвлечённых существительных, сохраняющих значение действия, но сочетающихся его со значением абстрактной предметности» [ВИНОКУР, 1939: 13]. Отсутствие терминологического статуса у глаголов отмечает также А.И. Моисеев, указывая, что глагольные формы только описывают то или иное явление, и не применяются для его понятийно-терминологического обозначения, выступая в процессе описания в роли «речевых субSTITУТОВ терминов, средств изложения мысли, а не наименований явлений» [МОИСЕЕВ, 1970: 135]. Кроме того, при решении вопроса о степени терминологичности глаголов необходимо учитывать также тот факт, что в целом ряде случаев глаголы могут быть отнесены к терминам конкретной семантики и представлять «не систему понятий, а совокупность не связанных между собой наименований, близких к номенклатуре» [НИКИТИНА, 1978: 14].

Вышеописанный подход к вопросу о терминологичности глагольных форм представляется тем более оправданным, если речь идёт о терминологии, входящей в состав словарника отраслевого специализированного словаря, отражающего актуальное состояние метаязыка (не метаречи!) той или иной научной отрасли.

В противоположность этому, разделяемому нами подходу, существует и иная точка зрения, выражаемая В.А.Ицковичем, который предлагает регистрировать в словариках лингвотерминологических словарей все дериваты того

⁷⁹ Ср. с высказыванием О. Есперсена: «Прилагательные и существительные имеют много общего, и бывают случаи, когда трудно сказать, к какому из разрядов принадлежит данное слово» [ЕСПЕРСЕН, 1958: 78].

или иного термина. Так, к примеру, при включении в терминологический корпус словаря термина *калька* в словарь автоматически попадают и все его производные – *калькировать*, *калькирование* [ИЦКОВИЧ, 1964: 35]. Этим путём, очевидно, следует А.Г. Назарян в своём «Французско-русском учебном словаре лингвистической терминологии».

Подготовленный нами «Словарь фонетико-метрической терминологии» содержит, в числе прочего, однословные термины, выраженные двумя частями речи: существительными и прилагательными. Соотношение между ними представлено в следующей таблице.

ЯЗЫК	ТЕРМИНЫ, ВЫРАЖЕННЫЕ			
	существительными		прилагательными	
	в абсолютном выражении	%	в абсолютном выражении	%
Латинский (3057)	2047	67%	1010	33,0%
Греческий (1418)	1100	77,6%	318	22,4%
Русский (3454)	2529	73,2%	925	26,8%
Английский(3840)	2940	76,6%	900	23,4%
Немецкий (4130)	3530	85,5%	600	14,5%
Французский(2880)	2146	74,5%	734	25,5%
ВСЕГО (18779)	14292	76,1%	4487	23,9%

Из таблицы видно, что $\frac{3}{4}$ всего терминологического массива метрики и фонетики выражено терминами-существительными, $\frac{1}{4}$ – терминами-прилагательными. Усреднённые показатели несколько варьируют в каждом конкретном языке. Так, минимальное в относительном выражении количество терминов, выраженных существительными, зафиксировано в латыни (67%), максимальное – в немецком языке (85,5%). Минимальное количество прилагательных в немецком языке в терминологии фонетики и метрики объясняется тем, что их функции достаточно часто берут на себя определяющие (первые) компоненты сложных слов, которых в немецком языке существенно больше в сравнении с другими исследуемыми языками (ср.: лат. *trigraph consonans* – русск. *триграф согласный* – англ. *consonantal trigraph (~ trigram)* – нем. *Konsonantentrigraph* – франц. *trigraph (trigramme) consonantique*). Относительные данные по количеству той или иной части речи во всех прочих исследуемых языках приближаются к усреднённому показателю.

На этапе отбора терминологической лексики с уже определённой ранее частеречной принадлежностью общепризнанным методом отбора терминов является лингвостатистический метод, посредством которого выявляется частотность терминологических единиц в исследуемых источниках. Тем самым создаётся почва для реализации так называемого принципа частотности, поскольку последний «по сравнению со всеми другими критериями оценки и отбора слов... является наиболее объективным» [Денисов, Морковкин, Скопина, 1976: 79]. К источникам, поставляющим терминологию для словаря, относятся, как правило, статьи, монографии и прочие публикации научно-теоретического характера, а также учебные и справочные пособия общей и специализированной направленности.

Помимо принципа частотности, значительную роль при составлении словаря играет принцип необходимости и достаточности, при соблюдении которого в терминологический словарь могут быть включены языковые единицы, «которые имеют малую частоту употребления, однако несут большую смысловую нагрузку, обладают большой информативностью...» [СУЛЕЙМАНОВА,

2000: 49]. Включение таких терминологических единиц в корпус словаря представляется оправданным также и с точки зрения полноты фиксации всех элементов той или иной терминосистемы, так как без них невозможно объективно осветить все существующие в этой терминосистеме гипо-гиперонимические отношения. Всякая наука или научная отрасль «должна стремиться к объяснению всех фактов, наблюдаемых в её объекте» [ЗИНДЕР, 1979: 64]. Именно поэтому «при отборе терминов одного круга понятий обычно стремятся представить в исчерпывающей полноте видовую терминологию данного рода, считая это наиболее обоснованным решением вопроса» [ОЖЕГОВ, 1974: 177]. Таким образом, принцип необходимости и достаточности опирается на принцип системности, свойственный любой организованной терминологии.

Примером, иллюстрирующим практическое применение последних двух принципов в рамках словаря фонетико-метрической терминологии может служить включение в словник редко встречающихся даже в специальной литературе терминов, как то: лат. *didymaeus* – греч. διδυμαῖος – russk. дидимей – англ. *didymee* – нем. *Didymäus* – франц. *didymée* или лат. *ischiorrhogicus* – греч. ἰσχιορρωγικόν – russk. исхиоррогоик – англ. *ischiorrhogicus* – нем. *Ischiorrhogikus* – франц. *ischiorrhogicus*.

Реализация принципа необходимости и достаточности, с одной стороны, и принципа системности – с другой, однако, отнюдь не предполагает включение в словник «максимума терминов», в том числе узкоспециальных и индивидуальных, как это предлагал делать В.А. Ицкович. По его мнению, в словариках также «должны быть зарегистрированы все встречающиеся в литературе синонимические термины» [ИЦКОВИЧ, 1964: 35]. В противовес этому мнению можно привести высказывавшиеся ещё в середине XX в. многими лингвистами (Л. Ельмслев, О.С. Ахманова, Дж. Уошмо, А. Мартине и др.) вполне обоснованные опасения в том, что безудержная, неконтролируемая и безответственная терминологическая экспансия, выражаяющаяся в появлении огромного количества терминов с сомнительной или ограниченной узульной сферой, приведёт к осложнениям в сотрудничестве между различными научными направлениями и школами.

СФОМТ включает в себя некоторое количество индивидуально-авторских терминов современного происхождения, однако, во-первых, число их невелико, а во-вторых, к ним отнесены в основном те из них, которые были восприняты современной фонетикой и метрикой и в течение ряда лет применяются на конвенциональной основе. Такие термины, как правило, содержат рядом с собой указания на авторство⁸⁰.

Другая крайность, в которую впадают некоторые лингвисты, пытаясь «упорядочить» существующую терминологию, состоит в отказе от целого ряда уже применяемых традиционных терминов греко-латинского происхождения, которые, якобы, устарели или не отражают современного состояния той или иной лингвистической отрасли. Весьма характерным в этом отношении является высказывание, содержащееся в «Философии грамматики» уже цитированного нами выше О. Есперсена: «...мой подход выгодно отличается... от массового создания новых терминов и придания старым терминам совершенно иного значения... В заслугу мне надо поставить и то, что я смог выбросить за борт многие термины, которые употреблялись в прежних грамматических трудах; ненужными оказались, например, такие термины, как *synalepha*, *crasis*, *synaeresis*, *synizesis*, *ekthipsis*, *synekphonesis*, если указать только термины одного раздела фонетической теории...» [ЕСПЕРСЕН, 1958: 393-396]. Мы не будем ставить в за-

⁸⁰ Примеры индивидуально-авторской терминологии приводятся в § 2.1.

слугу О. Есперсену отказ от интернациональной терминологии, которая спустя почти пятьдесят лет, до сих пор ещё активно применяется лингвистами и включена нами в СФОМТ. Укажем лишь на следующее обстоятельство: как введение в общее употребление какого-либо термина или системы терминов, так и выведение их за пределы признанной узульской сферы и изъятие из лингвистического «оборота» возможны лишь исключительно на конвенциональной основе с доказательным обоснованием того, почему лингвистика начинает или перестает нуждаться в том или ином термине.

В подчинённом, на наш взгляд, положении по отношению к перечисленным выше принципам отбора терминологической лексики для словаря находятся ещё три принципа, выделяемые в лингвистической литературе – принцип коммуникативной ценности, принцип сочетаемости (коллокация) и принцип словаобразовательной ценности слова. Все они носят технический характер и в известном смысле дополняют основные принципы. Дополнительность их проявляется в первую очередь в избирательности и узкой направленности действия.

Сфера реализации таких принципов зачастую ограничена целями и задачами, а также типом словаря, в котором они находят своё применение. Если речь идёт, скажем, об учебном словаре лингвистических терминов, то несоблюдение этих принципов может привести к нереализованности дидактических и образовательных целей, как правило, декларируемых в словарях данного типа. В СФОМТ, рассчитанном на подготовленную аудиторию специалистов-языковедов, одной из основных целей признаётся информативная («быть справочным пособием при чтении лингвистической литературы» [Ицкович, 1964: 39]). Именно эта цель обуславливает реализацию в нём первых трёх принципов как основных, а прочих – как дополнительных.

5.2.2. Особенности макроструктуры СФОМТ

Под термином «макроструктура» в настоящей работе понимается общая структура СФОМТ, которая включает в себя следующие компоненты:

1. Вводная часть (предисловие), написанная на русском, английском и немецком языках. В предисловии излагаются задачи и принципы составления словаря, формулируются его основные особенности, описываются структура словаря, состав словаря, принципы расположения заглавных слов, структура словарной статьи, даётся характеристика заглавных слов и их эквивалентов на рабочих языках словаря.

Кроме вышеперечисленных разделов, вводная часть содержит также информацию о системе помет и ссылок, о формах и способах презентации иллюстративных примеров, о структуре и правилах пользования списком условных обозначений и знаков, а также перечнем сокращений имён древнегреческих и латинских авторов и литературных памятников, вошедших в словарь. Особое внимание уделяется исторической периодизации рабочих языков словаря, так как предлагаемые читателю иллюстративные примеры охватывают не один, а целый ряд хронологически различных языковых срезов (состояний).

В заключительных разделах вводной части содержится информация о структуре библиографического указателя, включающего в себя источники, использованные при составлении словаря, а также информация о структуре и правилах пользования систематизирующим указателем терминов (индексом).

2. Список условных сокращений и знаков. В нём приводятся условные обозначения и знаки, применяемые в словаре. Перечень сокращений

охватывает наряду с шестью рабочими языками словаря (латинским, древнегреческим, русским, английским, немецким, французским) также языки, на которых даются иллюстративные примеры (древний фризский, современный фризский, древнеисландский, современный исландский, иврит, болгарский, турецкий, румынский языки и т.д.).

Структура перечня условных обозначений и знаков обусловлена выбором латыни в качестве основного рабочего языка словаря и слагается из четырёх частей:

- 1) русско-латинской;
- 2) англо-латинской;
- 3) немецко-латинской;
- 4) французско-латинской.

3. Историческая периодизация языков словаря. В данном разделе представлена историческая периодизация английского, немецкого и французского языков, принятая в историко-лингвистической литературе.

4. Перечень сокращений имён древнегреческих и латинских авторов и литературных памятников, вошедших в словарь. Данний перечень представляется совершенно необходимой составной частью СФОМТ, так как включает в себя релевантную – с точки зрения составителя – информацию:

- 1) латинские сокращения имён античных авторов и названий литературных памятников с последующей их расшифровкой на латинском, древнегреческом (только в отношении древнегреческих имён и названий), русском, английском, немецком и французском языках;
- 2) даты рождения и смерти античных авторов или время написания литературного произведения.

5. Основной корпус словаря. Его формируют словарные статьи, входящие в разделы, имеющие в качестве заголовка соответствующую букву латинского алфавита, например: A, B, C и т.д. В словаре отсутствуют разделы, заглавные слова в которых начинались бы с букв “j”⁸¹, “k”, “x”, “у”⁸².

В основном корпусе СФОМТ принят следующий порядок расположения заглавных слов (вокабул). Вокабулы имеют нумерацию, являющуюся одновременно нумерацией словарных статей и печатаются полужирным шрифтом. Они приводятся в алфавитном порядке (латинский алфавит), от которого возможны отступления, если речь идёт о составных терминах (терминологических словосочетаниях). В этом случае первым даётся основное (определяемое, опорное) слово, за которым следует определяющее слово (родовой признак), затем слово, указывающее на видовой признак; далее идёт следующее опорное слово, например:

LINGUA – LINGUA ACCENTI-CALCULANS – LINGUA ACCENTI-TEMPERATA – LINGUA SYLLABI-CALCULANS – LINGUA SYLLABI-TEMPERATA – LINGUALIS.

В латинском разделе словарных статей согласованные и несогласованные определения употребляются обычно после определяемого слова, например:

ACCENTUS ACUTUS, ALTERNATIO VOCALICA (~ VOCALIUM).

⁸¹ Неслоговое “i” в ряде словарей передаётся с помощью “j”; в данном словаре не делается различия между слоговым и неслоговым “i”.

⁸² В словаре отсутствуют латинские термины, начинающиеся с этих букв.

На первом месте в заголовке словарной статьи указывается также определяемое словосочетание с опорным словом, если данное словосочетание само является фонетическим или метрическим термином, например:

ALTERNATIO VOCALIUM – ALTERNATIO VOCALIUM QUALITATIVA – ALTERNATIO VOCALIUM QUANTITATIVA.

Термин (терминологическое словосочетание) может содержать факультативный элемент, представляющий собой отдельное слово, которое берётся в квадратные скобки и при необходимости может быть либо опущено, либо включено в состав термина:

BREVIS [EX] NATURA, CELER [EX] NATURA, LONGUS [EX] NATURA, PROCERUS [EX] NATURA, PORRECTUS [EX] NATURA, PRODUCTUS [EX] NATURA: читай: *brevis natura* или *brevis ex natura*, *celer natura* или *celer ex natura* и т.д.

Наличие факультативного элемента учитывается при определении места вокабулы в словаре согласно принципу расположения заглавных слов. Если факультативный элемент представляет собой часть слова (к примеру, суффиксальный ММТЭ), то он берётся в круглые скобки, наличие которых игнорируется при определении места вокабулы в словаре:

ACCENTUATIO – ACCENTUAT(IV)US – ACCENTUS, т.е. *accentuat(iv)us = accentuativus*: читай: *accentuativus* или *accentuatus*.

Терминологическое словосочетание, состоящее из определяемого слова, выраженного существительным, и определяющего слова, выраженного прилагательным или причастием, раскладывается на составляющие элементы, которые в свою очередь выделяются в отдельные словарные статьи. Например, словосочетание **VERSIFICATIO METRICA**, при подобном разложении встречается в качестве примера, иллюстрирующего сочетаемостные возможности составляющих его частей, в статьях **VERSIFICATIO** и **METRICUS**. Формирование отдельной словарной статьи, основным словом которой является прилагательное или причастие, имеет целью среди прочего показать грамматические, этимологические, сочетаемостные и иные характеристики этих частей речи.

6. Терминологические индексы. Систематизирующие указатели терминов представлены на всех рабочих языках словаря и предваряются национальными алфавитами. Структура данного раздела включает в себя:

- 1) индекс латинских терминов (*index terminorum Latinorum*);
- 2) индекс древнегреческих терминов (*index terminorum Graecorum*);
- 3) индекс русских терминов (*index terminorum Russicorum*);
- 4) индекс английских терминов (*index terminorum Anglicorum*);
- 5) индекс немецких терминов (*index terminorum Theodiscorum*);
- 6) индекс французских терминов (*index terminorum Francogallicorum*).

Индексы представляют собой алфавитно-гнездовое перечисление терминов, каждый из которых снабжён указанием на букву алфавита и порядковый номер словарной статьи, где он встречается либо в качестве стержневого, либо отсылочного. Алфавитно-гнездовой порядок подачи терминов позволяет выявить системный характер терминологии фонетики и метрики, раскрыть существующие внутри этой системы гипо-гиперонимические связи между терминами.

В латинском, древнегреческом, русском и французском индексах термины большего семантического объёма (основные) приводятся строго по алфавиту. Если эти термины имеют связанные с ними термины меньшего семантического объёма, выраженные словосочетаниями, то такие словосочетания даются в

гнезде основного термина и располагаются по алфавиту второго (соответственно третьего и т.д.) компонента. При этом основной термин в семантически менее значимом словосочетании заменяется тильдой (~), например:

accentus

- ~ acutus
- ~ acutus novus
- ~ acutus vetus
- ~ ad sensum <...>

ударение

- ~ акутовое
- ~ выделительное
- ~ логическое
- ~ новоактовое <...>

προσῳδία

- ~ αντιπερισπωμένη
- ~ βᾶρεῖα
- ~ ὁξεῖα
- ~ περισπωμένη <...>

accent

- ~ aigu
- ~ assertif
- ~ de phrase
- ~ intellectif <...>

В индексе французских терминов встречаются словосочетания, имеющие два определения, одно из которых стоит перед определяемым словом, а второе после него (например, *nouvel accent aigu*). В этих случаях стержневой термин и определение, находящееся в постпозиции по отношению к нему, даются в установленном порядке, а определение, стоящее перед определяемым словом, приводится далее через запятую, например:

accent

- ~ aigu
- ~ aigu, nouvel
- ~ aigu, vieil <...>

В индексах английских и немецких слов термины меньшего семантического объёма, выраженные словосочетаниями, располагаются в гнезде основного термина по алфавиту первого компонента. При этом основной термин, выступающий обычно в качестве второго компонента в терминологическом словосочетании, заменяется тильдой (~), после которой через запятую приводится первый компонент, например:

accent

- ~, acute
- ~, affective
- ~, high-pitch
- ~, intellectual
- ~, phrasal <...>

Akzent

- ~, affektiver
- ~, emotionaler
- ~, expiratorischer
- ~, gleichmäßiger
- ~, logischer <...>

В случае, если в словарной статье даются два и более одноязычных стержневых термина, они указываются в терминологическом индексе по отдельности в принятом порядке.

В случаях лексико-грамматической омонимии термин имеет указание на часть речи или на функциональный признак, например:

l. dentalis *a* / dentalis *f*

gr. ἀνάπαιστος *a* / ἀνάπαιστος *δ*

r. гласный *a* / гласный *m*

en. vowel *a* / vowel *n*

fr. baryton *a* / baryton *m*

В немецком индексе первый компонент сложного слова, выполняющий определительную функцию и совпадающий по написанию со стержневым словом, имеет дефис, например:

dt. Vokal- / Vokal.

7. Библиографический указатель. Источники, использованные в работе над словарём, подразделяются в библиографическом указателе на три группы:

- 1) основные научно-теоретические источники;
- 2) основные лексикографические источники;
- 3) основные литературные источники.

Научно-теоретические источники включают в себя различные пособия из области фонетики и версификации, включая учебники для высшей школы, монографии, статьи и иные научные труды. В перечень лексикографических источников входят словари по фонетике, версификации и литературоведению, опубликованные различными отечественными и зарубежными издательствами, а также словари соответствующей тематики, представленные в сети Интернет.

5.2.3. Особенности микроструктуры СФОМТ

1. К проблеме лингвистического статуса словарной статьи

Под термином «микроструктура» в настоящей работе понимается структура словарной статьи, имеющая особое значение для пользователей любого словаря. В микроструктуре «отражаются объективная сложность описываемых словарных единиц, своеобразие лексикографических жанров, совокупным объектом которых является практически открытое множество лексических единиц в их современном состоянии и исторической перспективе» [КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК, 2000: 50]. Исходя из сказанного, можно вполне согласиться с мнением многих лингвистов-лексикографов, считающих, что словарная статья вообще и словарная статья специализированного терминологического словаря в частности представляют собой особый вид текста.

Текстуальное своеобразие словарной статьи в терминологическом словаре базируется, как пишет О.В. Грязнова, с одной стороны, на информативной специфике её функциональной направленности, с другой – на pragматической ориентированности конкретного словаря [ГРЯЗНОВА, 1986: 142].

Задачей микроструктуры любого словаря является, с одной стороны, описание каждой включённой в состав словарника лексической единицы в отдельности с позиций, определяемых направленностью, базовой концепцией и принципами составления конкретного словаря, а с другой – презентация этой единицы в системе с выявлением при этом всей иерархии синонимических, антонимических, родовидовых и прочих взаимоотношений между данной лексической единицей и элементами, формирующими эту систему. Говоря словами Н.Ю. Шведовой, микроструктура словаря – «это лингвистический жанр, информирующий не только о слове, но и разных видах языковых окружений слов – контекстных, классных, деривационных, фразеологических, функциональных» [ШВЕДОВА, 2000: 437].

Основные функциональные особенности и принципы микроструктуры определяются, как принято считать, функциями и принципами, заложенными в макроструктуру словаря, и предполагают реализацию, как минимум:

- 1) информационно-справочной функции (требование ясно и чётко выраженной адресации) и
- 2) систематизирующей функции (описание системных связей языковой единицы с указанием её места в иерархии смежных единиц).

Качественное выполнение перечисленных функций производится на основе принципов экономности, полноты, эффективности, традиционности [Денисов, 1980]. Все эти принципы реализуются в ходе непосредственной работы с источниками информации.

Базовыми информационными источниками при составлении словарной статьи служат информативно насыщенные книжно-журнальные тексты научно-теоретического свойства, по отношению к которым она (словарная статья) рассматривается, по сути, как вторичный продукт, хотя вторичность эта носит, как правило, завуалированный характер. Невыраженность связей с конкретными источниками научной информации обусловлена в первую очередь множественностью и разнообразием самих этих источников. На основе их совокупного анализа и последующего синтеза полученной информации рождается специфическим образом обработанный справочный материал, индивидуально-авторская маркированность которого обнаруживается зачастую только на стадии оценки текста словаря в целом.

В процессе описания лексических единиц в рамках словарной статьи определяются так называемые лексикографические параметры, представляющие собой «некоторый квант информации о языковой структуре, который... может представлять для пользователя самостоятельный интерес...» [КАРАУЛОВ, 1981: 52]. Количество этих параметров, обуславливающее глубину и сложность микроструктуры словаря, задаётся составителем.

Стандартный набор параметров (композиционных звеньев) словарной статьи обычно включает в себя, помимо выделаемой жирным шрифтом собственно вокабулы (черного, заголовочного или стержневого слова), грамматические характеристики языковой единицы, узуальные, стилистические, этимологические и семантические параметры [ГЕРД, 1996: 297–298].

В нижеследующих разделах подробно описаны особенности словарных статей, формирующих основной корпус СФОМТ, дана их характеристика в сопоставлении с микроструктурой существующих словарей лингвистической терминологии. Сопоставительный анализ проводится с применением отдельных элементов разработанных в лексикографии классификационных схем словарей.

2. Общие замечания к структуре словарной статьи в СФОМТ

Словарная статья состоит из пяти или шести абзацев или частей (по количеству рабочих языков). Различие в количестве частей объясняется тем, что древнегреческая терминология дана в сравнительно ограниченном объёме, и, как правило, отсутствующие её элементы не реконструируются и не создаются заново, чего нельзя сказать о латинской терминологии, зачастую реконструируемой из имеющихся эквивалентных англо-французско-немецких терминов. Это позволяет отнести часть латинского терминологического аппарата на счёт так называемой современной латыни.

Основным языком словарной статьи, как говорилось выше, является латинский (термин на этом языке выделяется полужирным шрифтом), что объясняется его чрезвычайной продуктивностью в плане создания научной терминологии. Выбор латинского языка в качестве основного обусловлен необходимостью решения двух важных задач:

1) отбор уже существующей латинской терминологии, представленный в работах античных и средневековых авторов (с обязательным указанием источника, где это необходимо и возможно), и

2) (вос)создание отсутствующего терминологического аппарата на основе существующей терминологии на современных европейских языках. Может возникнуть вопрос о целесообразности использования латинских терминов в современной науке вообще. По мнению автора-составителя, латынь может и должна стать тем универсальным средством, которое позволит полностью унифицировать всю лингвистическую терминологию, избежать терминологической путаницы и двоякого толкования всякого термина.

Словарная статья строится исходя из значений латинского слова, которые передаются посредством адекватного перевода на другие рабочие языки словаря, т.е. путём подбора соответствующего эквивалента на данных языках:

DICOLON, -I n [díkōlon < di + kōlon] *Graec.*

gr. δίκωλον τό

r. диколон *m*

en. dicolon *n* (*dicola pl*)

dt. Dikolon *n* (*Dikolons Pl*, *Dikola Pl*)

fr. dicolon *m* (*dicola pl*)

Если разным значениям многозначного латинского слова соответствуют различные слова из других рабочих языков словаря, слово членится на значения с соответствующими переводами, перечисляемыми через запятую. При этом значения, как правило, не сопровождаются нумерацией, так как после них показаны сочетаемостные возможности переводов, являющихся частью одного или нескольких, более крупных по объёму терминологических словосочетаний, например:

APERTUS, -A, -UM a [*part. pf. ad aperio*], *e.g.* ACCENTUS APERTUS, SYLLABA (FORMA VERSUS, VOCALIS) APERTA, RHYTHMA APERTUM

gr. πλάτυς *a* *Plut*, *e.g.* συλλαβή

r. открытый *a*, *напр.*, СЛОГ, РИФМА, ФОРМА СТИХА, УДАРЕНИЕ, ГЛАСНЫЙ, СВОБОДНЫЙ *a*, *напр.*, СЛОГ, нефиксированный *a*, *напр.*, ФОРМА СТИХА

en. open *a*, *e.g.* SYLLABLE, RHYME, RIME, FORM OF VERSE (~ OF POETRY), STRESS, VOWEL, free *a*, *e.g.* SYLLABLE, unfixed *a*, *e.g.* FORM OF VERSE (~ OF POETRY)

dt. offen *a*, *z.B.* SILBE, REIM, GEDICHTFORM, STROPHENFORM, VOKAL, frei *a*, *z.B.* SILBE, nichtfixiert *a*, *z.B.* GEDICHTFORM, STROPHENFORM, lose *a*, *z.B.* ANSCHLUSS, schwach geschnitten *a*, *z.B.* AKZENT

fr. ouvert, -e *a*, *e.g.* SYLLABE, RIME, FORME DU VERS, VOYELLE, non-fixe *a*, *e.g.* FORME DU VERS, faible *a*, *e.g.* COUPE

Разумеется, объединение в рамках одной словарной статьи ряда значений, между которыми трудно усмотреть отчётливо выраженные семантические связи, носит во многом условный характер и обусловлено специфическими особенностями данного словаря.

В ряде случаев одинаковые по форме, но несоотносительные по значению латинские термины или терминологические сочетания выступают в качестве заглавных слов двух и более словарных статей, имеющих римскую нумерацию, несмотря на то, что на других рабочих языках словаря отдельные значения этих латинских терминов могут совпадать, например:

MEDIUS I, -A, -UM a, e.g. VOCALIS MEDIA, SONUS MEDIUS

r. средний *a*, подъёма среднего, *напр.*, звук, гласный

en. mid *a*, of the middle (medium) rise, *e.g.* SOUND, VOWEL

dt. mittler *a*, der mittleren Zungenhebung (~ Zungenlage), *z.B.* LAUT, VOKAL

fr. moyen, -ne *a*, *e.g.* SON, VOYELLE

MEDIUS II, -A, -UM a, e.g. VOCALIS MEDIA, SONUS MEDIUS

- r.* средний *a*, ряда среднего (~ смешанного), *напр.*, звук, гласный
en. mid(dle) *a*, of the mid(dle) row (~ zone), *e.g.* SOUND, VOWEL
dt. mittler *a*, der mittleren Reihe, *z.B.* LAUT, VOKAL
fr. médian, -e *a*, *e.g.* SON, VOYELLE

- MEDIUS III, -A, -UM *a***, *e.g.* CONSONANS MEDIA
r. средний *a*, *напр.*, согласный, звук
en. medium *a*, *e.g.* SOUND, CONSONANT
dt. Mittel-, *z.B.* LAUT, KONSONANT
fr. moyen, -ne *a*, *e.g.* CONSONNE, PHONEME

При решении вопроса о лексико-грамматической омонимии в терминосистемах фонетики и метрики представляется, на наш взгляд, целесообразным исходить из того факта, что омонимизация терминологии происходит прежде всего «в ходе углубления лексико-семантических процессов, взаимодействующих с грамматическими и словообразовательными процессами» [ОЖЕГОВ, 1974: 236]. На практике это приводит к образованию терминов общей основы по одним или аналогичным словообразовательным моделям. Как отмечает С.И. Ожегов, «лексикографическая практика обычно игнорирует специфичность этих слов и рассматривает все образования как значения одного слова».

В СФОМТ при возникновении лексико-грамматической омонимии одинаковые по форме и этимологически тождественные, но занимающие различные места в системе частей речи латинские термины выделяются в отдельные словарные статьи и имеют римскую нумерацию, например:

- CACUMINALIS I, -E *a*** [cacumen], *e.g.* CONSONANS (SONUS) CACUMINALIS
r. какуминальный *a*, *напр.*, согласный, звук
en. cacuminal *a*, *e.g.* CONSONANT, SOUND
dt. kakuminal *a*, Kakuminal-, *z.B.* KONSONANT, LAUT
fr. cacuminal, -e *a*, *e.g.* CONSONNE, SON

CACUMINALIS II, -IS *f* [cacumen], sc. CONSONANS, v. **CONSONANS CACUMINALIS**

Особенности описания грамматических признаков разноязычных терминов подробно изложены следующем разделе. В случае, если опорный термин, выраженный именем существительным, встречается впервые отдельно или в составе терминологического словосочетания, то грамматические категории рода и числа указываются у него так, как это принято ниже (см. описание зоны 2). Если он повторно встречается в составе составного термина в той же грамматической форме, то указания на его род и число отсутствуют:

CAESURA, -AE <i>f</i> [caedo] Lser.	CAESURA CATALECT(IC)A
<i>gr.</i> τομή ἡ, τομά ἡ dor., κόμψη, απός τό	<i>gr.</i> томή katalektikή
<i>r.</i> цезура <i>f</i>	<i>r.</i> цезура каталектическая
<i>en.</i> c(a)esura <i>n</i> (c(a)esuras (-urae) <i>pl</i>), break <i>n</i> , pause <i>n</i>	<i>en.</i> catalectic c(a)esura
<i>dt.</i> Einschnitt <i>m</i> , Zäsur <i>f</i> , Ruhepunkt <i>m</i> , (Sprech)pause <i>f</i>	<i>dt.</i> katalektische Zäsur
<i>fr.</i> césure <i>f</i> , interruption <i>f</i> mélodique, coupe <i>f</i> , repos <i>m</i>	<i>fr.</i> césure catalectique

Иключение составляют случаи, когда одиночный термин не выделяется в отдельную словарную статью, а встречается впервые только в составе одного или нескольких следующих друг за другом терминологических словосочетаний в одной и той же грамматической форме, выступая при этом в роли опорного слова. В этом случае у термина указываются род или число, например:

LECTIO f ERASMICA	LECTIO f REUCHLINIANA
<i>r.</i> чтение <i>n</i> эразмовское (~ эразмово)	<i>r.</i> чтение <i>n</i> рейхлиново (~ рейхлиновское)
<i>en.</i> Erasmian reading <i>n</i>	<i>en.</i> Reuchlin's reading <i>n</i>

dt. Erasmisches Lesen *n****fr.*** lecture *f erasmique* (~ d'Erasme)***dt.*** Reuchlinsches Lesen *n****fr.*** lecture *f de Reuchlin*

Знаки ударения у терминов отсутствуют. Исключение составляют только русские слова, в произнесении которых возможна ошибочная постановка ударения: *тýтло n* (*тýтла pl*), *оксíя f*, *кáмора f*, *варíя f*, *редíф m*, *рондó n* и др.

Транскрипция встречается только в иллюстративных примерах и записывается в квадратных скобках с помощью стандартных символов Международной фонетической ассоциации. Собственно терминология, формирующая словник, транскрипции не имеет.

3. Стандартная структура разделов словарной статьи в СФОМТ

Каждый раздел словарной статьи, соотносимый с одним из шести рабочих языков СФОМТ, имеет стандартную структуру, элементы которой в лексикографии принято называть зонами.

Раздел словарной статьи в СФОМТ может включать до одиннадцати зон:

- 1) Вход – термин в исходной форме;
- 2) Зона грамматической информации;
- 3) Зона этимолого-хронологической информации;
- 4) Зона стилистической информации;
- 5) Зона авторства термина;
- 6) Зона сочетаемостных возможностей термина;
- 7) Отсылки к (квази)синонимам;
- 8) Зона дефиниции термина;
- 9) Зона иллюстративных примеров;
- 10) Отсылки к гипонимам, когипонимам и/или гиперониму;
- 11) Отсылки к (квази)антонимам.

Не все перечисленные выше зоны активизируются применительно к рабочим языкам СФОМТ, как это видно из приводимой ниже таблицы.

РАБОЧИЕ ЯЗЫКИ СЛОВАРЯ	ЗОНЫ										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Латинский	+	+	+	+	+	+	+	-/+	+	+	+
Древнегреческий	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+
Русский	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+
Английский	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+
Немецкий	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+
Французский	+	+	-	+	-	+	+	-	+	+	+

Зоны 1, 2, 4, 6, 7, 9, 10, 11 воспроизводятся в разделах словарных статей, независимо от рабочего языка словаря. Зоны 3, 5 активизируются только латинском и древнегреческом разделах словарной статьи, а зона 8 – в русском, английском и немецком разделах. В отдельных случаях зона дефиниции термина (8) может быть реализована в латинском разделе, если в этом возникает необходимость.

Далее проанализируем детально структуру разделов словарной статьи и покажем их особенности на конкретных примерах.

Зона 1. Вход – термин в исходной форме

Латинский термин является заглавным словом и открывает латинский раздел словарной статьи. Написание терминов даётся по «Латинско-русскому словарю» [ДВОРЕЦКИЙ, 1976].

Отдельные словарные статьи образуют также термины с пометой *v.l.* (*varia lectio*), представляющие собой орфографические варианты терминологических единиц, к которым даётся соответствующая отсылка *v.* (*vide*) – смотри. Например:

лат. **PROTHESIS, -IS** (*acc. -IN*) *f*, *v.l.*, *v.* **PROSTHESIS**.

Древнегреческий раздел словарной статьи, обозначенный сокращением *gr.*, формируют в основном термины, которые были зафиксированы исследователями текстового материала на данном языке и включены в древнегреко-русские словари. Написание слов даётся по «Древнегреко-русскому словарю» [ДВОРЕЦКИЙ, 1958].

Русский раздел словарной статьи обозначен сокращением *r.* Написание терминов даётся по авторитетным русскоязычным лексикографическим источникам (орфографическим, энциклопедическим и толковым словарям).

Английский раздел словарной статьи обозначен сокращением *en.* Написание терминов даётся по «Новому Большому англо-русскому словарю» под ред. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна [НБАРС, 1993] и «New Webster's Dictionary of the English Language» [NEW WEBSTER, 1989].

Немецкий раздел словарной статьи обозначен сокращением *dt.* Написание терминов даётся по «Большому немецко-русскому словарю» под рук. О.И. Москальской [БНРС, 1998], а также по словарям «Deutsches Wörterbuch» [WAHRIG, 1989] и «Duden. Die deutsche Rechtschreibung» (22. völlig neu bearbeitete und erweiterte Aufl., 2001).

Французский раздел словарной статьи обозначен сокращением *fr.* Написание приведённых в нём терминов даётся по «Французско-русскому словарю активного типа» под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа [ФРСАТ, 1998], M. Davau etc. «Dictionnaire du français vivant» (1976), «Le Dico. Répertoire de procédés littéraires» и др.

Зона 2. Зона грамматической информации⁸³

Лексическая семантика словарных единиц онтологически неразрывно связана с их грамматической семантикой, что влечёт за собой необходимость совместной согласованной презентации данных видов информации в словаре, если рассматривать последний как «единую форму организации формализованного лингвистического описания» [ШАЛЯПИНА, 1987: 188; БЕРЕЖАН, 1987: 181]. При этом грамматические пометы, равно как и пометы этимолого-стилистические, носят вспомогательный характер, ибо позволяют в практическом плане соотнести заглавное слово словарной статьи с любой из встречающихся в лингвистических текстах формой термина как в единственном, так и во множественном числе, а также способствуют различению омонимов, поскольку «омонимичные слова зачастую отличаются друг от друга именно системой своих грамматических значений и форм» [ЦВИЛЛИНГ, 1983: 90].

⁸³ В целях экономии места зона грамматической информации иллюстрируется примерами только из латинского языка.

Грамматические характеристики терминов на всех рабочих языках словарях даются по лексикографическим источникам, указанным в предыдущем разделе.

1. Латинские термины-существительные (если они являются опорными словами) даются в форме именительного падежа (*casus nominativus*) единственного или множественного числа.

Грамматические характеристики термина-существительного включают в себя:

1) указание на род слова (*genus*): *m* (*masculinum*) – мужской род, *f* (*femininum*) – женский род, *n* (*neutrum*) – средний род;

2) указание на число (*numerus*) (там, где это необходимо): *sg* (*numerus singularis*) – единственное число, *pl* (*numerus pluralis*) – множественное число;

3) формы родительного падежа единственного или множественного числа (*genitivus singularis/pluralis*) путём указания окончаний существительных в этом падеже (в редких случаях даются окончания других косвенных падежей), например:

лат. **ACATALEXIS, -IS f, ACATHISTUS, -I m, CURSUS, -US m, AUGMENTUM, -I n, AXAMENTA, -ORUM n, SCHEMA, -ATIS** (*dat./abl. pl. -ATIBUS et -ASIN*) *n, SIGNA pl MASORETICA, SIGNA pl VOCALICA*;

4) полные формы родительного падежа единственного числа существительных, у которых при склонении наблюдается изменение последнего согласного корня, например:

лат. **LEX, LEGIS f, PES, PEDIS m**;

5) указание на несклоняемость (отсутствие категорий числа и падежа) термина, индицируемое пометой *indecl.* (*verbum indeclinabile (~ aptotum)*) – несклоняемое, например:

лат. **SANDHI n indecl., SCHVA n indecl.**;

6) указание на косвенный падеж у существительного, выступающего в роли определения в составном термине; в этом случае косвенная форма существительного имеет соответствующее обозначение *gen. sg.* или *pl.* (родительный падеж единственного или множественного числа), например:

лат. **VERSUS II** [*gen. sg. ad versus IV*], *e.g. INTONATIO VERSUS, RHYTHMUS VERSUS, STRUCTURA VERSUS*.

2. Термины-прилагательные (если они выделяются в отдельную словарную статью) даются в форме именительного падежа единственного числа.

Грамматические характеристики термина-прилагательного включают в себя:

1) указание на функциональный признак: *a* (*attributum*) – определение;

2) родовые окончания прилагательных в именительном падеже (*casus nominativus*) единственного числа, например:

лат. **HAPLOGRAPHICUS, -A, -UM a** [*haplographikós < haploûs + graphikós*] *Graec., LIBER, -BERA, -BERUM a, e.g. VERSUS (ACCENTUS) LIBER* (прилагательные I и II склонений), **CELER, -ERIS, -ERE a, e.g. PES (SONUS) CELER, VOCALIS CELERIS, PHONEMA CELERE, SYLLABA CELERIS Q, BREVIS, -E a, e.g. CRETICUS (SYLLABA, VOCALIS, PES, VERSUS, DIPHTHONGUS) BREVIS, PHONEMA BREVE** (прилагательные III склонения);

3) полные формы родительного падежа единственного числа прилагательных III склонения, у которых при склонении наблюдается удлинение основы, например:

лат. **ANCEPS, ANCIPITIS** *a* [amb + caput], *e.g.* SYLLABA (ELEMENT, VOCALIS, SONUS) ANCEPS.

3. Причастия настоящего времени активного залога и прошедшего времени пассивного залога (*participium praesentis activi* и *participium perfecti passivi*) в функциональном аспекте приравниваются в словаре к прилагательным. Подвергшись полной адъективации, они имеют те же грамматические характеристики и пометы, что и прилагательные. Их принадлежность к своему классу в системе частей речи обозначается соответствующей пометой в рамках этимологической характеристики, например:

лат. **LABENS, -NTIS** *a* [*part. praes. ad labor*], *e.g.* DIPHTHONGUS LABENS;

лат. **REDUCTUS, -A, -UM** *a* [*part. pf. ad reduco*], *e.g.* SONUS REDUCTUS, VOCALIS REDUCTA.

Зона 3. Зона этимолого-хронологической информации

Эта зона активизируется только в применении к латинским и – опосредованно – к греческим терминам. Этимология латинских терминологических единиц может быть показана двояко:

1) с указанием в квадратных скобках на формы слов, от которых происходит данное существительное, например:

лат. **DENTI-LABIALIS II, -IS** *f* [*dens, gen. sg. dentis < dens + labialis < labium*];

2) с указанием на язык, из которого заимствовано данное существительное, или на период из истории латинского языка, например:

лат. **ACCENTUATIO, -ONIS** *f* [*cantus > accentus > accentuatus*] *Lmod.* (*Lingua Latina moderna*) – современная латынь;

лат. **ANTITHESIS, -IS** *f* [*antíthesis < anti + thesis < tithénai*] *Lser.* (*Lingua Latina sera*) – поздняя латынь;

лат. **BYLINA, -AE** *f* [*былина*] *Rmod.* (*Lingua Russica moderna*) – современный русский язык;

лат. **DACTYLUS, -I** (*acc. sg. -UM vel -ON*) *m* [*dáktylos*] *Graec.* (*Lingua Graeca*) – древнегреческий язык;

лат. **SANDHI** *n indecl.* [*sandhí*] *Sanscr.* (*Lingua Sanscritica*) – санскрит.

Знак (*) перед формой слова в этимологической зоне указывает на гипотетическую (реконструируемую форму), не зафиксированную в литературных источниках.

Например: лат. **RUNA, -AE** *f* (**RUNAE** *pl*) [*THvs. runa, GOT. runa < G. *runo-*].

Этимологическая характеристика древнегреческих терминов так, как это описано в п.¹⁾, не даётся. В большинстве случаев это представляется излишним, ибо этимология древнегреческих терминов и терминологических словосочетаний обыкновенно раскрывается в латинской части словарной статьи в тех случаях, когда латинский язык заимствует соответствующее слово или выражение из древнегреческого языка.

У греческих терминов возможны лишь указания хронологического свойства, индицируемые так, как это принято в п.²⁾ в отношении латинского языка, например:

греч. 1) ἀπόστροφή ἡ GRser.; 2) ἀπόστροφος δέ GRser. (*Lingua Graeca sera*) – позднегреческий.

Зона 4. Зона стилистической информации

Принятая стилистическая маркировка отражает в силу специфических особенностей СФОМТ не столько функциональные признаки той или иной языковой единицы, сколько её частотные, «возрастные» и топические характеристики, будучи ограничена, как правило, указанием:

1) на архаические формы, которые в латыни и древнегреческом языке имеют помету *arch.* (*forma archaica* (~ *pervetusta*)). Например:

лат. PAUSSA *arch.*, VORSA *arch.*.

2) на редко употребляемые формы, которые имеют пометы: в латыни и древнегреческом языке – *raro* (*forma rari-usitata*), в русском – *редк.*, в английском – *rare* (*not in common use*), в немецком – *selten* (*selten gebrauchtes Wort*), во французском – *p. us.* (*peu usité*). Например:

греч. ποίησις, εως ἡ *raro* (в значении: «стихотворение, стих, поэма») – англ. spondean *a rare, e.g. FOOT, VERSE*.

3) на устаревшие формы, которые имеют пометы: в русском – *уст.* (устаревшее слово), в английском – *obs.* (*obsolete word*), в немецком – *veralt.* (*veraltetes Wort*), во французском – *vx.* (*vieux mot*). Например:

русск. склады *pl уст.* – англ. *tonic n obs.* – нем. *Muta f (Mutä Pl) veralt.* – франц. *sapphique a vx.*

4) на диалектные формы древнегреческого языка, которые имеют пометы *attic.* (*forma Attica*) *dor.* (*forma Dorica*) и *ionic.* (*forma Ionica*). Например:

греч. Παιήσων ὁ *ionic.*; φωνά ἡ *dor.*

Диалектные формы древнегреческих слов предъявляются в очень ограниченном объёме и только параллельно наддиалектным формам.

Зона 5. Зона авторства термина

Латинские или греческие термины в ряде случаев имеют указание на автора (или авторов), в произведениях которого они встречаются, например:

лат. ASPIRATIO, -ONIS *f* [aspiro] C, Q (здесь: C – М. Туллий Цицерон (Cicero), Q – М. Фабий Квинтилиан (Quintilianus));

греч. προσφόδια ἡ *Plat*, τόνος ὁ *GRser.*, *e.g.* φωνῆς *Dem*, τάσις, εως ἡ, *e.g.* τῆς φωνῆς *Plut* (здесь: *Plat* – Платон (Plato), *Plut* – Плутарх (Plutarchus), *Dem* – Демосфен (Demosthenes)).

В отдельных случаях опорные термины на новых языках также сопровождаются указаниями на авторство. Такие пояснения даются курсивом в круглых скобках после того термина, к которому они относятся, например:

русск. гапология *f* (*термин M. Блумфилда*);
англ. haplogy *n* (*the term of M. Bloomfield*).

Зона 6. Сочетаемостные возможности термина

Сочетаемостные потенции терминов, встречающихся в составе терминологических словосочетаний, иллюстрируются в латыни, греческом, английском и французском языках примерами с пометой *e.g.* (*exempli gratia*) – например. При этом сам термин, во избежание его многократного повторения в словосочетаниях, заменяется знаком тильды (~), например:

лат. **IAMBUS, -I m** [íambos < íaptō] *Graec.*, *H*, *C*, e.g. IAMBUS CLAUDICANS (~ CLAUDUS, ~ DIPODICUS, ~ DUPLEX, ~ LICENS).

Примеры могут содержать указание на автора/авторов, например:

лат. **N(A)ENIA, -AE f**, *id. elegion III*, e.g. NENIAE, QUO VOCABULO ETIAM A GRAECIS CANTUS LUGUBRES NOMINANTUR *C*: ID FUIT N(A)ENIA LUDO *Pl* (proverbium).

Примеры даются малыми прописными буквами.

В русском и немецком языках сочетаемость терминологических единиц индицируется, соответственно, при помощи помет *z.B.* (zum Beispiel) и *напр.* (например) (см. ниже примеры словарных статей **LABIO-DENTALIS** и **LIBER, -BERA, -BERUM**).

Зона 7. Отсылки к (квази)синонимам

В латинском разделе словарной статьи для обозначения отсылки к другому (синонимичному) заглавному слову применяется сокращение *v.* (лат. *vide*) – смотри (см.), например:

лат. **SAPPHICUS II m MAIOR, v. VERSUS SAPPHICUS MAIOR.**

В статье с заглавным терминологическим словосочетанием **VERSUS SAPPHICUS MAIOR** такая отсылка зафиксирована с помощью аббревиатуры *id.* (лат. *idem*), например:

лат. **VERSUS SAPPHICUS MAIOR, id. Sapphicus II maior.**

Аналогичная латинская помета для терминов-дублетов применяется также в греческой, английской и французской частях словарной статьи. В русском и немецком разделах словарной статьи с этой целью используются, соответственно, пометы *то же, что* и *svw.* (so viel wie, dasselbe wie), например:

HAPLOLALIA, -AE f [haplolalía < haploús + lalía] *Graec.*, *id.* 1) °dissimilatio syllab(ic)a, 2) °haplogenia, 3) superpositio syllab(ic)a

gr. ἀπλολαλία ἡ, *id.* °ἀπλολογία

r. гапплолалия *f*, *то же, что* 1) °диссимилияция слоговая, 2) °таплология, поглощение слова, сокращение гапплологическое, 3) наложение слоговое

en. haplolalia *n*, *id.* 1) °syllabic dissimilation, 2) °haplogenia, 3) syllabic superposition

dt. Haplolalie *f*, *svw.* 1) °Silbendissimilation, syllabische (silbische) Dissimilation, 2) °Haplologie, 3) syllabische Superposition, Silbenschichtung

fr. haplolalie *f*, *id.* 1) °dissimilation syllabique, 2) °haplogenie, hapaxépie, 3) superposition syllabique

Синонимичная терминология либо следует сразу после указания на сочетаемостные возможности опорного термина, если он толкуется однозначно, либо указывается внутри прямых скобок в одном из пунктов definиции, если последняя представляет собой совокупность двух и более толкований данного термина, например:

LABIO-DENTALIS I, -E a [labium + dentalis < dens, gen. sg. dentis], e.g. CONSONANS (SONUS) LABIO-DENTALIS, *id.* denti-labialis I

r. лабио-дентальный *a*, губно-зубной *a*, *напр.*, согласный, звук, *то же, что* дентолабиальный, зубно-губной |По месту образования: о согласном, произносимом при сближении или смыкании нижней губы с кромкой верхних зубов|

en. labio-dental *a*, e.g. CONSONANT, SOUND, *id.* dento-labial |According to the place of articulation: Of a consonant produced with the lower lip against the edge of the upper teeth|

dt. labiodental *a*, Lippenzahn-, *z.B.* KONSONANT, LAUT, *svw.* dentilabial, Zahnlippen- |Nach der Bildungsstelle: Über den Konsonanten, bei dessen Aussprechen die untere Lippe

sich dem Saum der oberen Schneidezähne nähert oder einen Verschluss mit dem Saum der oberen Schneidezähne bildet|

fr. labiodental, -e a, e.g. CONSONNE, SON, *id.* dentilabial

LIBER, -BERA, -BERUM a, e.g. VERSUS (ACCENTUS) LIBER, *id.* 1) non-conexus, 2) °diversi-localis, 3) non-fixus

r. свободный *a*, напр., стих, УДАРЕНИЕ |1) О неметрическом стихе, для которого характерны свободный ритм, ассиметричность, гетеросиллабизм и нерифмованность стихотворных строк, различное количество ударных слогов в строках; 2) то же, что 1) несвязанный, 2) °разноместный, 3) нефиксированный|

en. free *a*, e.g. VERSE, ACCENT, STRESS |1) Of a nonmetrical verse which may have a deliberate rhythm and is composed in unrhymed lines of irregular length which don't contain any particular number of stresses or syllables; 2) *id.* 1) non-bound, 2) °different-place, 3) non-fixed|

dt. frei *a*, z.B. RHYTHMEN, AKZENT, BETONUNG |1) Über nichtmetrische Verse, denen freie rhythmische und metrische Struktur, Asymmetrie, Heterosyllabismus und Reimlosigkeit der Zeilen, verschiedene Anzahl von betonten Silben in Verszeilen eigen ist; 2) svw. 1) nichtgebunden, 2) °verschiedenstellig, 3) nichtfixiert|

fr. libre *a*, e.g. VERS, ACCENT, libéré, -e *a*, e.g. VERS, *id.* 1) non-lié, 2) °à places différentes, 3) non-fixe

Зона 8. Зона дефиниции термина

Дефиниция термина даётся в словаре, как правило, один раз курсивным шрифтом в прямых скобках (|...|) в русском, английском и немецком разделах словарной статьи. В отдельных случаях дефиниция может приводиться в латинском разделе словарной статьи. Если термин при отсылке на него сопровождается знаком градуса (°), то это указывает на наличие дефиниции и/или иллюстративных примеров в словарной статье, где этот термин приводится (см. выше пример словарной статьи **HAPLOLALIA**).

В некоторых случаях опорные термины на новых языках сопровождаются пояснениями, уточняющими сферу их функционирования. Такие пояснения даются курсивом в круглых скобках после того термина, к которому они относятся, и не могут считаться дефиницией, например:

ACCENTUS SYNTAGMATICUS, *id.* °accentus propositionis (*si propositio in syntagmate uno consistit*);

gr. βάσις, εως ἡ (in carminibus);

en. fourteener *n* (iambic heptameter);

dt. Dehnungsbuchstabe *m* (die stummen deutschen [e] oder [h], welche als Zeichen für die Länge eines vorhergehenden Vokals dienen);

fr. graphie *f* (élément).

Зона 9. Зона иллюстративных примеров

Примеры, иллюстрирующие практическую реализацию термина или терминологического словосочетания в устной или письменной речи, даются в каждом разделе словарной статьи после пометы (¶). Их можно условно разделить на несколько групп в соответствии с их сферой функционирования:

1) примеры лингвистические, источниками которых послужила лингвистическая учебная и научная литература;

2) примеры литературные, сопровождающиеся указанием на автора или литературный источник. Например:

ZETILLUM, -I n [ITmod. zediglia < demin. ad zeta] Graec., Lmod. ¶ Fmod. Français; François; Açores; aperçu; Un garçon, ça?

r. седиль *t* |*Bo françaisком, турецком и португальском языках: диакритический знак (.) под буквой «с», указывающий на то, что эта буква перед «а», «о», «и» произносится как [s]| ↗ **СФ.** Français; François; Açores; aperçu; Un garçon, ça?*

en. cedilla *n* |*In French, Turkish and Portuguese: The diacritic mark (.) under the letter «c» which indicates this letter is pronounced as [s] before «а», «о», «и»| ↗ **MF.** Français; François; Açores; aperçu; Un garçon, ça?*

dt. Cedille *f* |*Im Französischen, Türkischen und Portugiesischen: Das diakritische Zeichen («Häckchen») (.) unter dem Buchstaben «с», das darauf hinweist, dass dieser Buchstabe vor «а», «о», «и» wie [s] auszusprechen ist| ↗ **GwF.** Français; François; Açores; aperçu; Un garçon, ça?*

fr. cédille *f* ↗ **FM.** Français; François; Açores; aperçu; Un garçon, ça?

Особенность предъявления примеров состоит в том, что они повторяются в каждом разделе словарной статьи и сопровождаются обозначениями и комментариями на языке соответствующего раздела⁸⁴. После обозначения, вводящего раздел иллюстративных примеров, следует выделенное полужирным шрифтом сокращение, указывающее на язык, на котором даётся данный пример. Несколько примеров внутри одной языковой части словарной статьи отделяются друг от друга точкой с запятой:

↗ **Fmod.** le plus joyeux des êtres, c'est *l'oiseau* – in limitationibus, correctionibus etc.; il faut se soumettre ou se démettre – in comparationibus; Du reste sombre, *avare et avide, mal payé...* (J. Michelet); *interne et externe* – in verbis quae aliud aliud supplant et intendunt; C'est un dévouement voulu, prémedité, une mort active... (J. Michelet); Un personnage... Une 'petit personnage! [*Pas un grand*] – in verbis quae necessarie insigniuntur;

↗ **СФ.** le plus joyeux des êtres, c'est *l'oiseau* – при определениях, поправках, ограничениях и т.п.; il faut se soumettre ou se démettre – при сопоставлениях; Du reste sombre, *avare et avide, mal payé...* (Ж. Мишле); *interne et externe* – в парах слов, усиливающих, дополняющих друг друга; C'est un dévouement voulu, prémedité, une mort active... (Ж. Мишле); Un personnage... Une 'petit personnage! [*Pas un grand*] – в словах, которые следует выделить;

↗ **MF.** le plus joyeux des êtres, c'est *l'oiseau* – by restrictions, corrections etc.; il faut se soumettre ou se démettre – by comparisons; Du reste sombre, *avare et avide, mal payé...* (J. Michelet); *interne et externe* – in the couples of words which strengthen and supplement each other; C'est un dévouement voulu, prémedité, une mort active... (J. Michelet); Un personnage... Une 'petit personnage! [*Pas un grand*] – in the words to be emphasized;

↗ **GwF.** le plus joyeux des êtres, c'est *l'oiseau* – bei Beschränkungen, Bestimmungen, Berichtigungen, usw.; il faut se soumettre ou se démettre – bei Gegenüberstellungen und Vergleichen; Du reste sombre, *avare et avide, mal payé...* (J. Michelet); *interne et externe* – in den Wortpaaren, die einander ergänzen oder verstärken; C'est un dévouement voulu, prémedité, une mort active... (J. Michelet); Un personnage... Une 'petit personnage! [*Pas un grand*] – in den hervorzuhebenden Wörtern;

↗ **FM.** le plus joyeux des êtres, c'est *l'oiseau* – avec des épithètes, avec des corrections, avec des limitations, etc.; il faut se soumettre ou se démettre – avec des comparaisons; Du reste sombre, *avare et avide, mal payé...* (J. Michelet); *interne et externe* – dans les paires de mots qui se renforcent, qui se complètent; C'est un dévouement voulu, prémedité, une mort active... (J. Michelet); Un personnage... Une 'petit personnage! [*Pas un grand*] – dans les mots, qu'il est nécessaire de mettre en relief.⁸⁵

⁸⁴ Исключение составляют две словарные статьи **C285. CORONA SONETTORUM** [ИВАНОВ, 2005: 238-243] и **V125. VERSUS FIGURATUS** [ИВАНОВ, 2005: 896-897] ввиду их значительного объёма.

⁸⁵ Взято из словарной статьи **A19. ACCENTUS AD SENSUM** [ИВАНОВ, 2005: 73-74].

Подобное расположение иллюстративных примеров существенно увеличивает объём словаря, однако позволяет рассматривать каждый раздел словарной статьи как законченное целое и, что немаловажно, устраниТЬ неизбежное смешение языков в случае, если бы каждый пример давался единожды и сопровождался обозначениями и комментариями на пяти рабочих языках словаря.

Зона 10. Отсылки к гипонимам, когипонимам и/или гиперониму

Сравниваемые или сопоставляемые термины (терминологические словосочетания) сопровождаются пометой *cf.* (лат. *confer*) в латинском, древнегреческом, английском и французском разделах словарной статьи. В русском и немецком разделах статьи с этой целью используются, соответственно, пометы *ср.* (сравни) и *vgl.* (*vergleiche*). Сопоставляемая терминология указывается после иллюстративных примеров, а при отсутствии таковых после дефиниции опорного термина.

Если в словарной статье отсутствует дефиниция термина, то сопоставляемые термины могут следовать сразу после указания на сочетаемостные возможности опорного термина или после дублетов (см. пример **DISSIMILATIO** в зоне 11).

Зона 11. Отсылки к (квази)антонимам.

Противопоставляемые термины или терминологические словосочетания сопровождаются пометой *opp.* (лат. *oppositus*) в латинском, древнегреческом и французском разделах словарной статьи. В русском, английском и немецком разделах словарной статьи с этой целью используются, соответственно, пометы *противоп.* (противопоставляется), *opp. to* (*opposed to*) и *Ggs.* (*Gegensatz*). Противопоставляемая терминология указывается после сопоставляемой терминологии, а при отсутствии таковой либо после иллюстративных примеров, либо после дефиниции опорного термина, если примеры отсутствуют, например:

DISSIMILATIO, -ONIS *f* [*dissimilo* < *dissimilis* < *dis* + *similis*], *e.g.* DISSIMILATIO SONORUM (~ VOCALIUM, ~ CONSONANTIUM); *cf.* differentiatio; *opp.* 1) assimilatio, 2) attractio

r. диссимилия *f*, расподобление *n*, расхождение *n*, напр., звуков |Фонетический процесс, состоящий в утрате идентичными или сходными звуками их общих фонетических признаков|; *ср.* дифференциация; *противоп.* ассимиляция, уподобление

en. dissimilation *n*, *e.g.* OF SOUNDS |A phonetic process in which the identical or similar sounds lose their common phonetic features|; *cf.* differentiation; *opp. to* assimilation

dt. Dissimilation *f*, Entähnlichung *f*, Unähnlichwerden *n*, z.B. DER LAUTE |Der phonetische Prozess, bei dem gleiche oder ähnliche Laute ihre gemeinsamen phonetischen Eigenschaften verlieren|; *vgl.* Differenzierung; *Ggs.* Assimilation, Assimilierung, Lautangleichung

fr. dissimilation *f*, *e.g.* DE SONS; *cf.* différenciation; *opp.* assimilation

Если в словарной статье отсутствует дефиниция термина, то противопоставляемые термины могут следовать сразу после указания на сочетаемостные возможности опорного термина или после дублетов.

4. Сравнительно-сопоставительный анализ микроструктуры и проблема типологизации словарей лингвотерминологии

В рамках исследования основного корпуса имеющихся в нашем распоряжении словарей лингво-литературоведческой терминологии, был предпринят сравнительно-сопоставительный анализ словарных микроструктур. Все обследованные словари в значительной мере индивидуальны как в плане состава словарника (т.е. выбираемой области описания), так и в плане структуры словарной статьи, определяющей способ презентации словарного материала.

Основной задачей данного раздела является выявление зависимости зональной структуры словарной статьи от типа словаря, а также особенностей её предъявления в том или ином словарном типе. Решение поставленной задачи позволяет определить в лексикографическом аспекте основные признаки СФОМТ и установить качественные параметры, отличающие его других словарей лингвистической терминологии.

С этой целью – с применением эффективного для типологии оппозиционного метода – были выделены пять типологических оппозиций (четыре бинарные и одна тернарная), релевантные для предпринимаемого исследования⁸⁶:

1. Словари энциклопедические – словари справочные (толковые).
2. Словари «академические» – словари учебные.
3. Словари общие – словари отраслевые.
4. Словари одноязычные – словари двуязычные – словари многоязычные.
5. Словари односторонние – словари многосторонние.

В приводимой ниже таблице указаны одиннадцать зон, формирующих микроструктуру СФОМТ, и отражена их реализация в лингвотерминологических словарях разных типов.

СЛОВАРИ ⁸⁷	ЗОНЫ ⁸⁸										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1.1. Словари лингвистических терминов энциклопедического типа											
КЛС	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
ЛЭС	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-
СФТ	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-
СЭПТ	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
ЭРЯ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
1.2. Словари лингво-литературоведческих терминов справочного типа											
АРСЛС	+	+	-	-	+	-	+	(+)	-	+	+
ГС	+	-	(+)	-	-	-	+	+	+	+	(+)
КСЛТ	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
КССРЯ	+	-	(+)	-	-	-	+	+	+	-	-
ЛС	+	(+)	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОПЛТ	+	-	-	-	-	(+)	+	+	(+)	-	-
ОПФТ	+	-	-	-	-	(+)	+	+	(+)	-	-
ОСЛТ	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
ПС	+	-	+	-	(+)	-	+	+	+	+	-
САЛТ	+	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-
СЛИТ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
СЛТ ₁	+	(+)	-	-	-	+	+	+	+	+	+
СЛТ ₂	+	-	-	-	(+)	-	+	+	(+)	+	-
СЛТ ₃	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+
ССЛТ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
СФОМТ	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

⁸⁶ Основой для используемой нами и, разумеется, не претендующей на полноту типологизации послужили классификации словарей, предложенные в работах Н.В.Васильевой [ВАСИЛЬЕВА, 1990^a: 461-462], В.А. Козырева и В.Д. Черняка [КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК, 2000: 44-46], а также А.Н. Баранова [БАРАНОВ, 2001: 103-110].

⁸⁷ Полные выходные данные словарей представлены в библиографическом указателе.

⁸⁸ Знак +, заключённый в скобки, указывает на «нежёсткость» параметра.

ТТПЛ (тезаурус)	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-
УССГТ	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
УССР	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-
DL	+	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+

**2.1. Словари лингво-литературоведческих терминов
«академического» типа**

АРСЛС	+	+	-	-	+	-	+	(+)	-	+	+
ГС	+	-	(+)	-	-	-	+	+	+	+	(+)
КЛС	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
ЛС	+	(+)	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ЛЭС	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-
ОПЛТ	+	-	-	-	-	(+)	+	+	(+)	-	-
ОПФТ	+	-	-	-	-	(+)	+	+	(+)	-	-
ОСЛТ	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
ПС	+	-	+	-	(+)	-	+	+	+	+	-
САЛТ	+	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-
СЛИТ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
СЛТ ₁	+	(+)	-	-	-	+	+	+	+	+	+
СЛТ ₂	+	-	-	-	(+)	-	+	+	(+)	+	-
СЛТ ₃	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+
СФОМТ	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СЭПТ	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
ТТПЛ (тезаурус)	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-
УССР	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-
ЭРЯ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
DL	+	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+

2.2. Словари лингво-литературоведческих терминов учебного типа

КСЛТ	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
КССРЯ	+	-	(+)	-	-	-	+	+	+	+	-
ОСЛТ	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
ПС	+	-	+	-	(+)	-	+	+	+	+	-
ССЛТ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
СФТ	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-
УССГТ	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
УССР	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-

3.1. Словари лингво-литературоведческих терминов общего типа

АРСЛС	+	+	-	-	+	-	+	(+)	-	+	+
ГС	+	-	(+)	-	-	-	+	+	+	+	(+)
КЛС	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
КСЛТ	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
ЛС	+	(+)	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ЛЭС	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-
ОСЛТ	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
САЛТ	+	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-
СЛИТ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
СЛТ ₁	+	(+)	-	-	-	+	+	+	+	+	+
СЛТ ₂	+	-	-	-	(+)	-	+	+	(+)	+	-
СЛТ ₃	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+
ССЛТ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
ТТПЛ (тезаурус)	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-
ЭРЯ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
DL	+	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+

3.2. Словари лингво-литературоведческих терминов отраслевого типа

КССРЯ	+	-	(+)	-	-	-	+	+	+	-	-
ОПЛТ	+	-	-	-	-	(+)	+	+	(+)	-	-
ОПФТ	+	-	-	-	-	(+)	+	+	(+)	-	-
ПС	+	-	+	-	(+)	-	+	+	+	+	-
СФОМТ	+										
СФТ	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-
СЭПТ	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
УССГТ	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
УССР	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-

4.1. Словари лингво-литературоведческих терминов одноязычного типа

ГС	+	-	(+)	-	-	-	+	+	+	+	(+)
КСЛТ	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
КССРЯ	+	-	(+)	-	-	-	+	+	+	-	-
ЛЭС	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-
ОПЛТ	+	-	-	-	-	(+)	+	+	(+)	-	-
ОПФТ	+	-	-	-	-	(+)	+	+	(+)	-	-
ОСЛТ	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
ПС	+	-	+	-	(+)	-	+	+	+	+	-
САЛТ	+	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-
СЛИТ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
ССЛТ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
СФТ	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-
СЭПТ	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
ТТПЛ (тезаурус)	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-
УССР	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-
ЭРЯ	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
DL	+	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+

4.2. Словари лингво-литературоведческих терминов двуязычного типа

АРСЛС	+	+	-	-	+	-	+	(+)	-	+	+
КЛС	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
СЛТ ₃	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+
УССГТ	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+

4.3. Словари лингво-литературоведческих терминов многоязычного типа

ЛС	+	(+)	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СЛТ ₁	+	(+)	-	-	-	+	+	+	+	+	+
СЛТ ₂	+	-	-	-	(+)	-	+	+	(+)	+	-
СФОМТ	+										

5.1. Словари лингво-литературоведческих терминов одностороннего типа

КЛС	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
СЛТ ₃	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+
СФТ	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-

5.2. Словари лингво-литературоведческих терминов многостороннего типа

АРСЛС	+	+	-	-	+	-	+	(+)	-	+	+
ЛС	+	(+)	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СЛТ ₂	+	-	-	-	(+)	-	+	+	(+)	+	-
СФОМТ	+										
УССГТ	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+

Оппозиция 1. Словари энциклопедические – словари справочные (толковые).

В словарях энциклопедического типа реализуются зоны 1, 8, 10. Зоны 7 и 9 активизируются только в отдельных случаях в зависимости от индивидуальной специфики словаря.

В словарях справочного типа практически всегда реализуются зоны 1, 7, 8. Зоны 9 и 10 активизируются в большинстве обследованных словарей, хотя здесь возможны исключения. Все прочие зоны малоактивны, и их реализация в словарных статьях определяется спецификой конкретного словаря.

Оппозиция 2. Словари «академические» – словари учебные.

В словарях «академического» типа с наибольшей частотностью реализуются зоны 1, 7, 8, 9, 10. Все прочие зоны активизируются в отдельных случаях в зависимости от индивидуальной специфики словаря.

В словарях учебного типа всегда реализуются зоны 1 и 8 (ср.: [Кузьмина, Скороходов и др., 1997: 80]). С высокой степенью частотности реализуются также зоны 7 и 9. Активизация остальных зон определяется спецификой и задачами данного учебного словаря.

Оппозиция 3. Словари общие – словари отраслевые.

В словарях общего типа всегда реализована зона 1, с максимальной степенью частотности – зоны 8 и 10. С несколько меньшей степенью частотности реализуются зоны 7 и 9. Активизация прочих зон определена спецификой и задачами соответствующего словаря.

В отраслевых словарях всегда реализуются зоны 1 и 8. Зоны 7 и 9 также реализуются практически во всех случаях (исключение составляет только «Словарь этнолингвистических понятий и терминов»). Зоны 6 и 10 активизируются в 50% случаев, причём зачастую зарегистрированные параметры могут носить «нежесткий» характер. Активизация прочих зон зависит от специфики конкретного словаря.

Оппозиция 4. Словари одноязычные – словари двуязычные – словари многоязычные.

В словарях одноязычного типа всегда реализуется зона 1 и практически всегда – зона 8 (исключение составляет ТТПЛ, не содержащий дефиниций в силу своих специфических задач). С достаточно высокой степенью частотности реализованы также зоны 7, 9, 10. Зона 2 вообще не активизируется, зоны 4, 5, 6, 11 реализуются в словарных статьях с минимальной степенью частотности.

В словарях двуязычного типа всегда активизированы зоны 1, 8, 10. В большинстве обследованных словарей значительной степенью частотности отмечены зоны 2, 7, 11. Зоны 3, 4 не реализованы.

В многоязычных словарях всегда реализуется зона 1. Как правило, активизируются также зоны 2 (здесь в половине из обследованных источников отмечена «нежесткость» параметра), 7, 8, 9, 10. Зоны 5, 6, 11 активизируются в 50% случаев.

Оппозиция 5. Словари односторонние – словари многосторонние.

В словарях односторонних, в которых возможен вход в словарь через термины одного языка к другому, всегда реализуются зоны 1, 8, 10. Зоны 2, 6, 7, 9, 11 активизируются в 50% случаев. Зоны 3, 4, 5 вообще не реализованы.

В словарях многостороннего типа, допускающих вход от терминов каждого рабочего языка словаря, во всех случаях активизируется зона 1. Зоны 2, 5, 7, 8, 10 реализуются в словарных статьях в большинстве случаев, зоны 9 и 11 – в 50% случаев. В минимальном количестве случаев активизируются зоны 3, 4, 6.

Из таблицы следует, что СФОМТ может быть классифицирован в целом как словарь справочный (1.2.), академический (2.1.), отраслевой (3.2.), многоязычный (4.3.), многосторонний (5.2.).

Сопоставительный анализ словарей лингвистической терминологии показывает, что в рамках исследуемых оппозиций наиболее близки к СФОМТ по полноте реализации базовых зон словарной статьи «Грамматический словарь» Н.Н. Дурново, «Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике» А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского и др., «Словарь лингвистических терминов» О.С.Ахмановой и «Словарь лингвистических терминов» А.Г. Назаряна. В последних двух словарях реализуются 8 из 11 зон словарной статьи. Не активизированы зоны этимологического и хронологического информации, стилистической информации и авторства термина. В микроструктуре словаря Н.Н. Дурново отсутствуют зоны грамматической информации и коллокации терминологии, но даются указания на этимологию заимствованных терминов. Микроструктура «Англо-русского словаря по лингвистике и семиотике» А.Н. Баранова, Д.О.Добровольского и др. не имеет зон, содержащих информацию об этимологии и стилистической отнесенности терминов, о сочетаемостных потенциях терминологии. Отсутствует также зона иллюстративных примеров.

На основании вышеизложенного появляется возможность кратко сформулировать основные характерные особенности СФОМТ:

- 1) Синтез родственных элементов двух смежных дисциплин, каковыми являются метрика и фонетика.
- 2) Полнота характеристики термина, которая позволяет правильно употребить его как в устной, так и в письменной речи.
- 3) Совмещение чисто лингвистического, в частности, грамматического, описания слова-термина, которое свойственно переводным словарям, с описанием данного термина с элементами дефиниции, как это принято в толковых словарях и лексиконах.
- 4) Привлечение к описанию терминов элементов этимологии.
- 5) Обновление лексикографических приёмов и средств, а именно: широкое использование сложной системы перекрестных ссылок, оценка корректности использования того или иного термина в сочетании с другими терминами, указание на возможное авторство (в отношении латинской и древнегреческой терминологии и в отдельных случаях в отношении терминологии на современных языках).
- 6) Привлечение в качестве иллюстративного материала большого количества примеров из древних и современных языков, перечень которых далеко не исчерпывается шестью рабочими языками словаря (в словаре даются примеры на более чем 40 языках).

5.2.4. Особенности описания семантики терминов в СФОМТ

1. К проблеме типологизации дефиниций фонетико-метрических терминов в структурно-семантическом аспекте

Основным компонентом микроструктуры любого терминологического словаря, в том числе и словаря лингвистической терминологии, является дефиниция того или иного термина, представляющая собой выраженное в краткой форме основное содержание понятия, номинированного

соответствующей терминологической единицей⁸⁹. Дефиниция в лингвотерминологическом словаре в отличие от словарей общей направленности строится как с применением средств естественного языка (языка-объекта), так и с использованием единиц метаязыка лингвистики (языка описания)⁹⁰. Дефиниция содержит описание значения (значений) термина, помогая определить место этого термина в терминологической системе, отражает в той или иной форме правила и закономерности, на основе которых термины вступают между собой в синонимические, антонимические, гипо-гиперонимические, ассоциативные и иные отношения (ср.: [БЕРЕЖАН, 1987]).

К основным внутренним (структурным) особенностям словарной дефиниции термина могут быть отнесены: точность, конкретность, логичность, информативность, связность, экономичность (краткость, компактность) изложения, коммуникативная целостность, обозримая и ясно выраженная связанность с дефинициями смежных терминов (системность), непротиворечивость, адекватность объёму и содержанию определяемого понятия. К внешним особенностям дефиниции принято относить: особые графические средства выражения, чёткую пунктуацию, понятную систему сокращений, используемых полиграфических знаков и т.п.

В лексикографической практике сложились различные типы словарных дефиниций, применяемых как в чистом виде, так и в комбинаторике. Сочетаясь друг с другом на основе различных связей и отношений, дефиниции – как особый текстовый жанр – способствуют, таким образом, структуризации научного знания (ср.: [ФЕДЮЧЕНКО, 2003: 273]).

Принято различать следующие типы дефиниций:

1) денотативные (предметные, реальные), содержащие описание характерных признаков предмета (реалии) [СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 165; ГАК, 1990: 463; СКЛЯРЕВСКАЯ, 1994: 28] (ср. с «экстралингвистическим или «денотативным» объяснением» [ШАТУНОВСКИЙ, 1995: 566]);

⁸⁹ В лингвистической литературе нередки случаи противопоставления словарной дефиниции как более узкого и толкования как более широкого по объёму понятия. В отличие от дефиниции, последнее представляет собой «краткую лексико-стилистическую и грамматико-функциональную характеристику вокабулы в словарной статье», основной целью которой является «описание, уточнение употребления значения, раскрытие однозначной вокабулы или значений вокабулы многозначной» [КАРПОВИЧ, 1971: 3].

В ЛЭС понятия дефиниции и толкования не противопоставляются. Более того, в ряд этих понятий включается также определение [ГАК, 1990: 463], которое, как считают А.В. Суперанская и др., обозначает, в отличие от дефиниции, процесс истолкования понятия, в то время как дефиниция – «это своеобразный результат процесса определения понятия» [СУПЕРАНСКАЯ и др., 1989: 161]. О.В. Грязнова, разграничивая понятия определения и дефиниции, считает последнюю «компонентом определения термина» [ГРЯЗНОВА, 1986: 142].

А.В. Лемов связывает разные обозначения способа, содержания и особенностей подачи информации о слове в словарной статье с развитием лексикографии, которое привело к появлению различных типов словарей и, как следствие, к совершенствованию и специализации структуры словарных статей: «*Дефиниция* чаще употребляется по отношению к терминам; слова *описание* и *объяснение* потеряли терминологичность значения. Предпочтение отдаётся экспонентам *толкование* и *определение*, хотя и появились противоположные точки зрения на их понятийные характеристики» [ЛЕМОВ, 2003: 238–239].

⁹⁰ Применение средств естественного языка в процессе определения значения языковых единиц, по мнению Т.З. Черданцевой, представляется целесообразным, «так как облегчает пользование словарём любому читателю» [ЧЕРДАНЦЕВА, 1991: 156].

2) логические (родовидовые), содержащие указание на ближайшее родовое понятие и на существенный дифференцирующий признак [ГРЯЗНОВА, 1986: 144; ГАК, 1990: 463; СКЛЯРЕВСКАЯ, 1994: 28; ШЕЛОВ, 1996: 72] (ср. с «внутриязыковым или «сигнификативным» объяснением» [ШАТУНОВСКИЙ, 1995: там же]). Родовидовые дефиниции, по утверждению О.В. Грязновой, представляют собой универсальный тип дефиниции, в рамках которого «почти любое обозначаемое термином явление или предмет можно подвести под более общее родовое понятие, при этом видовое отличие обеспечит снятие неопределенности» [ГРЯЗНОВА, 1986: 147]. «В качестве родового должно быть выбрано слово с максимальной общей семантикой, которому и подчиняются слова, обозначающие видовые понятия» [ГЕРД, 1996: 302];

3) эквивалентные (лингвистические), содержащие ссылку к синониму, словообразовательные формулы и т.п. [ГАК, 1990: 463; СКЛЯРЕВСКАЯ, 1994: 28];

4) отсылочные, предполагающие обращение пользователя к смежной словарной статье [СКЛЯРЕВСКАЯ, 1994: 28; ср. КУЛИКОВА, САЛМИНА, 2002: 92].

В этот перечень могут быть внесены, но с применением иных классификационных признаков, также:

5) цитатные (собственно-авторские) [КУЛИКОВА, САЛМИНА, 2002: 91-93];

6) отсылочно-цитатные [КУЛИКОВА, САЛМИНА, 2002: 91-93];

7) обучающие [КУЛИКОВА, САЛМИНА, 2002: 91-93].

Первые четыре разновидности дефиниций относятся к семантическому типу, который детерминирован лингвистическим статусом, функционально-системными особенностями дефинируемого термина, и могут регистрироваться в большинстве словарей вне зависимости от их pragматической ориентированности. Разновидности дефиниций 5) – 7) вычленяются по формальному признаку, и могут быть соотнесены с типом словаря, в котором находят своё применение, например: цитатная (собственно-авторская) или отсылочно-цитатная дефиниция – цитатный тип словаря, обучающая дефиниция – учебный тип словаря и т.д.

Учитывая вышеизложенное, при решении вопроса о том, каким должно быть истолкование понятийного содержания термина в словаре лингвистической терминологии, следует исходить как из семантического, так и формального критерия.

Применение семантического критерия при решении вопросов, связанных с типологизацией словарных дефиниций, позволяет выявить в СФОМТ все четыре типа дефиниций, функционирующих по отдельности и в комбинаторике. Ниже приводятся примеры дефинирования понятий с указанием соответствующего дефинитивного типа.

1) Денотативные (предметные, реальные), содержащие описание характерных признаков объекта:

«**MACRON, -I n** [makrón < makrós] *Graec.*, *id.* signum longitudinis; *cf.* apex; *opp.* signum brevitatis

gr. μακρόν τό

r. макро́н *m*, то же, что знак долготы |Диакритический знак в виде горизонтальной черты над гласной буквой (‘), указывающей на долготу звука|; *ср.* apex; *противоп.* знак краткости

en. macron *n*, *id.* ectasis, long mark, sign of length, length sign |The diacritic mark representing a short horizontal line (‘) placed over a vowel to indicate the pronunciation is long|; *cf.* apex; *opp.* to breve, mark (sign) of shortness, shortness mark (~ sign)

dt. Makron *n*, *svw.* Längezeichen, Dehnungszeichen, Zeichen für die Lautlänge |Das diakritische Zeichen, das eine kurze waagerechte Linie über einem Vokal (‘) darstellt, die auf die Vokallänge hinweist|; *vgl.* Apex; *Ggs.* Kürzezeichen, Zeichen für die Lautkürze

fr. macron *m*, *id.* signe de durée; *cf.* apex; *opp.* brève, signe de brévité».

2) Логические, содержащие указание на ближайшее родовое понятие и на существенный дифференцирующий признак:

«**DICOLON**, -I n [díkōlon < di + kōlon] *Graec.*; cf. 1) °colon, 2) colum, 3) membrum, 4) °tricolon

gr. δίκωλον τό; cf. 1) °κῶλον, 2) °τρίκωλον

r. диколон *m* [*Колон, состоящий из двух частей*]; cf. 1) °колон, 2) °триколон

en. dicolon *n* (*dicola pl*) [*A colon consisting of two parts*]; cf. 1) °colon, 2) °tricolon

dt. Dikolon *n* (*Dikolons Pl, Dikola Pl*) [*Zweifaches Kolon; Kolon, das aus zwei Teilen besteht*]; vgl. 1) °Kolon, 2) °Trikolon

fr. dicolon *m* (*dicola pl*); cf. 1) °colon, 2) °tricolon».

«**CONSONANS DENTALIS**, *id.* dentalis II

r. согласный дентальный (~ зубной) [*По месту образования преграды: переднеязычный согласный, при произнесении которого кончик и передняя часть языка вступают в контакт с передними зубами*]

en. dental consonant, dental *n* [*According to the place of obstruction: A forelingual consonant articulated with the tip and the blade of the tongue making contact with the upper teeth*]

dt. dentaler Konsonant (~ Laut), Dentallaut *m*, Zahnlaute *m*, Dentalis *f* (*Dentales Pl*), Dental *m* [*Nach der Stelle der Verschlussbildung: Vorderzungenauslaut, bei dessen Aussprechen die Zungenspitze (Apikon) oder die Vorderzunge einen Verschluss oder eine Enge an den vorderen Zähnen bilden*]

fr. consonne dentale, dentale *f*.

3) Эквивалентные (лингвистические), содержащие ссылку к синонимам, словообразовательные формулы и т.п.:

«**ALCMANIUS, -A, -UM a** [Alkmānikós < dor. Alkmán < Alkmaíōn] *Graec.*, *e.g.* METRUM (METRON) ALCMANIUM, VERSUS ALCMANIUS, STROPHA (STROPHE) ALCMANIA

gr. Αλκμανίκος *a*, *e.g.* μέτρον, στίχος, στροφή

r. алкманов *a*, напр., РАЗМЕР, СТИХ, СТРОФА |1) Написанный древнегреческой поэтической строфой, представляющей собой дактилический тетраметр (два дактиля и два трохея); 2) Состоящий из стихов, написанных соответствующим размером; 3) Относящийся к древнейшему греческому лирическому поэту Алкману (VII в. до н.э.)|

en. Alcmanian *a*, *e.g.* METER, METRE, VERSE, STANZA, STROPHE |1) Of the Old Greek poetic verse which represents a dactylic tetrameter consisting of two dactyles and two trochees; 2) Consisting of verses named after the Greek poet Alcman; 3) Pertaining to the oldest Greek poet Alcman (ca. 7th cent. B.C.)|

dt. alkmanisch *a*, z.B. VERS, VERSMAß, METRUM, STROPHE |1) In der altgriechischen poetischen Strophe abgefasst, die den daktylischen Tetrameter darstellt, der aus zwei Daktylen und zwei Trochäen besteht; 2) Aus Versen entsprechenden Versmaßes bestehend; 3) Den ältesten griechischen Chorlyriker Alkman (7. Jh. v. Chr.) betreffend, von ihm stammend|

fr. alcmorianien, -ne *a*, *e.g.* STROPHE, STANCE, VERS, MÈTRE».

4) Отсылочные, предполагающие обращение пользователя к смежной словарной статье:

«**HEMISTICHION, -I n** [hēmīstíkhion < hēmi + stíkhos] *Graec.*, *Lser.*, *Su* [*Dimidia pars versus*]; cf. 1) versus IV, 2) monostich(i)um, 3) monostichus, 4) monostichis, 5) monoversus, 6) distichon, 7) distichus, 8) tristichon, 9) tristichus, 10) tetrastichon, 11) pentastichon, 12) hexastichon, 13) heptastichon, 14) octostichon, 15) nonastichon, 16) decastichon, 17) undecastichon, 18) hendecastichon, 19) duodecastichon, 20) versus brevis

gr. ἡμιστίχιον (τοῦ) τό Sext; cf. 1) στίχος; 2) στίχος μονοειδῆς, μονόστιχος, μονόστιχον; 3) δίστιχον, δίστιχος; 4) τρίστιχος, τρίστιχον; 5) τετράστιχος, τετράστιχον; 6) πεντάστιχος, πεντάστιχον; 7) ἔξαστιχος, ἔξαστιχον; 8) ἐπτάστιχος, ἐπτάστιχον; 9) ὀκτάστιχος, ὀκτάστιχον; 10) ἐννεάστιχος,

ἐννεάστιχον; 11) δεκάστιχος, δεκάστιχον; 12) ἐνδεκάστιχος, ἐνδεκάστιχον; 13) δωδεκάστιχος, δωδεκάστιχον; 14) στίχος βράχυς

r. полустих *m*, полустишие *n*; строка *f* неполная |Часть стихотворной строки, отграничивающаяся от другой части ритмико-интонационными средствами (к примеру, цезурой)|; ср. 1) стих, 2) моностих, одностишие, 3) дистих, двустишие, 4) тристих, трёхстишие, 5) тетрастих, четверостишие, 6) пентастих, пятистишие, квинтет, 7) гексастих, шестистишие, 8) гептастих, семистишие, 9) октостих, восьмистишие, 10) девяностишие, nona, 11) десятистишие, 12) одиннадцатистишие, 13) двенадцатистишие, 14) стих короткий

en. hemistich(on) *n*, half-line *n* |One part of a verse line separated from another part by rhythmico-intonational means (e.g. by caesura or pause)|; cf. 1) verse, stich, 2) monostich(on), 3) distich(on), couplet, 4) tristich(on), 5) tetrastich(on), 6) pentastich(on), cinquain, 7) hexastich(on), sixain, sextain, sestet, 8) heptastich(on), 9) octastich(on), octet(te), octave, 10) nine-line stanza (~ strophe), 11) dizain, ten-line stanza (~ strophe), 12) eleven-line stanza (~ strophe), 13) twelve-line stanza (~ strophe), 14) short verse (~ line)

dt. Hemistichion *n*, Hemistichium *n* (Hemistichien *Pl*), Halbvers *m*, Halbzeile *f*, halbe Zeile *f* |Ein Teil der Verszeile, der anhand der rhythmisch-intonatorischen Mittel (z.B. einer Zäsur bzw. einer Sprechpause) von einem anderen abgegrenzt wird|; vgl. 1) Vers, 2) Monostichon, einzeiliges Gedicht, Einzeiler, 3) Distichon, Verspaar, Doppelvers, zweizeiliges Gedicht, Zweizeiler, 4) Tristichon, dreizeiliges Gedicht, Dreizeiler, 5) Tetrastichon, vierzeiliges Gedicht, Vierzeiler, 6) Pentastichon, fünfzeiliges Gedicht, Fünfzeiler, 7) Hexastichon, sechszeiliges Gedicht, Sechszeiler, 8) Heptastichon, siebenzeiliges Gedicht, Siebenzeiler, 9) Oktastichon, achtzeiliges Gedicht, Achtzeiler, 10) neunzeiliges Gedicht, Neunzeiler, 11) zehnzeiliges Gedicht, Zehnzeiler, 12) elfzeiliges Gedicht, Elfzeiler, 13) zwölfzeiliges Gedicht, Zwölfzeiler, 14) Kurzvers, Kurzzeile, Reihe, Anvers, Abvers

fr. hémistiche *m*, demi-vers *m*, moitié *f* de vers; cf. 1) vers, 2) monostiche, monistique, 3) distique, 4) strophe de trois lignes, 5) strophe de quatre lignes, 6) quintil, cinquain, 7) sixain, sextain, sizain, 8) septain, 9) huitain, 10) neuvain, 11) dizain, 12) onzain, 13) douzain, 14) vers bref, ligne brève, apodose, protase».

Подавляющая часть дефиниций, регистрируемых в основном корпусе СФОМТ, представляет собой комбинаторные сочетания всех четырёх дефинитивных типов. Это связано прежде всего с выраженным системным характером фонетико-метрической терминологии и с учитываемыми это обстоятельство способами и формами её презентации.

Применяя формальный критерий, мы учитываем тип словаря, определяющий структурно-семантическую наполненность словарных статей в целом. Тип дефиниций в этом случае должен соответствовать целям и задачам конкретного словаря.

Рассмотрим особенности дефинитивной зоны в микроструктуре словарей лингвистической терминологии с привлечением описанных в разделе 5.2.3.3. первых трёх типологических оппозиций⁹¹.

1. Словари энциклопедические – словари справочные (толковые). Несомненно, что словарная статья, предлагаемая пользователю составителями энциклопедического словаря, содержит более обширную, по сравнению со справочным словарём информацию, включая помимо собственно определения (дефиниции) развернутую объяснительную (энциклопедическую) часть, которая обеспечивает реализацию познавательного аспекта определения термина. Эта часть призвана играть вспомогательную роль при дефиниции термина, уточняя,

⁹¹ В рамках оппозиций 4 и 5 (словари одноязычные – словари многоязычные; словари односторонние – словари многосторонние) сопоставление особенностей дефинитивной зоны с типом словаря не представляется корректным.

конкретизируя тот или иной оттенок его значения. В ряде случаев она содержит экспликацию смежной или семантически родственной терминологии, которая не формирует отдельной словарной статьи, как это принято в словарях справочного типа, а даётся попутно с последующим вынесением в систематизирующий указатель (индекс).

Пример. 1) Энциклопедический тип: ЭРЯ (1998). Статья «**Ударение**» содержит, кроме дефиниции и объяснительной части к собственно понятию «ударение», также объяснения понятий «словесное ударение», «сингтагматическое ударение», «фразовое ударение», «свободное ударение», «подвижное ударение», «фонетическое слово». Последний термин служит для обозначения понятия, не состоящего в родо-видовых отношениях с понятием «ударение» как способом образования фонетически целостного сегмента высказывания, а номинирует собственно этот сегмент. Все прочие понятия функционируют в ранге гипонимов по отношению к термину *ударение*;

2) Справочный (толковый) тип: СФОМТ (2003). Статья «**Ударение (accentus)**» содержит двухчастное определение понятия «ударение (акцент)». Все перечисленные в предыдущем примере понятия, номинированные соответствующими терминологическими единицами, дефинируются в отдельных словарных статьях.

Как видим, в словарях справочного типа дефиниции обычно более структурированы и лаконичны по форме, однако также передают весь необходимый объём информации касательно семантики того или иного термина и, как правило, в редких случаях сопровождаются объяснениями и комментариями.

2. Словари «академические» – словари учебные. В рамках данной оппозиции дефиниция, предлагаемая учебным словарём, будет прежде всего иметь в качестве основной своей цели обучение и может представлять собой упрощённое или обобщённое определение термина, исключающее те оттенки значения, презентация которых не соответствует целям и задачам учебного словаря. В словаре же «академического» типа, рассчитанном на подготовленную аудиторию, несомненно, будут указаны все зарегистрированные на данный момент времени элементы значения.

Пример 1. 1) «Академический» тип: СЛТ₁ (1966/1969/2004). **Грамматикализация** (грамматизация). 1) Обобщение, абстрагирование, отвлечение от конкретного лексического содержания. 2) Утрата словом лексической самостоятельности в связи с привычным употреблением его в служебной функции. 3) Превращение словосочетания в аналитическую форму слова;

2) Учебный тип: КСЛТ (1995). **Грамматикализация**. 1) Превращение некоторой понятийной категории в грамматическую. 2) Утрата знаменательным словом лексической самостоятельности как результат употребления его в служебной функции.

Пример 2. 1) «Академический» тип: СФОМТ (2003). **Консонантизм** (*consonantismus*). 1) Система согласных фонем языка (диалекта, говора, семьи или группы языков), элементы которой обладают рядом определённых признаков, характерных для каждого члена этой системы, и состоят в отношениях, строящихся на основе данных признаков. 2) Образование и развитие системы согласных на определённом этапе существования языка. 3) Раздел фонетики, занимающийся изучением системы согласных языка (говора, диалекта и т.д.) в диахроническом (историческом) или синхроническом (дескриптивном) аспектах;

2) Учебный тип: ОСЛТ (2004). **Консонантизм**. Система согласных конкретного языка в её количественном и качественном своеобразии;

3) Учебный тип: КСЛТ (1995). **Консонантизм**. Совокупность согласных звуков, система согласных фонем какого-л. языка;

4) Учебный тип: УССГТ (1998). **Консонантизм**. Система согласных фонем.

3. Словари общие – словари отраслевые. В словаре общего типа дефиниция какого-либо лингвистического термина в плане структурно-семантической наполняемости не отличается в целом от дефиниции, предлагаемой отраслевым словарём, что вполне отвечает требованиям критерия информативности, в равной мере реализуемого в словарях обоих типов.

Пример. 1) Общий тип: СЛТ₁ (1966/1969/2004). **Дифтонг** (*двугласный, *сложный гласный). Сочетание двух гласных – слогового и неслогового – в одном слоге;

2) Общий тип: ССЛТ (2001). **Дифтонг**. Сочетание в одном слоге двух гласных – слогового и неслогового;

3) Отраслевой тип: ОПФТ (1993). **Дифтонг**. Сочетание двух гласных (обычно слогового и неслогового), произносимое в составе одного слога;

4) Отраслевой тип: СФТ (1996). **Дифтонг**, иначе двугласный, двоегласный;

5) Отраслевой тип: СФОМТ (2003). **Дифтонг**. Сочетание двух гласных (слогового и неслогового) в составе одного слога.

Указанная оппозиция обнаруживает себя скорее в словаре (точнее, в количестве вокабул), чем в типе дефиниции. Поэтому словарная статья в словарях общего типа обычно более пространна, так как содержит информацию, относящуюся не только к собственно термину-гиперониму, но и к термину (терминам) гипонимического свойства. К примеру, словарные статьи в СЛТ₁ и СЛТ₂, предлагающие дефиницию термина *дифтонг*, включают в себя дефиниции производных от заголовочного терминов гипонимического свойства: *дифтонг восходящий*, *дифтонг нисходящий*, *дифтонг слабый*, *дифтонг ложный*, *дифтонг однородный*, *дифтонг долгий*, *дифтонг краткий*. В отраслевых словарях перечисленные терминологические единицы будут образовывать отдельные словарные статьи.

Резюмируя, следует отметить следующее:

1. Дефинитивное поле СФОМТ, отражая системный характер предъявляемой терминологии, обнаруживает широкое типологическое многообразие дефиниций, включая в себя денотативные (предметные, реальные), логические (родовидовые), эквивалентные (лингвистические) и отсылочные типы дефиниций.

2) В СФОМТ, являющемся словарём справочного (толкового) типа, дефиниции представляют собой чётко структурированный, лаконичный тип описательного текста, которому свойственны все основные внутренние и внешние дефинитивные признаки;

3) Будучи словарём «академического типа», СФОМТ отражает все зарегистрированные в настоящее время в учебных, научных и иных источниках значения презентируемой терминологии фонетики и метрики;

4) Информативные параметры СФОМТ соответствуют критериям информативности, применяемым к словарям отраслевого типа.

2. Ранжирование элементов значения в семантической структуре терминов фонетики и метрики

Помимо словарного типа, оказывающего непосредственное влияние на качественные и количественные параметры дефиниций терминов, серьёзной проблемой, требующей своего решения в аспекте структуры дефиниций, является ранжирование элементов значения терминов внутри дефинитивной зоны. К параметрам, учитываемым в процессе ранжирования, могут быть как минимум отнесены:

1) Приоритетность значения термина (основное – неосновное значение);

2) Основной рабочий язык словаря;

3) Тематическая направленность словаря.

С.И. Ожегов отмечает важность решения вопроса о порядке репрезентации значений языковых единиц в словарной статье. По его мнению, в словарях общего типа целесообразно выдвигать в качестве основного значения то, «которое оформилось как значение общенародного языка, а те оттенки или значения, которые предшествовали этому, должны оговариваться особо» [ОЖЕГОВ, 1974: 180]. Если применить это требование к словарям лингвистической терминологии, то первое место в дефиниции того или иного термина должно быть закреплено за наиболее широким или общим традиционным его значением, более же узкие по объёму или маркированные по сфере, способу, месту или времени реализации значения должны отходить на второй план и следовать за более общим значением. В случае предъявления равновеликих оттенков значения термина в дефиниции, предпочтение должно отдаваться, по нашему мнению, хронологически предшествующему значению.

Пример. СФОМТ (2003). «**Diaeresis** (диэреза, диереза, диэрезис) |1) Общий термин, используемый для указания на комбинаторный фонетический процесс, заключающийся в выпадении (исчезновении) звука (как правило, согласного) в результате ассимиляции или диссимилияции; 2) Разложение одного слога (дифтонга) на два гласных и их последующее раздельное произношение; 3) Диакритический значок (трема: '), представляющий собой две горизонтально расположенные точки, ставящиеся над одной из двух смежных гласных с целью указания на их раздельное произнесение, т.е. их фонетическую самостоятельность; 4) В античной метрике, замена в стопе долгого слога двумя краткими слогами, напр., замена ямба (—) или хорея (—) трибрахием (— —), спондея (— —) дактилем (— —), кретика (— —) пеоном I (— — —) и т.д.|».

В процессе ранжирования значений терминов особо следует учитывать приоритетность рабочих языков словаря, регистрируемых в функциональном поле такого классификационного признака, как «словарь одноязычный – словарь многоязычный». В рамках указанного противопоставления ранжирование элементов дефиниции – при прочих равных условиях – зависит, как представляется, от того, какой язык или языки выступают в качестве основных (приоритетных) рабочих языков словаря.

Пример. В шестиязычном СФОМТ первыми (приоритетными) языками являются латинский и греческий, что определённым образом влияет на ранжирование частей дефиниции в микроструктуре этого словаря. Ср.:

«**Accentus acutus** (ударение острое (~ акутовое), тон острый, акут, акцент акутовый) |1) В древнегреческом языке, один из видов тонического ударения обозначаемого диакритическим знаком (□), которое может ставиться на любом из трёх последних слогов, как долгом, так и кратком, причём на третьем слоге от конца в случае краткости последнего слога; характеризуется повышением голоса на ударном слоге, составляющим максимум одну квинту; <...> 4) В современном шведском языке, вид музыкального удараия, для которого характерно отсутствие слабого побочного удараия на каком-л. слоге, следующем за главноударенным слогом; этот вид удараия сопровождается понижением тона <...>; 5) В современном литовском языке, нисходящая интонация (tvirtaprāde), сформировавшаяся в ходе развития языка из восходящей; обозначается знаком акута (dešininis zénklas)...|».

Не менее важным и требующим учёта в практическом лексикографировании параметром является тематическая направленность словаря, от которой также в известной мере зависит расположение элементов дефиниции. На первый взгляд, дефинируемая в тематически ориентированном словаре терминология уже сама по себе отбирается на основе принципов, исключающих

тематически чужеродные терминологические вкрапления в словарь. Однако на практике лексикографы зачастую имеют дело с многозначными терминами, функционирующими в близкородственных или смежных отраслях (ср.: [ИВАНОВА, 2003: 236]). Трудно – и, пожалуй, невозможно – найти сейчас такую научную отрасль, терминологический аппарат которой не нуждался бы в заимствованиях из терминологии смежных дисциплин. Существующие терминологические словари не могут не учитывать поэтому наличия у термина значений, реализуемых в смежной области, которые, безусловно, не должны предъявляться в корпусе дефиниции в качестве первых или основных.

Пример. СФОМТ (2003). «**Obeliscus** (обелиск, крестик) |1) В палеографии: знаки (÷) или (–), используемые для пометок на полях против неясных, подозрительных, сомнительных слов или мест в текстах древних рукописей; 2) В полиграфии: знаки (†) или (‡), применяемые для указания на сопутствующие сноски|».

В приведённом примере в качестве первого (основного) значения указано то, которое принято в палеографии, т.е. в той научной области, которая занимается изучением древних рукописей, включая наследие античных авторов. Значение дефинируемого термина, регистрируемое в полиграфической и книгоиздательской отрасли как имеющее косвенное отношение к тематике и pragmatike СФОМТ, получает, соответственно, статус неосновного.

Принципы ранжирования терминологических значений в словарях лингвотерминологии должны, как видим, строиться с учётом широты и сферы реализации отдельных компонентов семантики репрезентируемых терминов, стержневого языка и тематической направленности словаря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1.1. В современной лингвистике под метаязыком – как основной формой знакового представления научных знаний – понимается язык «второго порядка», призванный интерпретировать с помощью специальных средств языковые образования или денотаты языка-объекта (фонемы, морфемы, слова, синтаксические единицы, сверхфразовые единства и т.д.). Основными структурными компонентами, образующими метаязык языкоznания, признаются: 1) терминология, формирующая терминосистемы отделов лингвистики, внутри которых существует множество лингвистических направлений, 2) номенклатурные знаки (номены) как системно и тематически организованный набор частных понятий, 3) общенаучная лексика, представляющая собой особый класс языковых средств, реализующих информативно-интеллектуальную функцию. В ряду перечисленных компонентов стержневым является терминологическая система, рассматриваемая в качестве основы для построения метаязыка.

1.2. Выделенные компоненты метаязыка в целом, и метаязыка лингвистики в частности, обладают в совокупности целым рядом уникальных онтологических характеристик, позволяющих различать описываемый язык (язык-объект) и язык описания (метаязык). К особенностям метаязыка могут быть отнесены: системность, формализованность структуры, искусственность, однозначность элементов структуры, ограниченная функциональная направленность, эталонность, абстрактность, универсальность и достаточность, открытость, детерминированность, вариативность (изменчивость), преемственность (единобразие, конвенциональность), социально-национальная ориентированность, психологичность, фиксированность средствами графики.

1.3. С функциональной точки зрения, метаязык выступает в качестве средства описания естественного языка, обладая способностью выражать любые отношения, существующие внутри языка-объекта, называть любые объекты естественного языка, используя при этом особую систему номинаций, формулировать определения, обозначения, правила образования и преобразования для выражений языка-объекта.

1.4. Субстанция метаязыка лингвистики тождественна субстанции языка-объекта. Это утверждение вытекает из того факта, что элементы метаязыка (метаязыковые структуры, метазнаки) в массе своей образованы на базе естественного языка, выступающего в роли субстрата по отношению к метаязыку, и направлены на языковую или речевую единицу или их совокупность. Отсюда проистекает возможность считать элементы метаязыка (метазнаки) неотъемлемой частью естественного языка, в котором метазнаки могут функционировать как активно употребляемые слова.

1.5. Метаязык лингвистики в принципе поддаётся систематизации, унификации и последующей стандартизации по крайней мере в той его номенклатурно-терминологической части, которая сформирована на международной основе (как правило, греко-латинского происхождения) и характеризуется наличием полного семантического соответствия в рамках различных семиотических кодов. Общая международная основа метаязыка лингвистики обеспечивает прямую передачу информации при переводе с одного языка на другой и позволяет достичь максимального формального соответствия между аналогичными лингвотерминологическими единицами различных языков. Исходя из этого, можно говорить о создании в перспективе единого метаязыка языкоznания, применение которого на конвенциональной основе даст возможность лин-

гвистам разных стран выработать общие подходы к проблемам, связанным с возникновением, развитием и функционированием языка.

1.6. Рост научного знания выявляет потенции метаязыка, его универсальность как средства описания научных фактов, несомненную способность к варьированию под влиянием постоянно меняющихся внешних факторов.

2.1. Диахронический анализ места и роли древних языков в создании и развитии метаязыка европейской лингвистики показывает, что базовый терминологический пласт, обнимающий все основные отделы лингвистики (фонетику, метрику, грамматику, стилистику, риторику), был создан филологами Древней Греции и Рима в период с II в. до н.э. по II в. н.э. и впоследствии заимствован и ассимилирован с известными модификациями в объёме значения всеми исследованными нами новыми европейскими языками.

2.2. Историко-хронологическое исследование лингвотерминологического аппарата русского языка свидетельствует о начале формирования лингвистической терминологии в XVI в. и возникновении в дальнейшем двух значительных терминологических пластов в XVIII в. и в период XIX–XX вв., заложивших основы метаязыка русского языкоznания.

2.3. В германских языках (английском и немецком) первые признаки появления лингвистической терминологии фиксируются в период X–XII вв. Собственно лингвотерминологический аппарат начинает формироваться в период с XIII в. по XV в., причём в английском языке этот процесс хронологически начинается на два века раньше, чем в немецком языке. Появление первого базового лингвотерминологического пласта в лексическом составе английского языка приходится на среднеанглийский период, в то время как в немецком языке он возник в нововерхненемецкий период. В новое время в английском языке сформировался уже второй лингвотерминологический пласт; в немецком языке его появление отмечено только в новейшее время (начиная с XVIII в.), на которое приходится возникновение в составе английской лексики уже третьего значительного слоя лингвотерминологии.

Количественно-статистический и структурный анализ лингвотерминологии в германских языках показывает, что процессы становления терминологической лексики в английском языке отличаются известной стабильностью, выражющейся в адекватном росте числа терминов, обслуживающих различные отрасли языкоznания, в то время как в немецком языке этим процессам свойствены периоды спадов и подъёмов. Несомненно, что нестабильность процессов формирования лингвотерминологического массива является следствием общей geopolитической ситуации в Германии в средние и новые века.

2.4. В лексическом составе французского языка первые признаки формирования лингвистической терминологии отмечены ещё в старофранцузский период (X–XIV вв.). На это время приходится возникновение первого лингвотерминологического пласта. Пик терминообразования приходится, как следует из полученных данных, на XII–XIV вв. В среднефранцузский период (XV–XVI вв.) формируется второй терминологический пласт, вбирающий в себя около трети всех зарегистрированных в этимологических словарях лингвистических терминов. Интенсивность процессов терминообразования достигает своего максимума в XVI в. Формирование третьего, самого объёмного терминологического пласта происходит на современном этапе развития языка. В этот период пик терминообразования приходится на XVIII–XX вв.

2.5. Сравнительно-сопоставительный анализ хронологии терминообразовательных процессов позволяет выстроить чёткую схему процессов заимствова-

ния лингвистической терминологии из одного европейского языка в другой. Во времена античности в качестве языка-донора, выступающего источником пополнения лингвотерминологического аппарата, для латыни служил древнегреческий язык. В раннем средневековье языком-источником для английского языка как языка-реципиента служат, с одной стороны, греческий и латинский языки, с другой – французский язык, который в свою очередь черпает лингвотерминологию из греко-латинских источников. В средние века немецкий язык, выступая в роли языка-реципиента, ассимилирует греко-латинскую терминологию через посредство французского и английского языков, формируя в более поздний хронологический период собственную терминологию, дублирующую греко-латинскую. Русский язык воспринимает лингвистические термины также как минимум из двух источников – французского и немецкого языков. Зачастую, по авторитетному заявлению М. Фасмера, посредником в процессе заимствования выступает польский язык. Заимствования из английского языка в русский в количественном отношении малозначительны.

2.6. Частеречный анализ лингвистической терминологии свидетельствует о том, что практически на всех этапах формирования терминологического аппарата языкоznания подавляющее количество терминов относилось к разряду существительных, доля которых во всех исследуемых языках в среднем составляла 70%-75%. Это объясняется присущей лексике всех исследованных европейских языков тенденцией сначала давать имя понятию и только затем номинировать вытекающие из значения этого имени признаковые параметры того или иного явления (объекта, процесса). Следствием этой тенденции можно считать оттянутый во времени «компенсационный» количественный рост в отдельные хронологические периоды терминов-прилагательных, производных от существительных, которые зарегистрированы в предыдущий период.

2.7. Структурно-типологический анализ лингвистической терминологии показывает, что, вне зависимости от национального языка, на начальных этапах становления и развития терминологического аппарата языкоznания преобладает простая непроизводная (корневая) своеязычная терминология, которая обнимает в среднем десятую часть всего регистрируемого этимологическими словарями лингвотерминологического корпуса. В период зарождения лингвистической терминологии количество корневых терминологических единиц может достигать 100%. В процессе развития терминологии лингвистики доля корневой терминологии неуклонно снижается. Это снижение сопровождается ростом числа простых производных и сложных терминов. Подавляющее большинство терминов лингвистики может быть отнесено именно к простой производной лексике, что свидетельствует о развитых деривационных процессах в сфере лингвотерминообразования. По мере развития терминологического аппарата как древних, так и новых европейских языков растёт также количество сложной терминологической лексики, которая, однако, уступает в числе простым производным терминам. Полученные в ходе данного вида анализа результаты в целом свидетельствуют о постоянной и устойчивой тенденции к структурному усложнению лингвистической терминологии.

2.8. Анализ процессов заимствования лингвистической терминологии показывает следующее. Латинский язык на четверть обогатил состав своей лингвотерминологической лексики за счёт лексических ресурсов греческого языка, причём процесс заимствования этих специфических языковых единиц происходил как минимум в три раза интенсивнее, чем процесс заимствования лексики общезыкового характера.

Греко-латинская составляющая в лингвистической терминологии русского языка образует долю в 86%, в английской лингвотерминологии доля терминов греко-латинского происхождения достигает 97% от общего числа зарегистрированных терминов, во французском языке этот показатель составляет 94%. В немецкой лингвистике доля греко-латинских терминов достигает 63%. Оставшуюся часть немецкой лингвистической терминологии формируют своеязычные термины-дублеты. Это обстоятельство подтверждает «исключительность» немецкого языка в аспекте выбора путей и способов пополнения терминологического аппарата национального языкознания.

3.1. С учётом различных точек зрения лингвистов на термин как языковую единицу, в работе сформулировано определение этого понятия, которое включает в себя основные ингерентные признаки термина. Термин – это выраженная посредством слова или словосочетания языковая единица, которая представляет собой системно организованный, функционально значимый, семантически целостный, понятийно ориентированный, конвенциально воспроизводимый в рамках конкретной научной или производственной сферы и потенциально стандартизируемый элемент лексической системы языка.

3.2. Исследование лингвистического статуса термина выявляет двоякую системность терминологических единиц: системность внешнего характера, которой термин наделяется в силу своей принадлежности к общей системе языка, и системность внутреннюю, основанную на понятийной и структурной организованности терминологии. Внутренняя системность проявляется как на уровне отдельно взятого термина, так и на уровне совокупностей терминов, формирующих терминосистему. Системность отдельно взятого термина выражается в его соотнесении со специальным понятием и в возможности его определения посредством других специальных понятий с привлечением (если необходимо) других терминов. Однако о полной соотнесённости термина и номинируемого им понятия говорить всё же не приходится, так как на практике существует довольно значительное количество многозначных терминов, существование которых противоречит самой сути системности как признака.

Помимо понятийной системности, термину присуща также системность структурная, позволяющая ему занимать своё место в ряду сопоставляемых с ним терминологических единиц. Структурная системность проявляется в существовании гипо-гиперонимических отношений внутри терминосистемы. Кроме этого, она может находить своё частное выражение и на словообразовательном (морфологическом) уровне, о чём свидетельствует регулярность в употреблении тех или иных словообразовательных средств.

3.3. В структурно-семантическом аспекте к основным признакам термина могут быть отнесены: 1) нормативность, находящая своё проявление на лингвистическом, содержательном и логическом аспектах, 2) воспроизводимость (устойчивость), связываемая в первую очередь со статистическим критерием определения степени терминологичности той или иной языковой единицы, 3) конвенциональность (общепринятость, общепризнанность), позволяющая термину в любой языковой среде сохранять свою понятийную адекватность и основные внешние (структурные) признаки, 4) концептуально-семантическая целостность, в рамках которой термин должен выражать все стороны номинируемого им понятия, 5) соотнесённость с конкретной областью знаний (специализация термина), реализуемая в логической структурированности всех оттенков значения термина и составляющая тот его индивидуализирующий семантический компонент, который отличает конкретный термин от однопорядковых лек-

сических единиц и отчётливо маркирует его в прикладном аспекте, 6) дефинируемость (дефинитивность), предполагающая наличие у термина чётко очерченной дефиниции, являющейся в свою очередь органической частью дефинитивного поля всей терминологической системы.

Ряд прочих признаков, перечисляемых ниже, и относимых нами к разряду вариативных, рассматривается в работе с применением процедуры противопоставления, так как при описании этих признаков устанавливаются оппозиции, базирующиеся на разнонаправленных тенденциях в развитии терминологии. К этим признакам относятся: 1) мотивированность (vs. немотивированность), проявляющаяся как на структурном, так и на семантическом уровне, и не зависящая, на наш взгляд, от происхождения термина, 2) полисемантичность (vs. моносемантичность), существование которой обусловлено степенью упорядоченности терминологии в соответствующей отрасли знания, и которая воспринимается как некий «временный» недостаток, устранимый по мере гармонизации и унификации терминосистем на конвенциональной основе и при условии тщательного отбора терминологического материала, 3) эмоциональность или экспрессивность (vs. стилистическая нейтральность), обнаруживающая себя либо на этапе становления терминосистемы, либо в процессе применения термина вне рамок той терминосистемы, элементом которой он является, 4) метафоричность (vs. безобразность), возникающая при переносе значения, который обусловлен гносеологической необходимостью, а не эмоционально-экспрессивными или эстетическими факторами, и поэтому рассматривается в работе в качестве приёма описания изучаемого объекта.

3.4. Основные функции термина, как представляется, совпадают с функциями слова как универсальной языковой единицы. Рассматривая термин в качестве одного из элементов лексической системы языка, мы допускаем также возможность реализации им номинативной, сигнификативной, коммуникативной и (при известных условиях) прагматической функций.

3.5. Термин обладает известной степенью абстрактности или предметности, определяемой аналогичными параметрами номинируемого им понятия, которые в свою очередь обусловлены степенью абстрактности или предметности соотносимого с данным понятием объекта. С учётом этого обстоятельства терминологические единицы могут быть отнесены к разряду понятийно или предметно ориентированных в зависимости от денотативного или сигнификативного характера их семантики.

3.6. Термины, являясь частью терминологической системы, не приравниваются к знакам-нomenам. Противопоставление единиц терминологии и номенклатуры может производиться на следующих основаниях: 1) понятийная ориентированность термина – предметная ориентированность номенклатурного знака, 2) соотнесённость термина с понятием на основе родовидовых связей – соотнесённость номенклатурного знака с понятием на основе родовых (не видовых) связей или связей внутри класса таких же однородных объектов, 3) экспликация семантики термина посредством дефиниции, являющейся частью дефинитивного поля терминосистемы, к которой принадлежит данный термин – экспликация семантики номенклатурного знака посредством описания, содержащего развёрнутую характеристику индивидуальных признаков описываемого предмета, и только через соотносимый с номеном термин.

Между терминологией и номенклатурой отсутствуют чётко очерченные границы, что позволяет номену при известных условиях переходить в класс терминов. Это обстоятельство наглядно иллюстрирует тесную связь терминоло-

гии и номенклатуры, без которой, как представляется, невозможно динамичное развитие метаязыка лингвистики в целом.

4.1. Фонетико-метрическая терминосистема представляет собой достаточно чётко структурированный терминологический пласт, обладающий выраженным системными признаками. Внутри фонетико-метрической макротерминосистемы выделяются 18 взаимодействующих между собой микросистем терминов с соответствующими организующими центрами.

4.2. Практически весь терминологический массив фонетики и метрики может быть отнесён к разряду понятийно ориентированной терминологии. Понятийную ориентированность терминов фонетики и метрики мы, таким образом, считаем основополагающим семантическим признаком фонетико-метрической терминологии.

4.3. При исследовании структурных признаков фонетико-метрических терминов был предпринят морфологический анализ терминологии, в рамках которого вся она была классифицирована по следующим группам (разрядам): 1) простая непроизводная (корневая) терминология, 2) простая производная терминология, 3) сложная терминология. Распределение терминов по перечисленным выше разрядам производилось на общих основаниях, установленных для всех исследуемых языков, с учётом системно-иерархического характера взаимоотношений, устанавливаемых внутри макротерминосистемы фонетики и метрики. При проведении морфологического анализа учитывался морфемно-морфемоидный состав терминов с выделением в их внутренней структуре морфемно-морфемоидных элементов (ММТЭ). Сложными терминологическими единицами признавались: 1) термины исконного происхождения, в качестве двух (или более) компонентов которых выступают именные, глагольные и наречные основы, и 2) термины иноязычного происхождения, в качестве двух (или более) компонентов которых выступают семантически релевантные именные, глагольные и наречные основы, не утратившие функционально-семантических связей с языком-источником.

4.4. Доля корневой терминологии фонетики и метрики составляет в среднем немногим более 4% всего исследованного терминологического массива в каждом из исследуемых языков (или 11,6% в однословном массиве терминов, что вполне соотносимо с данными этимологических словарей, регистрирующих, как правило, однословную терминологию). Простая производная терминология формирует более половины (54%) всего однословного терминологического массива. В общем количестве терминов усреднённая доля простой производной терминологии во всех исследуемых языках достигает 18%-20%.

4.5. В ходе морфологического анализа были установлены основные ММТЭ, встречающиеся в составе простых производных терминов всех исследуемых языков в префиксальной и суффиксальной функциях. Подавляющее большинство из них представляют собой заимствованные в неизменённой форме или частично модифицированные ММТЭ греко-латинского происхождения (только в русском и немецком языках незначительное количество ММТЭ имеет исконное происхождение).

Наиболее частотными способами словообразования являются: в латыни, русском, английском, немецком и французском языках – суффиксация и префиксально-суффиксальный способ, в греческом языке – префиксация и префиксально-суффиксальный способ.

4.6. Доля сложной терминологии в терминосистеме фонетики и метрики варьирует в исследуемых языках в диапазоне от 8% в латинском, русском, анг-

лийском и французском языках до 25% в немецком языке, что можно объяснить чрезвычайной распространённостью и частотностью в немецком языке такого способа словообразования, как словосложение.

Наиболее частотными (общими) словообразовательными моделями во всех исследуемых языках являются: 1) N+S и 2) S₁+S₂. В греческом, русском, английском и немецком языках достаточно широко распространена также модель A+S. Для немецкого языка характерными схемами, используемыми в словосложении, являются также следующие: 1) S₁+S₂+S₃ и 2) S_v+S.

4.7. Наиболее частотные ММТЭ были исследованы на предмет: а) выявления характера корреляций между формированием фонетико-метрических терминов и «правилами» структурной мотивированности того или иного языка, и б) установления инвентаря терминообразовательных средств, с помощью которых достигается большая или меньшая мотивация терминологии.

Анализ наиболее частотных морфемно-морфемоидных средств в префиксальной и суффиксальной функциях показывает, что в сфере префиксации наибольшее распространение получают суффиксальные элементы, выражающие топические (пространственные) признаки, реализуемые префиксальными элементами греко-латинского происхождения, входящими в наднациональный (супраязыковой) инвентарь терминообразовательных средств. Параллельно с ними собственные словообразовательные средства аналогичной семантики наиболее активно применяют русский и немецкий языки, в меньшей степени – английский. Это связано скорее не со степенью развитости лексико-грамматического строя этих языков, а с традиционной опорой процессов терминообразования в русском и немецком языках на исконный морфемный инвентарь. Французскому языкуование терминов с помощью исконных (неассимилированных) префиксов оказывается не свойственным вообще.

Прочие характерные структурно-мотивационные признаки реализуются в сфере префиксации, как правило, посредством морфемно-морфемоидных средств греко-латинского происхождения. Параллельно с ними собственные словообразовательные средства с достаточной активностью используют русский и немецкий языки. В английском и французском языках применение собственного словообразовательного инвентаря фиксируется редко.

В сфере суффиксации наибольшую частотность обнаруживают суффиксальные элементы, выражающие признаки: «принадлежность, отнесённость к чему-л., соотнесение с чем-л.», «качество, свойство, признак при характеристике процесса, предмета или явления», «процессуальность, действие, деятельность, движение», «результат действия, деятельности или процесса», «состояние, положение». Перечисленные признаки реализуются в основном с помощью суффиксальных элементов греко-латинского происхождения, значительная часть которых либо без изменения пополнила морфемный инвентарь новых языков, либо подверглась процессам ассимиляции в этих языках.

4.8. В наибольшей степени процессы ассимилирования греко-латинских суффиксальных морфем проявляют себя в русском языке, который большую их часть в составе заимствуемой фонетико-метрической терминологии воспринял через посредство французского и польского языков, а также во французском языке, в котором, как отмечалось ранее, имел место исторический процесс упрощения морфемной структуры слов по сравнению с соответствующими латинскими лексемами. В меньшей степени процессы ассимиляции обнаруживают себя в немецком и английском языках, которые отчасти воспринимают латинские термины с сохранением их морфемной структуры в готовом виде, отчасти –

заменяют греко-латинские суффиксальные элементы собственными, что приводит в возникновению морфологических дублетов.

Использование в терминообразовании суффиксальных элементов исконного происхождения пре передачи перечисленных выше признаков с высокой степенью частотности отмечено в русском и немецком языках, в меньшей степени – в английском и французском языках.

4.9. Анализ структуры составного терминологического массива (терминосочетаний) проводился с учётом системно-иерархического характера взаимоотношений, устанавливаемых внутри макротерминосистемы фонетики и метрики, т.е. отдельно по наиболее репрезентативным понятийно ориентированным микросистемам терминов.

Результаты структурного анализа составной терминологии свидетельствуют о её количественном преобладании во всех языках-объектах исследования (более 65% всего терминологического массива). 87,6% терминосочетаний образуются по наиболее частотной модели I S+A (A+S) с атрибутивной связью между компонентами. Их доля в общем количестве исследованной терминологии равна 57%. Минимальное количество терминосочетаний, сформированных по модели I, зафиксировано в немецком языке (49,3%), во многих случаях предпочитающем словосложение составному терминообразованию. Максимальное количество терминосочетаний, сформированных по модели I, отмечено в русском и английском языках (соответственно, 61,4% и 62,1%).

7,2% составной терминологии составляют терминосочетания, образованные по модели II S+[Praep.]+S, как правило, с атрибутивной связью между компонентами. Их доля в общем количестве исследованной терминологии равна 4,7%. Минимальное количество терминосочетаний, сформированных по модели II, зафиксировано в греческом языке (1,8%). Максимальное количество терминосочетаний по модели II зафиксировано во французском языке (6,8%), что объясняется использованием в нём препозитивных групп (предлог *de* + существительное) там, где другие языки применяют терминосочетания по модели I с атрибутивной связью между компонентами.

4.10. В рамках настоящей работы был выполнен семантический анализ терминологии фонетики и метрики, основной задачей которого было выявление и типологизация основных семантически ориентированных мотивационных признаков в сфере фонетико-метрических терминологических номинаций. Наиболее частотными во всех фонетико-метрических микротерминосистемах или в большей их части являются следующие типы номинаций, классифицируемые по характеру мотивационного признака: соотнесённость со звуком или звуковым составом (квантитативно-квалификативный признак), соотнесённость со слогом или слоговым составом (квантитативно-квалификативный признак), соотнесённость с внутренней структурой явления или объекта фонетики и метрики (квалификативный признак), соотнесённость с функциональными характеристиками явления или объекта фонетики и метрики (функциональный признак), соотнесённость с именем автора (изобретателя) или лица, ассоциируемого с явлением или объектом фонетики и метрики (эпонимический признак), соотнесённость с местом возникновения явления или объекта фонетики и метрики (топический признак), соотнесённость с названием стихотворной стопы, соотнесённость с названием стихотворного размера.

4.11. Исследование процессов метафоризации в сфере фонетико-метрических терминологических номинаций показывает, что а) во всех исследуемых языках наиболее распространённой оказывается признаковая метафора,

второе место занимает метафора номинативная. Это наблюдение позволяет заключить, что в сфере терминологии фонетики и метрики процессы метафоризации в качественном отношении обнаруживают свою очевидную близость вне зависимости от языка; б) в количественном отношении относительные показатели по каждому из трёх типов процессов метафоризации во всех исследуемых языках оказываются весьма сходными. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что в исследуемой терминологии процессы метафоризации в количественном отношении также обнаруживают свою близость вне зависимости от языка.

В целом в терминологии фонетики и метрики объектом метафоризации в той или иной степени оказались в латыни 17,8%, в греческом языке – 8,6%, в русском языке – 17,5%, в английском языке – 18,3%, в немецком языке – 19,9%, во французском языке – 15,7% всего терминологического корпуса. Процессы метафоризации практически в равной степени проявили себя при формировании терминологического массива фонетики и метрики во всех исследуемых языках (кроме греческого).

Исследование случаев параллельной метафоризации в терминологии исследуемых языков показывает, что параллельные разноязычные метафоры, как правило, имеют отношение к тем понятиям, дефиниция которых полностью или почти полностью совпадает в разных языках. Такая терминология обычно представляет собой структурно-семантические кальки с исходных латинских терминов, чем во многом объясняется сходство между языками в характере метафорических сдвигов от слова естественного языка к метазнаку. Анализ также показывает, что количество разноязычной семантически эквивалентной метафорической терминологии составляет в среднем около 70%, колеблясь в пределах от 52% в немецком языке до 88% во французском. Отсюда можно сделать вывод о том, что метафоризация терминологии в исследуемых языках во многом «обязана» калькированию как одному из способов пополнения терминологического аппарата фонетики и метрики.

С позиций стилистической окрашенности метафоры всех описанных выше типов являются лексическими (стёртыми) метафорами, возникшими в результате уже не воспринимаемого сейчас метафорического переноса названия и утратившими свою образность.

4.12. Исследование процессов метонимизации показывает, что максимальное количество случаев метонимических переносов свойственно греческому и английскому языкам, минимальное – русскому, немецкому и латинскому языкам.

4.13. Результаты анализа фонетико-метрических терминов на предмет выявления стилистических коннотаций в их семантике позволяют утверждать, что стилистическая маркированность не является типичной для исследуемых нами терминологических систем фонетики и метрики.

4.14. Исследование дублетной терминологии фонетики и метрики орфографического, этимологического, морфологического и акцентологического типов в рамках семантического анализа показывает, что в целом во всех исследованных языках доля однословной дублетной терминологии перечисленных выше типов не превышает $\frac{1}{4}$ всего однословного терминологического массива. В латинском и английском языках она достигает максимума (33%-35%), во французском языке фиксируется минимальный показатель (11%).

Типологический анализ дублированной терминологии свидетельствует о том, что во всех исследуемых языках количество орфографических и этимологических дублетов достигает 28%, морфологических – 42,7%, акцентологических – 0,6% от общего числа дублетной терминологии.

Отдельное исследование было предпринято с целью изучения понятийных дублетов. В среднем более 80% всей фонетико-метрической терминологии можно отнести к понятийным терминам-дублетам. Этот показатель обнаруживает незначительное варьирование в латинском, английском и французском языках в пределах 78%-86%. Несколько больший показатель по сравнению с усреднённым зафиксирован в русском и немецком языках (соответственно, 88,4% и 90,2%). Это наблюдение вполне объяснимо тем обстоятельством, что именно в этих языках широко развито параллельное применение как терминологии на греко-латинской основе, так и дублирующей её терминологии исконного происхождения. Наименьшее количество дублетов, как и следовало ожидать, отмечено в греческом языке (46,7%), который, практически не пользуясь заимствованиями, своими средствами в известной мере дублирует собственную терминологию.

Проведённое исследование позволяет заключить, что а) терминологический аппарат фонетики и метрики перенасыщен дублетной терминологией, б) появляющиеся термины-дублеты образуют характерные для всех исследуемых языков (кроме греческого) дублетные ряды: терминология греческого происхождения – терминология латинского происхождения (во всех исследуемых европейских языках, включая латынь), исконная терминология – терминология на греко-латинской основе (во всех исследуемых европейских языках), терминология смешанного происхождения с привлечением исконных и греко-латинских ММТЭ – терминология греко-латинского происхождения (во всех исследуемых европейских языках), исконная терминология – терминология смешанного происхождения с привлечением исконных и греко-латинских ММТЭ (во всех исследуемых европейских языках). Наличие большого количества дублетов, соотносимых с одними и теми же понятиями, делает возможным и необходимым значительное сокращение терминологического массива фонетики и метрики в первую очередь за счёт нетипичных (с позиций унификации и последующей стандартизации) терминов. К таким могут быть отнесены большей частью термины, которые сформированы на базе исконных словообразовательных средств и не могут применяться более чем в одном языке, а также термины смешанного происхождения.

4.15. Анализ конверсионно-омонимических процессов в терминологии фонетики и метрики свидетельствует о том, что конверсионный способ образования терминологии наиболее продуктивен в латыни, греческом и английском языках, менее продуктивным он оказывается, соответственно, в немецком, русском и французском языках. Доля конверсионных терминов в однословной терминологии исследуемых языков распределилась следующим образом: в латинском языке она составляет 21,7%, в греческом – 26,4%, в русском – 12%, в английском – 22,3%, в немецком – 4,7%, во французском языке – 14,9%.

4.16. В работе предпринят анализ явления полисемантичности в терминологии фонетики и метрики. Основаниями для вычленения у термина двух и более значений в ходе этого типа анализа признавались: 1) хронологически обусловленное развитие терминологического значения, обнаруживаемое в расширении его объёма под влиянием увеличения количества информации в анализируемой сфере, и 2) метонимизация. Исследование позволило установить, что однозначно трактуемые термины образуют в фонетико-метрической терминосистеме долю в 93% от общего количества дефинируемых терминов независимо от языковой принадлежности. Термины многозначные, т.е. те из них, дефиниции которых содержат два и более толкований, насчитывают около 7%. Эти данные свидетельствуют о том, что в терминах фонетики и метрики не выполняется в

полной мере закон организованной терминологии, согласно которому одному понятию должен соответствовать один знак. Однако фонетико-метрическая макротерминосистема очень близка к этому.

4.17. Вся фонетико-метрическая терминология на всех исследуемых языках была подвергнута анализу с целью установления количественного и структурного состава заимствований. С учётом неоднородного состава заимствованной терминологической лексики она была поделена на следующие типы: тип I (термины, структурно совпадающие с иноязычными прототипами, т.е. изменённые графически и переданные соответствующими фонемными средствами без каких-либо модификаций структуры), тип II (термины, морфологически оформленные средствами заимствующего языка), тип III (термины с частичной морфологической субSTITУЦИЕЙ, представляющие собой гибридную лексику), тип IV (термины, структурно эквивалентные терминам языка-источника, т.е. образованные на основе структурного калькирования), тип V (термины, семантически эквивалентные терминам языка-источника, т.е. образованные на основе семантического калькирования).

Термины типа I составляют около 25%, типа II – 46,8%, типа III – 7,2%, типа IV – 10,4%, типа V – 10,8% всей заимствованной терминологии фонетики и метрики в исследуемых языках.

Термины первых двух типов во всех исследуемых новых языках по существу представляют собой прямые заимствования из латыни и греческого (в латинском языке, естественно, только из греческого) и имеют статус иностранной терминологии. Именно эта терминология, которая составляет около 72% всех терминологических единиц, формирует общий терминологический фонд, имеющий греко-латинскую основу и в подавляющем большинстве случаев с формально-структурной точки зрения совпадающий во всех языках-объектах исследования. Полученные данные по количеству терминов I и II типов, при условии семантической адекватности анализируемой разноязычной терминологии, позволяют ставить вопрос о принципиальной возможности унификации и последующей стандартизации терминов описываемых типов в фонетике и метрике.

Термины типа III (термины-гибриды) формируют особый терминологический пласт. Доля смешанной терминологии во всех исследованных языках (кроме немецкого) невелика, составляя 2,6% в латыни, 0,2% – в русском языке, 1,9% – в английском языке, 1% – во французском языке, 19,2% – в немецком языке. Зафиксированная доля гибридной терминологии в немецком языке косвенно свидетельствует о развитой синонимии (дублетности) в немецкой терминосистеме фонетики и метрики.

Термины IV и V типов, образованные с привлечением исконных языковых средств, во всех исследуемых языках составляют немногим более 20% всей фонетико-метрической терминологии, существуя, как правило, параллельно с иноязычными эквивалентами. Этот показатель отличается заметным диапазоном варьирования в каждом из пяти языков-объектов исследования, составляя 10,4% в латыни, 23,8% – в русском языке, 13,5% – в английском языке, 34,9% – в немецком языке, 7,6% – во французском языке. Как видим, применение этого типа заимствованной терминологической лексики в максимальной степени характерно для немецкого и русского языков, в минимальной – для французского, латинского и английского языков.

5.1. Анализ отраслевой лингвотерминологической практики в сфере лексикографии позволяет сделать вывод о необходимости создания многоязычного сло-

варя лингвистической терминологии полифункционального (смешанного) типа, сочетающего в себе как элементы обычного переводного словаря, так и лексикона.

В основу создания такого словаря должен быть положен сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий устанавливать с большой долей достоверности совпадения и различия в семантике разноязычных терминов.

Репрезентация лингвистической терминологии в словаре смешанного типа должна проводиться с учётом как синхронических, так и диахронических данных, позволяющих судить о динамике развития лингвистической терминологии в формальном и содержательном аспектах. Такой подход позволяет включить в состав рабочих языков словаря не только новые, но и древние языки, а в перспективе вообще ставить вопрос о создании «Этимологического словаря лингвистической терминологии».

Включение в состав рабочих языков словаря нескольких языков сопряжено с необходимостью решать проблемы, связанные с семантической неадекватностью (конфронтацией) предъявляемой терминологии. Эта проблема, на наш взгляд, может быть устранена или хотя бы минимизирована различными способами, например, за счёт применения расширенных дефиниций соответствующего понятия, отражающих различные стороны его функционирования. Помимо этого, максимально возможная степень адекватности разноязычных терминов и, попутно, пополнение своеязычного терминологического аппарата новыми терминами, может быть достигнута за счёт применения таких средств, как структурное или семантическое калькирование, дескриптивный (описательный) способ создания термина и т.д.

5.2. Принципы отбора лингвотерминологии для словаря полифункционального словаря должны формулироваться с учётом всего комплекса проблем, решаемых в рамках терминологической номинации. Словарь должен включать в себя как минимум терминологию, выраженную существительными и прилагательными, так как именно эти части речи, в максимальной степени могут реализовать номинативную функцию термина.

При решении вопроса о включении терминологии, выраженной неименными частями речи (глаголами и наречиями), представляется целесообразным исходить из того обстоятельства, что эти классы слов применяются в первую очередь для описания того или иного явления, а не для его понятийно-терминологического обозначения.

На этапе отбора терминологической лексики с уже определённой ранее частеречной принадлежностью должны быть реализованы основные принципы отбора терминологических единиц, к каковым относятся принцип частотности, принцип необходимости и достаточности, принцип системности. Перечисленные принципы признаются нами приоритетными. Менее значимыми в ходе отбора терминологической лексики, на наш взгляд, являются принцип коммуникативной ценности, принцип сочетаемости и принцип словообразовательной ценности слова. Все они носят технический характер и в известном смысле дополняют основные принципы. Дополнительность их проявляется в первую очередь в избирательности и узкой направленности действия. Кроме того, сфера реализации таких принципов зачастую ограничена целями и задачами, а также типом словаря, в котором они находят своё применение.

5.3. Микроструктура смешанного словаря лингвистической терминологии должна включать в себя максимально возможное количество информации о термине с тем, чтобы пользователь мог реально представить себе все стороны и особенности функционирования последнего. Поэтому оправданным представля-

ется включение в корпус словарной статьи зон входа, авторства термина, грамматической, этимолого-хронологической, стилистической информации, сочетаемостных возможностей термина, отсылаочных зон, позволяющих пользователю свободно оперировать имеющимися у термина (квази)синонимами (дублетами), (квази)антонимами, а также соотносимыми с данным термином гипонимами, когипонимами и/или гиперонимом.

Тип полифункционального словаря лингвотерминологии должен определяться в первую очередь теми задачами, которые ставит перед собой автор (составитель). Подготовленный нами «Словарь фонетико-метрической терминологии» (СФОМТ), согласно существующим в лингвистической литературе классификациям, является справочным, «академическим», отраслевым, многоязычным, многосторонним словарём. Эти типологические особенности в полной мере позволяют реализовать задачи, связанные с комплексным описанием терминологической лексики фонетики и метрики.

5.4. Особенности описания семантики лингвистической терминологии в словаре смешанного типа предполагают возможное использование всех основных типов дефиниций, к каковым относятся дефиниции денотативные, логические, эквивалентные, отсылочные.

5.5. Особой проблемой, требующей своего решения в плане структурирования дефиниций, является ранжирование элементов значения терминов внутри дефинитивной зоны. К параметрам, учитываемым в процессе ранжирования, могут быть как минимум отнесены: 1) приоритетность значения термина (основное – неосновное значение), 2) основной рабочий язык словаря, 3) тематическая направленность словаря.

SUMMARY

THE METALANGUAGE OF PHONETICS AND METRICS

This monograph studies the metalanguage of phonetics and metrics. That it is necessary to analyze these two disciplines in an integrated way is clear from the commonality of their origin, the common character of their theoretical and applied orientation, the unified terminological tools, etc. The research material includes the Latin, Greek, Russian, English, German and French terms used in phonetics and metrics and having formed the 6-language *Dictionary of Phonetic and Metrical Terminology* edited by the author of this work.

The first Chapter of the monograph is theoretical and analyzes the metalanguage of linguistics as a «second-order» language, i.e. the language having the content and expression of another language as its object. The Chapter studies the linguistic status of a metalanguage and defines its ontological criteria, such as its systemic nature, formality and unambiguity of the elements of its structure, its artificiality and abstractiveness, its functional limitations, universality, openness, determinacy, variability, and conventionality, its psychological, social and national orientation, and fixity via graphic means. Aside from that, special attention is given to functional peculiarities of a metalanguage, as well as to the issues of unification and standardization of the linguistic metalanguage, and to discussion of the prospects of its development.

The second Chapter presents a diachronic analysis of the processes that worked for the emergence and development of the metalanguage of European linguistics. Old Greek and Latin are treated here as natural languages that influenced directly the formation of the basics of the modern linguistic metalanguage and served as the source of its notional and terminological apparatus. New European languages are given the status of recipients of the Graeco-Latin linguistic terminology. In the framework of this status, the Russian, English, German and French languages are studied to reveal the contents of the terminological base that is being formed from the quantitative and part-of-speech points of view; a structural and typological analysis of linguistic terminology is performed, and the relation between native terms and Graeco-Latin borrowings in the terminology of new European languages is revealed.

The third Chapter is theoretical and deals with the issues of terminological nomination and term formation. The Chapter defines the notion of the term, establishes the linguistic status of the term in its systemic, functional, structural, and semantic aspects, describes its main criteria (such as its normativeness, reproducibility, conventionality, conceptual and semantic integrity, its reference to a specific domain, definability, etc.), and studies functions of the term as a constituent of the terminological system.

The fourth Chapter describes the system, structure, and semantics of the phonetic and metrical terms. It establishes the criteria for a morphological and structural analysis of the phonetico-metrical terminology, and determines structural motivational criteria in the sphere of nominations of phonetics and metrics. The role of metaphoric and metonymic transfers in the formation of the terminological apparatus of these domains is investigated in the semantic analysis framework. The processes of synonymy, homonymy, and polysemy are studied closely, and semantic motivational criteria in the sphere of phonetico-metrical nominations are established. Herein, a significant attention is given to researching such means of replenishing the terminological apparatus of phonetics and metrics as borrowing and loan-translation in Latin and new European languages.

The fifth Chapter discusses the issues of lexicographic description of the linguistic terminology. The terms of linguistics are treated here as the object of description in special (subject) dictionaries. Special attention is given to the macro- and microstructure of the *Dictionary of Phonetic and Metrical Terminology*, and to setting the selection principles and peculiarities of describing semantics of terminological units of phonetics and metrics.

ZUSAMMENFASSUNG

METASPRACHE DER PHONETIK UND METRIK

Die Monographie ist der Untersuchung des metasprachlichen Raumes der Phonetik und Metrik gewidmet. Die komplexe metasprachliche Analyse dieser zwei Wissenschaftszweige wird durch die Gemeinsamkeit deren Herkunft, den gemeinsamen Charakter deren theoretischer und angewandter Ausrichtung sowie durch das einheitliche Inventar deren terminologischer Mittel bedingt. Als Forschungsstoff dienen lateinische, altgriechische, russische, englische, deutsche und französische Termini der Phonetik und Metrik, die das terminologische Korpus des vom Autor der vorliegenden Monographie zum Druck vorbereiteten sechssprachigen *Wörterbuches der phonetischen und metrischen Terminologie* gebildet haben.

Das erste Kapitel der Monographie ist theoretisch und bezieht sich auf die linguistische Metasprache als Sprache der „zweiten Stufe“, bzw. die Sprache, dessen Objekt Dinge, Eigenschaften, Beziehungen einer anderen (natürlichen) Sprache bilden. Im Kapitel wird der linguistische Status der Metasprache erforscht, es werden deren ontologische Merkmale festgestellt, zu denen Systemhaftigkeit, Formalisiertheit und Eindeutigkeit der Strukturelemente, Künstlichkeit, Etalonheit, Abstraktheit, Funktionsbegrenztheit, Universalität, Offenheit, Bedingtheit, Varietät, Konventionalität, psychologische, soziale und nationale Orientiertheit, Fixiertheit anhand der graphischen Mittel gehören. Bedeutende Aufmerksamkeit wird gelenkt auf funktionale Besonderheiten, Probleme der Unifizierung und Standardisierung der linguistischen Metasprache sowie auf die Besprechung deren Entwicklungswegs.

Das zweite Kapitel stellt die Analyse der Entwicklungsprozesse der Metasprache der europäischen Sprachwissenschaft vom diachronischen Standpunkt aus dar. Das Altgriechische und Lateinische werden als natürliche Sprachen betrachtet, die einen unmittelbaren Einfluss auf die Formung von metasprachlichen Grundlagen der modernen Linguistik ausgeübt hatten und als Quelle ihres begrifflichen und terminologischen Apparats aufgetreten waren. Neue europäische Sprachen erwerben den Status von Rezipienten der altgriechisch-lateinischen sprachwissenschaftlichen Terminologie. Mit Rücksicht darauf wird die sich im Russischen, Englischen, Deutschen und Französischen formende terminologische Basis nach der Quantität und Zugehörigkeit zu einer bestimmten Wortart erforscht; es wird auch die strukturell-typologische Analyse der linguistischen Terminologie durchgeführt, das Verhältnis der eigensprachlichen Termini und altgriechisch-lateinischen Entlehnungen in der sprachwissenschaftlichen Terminologie der neuen europäischen Sprachen festgestellt.

Das dritte Kapitel trägt den theoretischen Charakter und ist den Problemen der terminologischen Nomination und Fachwortbildung gewidmet. Im Kapitel wird der Begriff *Terminus (Fachwort)* definiert, der linguistische Status des Fachwortes im funktionalen, strukturellen, semantischen und Systemaspekt bestimmt, seine Grundmerkmale, solche wie Systemhaftigkeit, Normativität, Reproduzierbarkeit, Konventionalität, konzeptuell-semantische Ganzheit, Korrelation mit einem konkreten Gebiet des menschlichen Wissens, Definierbarkeit, usw. festgestellt, der Funktionsbereich des Fachwortes als eines konstituierenden Elements des terminologischen Systems erforscht.

Das vierte Kapitel beschreibt System, Struktur und Semantik der phonetischen und metrischen Termini. Im Kapitel werden Kriterien der morphologischen und strukturellen Analyse der phonetisch-metrischen Terminologie herausgestellt, strukturelle Motivationsmerkmale im Nominationsbereich der Phonetik und Metrik bestimmt. Im Rahmen der semantischen Analyse wird die Rolle der Metaphern und Metonymien bei der Formung des terminologischen Apparats dieser Wissenschaftszweige geschätzt, Prozesse der Synonymie, Homonymie und Polysemie untersucht sowie semantische Motivationsmerkmale im Nominationsbereich der Phonetik und Metrik bestimmt. Einen besonderen Platz im Kapitel nimmt die Forschung solcher Verfahren der Bereicherung und Ergänzung des phonetisch-metrischen terminologischen Apparats wie Entlehnungen und Lehnübersetzen im Lateinischen und in den neuen europäischen Sprachen ein.

Das fünfte Kapitel ist den Fragen der lexikographischen Beschreibung der sprachwissenschaftlichen Fachwörter gewidmet. Linguistische Terminologie wird als Objekt der Beschreibung in spezialisierten Fachwörterbüchern betrachtet. Große Aufmerksamkeit wird geschenkt der Makro- und Mikrostruktur des *Wörterbuches der phonetischen und metrischen Terminologie* sowie der Feststellung von Prinzipien der Auswahl der phonetisch-metrischen Termini, den Besonderheiten deren semantischer Beschreibung.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абаев В.И.** О термине «естественный язык» // Вопросы языкоznания, № 4, 1976.
- Абдулфанова А.А.** Научный дискурс о тексте // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. научн. трудов. / Под ред. Л.А. Манерко. –Рязань: Рязанский гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002.
- Абрамов В.П.** Теория ассоциативного поля // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» 13–16 марта 2001 г.: Сб. тезисов. –М.: Изд-во МГУ, 2001.
- Авербух К.Я.** Стандартизация терминологии: некоторые итоги и перспективы (к 50-летию деятельности по стандартизации терминологии) // Научно-техническая информация, сер. 1., № 3, 1985.
- Авербух К.Я.** Терминологическая вариантность // Вопросы языкоznания, № 6, 1986.
- Аврорин В.А.** Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. –Л.: «Наука», 1975.
- Агрикола Э.** Микро-, медио- и макроструктуры как содержательная основа словаря // Вопросы языкоznания, № 2, 1984.
- Акуленко В.В.** О «ложных друзьях переводчика» // Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / Под общ. рук. В.В. Акуленко. –М.: «Советская энциклопедия», 1969.
- Акуленко В.В.** Научно-техническая революция и проблема интернациональной терминологии // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. –М.: «Наука», 1977.
- Алексеева Л.М.** Метафора в научном общении // Человек – Коммуникация – текст: Сб. научн. трудов. –Барнаул, 1998.
- Алпатов В.М.** История лингвистических учений. 2-е изд., испр. –М.: «Языки русской культуры», 1999.
- Андрющенко В.М.** Вычислительная лексикография, её возможности и перспективы // Вопросы языкоznания, № 3, 1986.
- Анопова Е.И.** Закон или Открытая Книга Кармы. 1-е изд. –М.: «Присцельс», 1996.
- Апресян Ю.Д.** Лексикографическая концепция Нового Большого англо-русского словаря // Новый Большой англо-русский словарь в 3 т. Т. 1. –М.: «Русский язык», 1993.
- Арискина О.Л.** Ориентирующие свойства словообразовательных терминов в «Грамматике» М. Смотрицкого // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. 21–22 октября 2003 г. –Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003.
- Арнольд И.В.** Лексикология современного английского языка. –М.: «Высшая школа», 1986.
- Арутюнова Н.Д.** Метафора // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. –М.: «Большая Российская энциклопедия»; «Дрофа», 1998.
- АТ – Античные теории языка и стиля.** Антология текстов. –СПб.: Изд-во «Алетейя», 1996.
- Ахманова О.С.** Очерки по общей и русской лексикологии. –М.: Учпедгиз, 1957.
- Ахманова О.С.** Естественные языки и постановка проблемы создания искусственного вспомогательного языка в эпоху научно-технической революции // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. –М.: «Наука», 1977.
- Ахманова О.С.** Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь. –М.: «Советская энциклопедия», 1990.
- Ахманова О.С., Тер-Мкртичан С.А.** Научное определение как лингвистическая и семиотическая проблема // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. –Л., 1976.
- Бабошко Ю.Н.** Грамматические теории и грамматические термины // Теоретические вопросы немецкой филологии (Лексикология, стилистика): Респ. сб. –Горький: ГГПИИЯ им. Н.А.Добролюбова, 1974.
- Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд. / Под ред.

Библиографический список

- Р.А.Будагова. –М.: «Эдиториал УРСС», 2001.
- Баранов А.Н.** Введение в прикладную лингвистику. –М.: «Эдиториал УРСС», 2001.
- Бархударов Л.С., Жукова Ю.И., Квасюк И.В., Швейцер А.Д.** Пособие по переводу технической литературы (Английский язык). –М.: «Высшая школа», 1967.
- Белл Р.Т.** Социолингвистика: Цели, методы, проблемы. –М.: «Международные отношения», 1980.
- Бельчиков Ю.А.** Интернациональная терминология в русском языке. –М.: Учпедгиз, 1959.
- Беляева Л.Н., Герд А.С., Убин И.И.** Автоматизация в лексикографии // Прикладное языкознание. –СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
- Бережан С.Г.** Семантика лексических единиц и семантических отношений между ними в толковом словаре // Abstracts der Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. XIV. Internationaler Linguistenkongreß, Berlin, 10.–15. August 1987. –Berlin: Herausgeberkomitee, 1987.
- Березин Ф.М., Головин Б.Н.** Общее языкознание. –М.: «Просвещение», 1979.
- Березникова Р.Е.** Подача номенов в словарях различных типов // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. –Л., 1976.
- Берков В.** Некоторые вопросы словаря двуязычного словаря // Тетради переводчика: Учёные записки № 8. –М.: «Международные отношения», 1971.
- Биржакова Е.Э и др.** Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. –Л.: «Наука», 1972.
- Блинова О.И.** Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. –М.: «Наука», 1981.
- Боброва Т.А.** О заимствовании и литературной норме // Русский язык в школе, №2. –М., 1984.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.** Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Звенинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. – Москва: «Просвещение», 1960.
- Бокадорова Н.Ю.** Стоики // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. –М.: «Советская энциклопедия», 1990.
- Бондаренко А.А.** Немецкие заимствования 50 – 70-х годов в русском языке// Русское языкознание. Респ. междуведомств. науч. сб. – Вып. 4. – 1982.
- Бондарко А.В.** Проблемы грамматической семантики в русской аспектологии. –СПб: Изд-во СПбГУ, 1996.
- Боровский Я.М.** Латинский язык как международный язык науки (к истории вопроса) // Проблемы международного вспомогательного языка. –М., 1991.
- Борхвальд О.В.** Специальная лексика прошлых эпох: проблема стратификации // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» 13–16 марта 2001 г.: Сб. тезисов. –М.: Изд-во МГУ, 2001.
- Брагина А.А.** «Своё» и «чужое». О заимствованной лексике и роли синонимии // Русская речь. – 1976. – №6.
- Брагина А.А.** Синонимы в литературном языке. –М.: «Наука», 1986.
- Брандес М.П.** Стиль и перевод (на материале немецкого языка). –М.: «Высшая школа», 1988.
- Брейтер М.А.** Англицизмы в русском языке. –М., 1997.
- Бруннер К.** История английского языка. Т. I. –М.: Изд-во иностр. лит., 1955.
- Бурлакова В.В.** Основы структуры словосочетания в современном английском языке. –Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.
- Бухаров В.М.** Основы коммуникативной фонетики немецкого языка. –Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 1994.
- Бушев А.Б.** Термин в военном переводе // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. 21–22 октября 2003 г. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003.
- Буянова Л.Ю.** Узкоспециальный термин как объект и результат терминологической деривации // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века: Сб.

Библиографический список

- статьей научно-методического семинара «TEXTUS». –Вып. 6. –Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000.
- Бюлер К.** Теория языка. Репрезентативная функция языка. –М.: «Прогресс», 1993.
- Васильев В.А.** Фонетика английского языка (Теоретический курс). –М.: «Высшая школа», 1970.
- Васильева Н.В.** К семантическому и функциональному описанию греко-латинских терминоэлементов в лингвистической терминологии // Вопросы языкознания, № 3, 1983.
- Васильева Н.В.** Терминология лингвистическая // Русский язык. Энциклопедия. / Под ред. Ю. Н. Каурова. –М.: «Большая Российская энциклопедия»; «Дрофа», 1998.
- ВГФ – Введение в германскую филологию.** –М.: «ГИС», 1998.
- Вилюман В.Г.** Английская синонимика. –М.: «Высшая школа», 1980.
- Вине Ж.-П., Дарбельне Ж.** Технические способы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. –М.: «Международные отношения», 1978.
- Виноградов В.А.** Фонема // Лингвистический энциклопедический словарь. –М.: «Советская энциклопедия», 1990.
- Виноградов В.В.** Русский язык. (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. –М., 1972.
- Виноградов В.В.** Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка) // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. –М.: «Наука», 1975.
- Виноградов В.В.** История русского литературного языка. –М.: «Наука», 1978.
- Винокур Г.О.** О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИИФЛИ: Сб. статей по языкознанию. Т. 5. –М., 1939.
- Винокур Г.О.** Язык литературы и литературный язык // Контекст. 1982. –М., 1983.
- Витгенштейн Л.** Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. –С. 80-130 (§§ 1-120). –М.: «Гнозис», 1994.
- Володарская Э.Ф.** Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания, №4 , 2002.
- Володина М.Н.** Структурно-коммуникативный аспект терминологической номинации // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. I. –М.: «Филология», 1995.
- Володина М.Н.** Термины *медиатор, медиум, медиа* в современном русском языке // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» 13-16 марта 2001 г.: Сб. тезисов. –М.: Изд-во МГУ, 2001.
- Вощинина Е.И., Молоткова Ш.Р.** Словообразование немецкого языка. –М.–Л.: «Просвещение», 1965.
- Выюшкова Л.Н.** Выразительность термина // «КВАЛИСЕМ-2000»: Сборник материалов заочной Интернет-конференции (ноябрь–декабрь 2000 г.). –Новосибирск: НГПУ, 2000.
- Гайдучик С.М.** Теоретическая фонетика немецкого языка. –Минск, «Вышэйшая школа», 1981.
- Гак В.Г.** Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). –М.: «Международные отношения», 1966.
- Гак В.Г.** Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков). –М.: «Международные отношения», 1977.
- Гак В.Г.** Словарь // Лингвистический энциклопедический словарь. –М.: «Советская энциклопедия», 1990.
- Гак В.Г.** Языковая ситуация во франкоязычных странах // Язык–Культура–Этнос. –М.: «Наука», 1994.
- Гак В.Г.** Теоретическая грамматика французского языка. –М.: «Добросвет», 2000.
- Гак В.Г.** Словарь В.И. Даля в свете типологии словарей // Вопросы языкознания, № 3, 2001.
- Гальди Л.** Слова романского происхождения в русском языке. –М., 1958.
- Ганеев Б.Т.** Язык. 2-е изд. –Уфа: Изд-во БГПУ, 2001.
- Гарш Р.К.** К методике исследования междуязычных аналогизмов английского происхождения в немецком и русском языках // Зарубежное языкознание и литерату-

Библиографический список

- ра. Вып.2. – Алма-Ата, 1972.
- Гаспаров М.Л.** Цицерон и античная риторика // М. Т. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. –М.: НИЦ «Ладомир», 1994.
- Гвишиани Н.Б.** К вопросу о метаязыке языкоznания // Вопросы языкоznания, № 2, 1983.
- Гвишиани Н.Б.** Метаязык // Лингвистический энциклопедический словарь. –М.: «Советская энциклопедия», 1990.
- Гвишиани Н.Б.** Современный английский язык: Лексикология. –М.: Изд-во МГУ, 2000.
- Гвоздев А.Н.** Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. –М.: «Просвещение», 1965.
- Герд А.С.** Научное знание и система языка // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. Вып. 1 (№ 2), 1993.
- Герд А.С.** Научно-техническая лексикография // Прикладное языкоznание. –СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
- Герджиков Г.** Первопричины для развития европейских языков к аналитизму // Abstracts der Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. XIV. Internationaler Linguistenkongreß, Berlin, 10.–15. August 1987. –Berlin: Herausgeberkomitee, 1987.
- Глинских Г.В., Петрова О.В.** Введение в языкоznание. –Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1998.
- Гловинская М.Я.** Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования. –М., 1976.
- Голованова Е.И.** Когнитивная сущность термина (на материале уральской горнозаводской терминологии XVIII–XIX вв.) // Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26–30 мая 1998 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол. Е.С. Кубрякова, Е.В. Милосердова, В.Б. Гольдберг и др.: В 2 ч. Ч. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998.
- Голованова Е.И.** Соотношение естественного и искусственного начал в языке профессиональной коммуникации // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. 21–22 октября 2003 г. –Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003.
- Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю.** Лингвистические основы учения о терминах. –М.: «Высшая школа», 1987.
- Гончаренко С.Ф.** Основы теории испанской поэтической речи: Монография // Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. –М.: «Рема», 1995.
- Гончаренко С.Ф.** Испанская рифма: Монография // Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. –М.: «Рема», 1995.
- Гордина М.В.** Фонетика французского языка. –СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.
- Гречко В.А.** Каким должен быть термин? // Актуальные проблемы лексикологии и словаобразования. –Новосибирск: «Наука», 1976.
- Гринев С.В.** Введение в терминологическую лексикографию. –М.: Изд-во МГУ, 1986.
- Гронская Н.Э.** Национальное своеобразие семантики многозначного слова // Системность в языке, речи, тексте: Межвуз. сб. научн. трудов. –Нижний Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1991.
- Грот Я.К.** Филологические разыскания Я. Грота. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. 2-е изд. Т. I. –СПб., 1889.
- Грязнова О.В.** Типы дефиниций в текстах словарных статей (на материале специальных словарей английского языка) // Общие и частные проблемы функциональных стилей. –М.: «Наука», 1986.
- ГСРЛЯ – Грамматика современного русского литературного языка.** / Под ред. Н.Ю. Шведовой. –М.: «Наука», 1970.
- Гужман М.М., Семенюк Н.Н.** История немецкого литературного языка IX–XV вв. –М.: «Наука», 1983.
- Давлетукаева А.Ш.** Развитие русской терминологии во взаимодействии с английской терминологией (диахронический аспект) // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» 13–16 марта 2001 г.: Сб. тезисов. –М.: Изд-во МГУ, 2001.

Библиографический список

- Даниленко В.П.** Как создаются термины? // Русская речь, № 2, 1967.
- Даниленко В.П.** О месте научной терминологии в лексической системе языка // Вопросы языкоznания, № 4, 1976.
- Даниленко В.П.** Русская терминология. Опыт лингвистического описания. –М.: «Наука», 1977.
- Даниленко В.П., Скворцов Л.И.** Нормативные основы унификации терминологии // Культура речи в технической документации. на материале ГОСТов и специальной литературы. –М.: ИРЯ АН СССР, 1982.
- Демьянков В.З.** Соотношение обыденного языка и лингвистического метаязыка в начале XXI века // Языкоznание: Взгляд в будущее / Отв. ред. Г.И. Берестнев. – Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2002.
- Денисов П.Н.** Лексика русского языка и принципы её описания. –М.: «Русский язык», 1980.
- Денисов П.Н.** О понятии синхронного среза и синхронного состояния языка в лексике и лексикографии // Вопросы языкоznания, № 3, 1986.
- Денисов П.Н., Морковкин В.В., Скопина М.А.** О лингвистическом аспекте отбора лексики на начальном этапе обучения // Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе. 2-е изд., перераб. и доп. –М.: «Русский язык», 1976.
- Дуличенко А.Д.** К эволюции языка современной металингвистики (препозиционный элемент *лингво-*) // Проблемы общей и прикладной лингвистики. Linguistica X.: Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 453. –Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1978.
- Дунаевская О.В.** Несколько слов о современном термине // Русская речь, № 1, 1998. –С. 64–66.
- Духанина И.В.** Когнитивные подходы в терминологических исследованиях // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. 21–22 октября 2003 г. –Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003.
- Дьяков А.И.** Причины интенсивного заимствования англизмов в современном русском языке // Язык и культура. –Новосибирск, 2003.
- Дюженко Г.А.** Документная лингвистика. –М.: «Статистика», 1975.
- Елисеева И.А.** О термине и понятии «словосочетание» // Терминология и культура речи. –М.: «Наука», 1981.
- Ельцова Л.Ф.** Роль термина в научной коммуникации // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. научн. трудов. / Под ред. Л.А. Манерко. –Рязань: Рязанский гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002.
- Еремеев Я.Н.** К онтологичному и динамичному пониманию языка: «Философия имени» и диалогическая философия // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 1 Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. –Воронеж: Изд-во ВГТУ, 1999.
- Есперсен О.** Философия грамматики. / Под ред. проф. Б.А. Ильиша. –М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
- Живов В.М.** Язык и культура в России XVIII века. –М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Жирмунский В.М.** История немецкого языка. –М.: «Высшая школа», 1965.
- Жирмунский В.М.** Введение в метрику // Теория стиха. –Л.: «Советский писатель», 1975.
- Зайцева Н.Ю.** Типология романоязычных терминосистем (на материале подъязыков электроники, электротехники и телекоммуникаций) // «КВАЛИСЕМ-2000»: Сб. материалов заочной Интернет-конференции (ноябрь–декабрь 2000 г.). –Новосибирск: НГПУ, 2000.
- Звегинцев В.А.** Очерки по общему языкоznанию. –М.: Изд-во МГУ, 1962.
- Звегинцев В.А.** Предисловие // Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. –М.: «Прогресс», 1964.
- Звегинцев В.А.** Лингвистика в системе наук и исследовательских методов // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. –М.: «Наука», 1977.
- Зеленецкий А.Л., Новожилова О.В.** Теория немецкого языкоznания. –М.: Издательский

Библиографический список

- центр «Академия», 2003.
- Зиндер Л.Р.** Общая фонетика. –М.: «Высшая школа», 1979.
- Зиндер Л.Р.** Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. –СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003.
- Иванова Г.А.** О некоторых причинах акцентологического варьирования терминов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Международная научная конференция, посв. 200-летию Казанского ун-та. 4-6 октября 2004 г. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2004.
- Иванова Е.П.** Лингвистическая терминология: исторический и эпистемологический аспекты // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. 21-22 октября 2003 г. –Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003.
- Иванова И.П., Чахоян Л.П., Беляева Т.М.** История английского языка. –СПб.: «Лань», 1998.
- Иванова-Лукьянова Г.Н.** Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. –М.: Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука», 1998.
- Ильиш Б.А.** История английского языка. –М.: «Высшая школа», 1968.
- Исаченко А.В.** К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков // «Slavia», № 3, 1958.
- Ицкович В.А.** О словаре новой лингвистической терминологии // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика: Сб. / Под ред. А.А. Реформатского. –М.: «Наука», 1964.
- Ицкович В.А.** О нулевом значении классифицирующего признака в терминологии // Проблемы структурной лингвистики – 1976. –М.: «Наука», 1978,
- Йордаль К.** Греческие заимствования в русском языке // Scando – Slavica. Т.14, 1968.
- Казарина С.Г.** Типологические исследования в терминоведении // Филологические науки, № 2, 1998.
- Калинин А.В.** Лексика русского языка. 3-е изд. –М.: Изд-во МГУ, 1978.
- Камалова А.А.** Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах: Монография. –Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998.
- Камчатнов А.М., Николина М.А.** Введение в языкознание. –М.: «Флинта»: «Наука», 1999.
- Канделаки Т.Л.** Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. –М.: «Наука», 1970.
- Караулов Ю.Н.** Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: «Наука», 1981.
- Карпова О.М.** Термины в художественном тексте и писательском словаре // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах «Коммуникация-2002» («Communication Across Differences»). Ч.1 –Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002.
- Карпович А.Е.** Способы построения словарных дефиниций (на материале имени прилагательного в английских толковых словарях учебного типа): Автореф. дис. канд. филол. н. –Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1971.
- Кашкин В.Б.** Подходы к сходствам и различиям языков в истории языкознания (Часть 1) // Теоретическая и прикладная лингвистика: Выпуск 1. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. –Воронеж: Изд-во ВГТУ, 1999.
- Кириллова И.А.** Отражение развития лингвистической теории в метатекстовых элементах лингвистических произведений (на материале русской лингвистики XVIII-XX веков) // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. I. –М.: «Филология», 1995.
- Кияк Т.Р.** Лингвистические аспекты терминоведения. –Киев: УМК ВО, 1989.
- Клаус Г.** Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. –М.: «Прогресс», 1967.

Библиографический список

- Кобозева И.М.** Лингвистическая семантика. -М.: «Эдиториал УРСС», 2000.
- Козаржевский А.Ч.** Словообразование // Учебник древнегреческого языка. 2-е изд. -М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1993.
- Козлова Г.В.** Полисемия научно-технического термина (на материале современного английского языка): Автoref. дис. ... канд. филол. наук. -Л., 1980.
- Козырев В.А., Черняк В.Д.** Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. -СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000.
- Комарова З.И.** Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание. -Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1991.
- Косова М.В.** Терминологическая номинация как средство языковой категоризации знаний о мире // Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол. Е.С. Кубрякова и др.: В 2 ч. Ч. 1. -Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000.
- Котелова Н.З.** К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. -М.: «Наука», 1970.
- Красавский Н.А.** Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: Автoref. дис. ... д-ра филол. наук. -Волгоград, 2001.
- Кривоносов А.Т.** Естественный язык и логика. -Москва-Нью-Йорк: Wickersham Printing Company, Inc., 1993.
- Крыжановская А.В.** Сопоставительное исследование терминологии современных русского и украинского языков. -Киев: «Наукова думка», 1985.
- Крысин Л.П.** Иноязычные слова в современном русском языке. -М.: «Наука», 1968.
- Крысин Л.П.** Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). -М., 1996.
- Крысин Л.П.** Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкоznания, № 6, 2002.
- Кубрякова Е.С.** Конверсия // Лингвистический энциклопедический словарь. -М.: «Советская энциклопедия», 1990.
- Кубрякова Е.С.** Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкоznания, № 4, 1993.
- Кубрякова Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. -М., 1995.
- Кудрявцева Н.Б.** Гетерономинативность в семантическом поле номинаций-фитонимов (на материале современного немецкого языка): Автoref. дис. ... канд. филол. наук. -Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2004.
- Кузьмин Н.П.** Нормативная и ненормативная специальная лексика: Проблемы и методы нормализации специальной лексики // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. -М.: «Наука», 1970.
- Кузьмина Е.С., Скороходов М.С., Харюкова Н.Л., Якушев В.В.** Роль учебных терминологических словарей систематического типа в процессе изучения основ наук на русском языке студентами-иностранными // Освоение семантического пространства русского языка иностранцами: Тезисы докладов международной конференции. -Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 1997.
- Куликова И.С., Салмина Д.В.** Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). -СПб: «САГА», 2002.
- Курдюмов В.А.** Основные положения предикационной концепции языка (www.yazyk.wallst.ru).
- Кутина Л.Л.** Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. -М.: «Наука», 1970.
- Кушнерук С.П.** О динамическом моделировании терминосистемы // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. I. - М.: «Филология», 1995.
- Лагута О.Н.** Логика и лингвистика. -Новосибирск: НГУ, 2000.
- ЛАСТ – Лингвистические аспекты стандартизации терминологии.** -М.: «Наука», 1993.

Библиографический список

- Лебедев М.В.** Стабильность языкового значения. –М.: «Эдиториал УРСС», 1998.
- Левит З.Н.** Курс лексикологии французского языка. –Минск: Изд-во Министерства образования БССР, 1963.
- Левковская К.А.** Лексикология немецкого языка. –М.: Учпедгиз, 1956.
- Лейчик В.М.** Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами // Вопросы терминологии и лингвистической статистики, 1974.
- Лейчик В.М.** Люди и слова. (Сер.: Литературоведение и языкознание). –М.: «Наука», 1982.
- Лейчик В.М.** Особенности терминологии общественных наук и сферы её использования // Язык и стиль научного изложения (*Лингвометодические исследования*). –М.: «Наука», 1983.
- Лейчик В.М.** О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания, № 5, 1986^a.
- Лейчик В.М.** Языки для специальных целей – функциональные разновидности современных развитых национальных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей. –М.: «Наука», 1986^b.
- Лейчик В.М.** Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. –М., 1989.
- Лейчик В.М.** Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки, № 3, 1990.
- Лейчик В.М.** Прикладное терминоведение и его направления // Прикладное языкознание. –СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
- Лемов А.В.** Компоненты системы научного термина как лексической единицы // Лексикология и лексикография русского языка. –М., 2001.
- Лемов А.В.** Десинонимизация лингвистических терминов // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. 21-22 октября 2003 г. –Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003.
- Липатов А.Т.** Метаязык лингвистики: таксономия и кодификация лингвистических терминов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. II. –М.: «Филология», 1995.
- Лопатин В.В.** Транспозиция // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караполов. 2-е изд. –М.: «Большая Российская энциклопедия»; «Дрофа», 1998.
- Лопатникова Н.Н., Мовшович Н.А.** Лексикология современного французского языка. –М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958.
- Лотте Д.С.** Основы построения научно-технической терминологии. –М.: Изд-во АН СССР, 1961^a.
- Лотте Д.С.** Изменение значений слов как средство образования научно-технической терминологии. –М.: «Наука», 1961^b.
- Лотте Д.С.** Краткие формы научно-технических терминов. –М.: «Наука», 1971.
- Лотте Д.С.** Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. –М.: «Наука», 1982.
- ЛРЛЯ – Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века.** / Под ред. Ф.П. Филина. –М.: «Наука», 1981.
- Лукин В.А.** Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. –М.: Изд-во «Ось-89», 1999.
- Макарова Л.Е.** Состояние русской филологической науки пушкинской эпохи по данным терминологии // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» 13-16 марта 2001 г.: Сб. тезисов. –М.: Изд-во МГУ, 2001.
- Маринова Е.В.** К вопросу о типологии иноязычных слов // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» 13-16 марта 2001 г.: Сб. тезисов. –М.: Изд-во МГУ, 2001.
- Мартине А.** Основы общей лингвистики (Глава I. «Лингвистика, язык и языки») // Звеницев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. –М.: «Просвещение», 1965.
- Марчук Ю.Н.** Вычислительная лексикография. –М.: ВЦП, 1976.
- Марчук Ю.Н.** Основы терминографии. –М.: ЦИИ МГУ, 1992.

Библиографический список

- Маслов Ю.С.** Введение в языкознание. –М.: «Высшая школа», 1997.
- Меликова-Толстая С.В.** Античные теории художественной речи // Античные теории языка и стиля (антология текстов). –СПб.: «Алетейя», 1996.
- Мечковская Н.Б.** Ранние восточнославянские грамматики. –Минск: «Университетское», 1984.
- Мешков О.Д.** Словосложение в современном английском языке. –М.: «Высшая школа», 1985.
- Милославская Д.** Юридические термины и их интерпретация // «Русский язык», № 21 [27], 1999.
- Минавичев В.С.** Фонетическая терминология в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика: Сб. / Под ред. А.А. Реформатского. –М.: «Наука», 1964.
- Минаева Л.В.** Лексикология и лексикография английского языка. –М.: «Ступени», 2003.
- Мишланова С.Л.** Метафора в поле термина (на материале медицинских текстов) // Фактическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина): Межвуз. сб. научн. трудов. –Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1998.
- Моисеев А.И.** О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. –М.: «Наука», 1970.
- Моисеев А.И.** Из истории русской лингвистической терминологии (*пауза – пауза*) // Вопросы языкознания, № 1, 1993.
- Налимов В.В.** Вероятностная модель языка. –М.: «Наука», 1979.
- Налимов В.В.** В поисках иных смыслов. –М.: «Прогресс», 1993.
- Нестеров В.В.** Язык науки и его использование. Слова и термины // Цикл лекций: Научное знание как модель. Современная теория истинности. Лекция 3. (1999). (http://alter.sinor.ru/school/lecture_3.htm).
- Нидерле Г.** Грамматика греческого языка, обработанная для русскихъ гимназий. Ч. I. Этимология. 2-е изд. –М., 1882.
- Нидерман М.** Историческая фонетика латинского языка. 2-е изд. –М.: «Эдиториал УРСС», 2001.
- Никитина С.Е.** Методика построения тезауруса (предисловие) // Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (Автоматическая обработка текста). –М.: «Наука», 1978.
- Никитина С.Е.** Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики. –М.: «Наука», 1987.
- Никонова О.Н.** Фонетика немецкого языка. –М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1948.
- Никулина Е.А.** К вопросу о влиянии терминологии на фразеологию современного английского языка // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. научн. трудов. / Под ред. Л.А. Манерко. –Рязань: Рязанский гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002.
- Новодранова В.Ф.** Когнитивные науки и терминология // Научно-техническая терминология: Научно-технический реферативный сборник. Вып. 2. –М.: Изд-во ВНИИКИ, 2000.
- Новодранова В.Ф.** Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. 21–22 октября 2003 г. –Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003.
- Овчаренко В.М.** Термин, аналитическое наименование и номинативное определение // Современные проблемы терминологии в науке и технике. –М., 1969.
- Овчаренко В.М.** Концептуальная, семантическая и семиотическая целостность термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. –М., 1970.
- Ожегов С.И.** Лексикология. Лексикография. Культура речи. –М.: «Высшая школа», 1974.
- Ольшанский И.Г.** Лексическая полисемия: возможности и перспективы её исследования с когнитивных позиций // Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11–14 сентября 2000 г. / Отв. ред.

Библиографический список

- Н.Н.Болдырев; Редкол. Е.С. Кубрякова и др.: В 2 ч. Ч. 2. –Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000.
- Омельяненко Т.Н.** Терминологизация общеупотребительной лексики в истории английского языка // Язык и стиль научного изложения (*Лингвометодические исследования*). –М.: «Наука», 1983.
- ОЯ – Общее языкознание.** Формы существования, функции, история языка. –М.: «Наука», 1970.
- ОЯ – Общее языкознание.** Внутренняя структура языка. –М.: «Наука», 1972.
- Павленко Г.В.** Семантический аспект освоения англизмов // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. Т.1. –М., 1998.
- Пахуткин П.И.** Функциональные особенности речевой образности в научном стиле: АКД. –М., 1973.
- Перцов Н.В.** О парадоксах лингвистических понятий и терминологии // Международный семинар «Диалог-21», 1996 (<http://www.dialog-21.ru>).
- Петров В.В.** Структуры значения (логический анализ). –Новосибирск: «Наука», 1979.
- Пиотровский Р.Г.** К вопросу об изучении термина // «Учёные Записки ЛГУ», № 161. Серия филол. наук. Вып. 18. –Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1961.
- Плуцер-Сарно А.** Словарь и словарная статья как жанр словесности // Новое литературное обозрение (№44), № 4, 2000.
- Подгаецкая И.Ю.** Свет Плеяды // Поэзия Плеяды: Сб. –М.: «Радуга», 1984.
- Поливанов Е. Д.** Иностранный терминология как элемент преподавания // За марксистское языкознание. –М.: «Федерация», 1931.
- Поликарпов А.А., Курлов В.Я.** Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей (По данным толкового словаря) // Вопросы языкознания, № 1, 1994.
- Полторацкий А.И.** Об использовании научной терминологии // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. –М.: «Наука», 1977.
- Попов Р.В.** Русская спортивная терминология (на материале баскетбольной терминосистемы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. –Северодвинск: Изд-во ПГУ, 2003.
- Попова Л.В.** Инструмент оценки сформированности терминологичности и статуса специальной номинации в языке науки // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. 21-22 октября 2003 г. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003.
- Потапов В.В.** Динамика и статика речевого ритма. Сравнительное исследование на материале славянских и германских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. –М.: «Эдиториал УРСС», 2004.
- Потапова Р.К.** Речь: коммуникация, информация, кибернетика. 2-е изд. –М.: «Эдиториал УРСС», 2001.
- Потебня А.А.** Психология поэтического и прозаического мышления // «Слово и миф». – М., 1989.
- Пристайко Т.С.** Лексико-номинативная организация специального текста. Монографія. –Дніпропетровськ: УкО ІМА-прес, 1996.
- Протченко И.Ф.** Словари русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во РОУ, 1996.
- Пумпянский А.Л.** Лингвистические аспекты научно-технической революции (функциональный стиль научной и технической литературы) // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. –М.: «Наука», 1977.
- Пялль Э.Н.** Функционирование эстонского языка как языка науки // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. –М.: «Наука», 1977.
- Рабинович В.Л.** Исповедь книгоочея, который учил букве, а укреплял дух. –М.: «Книга», 1991.
- Разинкина Н.М.** О некоторых специфических чертах метафорической образности в стиле современной английской научной прозы // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. –М.: «Наука», 1977.
- Расторгуева Т.А.** История английского языка. –М.: ООО Изд-во «Астрель»: Изд-во «ACT», 2001.

Библиографический список

- Ребрушкина И.А.** Ориентирующие свойства лингвистических терминов // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. 21-22 октября 2003 г. –Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003.
- Рейцак А.** Терминология и номенклатура // Вопросы разработки научно-технической терминологии. –Рига: «Зинатне», 1973.
- Реформатский А.А.** Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. –М., 1961.
- Реформатский А.А.** Введение в языкоковедение. –М.: «Аспект-Пресс», 1997.
- Реформатский А.А.** Н.С. Трубецкой и его «Основы фонологии» (Послесловие) // Трубецкой Н. С. Основы фонологии. –М.: «Аспект-Пресс», 2000.
- РГ – Русская грамматика.** / Под ред. Н.Ю. Шведовой. В 2-х т. Т. I. –М.: «Наука», 1980.
- Рождественский Ю.В.** Общая филология. –М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996.
- Романова Н.П.** О мотивированности исконных и заимствованных терминов // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. –Воронеж, 1976.
- Сергиевский М.В.** История французского языка. –М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1947.
- Симашко Т.В.** Денотативный класс как основа описания фрагмента мира: Монография. –Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.
- Симашко Т.В.** История лингвистических учений. Античность. Средневековье. – Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.
- Скляревская Г.Н.** Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // Вопросы языкознания, № 2, 1987.
- Скляревская Г.Н.** Новый академический словарь: Проспект. –СПб.: ИЛИ РАН, 1994.
- Скребнев Ю.М.** Основы стилистики английского языка. –М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО Изд-во «Астрель», 2000.
- Скреплина Л.М., Становая Л.А.** История французского языка. –М.: «Высшая школа», 2001.
- Славягинская М.Н.** Учебник древнегреческого языка. В 2-х ч. –М.: «Филология», 1996.
- Славягинская М.Н.** Древнегреческая «филологическая лексика» как объект когнитивного анализа // Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол. Е.С. Кубрякова и др.: В 2 ч. Ч. 1. –Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000.
- Слюсарева Н.А.** Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. –М.: «Наука», 1981.
- Слюсарева Н.А.** О типах терминов (на примере грамматики) // Вопросы языкознания, № 3, 1983.
- Слюсарева Н.А.** Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. –М.: «Советская энциклопедия», 1990.
- Смирницкий А.И.** Лекции по истории английского языка (средний и новый период). –М.: «Добросвет», «Книжный Дом «Университет», 1998^a.
- Смирницкий А.И.** Лексикология английского языка. –М.: Изд-во МГУ, 1998^b.
- Соломоник А.** Семиотика и лингвистика. –М.: «Молодая гвардия», 1995.
- Соссюр Ф. де.** Труды по языкознанию. –М.: «Прогресс», 1977.
- СРЯ – Современный русский язык.** Анализ языковых единиц. В 3-х ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология и фразеология. Словообразование / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, И.И. Щеболева; / Под ред. Е.И. Дибровой. –М.: «Просвещение»: «Владос», 1995.
- СРЯ – Современный русский язык.** Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. Л.А. Новикова. –СПб.: «Лань», 1999.
- Степанов Ю.С.** Семиотическая структура языка: (Три функции и три формальных аппарата языка) // –М.: Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 32, вып. 4., 1973.
- Степанова М.Д.** Словообразование современного немецкого языка (краткий очерк) // Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. / Под рук. М.Д.Степановой. –М.: «Русский язык», 1979.
- Степанова М.Д., Хельбиг Г.** Части речи и проблема валентности в современном немец-

Библиографический список

- ком языке. -М.: «Высшая школа», 1978.
- Степанова М.Д., Чернышева И.И.** Лексикология современного немецкого языка. -М.: Издательский центр «Академия», 2003.
- Стрекалова Е.С.** Когнитивная метафора в языке научной коммуникации // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. 21-22 октября 2003 г. -Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003.
- Сулейманова А.К.** Общедидактические принципы отбора специальной лексики в учебный терминологический словарь // «КВАЛИСЕМ-2000»: Сб. материалов заочной Интернет-конференции (ноябрь-декабрь 2000 г.). -Новосибирск: НГПУ, 2000.
- Суперанская А.В.** Род заимствованных существительных в современном русском языке // Вопросы культуры речи. Вып.6. -М., 1965.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.** Общая терминология: Вопросы теории. -М.: «Наука», 1989.
- Сусов И.П.** Космические мотивы в науке о языке и в философии языка // Тверской лингвистический меридиан: Вып. 1. -Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1998.
- Сусов И.П.** История языкознания. -Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1999. (<http://homepages.tversu.ru/~susov>).
- Толикина Е.Н.** Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. -М.: «Наука», 1970.
- Трахтеров А.Л.** Английская фонетическая терминология. -М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1962.
- Троцкий И.М.** Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля (антология текстов). -СПб.: «Алтейя», 1996.
- Трубачев О.Н.** Приёмы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. -М., 1988.
- Трубецкой Н.С.** К проблеме русского самопознания (гл. «Общеславянский элемент в русской культуре») // История. Культура. Язык. -М.: «Прогресс», 1995.
- Трубецкой Н.С.** Основы фонологии. -М.: «Аспект-Пресс», 2000.
- Успенский Б.А.** История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. -М.: «Аспект Пресс», 2002.
- Уфимцева А.А.** Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики). -М.: «Наука», 1986.
- Федюченко Л.Г.** О фреймовом характере термина // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. -Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003.
- Феоклистова В.М.** Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70–90-х гг. XX века: АКД. -Тверь, 1999.
- Фефилов А.И.** Методологические основы конфронтативной лингвистики// Учёные записки Ульяновского государственного университета. Сер. Лингвистика / Вып.2(3). Актуальные проблемы конфронтативной, трансляционной лингвистики и сравнительной филологии. -Ульяновск, 1998.
- Филин Ф.П.** О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. -М.-Л., 1963.
- Филичева Н.И.** Немецкий литературный язык. -М.: «Высшая школа», 1992.
- Флекенштейн К.Ф.** Кальки по немецкой модели в современном русском литературном языке: АД. -М., 1963.
- Хабургаев Г.А.** Заимствование как проблема лексикографии и исторической лексикографии русского языка // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. – 1989. - №4.
- Хаустова Ю.** Русская лексикография: Прошлое, настоящее, будущее // Народное образование, № 2, 2001.
- Холодович А.А.** О «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. -М.: «Прогресс», 1977.
- Холшевников В.Е.** Основы стиховедения. Русское стихосложение. 4-е изд., испр. и доп.

Библиографический список

- СПб.: Филологический факультет СПБГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2002.
- Хохлачева В.Н.** К соотношению номинативных свойств существительных и образования терминов // Терминология и культура речи. —М.: «Наука», 1981.
- Цахер О.Х.** Фонетика немецкого языка (теоретический курс). —Л.: Учпедгиз, 1960.
- Цвиллинг М.Я.** О некоторых принципах составления переводных словарей // Тетради переводчика. Вып. 20. / Под ред. Л.С. Бархударова. —М.: «Высшая школа», 1983.
- Циткина Ф.А.** Сопоставительное терминоведение: теоретические вопросы и приложения // Вопросы языкознания, № 4, 1987.
- Чаковская М.С.** Взаимодействие стилей научной и художественной литературы: (На материале германских языков). —М.: «Высшая школа», 1990.
- Чекалова Е.И.** Из истории римской лексикографии (о характере словаря Веррия Флакка) // Язык и стиль античных писателей. —Л., 1966.
- Черданцева Т.З.** (рец.) Будагов Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов (1989) // Вопросы языкознания, № 1, 1991.
- Чернышева М.И.** Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славяно-русских переводах с греческого языка // Вопросы языкознания, № 2, 1984.
- Шаляпина З.М.** Словарь как единая форма организации формализованного лингвистического описания // Abstracts der Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. XIV. Internationaler Linguistenkongreß, Berlin, 10.–15. August 1987. —Berlin: Herausgeberkomitee, 1987.
- Шанский Н.М.** Лексикология современного русского языка. —М., 1964.
- Шанский Н.М.** Лингвистические детективы. —М.: «Дрофа», 2002.
- Шатуновский И.Б.** Описание и объяснение. Виды и принципы семантических описаний/объяснений // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. II. —М.: «Филология», 1995.
- Шведова Н.Ю.** Парадоксы словарной статьи // Н.Ю. Шведова о лексикографии // Отечественные лексикографы. XVIII–XX века. / Под ред. Г.А. Богатовой —М.: «Наука», 2000.
- Шелов С.Д.** Номенклатура и терминология // Русское языкознание. Вып. № 8, 1984.
- Шелов С.Д.** О лингвистическом измерении понятийного содержания термина // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. II. —М.: «Филология», 1995.
- Шелов С.Д.** Родовидовые определения и родовидовая иерархия терминологических понятий (на материале определений лингвистических терминов) // Вопросы языкознания, № 6, 1996.
- Шелов С.Д.** О некоторых проблемах терминоведения: опыт вопросов и ответов // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» 13–16 марта 2001 г.: Сб. тезисов. —М.: Изд-во МГУ, 2001.
- Шипицына Г.М.** Аспекты системного анализа лексических единиц различных языков // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» 13–16 марта 2001 г.: Сб. тезисов. —М.: Изд-во МГУ, 2001.
- Шкатова Л.А.** Различные степени терминологизации наименований лиц // Современные проблемы русской терминологии. / Под ред. В.П. Даниленко. —М.: «Наука», 1986.
- Шмелев Д.Н.** Современный русский язык. Лексика. —М.: «Просвещение», 1977.
- Штейлинг Д.А.** Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. —М.: «МГИМО», «ЧеРо», 1996.
- Шубик С.А.** Латинский язык в Германии Раннего Средневековья // Colloquia classica et indo-europeica. II. —СПб.: «Алетейя», 2000.
- Щерба Л.В.** Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. —М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1955.
- Яйленко В.П.** Общность коммуникативной и социальной терминологии архаической Греции и раннего Рима: историко-лингвистический аспект // Вестник древней истории, № 3, 1993.
- Якобсон Р.О.** Лингвистика и поэтика // Структурализм: «За» и «против». —М.: «Про-

- гресс», 1975.
- Якобсон Р.О.** О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. –М.: «Международные отношения», 1978.
- Якобсон Р.О.** Речевая коммуникация // Избранные работы. –М.: «Прогресс», 1985.
- Ярцева В.Н.** Развитие национального литературного английского языка. –М.: «Наука», 1969.
- Ярцева В.Н.** Научно-техническая революция и развитие языка // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. –М.: «Наука», 1977.
- Auroux S.** La révolution technologique de la grammatisation. –Mardaga, Liège, 1994.
- Baudusch R.R.** «Artikel» oder «Geschlechtswort»? Zur Frage der deutschen grammatischen Terminologie // «Sprachpflege», Nr. 7, 1971.
- Bergenholtz H., Kaufmann U.** Terminography and Lexicography / A Critical Survey of Dictionaries from a Single Specialized Field // Hermes: Journal of Linguistics, No. 18, 1997.
- Bond A.** German Loanwords in the Russian Language of the Petrine Period. –Bern: Herbert Lang, 1974.
- Brinker K.** Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. 3/Aufl. –Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1992.
- Cohen M.** Histoire d'une langue: Le français. –Paris, 1975.
- Drozd L., Seibicke W.** Deutsche Fach- und Wissenschaftssprache. –Wiesbaden: Brandstetter Verlag, 1973.
- DWG – Deutsche Wortgeschichte I.** Hrsg. v. F. Maurer & H. Rupp. –Berlin (West)/NY, 1974.
- Eöry V.** Terminologische Probleme auf dem Grenzgebiet der Linguistik und Poetik // Abstracts der Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. XIV. Internationaler Linguistenkongreß, Berlin, 10.–15. August 1987. –Berlin: Herausgeberkomitee, 1987.
- Fleckenstein Ch.** Zur Rolle der Lehnbildung für die Bereicherung der russischen Sprache // Abstracts der Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. XIV. Internationaler Linguistenkongreß, Berlin, 10.–15. August 1987. –Berlin: Herausgeberkomitee, 1987.
- Fleischer W.** Zur linguistischen Charakterisierung des Terminus in Natur- und Gesellschaftswissenschaften // «Deutsch als Fremdsprache», H. 4, 1973.
- Fleischer W.** Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 3. überarb. Aufl. –Leipzig, 1974.
- GDS – Geschichte der deutschen Sprache.** Verfaßt v. einem Autorenkollektiv unter Leitung v. W Schmidt. 4. Aufl. –Berlin: Volkseigener Verlag «Volk und Wissen», 1983.
- Grammaire Larousse du XXe Siècle.** –Paris: «Librairie Larousse», 1936.
- Huettl-Worth G.** Foreign Words in Russian. A Historical Sketch, 1550–1800. –Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1963.
- Humbley J.** Is terminology specialized lexicography? The experience of French-speaking countries // Hermes: Journal of Linguistics, No. 18, 1997.
- Karpova O., Averboukh K.** Terms in Literary Discourse with Special Reference to Shakespeare. //The 13-th European Symposium on Language for Special Purposes “Porta Scientiae”, August 20–24. Vaasa, 2001.
- Klaus G.** Moderne Logik. 7. Aufl. –Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1973.
- Lardinois Fr.** The Changes in the English Language during the Renaissance, 1997. (<http://www.geocities.com/CollegePark/Union/8415/all1.html>).
- Lipka L.** Metaphor and Metonymy as Productive Processes on the Level of the Lexicon // Abstracts der Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. XIV. Internationaler Linguistenkongreß, Berlin, 10.–15. August 1987. –Berlin: Herausgeberkomitee, 1987.
- Maidahl Chr., Lisbet/Duvå, Grete/Laursen A.** Das Translationswörterbuch für Fachsprachen. Ein integriertes Konzept // Burkhard Schaeder/Henning Bergenholz (Hrsg.): Das Fachwörterbuch. Fachwissen und seine Repräsentation in Wörterbüchern. –Tübingen: Günter Narr Verlag, 1994.
- Paul H.** Prinzipien der Sprachgeschichte. 5. Aufl. –München, 1920.
- Picht H.** Leksikografi – Terminografi // Nordisk terminologikursus 2. Bind 1, 1985.
- Picht H.** Grænseflader mellem terminologi og vidensteknik // Bertha Toft (Hrsg.): Proceee-

- dings af 2. nordisk symposium om Terminologi EDB & Vidensteknik. Kolding, 1992.
- Pontes E.** Metaphors in the Lexicon? // Abstracts der Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. XIV. Internationaler Linguistenkongreß, Berlin, 10.–15. August 1987. –Berlin: Herausgeberkomitee, 1987.
- Rey A.** Définition de la terminologie en tant que discipline linguistique autonome: état de la question // Actes du sixième colloque international de terminologie. Pointe-au-Pic (Québec) du 2 au 7 octobre 1977. –Québec, 1979.
- Richter E.** Fremdwortkunde. –Leipzig, 1919.
- Riggs Fred W.** Terminology and Lexicography: Their Complementarity // International Journal of Lexicography 2, 1989.
- Roald J.** Leksikografi og terminologi: en sammenligning // Tove Jacobsen/Jan Roald (eds.): Flerspråklig leksikografi og terminologi. Seminarrapport Bergen 22.–23. mai 1987. –Bergen: Universitetet i Bergen, 1987.
- Schippa T.** Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. –Tübingen: Niemeyer, 1992.
- Tarski A.** The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics // Philosophy and Phenomenological Research 4. –Berkley: University of California, 1944.
- Täubner L.** Eine Stadt in der Niederlausitz: Calau. –Cottbus: Euroverlag GmbH, 1994.
- Ullmann S.** Semantic universals // Universals of language. 2nd ed. –Cambridge., 1966.
- Unbegaun B.** Le calque dans les langues slaves littéraires // Revue des Etudes slaves, tome XII, fasc. 1–2, 1932.
- Vlahović P.** Approche à l'analyse sémantique des termes linguistiques // Abstracts der Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. XIV. Internationaler Linguistenkongreß, Berlin, 10.–15. August 1987. –Berlin: Herausgeberkomitee, 1987.
- Zhu J.** Morphologie, Semantik und Funktion fachsprachlicher Komposita. –Heidelberg, 1987.

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ*

- АРСЛС – Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике.** Изд. 2-е./ А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Н. Михайлов, П.Б. Паршин, О.И. Романова. –М.: «Азбуковник», 2001.
- БНРС – Большой немецко-русский словарь.** В 3-х т. / Под рук. О.И. Москальской. Т. I А-К. –М.: «Русский язык», 1998.
- Вейсман А.Д.** Греческо-русский словарь. Репринт 1899 г. –М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991.
- Воронков А.И., Поняева Л.П., Попова Л.М.** Латинское наследие в русском языке: Словарь-справочник. –М.: «Флинта»: «Наука», 2002.
- ГС – Дурново Н.Н.** Грамматический словарь (Грамматические и лингвистические термины). / Под ред. О.В. Никитина. –М.: «Флинта»: «Наука», 2001.
- Дворецкий И.Х.** Древнегреческо-русский словарь. В 2-х тт. –М.: ГИС, 1958.
- Дворецкий И.Х.** Латинско-русский словарь. 2-е изд. –М.: «Русский язык», 1976.
- КЛС – Потапов В.В.** Краткий лингвистический справочник. Языки и письменность. –М.: «Метатекст», 1997.
- КСЛТ – Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.** Краткий словарь лингвистических терминов. –М.: «Русский язык», 1995.
- КССРЯ – Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А.** Краткий справочник по современному русскому языку. / Под ред. П.А. Леканта. Изд. 2-е, испр. и доп. –М.: «Высшая школа», 1995.
- ЛС – Лингвистический словарь.** Французский – английский – русский – кхмерский. / Под общ. ред. проф. Ю.Н. Марчука и Со Муй Кхеанга. –М.: «Центр искусственного интеллекта», 1991.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь.** / Под ред. В.Н. Ярцевой. –М.: «Советская энциклопедия», 1990.

* **Полужирным** шрифтом в начале строки даются встречающиеся в тексте работы сокращения для соответствующих источников.

Библиографический список

- Любкер Ф.** Реальный словарь классических древностей. В 3 томах. Т. 2. –М.: «Олма-Пресс», 2001.
- НБАРС – Новый Большой англо-русский словарь.** В 3-х т. / Под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Агресяна. Т. I А-Ф. –М.: «Русский язык», 1993.
- Ожегов С.И.** Словарь русского языка. 17-е изд., стереотип. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. –М.: «Русский язык», 1985.
- ОПЛТ – Немченко В.Н.** Основные понятия лексикологии в терминах. Учебный словарь-справочник. –Нижний Новгород: Изд-во НГУ им. Н. И. Лобачевского, 1994.
- ОПФТ – Немченко В.Н.** Основные понятия фонетики в терминах. Учебный словарь-справочник. –Нижний Новгород: Изд-во НГУ им. Н. И. Лобачевского, 1993.
- ОСЛТ – Куликова И.С., Салмина Д.В.** Обучающий словарь лингвистических терминов. –М.: «Наука», «Сага», «Совпадение», 2004.
- ПС – Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. –М.: «Дрофа», 1998.
- РАС – Русско-английский словарь.** Изд. 16-е, испр. / Под общ. рук. А.И. Смирницкого. –М.: «Русский язык», 1991.
- РНС – Русско-немецкий словарь.** Изд. 10-е, испр. и доп. / Под ред. К. Лейна. –М.: «Русский язык», 1989.
- Руднев В. П.** Словарь культуры XX века. –М.: «Аграф», 1997.
- СА – Словарь античности.** –М.: «Прогресс», 1989.
- САЛТ – Хэмп Э.** Словарь американской лингвистической терминологии. –М.: «Прогресс», 1964.
- СИС – Словарь иностранных слов.** 18-е изд. –М.: «Русский язык», 1989.
- СЛИТ – Словарь литературоведческих терминов.** / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В.Тураев. –М.: «Просвещение», 1974.
- СЛТ₁ – Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. –М.: «Эдиториал УРСС», 2004.
- СЛТ₂ – Марузо Ж.** Словарь лингвистических терминов. –М.: Изд-во иностр. лит., 1960.
- СЛТ₃ – Назарян А.Г.** Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии. –М.: «Высшая школа», 1989.
- ССЛТ – Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. –М.: ООО Изд-во «Астрель», ООО Изд-во «АСТ», 2001.
- ССЭНЯ – Словарь словообразовательных элементов немецкого языка.** / Под рук. М.Д. Степановой. –М.: «Русский язык», 1979.
- СФОМТ – Иванов А.В.** Словарь фонетико-метрической терминологии (латинский, древнегреческий, русский, английский, немецкий, французский) («Terminorum phoneticorum et metricorum dictionarium»). –М.: «Academia», 2005.
- СФТ – Бернштейн С.И.** Словарь фонетических терминов. –М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.
- СЭПТ – Исаев М.И.** Словарь этнолингвистических понятий и терминов. 3-е изд. –М.: «Флинта», «Наука», 2003.
- СЭС – Советский энциклопедический словарь.** 4-е изд., испр. и доп./Гл. ред. А.М.Прохоров. –М.: «Советская энциклопедия», 1989.
- ТТПЛ – Никитина С.Е.** Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (Автоматическая обработка текста). –М.: «Наука», 1978.
- УССГТ – Максимов В.И., Одеков Р.В.** Учебный словарь-справочник русских грамматических терминов (с английскими эквивалентами). –СПб.: «Златоуст», 1998.
- УССР – Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. –М.: «Флинта»: «Наука», 2003.
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 3-е изд. –СПб.: «Терра-Азбука», 1996.
- ФРСАТ – Французско-русский словарь активного типа.** / Под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. –М.: «Русский язык», 1998.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь.** –М.: «Советская энциклопедия», 1983.
- Черных П.Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. –

- М.: «Русский язык», 1993.
- ЭРЯ – Русский язык. Энциклопедия.** / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. –М.: «Большая Российская энциклопедия»; «Дрофа», 1998.
- Юшманов Н.В.** Элементы международной терминологии: Словарь-справочник. / Под ред. Т.Л. Канделаки. –М.: «Наука», 1968.
- Dictionnaire du français contemporain illustré.** –Beyrouth: «Librairies Antoine», 1987.
- DL – Pei M., Gaynor Fr.** A Dictionary of Linguistics. –NY: Philosophical Library, 1954.
- DS – Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie.** –Leipzig: VEB «Bibliographisches Institut», 1983.
- DUDEN:** Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Edition: 3. – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2000.
- DUDEN:** Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. (Band 7). 3. Aufl. Hrsg. von der Dudenredaktion. –Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2001.
- Hoad T.F.** Concise Dictionary of English Etymology. –Oxford/NY: Oxford University Press, 1996.
- Hornby A.S.** Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. –Oxford: Oxford University Press – Moscow: Russian Language Publishers, 1982.
- Köbler G.** Neuhochdeutsch-altenglisches Wörterbuch, 2006.
- NEW WEBSTER – New Webster's Dictionary of the English Language.** College Edition. – Delhi: «Surjeet Publications», 1989.
- Paul H.** Deutsches Wörterbuch. 7. Aufl. –Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1960.
- Picoche J.** Dictionnaire étymologique du français. –Paris: Le Robert, 1992.
- Wahrig G.** Deutsches Wörterbuch. *Mit einem «Lexikon der deutschen Sprachlehre».* – München: Mosaik Verlag GmbH, 1989.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I. Лингвистический статус метаязыка в современном языкоznании	7
1.1. Определение понятия и структуры метаязыка лингвистики. Принятые термины	7
1.2. К проблеме онтологических признаков метаязыка лингвистики	11
1.3. Функции языка-объекта и метаязыка	15
1.4. Метаязык vs. естественный язык?	17
1.5. Логический аспект метаязыка	21
1.6. К проблеме унификации и стандартизации метаязыка лингвистики	23
1.7. Перспективы развития метаязыка лингвистики	25
ГЛАВА II. Становление и развитие метаязыка европейского языкоznания (диахронический аспект).....	29
2.1. Древнегреческий язык как основа метаязыка и источник понятийного аппарата европейской лингвистики	29
2.2. Латинский язык как основа метаязыка и источник понятийного аппарата европейской лингвистики.....	38
2.3. Русский язык как реципиент греко-латинской лингвистической терминологии	55
2.4. Английский язык как реципиент греко-латинской лингвистической терминологии	68
2.5. Немецкий язык как реципиент греко-латинской лингвистической терминологии	76
2.6. Французский язык как реципиент греко-латинской лингвистической терминологии	84
2.7. Общие выводы	93
ГЛАВА III. Терминологическая номинация и вопросы терминообразования... 100	
3.1. Определение понятия «термин»	100
3.2. Лингвистический статус термина	100
3.3. Определение признаков термина	109
3.4. Функции термина как конституирующего элемента терминологической системы	133
3.5. Терминология vs. номенклатура?.....	136
ГЛАВА IV. Описание системы, структуры и семантики терминов фонетики и метрики..... 141	
4.1. Системный аспект исследования фонетико-метрической терминологии ...141	
4.2. Структурно-типологический аспект исследования единиц фонетико-метрической терминологии149	
4.2.1. Критерии морфологического анализа однословных терминологических единиц	149
4.2.2. Морфологический анализ однословной терминологии фонетики и метрики.....	155
4.2.3. Общие выводы.....	176
4.2.4. Структурные мотивационные признаки в сфере номинаций фонетики и метрики	178
4.2.5. Структурный анализ составной терминологии фонетики и метрики185	
4.2.6. Общие выводы.....	194
4.3. Семантический аспект исследования фонетико-метрической терминологии	195

4.3.1. Семантические мотивационные признаки в сфере номинаций фонетики и метрики	195
4.3.2. Метафоризация в терминологическом пространстве фонетики и метрики	213
4.3.3. Метонимизация в терминологическом пространстве фонетики и метрики	218
4.3.4. Стилистические особенности номинаций в терминологическом пространстве фонетики и метрики.....	220
4.3.5. Синонимические процессы в сфере терминологических номинаций фонетики и метрики	221
4.3.6. Конверсионно-омонимические процессы в сфере терминологических номинаций фонетики и метрики.....	234
4.3.7. Полисемия.....	238
4.3.8. Способы пополнения терминологического аппарата фонетики и метрики в исследуемых языках	241
ГЛАВА V. Лексикографическое описание единиц фонетико-метрической терминосистемы.....	263
5.1. Лексикографический аспект терминологической номинации	263
5.2. Фонетико-метрическая терминология как объект описания в специализированном терминологическом словаре	269
5.2.1. Принципы отбора терминов для словаря фонетико-метрической терминологии (СФОМТ)	269
5.2.2. Особенности макроструктуры СФОМТ	276
5.2.3. Особенности микроструктуры СФОМТ	280
5.2.4. Особенности описания семантики терминов в СФОМТ	297
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	306
SUMMARY	319
ZUSAMMENFASSUNG.....	320
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	321

Научное издание

ИВАНОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**МЕТАЯЗЫК
ФОНЕТИКИ И МЕТРИКИ**

Монография

Директор издательского центра В.П. Базаркина
Начальник редакционного отдела И.М. Кудрявина

Издано в авторской редакции

Компьютерный набор А.В. Иванова

Подписано в печать 21.06.2004. Бумага писчая.

Гарнитура Georgia. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$.

Усл. печ. л. 19,8. Уч.-изд. л. 25,1. Тираж 500 экз. Заказ № 1270.

Издательский центр Поморского университета
163002 Архангельск, пр. Ломоносова, 6
E-mail: publish@pomorsu.ru

Отпечатано с предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Северодвинская типография»
164521 Северодвинск, ул. Южная, 5

